ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Кафедра геоэкологии и природопользования

И. А. Ильиных

Экологическая этика

Учебное пособие

Горно-Алтайск, 2009

Печатается по решению методического совета
Горно-Алтайского госуниверситета

ББК – 20.1+87.75
Авторский знак – И 46

Ильиных И.А. Экологическая этика : учебное пособие. – Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2009. – 434 с.

Рецензенты:

Важов В. М., доктор сельскохозяйственных наук, профессор Бийского государственного педагогического университета им. В.М. Шукшина, академик РАЕН.

Мананкова Т. И., кандидат географических наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета.

Пособие включает в себя учебные материалы по дисциплине «Экологическая этика» для студентов 3 курса, обучающихся по специальности «Природопользование». Представляет собой органически связанное с учебно-методическим комплексом по экологической этике учебное пособие, которое построено таким образом, чтобы у студентов могло сформироваться собственное отношение к изучаемым темам, благодаря большому количеству оригинальных текстов, вопросов для размышления и практическим работам.

Для студентов и аспирантов. Может быть полезно в качестве источника информации для всех, кого беспокоят нравственные проблемы взаимодействия человека с миром в целом и миром природы в частности.

© Ильиных И.А., 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие…….... 8

Часть 1. Связь экологии, этики и экологической этики……. 10

Занятие 1. Введение в экологическую этику…… **10**

Практическая работа…….. 10

Информация для размышления…… 11

Гусейнов А.А. Этика…….. 11

Гусейнов А.А. Размышления о прикладной этике…….. 25

Ильиных И.А. Экологическая этика – синтетическая сфера знания, помогающая человеку установить гармоничные отношения с окружающим миром …… 33

Мантатов В.В. Предмет экологической этики: природные и человеческие ценности……... 36

Вопросы для размышления……... 44

Занятие 2. Идеал экологической этики…… **44**

Информация для размышления…… 45

Ильенков Э.В. Идеал…….. 45

Идеал…… 47

Афоризмы об идеалах…… 47

Брюсов В. Идеал……. 49

Апресян Р. Высшее благо. Добро и благо. Идеал……... 50

Ильиных И.А. Идеальный образ отношений «человек-природа»…….. 60

Практическая работа…….. 64

Вопросы для размышления……... 64

Занятие 3. Добро и зло – базовые категории этики. Экологоэтические дилеммы…… **65**

Информация для размышления…… 65

Добро и зло…….. 65

Место добра и зла в категориях этики…….. 67

Практическая работа…….. 77

Вопросы для размышления……... 77

Часть 2. Предпосылки возникновения и история развития идей экологической этики……. 78

Занятие 4. Системный кризис цивилизации – результат мировоззренческого кризиса……... **78**

Практическая работа…….. 78

Информация для размышления…… 78

Лайтман М. Кризис и его решение……... 78

Психологические кризисы……. 85

Сухонос С.И. Кризис западного мировоззрения: человечество без будущего…… 90

Вопросы для размышления……... 98

Занятие 5. История развития и основные направления экологической этики…… **99**
Практическая работа…….. 99
Информация для размышления…… 99
Борейко В.Е. Прорыв в экологическую этику (отрывок)….. 99
Вопросы для размышления……... 117

Занятие 6. Экологическая этика в философских учениях различных эпох…… **118**
Практическая работа…….. 118
Информация для размышления…… 118
Павлова Т.Н. Исторический характер этики и биоэтики…… 118
Вопросы для размышления……... 131

Занятие 7 . Экологическая этика в религиозных воззрениях…… **131**
Практическая работа…….. 132
Информация для размышления…… 132
Павлова Т.Н. Религии и животные……... 132
Содоноков Н.А. Язычество (отрывок)…….. 145
Коротенко В., Домашов И., Постнова Е., Кириленко А. Экологическая этика или разговор об истоках…… 146
Вопросы для размышления……... 151

Часть 3. На пути к новому типу отношений «человек-природа»…….. 151
Занятие 8. Физическое и духовное единство мироздания…… 151
Практическая работа…….. 151
Информация для размышления…… 151
Ильиных И.А. Идея единства мира как основа экологического мировоззрения……. 151
Тихоплав В.Ю., Тихоплав Т.С. Кардинальный поворот (отрывок)…….. 156
Стрельцова Л.В. Закон единства всего сущего (отрывок)….. 162
Философия всеединства Вл. Соловьева. Учение о Софии…. 164
Томилин К.А. Вокруг трепещет пульс вселенной: А.Л.Чижевский (конспект)……. 167
Вопросы для размышления……... 175

Занятие 9. Устройство и сущность человека, его неразрывное единство с мирозданием…… **176**
Практическая работа……. 176
Информация для размышления…… 176
Душа…… 176
Рамачарака Основы миросозерцания индийских йогов……. 178
Лоргус А. Православная антропология (отрывок)…….. 186

Будза А. Арт-терапия: йога внутреннего художника (отрывок)…… 196
Шри Ауробиндо Человек…….. 199
Вопросы для размышления……... 200

Занятие 10. Сознание человека и других существ…….. **200**
Практическая работа…….. 200
Информация для размышления…… 201
Смысловое наполнение слова сознание……... 201
Понятие сознания в психологии……... 201
Сознание с точки зрения физики…….. 201
Сознание…….. 202
Ильиных И.А. Сознание человека – сознание окружающего мира: взаимосвязь и взаимообусловленность…….. 204
Лермонтов В. Сила поющего сердца. Сокровенные истории (отрывок)…….. 209
Белимов Г.С. Сознание в живой природе и экологическая этика……. 213
Ришар М. Францизск Ассизский и волк…….. 215
Проявление сознания в растениях…… 215
Немецкие ученые исследуют память и сознание растений… 219
Пушкин В.Н. Цветок отзовись!..... 222
Андреев Д. Роза мира (отрывок)……... 228
Вопросы для размышления……... 235

Занятие 11. Ощущения и чувства…… **235**
Информация для размышления…… 235
Теплов Б.М. Психология ощущений (отрывок)…….. 235
Чувство-чувства-общее чувство…… 241
Ильиных И.А. Ощущения и чувства……. 243
Меркулов А. Органы чувств в растительном царстве…… 248
Практическая работа…….. 252
Вопросы для размышления……... 252

Занятие 12. Высшие чувства и состояния сознания…… **252**
Информация для размышления…… 253
Любовь……. 253
Кэрролл Ли Четыре признака чистой люби……. 264
Лосский Н.О. Условия абсолюного добра. (отрывок)…… 265
Чопра Д. Путь волшебника (отрывок)…….. 279
Ошо Синь-синь-мин: книга ни о чем (отрывок)…….. 284
Рамта Белая книга (отрывок)…… 288
Бердяев Н. Самопознание (отрывок)…… 294
Салара Как жить большой жизнью на маленокой планете: путеводитель по незримому(отрывок)…….. 294
Ильиных И.А. Эстетический аспект экологической этики… 295

Хаям О. Сад истин (отрывок)…… 299
Практическая работа…….. 302
Вопросы для размышления……... 302

Занятие 13. Эволюция экологического сознания…….. **302**
Информация для размышления…… 303
Ильиных И.А. Сущность и типы экологического сознания... 303
Павлова Т.Н. История возникновения мировоззрения, оправдывающего потребительское отношение к природе…… 305
Дерябо С.Д. Экологическое сознание…….. 308
Карпенко Е.И. Сущность и тенденции современного экофеминизма…….. 319
Вопросы для размышления……... 325

Занятие 14. Самостоятельная ценность природы. Природоохранная этика…… **325**
Информация для размышления…… 326
Ильиных И.А. Основания абсолютной ценности природы… 326
Борейко В. Внутренняя и идеальные ценности дикой природы…….. 328
Борейко В. Дикая природа: любите или не приближайтесь... 331
Кэлликотт Б. Природоохранные ценности и этика……. 355
Вопросы для размышления……... 380

Занятие 15. На пути к новому экологическому сознанию, мировоззрению и мироустройству…… **381**
Информация для размышления…… 381
Ильиных И.А. На пути к новому экологическому мировоззрению…… 381
Совет живых существ…… 384
Леопольд О. Календарь песчаного графства (конспект)…… 388
Ильиных И.А. Связь сознания, мировоззрения и чувств в контексте взаимодействия «я – это ты»…… 392
Лесков Л.В. Этика ноосферной трансформации……. 397
Алтфилд Р. Этика экологической ответственности…… 404
Капра Ф. Паутина жизни (отрывок)…….. 409
Формэн Д. Ставлю землю на первое место…….. 417
Марков Ю.Г. Экологическая культура и образование…… 422
Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Сущность ноосферной (духовно-экологической) цивилизации…... 431
Вопросы для размышления……... 433

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этика – практическая философия. Философия – (любовь к мудрости) особая форма познания мира, вырабатывающая систему знаний о фундаментальных принципах и основах человеческого бытия, о наиболее общих сущностных характеристиках человеческого отношения к природе, обществу и духовной жизни во всех ее основных проявлениях. Необходимость философского познания мира диктуется реальными потребностями в поиске новых мировоззренческих ориентиров, регулирующих человеческую деятельность. Экологическая этика – новая сфера человеческой активности, основанной на новом мировоззрении, появившемся в результате открытия новых знаний и нового отношения человека к миру, или другими словами, экологическая этика – это действия человека по отношению к природе в частности и окружающему миру в целом, основанием которых является мудрость.

Долгое время человеческая цивилизация смотрела на мир природы с точки зрения его использования для удовлетворения многочисленных потребностей человека, причем осуществлявшихся очень часто в ущерб природе. Издержки такого мировоззрения мы сейчас имеем в виде различных кризисов (экологического, демографического, психологического и т.п.), чтобы выйти из системы кризисов необходимо изменить экологическое мировоззрение общества и каждого отдельного человека.

В рамках старого мировоззрения природа – это бездушное не обладающее сознанием и не способное вступать с человеком ни в какие отношения существо. Человек даже и не задумывается о дереве, травинке, камне – он просто их использует. А между тем природа живет своей внутренней жизнью, она способна вступать с человеком в отношения и реагировать на проявления чувств, эмоций, переживаний. Сегодня существует необходимость открыться миру природы, начать учиться чувствовать ее, учиться гармонично взаимодействовать с ней, если уж не для нее, так для человека самого, для продления дней Homo sapiens на Земле. Выхода иного нет. Или мы вливаемся в жизнь природы и стараемся жить в гармонии с ней или человечество перестает существовать, третьего не дано.

Курс «экологическая этика» был введен в качестве учебной дисциплины для студентов, обучающихся по специальности «природопользование». Целью курса является *пробуждение сознания человека для взаимодействия с миром природы как с миром живых существ, обладающих сознанием, способных чувствовать других существ и человека и вступать в отношения с другими существами и человеком.*

Предлагаемая Вашему вниманию книга представляет собой материал для организации практических работ и семинарских занятий. Поэтому данное учебное пособие выстроено таким образом, чтобы помочь студентам осуществлять следующие задачи: проанализировать сущность этических идей Востока, Запада, России; выявить взаимосвязи этики и экологии; осуществить поиск новых идеалов в отношениях с природой и поиск возможности для их

реализации; осознать абсолютную самоценность природы; осмыслить научные, философские, религиозные знания, необходимые для формирования экологического мировоззрения; понять необходимость трансформирования «Эго-Я» в трансперсональное «Эко-Я».

Учебное пособие состоит из трех частей. Первая часть является вводной и помогает студентам понять связь экологии, этики и экологической этики; вторая часть помогает раскрыть предпосылки возникновения и проследить историю развития идей экологической этики; третья часть создает основания для того, чтобы понять необходимость выстраивания новых отношений человека и природы, развить новое экологическое мировоззрение, обнажить ту часть сознания человека, которая будет помогать по-новому воспринимать мир в целом, и мир природы в частности.

Каждое занятие содержит практическую работу, вопросы для размышления и информацию для размышления, которые помогают создать основания для собственной индивидуальной экологоэтической позиции по предложенной теме.

Данное учебное пособие оргнически связано с учебно-методическим комплексом по экологической этике, изданным РИО ГАГУ в 2008 году. Учебно-методический комплекс включает в себя: квалификационную характеристику и компетенции выпускника по специальности «Эколог-природопользователь»; рабочую программу дисциплины с технологической картой; тематику лекционного курса; методические указания к выполнению практических работ, вопросы к семинарам по трём темам; глоссарий; рекомендуемую литературу (основную и дополнительную); методические указания по самостоятельной работе студентов; темы рефератов и курсовых работ; контрольные вопросы, выносимые на зачёт; контрольно-измерительные материалы по модульно-рейтинговой системе оценки знаний.

Основной трудностью курса «экологическая этика» является внутренняя душевная переработка информации в согласии с собственной совестью – общение с совестью всегда очень болезненный процесс – в результате чего должно произойти изменение сознания и мировоззрения обучающегося, что может вступать в конфликт с доминирующим мировоззрением общества на первых этапах, когда нет четкой внутренней уверенности в правильности экологоэтических знаний и установок.

Изменение сознания и мировоззрения – процесс, который происходит на протяжении всей жизни человека, но важно какой вектор оно берет вначале жизненного пути, поэтому студенческие годы – время для закладывания осмысленных ориентиров, поэтому экологическая этика активно участвует в этом процессе и помогает создавать основы нового экологического мировоззрения. Экологическую этику можно назвать лабораторией по трансформации мировоззрения, где каждый размышляющий изменяя свое мировоззрение и сознание изменяет сознание и мировоззрение общества и таким образом меняет мир.

Автор-составитель
ilyinich@mail.ru

ЧАСТЬ 1. СВЯЗЬ ЭКОЛОГИИ, ЭТИКИ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭТИКИ

ЗАНЯТИЕ 1

ВВЕДЕНИЕ В ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ ЭТИКУ

Цель работы - очертить границы, в которых существует экологическая этика; определить задачи, которые она призвана решать; рассмотреть средства и методы, благодаря которым осуществляется решение экологоэтических задач.

ПРАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА

Задание 1. Чтобы представить область знания, которую называют *экологической этикой*, необходимо определить понятия *экология* и *этика*. Какие ассоциации возникают у Вас при упоминании этих слов?

экология *этика*

экологическая этика

Таким образом, *экологическая этика* это…….
……..
……..

Для чего необходима экологическая этика, как сфера знания и деятельности, и необходима ли она вообще?

Задание 2. Расшифруйте понятия экологической этики:

Пространство экологической этики……..
……..
……..
Объекты изучения экологической этики…….
……..
……..
Методы экологической этики……
……..
……..
Средства экологической этики……..
……..

……..
Экологическая этика как наука…….
……..
……..
Экологическая этика как мировоззрение…….
……..
……..
Экологическая этика как метод познания окружающего мира……..
……..
……..

<u>ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ</u>

ЭТИКА

А. А. Гусейнов

Этика – практическая философская наука о *морали* (*нравственности*). Как термин и особая систематизированная дисциплина Э. восходит к Аристотелю; впервые он встречается в названии всех трех его сочинений ("*Никомахова этика*", "Эвдемова этика", "Большая этика"), посвященных проблемам нравственности, и несет в них основную содержательную нагрузку. В последующем Э. – также остается одним из типичных названий философских произведений (например, "*Этика, или Познай самого себя*" Абеляра, "Этика" Спинозы, "Этика" Н. Гартмана) и становится общепринятым обозначением учебной дисциплины. Аристотель говорил об Э. в трех смыслах: как об этической теории, этических книгах, этической практике (см. Вторая Аналитика. Кн. 1, гл. 33-98 в; Политика. Кн. 2, гл. 5-1261 а; Большая этика. Кн. 1, гл. 1, 1181 в; Риторика. 1356 а). Понятие "этический", от которого происходит Э., образовано Аристотелем на основе слова "*этос*", обозначавшего некогда привычное место обитания, а потом уже просто привычки, нрав, характер, темперамент, обычай. Оно выделяло тот особый срез человеческой реальности (определенный класс индивидуальных качеств, соотнесенных с определенными привычными формами общественного поведения), который составляет предметную область Э. По аналогии с термином "этический" и для его точного перевода Цицероном с прямой ссылкой на Аристотеля было образовано слово "моральный" (moralis); он говорит о моральной философии (О судьбе, 1,1.). В последующем от прилагательного "моральный" возникает существительное "мораль" (moralitas), которое и является латинским эквивалентом термина "этика". В некоторых европейских языках появляются дополнительные собственные термины, являющиеся аналогами древнегреческого слова "Э." и латинского слова "мораль" – например, "нравственность" в русском, "Sittlichkeit" в немецком. Три термина, по происхождению и этимологическому содержанию обозначающие одно и то же,

приобретают в истории культуры смысловые различия. В частности, сложившаяся учебно-академическая традиция понимает под Э. по преимуществу область знания, а под моралью (или нравственностью) ее предмет. В общественном опыте и живом языке такое разграничение до настоящего времени не закрепилось. Так, напр., в русском языке нет устойчивых словосочетаний, где слова "этика", "мораль", "нравственность" не были бы взаимозаменяемыми, хотя и есть смысловые контексты, когда чувство языка требует отдавать предпочтение какому-то одному из них (например, "мораль сей басни такова", "нравственные принципы", "этика учителя").

Непосредственное выделение этики как особого аспекта философии в европейском культурном регионе связано с открытием софистов, согласно которому установления культуры существенно отличаются от законов природы. Софисты обнаружили, что законы, обычаи, нравы людей изменчивы и разнообразны. В отличие от необходимости природы, которая везде одна и та же, они являются случайными и произвольными. Встала проблема сопоставления различных законов, нравов, выбора между ними, такого их обоснования, которое стало бы вместе с тем и их оправданием. Необходимо было показать, что общественные нравы не только по традиции считаются, но и по существу могут быть прекрасными и справедливыми. Сократ поставил знак равенства между совершенством человека, его добродетелью и знанием. Его ученик Платон пошел дальше: для того, чтобы придать новую легитимность нравам и институтам полиса, необходимо познать идею блага и руководствоваться этим знанием, доверив управление обществом философам-мудрецам.

По мнению Аристотеля, отождествление добродетели с науками было ошибкой. Целью Э. являются не знания, а поступки, она имеет дело не с благом самим по себе, а с осуществимым благом. Тем самым Э. как практическая философия была отделена от теоретической философии (метафизики). Исходным пунктом Э. являются не принципы, а опыт общественной жизни, в ней поэтому нельзя достичь той степени точности, которая свойственна, например, математике; истина в ней устанавливается "приблизительно и в общих чертах".

Зенон из Кития и Эпикур разделяли философию на логику, физику и этику, следуя в этом традиции, восходящей к Академии Платона. Некоторые среди древних сводили философию к двум или к одной части (так, стоик Аристон отождествлял ее с одной Э.). Однако своеобразию философского знания соответствует трехчастное деление, которое в известном смысле вслед за Кантом можно считать исчерпывающим. Секст Эмпирик приводит три аналогии, которые образно представляли строение философии. Одни сравнивали ее с садом, в котором растущие растения – физика, плоды – Э., крепкая ограда – логика. Другие считали, что философия похожа на яйцо, где желток (или зародыш) – Э., белок – физика, скорлупа – логика. Каждая из частей (или аспектов) философии могла занимать первое место, быть основополагающей. Однако превалирующей в послеаристотелевской философии стала т.з., согласно которой в этой взаимосвязанной триаде

решающей была природа. Упорядоченный, разумно организованный космос рассматривался в качестве плодоносящей почвы Э. Существенно новым по сравнению с Платоном и Аристотелем в такой постановке вопроса было то, что Э. эмансипировалась от политики, и нравственное совершенство человека не ставилось в связь и зависимость от совершенства общественной жизни. Посредствующую роль между индивидом и добродетелью, которую играл полис, в рамках нового понимания предмета Э. стала играть философия. Отсутствие душевных тревог и телесных страданий, составляющих цель Э. Эпикура, достигаются через правильное понимание удовольствий и разумное просвещение, освобождающее от страхов. Философия – вот единственный путь к счастью, открытый и молодым, и старым (см. *Эпикуреизм*). Путь к стоической *апатии* и скептической атараксии также лежит через философию, знания (см. *Скептицизм*). Где философия – там мудрец. Мудрец, образ которого наиболее полно разработан в Э. *стоицизма*, предстает как воплощенная *добродетель*. Прецедент мудреца является обоснованием морали (как говорили стоики, доказательством существования добродетели являются успехи, сделанные в ней Сократом, Диогеном, Антисфеном), и Э. выступает не в безличной строгости логических формул, а в образцовых примерах, утешениях и увещеваниях, обращенных к отдельному человеку. Мудрец умеет быть выше страданий, судьбы и обстоятельств, живет во внутреннем согласии с собой и природой в целом. Его домом и полисом является космос в целом, он – космополит. Мудрец ориентирован на благой промысел мирового разума.

Духовная жизнь средневековья характеризуется безусловным господством христианской религии, что существенным образом повлияло на Э. После начального периода конфронтации с греческой философией как виновницей гибельного падения нравов, – основные усилия средневеково-христианских философов (см. *Средневековая этика*) направлены на то, чтобы обосновать возможность интеграции Э. языческой древности в структуру христианских ценностей (см. *Христианская этика*). Преимущественной точкой опоры в решении данной задачи первоначально становится традиция Платона. Августин высоко оценивает произведенное Платоном разделение философии на физику, логику и Э., полагая, что тот лишь открыл (а не создал) объективно заданный порядок вещей. Следует заметить, что и в этом контексте патристика не рассматривала Э. в послеаристотелевском индивидуалистическом варианте, отдавая предпочтение ее аристотелевской социально-полисной версии. Существенным считалось внутреннее единство всех частей философии, которое осмысливалось как единство, заданное Богом. Бог, который является создателем мира, считает Августин, является также и его учителем. Языческие авторы (и в этом состояла, по Августину, их коренная ошибка) хотели в себе найти и собственным разумом обосновать то, что дается Богом и только в нем находит свое оправдание; они постигали божественный порядок, не понимая, что он – божественный. Отсюда – задача переосмысления их творений в свете учения Христа. Августин предлагает избегать не всех "философов, а философов мира сего". Для Абеляра Евангелие представляет собой реформирование и улучшение естественного закона философов. Поэтому необходимо вписать Э. в

отношение человека к Богу и понять, что она не может претендовать на роль первой дисциплины. Первой остается теология. Один Бог есть высшее благо. И отношением к нему (правильным, когда он признается и почитается в качестве высшего блага, неправильным, когда нет безусловного уважения к нему) в конечном счете определяются нравы, добродетели и пороки души, добрые и злые дела человека. То, что исходит от Бога, не может быть грехом, даже если это будет казаться таковым по человеческим меркам. Христианская мысль средневековья исходит из убеждения, что Э. или мораль не содержит свои основания в себе, только в соотнесенности с теологией она может очерчивать границы между хорошим и плохим. Такая установка была превалирующей в средневековье и специфичной для него, но не единственной. И в эту эпоху была представлена интеллектуальная традиция, рассматривавшая этику как исчерпывающее основание человеческой эмансипации (типичный пример: пелагиане). Как самостоятельная учебная дисциплина в рамках средневекового свода знаний Э. вычленяется в аристотелевской версии, а после перевода в XIII в. на латинский язык "Никомаховой этики" последняя становится основным университетским учебником. Э. является обозначением как всей практической философии, так и первой составной части последней (наряду с экономикой и политикой). Разрабатывается систематика добродетелей, где десять аристотелевских добродетелей берутся в сочетании с четырьмя основными добродетелями Сократа-Платона и все это в иерархии, завершающейся христианскими добродетелями *веры*, *надежды*, *любви*. Основным автором, разработавшим этическую систематику позднего средневековья, является Фома Аквинский, написавший специальный труд: "Комментарии к Никомаховой этике". Основой упорядочения философского знания, как считает Фома, является категория порядка. Порядок вещей рассматривает натурфилософия или метафизика, порядок собственных понятий разума – рациональная философия, порядок волевых действий – моральная философия, порядок созданных человеческой разумной деятельностью предметов – механика. В моральную философию включаются только волевые и разумные действия, организованные единством целей. Она подразделяется на монастику (от monas – единица), рассматривающую действия отдельного человека самого по себе, экономику и политику. Единство этих частей обеспечивается их нацеленностью на единое высшее благо и причастностью к нему. Рассмотрение высшего человеческого блага и путей к нему, освещение божественных заповедей светом разума, – такова задача философской Э. Как бы ни оценивать основную установку средневеково-христианской Э., согласно которой разум становится моральным только в качестве верующего разума, а Э. достигает завершенности только в соподчинении теологии, следует признать основательность ее основного аргумента о том, что рациональная, философская этика собственными средствами не может доказать абсолютности претензий морали.

Э. Нового времени отказывается от идеи трансцендентных моральных сущностей и апеллирует к человеческой эмпирии, стремясь понять, каким образом мораль, будучи свойством отдельного индивида, является в то же

время общеобязательной, социально организующей силой. В отличие от средневековой ориентации на платоновско-аристотелевский круг идей она начинает с преимущественной апелляции к стоицизму, эпикуреизму и скептицизму. В методологическом плане она претендует на то, чтобы стать математически строгой наукой. Родоначальники философии Нового времени Ф. Бэкон, Р. Декарт, Т. Гоббс не создали этических систем и специальных произведений по Э., ограничившись общими эскизами, но они методологически, а в значительной мере и содержательно предопределили ее дальнейшее развитие. По Бэкону цель Э. как и всякой науки "не в приукрашивании вещей, в выявлении в них полезного и истинного". Он подразделяет ее на два учения – об *идеале* (или образе блага) и об управлении и воспитании души. Вторая часть, которую он называет "Георгиками души", является самой великой, хотя ей философы уделяли внимание меньше всего. Э. – часть философии человека, изучающая человеческую волю; признавая, что она имеет дело только с осуществимыми целями, признаком такой осуществимости Бэкон считает способность создания адекватной практически действенной технологии воспитания. Декарт уподоблял философию дереву, корни которого – метафизика, ствол – физика, а ветви – практические науки, сводящиеся к медицине, механике и Э. Как плоды собирают не с корней и не со ствола, а с ветвей, так и полезность философии связана с Э., которая является "высочайшей и совершеннейшей наукой". Э. венчает философию и ее незыблемо-истинные правила не могут быть найдены раньше, чем будет достигнуто полное знание других наук. А пока этого не сделано, Декарт ограничивается несовершенной Э. и предлагает временные правила морали (см. Рассуждение о методе, III; ср. "*Страсти души*"), первое из которые обязывает жить в соответствии с законами и обычаями своей страны, а третье – стремиться побеждать скорее себя, чем судьбу. Гоббс также видит недостаток всей прежней моральной философии в том, что она была лишена ясного метода, твердых и точных принципов, красноречие и остроумие в ней довлели над истиной. Он считает, что Э. должна следовать за геометрией и физикой, основываться на них (О теле. II, VI). Эти методологические установки у Гоббса сочетаются с содержательными выводами, которые из них не вытекают, хотя сами по себе они очень важны и открывают принципиально новую исследовательскую перспективу Э. Гоббс оспаривает представление о человеке как общественном (политическом) животном, из которого явно или неявно исходила предшествующая ему Э. Человек изначально эгоистичен, нацелен на собственную выгоду. Естественным состоянием людей, под которым следует понимать не только догосударственное прошлое, но и природную ипостась человека вообще, в том числе и в гражданском состоянии, является война всех против всех, и здесь не имеют места понятия о правильном и неправильном, справедливом и несправедливом. Естественное состояние делает невозможным сохранение жизни в течение продолжительного времени, что противоречит первоначальным импульсам, порождающим это состояние. К выходу из него толкают отчасти страсти (прежде всего, страх смерти), а отчасти разум, открывающий естественные законы, позволяющие людям придти к согласию.

Основной из них гласит, что следует искать мира и следовать ему, отсюда вытекает следующий, что человек "должен довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим людям, какую он допустил бы по отношению к себе" (Левиафан, гл. XIV). Законы, лежащие в основе общества и государства, и составляют четкие критерии, позволяющие отделить добродетели от пороков, справедливость от несправедливости. Основное правило нравственности, названное впоследствии *золотым правилом*, – общедоступное резюме многочисленных естественных законов. По Гоббсу не может быть науки о морали вне государства. Мораль имеет договорное происхождение; она, как и государство вырастает из эгоизма и недоверия людей друг к другу. Всеобщим мерилом добра и зла являются законы данного государства, а нравственным судьей – его законодатель. Спиноза также стремится идти в Э. "геометрическим путем" и исследовать человеческие действия "точно так же, как если бы вопрос шел о линиях, поверхностях и телах". В его моральном учении нет долженствований, наставлений и утешений, в ней одни определения, постулаты, теоремы. Он создает Э. личности, совпадающей в своем могуществе с самим миром. Предмет и задача Э. – свобода человека, понимаемая как освобождение из-под власти аффектов, пассивно-страдательных состояний и способность быть причиной самого себя. Это достигается через познание, составляющее сущность и могущество человеческой души. Состояние души (душевное удовлетворение), возникающее вследствие созерцательного (интуитивного) познания Бога или природы, т.е. интеллектуальная любовь к Богу, и есть блаженство. Только познание в его высших формах может быть соразмерно могуществу бесконечного существа (Бога, природы), это же является условием согласия и союза людей. "Блаженство есть не награда за добродетель, но сама добродетель" (Этика, V, 42). Спиноза порывает с традицией, которая непосредственно связывала Э. с общественным бытием человека, установлениями культуры: человека в природе нельзя изображать как государство в государстве. Посредствующим звеном между индивидом и добродетелью является не политика, а познание (без познания – нет разумной жизни). Его Э. находится в органическом единстве с онтологией и гносеологией – она выводится из онтологии и гносеологии в такой же мере, в какой и является их оправданием, и в то же время она независима от логики, социальных наук, медицины и, что следует особо следует отметить, политической теории.

Односторонности надындивидуальной Э. общественного договора и Э. личности отражают свойственное буржуазной эпохе, трагически переживаемое ею противоречие между социально-всеобщими и индивидуально-личностными измерениями бытия человека. Поиски синтеза между ними – характерная черта Э. XVIII в.

Одним из опытов такого синтеза явился *сентиментализм этический*. По мнению Хатчесона, добродетель заложена в человека природой и Богом. Ее основа – моральное чувство как внутреннее сознание и склонность ко всеобщему благу; оно действует непосредственно, без оглядки на собственный интерес; сопровождая наши поступки, оно направляет их к достойному и

прекрасному. Хатчесон считал, что естественный закон находит в моральном чувстве свою основу и гарантию (см. "*Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели*"). Пантеистически окрашенная идея, сводящая всеобщность морали к конкретности непосредственного чувства, еще более отчетливо, чем у Хатчесона была представлена и его учителя Шефтсбери (см. "*Исследование о добродетели, или заслуге*"). Д. Юм, подчеркивая, что в споре об общих основах морали, а именно, в вопросе о том, "проистекают ли они из разума или чувства", существовали две противоположные тенденции, каждая из которых приводила правдоподобные аргументы, отвергает "любую систему этики, ...если она не основывается на фактах и наблюдении" (см "*Исследование о принципах морали*"). Человеку свойственны социальные чувства, моральные суждения связаны с чувствами человеколюбия, симпатии. Вместе с тем ему также присуще стремление к личному интересу, пользе. Юм со скептической осторожностью соединяет эти два начала, полагая, что соображения полезности всегда присутствуют в моральных оценках. А. Смит выводит мораль из чувства симпатии, отводя большую роль в его функционировании механизму уподобления, когда человек может поставить себя на место другого и берет за образец то, что он любит в других. А что касается тех, кто находится вне непосредственного опыта переживаний и о которых человек ничего не знает, то симпатия к ним была бы искусственной и неразумной (см. "*Теория нравственных чувств*"). Дж.Бентам выходит за рамки субъективной Э. морального чувства тем, что основой Э. он считает принцип пользы, уходящий корнями в природную способность человека стремиться к удовольствиям и избегать страданий (см. "*Введение в принципы нравственности и законодательства*"). Это возвращение к Э. принципа было необходимо для обоснования обязанностей человека не только в рамках малого круга общения, но и как гражданина государства. Этический *утилитаризм* заключает в себе противоречие, поскольку неутилитарность (бескорыстие) составляет специфический признак морали; он неизбежно развивается в направлении догматизма, лишенного непосредственно-опытной достоверности.

Наиболее значительным опытом синтеза различных тенденций Э. Нового времени являлась Э. И. Канта, который, как он сам пишет, впервые установил, что в морали человек "подчинен только своему собственному и, тем не менее, всеобщему законодательству" (см. "*Основоположения к метафизике нравов*"). Исходя из общепризнанных представлений о моральном законе как законе, обладающим абсолютной необходимостью, Кант сугубо аналитическим путем приходит к выводам, согласно которым моральный закон тождествен чистой (доброй) воле, выступает как долг, совпадает со всеобщей формой законодательства, безусловно ограничивающего максимы поведения условием их общезначимости, самоцельности человечества в лице каждого индивида и автономности воли. *Категорический императив* есть закон чистого практического разума; говоря по-другому, только став нравственным, практическим, чистый разум обнаруживает свою чистоту, не связанную ни с каким опытом изначальность. Как чистый разум становится практическим – объяснение этого, считает Кант, находится за пределами возможностей

человеческого разума. Стремление обосновать истинность нравственного закона завершается постулатом свободы, предположением о существовании ноуменального мира, который является выводом разума, обозначающим его собственный предел. "Свобода и безусловный практический закон ссылаются друг на друга". Свобода человеческих поступков не отменяет их необходимости, они существуют в разных отношениях, в разных не пересекающихся между собой плоскостях. Понятия свободы и умопостигаемого мира есть "только точка зрения, которую разум вынужден принять вне явлений, для того, чтобы мыслить себя практическим". Это означает, что нравственность дана человеку постольку, поскольку он является разумным существом и принадлежит также ноуменальному миру свободы и что она обнаруживает свою безусловность только в качестве внутреннего убеждения, образа мыслей. Несмотря на то, что Кант много сделал для этического обоснования права, тем не менее напряжение между моральностью и легальностью составляет характерную особенность его учения. Соединение свободы с необходимостью, долга со склонностями, переход от нравственного закона к конкретным нравственным обязанностям – самый напряженный и, быть может, слабый пункт Э. Канта. Для того чтобы можно было нравственность мыслить осуществленной, Кант вводит постулаты бессмертия души и существования Бога.

Гегель пытается снять дуализм (свободы и необходимости, добродетели и счастья, долга и склонностей, категорического и гипотетического императивов и т.д.), пронизывающий Э. Канта. Стремясь обосновать мораль не только как субъективный принцип долженствования, но и как объективное состояние, он исходит из того, что индивид обособляется в качестве личности, утверждает свою субъективность только в обществе, государстве. Всеобщая воля воплощается в государстве, которое есть "объективный дух", "шествие Бога в мире", "власть разума, осуществляющего себя как волю" (см. "*Философия права*", § 258). Современное основанное на праве государство характеризуется тем, что в нем принцип субъективности достигает завершения. Оно "есть действительность конкретной свободы". Обозначая новый этап, когда нравственное приобретает институциональный характер и утверждает себя как действительное отношение, а не только как принцип долженствования, Гегель разводит понятия морали и нравственности. Моральная воля обнаруживает собственную бесконечность в качестве субъективного принципа, утверждает лицо в качестве субъекта; это – "для себя сущая свобода". Нравственность есть действительность морали, она представляет собой всеобщий образ действий индивидов, в ней свобода не переставая быть субъективным принципом моральности, возвышается до действительного отношения. Если категориями морали являются "умысел", "вина", намерение", "благо", "добро", "совесть", то категории нравственности иного рода – "семья", "гражданское общество", "государство". В философии Гегеля фактически устраняется Э. как особая дисциплина, т.к. в ней нравственность совпадает с государством и оставляет открытым вопрос о границах индивидуально ответственного поведения, так как

нравственность включена в процесс движения абсолютной идеи к самой себе и сама выступает как идея государства.

После Гегеля наметился поворот Э., который можно назвать антинормативистским; он был направлен на критику морализирующего отношения к действительности и заявил себя в двух основных вариантах – в марксизме и в философии Ницше. Пафос философии К. Маркса и Ф. Энгельса состоял в том, чтобы придать человеческой активности предметный, миропреобразующий характер. Кант, писали они, остановился на одной доброй воле, перенеся ее осуществление в потусторонний мир. Задача же состояла в том, чтобы осуществить ее в этом мире, трансформировать вневременный идеал в программу исторического действия. Исходя из понимания бытия как практики, К. Маркс и Ф. Энгельс обосновывали перспективу морально преобразованного бытия, перспективу коммунизма, описываемого ими как практический гуманизм. Такое понимание предполагало критику морального сознания с его претензиями на самоцельность. Мораль в ее исторически сложившемся виде интерпретировалась как особая, к тому же превращенная, форма общественного сознания. Считалось, что революционное действие снимает мораль, делает ее излишней. Мораль была сведена к задачам классовой борьбы пролетариата, к революционной стратегии и тактике, что получило наиболее последовательное выражение в работах В.И.Ленина "Задачи союзов молодежи" и Л. Д. Троцкого "*Их мораль и наша*", а также в практике большевизма, прежде всего в практике советского государства 20-х – 30-х годов. Тем самым Э. в ее традиционном значении лишалась собственного предмета. Последующие опыты создания марксистской Э. (например, К. Каутским) были попытками прививки на марксистский ствол побегов старого этического дерева. Это относится также к советской Э. в том виде, как она развивалась, начиная с 60-х гг. XX в.; основная позитивная задача, которую она решала, состояла в том, чтобы "реабилитировать" мораль, обосновать ее как относительно самостоятельный, незаменимый (не сводимый к политике и политической идеологии) пласт культуры.

Другая линия конкретной, не метафизической, антиспекулятивной Э. намечена в философии Шопенгауэра и Кьеркегора, которые апеллировали к индивиду, отдельной личности, связывая мораль в своих истоках и практических формах с единичностью человеческого существования. Антиспекулятивный и антирационалистический разрыв с классической традицией с особой выпуклостью обнаружился в философии Ницше, которая в своей основе и общей нацеленности есть критика морали. Об Э. Ницше можно говорить по преимуществу в отрицательном смысле. Ницше выступает против объективированного рассмотрения человека, и в этом контексте против подчинения морали познанию, а этики – гносеологии и онтологии. Он исходит из волевого начала в человеке как самого специфичного и существенного его признака. Воля как неотчуждаемое свойство человека заключает свой разум в себе; "воля к истине есть воля к власти". Понимая бытие как деятельность и считая, что, в частности, не существует вовсе никаких моральных фактов, "никакого "бытия", скрытого за поступком, Ницше решительно выступает

против европейской морали в ее христианской и социалистической формах, которые для него идентичны. Мораль в ее исторически сложившемся виде, считает он, убивает волю к становлению, творчеству, совершенствованию, она стала сплошной маской, тартюфством, лицемерной апологией слабости, стадности. Она умаляет человека. Сами понятия добра и зла являются, по мнению Ницше, порождениями плебейства, мертвящего духа рабской зависти, для обозначения и разоблачения которой он вводит единственное в своем роде понятие рессентимента. Разоблачение внутренней фальши ухищрений морального сознания обнаруживает в Ницше глубокого психолога и составляет его величайшую заслугу. Позицию Ницше нельзя характеризовать как моральный нигилизм. Он не отрицает мораль, а только один вид человеческой морали, помимо которого возможны "многие другие, прежде всего высшие, морали". Ницше ставит задачу переоценки ценностей, суть которой состоит не в том, чтобы сузить, ограничить ценностные притязания философии, а, напротив, максимально расширить их. Он утверждает примат морали перед бытием, ценностей перед знаниями. Нравственные (или безнравственные) цели, считает он, составляют жизненное зерно, из которого вырастает дерево философии, даже за логикой "стоят расценки ценностей"; создавать ценности - такова собственная задача философии, все остальное является предусловием этого. В рамках такой методологии Э. как особая дисциплина невозможна, она совпадает с философией. Этические произведения Ницше ("По ту сторону добра", "*К генеалогии морали*") являются в то же время его основными философскими произведениями. Расширительное понимание морали и Э., совпадающее с онтологией и предопределяющее все строение философии, в XX в. получило развитие в *экзистенциализме*.

После радикального отрицания морали и Э. в их традиционном понимании, что было превалирующим настроением в послегегелевской философии, к концу XIX в. восстанавливаются позитивное отношение к морали, а вместе с ним и особый дисциплинарный статус Э. Показательными для этих изменений являются такие идейно не связанные между собой, принадлежащие к разным философским традициям, но к одной эпохе и каждая на свой манер отражающие общий дух последней феномены как возрождение интереса к Канту и возникновение эволюционной Э.

Неокантианцы по сути дела отказались от кантовской метафизики нравственности, идеи ноуменального мира и примата практического разума перед теоретическим. В варианте марбургской школы неокантианство интерпретировало Э. как логику общественных наук, общепринципиальную основу философии права и государства; оно стремилось снять разрыв между долгом и склонностями, добродетелью и счастьем, сближала Э. с правом, педагогикой (Г. Коген, М. Венчер). В варианте баденской школы (В. Виндельбанд, Г. Риккерт) формальный образ морали дополнялся взглядом, согласно которому реальные мотивы поведения не поддаются этическому обобщению, а ценностные определения имеют исторически индивидуализированный характер. Эволюционная Э. связанная, прежде всего, с именем Г. Спенсера (см. "Основания этики"), рассматривает нравственность

как стадию универсального эволюционного процесса. Нравственность совпадает с социальными действиями, направленными на выравнивание эгоизма и альтруизма. Протекающее постепенно приспособление человеческой природы к потребностям общественной жизни, по мнению Спенсера, может быть настолько полным, что общественно полезная деятельность всегда будет вызывать радость, а общественно вредная – неприятные чувства. Разница между удовольствиями и страданиями интерпретируется как непосредственная мера добродетельности поведения. При этом предполагается, что эволюционный потенциал общества может достичь такой высокой ступени, когда мотивы и действия, служащие общественной необходимости, непременно будут сопровождаться радостными ощущениями.

В XX в. философская Э. в целом имела развивалась под существенным (быть может, определяющим) воздействием идеала научной рациональности. Она являлась делом профессоров, обитала в университетах. И тем не менее, сохраняла социально-критический запал, на свой манер противостояла тоталитарному духу времени. Наиболее характерными с этой точки зрения являются *аналитическая этика* и феноменологическая Э., первая из которых продолжает эмпирическую, а вторая пытается оживить метафизическую традицию в понимании морали. Аналитическая Э. возникла в рамках аналитической философии и идентифицировала себя как *метаэтика*, имеющая своим содержанием критический анализ языковых форм моральных высказываний. Предмет Э. при таком понимании с анализа моральных принципов поведения, норм и добродетелей смещается на прояснение верифицированного значения моральных понятий и предложений. В одном варианте (когнитивистском) аналитической этика исходит из признания объективности морали и ее принципиальной познаваемости. Конкретные решения при этом различны: одни (напр., Р. Перри) считают, что объективно-познавательное содержание морали можно выявить через достаточно эмпиричные понятия приятного, полезного, удовольствия; по мнению других (напр., Дж. Мур) попытки определить моральные понятия через внеморальные логически несостоятельны и ведут к "*натуралистической ошибке*", они выделяют моральные понятия в особый класс и связывают их с непосредственным интуитивным постижением морального качества человеческих действий; третьи (напр., Р. Хэар, см. *Прескриптивизм*) выделяют самостоятельный метод аргументации и особую деонтическую логику, призванные раскрыть рациональную структуру морали. Некогнитивистский вариант аналитической Э. (напр., А. Айер) видит в моральных понятиях выражение чувств и отказывают им в объективном, интерсубъективном масштабе. Тем самым оспаривается возможность общезначимого критерия морали. Все сторонники аналитической Э. исходят из признания качественного отличия моральных суждений (см. *Суждения моральные*) как суждений прескриптивных от дескриптивных суждений, с которыми имеет дело познание. Аналитический метод, направленный на уточнение меры научной строгости Э., имеет важный духовно-эмансипирующий подтекст: он направлен против моральной демагогии и других форм манипулирования общественным

сознанием, спекулирующих на непроясненной многозначности ценностных понятий и суждений.

Феноменологическая Э. заострена как против жесткого догматизма классической Э. (в частности рационалистического априоризма Канта), так и против утилитаристского релятивизма. Она исходит из того, что ценности представляют собой некую объективную структуру (мир ценностей), которая дана человеку в непосредственных актах чувствования. В отличие от рационализма, видевшего в чувствах выражение субъективности, феноменология рассматривает акт чувствования как способ познания ценностей. Волевой акт, направленный на добро вместе с заключенным в нем добрым намерением является добрым, как считает Гуссерль, не в силу природных оснований или иных внешних по отношению к самому добру причин, он заключает добро в себе как идеальный образ, остающийся всегда равным самому себе независимо от того, кто конкретно воспринимает его в этом содержании. Априорные, идеально-объективные ценности становятся пределом устойчивого желания и предстают перед человеком в качестве практического императива. Возникающая при этом проблема состоит в том, чтобы в акте оценки высветить сами ценности в их общезначимом содержании и чтобы трансформировать их объективный порядок в жизненную задачу. По мнению М. Шелера, книга которого "Формализм в Э. и материальная Э. ценностей" развертывает феноменологические идеи в продуманную этическую систему, ценности образуют иерархию, состоящую из четырех основных ступеней: гедонистические, витальные, духовные и религиозные. Речь идет не об исторических стадиях, а о вневременной структуре. Различие между абсолютными ценностями и их исторически обусловленным существованием в форме человеческих целей имеет для феноменологической Э. существенное значение, что стало одной из центральных идей для Гартмана. Задача морали и Э. направлять человеческое поведение вверх в соответствии с объективным порядком ценностей. Феноменологическая Э. преобразовала метафизические традиции в понимании морали т.о., что ее в такой же мере можно считать этикой конкретной личности, в какой и абстрактных принципов.

Примечательными с точки зрения понимания предмета Э. в нашем веке являются образы морали, сложившиеся в *прагматизме* (У. Джеймс, Дж. Дьюи и др.) и русской религиозной философии (В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев и др.).

Прагматизм связывает моральные понятия с интересами, потребностями, успешностью поведения, придает им ситуативный характер. Мораль демистифицируется до такой степени, что она, рассматривавшаяся традиционно как источник внутреннего недовольства, интерпретируется как средство на пути к душевному комфорту и довольству жизнью.

Русская религиозно-философская Э. конца XIX – XX вв. также как и вся западная Э. Нового времени вдохновлена идеей морально суверенной личности, ее отличие состоит в том, что она стремится обосновать эту идею без того, чтобы отказываться от метафизики морали и от изначальной коллективности человеческого существования. И то, и другое приобретает в

ней религиозно-мистические формы: основания морали усматриваются в божественном абсолюте, коллективность интерпретируется как религиозно-духовная всечеловеческая соборность.

Конец XX в. в европейской Э. характеризуется двумя новыми тенденциями – переходом к прикладной Э. и переосмыслением предмета Э. в контексте постмодернистской философии. Прикладная Э. занимается моральными коллизиями в конкретных сферах общественной практики и существует как совокупность дисциплин – *биоэтика*, Э. бизнеса, Э. науки, политическая Э. и др., которые стали составными элементами самих этих практик. Является дискуссионным вопрос о статусе прикладных Э., в частности о том, остаются ли они составной частью философской Э., или превратились в частные дисциплины. Характер аргументации этико-прикладных исследований, прямо связанный с философскими образами человека и предполагающей предварительное решение вопросов, касающихся понимания морали, ее места в системе человеческих приоритетов, достоинства и прав человека, онтологических признаков личности и др. позволяет предположить, что прикладная Э. является важной стадией процесса исторического развития самой морали. Ее можно интерпретировать как особого рода теоретизирование – теоретизирование в терминах жизни.

Постмодернистская философия с ее отказом от логоцентризма, деконструированием классических философских оппозиций, прежде всего оппозиции познающего субъекта и объективной реальности, со свойственным ей пафосом единичности, ситуативности, открытости имеет важное, до конца еще не выявленное значение для Э. Она разрушает превалировавший в философии просветительски-репрессивный образ морали как морали абстрактных принципов и всеобщих определений. Осмысленная в перспективе *постмодернизма*, Э. сливается с живым моральным опытом в каждом ее индивидуальном проявлении, становится множественной, многоголосой, открытой. Прокламируемое преодоление границы между писателем, читателем и текстом, в результате чего смысл сливается с выражением, а они вместе с пониманием, приобретает высокую степень действенности именно применительно к морали, которая не предъявляется индивиду, а учреждается им самим. Постмодернизм можно интерпретировать как доведенную до конца антинормативистскую установку, которая стала ведущей в послегегелевской Э. Он исходит из убеждения, что нет морали, отделенной от индивида и вознесенной над ним.

Размышления о предмете Э. в истории европейской этики концентрировались вокруг ряда сквозных проблем: соотношения счастья и добродетели, индивидуальной Э. и социальной Э.; роль разума и чувств в моральной мотивации; соотношение свободы и необходимости человеческого поведения и др.

Существенным своеобразием Э. является ее нормативность. Отделяя Э. как практическую философию от теоретической философии (физики, математики, учения о первопричинах), Аристотель имел в виду, что она задает целеценностную основу человеческой деятельности, определяя, на что она в

конечном счете направлена и в чем состоит ее совершенство (добродетельность, добротность). Э. изучают не для того, чтобы знать, что такое добродетель (мораль), а для того, чтобы стать добродетельным (моральным). Э. имеет дело с практикой в той мере, в какой эта последняя зависит от разумно аргументируемого выбора самого человека. Всякая развитая этическая система включает в себя более или менее детализированную нормативную программу достойного поведения, задающую перспективу синтеза добродетели и счастья. По этому критерию можно выделить следующие разновидности Э.: гедонизма, эвдемонизма, внутренней стойкости, сентиментализма, созерцания, утилитаризма, любви, скептицизма и др.

Э. можно определить как рефлексию над моральными основаниями человеческого существования, понимая под рефлексией обращенность сознания на самого себя. Если мораль есть непосредственное сознание смысла жизни, впечатанное в язык самой жизни, то Э. есть сознание сознания жизни, т.е. сознание жизни второго уровня. Почему моральное сознание нуждается во вторичной рефлексии? Решающая причина состоит в том, что моральное сознание попадает в ситуацию, которую вслед за Кантом можно было бы назвать ситуацией двусмысленности притязаний. Речь идет о конфликте (кризисе) ценностей, когда мораль теряет очевидность, не может поддерживаться силой традиции, и люди, раздираемые противоречивыми мотивами, перестают понимать, что есть добро и что есть зло. Такое, как правило, происходит тогда, когда сталкиваются различные культуры и культурные эпохи, когда, например, новые поколения резко порывают с традиционными устоями. Чтобы найти общий язык друг с другом, люди вынуждены заново ответить на вопрос, что такое мораль, обратиться к познающему разуму, чтобы с его помощью восстановить порвавшиеся нити общественной коммуникации, обосновать необходимость морали и дать новое ее понимание. Э. есть способ, каким мораль оправдывается перед разумом.

По родовой принадлежности Э. относится к философии, а в рамках философии ее особенность состоит в том, что она составляет ее нормативно-практическую часть.

Э. бывает также теологической. Теологическая Э. возникает на базе религии и возводит мораль к Богу. В отличие от собственно философской Э., которая остается в пределах знания, теологическая Э. не ограничивается в своих аргументах логикой и эмпирической достоверностью, хотя, разумеется, и стремится их максимально использовать. Она мистифицирует источники морали, прямо апеллируя к сверхестественным причинам – чуду, откровению и т.п. Точно также в нормативной части теологическая Э. выходит за те пределы индивидуально-ответственного поведения, которые освещаются светом разума и удостоверяются очевидностью опыта, практикует действия, которые не поддаются рациональной интерпретации (типичный пример – молитва).

Э. существенным образом связана с метафизикой. В этом прежде всего выражается ее философский характер. Мораль претендует на абсолютность, на то, чтобы быть последней ценностной опорой человеческого существования. Поэтому учение о морали всегда и неизбежно взаимоувязано с учением о

бытии. Философские системы морали можно подразделять на гетерономные и автономные. Гетерономные этические теории выводят мораль из иного (внеморального, надморального, сверхморального) основания – космоса, природы человека, общества. Соответственно они бывают космологическими, натуралистическими, социологическими. К ним же относятся теории, выводящие мораль из некой внечеловеческой идеи или иного потустороннего источника. Автономная Э. исходит из того, что мораль содержит свои основания в себе – классическим ее примером является этика Канта, который, собственно, и предложил само разделение этических теорий на гетерономные и автономные.

Вопрос о предмете Э. не имеет одноразового, бесспорного решения: как философская наука Э. в значительной мере сама определяет свой предмет – отсюда многообразие и индивидуализированность этических систем.

Литературный источник

Этика: энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2001. – С. 573-581.

Интернет-источник

Этическая энциклопедия http://www.ethicscenter.ru/en/content/66.htm

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКЕ

А. А. Гусейнов

Вопрос о том, что такое прикладная этика, обычно обсуждается в её сопоставлении с теоретической этикой. Такой ход мыслей сам по себе является естественным, ибо задается видовым определением "прикладная". И его, по крайней мере в качестве исходного пункта рассуждений, следует признать вполне правомерным. Однако при осмыслении вопроса о структуре этического знания, соотношении в ней теоретического и прикладного уровней, следует иметь в виду, что этика изначально и по сути является практической наукой. Она имеет дело с практикой, является моментом последней, а именно, её содержанием является не то, что существует, а то, что может и должно существовать благодаря нам, нашим поступкам, поведению, нашим ответственным и сознательным усилиям. С этикой мы имеем дело не тогда, когда мы хотим что-то узнать, а тогда, когда мы хотим что-то сделать – хотим стать лучше. Этика сверх того, что она есть наука практическая, является также наукой философской, так как она рассматривает поступки, поведение человека с точки зрения их основополагающих принципов, общего смысла жизни. Наконец, она есть точка в которой философия соединяется с практикой. Её поэтому справедливо называют практической философией. Это значит, что философия свой взгляд на мир доводит до формулирования программы жизни и через них, через этико-нормативные программы и модели поведения непосредственно внедряется в практику, становится интересной и нужной

людям. Например, характеризуя те или иные поведенческие установки, мы говорим о стоическом отношении к трудностям, утилитарном подходе к жизни. Откуда взялись такие определения? Из соответствующих этических идеалов, которые складывались в одном случае в рамках стоической философии, в другом – в философии утилитаризма.

Этика в собственном смысле слова есть учение о том, как поступать, вести себя, как и для чего жить. Поступок как основополагающая единица этически санкционируемого сознательного, индивидуально-ответственного существования может быть представлен в виде силлогизма. В нем в качестве общей посылки выступает норма, правило, основоположение, заключенный в поступке целевой смысл, в качестве частной посылки – особенные условия, в которых он совершается, а в качестве вывода – принимаемое действующим индивидом решение или сам поступок в строгом смысле слова. В зависимости от того, как расставлялись акценты в поступке – силлогизме, складывались различные исторические разновидности этики. В древности преимущественное внимание уделялось особенным, частным обстоятельствам поступков, что получило отражение в аристотелевской версии практической философии как учении о добродетелях. В Новое время преимущественное внимание (и в историческом опыте и в теории) уделялось общим нормам, правилам, которым подчиняются поступки. Кульминацией такого понимания стала практическая философия Канта с её сосредоточенностью на основном нравственном законе, универсальной этической формуле поведения. Прикладная этика акцентирует внимание на поступке как индивидуализированном, каждый раз единственном акте.

Прикладную этику поступок интересует не с точки зрения его универсальной основы, которая задается общими моральными принципами, и не с точки зрения частных обстоятельств, которые фиксируются в привычных для соответствующих ситуаций поведенческих схемах, а с точки зрения его индивидуального облика, который принципиально не поддается расчету. О том, что нравственный поступок не может быть предварительно просчитан в своих возможных следствиях, и что он совершается в силу решения совершить его, что он всегда представляет собой опыт над тем, кто его совершает – это было известно давно. Однако этот аспект поступка никогда до прикладной этики не становился предметом концентрированной общественной воли и целенаправленных интеллектуальных усилий. Можно поэтому предположить, что с прикладной этикой начинается новый этап этики, понятой в качестве практической философии.

* * *

Рассматривая прикладную этику в самом общем и кратком варианте, можно сказать, что это – энциклопедически-словарном, – область знания и поведения, предметом которой являются практические моральные проблемы, имеющие пограничный и открытый характер. Показательные примеры таких проблем - смертная казнь, эвтаназия, трансплантация органов, продажа оружия и др. Они являются пограничными, так как касаются фундаментальных

моральных принципов, ценности самой жизни, и открытыми, так как имеют форму дилеммы, каждое из взаимоисключающих решений которой поддается моральной аргументации. Более конкретно этико-прикладные проблемы характеризуются следующими признаками.

1) Они возникают в публичных сферах жизни, предполагающих и требующих кодифицированного (юридического, административного, профессионального) регулирования и контроля, в зонах институционального поведения, где поступки по определению имеют осознанный и общественно вменяемый характер. Это – такие проблемы, судьба которых решающим образом зависит от сознательно выраженной воли общества, воплощенной в соответствующей институциональной организации жизни, Например, в результате смертной казни погибает значительно меньше людей, чем от семейных ссор и уличных драк, тем не менее именно она, а не семейные ссоры и уличные драки, является предметом прикладной этики, так как в этом случае речь идет о сознательной, дефинитивно выраженной воле общества, целенаправленном акте государства.

2) Для решения этих проблем недостаточно одной доброй воли, нравственной решимости, плюс к этому требуется еще профессиональная строгость суждений. Здесь моральная обоснованность выбора теснейшим образом сопряжена с адекватным знанием предмета выбора. Нельзя, например, выработать нравственно взвешенное отношение к трансплантации органов без ответа на вопрос о медицинских критериях человеческой жизни.

3) По вопросу их нравственной квалификации среди специалистов и в общественном мнении господствуют противоположные по существу, но соразмерные по удельному весу и общественному статусу позиции. Так, точки зрения в пользу эвтаназии и против нее одинаково апеллируют к этической категории милосердия, претендуют на истинность и легальность.

4) Они не могут быть решены в рамках казуистического метода, хотя и имеют казусный характер; они являются открытыми не потому, что не найдено логически безупречного обоснования, а потому, что не имеют его, они всегда единичны и требуют каждый раз частных, одноразовых решений. Здесь уместна аналогия с юридической практикой, где самые совершенные законы не освобождают от суда, призванного специально удостоверять, конкретно исследовать каждый случай их нарушения.

5) Способ принятия решений здесь также (продолжая аналогию с судом) является публичным, процессуально оформленным, чаще всего он осуществляется через особые этические комитеты, в которых представлена вся совокупность относящихся к делу интересов и компетенций. В случае этико-прикладных проблем как бы выносится наружу тот выявленный еще Аристотелем внутриличностный механизм рационального взвешивания и борьбы мотивов, который предшествует принятию нравственно вменяемого решения. Правда, одновременно с этим размывается (деперсонализируется) ответственность за решение, и оно отчасти теряет нравственное качество.

Характеристика проблем прикладной этики как открытых вызывает неслучайную ассоциацию с открытым обществом. Эти проблемы

конституируются и получают адекватное выражение в открытом обществе, поскольку ему свойственны мировоззренческий плюрализм, веротерпимость. Они являются открытыми именно в масштабе общества; отдельные индивиды или группы людей, как правило, имеют относительно этих проблем совершенно определенные и однозначные суждения. Другая специфическая черта открытого общества как наиболее благоприятной среды для развития прикладной этики состоит в том, что оно гарантирует и постоянно расширяет права человека, с акцентированным пристрастием оберегая их в тех случаях, когда индивид принадлежит к разного рода меньшинствам. В данном случае существенно важно то, что каждая личность сама по себе, без опосредствующих связей с особыми общностями (сословием, этногруппой, профессией и т.д.) и независимо от своей полезности, признается самоценной, пользуется в этом качестве определенными общественными и государственными гарантиями. Еще одним фактором, способствующим прикладной этике, является необычайный прогресс познания, проникающий в интимные, личностно-образующие глубины жизни, а также развитие универсальных и дорогостоящих техник и технологий, каждый случай применения которых становится общественно значимым событием, сопряженным с большим риском (генная инженерия, использование атомной энергии и т.п.).

Моральные вопросы, имеющие этико-прикладной характер, возникают в разнообразных сферах практической деятельности. Соответственно прикладная этика существует как собирательное обозначение совокупности многих конкретных прикладных этик – биоэтики, экологической этики, этики хозяйствования, политической этики, этики науки и др. Наиболее развитой из них, на примере которой по преимуществу и строятся обобщения о прикладной этике, является биоэтика (биомедицинская этика). Вопрос о научном и практическом статусе конкретных видов прикладной этики не имеет на сегодняшний день однозначного решения. Очевидно, что они не являются частями, разделами этики как науки о морали, они в такой же и даже быть может в большей мере принадлежат соответствующим специальным областям знания: биомедицинская этика – биологии и медицине, этика науки – науковедению и т.д. Прикладная этика представляет собой новую, внутри себя многообразную область знания и общественной практики, возникающую на стыке этики и других конкретных форм научно-практической деятельности.

Вопрос о предмете прикладной этики, ее соотношении с этикой в традиционном значении термина остается предметом споров среди специалистов. Различные мнения об этом могут быть сгруппированы в четыре позиции: прикладная этика является приложением этической теории к практике и восходит своими истоками к античной древности; представляет собой новейший вариант профессиональной этики; выступает как совокупность особого рода практических моральных вопросов современности; может быть интерпретирована как новая стадия развития этики, характеризующаяся тем, что теория морали прямо смыкается с нравственной практикой общества.

Несомненным однако является то, что прикладная этика – одна из самых активных точек роста этических знаний и накопления морального опыта.

* * *

Мне ближе четвертая из обозначенных выше позиций, согласно которой прикладная этика – не часть этики, касающаяся её "приложения", а особая её стадия. Если исходить из уже упоминавшийся и широко принятой в литературе сопряженности между этической теорией и прикладной этикой, то вторую можно считать приложением первой не больше, чем первую выражением и продолжением второй. Профессорами В. И. Бакштановским и Ю. В. Согомоновым в рамках развиваемой ими концепции прикладной этики, высказана мысль, что прикладную этику не совсем корректно сопоставлять с теоретической этикой, так как в ней также есть своя теория. Они считают предпочтительным сопоставлять её с фундаментальным знанием, которое для того, чтобы стать прикладным, должно быть определенным образом трансформировано. Такой поворот мысли мне представляется в высшей степени интересным; он позволяет точнее, чем это обычно принято, обозначить специфику прикладной этики. Прежде, чем высказать по этому вопросу несколько более конкретных соображений, необходимо сделать ряд уточнений, касающихся самих терминов.

Мораль, как всем хорошо известно, трудно определить; она до такой степени не поддается логически строгому структурированию, что некоторые авторы видят в этом даже её специфику: мол, именно многозначность морали, её способность быть интерпретированной на разный лад определяет её особое место в культуре как некоего сцепляющего начала, общей точки отсчета, к которой могут апеллировать люди независимо от содержательного различия их целей. Эта не умещающаяся в принятые рамки диффузность данного феномена усиливается наличием двух, а в случае русской культуры трех терминов для его обозначения: "этика", "мораль", "нравственность". Усилия философов развести их хотя бы таким образом, чтобы термин "этика" закрепить за наукой (исследовательской традицией), а термины "мораль" и "нравственность" за той реальностью, которая составляет её предмет, разбивается о своевольную стихию человеческой практики, которая не желает в данном случае ни отрывать действие от размышления, ни тем более отдавать последнее на откуп ученому сословию. Прекрасное свидетельство и оправданность этого – прикладная этика, где термин "этика" имеет смысл, приближающийся к моральной теории, но в первую очередь употребляется для обозначения определенного фрагмента самой моральной реальности. Прикладная этика представляет собой не вторичную рефлексию, а первичный моральный опыт – сознательный, осознанный, даже теоретически насыщенный, но тем не менее первичный опыт, который уже потом, после того, как он дан, становится предметом философских и иных специализированных обобщений. Поэтому, когда Бакштановский и Согомонов говорят об этико-прикладном знании в его соотнесенности с фундаментальным знанием, то надо полагать, что они имеют в виду разные уровни самого морального сознания. В частности, над фундаментальным

знанием в этом случае подразумеваются не философские концепты, а основоположения (принципы) самой морали – то, что составляет общую посылку в силлогизме поступка. Речь, следовательно, идет о соотношении, связи конкретных моральных решений с общими моральными принципами. Прикладная этика представляет собой особый тип или, если рассуждать в историческом разрезе, особую стадию такой связи. Что представляет собой этот тип (стадия) связи?

Я попытаюсь высказать несколько не всегда акцентируемых в нашей литературе соображений по этому вопросу через сопоставление прикладной этики (на примере биоэтики) с профессиональной этикой (на примере этики врача). В понимании профессиональной этики среди специалистов тоже нет единства мнений. Делая и в этом случае необходимые для ответственности рассуждения оговорки, также будем рассматривать профессиональную этику в сопряжении с общей моралью (фундаментальными принципами морали). Профессиональная этика представляет собой конкретизацию общей морали применительно к специфике профессии и занимается главным образом нормами, правилами поведения. В ней можно зафиксировать, по крайней мере, два признака, которые, разумеется, не являются исчерпывающими, но, тем не менее, вполне специфичны для неё и, самое главное, бесспорны в своей очевидности. Профессиональная этика, во-первых, учреждает соответствующую профессию в качестве нормозадающей этической инстанции, и, во-вторых, описывает те исключения (отступления) от общих моральных принципов, которые диктуются логикой профессии и в конкретном профессиональном контексте воспринимаются не как отступления, а как адекватное выражение духа самих этих принципов.

Особое место морали в человеческой культуре как её исходной основы и высшего критерия оценки среди всего прочего обнаруживается также в способе, каким она в ней явлена и аргументирована. Считается, что моральные принципы представляют собой изначально-безусловное воплощение правды жизни. Их происхождение чаще всего окутано легендами, свидетельствующими об их единственности и бесспорности. В этом отношении самой показательной является иудео-христианская версия, согласно которой моральные заповеди даны самим Богом. Врачебная этика направлена на то, чтобы правду и таинство морали, заключенный в ней высший смысл перенести на врачебную деятельность. Врачебная деятельность возвышается до уровня миссии, служения; речь идет не просто о том, что от врача требуется самоотверженность и другие моральные качества, а самой его деятельности придается нравственный статус, как если бы это была не просто профессиональная работа, а ещё и некое священнодействие. Она сама по себе рассматривается в качестве нравственно ценной. Врачебная этика исходит из презумпции, согласно которой адекватное поведение в рамках врачебной деятельности не может не быть нравственным. Отсюда – претензия на особый статус, что выражается в профессионально-сословном корпоративизме по отношению ко всему обществу и в патернализме по отношению к больным. Отсюда – клятва, призванная зафиксировать и одновременно придать этой

деятельности святость. Не случайными внешними факторами, а существом дела определяется тот факт, что клятва Гиппократа, являющаяся истоком и нормативным ядром врачебной этики, начинается словами "клянусь врачом Аполлоном, Асклепием, Гигиеей и Панакеей, а также всеми богами и богинями..." И если в современных клятвах врачей нет таких или аналогичных ссылок, то это говорит только о том, что они в этом пункте не соответствуют понятию клятвы.

Этическая институциализация врачебной деятельности не ограничивается тем, что в ее рамках конкретизируются общие моральные принципы, как, например, в той же клятве Гиппократа устанавливающей запрет не вообще на прелюбодеяние, а на прелюбодеяние с больными. Она доходит до того, что санкционируются отступления от общих принципов, если это признается целесообразным с традиционной точки зрения. В этом смысле врачебная деятельность – не просто посредствующее звено между общей моралью и конкретными решениями. Она оказывается уже источником морали. Врачебная этика до недавнего времени исходила из того, что врач должен скрывать смертельный диагноз от больного, оправдывая это интересами последнего. Данное отступление от принципа "не лги" явно не ставило под сомнение его безусловность вообще, но тем не менее по сути было таковым. Здесь речь идет не просто о некой особенности профессионального этоса, а об особом образе самой морали. Требование "не лги" представляет собой такой моральный принцип, который в известном смысле тождественен самой морали. Обосновывая право отступления от него, и делегируя это право врачу, врачебная этика соединяет мораль и профессию (врачебную деятельность) столь полно, что последняя не только воплощает мораль, но еще и порождает ее.

Прикладная этика в отличие от профессиональной занимается общезначимыми проблемами (а не профессиональным поведением) и рассматривает конкретные моральные ситуации (а не нормы). Рассматривая биоэтику в качестве её типичного случая, следует сказать, что последняя а) отменяет нравственную автономию профессии в пользу автономии личности – освобождает больного от этически аргументированного патернализма врача, вообще лишает деятельность последнего особого возвышающего её ореола, а тем самым и без каких-либо оснований, дающих моральное преимущество; б) доводит автономию личности до пределов, которые не снились самому Канту, до права принимать решения относительно жизни и смерти (правда, пока своей собственной).

В рамках биоэтики отношения больного и врача трансформируются в отношения личности и общества. Благодаря принципу информированного согласия человек в ситуации болезни становится таким же полномочным субъектом ответственного выбора как и в других ситуациях морально значимых решений, а врач оказывается ассистентом, мнение которого является одним из оснований его выбора. Врачебная деятельность в рамках биоэтики уже не замыкается корпоративно-профессиональными интересами, а рассматривается в широком контексте экономических и общественных

отношений, в рамках прямых социальных обязанностей государства перед гражданами. Врачебная этика в ее традиционно-профессиональном варианте была нацелена на то, чтобы обозначить исключения из общей морали, которые обусловлены своеобразием профессии и оправданы в её рамках. Биоэтика в отличие от неё элиминирует специфику ситуации болезни таким образом, чтобы она даже в своих крайних проявлениях, которые по преимуществу и интересуют биоэтику, не препятствовала индивиду оставаться нравственно-автономным субъектом.

Моисей, первый и великий учитель морали, резюмируя переданные через него народу Израиля заповеди Бога, говорил: "Я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло" (Втор. 30, 15). Прикладная этика признает тождество жизни и добра, смерти и зла. Но она считает (и, пожалуй, на концептуальном и общественно признанном уровне впервые считает), что эта абсолютная граница не предзадана и устанавливать ее для себя – суверенное право каждой личности. Именно так можно интерпретировать развернувшиеся в рамках биоэтической практики и теории дискуссии об эвтаназии, границе жизни и смерти, аборте и т.д. В них релятивируется норма "Не убий", являющаяся прямым нормативно конкретизированным синонимом морали. Теперь уже не эта норма является нравственной границей, а решение личности относительно неё. Отступление от нее допускались и раньше, но именно как отступления, которые к тому же интерпретировались как вынужденное зло. Здесь же, в рамках биоэтики, в частности, в случае эвтаназии, речь идет о том, что может быть нравственно санкционировано само решение индивида об убийстве (правда, только применительно к самому себе, но ведь все моральные решения имеют ту особенность, что они обращены на того, кто принимает эти решения, что в них и через них индивид ставит на кон самого себя). Тем самым вековечный спор между этическим абсолютизмом (универсализмом) и этическим релятивизмом, который в другой формулировке выступает как дилемма: "Человек для морали или мораль для человека", решается в рамках биоэтики в пользу второго.

* * *

Высказанные выше соображения при всей их краткости и фрагментарности позволяют заключить, что прикладная этика находится на основной линии эволюции моральной практики и этической теории. Если даже предположение о том, что она представляет собой современную форму этики, является преувеличением, то одно тем не менее несомненно: она заслуживает более пристального внимания и более почетного места, чем ей отводится в современных систематизациях этики, в которых она, как правило, загнана в конец, в последние главы.

Литературный источник

Гуссейнов А.А. Размышления о прикладной этике // Ведомости Научно-исследовательского Института прикладной этики. Вып. 25: Профессиональная

этика / Под ред. В.И.Бакштановского и Н.Н.Карнаухова. – Тюмень: НИИПЭ, 2004. – С. 148-159.

Интернет-источник
http://ethicscenter.ru/ed/kaunas/gus.html

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА – СИНТЕТИЧЕСКАЯ СФЕРА ЗНАНИЯ, ПОМОГАЮЩАЯ ЧЕЛОВЕКУ УСТАНОВИТЬ ГАРМОНИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ С ОКРУЖАЮЩИМ МИРОМ

И. А. Ильиных

Развитие гармоничных отношений человека с окружающим миром может стать одним из возможных путей выхода из множества кризисов (психологический, социальный, демографический, экологический…), существующих в мире, населенном людьми. Все кризисы связаны между собой и один неизбежно вытекает из другого. Любой кризис возникает тогда, когда привычные действия не приводят к положительным результатам, когда ресурсы исчерпываются, когда предъявляемые требования не имеют возможности удовлетворения… Тогда необходимо выйти на новый уровень: найти новые ресурсы…, открыть новые способы..., развить новые способности…, что-то по-новому осознать… Вобщем, выйти за рамки привычного, обыденного и устаревшего.

Экология стала входить во все сферы человеческой деятельности именно тогда, когда кризисы созрели и потребовали своего разрешения. А разрешение кризиса – неизбежный и закономерный процесс развития. Другое дело какую модальность примет это разрешение: негативную или позитивную. Желание экологии под новым углом зрения рассмотреть все накопленные человечеством знания и применить их для устранения дисгармоний, в основном в отношениях «человек-природа», вполне заслуживает внимания. В этом смысле у экологии есть очень большой потенциал. Но, одно дело осознать перекосы, а другое дело устранить их. Как найти позитивное, жизнеутверждающее основание в отношениях человека и природы. Как определить «правильные отношения» с природой? Как построить их? И, вообще, могут ли быть у человека какие-то отношения с деревом, цветком или бабочкой?

И тогда стала формироваться новая сфера знания «экологическая этика», которая занялась поиском оснований для развития гармоничных отношений человека с другими людьми и миром природы.

Проблемы, которые экологическая этика пытается решать

- Поиск оснований для осознания самостоятельной ценности каждой формы жизни (животных, растений, микроорганизмов, минералов и других существ).

- Осознание необходимости нравственной чистоты человека в отношениях со всем миром в целом и с каждой формой жизни в отдельности.
- Поиск идеального образа отношений человека и окружающего мира, включающего в себя все, что находится за пределами самого человека, неважно другой это человек или «живая» и «неживая» природа.
- Проблема воплощения в жизнь идеального образа отношений человека и окружающего мира.
- Проблема поиска гармонии в отношении человека и окружающего мира.

Пространство экологической этики

Пространством экологической этики является внутренне пространство. Это пространство внутри человека или иного существа, где происходит внутренняя работа – работа души, ума, сердца. Это то пространство, это то поле, где происходит взаимодействие человека и предметов, окружающего его мира. Это пространство чистое, свободное от житейской суеты, потребительских расчетов, поисков выгоды и т.п. Это пространство, где рождается творчество. Это то пространство, где происходит совместное творчество человека и любого существа окружающего мира, с которым человек вступает во взаимодействие.

Предмет исследования экологической этики

Предметом исследования экологической этики является внутреннее содержание отношений человека с окружающим миром: Человеком, Животным, Растением, Микроорганизмом, Минералом, Молекулой, Атомом. Раскрытие положительного и отрицательного взаимодействия между всеми составными частями Мироздания; раскрытие сознания у тех форм жизни (растения, микроорганизмы, молекулы, минералы и т.д.), которые еще не признаются наукой как формы, обладающие сознанием.

Идеал экологической этики

Отношения каждого существа во Вселенной в идеале должны основываться на высших чувствах: любви, сочувствии, сострадании, сопереживании, уважении, заботы, бережном отношении ко всему сущему. Но любовь выше всех высших чувств и идеалов. Хотя в нашем мире человеческая любовь приобрела уродливые формы, все же в сердце каждого есть образ истиной любви – любви отдающей себя другому и тем самым соединяющей миры отдельных существ в прекрасный узор единой ткани универсума. Такая любовь есть единственное средство для того, чтобы преодолеть кажущуюся отделенность и постоянно ощущать полноту бытия.

Средства экологической этики

Средствами экологической этики могут служить любые свидетельства духовного опыта, накопленные за всю историю существования человечества и выраженные в форме художественных, научных, философских литературных произведений или других форм искусства, помогающие понять, осознать, почувствовать внутреннюю жизнь окружающего мира, мира природы, связь всего со всем, научиться различать положительное и отрицательное влияние

мыслей, эмоций, поступков человека на свою жизнь и жизнь окружающего мира.

Экологическая этика как метод познания окружающего мира

Поиск нравственных оснований для взаимодействия человека и окружающего мира помогает выйти на новую ступень познания окружающего мира, когда мир воспринимается не снаружи, как это происходит при использовании научного метода познания (познание посредством наблюдения за феноменами, видимыми формами природы), а изнутри. Когда познающий субъект пытается интуитивно почувствовать внутреннюю суть окружающего мира и внутренние связи, существующие в нем. Такой способ познания не оставляет человека в рамках своего холодного ума, а выводит за пределы, растворяет границу между субъектом и объектом и отношения «я и ты» превращаются в отношения «я это ты». Здесь происходит слияние сердца и ума – сердце становится умным, ум сердечным, а сам процесс познания превращается в духовное переживание, которое захватывает все существо человека и выводит его в новые измерения его собственной сущности и сущности познаваемого. Так раскрывается Тайна жизни, которую вечно пытается познать человек. Причем такой способ познания является эволюционным, т.е. помогающим человеку трансформировать все свое существо, потому что получает он наилучшие энергии от других существ и сам дарит им лучшее, что есть в нем, вступая в отношения с окружающим миром из своего чистого внутреннего мира. Человек раскрывается сам и помогает раскрыться другим существам. Развивается сам и помогает развиваться другим существам. Разве не для такого созидательного взаимодействия мы находимся здесь на Земле?

Если для экологической этики, рожденной в лоне современной научной парадигмы, поиск оснований гармоничного взаимодействия человека с окружающим миром является задачей, требующей разрешения, то в религиозно-философских учениях Востока это уже давным-давно известно и не является тайной, которую надо познать. Поэтому знания Востока перетекают в экологическую этику и становятся основанием для развития самой сферы знания, распространения, практического использования и научного подтверждения Истины (которая и не требует доказательств, но это нужно для убеждения некоторых скептических умов). Тем более что сама жизнь заставляет человека, если он не хочет сам, пересмотреть свои отношения к окружающему миру.

Отношения, основанные на живых нравственных ценностях, взятых человеком не из отвлеченных моральных правил и традиционных норм, а из глубины своей души, становятся осознанными и потому истинно нравственными отношениями и обязательно наполнены любовью. Так любовь является неотъемлемой составной частью души каждого человека. А если человек не чувствует любви в своей душе? Тогда нужно просто поглубже войти в свою же душу, и без сомнения, любовь обнаружится там, она просто ждет пока мы захотим ее извлечь на свет и подарить всем близким и дальним, включив в круг своих любимых и мир природы. Ведь эти существа давно ждут,

что мы признаем их внутреннюю ценность. Поймем, что они способны чувствовать, понимать, осознавать. Осознаем, что они могут быть нашими друзьями, собеседниками, помощниками. Нам нужно совсем немного – поверить в реальность сказки, войти в нее и жить в ней, где мы знаем язык птиц, зверей, деревьев, цветов, где мы способны быть мудрыми волшебниками.

Заключая свое размышление хочется еще раз подчеркнуть, что гармоничное разрешение всех проблем возможно только в том случае, если за ответами мы обращаемся к сердцу, душе и все отношения строим на прочном фундаменте знаний, накопленных душой.

ПРЕДМЕТ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭТИКИ: ПРИРОДНЫЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ

В. В. Мантатов

Сегодня все мыслящие люди планеты чувствуют и понимают, что мы идем дорогой техногенной цивилизации навстречу к экотехнологическому апокалипсису. Еще старик Ламарк предупреждал: «Назначение человека как бы заключается в том, чтобы уничтожить свой род, предварительно сделав земной шар непригодным для обитания». Основными признаками надвигающейся катастрофы являются разрушение биосферы, химическое отравление человека и природы, деградация «природного» человека. В «Декларации Земли», принятой Международной комиссией ЮНЕСКО в 2000 году, современная мировая ситуация характеризуется следующим образом: «Доминирующие схемы производства и потребления ведут к экологическому опустошению, истощению ресурсов и массовому исчезновению биологических видов. Происходит разорение сообществ. Блага, приносимые экономическим развитием, доступны не всем, и пропасть между богатыми и бедными все более и более увеличивается. Во всем мире распространены несправедливость, нищета и насилие, которые являются причиной страдания. Увеличение роста населения Земли усиливает давление на экологические и социальные системы. Основы глобальной безопасности находятся под угрозой.

Если главной причиной деградации окружающей среды являются доминирующие схемы производства и потребления, то решение экологической проблемы возможно лишь на уровне изменения характера и способа человеческой деятельности. Поскольку любое социальное действие есть материализация человеческой мысли, необходимо прежде всего изменение ценностного сознания мировоззрения людей. Экологическая катастрофа есть следствие технократического мировоззрения и потребительской психологии людей.

Неизбежность эколого-этической революции

На наш взгляд, основополагающим фактором и главным условием решения проблемы окружающей среды является освоение обществом новой

(эколого-гуманистической) парадигмы, утверждающей безусловность ценность природы и признающей необходимость коэволюции человека и природы. Выдвигая данную гипотезу, мы опираемся на следующие обстоятельства и факторы.

Фактор глобальный: надежды на то, что решение экологической проблемы может быть достигнуто при дальнейшей технизации общества по сценарию «искусственно поддерживаемой биосферы» не имеют основания. На функционирование такой системы потребовалось бы 99% всех ресурсов техногенной цивилизации, что абсолютно нереально.

Фактор региональный: опыт природоохранной деятельности в нашем регионе убеждает нас в том, что «байкальская проблема» не может быть решена в полной мере ни путем технологических инноваций, ни путем социально-экономических изменений. Проблема охраны озера Байкал обсуждается более пятидесяти лет, однако «воз и ныне там». За это время произошла смена социально-экономических укладов и форм собственности. Однако, ни при социализме, ни при капитализме не удалось и не удается решить «байкальскую проблему», Более того, за последние годы масштабы загрязнения (реального и потенциального) озера Байкал принимают угрожающий характер. Напрашивается вывод о том, что глубинной причиной ухудшения экологической ситуации на Байкале являются сложившиеся схемы мышления и ценностные ориентации людей. Следовательно, необходима смена парадигмы мышления и поведения людей, необходимо изменение отношения общества к природе. Эти наши выводы согласуются с основными положениями «Политической Декларации» Всемирного Саммита по устойчивому развитию в Йоханнесбурге. Политическая элита мирового сообщества начинает понимать, что утверждение нравственных принципов не только в отношениях между людьми и государствами, но и в отношениях человека и общества с окружающей средой необходимо для выживания человечества в условиях глобального экологического кризиса. Само происхождение рода человеческого связано с нравственным императивом и выживание человечества зависит от того, насколько люди смогут подчинить свою деятельность требованиям морали «как абсолютного начала жизни» (А.А.Гусейнов). Нравственно-этические идеалы, в частности, принцип благоговения перед жизнью, должны стать основными регуляторами как общественных отношений, так и взаимодействия общества с природой. Нет надобности доказывать, что любые социальные изменения обусловливаются прежде всего духовно-нравственной атмосферой в обществе.

Мы сможем дать адекватный ответ на вызов окружающей среды лишь тогда, когда сумеем изжить технократические иллюзии, и, полностью переменив свои ценностные установки, подниматься до понимания этического начала жизни как чего-то основополагающего и фундаментального. Сегодня мы стоим перед необходимостью новой революции в нашем сознании и в нашем поведении – а именно революции эколого-этической, затрагивающей общественные структуры не менее глубоко, чем революция, осуществленная Коперником. Подобно революции Коперника, экологическая этика связана с

глобальным изменением сознания и бросает вызов всей системе жизнедеятельности человека. Экологическая этика предлагает новую концепцию самореализации человека, согласно которой узкое эго человека развивается в альтруистическое Я, открытое миру, способное объять всю природу «освободительной любовью» (Д.Дивол). Такое расширенное сознание человека преодолевает узость антропоцентризма и становится выразителем «интересов» биосферного целого, или «экосистемного блага». В этом плане экологическая этика находится в таком же отношении к этике антропоцентризма, как эйнштейновская физика по отношению к ньютоновской.

Внутренняя ценность природных феноменов

В этике, как правило, выделяют две главные проблемы: одна – это вопрос о том, что есть благо само по себе, вторая – вопрос о том, что имеет ценность как средство для достижения блага. Иначе говоря, речь идет о различии между внутренней ценностью и инструментальной ценностью; при этом определение того, что и в какой степени имеет внутреннюю ценность предстает как особая задача этики. «Как только мы задумываемся над понятиями «внутренней ценности» или «внутреннего добра», – писал Д.Мур, – или говорим, что какая-то вещь «должна существовать», предметом нашего мышления становится уникальный объект – единственное в своем роде свойство предметов, которые я обозначаю как «добро». Этическая оценка какого-либо предмета как блага не совпадает ни с какой другой оценкой этой вещи – ни с оценкой полезности, ни с оценкой приятности, ни с обнаружением каких-то его естественных свойств. Что касается предмета экологической этики, то его можно идентифицировать как благо всех живых существ и экосистем. Утверждая: «Это есть благо», мы имеем в виду, что предмет, о котором идет речь, находится в некотором определенном ценностном отношении к какой-то другой вещи.

Экологическая этика дает оценку человеческим поступкам с точки зрения экосистемного блага. Экосистемная оценка представляется нам более сложным когнитивным процессом, чем установление этических суждений в человеческой сфере. В экологической этике важно рассмотреть не только непосредственный результат человеческого действия, но и «результаты этих результатов», по выражению Д.Мура. Между тем, очевидно, что наше предвидение никогда не может быть настолько точным, чтобы мы могли с уверенностью сказать, что рассматриваемое действие дает наилучшие из возможных результатов в отдаленной перспективе.

Экологическая этика не говорит нам, что надо делать, не указывает на то, что такое-то решение является единственно верным. Наше знание причин и следствий в мире слишком неполно, чтобы выполнять такие указания. «Мы никогда не можем быть уверены, что такой-то поступок осуществит наивысшую возможную ценность». Однако остается более скромная задача, которую экологическая этика, вероятно сможет решить, а именно выяснить, какая из наиболее вероятных альтернатив создаст наибольшую сумму благ в универсуме. Но даже такая задача является неизмеримо трудной. Говоря, что защита природы лучше, чем природопотребительская идеология, мы хотим

сказать, что первая альтернатива имеет большую внутреннюю ценность, чем вторая. Выбирая тот или иной поступок, мы полагаем, что он является наилучшим, то есть степень внутренней ценности поступка вместе с ценностью его последствий больше, чем у любых альтернативных.

Экологическую этику интересует прежде всего внутренняя ценность природных феноменов. Возьмем для примера следующую ситуацию выбора. Можно ли пожертвовать чистой байкальской водой ради строительства нефтепровода или какого-нибудь добывающего предприятия? Ответ на этот вопрос будет зависеть от того, на какие ценности ориентируются те, кто принимают решения. Майк Стенмак в своей книге «Этика окружающей среды и политическая деятельность» доказывает, что различия в понимании основных ценностей порождают дивергенцию политических подходов в области охраны окружающей среды. Например, конфронтация между экологами и технократами основана на серьезном расхождении в понимании того, что мы называем «ценностью». Для технократа ценность имеет лишь то, что можно построить и эксплуатировать, то, из чего можно извлекать выгоду, пользу, прибыль. Понятия «жизнь природы» или «дух Байкала» бессмысленны для технократа, в то время как экологу они напоминают о сакральной ценности природы. Невозможно заставить беречь Байкал того, для кого сам Байкал представляет лишь инструментальную ценность, то есть не имеет внутренней ценности, и наоборот, эколог на вышепоставленный вопрос однозначно ответит: «нет», поскольку для него Байкал имеет внутреннюю ценность, независимую от интересов общественных групп. Эколог допускает вероятность того, что по прошествии достаточно большого времени могут проявиться такие ужасные последствия строительства нефтепровода вдоль побережья Байкала, которые уничтожат тот перевес экономических благ, на который рассчитывают строители, а именно уничтожение экосистемы озера Байкал – величайшей ценности мира, что недопустимо. Поэтому экологическая этика ориентирует нас на мудрое сохранение меры предосторожности во всем, исходя из понимания внутренней ценности вещей, самоценности природы как органического целого.

В Конституции Республики Бурятия записано: «Каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к озеру Байкал и другим природным богатствам». В озере Байкал сосредоточено 20% мировых запасов пресной воды. В целях обеспечения охраны озера Байкал, на прилегающей к нему территории запрещена всякая хозяйственная деятельность, которая может нанести вред биосфере. Здесь внутренняя ценность «природного наследия» поставлена выше интересов местных сообществ и любых инструментальных ценностей. По сути дела, на Байкальской природной территории идет первый в мире эксперимент по апробации принципов экологической этики.

Единство природных и человеческих ценностей

Ценность является базовым термином этики. Из ценности того или иного феномена мы выводим обязательства по отношению к нему. Этика окружающей среды становится возможной лишь тогда, когда осознается

внутренняя ценность природных феноменов и формулируются соответствующие обязательства по отношению к ним. Все этические учения, как правило, связывают ценность с человеком; экологическая этика расширяет понятие ценности до масштабов экосистемного блага. Такой подход позволяет сохранить традиционные гуманистические ценности и одновременно утверждать экологический холизм. Мы должны с благоговением относиться к природе, и мы вправе также позволить себе «гуманизировать» её по законам красоты. Экологическая этика утверждает самоценность природы и одновременно вводит мир природы в пространство человеческих ценностей. Здесь отношение человека к природе взвешивается «на идеальных весах морали», по выражению А. А. Гусейнова. Мораль есть форма самообязывания, самоограничения, самоотказа. С точки зрения экологической этики условием морального поведения человека является отказ от насилия по отношению к природе, т.е. ненанесение вреда всему живому, отказ от роскоши и потребительства.

В экологической этике выделяются, как правило, две позиции: антропоцентризм и биоцентризм. Антропоцентризм представляет собой идею, согласно которой человеческое поведение по отношению к природе должно быть оценено на основании того, как оно влияет на человеческое благополучие, тогда как биоцентризм отстаивает мнение, что человеческое поведение по отношению к природе должно быть оценено на основании того, как оно влияет на другие живые существа или экосистемы. Антропоцентристы доказывают, что только люди имеют внутреннюю ценность или моральный статус. Довод, который выдвигают биоцентристы таков: все живые существа или экосистемы имеют внутреннюю ценность или моральный статус. Наша позиция такова Необходима конвергенция антропоцентризма и биоцентризма в целях обеспечения охраны природы и здоровья человека. Различия в ценностных позициях не должны мешать принятию релевантных решений в области охраны окружающей среды. Например, и антропоцентристы, защищающие право всех людей (и нынешнего и будущего поколений) на здоровую окружающую среду, и биоцентристы, отстаивающие интересы «природы» поддерживают курс на устойчивое развитие. Политика устойчивого развития является релевантной и эффективной тогда и только тогда, когда она опирается как на антропоцентричную, так и на биоцентричную этику.

Современная практика устойчивого развития базируется на антропоцентричной этике. Следующие пять принципов раскрывают содержание антропоцентричной этики устойчивого развития: а) принцип возмещения корпорацией (предприятием) социальных и экологических издержек; б) принцип экологической ответственности; в) принцип ограничения потребления материальных благ; г) принцип приоритетности здоровья человека.

Антропоцентричная этика устойчивого развития – это концепция сохранения собственного «дома бытия». Благо человечества (настоящего и будущего поколений людей) – превыше всего. Забота об охране окружающей среды приемлема в той степени, в какой она способствует поддержанию

экологического благополучия человека и человечества. Биоцентричная этика устойчивого развития базируется на ценности природы. В частности, она признает а) ценность разнообразия; б) ценность естественной эволюции; в) ценность редкости (вида, индивида, объекта); г) ценность красоты; д)ценность жизни – в – сообществе; е) ценность Матери-Земли и т.д.

Природа – носительница и держательница объективных ценностей. Земля существовала до появления человека; и было бы абсурдно, например, говорить, что появление человека сделало ценным то или иное существо в эволюционизирующей экосистеме: ценностные отношения формируются на уровне биологической организации материи задолго до появления человека. Следовательно, люди в своей оценке природы должны следовать самой природе. В самой природе есть «предценности», которые как бы воспламеняются человеческим интересом. Холмс Ролстон приводит следующий перечень ценностей природы: жизнеподдерживающая, экономическая, эстетическая, историческая, научная, религиозная, культурно-символическая, терапевтическая и т.д. В иерархии ценностей экологической этики (как синтеза биоцентризма и антропоцентризма) высшую позицию занимает категория жизни, охватывающая как жизнь человека, так и жизнь природы.

Экологическая этика – междисциплинарная наука о коэволюции человека и природы – обосновывает единство природных и человеческих ценностей. Например, нетрудно доказать, что сохранение биоразнообразия есть человеческое благо. И наоборот, здоровый, умеренный образ жизни способствует устойчивому развитию мира, снижая потребление ресурсов и массу отходов. Но как нам быть и действовать в конфликтной ситуации, когда человеческие права и ценности приходят в противоречие с требованиями сохранения биоразнообразия и консервации природных ценностей? Имеют ли люди право на хозяйственную деятельность, если последняя ведет к деградации окружающей среды? Ответы на эти вопросы требуют всестороннего анализа и взвешивания конфликтующих ценностей. С точки зрения экологической этики права человека не абсолютны, и они должны быть согласованы с природными ценностями. Права отдельных людей или сообществ на природопользование должны быть ограничены, если они наносят вред естественным экосистемам или приходят в противоречие с правами других людей на здоровую окружающую среду.

В качестве примера того, что может произойти с человеком, когда игнорируется требование устойчивости экосистем, и их характеристики выходят за пределы определенных пороговых значений, рассмотрим ситуацию на Аральском море. За последние 40 лет чрезмерный отвод воды для целей ирригации из Амударьи и Сырдарьи – двух основных рек, питающих Аральское море, – привел к снижению его объема на 85%, а его уровня – на 18 метров, а также к сильному засолению оставшейся воды, обнажив более 40 тыс. кв. км солончакового морского дна. Обнажившееся морское дно и загрязнение нижнего течения рек принесли крупные неприятности человеку и его здоровью. В дельте Амударьи за последние 15 лет число заболеваний почек и

печени, особенно раковых, возросло в 30-40 раз, хроническим бронхитом – в 30 раз, суставов – в 60 раз. Еще один пример. Масштабное обезлесение в бассейне реки Янцзы (с 1950 года площадь, занимаемая лесом, сократилась более чем наполовину) вызвало в 1998 году крупное наводнение в Китае, в результате которого погибли десятки тысяч людей. Эти примеры убеждают нас в том, что необходима разработка стратегии устойчивого развития, основанной на конвергенции человеческих и природных ценностей.

Ценностные основания экологической этики

Наука и религия – это два столпа, на которых зиждется ценностная ось экологической этики. Обе ценностные установки необходимы для формирования этики окружающей среды, обеспечивая соприкосновение с двумя существенными, но разными сферами человеческой экзистенции. Наука важна для экологической этики как минимум – в трех аспектах. Во-первых, наука может сформулировать ограничения, которые налагают на человеческое поведение социальные и биологические структуры; во-вторых, наука может более или менее надежно оценивать последствия принятия решений для человека и природы; в-третьих, наука помогает сформировать целостное мировоззрение, в рамках которого мы принимаем экологические решения. Хотя наука – важный источник этики, но ее одной недостаточно для построения экологической этики. Фредерик Грегори справедливо замечает, что «перед лицом экологического кризиса радикальное отделение науки от религии представляется интеллектуальной роскошью, которую человечество не может себе позволить». В данном контексте мы не пытаемся оценить по достоинству все разнообразие религиозной мысли, касающейся природы, но можно, по крайней мере, отметить релевантность и значимость всех мировых религий для развития экологической этики. Например, в даосско – буддийской традиции путь к гармонии и целостности – это чистота мыслей, свобода от власти страстей и желаний, несовершение некрасивых действий, способность следовать естественному порядку вещей. Буддийская этика поощряет смирение и умеренность, простоту и бережливость, медитацию и сострадание. Буддийская философия обосновывает неразрывную связь между нравственностью и экологией человека; это такая взаимозависимость, что, по сути дела, речь идет о некоторой целостности, о некотором тождестве. Безнравственное поведение не только разрушает здоровье человека, но оно вызывает мировой пожар, мировой хаос. Буддийский мыслитель Падмасамбхава (VIII н.э.) писал: «К концу эры, когда эгоизм человечества будет непрерывно нарастать, когда преступники станут вождями и эти вожди станут грабить и воровать, а высокие учителя будут бродить по улицам как нищие, тогда наступит мировой хаос. Разрушенный небесный порядок освободит эпидемии, голод и войну, неожиданные наводнения, пожары и ураганы». Таковы последствия разрушения нравственности. Мы многому можем научиться у даосизма и буддизма, особенно в той их части, которая связана с уважением к миру и космосу.

Библейская традиция тоже включает заботу о природе. Земля принадлежит Богу – и людям заповедано быть ответственными хранителями ее, «возделывать сад и заботиться о нем» (3 : 23). С позиции этики устойчивого развития представляют интерес библейские обоснования необходимости ограничения потребления и аскетической морали. Иен Барбур предлагает синтез экологии и христианства, и этот синтез представляется ему «многообещающей концептуальной основой для природоохранной этики». Заметим в связи с вышесказанным, что не только христианство, но вся религиозная традиция содержит огромный ценностный потенциал для экологической этики. Без возрождения как трансцендентных, так и аскетических идеалов религии нам не обуздать человеческую алчность, которая является главным источником экологических бедствий. Возможно, ограничение наших желаний и потребностей является главным условием выживания человечества.

Сколько бы мы не призывали беречь природу, это мало что изменит в нынешней экологической ситуации, коль скоро в ценностной иерархии обладание значит больше, чем само бытие, а преобразование мира – больше, чем содержание бытия. Так, например, нам не решить «байкальскую проблему» до тех пор, пока стратегию развития нашего региона будут определять люди, страдающие технократическим утопизмом и ценностной слепотой по отношению к природе. Необходимо активное противодействие общественности силам технократии, необходимо создать противовес научно-техническому активизму, заложить ценностные предпосылки такого способа бытия человека в мире, который гарантирует коэволюцию человека и природы. В этих целях следует обратиться к религии как духовному источнику экологической этики. Именно религия утверждает бескорыстное отношение к Бытию, культивирует благоговение перед жизнью. Итак, экологическая этика в равной степени опирается как на религию, так и на науку. Тот, кто найдет научную истину о сущности природы и сумеет соединить ее с духовным императивом религии, придет к подлинной экологической этике, которая поможет нам соблюдать надлежащую меру в освоении природы и избежать экологической катастрофы.

Заключение

Нашу эпоху – вслед за В. И. Вернадским – часто называют эпохой ноосферы (сферы разума). «Созданная в течение всего геологического времени, – писал В. И. Вернадский, – установившаяся в своих равновесиях биосфера начинает все сильнее и глубже меняться под давлением научной мысли человечества… Очевидно, эта сторона хода научной мысли человека является природным явлением». Определяя ноосферу как высшую стадию развития биосферы Земли, в условиях которой научная мысль становится действенной планетарной силой, В. И. Вернадский вкладывал в это понятие эколого-этическое содержание, высокий гуманистический смысл. Иначе говоря, истинная концепция ноосферы включает в себя и науку, и этику как два равноправных начала нового эволюционного изменения биосферы. Наука, лишенная нравственного начала, великого чувства благоговения перед жизнью,

может стать фундаментом построения предельно заорганизованной, технократической ноосферы – ноосферы типа сверхиндустриального общества на умирающей планете Торманс, мастерски описанной И. А. Ефремовым в его романе «Час Быка». Будем откровенны: и на планете Земля технократически ориентированная ноосфера поставила весь мир (и мир человека, и мир природы) на грань экологической и антропологической катастрофы. Чтобы спасти жизнь на планете Земля, необходимо возродить онтологический статус этики в структуре ноосферы. Подобно феномену научной мысли, этика благоговения перед жизнью (экологическая этика) является феноменом природным, и в этом смысле «она несет в себе возможность неограниченного развития в ходе времени». Для нас важен тот факт, что идеалы и приоритеты экологической этики согласуются со стихийным эволюционным процессом, с законами ноосферы и устойчивого развития мира. В этом своем качестве экологическая этика становится абсолютной, планетарной силой, «верховным регулятором жизни нашей планеты».

Интернет-источник
http://www.nbrb.ru/books/element.php?ID=1717

ВОПРОСЫ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

1. Можно ли говорить об экологической этике как о прикладной этике или может быть экологическая этика является универсальной этикой, этикой расширившей свои границы?
2. «Экологическая этика обосновывает единство природных и человеческих ценностей». Как Вы понимаете это утверждение? Какая из наук изучает природные ценности и есть ли вообще такая наука?
3. Можете ли Вы привести примеры осознания ценности природы?
4. Является ли сейчас для большиства целовечества основным вопросом благополучие природы?
5. Как Вы понимаете гармоничные отношения человека и природы?

ЗАНЯТИЕ 2

ИДЕАЛ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭТИКИ

Цель работы – вникнув в сущность понятия идеал представить образ идеальных отношений человека и природы.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

ИДЕАЛ

Э. В. Ильенков

Идеал (франц. idéal, от греч. idéa — идея, первообраз), идеальный образ, определяющий способ мышления и деятельности человека или общественного класса. Формирование природы сообразно идеалу представляет собой специфически-человеческую форму жизнедеятельности, ибо предполагает специальное создание образа цели деятельности до её фактического осуществления.

Проблема идеала была обстоятельно разработана в немецкой классической философии. Наиболее остро она была поставлена Кантом в связи с проблемой «внутренней цели». Согласно Канту, явления, не имеющие цели, которая могла бы быть представлена образно, не могут иметь и идеала. Единственным существом, действующим по «внутренней цели», является человек как представитель рода. В животном внутренняя целесообразность осуществляется бессознательно и потому не обретает форму идеала, особого образа цели. Согласно Канту, идеал как воображаемое (достигнутое в воображении) совершенство человеческого рода характеризуется полным и абсолютным преодолением всех противоречий между индивидом и обществом, то есть между индивидами, составляющими «род». Таким образом, осуществление идеала совпадало бы с концом истории. В силу этого идеал, по Канту, принципиально недостижим и представляет собой только «идею» регулятивного порядка. Он указывает скорее направление на цель, чем задаёт образ самой цели, и потому руководит человеком скорее как чувство верного направления, чем как ясный образ результата. Только в искусстве идеал может и должен быть представлен в виде образа — в форме прекрасного. Идеал науки («чистого разума») задаётся в виде принципа «запрета противоречия», моральный идеал («практического разума») — в форме категорического императива. Ни там, ни здесь наглядно представить себе состояние, соответствующее идеалу, нельзя, ибо оно неосуществимо в течение сколь угодно длительного, но конечного времени. Поэтому идеал и «прекрасное» становятся синонимами, и жизнь идеала допускается только в искусстве. Эти идеи Канта получили развитие в соч. Ф. Шиллера, Г. Фихте, Ф. В. Шеллинга и немецких романтиков.

Г. Гегель, остро понявший бессилие кантовского представления об идеале, развенчал его как абстракцию, выражающую на деле один из моментов развивающейся действительности «духа» (то есть истории духовной культуры человечества) и противопоставленную другой такой же абстракции — «эмпирической действительности», якобы принципиально враждебной идеалу и несовместимой с ним. Идеал становится у Гегеля моментом действительности, образом человеческого духа, вечно развивающегося через свои имманентные противоречия, преодолевающего свои собственные порождения, свои

«отчуждённые» состояния, а не изначально внешнюю и враждебную ему «эмпирическую действительность». Идеал науки (научного мышления) поэтому может и должен быть задан в виде системы логики, а идеал практического разума — в виде образа разумно устроенного государства, а не в виде формальных и принципиально неосуществимых абстрактных императивных требований, обращенных к индивиду. Идеал как таковой поэтому всегда конкретен, и он постепенно реализуется в истории. Любая достигнутая ступень развития предстаёт с этой точки зрения как частично реализованный идеал, как фаза подчинения эмпирии власти мышления, силе идеи, творческой мощи понятия, — то есть коллективного разума объединённых вокруг идей людей. В виде идеала всегда оформляется образ конкретной цели деятельности «рода», то есть человечества на данной ступени его интеллектуального и нравственного развития. В составе идеала действительно представляются разрешенными главные, наиболее острые и окончательно назревшие всеобщие противоречия. «Дух» всегда осуществляет наличные проблемы, а не абстрактно-формальную цель «абсолютного совершенства», представляемого как неподвижное и лишённое жизни (стало быть и противоречий) состояние.

Поскольку идеал определяется Гегелем в духе традиций немецкой классической философии как наглядно созерцаемый образ цели, дальнейшая разработка проблемы идеала переходит у него в эстетику, в систему определений «прекрасного». Осуществление идеала как «прекрасного» относится Гегелем, однако, к прошлому — к эпохе античного «царства прекрасной индивидуальности». Это связано с тем, что Гегель считает буржуазное (идеализированное им) развитие культуры завершением социальной истории людей. Теоретически увековечивая капиталистическое разделение труда, Гегель считает романтической мечтой, то есть реакционным идеалом, идею всестороннего и целостного развития индивида. Но без этого идея «прекрасной индивидуальности» становится немыслимой даже чисто теоретически. Поэтому «прекрасное» (а тем самым и идеал как таковой) оказывается у Гегеля скорее образом прошлого человеческой культуры, нежели образом её будущего.

Подвергнув критике идеализм Гегеля, марксизм-ленинизм материалистически переработал диалектические идеи Гегеля относительно идеала, его состава, его роли в жизни общества и возможностей его конкретной реализации. Понимая под идеалом образ цели деятельности объединённых вокруг общей задачи людей, К. Маркс и Ф. Энгельс главное внимание обратили на исследование реальных условий жизни основных классов современного им (буржуазного) общества, на анализ тех реальных всеобщих потребностей, которые побуждают эти классы к деятельности и преломляются в их сознании в форме идеала. Идеал был впервые понят с точки зрения отражения противоречий развивающейся социальной действительности в головах людей, находящихся в тисках этих противоречий. В виде идеала в сознании всегда своеобразно отражается противоречивая социально-историческая ситуация, чреватая назревшими, но не удовлетворяемыми потребностями более или менее широких масс людей, общественных классов, групп. В виде идеала эти группы

людей и создают для себя образ такой действительности, в рамках которого наличные, гнетущие их противоречия представляются преодоленными, «снятыми», и действительность изображена «очищенной» от этих противоречий, свободной от них. Это не значит, что в виде идеала следует представлять себе грядущее состояние лишённым каких бы то ни было противоречий развития. В идеале разрешаются наличные, конкретно-исторические по существу и по происхождению, противоречия и поэтому идеал выступает как активная, организующая сознание людей сила, объединяющая их вокруг решения вполне определённых, конкретных, исторически назревших задач.

Классы, реализующие прогресс всего общества, формируют соответственно прогрессивные идеалы, собирающие под свои знамена всех активных людей, ищущих выхода из кризисных ситуаций.

Литературный источник

Ильенков Э. В. Идеал // Большая советская энциклопедия.

ИДЕАЛ

Идеал (Ideal от лат.Idealis - идеальный) – представление о совершенстве, которое, будучи высшей целью и образцом, определяет способ мышления и деятельности человека, общественного класса.

Нравственный идеал (Moral ideal) – представление о нравственном совершенстве; высший моральный образец.

Общественный идеал Public ideal – представление о наиболее совершенном общественном строе, соответствующее социальным, экономическим, политическим интересам определенных социальных групп и являющееся конечной целью их стремлений и деятельности.

Социальные ценности (Social values) – в широком смысле – значимость явлений и предметов реальной действительности с точки зрения их соответствия или несоответствия потребностям общества, социальной группы, личности.

Социальные ценности – в узком смысле – нравственные и эстетические требования, выработанные человеческой культурой и являющиеся продуктами общественного сознания.

Эстетический идеал (Aesthetic ideal; Esthetic ideal) – образ должной и желаемой эстетической ценности.

АФОРИЗМЫ ОБ ИДЕАЛАХ

То, что являет себя в совершенном образе, притягивает к себе любовное стремление. *Ханс Георг Гадамер*

У всякого несовершенства есть свой идеал, свое совершенство. *Томас де Куинси*

Довольствуйся настоящим, но стремись к лучшему. *Исократ*

Совершенство характера – это то, чтобы всякий день проводить как последний, не возбуждаться, не коснеть, не притворяться. *Марк Аврелий*

Жалок тот, кто живет без идеала! *Иван Сергеевич Тургенев*

Идеал гармонии – это архитектура или скульптура, сущность которых заключается в уничтожении времени. *Жорж Батай*

Человек не может по-настоящему усовершенствоваться, если не помогает усовершенствоваться другим. *Чарльз Диккенс*

Совершенство мира всегда адекватно совершенству созерцающего его духа. Добрый находит на земле рай для себя, злой уже здесь вкушает свой ад. *Генрих Гейне*

В совершенствовании человека – смысл жизни. *Максим Горький*

В свете ничего совершенного нет. *Екатерина II Алексеевна*

Должно или быть хорошим или подражать хорошему. *Демокрит*

Наверное, самое трагическое из несовершенств несовершенство человека. *Евгений Михайлович Богат*

Разве в несовершенном существе что-либо может быть совершенным? *Лев Карсавин*

Исходный пункт нравственного совершенства есть прежде всего материальная потребность. *Виссарион Григорьевич Белинский*

Сознание своего несовершенства приближает к совершенству. *Иоганн Вольфганг Гёте*

Идолы падают, кумиры свергаются, и в их разрушении вдруг ощущаешь неисповедимые пути Провидения. *Владимир Францевич Эрн*

Среди осколков прежнего идола водружают нового. *Элиас Канетти*

Никогда ничего не идеализируй – это может плохо кончиться. *Оскар Уальд*

Если к двадцати годам вы не идеалист – у вас нет сердца, а если к тридцати вы все еще идеалист – у вас нет головы. *Рэнфолд Борн*

Иногда можно очень приблизиться к идеалу, но нельзя достичь его. *Неизвестный автор*

Человек никогда не бывает так близок к совершенству, как при заполнении анкеты на работу. *Неизвестный автор*

Проповедь самых высоких идеалов не служит ничему, если не видит положительного пути к их достижению. *Анри Барбюс*

Польза от противников несомненна: они утверждают нас в вере, что без них мы бы не осуществили свои идеалы. *Жан Ростан*

Бог – всего лишь идея, но разве наши идеалы не являются лучшей частью нашего существования? *Эрнст Хайне*

Всякое совершенство есть иллюзия момента времени. *Леонид С. Сухоруков*

Валерий Брюсов

ИДЕАЛ

Я плакал безумно, ища идеал,
Я струны у лиры в тоске оборвал...
Я бросил в ручей свой лавровый венок...
На землю упал... и кровавый цветок
Сребристой росою окапал меня
...Увидел я в чаще мерцанье огня:
То фавн козлоногий, усевшись на пне,
Закуривал трубку, гримасничал мне,
Смеялся на горькие слезы мои,
Кричал: "Как смешны мне страданья твои..."

Но я отвернулся от фавна, молчал...
И он, уходя, мне язык показал;
Копытом стуча, ковылял меж стволов.
Уж ночь распростерла свой звездный покров...

———

Я плакал безумно, ища идеал...
Я струны у лиры в тоске оборвал...
"О, где же ты, счастье!.." Цветок кровяной
Беззвучно качнулся, поник надо мной...
Обход совершая, таинственный гном
Внезапно меня осветил фонарем
И, видя горючие слезы мои,
Сказал: "Как смешны мне страданья твои..."
Но я отвернулся от гнома, молчал...
И он, одинокий, свой путь продолжал.

———

Я плакал безумно, ища идеал...
Я струны у лиры в тоске оборвал...
И ветер вздохнул над уснувшей сосной,
И вспыхнул над лесом рассвет золотой...
Гигант — вечный странник — куда-то спешил;
Восток его радостный лик золотил...
Увидел меня, головой мне кивнул,
В восторге горячем руками всплеснул
И криком окрестность потряс громовым:
"Что было — прошло, разлетелось, как дым!..
Что было не будет! Печали земли
В туманную Вечность, мой брат, отошли..."

Я красный цветок с ликованьем сорвал
И к пылкому сердцу его прижимал...

Интернет-источник
http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RIklgr:

ВЫСШЕЕ БЛАГО. ДОБРО И БЛАГО. ИДЕАЛ

Р. Апресян

К людям далеко не сразу пришло понимание, что доброе в одном случае – это хорошее, т.е. приятное и полезное, а значит ценное для данного человека в сложившихся обстоятельствах, а в другом – нечто ценное само по себе. Но уже первые мудрецы, судя по дошедшим до нас текстам середины первого тысячелетия до н.э., говорили о качественном различии благ и оснований, по которым люди судят о том, что для них ценно, а что нет.

Образ совершенства

«Если бы счастье заключалось в телесных удовольствиях, мы бы называли счастливыми быков, когда они находят горох для еды», – заметил древнегреческий мыслитель Гераклит Эфесский. Этого философа называли «плачущим», поскольку не мог удержаться от горьких слез, наблюдая за тем, как живёт человек, к чему стремится и чему радуется. Гераклит уподоблял людей, не имеющих представления о подлинном благе, скоту: они не только не знают, да и не желают знать, высшей истины, которая постигается разумом, очищенным от влияния изменчивых пристрастий и частных интересов. Мыслитель полагал, что миром правит Логос (изначальный Разум) и жизнь человека должна быть подчинена единым и общим для всех законам.

Во времена Гераклита не было слов «мораль» и «идеал», но философ точно выявил те стороны ценностного сознания, которые позже выразили эти понятия. Среди различных ценностей, считал Гераклит, есть высшие, принципиальные — к ним и надлежит стремиться. Эту точку зрения развил в своём учении о благе другой древнегреческий философ — Аристотель. Благо, по его мнению, то, к чему человек стремится. Но к одним вещам (например, к здоровью, счастью, благосостоянию) люди стремятся ради них самих, к другим (допустим, к деньгам) — как к средству достижения первых.

Попробуем продолжить рассуждение Аристотеля. Есть вещи, которые интересуют человека как представителя профессии, или как члена того или иного сообщества, или как жителя определённой местности и т. д. Что-то привлекает только детей, что-то — взрослых, что-то — женщин, а что-то — мужчин. Однако должно быть нечто ценное для человека как такового — независимо от пола, возраста, профессии, социальных взглядов, религиозных убеждений, культурных различий и пр. Не потому, что это «нечто» важно для большого числа людей, потому, что оно не обусловлено личными

пристрастиями, частными ситуациями или стечением обстоятельств. То, что ценно для человека как такового отвечает его жизненному назначению, Аристотель называл *высшим благом*.

Это высшее благо, по Аристотелю, заключается в познавательной деятельности (разумность – свойство, которое отличает человека от растений и животных). Все остальное имеет ценность и смысл лишь в отношении к высшему благу. Оно безусловно, т.е. абсолютно (не зависит от обстоятельств) и универсально (должно быть принято каждой личностью). Оно ничему не служит, ничему не подчинено, ничем не обусловлено. В современной этике и теории ценностей, или аксиологии (от греч. «аксиа» – ценность и «логос» – «учение»), высшее благо называют *идеалом*.

Мы оцениваем, является ли что-либо морально добрым или злым, в зависимости от того, соответствует ли оно идеалу, или высшему благу.

Уже в XX столетии близкий к аристотелевскому подход предложил немецко-американский психолог и философ Эрих Фромм (1900—1980). Он исходил не из предполагаемого предназначения человека, а из изначальных и общих для всех условий жизни. Люди отличаются от животных. Последние не обладают разумом, являются частью природы и живут в гармонии с ней. Человек же, будучи частью природы, тем не менее независим от неё, он наделён разумом, понимает собственное бессилие, границы своего существования, свою смертность. Человек — существо духовное. Что это значит?

Обычно духовность связывают с религиозностью. Дух понимается как Божественный Дух, а духовность — как проникнутость религиозным чувством. В философии принято более широкое толкование данного понятия. Оно рассматривается как способность человека выходить за рамки своего «Я», определять себя иначе, как только в повседневном, не подчиняться обыденному, а преобразовывать его. Взять хотя бы такой простой пример, как гигиеническое требование регулярно чистить зубы. Если исполнение этого требования входит в привычку, оно становится для человека повседневной рутиной. Но всё меняется, когда обычное течение жизни нарушается. По воспоминаниям людей, прошедших Вторую мировую войну, привычка чистить зубы для узников Освенцима или для японских военнопленных, несколько лет содержавшихся в суровых сибирских лагерях, стала формой сохранения себя как личности средством и способом выживания в нечеловеческих условиях.

Фромм говорил, что человек – существо, преодолевающее самого себя. Он способен не только осмыслять свою жизнь (а значит, относиться к ней по критериям, превышающим мерки естественно складывающегося жизненного уклада), но и привносить в неё дополнительные смыслы.

Ту же логику, что у Гераклита, Аристотеля и Фромма, мы находим в различных религиозных учениях. В любой религии конечное предназначение человека — приобщение к Богу через личное совершенствование. Бог в религиозном мировоззрении выступает как Абсолют, предел совершенства, а мораль — как одно из средств приближения людей к этому Абсолюту. Всевышним заповеданы основные нравственные ценности и требования.

Соответственно всё, что приближает к Нему, возвышает человека. Высшими ценностями предстают те, посредством которых человек приобщается к Богу, низшими — отвращающие от Бога.

Разграничение высших и низших ценностей — это вопрос духовного содержания жизни человека. И такое различие необходимо, чтобы приобщиться к высшему. Представление об идеале как образе совершенства (во внутреннем мире личности, в человеческих отношениях или общественном устройстве) и выражают высшие ценности.

Европейская культура связана с идеалом единства. В своих ранних формах этот идеал выражен в учениях о едином начале Космоса, в гармонии с которым обретается подлинность существования. Ещё Гераклит говорил, что причина порока и духовной смерти — в отпадении людей от космического закона, Логоса. Античные представления о всемирности наиболее полно воплотились в философии стоиков (Марк Аврелий, Эпиктет, Сенека). Ранние христианские мыслители восприняли их идеи. Стоики и первые христианские проповедники показывали, что в условиях, когда люди обособлены друг от друга, приблизиться к идеалу можно лишь через самосовершенствование, преодоление собственных пороков, т. е. нравственное возвышение каждого человека, и духовное единение людей. Вознося молитву за оставляемых учеников, Христос уповает на единение всего человечества в Боге: «Да будут все едино; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино... Я в них, и Ты во Мне; да будут совершенны воедино, и да познает мир, что ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня» (Евангелие от Иоанна, 17:21, 23).

Что такое идеал

В широком смысле и в обычном употреблении слово «идеал» имеет два значения. С одной стороны, им обозначается высшая степень ценного или наилучшего, завершённое состояние какого-либо явления. Так могут именовать и мыслимые, интеллектуально сконструированные явления (например, «идеальный газ»), и реальные события и феномены («идеальное решение», «идеальная цветовая гамма», «идеально выполненное задание» и т. д.). С другой стороны, идеалом называют индивидуально принятый стандарт чего-либо, обычно касающийся личных качеств или способностей. В этом значении для одного человека идеал — Борис Гребенщиков, для другого — Майкл Джексон, для третьего — Пласидо Доминго. Строго говоря, речь здесь идёт о кумирах. Отсюда возникает впечатление, что идеалов столько же, сколько людей. Для кого-то идеальная одежда — куртка-косуха и бандана, для кого-то — классический костюм-тройка. Право иметь индивидуальный вкус и значит иметь свой идеал.

Однако в этическом смысле идеал предполагает некоторый универсальный (т. е. не изменяющийся в зависимости от обстоятельств, людей и их индивидуальных вкусов) стандарт. Идеал — наиболее общее и, как правило, абсолютное нравственное представление о благом и должном, образ совершенства в отношениях между людьми (в этом смысле общественный

идеал — устроение общества, которое обеспечивает такое совершенство) и безусловный высший образец нравственной личности. Идеал занимает ключевое место в ценностном сознании человека. Именно идеалом определяется содержание добра и зла.

Христианский идеал единства обусловил нравственное долженствование: любить ближнего, как самого себя. Требование любви к ближнему вошло в состав нашего требования, или императива (от *лат.* imperativus – «повелительный»), христианской этики. «Иисус сказал ему (фарисею): „возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим": Сия есть первая и наибольшая заповедь; Вторая же подобна ей (известная под названием заповеди любви: „возлюби ближнего твоего, как самого себя"...» (Евангелие от Матфея, 22:37-39).

Идея единства провозглашается или предполагается в качестве высшей нравственной идеи практически во всех развитых религиях, будь то даосизм, буддизм, иудаизм или ислам. Все эти конфессии, как и христианство, стремятся дать человеку чувство единения — с близкими, обществом, окружающей природой и, конечно, с самим собой. Что означает это единство (единение)?

Прежде всего речь идёт о соратническом, товарищеском, дружеском, любовном единении людей. Это порой необходимо просто для того, чтобы выжить, отстоять себя — перед лицом неприятеля, суровых природных или политических условий. Знаменитые слова из песни Булата Окуджавы «Возьмёмся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке» — как раз об этом.

В истории идеал единения нередко понимали буквально — как требование укрепить сообщество. Провозглашённый коммунистом-романтиком середины XIX в. Карлом Марксом лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — типичное выражение именно такого, политического единения (для революционной борьбы с буржуазией). Уже в следующем столетии коммунисты-практики повели под этим лозунгом на вооружённую борьбу за свободу и справедливость миллионы людей, что стоило многим из них (и не только им!) свободы и даже жизни. В романе «Чевенгур» Андрей Платонов показал, как пролетарии уездного городишка, совершив у себя «революцию» сразу стали сдвигать избы, чтобы устроить жизнь сообща. Для этого, правда, им понадобилось сперва выгнать в поле местную «буржуазию» (относительно зажиточных хозяев) с семьями.

Единение рассматривали и как объединение людей в общество, преобразованное на разумных началах. Для примера можно привести утопии французского мыслителя-социалиста Шарля Фурье (1772—1837). Он рисовал идеальное общество людей, отказавшихся от частной собственности и частной жизни, разумно организованных мудрыми политиками для эффективного труда, который сменяется отдыхом и удовольствиями. Социалистически мыслящие философы и реформаторы, начиная с Платона и включая христианских первоапостолов, придерживались патерналистской этики имущественного единения. Однако, как показывает исторический опыт, при отсутствии духовного единения имущественное оборачивается иерархическим разобщением людей и появлением разных форм подавления личности. Точно так же чувство общно-

сти, которое возникает в секте, толпе или шайке разбойников, рождает всего лишь иллюзию единения.

Высшая нравственность, в какой бы форме (религиозной или философской) ни провозглашалась, предполагает общность иного рода — духовное единение. Оно проявляется в отношениях взаимного признания, заботы и любви.

Источник идеала единства

Идеал единства ничем не обусловлен, дан сам по себе, существует вечно — так полагают многие. Верно ли это?

Согласно религиозным традициям, высшая норма жизни заповедана Богом. В иудаизме, буддизме, зароастризме, христианстве, исламе, не говоря уже о более поздних религиях, закон, по которому должен жить человек, либо прямо дается Всевышним, либо передается Им через пророков: Моисея в иудаизме, Мухаммада в исламе, Заратуштры в зороастризме.

Существуют и другие взгляды на происхождение идеала. Например, согласно натуралистическим или космологическим воззрениям (Пифагор, Гераклит, Дж. Брруно, Б. Спиноза, Г. Спенсер, П. Тейяр де Шарден), в форме нравственного идеала человеческий разум открывает универсальный закон природы. Принцип гармонии, пронизывающий всё устройство Космоса, на человеческом уровне обнаруживается в моральном законе единства – требованиях солидарности, заботы и любви.

Разновидность натуралистического обоснования нравственного идеала – эволюционистские теории. Так, Чарлз Дарвин и его последователи, в том числе современные (П. А. Кропоткин, Дж. Хаксли, Э. Уилсон, М. Рьюз, В. П. Эфроимсон и др.), выводят содержание нравственности из развития самой жизни. Нормы морали, полагают они, итог всей эволюции: в ходе естественного отбора выживали виды, в которых закреплялся инстинкт самопожертвования и взаимопомощи. А с развитием у человека абстрактного мышления эта тенденция привела к возникновению идеала единства. Сторонники социального происхождения морали (Т. Гоббс, Дж. С. Милль, К. Маркс, М. Вебер, Дж. Ролз) считали, что идеал единства отражает потребность любого сообщества в стабильности, порядке и взаимопомощи. Мораль собственными средствами осуществляет ту же функцию, что и право, обычай или административная дисциплина, однако возлагает ответственность за исполнение норм на самого человека, в котором воспитывается совесть как особого рода внутренний контролёр и судья.

Есть ещё одна точка зрения (Аристотель, К. А. Гельвеций, Ж. П. Сартр, Э. Фромм), согласно которой содержание морали (а идеал выражает сердцевину этого содержания) обусловлено особенностями бытия людей. Человек — существо не только общественное, но и духовное, творческое: он способен возвышаться над обстоятельствами и преобразовывать жизнь.

Люди в самом деле вышли из природы и живут среди себе подобных. Причём этот переход осуществлялся не однажды — на первых этапах становления человечества. Он происходит постоянно и в каждом из нас.

Человек зарождается в природе (в чреве женщины), а затем, так же как в ходе эволюции люди расстались со своей «родиной» — природой, человеческий плод выбирается из лона матери и становится младенцем.

Появляясь на свет, человек разрывает единство с матерью-природой. И дальше ему приходится жить в мире, где каждый внутренне обособлен. Младенческое существование органично и безмятежно — таков изначальный, бессознательный, но важный опыт каждого индивида. Сознание ребёнка не знает трагической обособленности и безысходности. Первые ростки этих чувств пробиваются лишь в отрочестве.

Такой опыт принципиально возможен в той мере, в какой он обеспечен материнством. Как социально-культурный (т. е. отражённый в представлениях и нормах) феномен материнство представляет собой уникальные отношения — абсолютного бескорыстия и самоотверженной заботы. По логике своей роли мать стремится к тому, чтобы стать ненужной, ведь её любовь и забота имеют целью подготовить ребёнка к взрослой жизни и, следовательно, к независимости от этой заботы. Материнская любовь несомненно отличается от любви чувственно-эротической, которая стремится удержать любимого. Такое отношение матери (или людей, которые её заменяют: отец, няня, приёмные родители и т. д.) воспринимается младенцем как естественное, и похожего отношения к себе он ожидает со стороны окружающих.

Но маленький человек растёт, и связи с матерью, семьёй ослабляются. Взрослость и выражается в освобождении от опеки. Постепенно разрывая родовые узы, ребёнок обретает самосознание, становится личностью, и в частности начинает осознавать свою обособленность от внешнего мира, отличность от окружающих, ответственность перед ними. В большой мир человек неизбежно входит через врата одиночества. Именно одиночеству и обособленности противостоит единение.

Потребность в слиянии, единении с другими составляет одну из основных потребностей человека. Полное её удовлетворение (в реальности редко осуществимое) в конечном счёте воспринимается как высшее благо, или идеал.

Добро и нравственный идеал

В рассказе Леонида Андреева «Правила добра» Чёрт, уставший от собственной нечестивости, попросил Попа указать ему основные правила, следуя которым можно избежать зла и прийти к добру. Поп попался доброжелательный и с готовностью изложил принципы благочестия: отдать последнюю рубаху, подставить левую щеку, коли ударят по правой, и т. п. И Чёрт отправился с этими наставлениями к людям. Вернулся он побитым, больным и голодным. Бедняга неукоснительно следовал «инструкциям» и... постоянно попадал впросак, встречая непонимание и вражду. Тогда Поп решил расписать всю будущую жизнь Чёрта по минутам. Однако многолетний труд пропал даром: Нечистый возгордился и самонадеянно решил перевоспитать «коллег по цеху». Удалось же ему лишь с трудом спасти собственную шкуру, а от фолианта Попа остались жалкие обрывки. Исстрадавшийся, Чёрт пришёл к

своему духовному отцу и застал его на смертном одре. Старик уже не мог говорить, но Чёрт почувствовал сердцем, что нужно другу. Не думая ни о каких правилах, он взял умирающего на руки и внёс на колокольню, чтобы Поп в свой смертный час смог насладиться видом родного городка в лучах заходящего солнца. Доставив другу последнюю радость, Черт, сам того не зная, совершил доброе Дело. Позже он вернулся к уцелевшим обрывкам многостраничного наставления. Пытаясь разобраться в советах Попа, наш герой с ужасом понял, что ничем они ему помочь не могут. Речь там шла поступках, которые любой человек совершает каждый день, а о самом добре не было ни слова. За иронией Леонида Андреева по поводу настойчивости Чёрта в поисках правил добра стоит очень серьезный вопрос о природе добродеяния. Что является критерием добра и зла в практических действиях? Соответствие этих действий неким правилам и нормам или благу конкретного человека (людей, сообщества), на которого эти действия направлены?

В одном случае доброе — это приятное и полезное, а значит, ценное для конкретного индивида в определённых обстоятельствах. В другом — нечто ценное само по себе. Так же и со злом. В одном случае это — неприятное и вредное, с точки зрения того или иного человека, в данных условиях. В другом — попрание и отрицание добра как такового. Добро и зло во втором, абсолютном, принципиальном значении выступают как моральные, этические понятия. Они выражают положительное и отрицательное значение явлений или событий в их отношении к высшей ценности — идеалу.

Понятия «добро» и «зло» наполнялись моральным содержанием по мере того, как люди осознавали их как человеческие ценности. Природные явления, например землетрясение, сколь бы разрушительны ни были, воспринимаются как беда, источник горя. И если и называют землетрясение злом или ливень в засушливое лето добром, то в переносном смысле. События и явления, происходящие стихийно, могут иметь благие или губительные последствия для человека, но сами по себе они не являются ни добром, ни злом. Содержание добра и зла обусловлено идеалом нравственного совершенства: добро — это то, что приближает к идеалу, зло — то, что отдаляет от него.

«...Что бы делало твоё добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с неё исчезли тени? Ведь тени получаются от предметов и людей. Вот тень от моей шпаги. Но бывают тени от деревьев и от живых существ. Не хочешь ли ты ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и всё живое, из-за своей фантазии наслаждаться голым светом?» Так искушает Воланд Левия Матвея, ученика Иешуа Га-Ноцри, в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». По своему ценностному содержанию добро и зло являются в его рассуждениях двумя сторонами одной медали. Они взаимоопределены и в этом как бы равны. В самом деле, человек узнаёт зло, поскольку имеет некоторое представление о добре; он ценит добро, испытав на собственном опыте, что такое зло. Вероятно, утопично желать только добра и нельзя в полной мере отрешиться от зла, не рискуя в то же время потерять добро. Зло кажется своего рода условием или непременным сопутствующим обстоятельством добра.

Но верно ли это? Можно ли сказать что добро и зло сосуществуют так же как во Вселенной соприсутствуют свет и тьма? Или же они связаны иначе — как свет и тень на Земле, где тень всегда есть отражение препятствия на пути света? Как солнечные лучи являются источником и света и тени, так и добро со злом взаимосоотнесены, определены в отношении третьего. Этого-то и не хотел замечать, задавая свой провокационный вопрос, Воланд.

Большинство религий учат: добро — путь к абсолютному добру, т. е. к Богу, зло есть отпадение от Бога. Действительное абсолютное мировое начало — Божественное добро, или абсолютно добрый Бог. Зло же — результат ошибочных либо порочных решений людей, пусть даже провоцируемых дьяволом, однако свободных в своём выборе. Но ведь и дьявол как носитель зла отнюдь не абсолютен: согласно иудейско-христианским воззрениям, это падший ангел, т. е. заблудший сын Божий. Следовательно, человек должен выбирать не между абсолютами добра и зла, а между добром, которое потенциально абсолютно, тяготеет к Абсолюту, и злом, которое всегда относительно.

И добро и зло не абсолютны по отношению к высшему благу, нравственному идеалу как образу совершенства, или Добра. Однако противоположность добра и зла абсолютна. Эта противоположность реализуется через человека — его решения, действия и оценки.

Иногда довольно убедительно говорят об абсолютном зле: если есть абсолютное добро, должно быть и абсолютное зло. В иудаизме и христианстве центр мирового зла воплощает сатана *(арам.*«сатана», *др-евр*. «сатан»), он же дьявол *(грен*, «диаболос»). В исламе ему соответствует Иблис, или шайтан. Представления о некоем персонифицированном начале зла имеются и в других религиях; например, в зороастризме мы встречаем Анхра-Майнью. Однако сила, олицетво-пяющая зло, не равновелика Богу (Яхве, Господь, Аллах). Изначально сатана (шайтан) порождён Всевышним, но отпал Него в силу непомерного своеволия. Иное устроение мира в зороастризме, где Анхра-Майнью выступает равным соперником Ахура-Мазды — верховного бога премудрости и света. В эпоху Средневековья некоторые христианские учения, признанные еретическими, утверждали, что добро и зло — начала одного порядка. Иранским средневековым течениям зороастризма было также свойственно отступление от ортодоксальных взглядов: Анхра-Майнью терпит сокрушительное поражение от Ахура-Мазды.

Признание абсолютного зла очень часто скрывает растерянность перед множеством того, что способно уничтожить человека. Почему, например, абсолютное зло иногда приписывают природным катаклизмам? Люди осознают своё бессилие перед стихиями, а любое зло, с которым невозможно совладать, им кажется абсолютным.

Утверждение добра

Философы иногда выделяют метафизическое, физическое и нравственное зло. Под первым подразумевают любые проявления ограниченности всего сущего на Земле, в том числе и человека. Ничто и никто не может в своей жизни достичь полноты абсолютного бытия. Каких бы вершин ни достигал

человек, каким бы виртуозным ни становился он в искусстве, науке или мастерстве, чем выше его устремления, тем яснее ему даётся осознание пределов своих возможностей. Один из величайших мудрецов человечества — древнегреческий философ Сократ более всего запомнился потомкам благодаря фразе, ставшей крылатой- «Я знаю, что я ничего не знаю». Показательно, что многие мыслители выводили появление идеи богов из осознания людьми присущих им ограничений; только Бог мыслился как полнота всех возможных совершенств.

Относится ли это к неживой природе, в которой нет ни индивидуальности, ни целеполагания? Камень, река, вулканическая лава находятся в череде причинно-следственных связей и являются благотворными, разрушительными или нейтральными только в восприятии человека. Животные могут к чему-то стремиться: настигнуть Добычу, укрыться от сильного хищника, продолжить род. Однако они не обладают самосознанием, а следуют лишь инстинкту потребностям, усвоенным стереотипам поведения. Люди наделяют человеческими свойствами животных, явления и предметы окружающего мира и потому усматривают в них начала добра и зла.

Физическое зло — это природные несовершенства, страдания, болезни. Они также находятся в череде причинно-следственных зависимостей и сами по себе не могут рассматриваться как зло, а становятся таковыми лишь в оценках людей.

Другое дело — нравственное зло, выражающееся в нарушении нравственных принципов и норм. Причём не важно, как происходит нарушение — намеренно (злонамеренно), вынужденно или случайно. Следование нравственным принципам и нормам — требование, которое предъявляет человеку воспитание, окружение, традиция, сообщество либо культура. Самим фактом такого предъявления человек признаётся свободным, способным к самостоятельному выбору и поведению существом. С этой точки зрения источник зла (как и добра) всегда человек. И даже зло, исходящее от групп или организованных масс людей, также имеет своим источником человека — лидера (руководителя, властителя и др.), способного организовать людей на определённые действия.

Человек, как и всё на Земле, не может достигнуть абсолютной полноты бытия. Но он способен понять своё предназначение и сознательно стремится приблизиться к совершенству

У Льва Толстого есть такой образ: переплывая по лодке через стремительную реку, надо грести выше по течению помня, что оно всё равно снесёт; и чем сильнее течение, тем выше должна быть точка ориентира на противоположном берегу. То же и с нравственным идеалом – он задаёт стандарт, ориентируясь на который человек может в каждодневной жизни противостоять разного рода искушениям: чувственным удовольствиям, корысти, тщеславию и т. д. — и уже тем самым утверждать своё человеческое достоинство.

Если нравственный идеал заключается во всеобщем духовном единении людей, в частности в сочувствии, солидарности, помощи, заботе, то злом будет

всё, что препятствует этому, мешает творить добро. Добро утверждается в преодолении обособленности, разобщённости, отчуждения между людьми и в установлении между ними взаимопонимания, согласия, человечных отношений. Добро проявляется в милосердии, заботе, любви, а зло — в чёрствости, враждебности, насилии.

Любовь или насилие?

Что понимать под насилием и что — под любовью? Больной ребёнок не хочет пить горькую микстуру; родители не могут его уговорить и заставляют принять лекарство. Что же, они совершают насилие над ребёнком? Не любят его? Другая ситуация: девушка, страдающая зависимостью от наркотиков, впадает в глубокую депрессию от отсутствия очередной дозы. Как оценить хлопоты её возлюбленного, который стремится найти необходимую дозу? А в чём выражается любовь и забота родителей по отношению к своему ребёнку, если он стал наркоманом? Как применить заповедь «Помоги страждущему!» в отношении тех, кто охвачен стихиями своего организма или своей души?

Лев Толстой считал: человек, любя другого, должен делать то, что этот другой хочет, а насилие — поступки, совершаемые против его воли и желания. Таково распространённое понимание любви и насилия, добра и зла. Получается, что заставить ребенка принять лекарство – значит совершить насилие, а поддерживать человека, находящегося в зависимости от наркотиков (алкоголя, азартных игр и т. п.), — значит проявлять заботу о нём. Ситуации подобного рода, конечно, не имеют универсального решения. Моральные принципы задают лишь общий ориентир для поступка. И у людей всегда есть большая или меньшая возможность выбора. Этот выбор определяет разумность, чуткость, доброта сердца и сила воли человека.

Как делать добро окружающим людям и реально противостоять злу (которое творят другие и которое живёт в собственной душе), каждый человек в каждый момент своей жизни решает только сам. Как принципы, критерии принятия решений и оценки поступков, высшие моральные ценности надситуативны и надличностны. Осуществляя то или иное действие в соответствии с этими принципами, мы принимаем во внимание ситуацию и личностные моменты. Здесь нет противоречия. Однако есть несомненная трудность — трудность решения практических задач, касающихся человеческих взаимоотношений и самореализации личности.

Литературный источник

Апресян Р. Энциклопедия для детей. Том 18. Человек. Ч. 3. Духовный мир человека / Глав. Ред. Е. Ананьева; вед. Ред. Т. Каширина. – М.: Аванта+, 2004. – С. 202-221.

ИДЕАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ОТНОШЕНИЙ «ЧЕЛОВЕК-ПРИРОДА»

И. А. Ильиных

После того, как идеал овладевает нашей мыслью, он вынуждает нас к нему стремиться.

Шри Ауробиндо

В глубине души каждого человека есть пространство, где живут идеалы – образцы максимально прекрасных, возвышенных и утонченных представлений о том, какой должна быть жизнь. Откуда взялись такие образы, если жизнь реальная, где много грубости, злости, лжи, хамства… так далека от совершенства? Подобный вопрос всегда встает перед ищущим истину человеком, для которого разрыв между идеальным и реальным воспринимается как проблема, которую он должен решить.

Люди, пытающиеся понять смысл бытия, неизбежно выходят за рамки восприятия жизни как отрезка времени и пространства ограниченного рождением и смертью в данном конкретном теле. Для неограниченного такими границами сознания жизнь превращается в бесконечный поток из Вечности прошлого в Вечность будущего и приходят ответы на вопросы, которые невозможно решить оставаясь ограниченным данностью настоящего отрезка жизни.

Античные философы Пифагор и Платон, например, полагали, что душа, перед тем как воплотиться в теле человека, жила в занебесном мире и принесла с собой на Землю знание о занебесном мироустройстве. Платон говорил, что процесс познания – это воспоминание о том, что уже знает душа. Души вселяются в разных людей в зависимости от их достоинств — того, сколько они видели в занебесье [1].

Но если Пифагор, Платон и еще многие другие философы и теологи прошлого и современности полагают, что человек получает тело в наказание за грехи и вынужден мучиться и страдать из-за него, потому что вся жизнь в материальном мире связана с обслуживанием потребностей тела и познать истину невозможно пока не отвергнешь тело, то индийский мудрец Шри Ауробиндо, наоборот, утверждает, что человек получает тело для того, чтобы найти в себе Всевышнее существование, проявить Всевышнее Присутствие. Само Всевышнее Сознание бросает Себя в земную материю, которая была среди всей вселенной наиболее темной и несознательной, и заключает Себя в тело прямо из Верховного источника, не проходя через любые другие промежуточные средства. Таким образом, в человеке соприкасаются две крайности: верховное и наиболее несознательное и начинается святое преобразование материи, образуется душевное существо, принадлежащее только земной жизни. Этот земной мир в центре всех звезд и всех миров был сформирован, чтобы стать символом вселенной и быть точкой сосредоточения работы по

преобразованию материи. Даже Великие космические индивидуальности, когда они хотят обратиться на путь истины и объединиться с Верховным, берут физическое тело, потому что это наиболее подходящий способ, и этим путем они могут лучше всего и наиболее быстро возвратиться в Начало [2].

Принимая последнюю точку зрения, открывается для познания картина внутреннего конфликта человека и путь устранения его. Воплощаясь в земное тело, человек получает некоторое количество темной неосознанной материи, проявляющей себя в форме различных психических и физических процессов, импульсов, побуждений, сделать которую святой (светоносной и осознанной) является задачей каждого человека. И здесь на помощь приходят идеальные образы, живущие в душе.

Беря мечты об идеальном за вершину, к которой нужно стремиться человек постепенно изменяет себя и изменяет действительность. Идеалы являются точкой роста для человеческого существа и стремление к реализации в жизни идеала – это желание и потребность его души в развитии. Это направление, в котором должна развиваться душа. Но, если идеал бесконечно удален от возможной реальности, то он может стать утопической идеей сейчас, т.к. для воплощения его в жизнь не хватает каких-то составных частей. Может быть нет еще зрелых или созревающих механизмов и условий для успешного воплощения идеала в жизнь, потому что данный идеальный образ очень сильно опережает время не только для того, чтобы быть воплощаемым в реальности, но и даже для того, чтобы быть идеалом или мечтой. Тогда мечта останется мечтой более длительное время, чем более близкий к реальности идеал.

Природа человека очень многогранна и многослойна и для каждой сферы проявления существует некая идеальная конструкция, некий образ к реализации которого человек стремится. Но, несмотря на множественность граней человеческого существа и множественность индивидуальностей людей, все-таки есть несколько идеалов, которые являются универсальными для всех и принимаются всеми без исключения людьми как абсолютное благо – это идеал единства и идеал любви. Хотя в определенном смысле они представляют собой стороны одного образа, в котором любовь предстает атрибутом единства, силой помогающей единению, соединению, объединению, слиянию… По наличию любви или ее отсутствию можно говорить о том происходит единение или нет. Может быть, любовь необходима для соединения различных частичек мироздания друг с другом, а может быть, наоборот, ради свободного перетекания любви из души одного существа в душу другого существа необходимо слияние? Вероятно, каждый человек решит этот вопрос по-своему в соответствии со своей жизненной стратегией, но в контексте данного размышления идти дальше может быть и не нужно: пусть останутся два идеала вместе как неразрывное целое, в котором каждая часть обладает самостоятельной ценностью.

Человек утратил способность воспринимать мир целостно и любви в его мире тоже очень и очень мало. Но приобрел он способность все делить и разъединять. Такая способность человека проявляется во всем. Мировоззрение строится на восприятии мира, состоящего из отдельных частиц. Мышление строится на разделении и сравнении, следствием чего является научный метод познания, где основным инструментом познания является разрушение. Поступки часто строятся на утверждении эгоизма, в основе которого лежит ощущение себя как отдельного и независимого от мира существа. Но такое взаимодействие не способствует проявлению любви и не ведет к гармоничному соединению. Более того, в такой системе ценностей нет места любви и единству. Поэтому вокруг страдание, разрушение, раздражение, несчастье, страх, стресс, усталость…

Но можно выбраться из разрушенного мира и начать строить прекрасный мир, в основе которого лежит любовь. Вполне возможно в мыслях, чувствах, поступках опираться на это соединяющее чувство, пренебрегая всеми остальными, способствующими разделению. Везде и во всем искать только любовь. Наполнять сердце только любовью. При этом одинаково относиться к людям, животным, растениям, минералам, бактериям, молекулам, атомам. Воспринимать любую частичку мироздания как живое существо, обладающее сознанием, имеющее цель своего существования и двигающееся куда-то по направлению реализации своей жизненной цели. Даже если существо и не обладает в данный момент времени и в данном месте осознанностью, т.е. способностью отдавать себе отчет в том, что с ним происходит, оно все равно имеет право на жизнь и имеет право на движение по пути своей жизни. А человек находится в одинаковых с любой песчинкой, травинкой, букашкой правах на жизнь. Вот такое отношение к миру природы можно назвать идеальным в данный период существования человечества.

Развивая идеальный образ отношений человека и природы необходимо затронуть несколько сторон взаимодействия. Одна из них – познание. Согласно Аристотелю, познание является высшим благом для человека. Аристотель формулируя свое учение о высших ценностях исходил из того, что человек самое разумное существо на земле и имеет право животных и растения использовать как материал для своей познавательный деятельности. Но в данном контексте размышления, исходя совершенно из других понятий высшего блага следует заметить, что получая высшее благо для человека и причиняя при этом вред другим существам (опыты на животных, изучение структуры клеток растений, получение генетического материала и т.п.) абсолютное, высшее, в истинном значении этого понятия, благо не будет таковым, потому что будет омрачено страданием «объектов» познания. Человек, строящий свои отношения на любви и стремлении к единству, понимает, что познание возможно без разрушения и причинения страдания кому-либо вообще. Познание, построенное на доверительных отношениях с любой травинкой и букашкой откроет большее знание, чем полученное у природы,

посредством разрушения. Истинное знание открывается только благодаря искренним отношениям, когда перестают существовать границы объекта и субъекта познания и знание соединенное с любовью свободно перетекает от одного существа к другому. Истина сама раскрывается тому, кто наполнен любовью и доверием к каждой частичке мироздания.

Еще один важный аспект взаимодействия человека с природой необходимо затронуть. Так как человек существо материальное и для жизни в этом мире ему нужно удовлетворять биологические потребности в материи и энергии: питаться, обогреваться, создавать жилище и т.п., многое из необходимого для жизни он берет у природы. Но как он это делает!!! Природа для него просто ресурс, необходимый и максимально благоприятный. Но мир природы это не бездушная материя…

В этике существует одно самое главное и основное правило, которое называют золотым правилом нравственности: «не делай другому того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе». Очень интересно получается, если наши поступки по отношению к природе перенести в сферу отношений между людьми. Так, мы не приходим в дом другого человека и не берем в его доме что-то для себя, не спросив разрешения. Если же происходит так, то это является уже преступлением. Проецируя аналогичные поступки по отношению к природе на людей, охватывает ужас – мы ведем себя как настоящие преступники. Но природа так терпелива с неразумным человеком и ставит нас на свое место по-матерински мягко.

Но вернемся к идеальному образу отношений с природой. Наверное, наиболее трудный для реализации аспект отношений – это сфера так называемого природопользования. Как нам общаться с природой в этой сфере? И снова идеальными будут отношения, основанные на доверительных, дружеских, искренних отношениях. Язычество может многому нас научить в этом смысле. Может научить как уважительно относиться к природе, как извиняться за причиняемый ей вольный и невольный вред, как брать дары природы с благодарностью. Брать то, что природа сама нам дарит, а не вырывать насильно. В осмыслении оснований нравственного отношения к природе может прийти на помощь буддизм, где большое внимание уделяется этически правильным отношениям с миром природы и основным мотивом, побуждающим к деятельности вообще является сострадание [3].

Таким образом, жить в мире прекрасной мечты так просто. Нужно только пробудить внутри сердца любовь ко всем существам, осознать что у каждого существа есть своя жизнь, своя цель жизни. Каждое существо обладает абсолютной ценностью, независимой от ценности приписываемой ему человеком. Включить весь мир в отношения, где работают золотое правило нравственности «не делай другому того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе» и заповедь Иисуса Христа «возлюби ближнего своего как самого себя».

Литература
1. Гусейнов А.А., Иррлитц Г. Краткая история этики. – М.: Мысль, 1987. – 589 с.
2. Шри Ауробиндо Интегральная Йога. – М.: «Профит Стайл», 2003. – 416 с.
3. Ильиных И.А. Основания абсолютной ценности природы // Сборник трудов научно-практической конференции «Актуальные проблемы географии», март 2005 г. – Горно-Алтайск, 2005. – С.88-89.

Литературный источник

Ильиных И.А. Идеальный образ отношений «человек-природа» // Актуальные проблемы географии. Материалы III Межрегиональной научно-практической конференции. 29-30 марта 2006. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. – С. 125-130.

ПРАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА

Задание 1. Нарисуйте в воображении самый прекрасный образ человека. Каким должен быть идеальный человек? Какими свойствами он должен обладать?

Задание 2. Нарисуйте воображаемый образ отношения человека к природе.

Задание 3. Подумайте **к**ак природа должна относиться к человеку с точки зрения идеальных отношений?

ВОПРОСЫ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

1. Что мешает человеку воплотить в жизнь образ идеальных отношений человека с природой?
2. Как можно было бы измениться человеку, чтобы идеал стал постепенно реализовываться? Каким должен быть самый первый шаг в таком изменении?
3. А может быть существа природы тоже должны сделать шаг в сторону открытого взаимодействия с человеком? Какую роль в этом играет человек?
4. Согласны ли Вы с утверждением, что человек «венец творения»? Если да, то почему он не ведет себя как человек совершенный?

ЗАНЯТИЕ 3

ДОБРО И ЗЛО – БАЗОВЫЕ КАТЕГОРИИ ЭТИКИ. ЭКОЛОГОЭТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ

Цель работы – осознать категории добра и зла, понять смысл относительности и абсолютности этих категорий и каким образом они осмысляются в вопросах экологической этики.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

ДОБРО И ЗЛО

Добро и Зло – базовые "единицы" морального сознания и категории этики, которые, строго говоря, нельзя определить в рамках самого "практического разума". Добро и зло как "нравственное" и "безнравственное" – основная бинарная оппозиция нравственности. "Делай добро и избегай зла" – вот моральная максима, рассчитанная на индивида, обладающего автономией воли. Зрелое моральное сознание не даёт списка "добрых" и "злых" поступков; что такое добро и зло, индивид должен решать сам. Вместе с тем в рамках философских систем и религиозных доктрин всегда существовали попытки определить "общую природу" добра и зла.

Одна из самых ранних попыток выявления природы добра и зла была осуществлёна в ранних религиозных системах Востока – зороастризме, митраизме, манихействе. Добро и зло в этих системах имеют субстанциональную природу, это два самостоятельных равноправных начала мира. Зло, воплощённое в образе Аримана, отождествлялось с силами разрушения, добро (Ормузд) – с творческой, созидательной силой. Борьба этих двух начал определяет развитие мира. Добро и зло в данном случае онтологизируются, это сверхчеловеческие силы, составляющие дуальную основу мира.

В античной философии присутствуют и дополняют друг друга различные подходы к пониманию добра и зла. Один подход, восходящий к досократикам, предполагает понимание добра как согласия с космическим порядком, с целым; зло – отступление от мирового порядка. Так, Анаксимандр конечность, временность земного существования рассматривал как наказание за вину обособления от целого. Сходная позиция присутствует в восточных религиозно-философских системах. В одном из направлений китайской философии, даосизме, добро есть согласие с Дао – мировым путём; зло – отход от него. В конфуцианстве добро – сохранение мирового порядка в природе и социальной жизни, установленного Небом. В индийской философии добро – единение Брахмана и Атмана, абсолютное единство всеобщего и индивидуального. Философская система Платона даёт основания говорить о возникновении более дифференцированного подхода к проблеме добра и зла.

Абсолютное Благо, верховный принцип существования внутренне раздельного, законченного, неподвижного мира идей и материя как косное, неструктурированное начало составляют вместе рамки проявления добра и зла, их онтологические основания. Собственно же добро и зло есть характеристики человеческого поведения, осуществляемого в согласии с этими принципами бытия. Добро, согласно этой теории, доступно не всем – лишь мудрецам, способным выявить эти запредельные основы мироустройства, созерцать с помощью ума мир идей.

Более узкое понятие – понятие добродетели; оно не выходит за рамки оценки человеком собственного места в социальном целом, границ своей "меры", своей социальной и профессиональной "ниши". В рамках такого подхода зло проявляет себя в эгоизме, противопоставленности интересам социального целого, в нарушении границ меры. Три "отрицательные" формы государства в социальной концепции Аристотеля (тирания, олигархия, демократия) и есть проявление зла как обособленности, партикуляризма стоящих у власти по отношению ко всему обществу. Добро и справедливость в данном подходе почти неразличимы.

Идея добра как социальной и душевной гармонии присутствует и в более поздних социально-философских и этических концепциях, добро окончательно сближается с социальной справедливостью в социальных утопиях (Бабёф, Мелье, Мабли, Морелли, Сен-Симон, Оуэн, Фурье и др.). Происходит своеобразная "деиндивидуализация" понятий "добро и зло". Добро и зло выступают в качестве оценок не столько отдельного человека, сколько общества в целом. Незыблемые онтологические основы различения добра и зла превращаются в меняющиеся характеристики социальной жизни. Сужение онтологической основы концепций добра и зла, сочетание социологизма с интеллектуализмом приводят к субъективизму в понимании добра и зла, к этическому конвенционализму, условному определению добра и зла в зависимости от социальной позиции и исторических условий.

Представители других точек зрения видят онтологическую основу различения добра и зла в степени соответствия поведения человека собственной природе. Такой "индивидуалистический натурализм", сведение добра к индивидуальной пользе был характерен для французских материалистов XVIII в. Концепцией, которая пыталась объединить обе версии, социологическую и натуралистическую, понимания добра и зла был утилитаризм Бентама И., вводивший иерархию уровней пользы.

В этической концепции Канта И. понимание добра и зла было отделено от онтологии и гносеологии, Кант постулировал их "безосновность", априорность в сфере "практического разума" – сфере индивидуальных выборов и решений. Одновременно Кант выдвинул требование всеобщности критериев добра и зла, их применимости к каждому без исключения и вне всяких условий; исключил "степени" добра.

Христианское понимание добра и зла предполагает, что зло не существуем как особое бытие, есть лишь злые существа (злые духи и злые люди). Бог есть добро и зло – это разрыв с Богом, разрыв с Богом – акт

свободы. Человеческая природа оторвана вследствие первородного греха от прямой связи с Богом; искушение злом есть испытание, которое человек должен пройти, чтобы окрепнуть в своей преданности Богу. Свобода – это и путь отхода от Бога, и путь возвращения к Нему; свобода опосредует как добро, так и зло в жизни человека. Попытки превратить критерии добра и зла в "относительные", меняющиеся, избирательные оценки человеческого поведения разрушают оппозицию добра и зла, основную "размерность" человеческой жизни.

Интернет-источник
http://www.sunhome.ru/philosophy/11801/p2

МЕСТО ДОБРА И ЗЛА В КАТЕГОРИЯХ ЭТИКИ

Как и всякая наука, этика располагает богатым арсеналом категорий. Именно они наряду с законами, принципами, методами составляют основу содержания любой науки. Само слово «категория» греческого происхождения. Им обозначаются наиболее общие понятия, отражающие существенные стороны действительности. Это – узловые пункты человеческого познания.

В этическом отношении эти категории отражают ту сторону общественных отношений, которая связана с поведением людей, с их отношением друг к другу, к обществу, государству, семье к коллективу с точки зрения добра и зла, долга, чести, справедливости. Другими словами, категории этики можно оценивать с точки зрения добра и зла, хорошего или плохого, а сами они могут выступать формой этой оценки: человек долга, честный, порядочный, справедливый, ответственный и т. п.

Однако категории добра и зла, их нравственная оценка разными людьми часто бывает различной. Это объясняется тем, что категории этики объективны по содержанию и субъективны по форме.

Объективность содержания означает, что в нем сконцентрировано то, что есть в реальной жизни и не зависит от сознания людей. И именно это содержание по-разному оценивается людьми. Эта оценка зависит от целого ряда факторов: интеллектуального развития личности, ее нравственной культуры, а также образа жизни.

Данное тестирование необходимо проводить по всем этическим категориям, которые весьма многочисленны. Эти категории принято классифицировать. Одни ученые делят их на структурные и субстанциональные.

Другие кладут в основу иной принцип: всю классификацию строят на основе одной из категорий, которая рассматривается как функциональная. Например, Эпикур подчинял все категории этики категории счастье. Аристотель главной считал категорию блага, а Кант – категорию долга. Впрочем, нет единого взгляда на этот счет и в наше время. В отечественной науке всю совокупность категорий часто делят исходя из структуры морали. В

качестве основных элементов этой структуры некоторые авторы выделяют моральную практику, моральное сознание и нравственное самосознание, а нравственные отношения и нравственная деятельность в совокупности составляют нравственную практику.

Приняв за основу вторую позицию, среди категорий этики можно выделить: категории морального сознания, категории нравственных отношений и категории нравственной деятельности. Следует заметить, что и эта классификация весьма уязвима, ибо все категории находятся в тесном единстве, взаимно дополняют друг друга, переходят из одной группы в другую, оказывают взаимное влияние друг на друга.

На основе морали, категории этики можно подразделить на 3 группы:

1. категории собственно морального морального сознания (моральный принцип, моральная норма, моральное убеждение, нравственная цель, моральный выбор);
2. категории нравственных отношений (нравственное взаимодействие, нравственный конфликт, моральный авторитет, моральная репутация);
3. категории моральной практики (моральный поступок, моральное воздаяние, моральные последствия).

В принципе можно утверждать, что все категории этики являются и категориями морального сознания, ибо какие бы стороны морали они не отражали – все они фиксируются в моральном сознании. Сущностные категории морального сознания: добро, зло, долг, честь, достоинство, совесть и другие занимают центральное место в системе категорий, но их нельзя отрывать от нравственных отношений и моральной практики.

Добрее не тот человек, который не делает зла, а тот, который его не желает

В широком смысле слова добро и зло обозначают положительные и отрицательные ценности вообще. Мы употребляем эти слова для обозначения самых различных вещей: «добрый» значит просто хороший, «злой» – плохой. В словаре В. Даля, например, (напомним, названного им «Словарем живого русского языка») «добро» определяется сначала как вещественный достаток, имущество, стяжание, затем как нужное, подходящее и лишь «в духовном значении» – как честное и полезное, соответствующее долгу человека, гражданина, семьянина. Как свойство «добрый» также относится Далем прежде всего к вещи, скоту и потом только к человеку. Как характеристика человека «добрый» сначала отождествляется Далем с «дельным», «сведущим», «умеющим», а уж потом – с «любящим», «творящим добро», «мягкосердным». В большинстве современных европейских языков употребляется одно и то же слово для обозначения материальных благ и блага морального, что дает обширную пищу для морально-философских рассуждений по поводу хорошего вообще и того, что является добром самим по себе.

Соотнесенность с идеалом

В историческом развитии ценностного сознания, в истории моральной философии и моралистики, несмотря на сохранение лексического единства («старое доброе вино», «добрый конь», «добрая работа», «доброе деяние», «одобрение»), происходит понимание смысловых различий в употреблении слова «добро». Самым важным при этом было различение добра в относительном и абсолютном смысле. «Доброе» в одном случае – это хорошее, т.е. приятное и полезное, а значит, ценное ради чего-то другого, ценное для данного индивида, в сложившихся обстоятельствах и т.д., а в другом – есть выражение добра, т.е. ценного самого по себе и не служащего средством ради иной цели.

Добро в этом втором абсолютном значении – моральное, этическое понятие. Оно выражает положительное значение явлений или событий в их отношении к высшей ценности – к идеалу. Зло есть противоположность добра.

Исторический процесс формирования этих понятий был процессом становления и развития самой морали. Что здесь происходит? Во-первых, добро и зло осознаются как особого рода ценности, которые не касаются природных или стихийных событий и явлений. То, что совершается само по себе, т.е. стихийно, может иметь благие или злые последствия для человека. Но такие стихийно совершающиеся события и явления сами по себе не имеют отношения к тому, о чем мыслят в категориях добра и зла, они лежат по ту сторону добра и зла. Добро и зло характеризуют намеренные действия, совершенные свободно, т.е. поступки.

Во-вторых, добро и зло обозначают не просто свободные поступки, но действия, сознательно соотнесенные с определенным стандартом – в конечном счете с идеалом.

В стихии прорывается изначальный хаос. Природа слепа в своих стихийных проявлениях. Человек же обладает силой в какой-то мере обуздывать стихию. По крайней мере, стихию своего характера: не поддаваться гневу, не предаваться искушениям (искушениям сладострастия, корысти, власти или славы), не распускаться и воздерживаться от распущенности и т.д. Во всех этих случаях обуздание следует понимать в почти буквальном смысле этого слова – надевания, узды. Человек может обуздывать себя. Добавим к этому, пока в порядке парадокса: через самообуздание человек обретает свободу.

Итак, содержание добра и зла обусловлено идеалом нравственного совершенства: добро – это то, что приближает к идеалу, зло – то, что отдаляет от него. Зная, что в истории существовали различные мнения относительно того, к чему должен стремиться человек, чтобы достичь совершенства, легко представить концептуальное разнообразие в трактовках добра и зла. В зависимости от нормативного содержания, вкладываемого в представление об идеале, добро и зло трактовались как счастье и несчастье, наслаждение и страдание, польза и вред, соответствующее обстоятельствам и противоречащее им и т.д.

Наблюдение и поверхностное осмысление действительного разнообразия в содержательном истолковании добра и зла может вести к выводу об относительности понятий о добре и зле, т.е. к релятивизму в моральных суждениях и решениях: одним нравится удовольствие, другим – благочестие. Доведенная до крайности, такая позиция чревата моральным волюнтаризмом: сегодня я исполняю долг, а на праздник потешу себя удовольствиями, ну, а если понравится, так и в последующие будни можно будет продолжить наслаждаться. Чреватый волюнтаризмом, релятивизм фактически знаменует положенность себя вне морали, потусторонность индивида добру и злу, а, в конечном счете – аморальность, поскольку всякое (обнаруживаемое ли по лености души или по вялости духа) безразличие в отношении добра и зла знаменует отвращенность от добра и, по меньшей мере, потенциальную открытость злу. Это и есть необузданность, открытость стихии внутреннего хаоса. В кантовских рассуждениях о том, что потакание склонности означает потворствование злу, отражена именно эта особенность нравственной жизни.

Наконец, в-третьих, добро и зло как моральные понятия связаны с душевным и духовным опытом самого человека и существуют через этот опыт. Как бы ни определялись философами источники добра и зла – творятся они человеком по мерке его внутреннего мира. Соответственно утверждение добра и борьба со злом достигаются главным образом в духовных усилиях человека. Внешние действия, пусть и полезные для окружающих, но не одухотворенные стремлением человека к добродеянию, остаются лишь формальным обрядом. Более того, любые ценности – наслаждение, польза, слава, красота и т.д. – могут быть как добром, так и злом в зависимости от того, как индивид переживает свой конкретный опыт «освоения» этих ценностей в отношении к идеалу, к высшему благу.

Природа и содержание добра и зла

По своему императивно-ценностному содержанию добро и зло как бы представляют собой две стороны одной медали. Они взаимоопределены и в этом они как бы равны. Человек узнает зло, поскольку имеет определенное представление о добре; он ценит добро, испытав на собственном опыте, что такое зло. Кажется, утопично желать только добра, и нельзя в полной мере отрешиться от зла, не рискуя в то же время потерять добро. Существование зла порой представляется своего рода условием или непременным сопутствующим обстоятельством существования добра.

«Что бы делало добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени? Ведь тени получаются от предметов и людей. Вот тень от моей шпаги. Но бывают тени от деревьев и от живых существ. Не хочешь ли ты ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и все живое, из-за своей фантазии наслаждаться голым светом?» – искушает Сатана своими вопросами Леви Матвея, ученика Иешуа Га Ноцри.

Добро и зло связаны тем, что они взаимно отрицают друг друга. Они содержательно взаимозависимы. Однако равны ли они по своему

онтологическому статусу и соразмерны ли по аксиологическому статусу? На этот вопрос давались разные ответы.

Согласно одной, менее распространенной, точке зрения, добро и зло являются однопорядковыми началами мира, находящимися в постоянном и неустранимом единоборстве. Такая точка зрения, признающая равновеликость противоположных начал мира, называется *дуализмом*. Наиболее ярким выражением религиозно-этического дуализма стало в первой половине III в. *манихейство* – учение, основанное персом Мани на базе различных религиозных традиций. Согласно манихейству, в мире борются два независимых и самостоятельных начала добра и зла или света и тьмы. В ходе их постоянной борьбы происходит смешение различных элементов добра и зла. Посланники Бога – Будда, Заратустра, Иисус и, наконец, сам Мани – должны были, по этому учению, навсегда утвердить четкие границы между двумя началами. Сам Мани был побит камнями по наущению зороастрийских священников, но его учение достигло Европы и в виде тех или иных ересей просуществовало на протяжении всего средневековья. Манихейство является еретической ветвью христианства.

Задумаемся вот о чем: можно ли сказать, что добро и зло сосуществуют так же, как во Вселенной соприсутствуют *свет и тьма?* Или же их отношения иные – подобные *свету и тени*, как они видятся нами на Земле? Поскольку понятия добра и зла касаются именно людей в их земных свершениях, мы должны, по-видимому, принять второе сравнение.

К этому склоняет нас и другая точка зрения относительно природы добра и зла. Как на Земле солнечные лучи являются источником и света, и тени, так и добро со злом, взаимосоотнесенные, определены в отношении третьего. Так учат большинство религиозных нравственных учений: добро представляет собой путь к абсолютному добру – к Божеству, зло же есть отпадение от Божества. Действительным абсолютным мировым началом является божественное добро, или абсолютно добрый Бог. Зло же – результат ошибочных или порочных решений человека, пусть далее провоцируемого Дьяволом, однако свободного в своем выборе. Но ведь и Дьявол, или Сатана, как носитель зла отнюдь не абсолютен; согласно иудейско-христианским воззрениям, Дьявол – это падший ангел, т.е. заблудший сын Божий. Так что и перед человеком стоит задача конечного выбора не между абсолютами добра и зла, но между добром, которое потенциально абсолютно, тяготеет к абсолюту, и злом, которое всегда относительно.

Таким образом, и добро, и зло относительны – в их соотнесенности с высшим благом, нравственным идеалом как образом совершенства, или Добра (с большой буквы). Но противоположность добра и зла абсолютна. Эта противоположность реализуется через человека: через его решения, действия и оценки.

Иногда можно услышать слова об *абсолютном зле*. Это выражение может показаться довольно убедительным: если есть абсолютное добро, то должно быть и абсолютное зло. Если исходить из возможных мифологических и религиозных смыслов, то возможны два толкования абсолютного зла. Согласно

первому, абсолютное зло воплощает Сатана. Но выше мы показали, что это может быть дуалистическая точка зрения, типа манихейской, которая предполагает существование стоящего над Сатаной Бога. Это может быть также учение в духе мировых религий, где Сатана – падший ангел или заблудший сын Бога; он обусловлен Богом и в этом смысле не безусловен.

Согласно другому толкованию, известному всегда, но в виде некоторого культового поветрия получившему распространение в наши дни, начало мира заключено в Сатане, он-то и воплощает абсолютное зло. Соответствующий культ называется сатанизмом. Но поклоняющиеся ему люди, по-видимому, полагают, что в этом заключается благо. Так же и садист, устраивающий кровавую оргию, патологическим образом усматривает в ней благо для себя (пусть и достигаемое ценою мучений других людей, не принимаемых им во внимание). И биржевой спекулянт, вкладывая мощные финансовые средства или просто блефуя, устраивает панику на бирже с тем, чтобы получить великий барыш, который есть для него благо (пусть и получаемое ценою дестабилизации валют ряда стран и банкротств тысяч частных банков, компаний и лиц). Со стороны в этом усматривают «абсолютное зло», тем более, если таким действиям ничего не удается противопоставить, по крайней мере, вовремя.

За разговорами об «абсолютном зле» нередко скрывается растерянность перед действительным множеством того, что способно принести человеку напасти, уничтожить его. За разговорами об «абсолютном зле» может скрываться и нежелание или неспособность понять, что действительный источник зла находится в самом человеке, впрочем, так же, как действительный источник добра.

В выяснении природы добра и зла было бы тщетно искать именно их бытийственную основу. Природа добра и зла не онтологична, а аксиологична. Объяснение их происхождения не может служить их обоснованием. Поэтому логика собственно ценностного рассуждения оказывается одинаковой как у того, кто убежден, что базовые ценности даются человеку в откровении, так и у того, кто считает, что ценности имеют «земное» происхождение.

Нормативно-ценностное содержание добра и зла определяется не тем, в чем усматривается источник идеала, или высшего блага, а тем, каково его содержание. Если нравственный идеал, как было установлено в предыдущей теме, заключается *во всеобщем духовном единении людей* и в этом состоит абсолютное добро, то злом будет все, что препятствует этому, что мешает человеку творить добро, противостоя соблазнам и стремясь к совершенству. Конкретизируя содержательно понятия добра и зла, следует сказать следующее:

а) Добро утверждается в преодолении обособленности, разобщенности, отчуждения между людьми и установлении взаимопонимания, согласия, человечности в отношениях между ними.

б) Как человеческие качества добро, т.е. *доброта*, проявляется в милосердии, любви, а зло, т.е. *злобность*, – во враждебности, насилии.

Взаимоопределенность добра и зла

Уже в древности была глубоко осмыслена идея непреодолимой связи добра и зла.

Старинная китайская притча рассказывает о юноше, который обратился к мудрецу с просьбой взять его к себе в ученики с тем, чтобы наставить на путь истины.

— Умеешь ли ты лгать? — спросил мудрец.

— Конечно, нет! — ответил юноша.

— А воровать?

— Нет.

— А убивать?

— Нет...

— Так иди, – воскликнул учитель, – и познай все это. А познав, не делай!

Что хотел сказать мудрец своим странным советом? Ведь не то, что надо окунуться в зло и порок, чтобы обрести истинное понимание добра и постигнуть мудрость. Наверное, ради обретения мудрости юноша не должен был научиться лицемерить, ловчить, убивать. Мысль мудреца была иная: кто не узнал и не пережил зла, тот не может быть по-настоящему, деятельно добр.

Эта идея проходит через всю историю философии и конкретизируется в ряде этических положений. Во-первых, добро и зло содержательно диалектически взаимоопределены и познаются в единстве, одно через другое. Это то, что было предложено юноше в китайской притче. Но формальное перенесение диалектики добра и зла на индивидуальную нравственную практику чревато искушением индивида. «Пробование» зла без строгого, пусть и отвлеченного, понятия добра может гораздо скорее обернуться пороком, нежели действительным познанием добра. Опыт зла может быть плодотворным лишь как условие пробуждения духовной силы сопротивления злу.

Поэтому, во-вторых, без готовности сопротивляться злу недостаточно понимания зла и противостояния злу; само по себе это не приведет к добру. Недостаточно изучить дорогу в Ад, чтобы попасть в Рай, хотя эту дорогу надо знать обязательно, чтобы не оказаться на ней в своих благих намерениях, памятуя известную поговорку: «Благами намерениями выложена дорога в Ад».

Тем более что, как правило, эта дорога начинается в собственной душе.

В-третьих, добро и зло не просто взаимоопределены, функционально взаимообусловлены: добро нормативно значимо в противоположности злу и практически утверждается в отвержении зла. Иными словами, действительное добро – это деяние добра, т.е. *добродетель* как практическое и деятельное исполнение человеком вменяемых ему моралью требований.

Вот как подытоживает свое размышление о добре и зле, о сущности нравственности и назначении человека Н.А. Бердяев: «Основное положение этики, понявшей парадокс добра и зла, может быть так формулировано: поступай так, как будто бы ты слышишь Божий зов и призван в свободном и творческом акте соучаствовать в Божьем деле, раскрывай в себе чистую и оригинальную совесть, дисциплинируй свою личность, борись со злом в себе и

вокруг себя, но не для того, чтобы оттеснять злых и зло в ад и создавать адское царство, а для того, чтобы реально победить зло и способствовать просветлению и творческому преображению злых».

Выбор

В ситуациях конфликта человек видит свою задачу в том, чтобы сделать правильный и достойный выбор. Однако неверно полагать, что моральный выбор сводится к выбору морального образа мысли и действия и отказу от пути приспособленчества, карьеры, корысти или похоти. Нет сомнения в том, насколько важен такой выбор в качестве первого морального шага и в качестве постоянных его повторений в ситуациях, когда мы готовы поддаться прелестным, (и прельщающим) искушениям.

Собственно моральный выбор не исчерпывается этим. Он, конечно же, заключается в выборе между добром и злом. Но и трудность первого, или исходного, морального выбора обусловлена тем, что далеко не всегда он предстает таким образом, что нужно выбрать добродетель и устоять перед искушением. Альтернативой добродетели может быть не обязательно приспособленчество, ею может быть и *здравый смысл*, альтернативой карьеры – служебный и профессиональный успех, альтернативой корысти – *польза*, альтернативой похоти – личное *счастье*. Иными словами, случается, что человеку приходится выбирать между положительными ценностями. Точнее, между действиями или образами жизни, в которых утверждаются различные положительные ценности.

При этом человек часто оказывается в ситуациях, когда приходится принимать решения, не лежащие в рамках однозначного противостояния добра и зла. Не то чтобы эти решения лежали по ту сторону добра и зла. Это – решения в условиях выбора между большим и меньшим добром или большим и меньшим злом.

Например, как относиться к аборту? Не к абортам вообще: вообще – ясно, что необходимо делать все, чтобы не оказываться в ситуации, когда встает вопрос об аборте, иными словами, абортов следует избегать. Тем не менее, в силу разных причин возникают ситуации, когда перед женщиной или, в случае ситуации более благоприятной, перед женщиной и мужчиной встает вопрос об аборте. Аборт – зло. Но «нежеланность» ребенка – тоже зло. Или возможные, обусловленные какими-то заболеваниями, отрицательные медицинские последствия беременности для женщины – тоже зло.

На этом уровне морали выбор особенно труден. Тем более в ситуациях, когда приходится выбирать по принципу «наименьшего зла». Подобного рода ситуации всегда воспринимаются моральным сознанием как трагичные. В случае с разными положительными ценностями из большего и меньшего добра выбирается в любом случае *добро*. При выборе даже *меньшего* зла, выбранным оказывается *зло*. Последствия такого выбора – не как *меньшего* зла, а как *зла*, непредсказуемы как для окружения, так и для самого выбирающего. Такой выбор требует практической мудрости.

Другой практически важный аспект морального выбора связан с тем, что добро и зло, будучи «сбалансированными» на уровне понятий, предоставляют неравные основания для оценки соответствующих действий. Одно дело вершить добро или зло и другое – позволять злу твориться (другими людьми, стечением обстоятельств и т.д.). «Попустительство злу» – морально предосудительно, «потворствование злу», т.е. содействие злу, – недопустимо и почти приравнивается моральным сознанием к творению зла.

Однако «попустительствование добру» – фактически морально нейтрально (не случайно даже нет такого выражения), а «потворствование добру» воспринимается моральным сознанием как само собой разумеющееся и этому не придается особого значения.

Вообще получается, что с моральной точки зрения вред зла значительнее, нежели благо добра. Недопущение несправедливости, с моральной точки зрения, существеннее, чем творение милосердия: зло несправедливости – более разрушительно для сообществ, чем добро милосердия – созидательно.

Конструктивна ли роль зла?

В научно-фантастической повести Р. Шекли «Цивилизация статуса» через столкновение добропорядочной, но бесталанной, стагнационной, вырождающейся Земли, где господствует вгоняемая правителями в подсознание религия Добра, и некой иной планеты Омега, куда ссылают преступников, а вместе с тем и инакомыслящих, где господствует так же насаждаемая религия зла, но где каждому необходимо крутиться, чтобы не быть убитым, чтобы выжить и продвинуться по иерархической лестнице, писатель как бы вскрывает ту специфическую роль зла, без которого немыслима цивилизация. Будущее цивилизации усматривается Шекли, говорящим устами одного из высших чиновников Земли (!), в соединении опытов двух планет: законности добропорядочной Земли и инициативности агрессивной Омеги.

Зло нередко предстает не только как убийство, ложь, глубочайший эгоцентризм, выживание за счет всех остальных, война всех против всех по принципу: «Умри ты, но я останусь жить». Со злом связывается и нонконформизм, не дающий окостенеть порядку; а вместе с тем и нетривиальность, новаторство, творчество, пусть даже как поиск нового, нестандартного.

Взгляды о несостоятельности того, что принято считать добром, высказывали уже софисты. О политической целесообразности несправедливости говорил Н. Макиавелли. В социально-экономическом плане, пожалуй, первым позитивную роль того, что с обыденной точки зрения воспринимается как зло, прямо попытался объяснить и обосновать Б. Мандевиль. В наиболее яркой; форме и с убеждающей силой таланта выразил такое миросозерцание Ф. Ницше. Для него добро всего лишь добропорядочно по причине жизненной слабости его носителей, зло же – энергично, целеустремленно, аристократично. В невдумчивой проповеди добра действительно может скрываться всего лишь поверхностная

добропорядочность; такая проповедь таит в себе возможность как морализаторства, так и апологии здравого смысла, мещанства; но это уже не вопрос о добре и зле, а о живости и глубине ума, силе воли, устремленности к цели, таланте, высокой образованности и т.д. Каждая из этих способностей может служить как добру, так и злу – в зависимости от характера индивида.

Выше упоминалась пословица «Благими намерениями вымощена дорога в ад». В ней содержится глубокий философский и культурно-этический смысл. Речь идет не только о том, что человеку свойственно впадать в нравственный самообман или что никакие индивидуальные действия не предсказуемы в своих последствиях полностью («Человек полагает, а Бог располагает»). Но и о том, что совершаемое и тем более совершенное действие отрывается от воли и намерений того, кто его совершает, и, переплетаясь с множеством действий других людей, включается в ту реальность, которая существует объективно и независимо от сознания людей, ее породивших, как самостоятельная сила. Как таковая эта реальность чужда отдельному человеку, она пренебрегает им. Для этой безличной социальной реальности человек выступает лишь как материал. Таким образом, благо, добро осуществляются лишь через зло, и зло предстает как конструктивное начало истории. Эту парадоксальную диалектику добра и зла, через которую якобы обнаруживает свою творческую силу зло, Маркс вслед за Гегелем увидел в истории цивилизации.

Однако логика морали далеко не всегда совпадает с логикой истории. Оттого, что социальный и технический прогресс всего человечества покупается великим множеством индивидуальных и коллективных жертв, зло не прибавляет в цене. Оно не перестает быть злом. И из этого уж никак не следует, будто бы именно благодаря тому, что совершается зло, происходит исторический прогресс, как бы его ни понимал тот или другой мыслитель. Представим те ситуации, в которых присутствуют настоящие цены и платежи: цена объявляется на что-то и люди платят за что-то. Неверно думать, что происходящее в истории зло целенаправленно осуществляется бессердечными людьми, стремящимися таким образом содействовать прогрессу и не принимающими во внимание вынужденные отрицательные последствия для людей творимого ими. Характерно, что моральный мыслитель и язвительный критик общественных нравов Мандевиль указывает лишь на то, что за человеческими действиями следует видеть не только и даже не столько моральные мотивы, сколько мотивы эгоистические. Политико-экономический мыслитель Маркс отвлекается от моральных и духовных измерений человеческой активности. Для него прогресс цивилизации, а именно развитие производительных сил и производственных отношений, и составляет содержание истории.

Между тем этический смысл того, что нечуткими к нравственности мыслителями воспринимается как конструктивность зла, состоит не в том, что благодаря злу, в его борьбе с добром в этом мире происходит что-то значительное, а в том, что само наличие добра и зла как альтернатив человеческого выбора свидетельствует о возможности человека выбирать, и

что-то значительное в этом мире происходит благодаря свободе человека, которая, в частности, проявляет себя и в свободе творить зло.

Литература

1. Бердяев Н.А. О назначении человека. – М., 1993. – С. 252.
2. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. Гл. 29.
3. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: Учебник. – М.: Гардарика, 2000. – С. 241-252.
4. Опалев А.В., Дубов Г.В. Профессиональная этика сотрудников правоохранительных органов. – М., 1997. – С. 47-48.

Интернет-источник

http://www.traktat.ru/tr/

ПРАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА

Задание 1. **Дилеммы.** Подумайте каким может быть выбор с точки зрения экологической этики?

1.Жизнь болезнетворных бактерий и жизнь человека. Что выбрать?
2.Жизнь животных и питание человека. Как установить этические рамки?
3.Жизнь животных и удовольствие человека от охоты?
4.Жизнь растений и эстетическое наслаждение человека, составляющего букет из срезанных цветов?
5.Жизнь деревьев и постройка дома для человека. Как быть?
6.Жизнь любого существа и научное познание мира. Лишать жизни или нет во имя науки?

Вспомните свойства идеального человека. Может быть идеальный человек так живет, что дилемм подобного рода просто не существует в его мире?

Задание 2. Подумайте над абсолютностью относительностью понятий добра и зла. Приведите примеры, где эти категории проявляют свою относительность, а где абсолютность?

ВОПРОСЫ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

1. Как Вы думаете в чем заключается этический парадокс добра и зла?
2. В чем суть этического выбора?
3. Как Вы думаете в чем заключается суть проблемы «добро-зло» в экологической этике?
4. Каковы критерии нравственной оценки по отношению к природе?

ЧАСТЬ 2. ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИДЕЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭТИКИ

ЗАНЯТИЕ 4

СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС ЦИВИЛИЗАЦИИ – РЕЗУЛЬТАТ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО КРИЗИСА

Цель работы – осмысливая основные черты психологического, социального и экологического кризисов попытаться выявить причины возникновения кризисов, характер их взаимной обусловленности и предложить пути выхода из кризисов.

ПРАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА

Задание 1. Поразмышляйте над словом «*кризис*». Как вы понимаете его смысл?

Задание 2. Поразмыслив над понятиями «*психологический кризис*», «*социальный кризис*», «*экологический кризис*» выделите общие причины их возникновения и общие и специфические для каждого типа кризиса черты проявления. Попробуйте найти пути выхода из кризисов и составить конкретные рекомендации каждому человеку, руководствуясь которыми он мог бы изменяя себя изменить общество и отношения с окружающей средой. Напишите эссе, учитывая все вышеизложенные заметки.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

КРИЗИС И ЕГО РЕШЕНИЕ

М. Лайтман

Очевидность кризиса. Общий мировой кризис человечества очевиден – депрессия, наркотики, распад семьи, террор, неуправляемость общественных систем, опасность применения атомного оружия, экологические удары и пр. Например, согласно данным, опубликованным Еврокомиссией в "Зеленой книге" ("Gruenbuch") европейцы страдают от сильнейших депрессий, являющихся причиной 58.000 самоубийств в год, а 30% граждан Евросоюза страдают расстройством психики.

Неотвратимо нарастает угроза существованию человечества вследствие применения ядерного оружия. По мнению ведущих ученых, у человечества осталось не так уж много времени для попыток предотвратить развитие кризиса в нежелательном направлении – к состоянию мировой термоядерной войны или глобальной экологической катастрофы.

Правильный диагноз – половина лечения. Признаки кризиса очевидны, но из-за кажущейся невозможности выхода из него, само его наличие и обострение, как правило, замалчивается правительствами и общественными организациями, учеными, социологами, психологами. Причина сознательного замалчивания ими всеобщего кризиса в том, что они не видят средства исправления нынешнего состояния. В итоге эта страусиная политика только усугубляет проблему и ускоряет приближение катастрофы.

Как говорят медики, правильный диагноз – это половина лечения. Замалчивание же болезни и недооценка ее серьезности есть прямая угроза жизни.

Хотя основная проблема цивилизации – преодоление глобального кризиса, для того, чтобы приступить к ее решению, необходимо решить проблему не менее сложную: проблему объяснения обществу кризисной ситуации. Еще очень и очень многие ищут решение в научно-техническом, культурном и общественном прогрессе, забывая о том, что упование на этот прогресс и ввело нас в кризисное состояние.

Как предотвратить углубление кризиса? Для предотвращения дальнейшего углубления кризиса необходимо: 1. Признание наличия кризиса. 2. Выявление причин кризиса. 3. Осознание существования альтернативы и возможности выхода из кризиса. 4. Создание плана выхода из кризиса. 5. Осуществление плана.

Истоки и природа кризиса. В чем заключается причина кризиса? Ведь им охвачен в настоящее время не только человек, его состояние здоровья и формы взаимоотношений в обществе. К катастрофе вместе с человеком движется вся природа. Поэтому для понимания истоков кризиса мы должны рассмотреть основы самой природы.

Эгоизм – вся материя мира. Вся материя представляет собой различные меры желания наполниться силой, жизнью, наслаждением. Величина желания наполниться рождает различные уровни природы: неживой, растительный, животный, человек, а также определяет все процессы, протекающие в них. Каждый более высший уровень – есть проявление большего желания и включает в себя все предыдущие. Из осознания единства материала природы становится понятен феномен человека и его место в мире.

Особенности человеческого эгоизма. Особенность человека в сравнении со всей остальной природой не только в силе и характере его желаний, а еще и в том, что желания человека непрерывно меняются и развиваются, вызывают развитие цивилизации. Вся природа кроме человека потребляет лишь необходимое для существования. Человек желает сверх необходимого для существования в пище, сексе, физическом комфорте и в особенности в желаниях присущих только ему – в погоне за богатством, властью, почестями, славой, знаниями.

Поэтому, желание лишь необходимого для существования не оценивается как эгоистическое и только эгоизм человека эгоистичен. Эгоизм человека непрерывно, гиперболически растет. Его рост стимулирует и определяет прогресс человечества, но и ведет в тупик – к глобальному кризису. Излишний

и развивающийся эгоизм человека говорит о его незавершенности. Властвуя над человеком, он лишает его инстинктов, обеспечивающих выживание.

Нарушение равновесия. Все силы природы, кроме человеческого эго, находятся в равновесии. Все они являются единой системой сил природы и только человек нарушает их гармонию. Все в природе взаимосвязано и стремится к равновесию в себе и с окружающим. При нарушении подобия, нарушается равновесие, за границами которого начинается разрушение организма. Возможность восстановления равновесия является условием жизни.

Возникновение конфликта. Ни одно существо в природе, кроме человека, не относится к окружающим с намерением нанести вред, использовать, эксплуатировать, не испытывает удовольствия от подавления окружающих, наслаждения от горя окружающих. Только человек может наслаждаться горем другого человека. Эгоистическое, то есть с намерением личного возвышения над себе подобными, использование человеческих желаний приводит к угрожающему неравновесию с окружающим миром. Наш эгоизм – это единственная разрушающая сила в мире. Поэтому мир не сможет существовать, если человек не изменит своего эгоистического отношения к обществу.

Альтруизм – принцип жизни. С другой стороны, в природе существует Альтруизм, забота о благе ближнего. Исследуя феномен альтруизма в природе, мы открываем его как основу всего живого. Живым называется объект, который получает и отдает окружающей его среде. Любой живой организм состоит из совокупности клеток и органов, которые работают вместе, дополняя друг друга. В этом процессе они обязаны уступать, воздействовать и помогать друг другу. Закон объединения клеток и органов по альтруистическому принципу «один для всех» действует в любом живом организме.

Эгоизм части приводит к смерти целого. Если клетка живого тела начинает действовать относительно остальных эгоистически – она становится раковой – умерщвляет все тело и, в результате, саму себя. Раковая клетка непрерывно делится, съедая все окружающее, не неся никаких обязательств перед ними, не реагируя на команды организма. Так и эгоизм в природе, развиваясь сам по себе он ведет к смерти все, в том числе и самого себя.

Альтруизм – программа природы. Только взаимодействием, как одно целое, клетки могут существовать, развиваться и размножаться. В противном случае сам общий закон природы, как общей системы, будет угнетающе воздействовать на них. В каждом творении действует закон альтруистического взаимодействия. Кроме человека. Человеку дана свобода воли осознать необходимость альтруизма и выполнять этот общий закон природы.

Цель природы. Программа управления. Исследуя окружающий мир, мы обнаруживаем связь всех его частей, их причинно-следственное развитие и цель действий. Развитие человеческого общества, глобализация вынудила нас рассматривать мир как состоящее из противоположностей одно общее, целое. Совершенство мира – в единстве его элементов. Достигается это только сосуществованием частей природы, когда каждая часть работает ради жизни всей системы. Поскольку вся природа, кроме человека жестко выполняет свое

предназначение, то очевидная высшая цель всей природы – в приведении человека к совершенству, к свойству отдачи. В этом заключается программа природного управления.

Природное развитие желаний. Поскольку развитие человека происходит согласно программе природного управления, все больше людей приходит к ощущению отсутствия счастья, ощущению пустоты, депрессии, стремлению погасить это ощущение в наркотиках и терроре. Кризис семьи, воспитания, наук, исскуства, угроза уничтожения жизни вследствие экологической или ядерной катастрофы – также являются следствием этого состояния. Пока человек следует эгоистическому развитию и использованию своих желаний, сама Природа направленно создает вокруг него и всего общества угрожающую обстановку. В результате человек вынужден будет осознать свое место в системе природы, осознать свой эгоизм как единственное зло. Сам эгоизм, вызывая страдания, толкает нас к поиску методики его исправления и правильного соединения с Природой.

Путь долгий и путь короткий. Как человечество осознает необходимость подобия природе? Как могут эгоисты придти к осознанию зла? Из безысходности! Из осознания эгоизма как зла. К осознанию зла можно идти долгим путем страданий или коротким путем исправления. Но путь страданий – это не путь, а лишь количество времени, необходимое для осознания всего ужаса последствий своего упрямства и эгоизма. Но как только происходит достаточное накопление страданий, человек делает расчет и приходит к выводу, что выгоднее не страдать, а исправляться – и прикладывает усилия к уподоблению природе. Но возможен короткий и легкий путь исправления – если человек получает знания о устройстве мира, его причинности и цели, он ускоряет в себе осознание зла, своего противостояния миру, и не нуждается в осознании эгоизма как зла под воздействями страданий. Поэтому мы обязаны ускорить во всем мире процесс осознания эгоизма как зла, распространяя знания о кризисе и его причине – нашей противоположности природе.

Причина и цель. Итак, причина большей противоположности человека природе в том, чтобы он понял замысел и программу природы. Пониманием этого, человек обретает разум более высокого уровня чем тот, с которым он пришел в этот мир – Разум Абсолютного Альтруизма, как сама Природа. Именно из противоположного, эгоистического свойства, человек постигает весь замысел природы.

Вывод. Миссия человека – самостоятельно и осознано стать равным общему закону природы Абсолютного Альтруизма. Поэтому человек обладает растущим эгоизмом, развитие которого ему неподвластно; программа природы создает в нем и в его окружении обстоятельства, которые помогают постепенно осознать эгоизм как Зло; в мере этого осознания, человек начинает искать пути избавления от эгоизма и открывает для себя высший закон природы, закон Абсолютного Альтруизма, осознанно, с желанием подчиняет ему всего себя, получая от самой природы помощь в исправлении эгоизма.

Альтернатива кризису. Свобода воли. Поскольку вся приода кроме человека выполняет свое предназначение и только человек создан

противоположным природе, сводоба воли дана человеку только в одном – в свободном самовыражении каждого посредством альтруистических поступков.

Условие свободы. Хотя человеку кажеться, что он свободен, действует по собственному желанию, он выполняет указание генов и желания окружения, которое навязывает ему свои ценности и стандарты – насколько выгодно быть сильным, властным, преуспевающим. И человек всю свою недолгую жизнь тяжело трудится только над тем, чтобы общество увидело, насколько он преуспевает в выполнении установок общества. Получается, что он вообще не живет ради себя, а насилует себя, чтобы достойно выглядеть к глазах общества. Поэтому путь к свободе начинается в избавлении от диктата общественных искуственных стандартов. А затем – в своем свободном выборе пути к равновесию с природой и достижения в этом совершенства и вечности. Поэтому создание условий для свободы воли может быть только созданием нового общества, новых общественных стандартов.

Альтруисты и эгоисты в обществе. Альтруисты не исчезают. Из исследований ученых следует, что 10% человечества составляют альтруисты. Этот процент альтруистов в обществе постоянен, обусловлен генетически, и не зависит от внешних условий, – от влияния семьи, воспитания, общества. Альтруисты не исчезают. Ген альтруизма скрыт в человеке и его невозможно уничтожить. Всегда в человечестве, независимо от воспитания и влияния общества есть до 10% «природных» альтруистов.

Альтруизм выгоден. Хотя в любом обществе – 90% эгоистов, культура, наука, искусство, религия, мораль, право, воспитание, образование целиком опирается на концепцию 10% альтруистов, – потому что альтруистическое поведение выгодно всем. Альтруизм властвует в образовании, в школах учат альтруизму: будь честным, трудолюбивым, уважай, защищай, дружи, люби, – потому что альтруизм выгоден обществу.

Если для альтруистов от рождения альтруистические действия естественны, для эгоистов действия отдачи на благо общества кажутся невозможными. Но из законов жизнедеятельности живого организма мы видим, что осознание организмом того, что его существование зависит только от совместной работы всех его клеток, приводит к альтруистическому сосуществованию в нем клеток, каждая из которых сама по себе эгоистична.

Ощущение пользы альтруистического поведения есть и в эгоистическом человеческом обществе. Даже в настоящее время никто в мире не выступает активно против альтруистических поступков. Наоборот, все организации и личности рекламируют свое участие в альтруистических акциях и гордятся этим. Никто явно не противится распространению в мире альтруистических идеалов. Поэтому, если объединение альтруистических организаций сможет распространить в мире знания о замысле природы, ее программе и цели, это изменит путь всего человечества к цели – с пути страданий путем знаний.

План выхода из кризиса. Цель. Целью действий альтруистических сил является формирование новых – альтруистических общественных и человеческих ценностей.

Единственное средство. Для того чтобы изменить свое поведение с эгоистического на альтруистическое, человек должен изменить приоритеты, иерархию ценностей, убедиться в том, что отдавать обществу намного важнее, выгоднее, чем получать от него. Другими словами, человек должен ощутить намного большее наполнение от отдачи обществу, чем от любых эгоистических обретений.

Для достижения этой цели у нас есть только одно средство – общественное мнение. Нет ничего важнее для человека, чем мнение окружающих. Заслужить одобрение общества – цель жизни.

Человек обычно отрицает, что им движет желание добиться одобрения своих поступков. Вопрос о мотивации того или иного поступка застает его врасплох. Человек указывает на любознательность, даже на деньги, но не признается, что его мотив – общественное одобрение. Потому что общественное одобрение для него – самое главное!

Человек создан природой таким образом, что окружение определяет все его вкусы и ценности, он поневоле и полностью находится под властью общественного мнения – а потому общество способно навязать человеку любую, даже отвлеченную, ценность и любой вид поведения. Ради известности, славы, уважения, почета человек готов на все.

Общество также формирует в человеке критерии оценки собственного достоинства и самоуважения. Поэтому человек готов на все ради положительной самооценки, даже зная, что никто никогда не узнает о его поступке.

Такова сила единственного имеющегося у нас инструмента – общественного мнения.

Что делать? Чтобы подготовить и сделать возможным формирование новых общественных и человеческих ценностей, альтруисты, составляющие 10% человечества, должны объединиться, и через всевозможные государственные и общественные организации оказать решительное влияние на СМИ, образовательные и воспитательные организации.

Общество должно получить знания о: природе мира, ее цельности, цели, программе; природе кризиса – кризис целевой, изначально запрограмированный природой; причине кризиса – о эгоистической природе человека; преодолении кризиса только изменением природы человека.

Опасность кризисной ситуации требует, чтобы по всему миру – по радио, телевидению, раздаче наград, в кинофильмах, воспитательных программах, культурных мероприятиях, на всех торжествах, в программах новостей и объявлениях – человечество, из страха самоуничтожения, всеми средствами превозносило высшую ценность для себя альтруистических действий.

Постоянное, целенаправленное формирование общественного мнения обеспечит каждому человеку окружение, которое будет обязывать его к отдаче обществу. В итоге постепенно социальным давлением в человеке сформируются свойства отдачи.

Изменение задач, стоящих перед обществом, потребует изменения систем и планов воспитания, начиная с младенческих лет, кардинальных изменений в

системе образования, во всех областях культуры: литературные произведения, кино, телевидение, газеты должны будут освещать события, превознося и оценивая их только по шкале общественной пользы.

Один критерий, одна тема. Новое общественное мнение, используя все СМИ, средства рекламы, убеждения воспитания, должно: 1. Открыто и беспощадно порицать эгоистические действия, 2. Превозносить альтруистические действия человека, как высшую ценность. Тема "Отдача обществу" должна звучать как единственная и высшая ценность.

Желаемый результат. В результате целенаправленного общественного воздействия, каждый будет стремиться получать от общества только необходимое для существования, а все свои силы обратит на пользу обществу.

Хотя вначале каждый будет действовать на благо общества, вынужденно, под влиянием окружения, но поддержка и одобрение его действий обществом наполнят столь полным удовлетворением, что человек начнет ценить само действие отдачи обществу, как высшее, особенное, даже без получения в конкретных случаях морального вознаграждения от своего окружения.

Естественная поддержка. Поскольку деятельность альтруистических сил мира будет вести мир к равновесию с природой, она получит естественную поддержку в виде ослабления всех проявлений кризиса. Природа чутко реагирует на альтруистические изменения в человеке, потому что они в сторону подобия ей. Все большее подобие природе приведет к изменениям окружающей природы и общества.

Реализация плана. Переход человечества от эгоистической цивилизации к альтруистической происходит в два этапа: объединение альтруистических сил планеты; присоединение к ним всего человечества.

Объединение альтруистических сил. Организовать центр объединения альтруистических сил, организаций и личностей, мира.

Создание постоянно действующего центра по разработке и производству разъяснительной информации во всех формах: печатной (брошюры, буклеты, статьи, книги), аудио (песни, беседы, радио, СД), видео (научно-популярные фильмы), интернет – превратить в инструмент объединения и рекламы альтруистических идей.

Альтруистов в обществе – 10%. Из них 10% характерна сильным альтруистическими желаниями и готова к немедленным альтруистическим действиям, а 90% – имеет более слабые альтруистиеские желания и поэтому не готова самостоятельно действовать, а ограничивается обсуждением кризиса и выходом из него. Нам, относящимся к этому 1% человечества, необходимо принять план действий и активно претворять его в жизнь. Мы обязаны осознать, что только мы можем осуществить этот план. Это обязывает нас не заниматься обсуждениями, а принять план и начать его реализовывать. Именно малая группа 1% альтруистов способна разработать и распространить методику исправления. Историческая практика показывает, что прогрессивные идеи всегда исходят из малых групп. Наш центр естественно должен состоять из этого 1%.

Также из числа 1% альтруистов мира необходимо создать в разных странах мира постоянно действующие центры координации, разработки и производства разъяснительной информации по объединению 10% альтруистических сил мира. Распространение идеи «нового человечества» надо начать в среде 10%-й части альтруистов, поскольку они естественно готовы к этому, по своей природе заботясь о благе человечества. Для этого необходимо войти во все альтруистические общества мира и способствовать их объединению на основе реализации этого плана.

Обращение к альтруистическим организациям и отдельным людям – с разъяснением нашего плана и с предложением объединения на его основе Объединение альтруистических организаций мира в одну всемирную организацию – будущее мировое правительство. Формирование сильного общественного мнения, одобряющего только альтруистические действия.

Присоединение всего человечества. Создание постоянно действующего центра по работе с СМИ, общественными и государственными эгоистическими организациями и с 90% населения мира.

По мере объединения и укрепления альтруистических сил, начинать выход в СМИ, к общественным и государственным организациям с целью формирования сильного общественного мнения одобрения альтруистических действий. По мере объединения альтруистических сил в единую общественную силу, станет возможным:

-оказанием влияния на СМИ,

-включением в правительства в качестве решающей силы,

-противостояние анти-альтруистическим организациям,

-влиянием на отдельные личности и, в целом, на 90% эгоистической массы человечества.

Литературный источник

Тезисы выступления проф. М. Лайтмана на 3-м Всемирном Духовном Форуме в Ароссе (Швейцария)

Интерент-источник

http://www.sunhome.ru/philosophy/1712/p4

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ

Психологический кризис — состояние, при котором невозможно дальнейшее функционирование личности в рамках прежней модели поведения, даже если она целиком устраивала данного человека. Понятие кризиса часто используется в психотерапии. Это кризисы психологического состояния людей, которые проявляются в стрессах, страхах, чувстве неуверенности и т. д.

Интернет-источник

http://ru.wikipedia.org/wiki

Психологические кризисы – это необходимые бури, рождающие новое. Вредны кризисы надуманные, когда люди в них играют, чтобы управлять другими. Тогда они разрушают себя, медленно, но верно.

В наше время “кризис”, “стресс”, “напряженность и т.п. очень часто употребляемые и актуальные слова. Всем понятно, что они относятся к некоторым особым моментам в жизни, которые могут приводить к печальному исходу. Поэтому бытует мнение мнение, что их надо избегать и с ними надо бороться. Однако это не так, и при ближайшем рассмотрении становится понятным почему. Мы ограничимся таким явлением, как психологический кризис.

Каждый человек, отдает он себе в этом отчет или нет, имеет некое содержательное психологическое “ядро” – смысл жизни. Активность человека реализуется через многочисленные интеллектуальные, эмоциональные, мотивационные, волевые и другие механизмы. Каждым своим действием и поступком он как бы говорит себе: “А я вот такой”.

Психологический кризис – это невозможность осуществлять цикл воплощения себя, свой жизненный замысел. При этом нет нарушений функций мозга, человек практически здоров. Он может конечно, заболеть, у него может возникнуть, например, невроз, но не в этом суть. Внешние обстоятельства дают возможности, при которых человек может действовать, как и раньше. Но развивать прежнюю активность он уже не может по внутренним психологическим причинам, он как бы утратил понимание и чувство, что ему это нужно. Такое состояние сопровождается интенсивными, часто отрицательными по окраске эмоциями. Возможны трудно поправимые, и даже трагические поступки, человек может заболеть, оказаться психологически травмированным на всю жизнь. Но возможны и прямо противоположные последствия: человек может стать более зрелым, собранным, добрым, человечным, сильным, и мудрым – “вырасти”, подняться на новую ступень в своем развитии развитии.

Человек в течение своей жизни не один раз переживает психологические кризисы. Выделяют различные виды кризисов в зависимости от причины: кризисы отрыва от семьи, смены профессии, изменения (понижения или резкого повышения) социального статуса. Грубо можно выделить кризисы: возрастные, по соматическим основаниям (болезнь), социально – статусные (или ролевые) и внутреннего роста.

С возрастом изменяются возможности и внутренние состояния. Человек вдруг осознает, что он уже взрослый, и ему можно то, чего нельзя было вчера; он отец ребенка, глава семьи и от него зависит судьба жены и детей. Или – умирает близкий человек, и оказывается – он значил так много, что жизнь без него бессмысленна.

Весьма отчетливо психологическая суть кризиса выступает при кризисе достижения (успеха). Человек стремится стать олимпийским чемпионом. Вся жизнь с раннего детства расписана по минутам: тренировки, режим питания и т. п. Родители подчиняют свою жизнь той же задаче – ребенок будет чемпионом!

В 24 года он стоит на пьедестале, звучит гимн, он – олимпийский чемпион. А когда отгремели литавры победы, в тишине возник вопрос: а что дальше? И оказалось, что ответа нет. Возник тяжелый кризис: дальше неинтересно, все интересное позади, а впереди много, много пустых дней – зачем они, непонятно. Так и в бизнесе. Человек достигает высот определенных. А дальше тоже спрашивает, а что делать?

Итак, кризисы – явление закономерное и необходимое для роста личности. Основной вопрос в том, чтобы суметь выйти из кризиса достойно и более зрелым, сильным, чем раньше. Перед каждым человеком всегда стоит вопрос об ответственности за себя: как “вписаться” в жизнь, как распорядиться тем, что заложено в тебе природой, родителями и усвоенной культурой, как организовать свое внутреннее “хозяйство”, в том числе и наиболее тонкое – психологическое, особенно, когда нужно как бы умереть и родиться в новом обличьи, пройдя психологический кризис. Прежде чем говорить о течении кризисов, логично остановиться на их типах в зависимости от тех психологических механизмов, которые испытывают максимальные напряжения. Известно, что психологические процессы, которые мы будем называть переживанием, имеют свои внутренние цели. Их четыре:

1. Испытать сейчас (”здесь и теперь”) удовлетворение.
2. Реализовать какую-то деятельность соответственно какому-то мотиву.
3. Обеспечить упорядоченность своего внутреннего мира.
4. Обеспечить личностный рост – прогресс личностной структуры – стать психологически совершеннее.

Осуществление совокупности этих целей – в реализации психической жизни. Невозможность реализации любой из них приводит к разным видам психологических кризисов.

Первый тип кризиса связан с кризисом удовольствия и часто включает как разрешающий механизм психологическую защиту. Если для человека на каком-то этапе и в каких-то обстоятельствах чрезвычайно важно пережить чувство удовлетворения, и ему становятся в тягость негативные переживания, то любая трудность воспринимается как трагедия. У него возникает душевная боль, ощущение катастрофы. Тогда включаются механизмы психологической защиты, суть которых – искажение реальности. Человек как бы не видит и не слышит, что происходит в действительности. Смысл происходящего блокируется для сознания. Человек не допускает для себя осознание происходящего. Сознание прибегает к ряду уловок: подмене содержания, забыванию существенного, внушению, что это – ерунда, толкованию совсем в другой плоскости, приписыванию ведущей роли другим людям и обстоятельствам и т. п. Рационализация (удобное объяснение), девальвация (а виноград-то зелен), проекция (это не я – это он такой) и, наконец, вытеснение из сознания намеренно-ненамеренное, честное забывание неприятных обстоятельств – типичные варианты психологической защиты – включения механизмов искажения реальности. Когда на человека “сваливаются” грозные обстоятельства, ему становится настолько тяжело, что он как бы замирает и отстраняется. Не принимает и не допускает, что это происходит с ним, именно

с ним. Эта фаза неприятия характерна для реакции на экстремальные факторы. Биологически это оправдано. У животных многих видов реакция каталептической неподвижности при опасности (прикинуться мертвым) распространена. Нечто подобное, но без внешних выражений происходит в этой фазе и с человеком. Рациональный смысл – авось пронесет. Здесь психика защищается от непосильных переживаний. К сожалению, этот тип реакции у многих людей возникает на значительно менее сильную стимуляцию. Человек включает фильтры и не видит неприятного, в том числе своих дурных поступков, которые он видеть не хочет. В самосознании и в восприятии других возникают устойчивые искажения. Накапливаясь, они делают человека неадекватным обстоятельствам и себе. Он не видит себя и обстоятельства без сильных, угодных ему, искажений. Это ведет к другим типам кризисов. Очень часто неправильное использование механизмов защиты приводит к неврозу. Выход из этого кризиса – только в межличностных отношениях, когда в благожелательной обстановке человек вместе со специалистом – психологом вдруг прозревает и начинает ощущать свою неадекватность.

Второй тип кризиса – фрустрация. Преодолеть его помогают рационалистические механизмы – механизмы поиска новых форм поведения. Этот тип кризиса возникает, когда человек, испытывая какую-то сильную потребность, не может ее удовлетворить, потому что в его арсенале нет (или он не находит) подходящих средств воздействия на внешние обстоятельства. Условия тут таковы. Препятствие – внешнее, надо найти способ его преодолеть. Выйти из ситуации человек не может (таковы обстоятельства). Типичная картина такова: сначала человек выбирает поведение, которое может, в принципе, привести к успеху, причем поведение это достаточно хорошо организовано. Но результат не достигается, вторая попытка кончается также неудачей, начинаются вариации – опять безрезультатно. Человек многократно повторяет безнадежное поведение, или он модифицирует его так, чтобы действовать было легче, но это поведение уже, в принципе, желательного результата дать не может; сначала он это осознает, а потом уже не осознает и продолжает бессмысленное (в плане его намерений) поведение, расходуя силы, время и усиливая внутреннюю напряженность. Параллельно происходит дезорганизация самого этого поведения: оно хуже упорядочено. Наконец, человек как бы “залипает” на цели и способе: пусть я умру, но сделаю это только таким способом. Затем, если изменились обстоятельства, появилась возможность выйти из ситуации, сменив цель и деятельность, он сделать этого не может.

Третий тип кризиса – ценностный кризис. В его основе лежит борьба мотивов. Человек всегда включен в многообразные отношения, реализуемые разными деятельностями, каждая из которых имеет свои ведущие мотивы. Борьба реализуемых отношений во внутреннем мире выступает как борьба мотивов. Выбор мотива, имеющего право на реализацию сейчас, связан с построением иерархии мотивов в соответствии с принимаемой личностью системой ценностей. Отношения между ценностью и мотивом очень непростые. Мотив всегда энергетически и эмоционально заряжен, он –

двигатель осуществления деятельности. Он всегда индивидуален. Он всегда только мой: моя психика отводит энергию этому мотиву в соответствии с моей индивидуальностью. Причем мое сознание может этого не осознавать.

Ценность – это то, что и мое и одновременно взято из общечеловеческой культуры. Ее приоритет среди других мотивов осознается более-менее четко. Это то, “как должно быть” по социально принятым правилам. Отсюда трудности: планируемое на языке ценностей может в реальности оказаться не соответствующим истинно заряженным энергией мотивам. Что важно, то оказалось слабо мотивированным, и наоборот. Ценность проходит сложный путь, пока не станет истиной, действительно энергетически значимым мотивом.

Таким образом, суть ценностного кризиса в следующем. Человек в ситуации столкновения мотивов не в состоянии сделать выбор. Не работает ценностная система. Он колеблется, идет время, уходит ситуация, упускаются шансы, могут нарушаться отношения с другими, но он топчется на месте, он не в состоянии решиться. Этот кризис имеет разные варианты. Самый простой – если неадекватна какая-то часть (не центральная) ценностной системы, процессы переделки этой части не так травматичны. Несколько более тяжелый случай, когда ценностная система изменилась в силу необратимого события, например, в случае смерти близкого человека. Его объективно уже нет. Но в нашем сознании он еще живет старой жизнью. Проходит ряд этапов, пока не осознается необратимость события, жизнь образа застывает в завершенности, он идеализируется и становится ценностным образом, занимая уже другое место, в другом ряду ценностной системы. Изменяется иерархия ценностей и мотивов – можно жить дальше.

Наиболее сложный случай возникает, когда вся система ценностей, которой руководствовался человек, оказывается несостоятельной – она привела к жизненному краху. Тогда есть два весьма противоречивых пути. Один – найти среди осколков разрушенной системы новое ядро смысла жизни: для чего, для кого дальше жить. И основываясь на нем, начать жить по-новому. Другой путь связан с истинно человеческой свободой, когда основная ценность, ради которой жил человек, не может оцениваться рассудком. Человек признает эту ценность соответствующей более высокой реальности, чем та, которая доступна земному рассудку. Эта ценность для человека больше, чем жизнь. Человек идет на все, чтобы не изменить ей и готов платить за это своей жизнью (Иногда не только своей).

Четвертый тип кризиса – целостный кризис. Суть его такова. Выделяют теоретическое и практическое сознание. Теоретическое сознание строит конструкции на языке понятий и идеальных форм, которые могут быть совершенно оторванными от реальности. Оно не признает времени, ситуативности и мелочей Оно очень свободно. В нем вечный человеческий дух. Но оно же планирует заказ на земное реальное практическое действие. В нем работают ценности и мотивы. Оно решает вопрос об осуществимости, но не осуществляет. Практическое сознание огрубляет, “пригоняет” к месту и времени, имеющимся ресурсам, переводит на практический язык планы теоретического сознания. Практическому сознанию противостоят:

теоретическое сознание, с одной стороны, и реальность – с другой. Воля – это тот механизм, который обеспечивает их согласие и соответствие. Самое важное – это устойчивость всей системы. Дело в том, что иерархия мотивов, принятая до начала осуществления планов, в процессе их реализации может измениться. То, что казалось очень желаемым для действия, под влиянием трудностей может потерять свою привлекательность. “Услужливые” механизмы защиты готовы исказить реальность, чтобы уменьшить негативные переживания. Начнут изменяться образы, ситуации, и система мотивов “поползет”… Центральный механизм для выхода из этого кризиса – воля вместе с напряженно работающим творческим блоком, который все время создает новые комбинации ценностей, мотивов, эмоций, теоретического, практического сознания и реальности. Воля есть не только сила – это механизм управления психикой, который может обещать и угрожать, приказывать и закрывать пути к отступлению … Здесь кризис – это кризис воли и творческого процесса. Такой кризис сопровождается разрывом отношений с близкими людьми. Человек как бы сжигает мосты, и только близкие люди или профессиональные психологи могут вернуть его к значимым контактам. Кто-то на какой-то срок должен взять на себя функции воли и творческого блока, но так, чтобы не разрушить уверенность человека в том, что дальше он справится сам.

Психологические кризисы – это необходимые бури, рождающие новое. Вредны кризисы надуманные, когда люди в них играют, чтобы управлять другими. Тогда они разрушают себя, медленно, но верно. Хотя психологические кризисы бывают различного типа, некоторые моменты выхода из кризиса общие. Для преодоления кризиса можно использовать психотехники –специальные психологические приемы, имеющие различные теоретические истоки.

Интернет-источник
http://psylibertas.ru

КРИЗИС ЗАПАДНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ: ЧЕЛОВЕЧЕСТВО БЕЗ БУДУЩЕГО

С. И. Сухонос

Человечество никогда не развивалось равномерно в разных регионах, всегда были цивилизации-лидеры. Очевидно, что сегодня мировым лидером является западная цивилизация, представленная странами Евросоюза и США. Некоторые страны из других регионов, такие как Япония, сумели достичь такого же уровня жизни, ряд стран приближаются к нему, многие стремятся догнать, в частности, Россия.

Естественно, что для догоняющих стран, построенный на западе мир кажется чуть ли ни раем. Это представление базируется не столько на уровне материального достатка, который всегда относителен, сколько на том

ощущении, что Запад наконец-то решил все вековые проблемы человечества – проблему питания, жилья и справедливого общества. Что благодаря научно-техническому прогрессу можно будет со временем решить и оставшиеся проблемы – здоровья, высокой продолжительности жизни, защищенности от природных катастроф, прекращения войн. И действительно, сегодня каждому человеку в демократических странах дается шанс добиться в жизни то, что он заслуживает, западные страны навсегда прекратили войны друг с другом, воюют только с «дикими» странами и террористами, в развитых странах изобретают все новые лекарства и способы лечения болезней, Запад по прежнему стремительно развивает науку и планирует не только освоение Луны, но и полет на Марс. Поэтому догоняющим странам кажется, что мучительное восхождение всего человечества по каменистым склонам прогресса в надежде на достижение Золотого века достигло наконец-то заветного сказочного плато, на котором расположился на заслуженный отдых передовой отряд человечества – западный мир. А догоняющим осталось совершить последний рывок наверх, и они тоже окажутся в этом новом земном раю.

И поэтому крайне неожиданно для тех, кто стремится слиться с западной цивилизацией, прозвучали в последние годы с этого верхнего плато сигналы растерянности и пессимизма /2/. Лучшие умы Запада, обобщая сложившуюся там ситуацию, делают неутешительный вывод о глубоком кризисе. Какой кризис! – может воскликнуть российский читатель, когда они там живут лучше всех в мире, и большинство людей из других стран спит и видит, как стать полноценным западным жителем. Да они там просто заелись! Но возможно, неправы были классики марксизма, утверждая, что сознание определяется бытием, как мы видим, и при отличном бытии могут наступать глобальные кризисы сознания.

Возникшие проблемы социального, хозяйственного, экономического и психологического порядка, как отмечает ряд авторов, имеют в своем корне мировоззренческий кризис. «…Проблемы, которые стоят перед нами, носят не экономический или технологический характер, их глубинный источник лежит внутри человеческих свойств» /5, с.41/. По мнению большинства философов, этот источник проблем связан с потерей западным человеком высшего смысла жизни /2/. Для многих это может показаться абстрактной философской проблемой, однако, именно она, по оценкам философов, ведет ко все более нарастающему психологическому кризису, выраженному интегрально в таком явлении, как депрессия. Только экономике США депрессия наносит ежегодный ущерб в 53 млрд. дол. /2/. Всемирная организация здравоохранения сравнивает депрессию с эпидемией, охватившей все человечество. И если не будут приняты соответствующие меры, то к 2020 г. депрессия парализует экономическую жизнь как развитых, так и развивающихся стран.

Чтобы понять, почему современный человек, глядя также, как и его предки на звезды над собой, и ощущая нравственный закон внутри себя, потерял при этом высший смыл жизни, необходимо заглянуть в корень всех мировоззренческих проблем современной научной парадигмы. А корень этот, при внимательном анализе — в самых общих представлениях о Вселенной.

До эпохи Возрождения в Европе, бытовала очень простая картина мироздания. Согласно ей человек был создан Богом и помещен на Землю, которая находилась в центре мира. Землю накрывал звездный купол, по которому совершали свои периодические путешествия небесные светила. Этот мир был уютен, и соизмерим человеку, ведь даже Солнце совершала свой путь по небосводу либо на лодке, либо на колеснице, а в сказках его мог проглотить крокодил или похитить медведь.

Все что происходило на Земле, было хотя и несовершенно, но подвластно вмешательству Господа, который оставлял за собой право окончательного справедливого суда. Следовательно, каждый получал по заслугам, ну не в этой жизни, так на небесах, и у каждого человека был шанс спастись и обрести вечное блаженство.

Но вот началась новая эпоха, эпоха науки и рационализма. Появилась теория Коперника, и оказалось, что Земля – всего лишь одна из нескольких планет Солнечной системы, причем не самая большая, что звезд много, а, следовательно, мир человека – всего лишь пылинка на бескрайних просторах Галактики. А после открытия Хабблом галактик картина стала еще более унылой, ведь мир человека практически растворился в этой огромной пустыне космоса, где далеко друг от друга мерцали звезды – крошечные частицы гигантских галактических островов, которых насчитали около десяти миллиардов. Со временем выяснилось, что звезды и даже галактики не вечны, что они взрываются, что космическая катастрофа неожиданно может похоронить все человечество, стереть его из мира навсегда, вместе со всеми достижениями, гениальными произведениями искусства, любовью, историей про Христа и прочим…

«Увеличивая мир до чрезвычайных размеров, новое научное мировоззрение в то же время низводило человека со всеми его интересами и достижениями – низводило все явления жизни – на положение ничтожной подробности в Космосе» /3/.

Ничтожная подробность… Вряд ли мы до конца осознаем, насколько эта картина мира влияет на каждого человека, который в определенном возрасте узнает о ней в школе или из популярных фильмов, что она приводит многих людей к глубоко трагическому восприятию жизни: ведь нет высшего смысла в кратковременном пребывании на поверхности Земли – микроатома огромного мира. Подобная картина может внушить человеку вселенскую тоску и страх перед собственной ничтожностью. Поэтому известный космолог П. Дэвис пишет, что «человечество так и не смогло полностью оправиться от интеллектуального шока, порожденного тем, что Земля утратила свои привилегии» /6, с.8/.

Назовем эту проблему **проблемой пространственной ничтожности жизни.**

Но кроме «пространственного кризиса», наука через некоторое время привела человечеству к ряду других кризисов.

Проблема незаконности жизни во Вселенной.

Согласно современным научным воззрениям «…вселенная и природа не имеют направляющей разумной силы или креативного плана развития. Все невероятное многообразие форм, выявленное различными науками, от астрономии до биологии… относились на счет бессмысленной комбинации материальных частиц. Неорганические материальные частицы случайно создали неорганические соединения, которые в свою очередь случайно организовались в живые клетки. Вся дарвиновская эволюция от одноклеточных организмов до человека рассматривалась как движимая случайными генетическими мутациями и естественным отбором…» /5, с.43/. Но когда ученые взялись за определение вероятности возникновения этим случайным путем даже простой белковой молекулы, то выявилась грандиозная проблема – оказалось, что вероятность такого события в нашей Вселенной стремится к нулю. Поэтому последовал общий мировоззренческий вывод – жизнь во Вселенной вообще случайное явление, что-то вроде прыщика на лбу, который вскочил неожиданно и исчезнет со временем. Таким образом, жизнь приобрела в общей картине мира положение «незаконного ребенка», и ее длительное существование в силу этого стало под большим вопросом.

Проблема неизбежной гибели Вселенной.

Но наука не стояла на месте, космологи построили со временем и общий план развития Вселенной на далекую перспективу /10/. Оказалось, что в силу действия второго начала термодинамики через некоторое конечное время во Вселенной погаснут все звезды и распадутся галактики. Через некоторое время все крупные тела разрушатся до атомарного состояния, а все атомы трансформируются в железо. На финише этого распада вообще не останется вещества, все частицы «испарятся» и по Вселенной будет гулять ветер теплового излучения, одинокий и ужасный как демон Врубеля. Таким образом, наука поставила крест и на развитии всего видимого мира. Само его возникновение оказалось вне научного закона. Главным действующим фактором во Вселенной согласно современной парадигме являются процессы деградации и распада.

Проблема отсутствия выхода в иные миры. Эта проблема глобальной атеистичности современной науки, которая не признает ничего другого кроме материального мира, в нем нет места душе, Богу, иному миру и т.п.

«Событием, определившим поиск смысла и возникновение отчаянья в XX веке, стала утрата Бога в XIX столетии. Фейербах отделался от Бога, объяснив его как бесконечную жажду человеческого сердца; Маркс отделался от Него как от идеологической попытки возвыситься над наличной реальностью; Ницше отделался от Него как от того, что ослабляет волю к жизни. В результате появился лозунг «Бог умер», но вместе с Ним умерла и вся система ценностей и смыслов, внутри которой жил человек» /9, с.101/.

Ловушка захлопнулась. Сначала наука человека унизила, опустив не только его самого, но и весь его мир до положения ничтожной подробности в космосе. Затем его еще больше унизили, доказав, что появление человека, как и жизни во Вселенной – случайный всплеск порядка, и жизнь во Вселенной, по сути дела стала исключением из правил, она оказалась вне закона

(физического) и потеряла какой-либо высший смысл. Мало того, оказалось, что у этой случайной жизни нет никакого будущего, ибо впереди – ужасная тепловая смерть всей Вселенной.

Но даже при такой картине мира у человека всегда оставалась надежда на то, что видимый мир – не весь мир, что есть мир иной, иррациональный, божественный, есть нирвана, Брахма, рай, Царствие Небесное и т.п. Другими словами, кроме видимой Вселенной, которая ладно уж все равно погибнет, есть некий иной нематериальный мир, который вечен. Эту надежду человеку издревле несла религия. Но наука развенчав религию, доказывая несостоятельность и вымышленность всех ее постулатов, убила и эту надежду, не найдя во Вселенной и в своих законах места божественному миру.

Что же оставила наука современному человеку? Руины от всех религиозных представлений и безрадостное будущее материальной Вселенной. Человечество лишили смысла и цели существования, лишили вселенской исключительности и будущего. Более того, будущего лишили и Вселенную. Потеряв всякую надежду найти выход из этого тупика, созданного современной наукой, человек почувствовал себя как мышь *в захлопнувшейся мышеловке конечного мира Вселенной*. И ему в принципе осталось лишь одно – жить сегодняшним днем, радоваться тому, что может радовать, не думать о смерти, не заботиться об отдаленном будущем, а лишь удовлетворять все свои мгновенные потребности. Именно таким образом западный мир попробовал жить во второй половине XX века.

Но человек так устроен, что ему необходимо выход на бесконечность не меньше, чем дыхание и питание. И если его лишить прикосновения к бесконечному через дух (религию) и разум (науку), то он будет все равно искать его через другие каналы: психоделические эксперименты, наркотики, спиртное и т.п. И будет подсознательно искать бесконечность внутри своего мира. Обращая человека к его внутренней бесконечности с помощью психологических приемов пытаются спасти современного человека от депрессии некоторые психологи /5/.

Внутри бесконечность действительно есть, но что делать с внешним миром, который все равно обречен? Оставить его по буддистски в покое? Но западный человек отличается от восточного в первую очередь тем, что его активность направлена в первую очередь вовне, на преображение внешнего мира. Более того, если мир не развивать, то в нынешней напряженной социальной и политической ситуации человечество быстро придет к естественной развязке – к экологической, ресурсной и социальной катастрофе. И катастрофа эта произойдет, безусловно, гораздо раньше вселенской, скорее всего, уже при жизни нынешних поколений. А это уже проблема не только мировоззренческая, это проблема жизни и смерти, от которой не спрячешься во внутреннюю бесконечность и от которой не загородишься никакими восточными практиками.

Несмотря на то, что описываемый глобальный кризис представляют общемировым, он, однако, является все-таки в первую очередь кризисом *западного мировоззрения*, которое начало складываться в эпоху Возрождения и

отличается от мировоззрения мусульманского, индуистского или конфуцианского. Именно потому на Западе все более популярным становится буддизм и другие разновидности восточных учений, что они дают человеку более стабильную систему взглядов на мир, хотя они и были созданы тысячи лет назад. Этот парадокс объясняется в первую очередь тем, что западное мировоззрение является *научным* и поэтому в своей основе атеистично, а буддизм, индуизм и прочие древние мировоззрения сложились на *религиозной основе*. А любая мировая религия за тысячи лет своего развития выстояла и стала общемировой именно потому, что она смогла дать человеку твердую психологическую и мировоззренческую опору в трудной жизни на Земле. Но опора эта не на Земле – любая мировая религия не объясняет человеку, как устроен *реальный* мир, а лишь обещает, что, покинув его, человек обретет истинное счастье. Более того, религия вообще не призывает к исправлению земного мира, ведь он *изначально* несовершенен, полон страданий и горя, и другим быть не может.

С другой стороны весь научно-технический прогресс последний столетий был направлен именно на преображение окружающего мира, на его улучшение, на решение проклятых и извечных вопросов жизни человека на Земле. И вроде бы все стало получаться… И наука пообещала решить… И повела за собой…. И человечество поверило…

Может быть зря? Может быть, стоит вернуться к религиозному мировосприятию, если оно не подвержено кризисам и дает верующему человеку гармонию в душе и покой в жизни? Но спасти от уныния религия может лишь *истинно и глубоко верующего* человека. А по оценкам социологов /1/ на Западе таковыми являются лишь 5% населения. Примерно такая же картина наблюдается сегодня и в России. Следовательно, уйти от проблем научного мировоззрения в мистику религиозного сознания большинству людей современного общества не удастся. Да и путь ли это вообще? Отбросить передовое научное представление о мире, которое привело Запад к такому потрясающему прогрессу, и взять на вооружение мировоззрение отставших стран, которые сотни лет до этого находились в глубокой спячке, и лишь разбуженные Западом, стараются догнать его – это ли не верх нелепости. Жить в мире, который построен благодаря развитию науки и при этом принимать идеологию, которая по сути дела отрицает науку, и не смогла дать опоры для развития дальше крестьянского феодального уровня…

Но если нельзя отбросить, то может быть можно соединить вместе? В практической жизни, например, быть материалистом, опираться на научный подход к миру, а в личной жизни быть буддистом и… не верить, что этот мир вообще существует, и говорить по вечерам о карме. Но можно ли серьезно говорить об эклектическом синтезе современной науки и религии, если наука изначально атеистична и отрицает такие явления, как Бог, душа, жизнь души после смерти… Такой синтез – лукавый компромисс, когда правая половинка мозга не ведает о чем думает левая. И такой псевдосинтез по сути дела, уводит за пределы научного мировоззрения.

Оставив человечество без будущего (пусть и очень отдаленного), западная парадигма подорвала и его уверенность в настоящем, что пока еще не очень сказывается на экономике, но неизбежно приведет впоследствии к деградации и социальной и технической. Ведь творчество всегда горит одной мечтой – как сделать человечество лучше и счастливее. Но если это невозможно в принципе, то погаснет огонь творчества и мир начнет загнивать в болоте застоя. И пусть это болото будет очень высокого уровня, но застой никогда не продолжается долго, рано или поздно рушатся империи и гибнут цивилизации. Значит, погибнет и западная цивилизация? А вместе с ней и все остальное человечество, жестко привязанное к Западу технологически и идеологически?

Итак, если смотреть на возникшую проблему непредвзято и трезво, то остается в конечном итоге лишь один выход – **расширить научные представления о мире** до такой степени, чтобы все кризисные проблемы, упомянутые выше, оказались снятыми. Другими словами необходимо сменить парадигму. А если повезет, то найти и научное обоснование возможности вечной жизни души в этом мире, что вновь откроет свет в конце тоннеля, но свет уже не только религиозный, но и научный.

В настоящее время многие ученые, понимая актуальность этой задачи, предпринимают титанические усилия, направленные на ее решение. Этот поиск начался еще в XX веке, и это очень остро чувствовали такие глобальные мыслители, как, например В. И. Вернадский. «Мы стоим на границе величайших изменений в познании Мира… Мы переживаем… величайший перелом научной мысли человечества, совершающийся лишь раз в тысячелетия» /4, с.518-519). В результате появляется множество новых «авторских» картин мироздания, так или иначе предлагающих снятие этой проблемы. Одной из таких новых картин мира стала и работа автора, которая опирается на выявленную им масштабную симметрию Вселенной. Эта работа, первый результат которой был опубликован в 1981 году в журнале «Знание-сила» /7/, завершилась спустя 20 лет изданием итогового труда «Масштабная гармония Вселенной» /8/. В результате обширного феноменологического анализа было установлено, что иерархическое устройство нашего мира имеет удивительную периодическую закономерность. Одним из важнейших выводов этого исследования является обнаружение того факта, что живая клетка со средним размером 30-50 микрон находится точно в масштабном центре Вселенной. А сам человек находится точно в масштабном центре диапазона жизни на Земле. Более того, анализ эволюции Метагалактики показал, что жизнь не только находится в самом фокусе всех эволюционных процессов Вселенной, но и является **неотъемлемым и закономерным** ее свойством. Образно говоря, как неизбежно посаженное семечко яблони вырастает при благоприятных условиях в дерево, на котором затем появляются плоды, так и Вселенная в своем развитии НЕИЗБЕЖНО «расцветает» биосферами.

Это открытие разрешило проблему человеческой ничтожности, возникшую в рамках западной трехмерной картины Вселенной. Оказалось, что жизнь находится не на задворках Вселенной, а в самом ее центре, *в*

масштабном центре, а в нем-то и происходят самые важные эволюционные, энергетические и информационные процессы. Это открытие решило и болезненную проблему «законности жизни», т.к. перевело *факт* зарождения жизни во Вселенной из разряда случайных маловероятных событий в разряд неизбежных и закономерных явлений.

Кроме того, анализ построенной масштабно-гармоничной картины Вселенной показал, что гипотеза о тепловой смерти – мираж, порожденный неверно выбранными краевыми условиями. Тепловая смерть может наступить лишь в рамках модели трехмерного пространства, а в масштабно-четырехмерном пространстве второе начало термодинамики ведет не к уменьшению сложности систем, а к увеличению информационной насыщенности мира. Следовательно, тепловая смерть Вселенной – всего-навсего теоретическая ошибка космологии.

Таким образом, новая космологическая картина Вселенной, основанная на ранее неизвестной закономерности периодического устройства материи, разрешила три из четырех злободневных вопросов современного научного мировоззрения. Остался как будто бы не решенным вопрос о возможности существования иного мира, в котором может жить вечная душа. Но в ходе более глубокого исследования полученной масштабно-гармонической закономерности выяснилось, что все пространство насыщено уникальными «частицами» — зернами мирового духа, которые порождаются второй масштабной гармоникой. Теоретическое изучение свойств этих зерен привело к неожиданному выводу – они должны быть ячейками памяти вселенского суперкомпьютера. Расчетное количество элементов в них фантастически велико – 10^{90}, следовательно, в зерне можно записать информацию, величина которой невообразимо огромна – десять в степени 90! = 90x89x88x87x86… Если сравнивать информационную емкость этих зерен с потенциальной информационной емкостью всей Метагалактики, состоящей из 10^{78} нуклонов, то очевидно, поскольку количество элементов внутри зерна в миллион миллионов раз больше, в них можно записать информацию обо всей вещественной истории Вселенной. Но что удивительно, расчеты показали — размер этого зерна мирового духа – 30…50 микрон, что точно совпадает со средним размером живой клетки!

Согласно теории автора таких зерен во Вселенной должно быть очень много, возможно, что их число такого же порядка – 10^{90}. Из чего следует, что во Вселенной ничего не исчезает бесследно, все, что происходит, записывается внутри этих зерен навечно, т.к. продолжительность жизни зерен равна продолжительности жизни самой Вселенной. Более того, в этом случае вообще все процессы во Вселенной, не исключая и жизнь отдельного человека, управляются через эти зерна.

Зерна мирового духа – пока лишь теория, но она имеет очень убедительное феноменологическое основание, которое опирается на гигантский материал данных из самых надежных справочников. И если зерна существуют, то наука их обязательно найдет. А если найдет, то автоматически разрешится последний из перечисленных выше кризисов современного мировоззрения –

кризис отсутствия выхода в мир бесконечности для каждого человека в отдельности. Итак, если будут открыты теоретически выведенные автором зерна мирового духа, то вопрос о жизни после смерти решится автоматически раз и навсегда, ибо в этих зернах должно записываться все, что происходит во Вселенной, включая и жизнь каждого человека. И эти зерна дают информационную вселенскую основу для построения любых объектов, в том числе и каждой личности…

Литература

1. Бесужьев-Лада И.В. Альтернативная цивилизация. – М.: Владос, 1998.
2. Вахромов Е.Е., Ашер Т. Психологический кризис нашего времени. В Разделе Проблемы психологического и социального характера. Российское философское общество. Серия «История и философия Каббалы». Альтруизм, развитие, интеграция, 2006, вып. 5.
3. Вернадский В.И. Биогеохимические очерки. – М.-Л.: АН СССР, 1940.
4. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. – М.: Айрис Пресс, 2004.
5. Гроф С. Трансперсональный взгляд на глобальный кризис и стратегия его смягчения» В Разделе Проблемы психологического и социального характера. Российское философское общество. Серия «История и философия Каббалы». Альтруизм, развитие, интеграция, 2006, вып. 5.
6. Дэвис П. Пространство и время в современной картине Вселенной. – М.: Мир, 1979. – С.32.
7. Сухонос С. Взгляд издали // Знание-сила. – 1981. – №9. – С.31-33.
8. Сухонос С.И. Масштабная гармония Вселенной. – М.: София, 2000.
9. Тилих Пауль. Избранное. Теология культуры. – М.: Юрист, 1955.
10. Islam J.N. Sky and Telesc., 1979, 57, I, P.13-18.

Интеренет-источник

http://www.trinitas.ru/rus/doc/0232/009a/02321107.htm

ВОПРОСЫ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

1. Можно ли утверждать, что системный кризис цивилизации является результатом мировоззренческого кризиса человека?
2. В чем проявляется психологический кризис личности? Как он связан с социальным и экономическим кризисами? Можно ли только психологическими методами преодолеть системный кризис?
3. В чем проявляется социальный, социально-экономический, экономический типы кризиса? Какова причина их возникновения на Ваш взгляд? Можно ли устранить последствия этих составляющих системного кризиса только социальными и экономическими мерами?
4. Какой выход из системы кризисов Вы можете предложить?

ЗАНЯТИЕ 5

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭТИКИ

Цель работы – сформировать представление об истории возникновения идей экологической этики и их развитие в направлениях экологической этики в России и за рубежом.

ПРАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА

Задание 1. Заполните таблицу, используя представленный ниже материал для размышлений.

Название направления экологической этики	Основоположники и представители направления	Сущность идей направления

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

ПРОРЫВ В ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ ЭТИКУ (отрывок)

В. Е. Борейко

История экологической этики в Царской России, СССР и в постсоветском пространстве (1865-2001)

Не может быть счастливым народ, угнетающий природу.

Годом начала развития экологической этики в царской России можно считать 1865 год, когда в стране было создано Российское общество покровительства животным. Конечно, ни о какой экологии речи тогда идти не могло, также как и об экологической этике в современном понимании этого термина. Однако многие позиции тогдашних "покровителей животных" явно сходятся со взглядами современных активистов движения за права животных.

Идеология Российского общества покровительства животным, основанная на любви к живому, находила явную поддержку в элитных слоях населения России. Общество поддерживалось членами царской фамилии, царями Александром II, Александром III, Николаем II. Следует добавить, что

этическому отношению к живой природе способствовала господствующая в Российской империи православная церковь (на деньги церкви издавались даже специальные книжки для детей, пропагандирующие гуманное отношение к животным).

Немалое значение имели и некоторые народные поверья и традиции, имеющие явную этическую и экологическую окраску ("воробей маленький, а сердце имеет", "всякая птица безгрешна, потому что ходит босою") (41).

Другой пример этического отношения к живой природе приводит этнограф Н. Харузин. По его наблюдениям русские крестьяне, населявшие в конце XIX века Олонецкую губернию, с большим уважением относились к лебедю. Они не только не употребляли эту птицу в пищу, но и никогда не стреляли ее. Свое отношение к лебедю они объясняли тем, что лебеди живут всю жизнь парами, и если убить одного, то второй обязательно умрет от горя по убитому. "Поэтому убить лебедя большой грех" (42).

Нельзя не отметить и русскую литературу, в которой много говорилось об этическом отношении к животным (Иван Тургенев, Федор Достоевский) (31). Особенно следует назвать ныне практически забытого поэта середины XIX века Николая Щербину. В его стихах содержатся идеи многих великих экофилософов – Генри Торо, святого Франциска Ассизского, Альберта Швейцера. Он писал:

...Боюсь раздавить я ногою
Червя, что ползет под травою
Сияньем тепла наслаждаться;
Исполнен вниманьем
Для всякой летающей крошки,
И, груди сдержав колыханье,
В себя не втяну я дыханьем
В лучах затерявшейся мошки (89).

В начале XX века в Российской империи зародилось движение в защиту памятников природы, в котором ученые-биологи Г. А. Кожевников, А. П. Семенов-Тян-Шанский, И. П. Бородин, Д. Н. Кайгородов разработали этико-эстетический (в отличие от научного или хозяйственного) подход.

Выступая в 1908 году на Всероссийском юбилейном акклиматизационном съезде профессор Московского университета Григорий Александрович Кожевников поставил вопрос, впервые в стране, "о праве первобытной природы на существование" (36). Петербургский профессор Андрей Петрович Семенов-Тян-Шанский в 1919 году продолжил мысль Кожевникова: "...Ведь, есть еще одна сторона в деле охраны очагов свободной природы, на которой мне хочется, хотя бы на минуту, остановиться. Напомнить о ней особенно уместно в наше время разгара чисто материалистических стремлений и, несмотря на волну подъема социалистических идей, все же, увы, эгоистических настроений. Это – сторона вопроса чисто этическая" (32).

Серьезным вкладом в развитие экологической этики в России явилось издание в 1899 году в С.-Петербурге книги русского правоведа С. Фишера "Человек и животное. Этико-юридический очерк". Автор впервые в России заявил, что: 1) Государство должно охранять интересы животных; 2) Эта охрана должна выразиться в правовых нормах; 3) Лучшим средством для этого является признание правовой личности животных, т.е. наделение животных известной долей правоспособности". По мнению С. Фишера, все животные (не только домашние) "заслуживают непосредственной уголовно-правовой охраны ради самих себя" (80). Эта работа и по сей день является выдающимся памятником русской этической мысли по отношению к природе.

Причем необходимо отметить, что этические вопросы по отношению к природе поднимались не только столичными природоохранниками, но и на периферии. Организатор Астраханского заповедника астраханский краевед В. Хлебников (отец поэта Велимира Хлебникова), выступая в 1919 году на съезде лесоводов в Астрахани заявил: "Человеку легче победить и подчинить себе силы природы, чем самого себя. В этой борьбе человека со своими издревле наследственными звериными побуждениями одним из самых важных средств к победе является привычка. Каждая пролитая капля чужой крови облегчает пролитие следующей капли и, наоборот, чем реже человек видит кровь, тем труднее ему смотреть на нее. Для совершенствования человеческой личности в полном высоком смысле этого слова вредно всякое убийство, вредно даже участие в нем..." (37).

Вспоминая о начале XX века, нельзя не упомянуть и русских поэтов, которым была не чужда тема этического отношения к животным – взять того же Сергея Есенина или Владимира Маяковского. Хотя, конечно, С. Есенин не совсем прав: животные – не братья наши меньшие, они – наши старшие братья, да и нечего хвастать тем, что "никогда не бил" их по голове.

Однако в 30-х годах, как образно пишет А. Стручков "голоса эстетически-этического подхода замолчали в пустыне "социалистического строительства" (25).

Этико-эстетический подход мог родиться только в высококультурной среде определенной части деятелей охраны природы, преимущественно крупных академических ученых – зоологов, ботаников, географов, часто выходцев из дворянских фамилий – знатоков и любителей поэзии, живописи, театра. Как совершенно справедливо заметил санкт-петербургский историк Д. Александров: "Повседневность этих ученых окрашена в эстетические и этические тона, значения жизненного опыта оказываются этическими и эстетическими" (Александров, 1994). Сама охрана природы казалась им ближе к охране памятников культуры как по этическим, так и эстетическим и религиозным соображениям. Именно эти люди играли первую скрипку в российском заповедном деле и охране дикой природы. Однако позже (вплоть до 70-80-х годов XX века) им на смену в заповедное дело пришли лесники и биологи-охотоведы (преимущественно выпускниками подмосковного пушно-мехового института, ученики известного преобразователя природы П. Мантейфеля). Вместо этико-эстетического они проповедовали хозяйственный

научно-преобразовательный подход в охране природы. В большей степени им была чужда какая-либо этика или эстетика – время и их образ жизни воспитали новых деятелей заповедного дела в СССР прагматиками.

Советские философы отрицали экологическую этику, так как она не имела классового подхода, рассматривала отношение человека к природе, а не человека к человеку. В "Кратком словаре по философии" в терминах "этика" и "мораль" говорится "о нормативной регуляции отношений людей друг с другом и с общественным целым (коллективом, классом, народом, обществом)", но отнюдь не с природой (24).

"Любовь к природе, названную здесь интимным отношением к ней, нельзя отождествлять ни с моральными, ни с этическим отношением (...). Весьма сомнительно и применение этических понятий в отношении к природе. Рубка леса и убой скота не являются антиморальным поступком. Объектом морального или антиморального отношения может быть лишь человек и общество. Потому антиморальным в действиях, касающихся природы, может быть лишь то, что наносит вред человеку или обществу...", – считал ленинградский философ В. Тугаринов (22). Московский доктор философии А. Гусейнов набросился на Альберта Швейцера: "Однако безусловно одно: принцип благоговения перед жизнью не может быть принят в качестве основного смысла нравственной деятельности, он внутренне противоречив и по своей сути антисоциален. (...)" (23). По Гусейнову, природа имеет нравственное содержание не сама по себе, а только "рассмотренная в свете интересов и целей общественного человека! (...) Мы за природу для человека, но против боготворения природы, против поклонения всему живому, против фальшивой сентиментальности..." (23). И хотя эти работы были опубликованы в 70-х годах, взгляд большинства философов уже на постсоветском пространстве на экологическую этику не изменился. Доктор философских наук Российской академии государственной службы А. Назаретян совместно с аспирантом И. Лисицей в духе лучших идеологических проработок пишут: "К сожалению, поток агрессивной биоцентрической литературы почти не подвергался критической оценке..." Что же касается швейцеровского лозунга "благоговения перед жизнью", то он, оказывается, "подхвачен апологетами войны и насилия" и сделался "прибежищем фарисеев" (26).

Если советские философы отказали экологической этике в праве на жизнь, что можно предположить, что она могла бы развиваться в среде советских писателей или ученых-природоохранников. Однако не произошло и этого. Причин много. Одна из главных – практически полное отсутствие в СССР зарубежной литературы по экологической этике. Книга "Культура и этика" А. Швейцера впервые в СССР была издана лишь в 1973 году (а его основная книга "Учение о благоговении перед жизнью" не переведена на русский язык и до сих пор!). А "Календарь песчаного графства" О. Леопольда вышел в СССР лишь в 1980 году, да и то к этой книжке советские читатели отнеслись больше как к работе по экологии и запискам натуралиста, к пониманию же этических истин они не были еще подготовлены. Был в 1962 году издан "Уолден" Генри Торо (его эссе "Прогулка" – лишь в 1990 году),

однако они остались незамеченными советскими читателями. Что же касается других зарубежных специалистов в области экологической этики, то они до сих пор не известны на постсоветском пространстве. Да о чем можно говорить, если даже американского журнала "Экологическая этика" нет в библиотеках крупных городов стран СНГ. А что до этических взглядов российских пионеров охраны природы – Г.А. Кожевникова, А.П. Семенова-Тян-Шанского и других, то уже в начале 30-х они были преданы анафеме и забыты.

В результате многие советские природоохранники и писатели рассматривали экологическую этику только под углом запрета охоты, ограничения на употребление в пищу мяса животных и прекращения мучений домашних животных. Рождались такие утопические дилетантские и антиэкологические вещи, как перевоспитание диких животных с целью овладения их навыкам человеческой речи и отказа от поедания мяса (16). Зато совершенно вне влияния экологической этики существовали такие приоритетные в СССР направления природоохраны и природопользования как заповедное дело, природоохранное законодательство, рыбный, китовый и пушной промысел, лесное хозяйство, экологическое образование и воспитание. Яркий пример – решение в 1991 году комиссии ЕС о запрете применения в пушном промысле ногозахватывающих капканов, подготовленное исключительно с позиций экологической этики. Россия, как и другие страны СНГ, где пушной промысел держится на таких капканах, оказалась совершенно не готовой к запрету (33, 35).

Еще одна важная причина отсутствия экологической этики в СССР – это наличие двойной морали у значительного числа природоохранных деятелей СССР (в том числе и их элиты). Так, академик АН СССР, директор элитного московского института ИЭМЭЖ В. Соколов, много лет возглавлявший комиссию по заповедникам АН СССР и считавшийся лидером советской природоохранной науки, в широких кругах был еще известен как любитель кровавых сафари в Африке и других романтических местах.

А какой-то Соколов,
академик, видимо,
настрелял себе козлов
видимо-невидимо, –
пелось о нем в лихой студенческой частушке.

А председатель Всероссийского общества охраны природы М. Бочкарев был задержан в 1965 году на рыбном браконьерстве, за что попал на страницы "Крокодила" (31). По несколько раз закрывались заповедники, а в оставшихся животные изучались и регулировались отнюдь не этическими методами. Советский Союз оказался единственной крупной державой (вместе с Китаем и Турцией), где до 1988 году не было создано Всесоюзного общества покровительства животным. И единственной страной в Европе, не подписавшей Страсбургской конвенции 1959 года о безболезненном забое домашних животных.

В 60-80-х годах, кроме публикаций в СССР книг А. Швейцера, О. Леопольда и Г. Торо еще произошло несколько важных событий, так или иначе относящихся к развитию экологической этики.

В 1965 году ленинградский писатель Н. Сладков опубликовал в журнале "Звезда" дискуссионную статью "Дикая фигура охотника", в которой постарался показать аморальность любительской охоты и предложил ее запретить. К дискуссии подключились писатели О. Волков, Б. Рябинин, Н. Гаген-Торн, Л. Леонов, многие авторитетные издания – "Литературная газета", "Человек и закон", "Сибирские огни", "Охота и охотничье хозяйство". Одним из главных аргументов противников охоты была необходимось защиты жизни как таковой.

Другая общественная дискуссия, в 70-80-х годах, может быть менее хорошо подготовленная и не такая запальчивая, относилась к вопросам гуманного отношения к животным. В журнале "Природа" ей была посвящена прекрасная подборка под заголовком "Феномен жестокости" (28), в популярном журнале "Наука и жизнь" статьи биолога А. Гилярова "Человек и животные: этика отношений", в которой впервые в советской литературе было сказано об экологической этике (10). К дискуссии подключилась "Литературная газета", "Неделя", писатели Г. Троепольский, Б. Рябинин, Л. Леонов опубликовали несколько статей и книг, Сергей Образцов снял нашумевший документальный фильм "Кому он нужен, этот Васька?". В некоторых городах – Ленинграде, Вологде, Киеве, Ялте, Харькове, Одессе стали создаваться секции и общества охраны (защиты) животных. В Москве секция охраны животных при Мосгорсовете ВООП была создана преподавательницей Е.А. Антоновой, при поддержке художника В.В. Ватагина в 1954 году. (46). Позже ее возглавила доктор мед. наук К.А. Семенова.

В целом эти обе общенациональные дискуссии не привели к каким-либо сдвигам в государстве в области охраны и управления природными ресурсами. Но они значительно продвинули общественное сознание в сторону экологической этики. Перефразируя известное выражение, призрак экологической этики уже явственно бродил по СССР.

С конца 80-х – начала 90-х, когда рухнули идеологические оковы, люди получили возможность более смело думать самостоятельно, общаться с коллегами из зарубежных стран, получать от них информацию, стало проще издавать новые журналы и сборники. Все это значительно способствовало развитию на постсоветских просторах экологической этики. Экологической этикой заинтересовалось две группы специалистов – философы и природоохранники.

В 1989 году во Львове была проведена конференция "Моральные и эстетические вопросы охраны природы", Кубанская народная Академия разработала нормы экологической этики, один из лидеров международного Социально-Экологического Союза Сергей Мухачев (г. Казань) возглавил секцию по экологической этике СоЭС, провел несколько дискуссий по этой теме и выпустил в 1997 году сборники. В 1994 году Движение студенческих дружин по охране природы приняло свой манифест, в котором первыми

пунктами было сказано: "1) Мы сознаем, что все живые существа хотят жить, и жить свободно, в неменьшей степени, чем человек", 2) Мы не признаем нравственных претензий человечества на исключительную роль и власть над природой" (34).

Активную деятельность по популяризации идей "освобождения животных" проводит москвичка Татьяна Николаева Павлова, один из лидеров секции охраны животных Московского городского общества охраны природы (1969-1987), автор книги "Биоэтика в высшей школе" (1997). В 1990 году при ее активном участии при Межрегиональном Вегетарианском обществе России был создан Центр этичного отношения к животным, ставший Российским отделением Всемирного общества защиты животных. Именно благодаря активности Т. Н. Павловой и ее соратников в 1977 году Минздравом РСФСР были утверждены "Правила по обращению, содержанию, обезболиванию и умерщвлению экспериментальных животных", а затем Минсельхозом РСФСР, АН СССР, Минвузом РСФСР. В 1988 году в России был принят Закон "Об ответственности за жестокое обращение с животными", создано Всесоюзное общество защиты животных, реорганизованное в 1992 году в Российское.

Стали организовываться и подобные региональные общества. В 1991 году открыто Петрозаводское общество защиты животных, в 1998 – Карельское общество защиты животных. Такие же общества созданы в Нижнем Новгороде, Екатеринбурге и др.

В 1995 и 1997 годах Т. Н. Павловой изданы в Москве первые в России и странах СНГ серьезные книги по проблемам прав животных "Биоэтика в школе" и "Биоэтика в высшей школе". Последняя была рекомендована Минсельхозом РФ в качестве учебного пособия для студентов вузов по специальности "Ветеринария". В Украине курс "Биоэтики" впервые стал читаться с 1998 года в Харьковском зооветеринарном институте.

К сожалению, средства массовой информации стран СНГ, в том числе и специализированные экологические или биологические, практически не уделяли и не уделяют внимания вопросам экологической этики. Исключением здесь являются газеты "Зеленый луч" (Рязань, Россия), "Заповедный вестник" (Йошкар-Ола, Россия), журнал "Вестник зоологии" (Киев, Украина).

Специальный комитет по биоэтике открыт при Российской Академии наук. С 1991 года на биологическом факультете Московского университета стал читаться курс биоэтики, а также был создан Совет по биоэтике. В С.-Петербургском государственном техническом университете с 2001 года в рамках курса экологии читается раздел по экологической этике. В 1997 году в Москве был открыт офис Международного Фонда защиты животных, влиятельной организации, активно борющейся против жестокости к животным. В 1994 году организована газета "Зов" – Вестник Российского общества покровительства животных.

К сожалению, до настоящего времени очень далеким от экологической этики остается природоохранное законодательство стран СНГ. Этими странами до сих пор не подписаны Европейские конвенции по защите животных (1987), по защите экспериментальных животных (1986), а также Протокол к

Конвенции о правах человека и биомедицине. Не затрагиваются этические проблемы взаимоотношения человека и природы в российском и украинском законах о животном мире, об охраняемых природных территориях.

Большое значение для ознакомления природоохранной общественности стран СНГ с зарубежными классиками экологической этики имело издание в 1992 году московским издательством "Голубка" двух книг – "Экологическая антология" и "Думая как гора", а также другим московским издательством "Прогресс" в 1990 году сборника "Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности". В 1993 году в Москве вышла наконец-то легендарная "Роза мира" Даниила Андреева, имевшая пространную главу по экологической этике. Большое значение имели также обзоры американского журнала "Экологическая этика", опубликованные московским философом В. Ермолаевой в 1989, 1990 и 1994 годах. Проблемы экологической этики неоднократно поднимаются в газете эколога В. Берлина "Живая Арктика" (Аппатиты), книгах и статьях экоанархиста С. Фомичева (г. Дзержинск Нижегородской обл.), работах московского философа Л. Василенко, московского историка А. Стручкова, нижегородского философа В. Кутырева. Активную деятельность по популяризации экологической этики развил морской эколог, академик НАН Украины Г. Поликарпов (Севастополь), им была подготовлена программа для обучения экологической этике школьников. Проблеме применения экологической этики в заповедном деле посвятили несколько своих интересных работ доктора биологических наук А. Никольский и В. Дежкин (Москва).

Киевским эколого-культурным центром совместно с московским Цетром охраны природы (Е. Симонов) при поддержке Эколого-просветительского центра "Заповедники" (Н. Данилина) в 1996 году был начат международный проект "Любовь к природе" (Гуманитарная экологическая инициатива), одной из задач которого является популяризация и разработка экологической этики. Киевский эколого-культурный центр издал по этой теме несколько десятков книг, с 1999 года выпускает "Гуманитарный экологический журнал", а в мае 2001 года в Киеве, при поддержке Центра охраны дикой природы, провел первый в СНГ Международный семинар по экологической этике.

История экологической этики за рубежом

Мыслящего человека узнают по священному благоговению перед жизнью.

В. Гюго

Об этическом отношении к природе издавна говорили многие выдающиеся люди: Будда, который провозгласил принцип непричинения вреда другим живым существам, Пифагор, Плутарх, рассматривавшие доброе отношение к животным как основу нравственного поведения человека, Франциск Ассизский, воспринимавший живых существ как своих братьев и сестер, Томас Мор и Мишель де Монтень, призывавшие к милосердию по

отношению к животным, Мухаммед, защищавший животных от нерадивых людей.

Даже в самые голодные годы Ганди отказался заставить индусов есть мясо: "Мы не можем убивать коров, мы должны быть солидарны со всей страдающей тварью".

Основателями экологической этики можно назвать американского эколога и природоохранника Олдо Леопольда (1887-1948) и немецкого врача и философа Альберта Швейцера (1875-1965). Классический труд О. Леопольда "Календарь песчаного графства" был издан в 1949 году, после смерти его автора. В 1953 году вышли другие его книги под заглавием "Круговая река". В этих работах О. Леопольд развил свои взгляды по экологии, экологической этике (этике земли) и природоохранной эстетике. Этика благоговения перед жизнью (универсальная этика) разработана Альбертом Швейцером в классических трудах "Культура и этика" (написана в начале 20-х годов и издана в 1923 году), а также в "Учении о благоговении перед жизнью" (написана в больнице в 1961 году, вышла в ГДР в 1963 году).

Большой толчок в развитии экологической этики дали экологическая теология (изучение экологических этических взглядов различных религий), а также пристальное внимание к экологическим этическим традициям различных народов, в частности, американских индейцев (экологическая этнография).

Нельзя отрицать на развитие экологической этики огромного влияния движения покровительства животным. Еще в 1802 году во Франции была назначена премия за работу, которая дала бы лучший ответ на вопрос: "Насколько жестокость, практикующаяся над животными, влияет на нравственный уровень населения, и полезно ли будет издать относительно этого законы?"

Колыбелью обществ покровительства животным следует считать Англию. В 1809 году премьер-министр лорд Эрскин провозгласил в палате лордов: "Без сострадания к животным нет истинно хорошего воспитания, нет истинно доброго сердца". В 1822 году благодаря Эрскину был принят первый в Европе закон о наказании мучителей животных. В 1824 году Ричард Мартин основал в Лондоне первое в мире общество покровительства животным. В 1892 году на земном шаре существовало уже 780 таких обществ, из них в Англии – 244, в Германии – 191, в США – 105, в Швеции и Норвегии – 31. К 1896 году в мире состоялось 12 международных конгрессов обществ покровительства животным (80).

В 1959 году было создано Международное общество защиты животных. На 1998 год только в системе "Интернет" имелись данные о 6 тыс. различных общественных организаций, занимающихся правами животных, на базе которых приводятся три основных международных акции: Антипушная компания, Антикосметическая компания и Компания, направленная на улучшение условий содержания сельскохозяйственной птицы и скота в животноводческих комплексах.

На Западе экологическая этика впервые громко заявила о себе в начале 70-х годов, когда ее стали преподавать в философских курсах вузов. Пионером

здесь считается университет штата Висконсин, где экологическая этика читается профессором Бэярдом Калликоттом с 1971 года. С середины 70-х экологическая этика обрела право называться самостоятельной дисциплиной. Особенно активно эта наука начала развиваться в США, Англии, Австралии, Норвегии и Канаде.

В 1972 году Джон Б. Кобб-младший опубликовал первую статью по экологической этике в США "Не поздно ли. Теология экологии". В этом же году Вильям Блэкстоун организовал конференцию "Философия и экологический кризис". В 1973 году Арне Нейс напечатал статью "Движение глубинной экологии", ставшую началом нового движения, а Ричард Рутли впервые сделал доклад по экологической этике на мировом конгрессе. В 1975 году Холмс Ролстон III в популярном журнале "Этика" опубликовал статью "Это ли экологическая этика?".

В 1990 году создается Интернациональное общество экологической этики (его лидеры – Лаура Вестра и Холмс Ролстон III) и Интернациональная ассоциация природоохранной философии (во главе с Брюсом В. Фольцем и Робертом Фродманом). Общество философии и теократии с начала 90-х годов также много внимания уделяет экологической этике. Эти общества организовывают конференции и публикуют материалы.

Появились журналы, специально посвященные экологической этике. Один из них организован в США философом Юджином Харгроувом в 1979 году и был назван "Экологическая этика" ("Environmental ethics"), с 1992 года в Англии выпускается журнал "Экологические ценности" ("Environmental values"). В Канаде журнал "Трубач" ("The Trumpeter") – с 1983 года. В Германии существует журнал "Экология и этика" ("Okologie und ethic"). Кроме этого в США издаются такие журналы как "Экофилософия" ("Ecophilosophy"), "Глубинный экологист" ("The deep ecologist"), "Журнал сельскохозяйственной и экологической этики" ("Journal of agricultural and environmental ethics"), "Между видами" ("Between the species"), "Этика и животные" ("Ethics and animals"), "Этика и окружающая среда" ("Ethics and the Environment") – с 1995 года, "Этика, место, окружающая среда" ("Ethics, Place and Environment") – с конца 90-х. Только на 1981 год библиографический список англоамериканской литературы по экологической этике насчитывал более 3200 наименований (77). Были проведены международные конференции "Права нечеловеческой природы" (1974), "Гуманистическое и экологическое сознание" (1980), "Экологическая этика и Солнечная система" (1985) и др.

Большой вклад в развитие экологической этики внесли работы таких авторов как Джордж Кайфер "Биоэтика" (1979), Кристин Шрейдер-Фречет "Экологическая этика" (1981), Доналд Шофер и Том Аттиг "Этика и окружающая среда" (1983), Робин Этфилд "Этика и экологическая забота" (1983), Роберт Эллиот и Арран Гейер "Экологическая философия" (1983), Том Риган "Граница Земли: новые эссе по экологической этике" (1984), Холмс Ролстон III "Философия уходящей дикости" (1986), Питер Сингер "Освобождение животных" (1975), Эндрю Линзи "Права животных" (1976), Том Риган и Питер Сингер "Права животных и человеческие обязанности" (1976),

Пол Тейлор "Уважение к природе" (1986), Джон Пасмор "Человеческое уважение к природе" (1974), Макс Оелшлегер "Идея дикой природы" (1991), "Состояние дикой природы" (1992), Родерик Нэш "Права природы" (1989), "Дикая природа и американский разум" (1975), Стефэн Боросса "Эстетика ландшафта", Юрйо Сепанмаа "Красота окружающей среды" (1986), Линда Грэбер "Дикая природа как священное пространство" (1976) и др.

Сейчас экологическая этика на Западе имеет более десятка бурно развивающихся различных направлений (освобождение животных, экоцентризм, экофеминизм, глубинная экология и т.д.), а также таких своих ярких теоретиков и проповедников как Холмс Ролстон III, Юджин Харгроув, Бэярд Калликотт. Специальный комитет по биоэтике действует в Европейском Союзе. 24 апреля во многих странах отмечается День прав животных.

В заключение следует отметить, что в 1982 году Генеральной Ассамблеей ООН принята Всемирная Хартия природы – первый международный документ, подчеркивающий, что всем формам жизни должна быть обеспечена возможность существования.

Обзор различных направлений в экологической этике

- Я, - подтвердил польщенный кот и добавил. - Приятно слышать, что вы так вежливо обращаетесь с котом. Котам обычно почему-то говорят "ты", хотя ни один кот никогда ни с кем не пил брудершафта.

М. Булгаков "Мастер и Маргарита"

Практически все направления (разновидности) экологической этики можно отнести к двум основным типам – биоцентрическому (хорошо все, что делается для блага отдельной жизни, отдельного индивидуума) и экоцентрическому (хорошо все, что делается для блага экосистемы, видов животных или растений). К биоцентрическому типу можно отнести этику благоговения перед жизнью А. Швейцера, к экоцентрическому – этику земли О. Леопольда. Разберем основные идеи этих двух этик подробнее, а затем перейдем к краткому обзору других направлений и течений в экологической этике.

Основатель этики земли американский природоохранник Олдо Леопольд писал: "Первоначальная этика касалась отношений между индивидуумами; дальнейшие добавления связаны уже с взаимоотношениями идивидуума и общества. Но этики, регулирующей взаимоотношения человека с землей, с животными и растениями, обитающими на ней, пока еще не существует (...). Распространение этики на этот третий элемент в окружении человека является – если я правильно толкую все признаки – эволюционной возможностью и экологической необходимостью. Это третий этап непрерывного развития. Первые два уже осуществились. Отдельные мыслители со времен библейских

пророков постоянно указывали, что опустошение земли не только вредно, но и дурно (...). Этика в экологическом смысле – это ограничение свободы действий в борьбе за существование. Этика в философском смысле – это различие общественного и антиобщественного поведения (...) ... хороша любая мера, способствующая сохранению целостности, стабильности и красоты биотического сообщества. Все же, что этому препятствует, дурно" (1).

По мнению О. Леопольда этика земли призывает относиться с вниманием к биосообщности не только потому, что она ценна сама по себе, но и из-за ее целостности, стабильности и красоты, ради которых жертвуются интересы ее индивидуальных членов. В соответствии с этикой земли не следует: уничтожать или способствовать вымиранию видов; необдуманно смешивать отечественные и экзотические виды; добывать непомерную энергию из почвы и освобождать ее в биоту; запруживать или загрязнять реки; следует заботиться о животных. Как считает Бэярд Калликотт, "право на жизнь" не вписывается в структуру биосообщности и поэтому не покровительствуется этикой земли" (48).

Следует также отметить, что этика О. Леопольда не имеет ничего религиозного, в отличие, скажем, от этики А. Швейцера. Если в этике О. Леопольда больше экологического, то разработанная немногим ранее немецким философом А. Швейцером этика благоговения перед жизнью опирается на высоко нравственные принципы. Его этика заключается в том, что "я испытываю побуждение высказывать равное благоговение перед жизнью как по отношению к моей воле и жизни, так и по отношению к любой другой. В этом и состоит основной принцип нравственности. Добро то, что служит сохранению и развитию жизни, зло есть то, что уничтожает жизнь или препятствует ей. Поистине нравственен человек только тогда, когда он повинуется внутреннему побуждению помогать любой жизни, которой он может помочь, и удерживаться от того, чтобы причинить живому какой-то либо вред... Там, где я наношу вред какой-либо жизни, я должен ясно осознавать, насколько это необходимо. Я не согласен делать ничего, кроме неизбежного, – даже самого незначительного" (2).

Альберт Швейцер говорил, что этичным, нравственным человек может считать себя только тогда, когда станет уважать любую жизнь и приходить на помощь любой жизни, находящейся в бедствии. Он учил: "Ошибкой всех существующих этик было мнение о том, что они рассматривали отношение человека к человеку, когда в действительности речь идет о том, как относится человек ко всему, что его окружает (...). Этика есть ответственность за все, что живет" (2).

Один из серьезных минусов этики А. Швейцера в том, что она ограничивает круг морально значимых объектов индивидуальными сущностями, не беря во внимание популяции, виды, биоценозы и всю глобальную экосистему в целом. Недостатком его концепции является и то, что он не разработал на ее основе правила разрешения конфликтных и кризисных ситуаций.

Согласно радикальным биоцентристам и экоцентристам различные животные, виды живой природы, среды обитания, области дикой природы, экосистемы и биосфера Земли, как целое, представляют собой части морального сообщества. Таким образом, человек имеет прямые обязательства перед природой. Более консервативные направления биоцентризма распространяют сферу моральной значимости только на высших животных.

В нашем кратком обзоре следует упомянуть о природной этике, предложенной известным русским философом и анархистом П. А. Кропоткиным, одно из положений которой гласит, что истоки нравственности, безусловно, лежат в природном мире.

Не так давно возникло движение "глубинной экологии" (термин введен норвежским философом А. Нейсом в 1972 году). Его философская доктрина опирается на следующие восемь этических принципов.

1. Процветание и благо человеческой и нечеловеческой форм жизни на Земле ценно само по себе. Ценность нечеловеческого мира не зависит от пользы для человека.

2. Богатство и разнообразие форм жизни содействует реализации этих ценностей и ценно само по себе.

3. Люди не имеют права уменьшить это богатство и разнообразие, исключая случаи удовлетворения жизненно важных потребностей.

4. Процветание человеческой жизни и культур совместимо только с существенным снижением человеческой популяции.

5. Нынешнее вмешательство человека в природный мир чрезмерно и ситуация быстро ухудшается.

6. Поэтому политика должна быть изменена. Эти изменения должны задействовать базовые экономические, технологические и идеологические структуры. Только тогда ситуация будет серьезно отличаться от нынешней.

7. Идеологической переменой должно быть высокое оценивание качества жизни.

8. Те, кто согласен с этими пунктами, должен стараться осуществлять эти перемены (3).

Сторонники "глубинной экологии" отстаивают фундаментальные социокультурные перемены. В особенности они противятся разглядывать природу просто как источник ресурсов человека. Некоторые глубинные экологи отрицают важность человеческого вида. Дэйв Формэн, например, полагает, что люди – это только один из многих видов, и что нас слишком много. Он считает, что жизнь человека не более важна, чем жизнь других существ, и что здоровью биосферы следует оказать предпочтение перед человеческим благом.

"Глубинная экология" не является этической теорией. Скорее, глубинные экологи призывают к преобразованию фундаментальных принципов нашего отношения с природой. Этими принципами могут быть: уважение права всех жизненных форм на жизнь и процветание; сопереживание другим жизненным формам; максимализация разнообразия жизни человека и других существ. Глубинные экологи привержены новому взгляду на мир и утверждают

экологическую мудрость, или экософию, а не экологическую этику как таковую. Многие глубинные экологи полагают, что все живые существа, включая экосистемы, имеют интересы, а значит, могут пострадать, либо выиграть. Но все объекты, могущие либо пострадать, либо выиграть (в том числе природные системы), заслуживают моральное внимание. А те объекты, которые попадают под моральную заботу, имеют определенные права – так считают многие традиционные этические системы. "Глубинная экология" поощряет стремление к отождествлению с природой, чтобы урон, наносимый ей, воспринимался как урон самому себе.

Одно из радикальных направлений в экологической этике – "освобождение (права) животных", стоит на позициях биоцентризма. Это течение заботится о благополучии отдельных животных, причем когда благополучие индивидуумов конфликтует с благополучием их популяции (пример – копытные), то "освобождение животных" дает приоритет благополучию отдельных особей. Движение "освобождения животных" предполагает их освобождение от жестокого и бессмысленного страдания и эксплуатации. "Осободители животных" не выступают за придание моральных прав растениям или неживым природным объектам, поскольку они не имеют сознательной чувствительности, а значит, не могут переживать удовлетворение и боль. Они призывают отказаться от использования животных для развлечений (цирк и т.д.), а также от животной продукции, требующей убийства животных: от мяса, от мехов, натуральной кожи, проповедывают вегетарианство, предлагают запретить охоту и рыболовство, эксперименты на животных. Как правило, общества покровительства, защиты или освобождения животных бывают двух типов. Традиционный тип такого общества – общества за благополучие животных – основан на сострадании, милосердии, доброте человека, стремлении его покровительствовать животным. Второй тип, появившийся в конце XX века, основан на концепции естественных прав животных. Сторонники этого типа считают, что у человека есть долг по отношению к животным, а животные имеют право на существование и на защиту от страданий (46).

Философские взгляды движения защиты (освобождения) животных нашли свое развитие в конце 60-х годов XX века, когда группа выпускников Оксфордского университета – философов, психологов и теологов, элиты английской и американской интеллигенции, выдвинула концепцию естественных прав животных. Животные, считали они, – способны чувствовать и понимать, они имеют такие же как мы потребности: оставаться живыми, быть защищенными от страданий, удовлетворять голод, жажду, потому справедливость требует, чтобы эти потребности животных были удовлетворены. Как говорили мудрецы Индии: "Все живое бежит от страданий, все живое боится смерти. Познай же в живом самого себя и не причиняй зла" (38). Лидеры в области прав животных – американцы Том Риган, написавший "Дело о правах животных", Питер Сингер (Австралия), автор книги "Освобождение животных", англичане Ричард Райдер (Великобритания), психолог и теолог Эндру Линзи (Великобритания). Последний писал: "Вся

Вселенная создана любовью, а то, что создано любовью, не может не иметь ценности. Бог своею милостью сделал все существа на земле драгоценными в его глазах. (...) Если все твари существуют для Бога, если Бог стоит за каждой из них, то как могут человеческие существа идти против Бога?" (46).

Необходимо также подчеркнуть, что часть сторонников теории освобождения (прав) животных не относят свои взгляды к экологической этике, а считают их совершенно самостоятельными, более того, даже порой антагонистическими. Подобной точки зрения придерживаются или придерживались и сторонники этики земли О. Леопольда, например, Б. Калликотт. Не уверен, что подобное противопоставление является истинным, более того, оно ослабляет усилия защитников природы.

Американский экофилософ и географ Линда Грэбер ввела понятие этики дикой природы, совмещающей биоцентрические и экоцентрические идеи. Это радикальное направление экологической этики имеет серьёзную религиозную основу (религия природоохраны) и озабочено сохранением как можно большего числа участков дикой природы как святого пространства.

Немецким морским биологом, профессором Отто Кинне предложено еще одно направление, названное им "экоэтика". Оно опирается на некоторые известные экологические принципы и относится к экоцентрической модели.

Особняком в экологической этике находится такое направление как экофеминизм. Процесс освобождения "женского начала", согласно взглядам представителей теории экофеминизма, должен начаться с освобождения природы как носителя женского архетипа. Женщина рассматривается как символ близости к природе, который противопоставляется культуре как символ мужского начала.

Экофеминисты выдвигают четыре базовых принципа своей теории: 1) существует несомненная связь между угнетением женщин и угнетением природы; 2) понимание характера этой связи необходимо для любого адекватного понимания природы; 3) феминистская теория и практика должны включать экологическую перспективу; 4) решение экологических проблем должно включать феминистские перспективы (6). Экофеминизм можно считать ответвлением феминизма, или такой формой, которую следует принять всему феминизму.

Экофеминисты полагают, что Мать-Земля – это заботливый дом для всей жизни и ее следует почитать и любить как это делали наши предки. Термин "экофеминизм" был придуман в 1974 году Франсуазой д'Эбони, чтобы подчеркнуть потенциал женщин в экологической революции. Экофеминизм охватывает различные подходы, но его сторонники сходятся в том, что доминирование природы неразрывно связано с доминированием женщины, и что при принятии субординации одного, следует принять субординацию другого.

Известный английский химик Джеймс Ловлок разработал гипотезу Геи, взятую на вооружение некоторыми экологическими этиками. Согласно этому взгляду Земля представляет целостный, живой организм, а не инертную планету с обитающими на ней системами (56). Поэтому ее нужно защищать.

Ряд экофилософов полагает, что в экологическую этику могут входить направления, относящиеся к слабому антропоцентризму, например, этика экологической добродетели. Этика экологической добродетели основана на том положении, что сохранять природу необходимо для того, чтобы расширить человеческие возможности и помочь нам стать лучшими людьми. Эта этика фокусируется на просвещенном собственном интересе человеческих существ и начинается с заботы о человеке (107).

Еще одним направлением экологической этики могут считаться изыскания, связанные с человеком как биологическим существом (биоэтика). Это – этические проблемы использования методов генетической инженерии (например, создание гибрида человека и обезьяны), нравственная сторона абортов, клонирования, трансплантации, биотехнологий, моральные стороны взаимодействия между медиком и пациентом. Термин "биоэтика" ввел в 1971 году американский онколог Ренеселер Поттер.

Сторонники биоэтики полагают, что выдача патентов на трансгенных животных опускает статус живых существ до уровня полуфабрикатов и приводит животных к многочисленным страданиям. Биотехнология низводит все формы жизни до уровня обрывков информации, которые могут быть перекомбинированы по чьей-либо приходи. Генная инженерия, биотехнология лишают жизнь ее универсальности, уникальности и священности.

Следует отметить, что имеются авторы, которые утверждают, что биоэтика включает два аспекта: медицинскую биоэтику, рассматривающую вопросы отношения к человеческим существам (проблема абортов), и собственно биоэтику, рассматривающую отношение человека к животным, точнее, к любым чувствующим существам (91). Однако такое деление вызывает ряд вопросов. Куда, например, отнести другие чувствующие существа типа бактерий или растений?

Московским ученым А. Н. Тетиором предложено новое направление в экологической этике – этика эмпатии к природе, основанная на сочувствии, сопереживании к другим формам жизни (88).

Рядом авторов, например, американским писателем и экофилософом Гарри Снайдером, отстаивается этическая концепция биорегиона. Биорегион – это жизненная территория, место, определенное его жизненными формами, его топографией и биотой скорее, чем человеческим диктатом. Биорегион управляется природой, а не исполнительной властью.

Близко к экологической этике находится так называемая Живая Этика, разработанная Е. И. Рерихом и Н. К. Рерихом, целью которой является сохранение и восстановление "сада Земли" (природы Земли) и пробуждение духовности в землянах, а также космоцентризм и теоцентризм.

Согласно космоцентризму мир является ценным сам по себе, а человек не имеет права решать, каким ему быть. Наоборот, мир решает, каким быть человеку. Сторонники теоцентризма акцентируют внимание на человеческой ответственности за судьбу биосферы перед Богом, что стоит над человеком.

Этика дикой природы как радикальное направление экологической этики

Этику дикой природы как радикальное направление экологической этики выдвинула американский географ и экофилософ Линда Грэбер (86). В отличие от этики земли Олдо Леопольда этика дикой природы направлена против любого использования участков дикой природы, она ориентирована на уважение свободы, других прав дикой природы и почитание дикой природы как священного пространства. Ее цель – максимальное неиспользование дикой природы, а также заповедание как можно большей площади дикой природы.

Этика дикой природы задействует не только законы экологии и сентиментальные чувства добра, жалости или любви. Она опирается на принципы демократического либерализма и религиозна по своей сути. Она как биоцентрична, так и экоцентрична: в поле ее зрения находятся не только экосистемы и виды, но и отдельные особи дикой флоры и фауны, неживые объекты дикой природы – скалы, дюны, холмы и т.п.

Этика дикой природы обязывает отказаться от навязывания своей воли дикой природе, учит благоговеть перед ней и ощущать как священное пространство. Она требует уважения автономии дикой природы и способности диких видов самим определять ход их собственных жизней. Согласно этой этики все, что делается для защиты дикой природы – благо. Срубить дерево, уничтожить вид, погубить участок дикой природы является, по своей сути, неправильным.

Основные принципы этики дикой природы.

1. Почитай дикую природу как святое пространство.
2. Почитай дикую жизнь как священную.
3. Уважай свободу, автономию, независимость, естественные права дикой природы и ее видов.
4. Заповедай как можно больше участков дикой природы.
5. Не причиняй вреда дикой природе, не управляй и не контролируй ее, ибо это грех.
6. Люби и цени дикие живые существа, а также участки дикой природы ради них самих.
7. Не мешай дикой природе и ее видам осуществлять свое эволюционное предначертание.
8. Существование дикой природы, ее видов, эволюционных и экологических процессов хорошо само по себе.
9. Неиспользование дикой природы – благо.

Литература

1. Леопольд О. Календарь песчаного графства. – М.: Мир, 1980. – 216 с.
2. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. – М.: Прогресс, 1992. – 572 с.

10. Гиляров А. Человек и животное: этика отношений // Наука и жизнь. – № 12. – 1976.
16. Андреев Д. Роза мира. – М.: Товарищество Клышников-Комаров и К, 1993. – 301 с.
22. Тугаринов В.П. Природа, цивилизация, человек. – Л.: ЛГУ, 1978. 127 с.
23. Гусейнов А.А. Отношение к природе как нравственная проблема // Научные доклады высшей школы / Философские науки. – № 5. – 1975. – С. 27-33.
24. Краткий словарь по философии / под общ. редакцией И.В. Блауберга, И.К. Пантина. – М.: Политиздат, 1982. – 431 с.
25. Стручков А. Истоки экологической этики в Советском Союзе // Любовь к природе. Материалы международной школы-семинара "Трибуна-6". – Киев: Киевский эколого-культурный центр. – 1997. – С. 156-169.
26. Назаретян А.П., Лисица И.А. Критический гуманизм versus биоцентризм // Зеленый мир. –1998. –№ 9. – С. 8-10.
28. Феномен жестокости // Природа. – 1975. – № 1. – С. 89-104.
31. Борейко В.Е. Белые пятна истории природоохраны. СССР, Россия, Украина. – Киев: Киевский эколого-культурный центр, 1996. –Т. 1. – 224 с.; – Т. 2. – 304 с.
32. Из литературного наследия Андрея Петровича Семенова-Тян-Шанского (1866-1942). Проза. Стихотворения. Эпиграммы / Авторы-составители В. Берлин, В. Борейко. – Киев: Киевский эколого-культурный центр, 1996. – 160 с.
33. Дежкин В. За гуманность с разумом и сердцем // Охота и охотничье хозяйство. – № 5. – С. 1-4.
34. Манифест Движения дружин по охране природы // ПроЭко, Бюллетень "Охрана дикой природы". – М.: ЦОДП, 1996. – № 11. – С. 12-13.
35. Пушные аукционы и гуманные капканы // Охота и охотничье хозяйство. – 1996. – № 4. – С. 1-3.
36. Кожевников Г.А. О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы // Этико-эстетический подход в охране дикой природы и заповедном деле. – Киев: Киевский эколого-культурный центр, 1997. – С. 81-91.
37. Чуйков Ю. Первая заповедь. – Астрахань, 1992. – 66 с.
38. Павлова Т.Н. Биоцентризму – Да! Антропоцентризму – Нет! // Зеленый луч (Рязань). – 1998. – № 4. – С. 3-4.
41. Борейко В.Е. Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов. – Киев: Киевский эколого-культурный центр, 1996. –223 с.
42. Харузин Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда, Олонецкой губернии. – М., 1889. –75 с.

46. Павлова Т.Н. Биоэтика в высшей школе. – М.: МГАВМиБ, 1997. – 148 с.
48. Callicott J. Baird, 1994. The conceptual foundations of the land ethic // Planet in peril. Essays in environmental ethics, Harcourt Brace Company, Orlando, pp. 149-173.
56. Lovelock James, Epton Sidney, 1994. In quest for Gaia // Environmental ethics, ed. Louis P. Pajman, Boston-London, Jones and Bartlett Publishers, pp. 142-146.
80. Фишер С. Человек и животное. Этико-юридический очерк. – Спб, 1899. –280 с.
86. Грэбер Л. Дикая природа как священное пространство. – К.: Киевский эколого-культурный центр, 1999.
88. Тетиор А.Н. Множество этик окружающей среды. Этика эмпатии, – М.: РЭФИА, 2000. – 20 с.
89. Щербина Н.Ф. Избранные произведения. – Л.: Советский писатель, Лен. отделение, 1970. – 648 с.
91. Лукьянов А.С., Павлова Т.Н. Биоэтика как мировоззренческая наука и ее практическое применение // Міжнародний симпозіум "Біоетика на порозі ІІІ тисячоліття". – Харків. – 2000. – С. 82-85.
107. Cafaro P., 2001. Thoreau, Leopold and Carson: toward an environmental virtue ethics // Environmental ethics, v. 22, № 1, pp. 3-17.

Литературный источник

Борейко В.Е. Прорыв в экологическую этику. – Киев, Киевский эколого-культурный центр, 2001. – 126 с.

ВОПРОСЫ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

1. Почему в Советском Союзе экологическая этика не развивалась?
2. Каковы причины возникновения экологической этики на Западе и в США?
3. Есть ли общие черты во всех представленных выше направлениях экологической этики?
4. Какими недостатками, по Вашему мнению, обладают представленные направления?
5. Есть ли среди описанных направлений универсальное этическое учение?

ЗАНЯТИЕ 6

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА В ФИЛОСОФСКИХ УЧЕНИЯХ РАЗЛИЧНЫХ ЭПОХ

Цель работы – выявить черты гуманного отношения к живым существам в философских учениях различных эпох.

ПРАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА

Задание1. Используя нижепредставленный материал для размышлений заполните следующую таблицу

Философ, высказывающий экологоэтические идеи	Суть экологоэтических идей	Отношение общества (современного философу и современное нам) к данным идеям

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ЭТИКИ И БИОЭТИКИ

Т. Н. Павлова

До тех пор, пока прочие животные будут исключены из круга духовной жизни, в котором признаются общие правила и обязанности, люди не сделают ни шага вперед на пути к нравственному совершенствованию.

Струве

Этические представления человечества постоянно менялись. Хотя в каждую данную эпоху нравственные принципы, которых придерживался человек, казались ему чем-то незыблемым, в действительности человек пересматривал свое отношение к окружающему миру постоянно, по мере развития его духовных потенциалов.

О низком нравственном уровне человеческого общества на заре его возникновения можно судить по этическим представлениям отсталых племен, люди которых могут утверждать, что благо — это, "когда мне хорошо", и зло — "когда мне плохо". Очевидно, что примитивный человек занимал эгоцентрическую позицию. В обществе, находящемся на низком культурном и ду-

ховном уровне развития, считалось допустимой жестокость людей по отношению друг к другу, тем более жестокость по отношению к животным. Среди туземных племен Африки, Северной Америки были приняты пытки пленных; людоедство среди некоторых африканских народов сохранилось до XX века. Пытки в Западной Европе официально были запрещены сравнительно недавно.

История позволяет проследить динамику развития этических взглядов человечества. Тенденции ее развития были таковы, что круг лиц, перед которыми у человека предполагался моральный Долг, постоянно расширялся. Сначала человек защищал только свою семью, свое потомство; позднее у него появился долг перед обществом — племенем, государством. Но и внутри государства этические взаимоотношения были неоднородны. В отношении каких-то категорий людей нравственный долг был слабее или отсутствовал: проводилась дискриминация по половому признаку, по классовому, имущественному, национальному или расовому. Лишь в недавнее время человечество провозгласило всех людей равными и предписало этические нормы поведения обязательными по отношению к любому человеку.

По мере развития у людей духовности, способности к состраданию они стали задумываться над отношением человеческого общества к животным, над несправедливостью и жестокостью этих отношений; человек стал болезненно реагировать на жестокое обращение с животными, их уничтожение. Огромный шаг в сторону этизации отношения к животным был сделан, когда возникли религии (индуизм, буддизм и др.), придавшие форму религиозных догм запретам убивать животных. В течение веков шла борьба двух типов мировоззрения: построенного на сострадании и отвергающего жестокое обращение с живыми существами, и мировоззрения прагматического, потребительского типа, утверждающего права сильного.

Тенденции, утверждавшие милосердие и справедливость, медленно развивались, но постепенно побеждали.

Великий гуманист современности Альберт Швейцер так писал об историческом характере этики отношения к животным:

"Когда-то считалось глупостью думать, что цветные люди являются действительно людьми и что с ними следует обращаться как со всеми людьми. Теперь эта глупость стала истиной. Сегодня кажется не совсем нормальным признавать в качестве требования разумной этики внимательное отношение ко всему живому вплоть до низших форм проявления жизни. Но когда-нибудь будут удивляться, что людям понадобилось так много времени, чтобы признать несовместимым с этикой бессмысленное причинение вреда жизни".

Лишь по мере увеличения числа этично мыслящих людей, для которых стало доступным сострадание к животным, стало возможным признать, что сознание человека становится биоэтичным. Создание законодательства по защите животных подтвердило реальность этих перемен.

Представляет интерес рассмотреть, как развивалась биоэтическая мысль в разных странах мира и в различные эпохи. Ее развитие связано с появлением выдающихся личностей, далеко опережавших своих современников в интеллектуальном и духовном плане. Людьми, обладавшими биоэтическим

сознанием, были прославленные мыслители, философы, ученые, деятели искусства, реформаторы и религиозные деятели, заслуги которых перед человечеством велики, иногда — неизмеримы.

Этические учения древности

Хотя формированию этического мировоззрения способствует общий уровень культуры и по мере ее развития вероятность появления этичных людей возрастает, история знает выдающихся личностей, достигших вершин нравственного отношения к окружающему миру, живших в весьма отдаленные эпохи.

Вероятно, наиболее значительным с точки зрения развития биоэтических взглядов всех эпох был феномен Будды.

Сиддхартха Гаутама, известный под именем Будды, жил в Индии в 623-544 гг. до н. э. Он был наследным принцем небольшого царства, с детства воспитывался в роскоши, не сталкиваясь с реальной жизнью. Тем сильнее было его потрясение, когда он узнал о страданиях мира. После четырех знаменательных встреч у него резко изменилось представление о реальной жизни. Первая встреча была с нищим, просившим подаяния на улицах, мимо которого Сиддхартха проезжал. Он впервые узнал, что существуют бедность и голод, и задумался над этим. Вторая встреча произошла, когда Сиддхартха увидел больного и страдающего человека. Во время следующей поездки он встретил дряхлого старика. И во время четвертой поездки он повстречал похоронную процессию. Во дворце Сиддхартха никогда раньше не видел больных и дряхлых людей, не сталкивался со смертью. Его отец, царь, желая передать сыну правление царством, намеренно ограждал его от всего, что могло возбудить у мальчика другие помыслы, так как царю было предсказано, что его сын станет великим проповедником. После описанных четырех встреч Сиддхартха решил посвятить свою жизнь поискам путей избавления человечества от страдания. Он покинул ночью Дворец, бежал в джунгли и стал учеником отшельников-аскетов.

Бегство из дворца названо в буддизме "Великим уходом". В Джунглях Сиддхартха вел суровую аскетическую жизнь; учение продолжалось семь лет. Однако Сиддхартха понял, что сам по себе аскетизм не приводит к истине. Он покинул общину и проводил время в глубоком сосредоточении, пытаясь понять смысл и "суть мира". Однажды он испытал прозрение, увидел картину движения бесчисленных миров; он ощутил прилив духовных сил и понял, что постиг истину. Полный любви к человечеству, называемый теперь Буддой, или "просветленным", он стал проповедовать путь освобождения от страданий. Вместе со своими последователями он создал монастырскую общину, где монахи не имели собственности, жили подаянием. В основе их жизни лежали принципы нестяжательства, воздержания, душевного мира и спокойствия, любви к людям и ко всему живому.

Буддизм как религиозное учение отличается от индуизма непризнанием ведических текстов и жертвоприношений животных. Буддизм не считает мир сотворенным Богом. Смена жизней, согласно буддизму, существовала всегда.

Буддизм исповедует веру в перевоплощение: каждое существо может родиться в виде животного, демона, человека, даже Бога.

Отношение к другим живым существам занимает центральное место в учении Будды. Главный принцип его — не причинять вреда никому из них. Буддийский монах не имеет права намеренно отнимать жизнь даже у червяка или муравья. Известна история императора Ашоки, жившего в III в. до н. э., который перешел в буддизм. Он издал несколько законов, требующих доброго отношения к животным и включающих отказ от потребления мяса, прекращение охоты, открытие больниц для животных и кормление их на дорогах. До сих пор на скалах и столбах можно прочитать сделанные Ашокой надписи, содержащие запреты убивать животных.

Философия Будды оказала колоссальное влияние на мировоззрение многих поколений людей, живших в этой части земного шара. Принцип непричинения зла животным стал религиозной истиной для сотен миллионов людей. Философия ахимсы — непричинения зла никому — проникла, в конце концов, и в западные страны и в последнее столетие вызывает все больший интерес как философско-нравственное учение.

Немногим позже (VI в. до н. э.) жил еще один великий мыслитель-гуманист древности Пифагор, больше известный нашим современникам как математик. Пифагор родился на острове Самосе, в Греции. Он прославил себя как ученый, философ и как основатель своего знаменитого общества — первой вегетарианской ассоциации, включающей 300 молодых людей из самых влиятельных семей города. Учение Пифагора основывалось на принципах гуманности и самоограничения, справедливости и умеренности. Пифагор учил своих последователей жить в согласии, делать добро врагам. Сам Пифагор требовал строгого нравственного отчета перед собой каждый вечер с помощью трех вопросов: Чего мне не удалось? Что хорошего я сделал? и: Чего хорошего я не сделал? Отличительной чертой учения Пифагора была заповедь "не убивать и не вредить невинным животным". Он рассматривал доброе отношение к животным как основу нравственного поведения человека, считая этическое вегетарианство необходимым условием жизни и справедливого отношения к животным. По словам современников, он покупал на рынке живых рыб и птиц, чтобы отпустить этих животных на волю.

Уважение Пифагора к прекрасному в природе было так велико, что он запрещал наносить вред плодоносным деревьям и растениям. Пифагор обещал своим ученикам, что, довольствуясь чистой, гуманной пищей, они будут иметь здоровье, душевное равновесие, обладать высокими нравственными качествами.

Учение Пифагора изложил в стихотворной форме знаменитый поэт древности — Овидий Назон. В 15-й книге "Превращений" одним из лучших поэтических мест считаются строки, посвященные Пифагору и его школе: "Он, Пифагор, первым воспретил подавать на стол мясо животных; первым открыл уста, чтобы произнести полные мудрости слова, которым, однако, никто не внемлет:

Полно вам, люди, себя осквернять недозволенной пищей!

Есть у вас хлебные злаки; под тяжестью ноши богатой

Сочных, румяных плодов преклоняются ветви деревьев;
Грозди на лозах висят наливные; коренья и травы
Нежные, вкусные зреют в полях; а другие,
Те, что грубее, огонь умягчает и делает слаще;
Чистая влага молочная и благовонные соты
Сладкого меда, что пахнет душистой травой –
тимианом,

Не запрещаются вам. Расточительно щедро все блага
Вам предлагает земля; без жестоких убийств и без крови
Вкусные блюда она вам готовит.
Лишь дикие звери
Голод свой мясом живым утоляют... "

В античной Греции философия не была единой, там возникли четыре философских школы: анимизм, витализм, механицизм, антропоцентризм. Центральной фигурой среди анимистов был Пифагор, который утверждал, что животные и люди имеют души одного порядка. Эти души бессмертны, говорил он, состоят из огня и воздуха и переходят от человека к животному или человеку в последовательных перевоплощениях.

Витализм аналогичным образом признавал различие между органической и неорганической материей. Но в противоположность анимистам, виталисты, такие, как Аристотель (384-322 г. до н. э.), подчеркивали отсутствие связи между душой и телом «Аристотель не отрицал, что мужчины и женщины — животные, но ставил их на вершину естественной иерархии, и утверждал, что менее разумные должны служить более разумным. Хотя рабы признавались людьми, которые могли ощущать удовольствие и боль, они считались менее разумными, а их эксплуатация оправданной. К сожалению, философия Аристотеля заглушила влияние Пифагора в течение последующих веков и была возрождена в тринадцатом веке аквинцами и доминиканцами.

Третье учение, механицизм, провозглашало, что люди и животные — простые механизмы.

И, наконец, элементы учения Аристотеля были упрощены, популяризированы Ксенофонтом. Это простое учение заключалось в том, что все на свете создано на благо человека. Если более сложная аргументация Аристотеля помогала построить вершины западной философской мысли, то примитивный антропоцентризм Ксенофонта был широко доступен. Анимисты — в лице Пифагора, механицисты и виталисты, такие, как Аристотель, — все признавали принципиальное сходство между человеком и животным. Только антропоцентристы видели пропасть между ними, и это учение явилось предметом горячих споров в последующие века в Европе.

В Древнем Риме, несмотря на жестокость нравов общества в целом, были выдающиеся этисты: философы Порфирий и Плотинус, государственный деятель Сенека. Наиболее известным мыслителем был Плутарх, родившийся в Греции, живший в Риме примерно в 46-100 г. н. э. В противоположность Пифагору,

Плутарх основывал свое вегетарианство не на идее перевоплощения, а на общем долге доброты как по отношению к людям, так и животным.

Этисты средневековья и эпохи Возрождения

Этическая мысль в эпоху Средневековья развивалась под значительным давлением со стороны богословских учений. Западная философия в течение веков находилась под влиянием богословских трудов монаха Фомы Аквинского, который был убежденным сторонником антропоцентрических взглядов. Однако даже в эту эпоху сделали себя известными этические взгляды другого прославленного религиозного мыслителя и философа Франциска Ассизского (XIII в.). Философию Франциска Ассизского характеризовала любовь ко всему живому, к природе в целом, чувство единства со всем живым на земле, стремление к добру и миру среди всего сущего. Передается как легенда рассказ о том, как Франциск проповедовал перед рыбами, призывая их не поедать друг друга. Св. Франциск воспринимал природу как отражение своего Создателя; он чувствовал природу как поэт и видел даже в неодушевленных ее элементах: солнце, луне, ветре, воде — своих "братьев и сестер".

Св. Франциск основал монашеский орден францисканцев, который спустя два столетия после его смерти развил идеи Св. Франциска в труде, где утверждалось, что заповедь "Не убий" касается и животных, и где также запрещалось жестокое обращение со зверями и птицами.

Один из наиболее известных мыслителей эпохи Возрождения Томас Мор, живший в Англии в 1478-1535 гг., автор прославленной "Утопии", был первым автором-классиком со времен античности, кто призывал к милосердию по отношению к животным. Он писал о жителях страны Утопия: "Они не умерщвляют живых животных в качестве жертвоприношения, и не считают, что Бог в своей милости будет радоваться кровопролитию и убийству, Бог, который дал жизнь всем тварям, чтобы они жили". Жители Утопии также презирали "такие глупые развлечения", как охота с собаками и соколиная охота: "Ты должен почувствовать жалость, видя, как безвинного зайца убивает собака".

Величайшим этистом, проникнувшимся биоэтическим мироощущением, следует считать французского мыслителя Мишеля де Монтеня (1533-1592 гг.) В своей монографии "О жестокостях", опубликованной в 1588 году, он писал: "Среди всех остальных пороков нет другого, который я ненавидел бы больше, чем жестокость, и с точки зрения природы, и человеческого рассуждения — самый худший из всех пороков. Я наблюдаю с таким волнением и дурнотой, если я вижу, как цыпленку отрывают голову, или протыкают свинью, и я могу лишь горевать: я не могу выносить зрелища того, как глупый, мокрый от росы заяц стонет, схваченный собаками... Что касается меня, то я никогда не мог выносить без сожаления и горя зрелище несчастного несмышленного и невинного животного, которого преследуют и убивают, безвредного и беззащитного, от которого мы не имели никакого вреда".

Монтень говорил об общем долге человечества, который связывает нас не только с животными, обладающими жизнью и разумом, но даже и с деревьями

и растениями. "К людям мы должны быть справедливыми и добрыми, к остальным существам, которые чувствуют, — справедливы, добры и ласковы".

"Мы не ниже и не выше остальных: для всех, кто существует под небом (говорит мудрец), дан один закон, всем дана одна и та же судьба... "

Ученым эпохи Возрождения, обосновавшим с философской точки зрения антропоцентризм и доказывавшим правомерность жестокостей по отношению к животным, был Рене Декарт (1596-1650 гг.). Против идей Декарта выступали прогрессивные философы его времени.

Декарт был захвачен идеями новой, развивающейся науки механики и стал переносить механистические принципы на живую материю. Ему удалось избежать неприятного вывода о том, что человек является механизмом, потому что Декарт был христианином и верил, что человека отличает от всех живых существ наличие у него души. Он отождествлял чувства и сознание с душой: поэтому он считал, что животные, у которых, по его мнению, души не было, не могли чувствовать и понимать. Учение Декарта облегчило в значительной степени проведение жестоких экспериментов на животных.

Безразличие к страданиям животных, убеждение в том, что у человека нет нравственного долга перед другими существами, характерное для Рене Декарта, разделяли и другие известные философы. Иммануэль Кант говорил в своих лекциях по этике: "... что касается животных, то мы не имеем здесь прямого дол га. Животные не имеют сознания и представляют собой только средство для достижения цели. Эта цель — человек".

Генри Мор (1614-1687 гг.), изучавший философию в Кембридже, опровергал Декарта, утверждавшего, что животные не могут испытывать боль и представляют собой механизмы. Мор называл его рассуждения бессмысленными и "преступными"; Мор считал, что животные, как и люди, имеют бессмертные души и созданы не только, чтобы служить человеку, но и радоваться жизни. Думать иначе, было, полагал он, невежеством и самомнением.

Современник Генри Мора известный английский философ Джон Локк (1632-1704 гг.) полагал, что сострадание естественно, а жестокость противоестественна; в своем труде "Мысли об образовании" он писал: "Детей надо с самого начала воспитывать в духе отвращения к убийству и мучительству любого живого существа... Я считаю, что люди с колыбели должны быть ласковы ко всем чувствующим существам". Джон Локк предполагал, что некоторые умственные процессы у животных совершаются так же, как у человека.

Этическая мысль в эпоху Просвещения и в начале XIX века

В XVIII веке, получившем название эпохи Просвещения, философы все более проникались чувством сострадания к животным. Так, известный французский просветитель Вольтер (1684-1778 гг.) резко критиковал вивисекцию и оправдывавшего ее Декарта:

"... Какая нищета ума, сказать, что животные — машины, лишенные понимания и чувств... ". Далее он пишет, что природа дала животным те же органы чувств, что и человеку. "Ответь мне, механист, — продолжает он, —

разве природа разместила все эти пружины чувств в животном не для того, чтобы оно могло чувствовать? Разве у него нервы не для того, чтобы оно могло страдать?".

Признавал животных чувствующими существами и другой французский мыслитель Жан-Жак Руссо (1712-1778 гг.); он писал: "Я чувствую себя обязанным не причинять вреда другим родственным мне существам; и это в меньшей степени потому, что они разумны, но потому что они чувствующие существа".

С точки зрения развития биоэтической мысли заслуживает внимания богословское наследие английского теолога XVIII века Д-ра Хэмфри Приматта. Х. Приматт полагал, что Бог потребует с человека отчета как тот обращался с существами, о которых Бог поручил ему печься. Приматт выступал против жестокого обращения с животными и писал: "Боль есть Боль, независимо от того, кто терпит, человек или животное; и существу, которому она причиняется, человек это или животное, и которое страдает, пока длится боль, наносится зло". Приматт считал, что человеку никто не давал права жестоко обращаться с животными. Он говорил:

"Но если среди людей различие в умственных способностях, цвете кожи, в положении, в их удачах не дают права одному человеку плохо обращаться с другим человеком или оскорблять его из-за этих различий, то по той же причине человек не имеет естественного права обижать и мучить животное, потому лишь, что животное не имеет умственных способностей человека. Животное есть существо не менее чувствительное к боли, чем человек. У него такие же нервы и органы чувств".

Биоэтические взгляды Х. Приматта были далее развиты И. Бентамом. Философ XVIII века Иеремия Бентам (1748-1832) явился основателем принципов современного движения в защиту животных. Его волновал вопрос страдания, боли, которые человек причинял животным. И. Бентам разработал философии утилитаризма, согласно которой, все действия должны оцениваться с точки зрения их последствий. Если человек намеривается совершить действие, то он должен оценить сумму полезного и плохого эффектов этого действия, и если полезное перевешивает плохое, то такое действие будет правильным. К отрицательным последствиям Бентам относил и страдания животных; он считал, что они чувствуют боль и способны переживать отрицательные эмоции. Поэтому человек не должен совершать действия, причиняющие страдания животным, а если это невозможно, то стремиться к уменьшению их страданий. Бентам писал: "Может наступить день, когда все остальные существа смогут получить те права, которых они могли быть лишены только рукой тирана... взрослая лошадь или собака, без сомнения, более разумны и даже более способны общаться, чем ребенок одного дня от роду, или в недельном, или даже в годовалом возрасте. Но, допустим, что это было бы иначе, что бы это изменило? Вопрос не в том: Могут ли они думать? Или: Могут ли они говорить? Но: Могут ли они страдать? Почему закон должен отказывать в защите любому из чувствующих существ? Придет время, когда гуманность прострет свой покров надо всем, что дышит... ".

И. Бентам верил в необходимость законов, защищающих животных от жестокости. Бентам возражал против охоты, унижения и травли, но для него главным злом при этом было не умерщвление животных, а причинение им боли. Таким образом, в трудах И. Бентама нашли отражение основные принципы, согласно которым впоследствии развивалось движение в защиту животных: признание того, что животные способны страдать и что они имеют право на защиту со стороны закона и с точки зрения морали.

Универсальная этика А. Швейцера

Настоящую глубину биоэтическая мысль приобрела только в XX веке, когда этика отношения к животным была сформулирована как философская концепция, как часть современного мировоззрения. Обоснование необходимости этичного отношения к животным дал великий гуманист нашей эпохи доктор Альберт Швейцер (1875-1965 гг.). Он построил стройную этико-философскую систему — универсальную этику, согласно которой этичное отношение к животным довершало долг человека перед окружающим миром. Швейцер говорил: "Ошибкой всех существующих этик было мнение о том, что надо рассматривать отношение человека к человеку, когда в действительности речь идет о том, как относится человек ко всему, что его окружает".

Биография А. Швейцера — это история личного подвига, самоотвержения во имя страдающего человечества и всего живого. Наряду с помощью людям, Швейцер не мог пройти мимо страдающих животных. В созданной им больнице в Центральной Африке находили приют и помощь животные. Чем выше в духовном отношении стоит человек, считает Швейцер, тем с большим благоговением он относится к любой жизни.

А. Швейцер родился в Эльзасе, принадлежавшем Германии; окончил два университета и получил звания доктора философских и доктора богословских наук; прославил себя как исследователь и выдающийся исполнитель органной музыки Иоганна Себастьяна Баха, другими словами, сделал блестящую карьеру, когда его размышления о доброте и справедливости, о цели его жизни заставили его внезапно изменить всю его жизнь. А. Швейцер пришел к решению, что он должен посвятить себя помощи страдающему человечеству; он видел сосредоточие этих страданий в Африке, среди народа, угнетенного европейскими завоевателями. Он увидел свой моральный долг в служении именно этим людям, перед которыми испытывал чувство вины, как европеец. И А. Швейцер заканчивает еще один университет, получает степень доктора медицинских наук, женится на девушке, которая ждала его все годы, пока он заканчивал университет, и уезжает в джунгли Центральной Африки, в страну со столь плохим климатом, что его жена вынуждена была через несколько лет вернуться в Европу. Здесь один, в первые годы без помощников и какой-либо поддержки, своими руками и на свои деньги, А. Швейцер построил здание больницы для африканцев и стал лечить их. Здесь он и прожил многие десятилетия, до смерти в глубокой старости; здесь он пережил и свою славу, когда о нем стали писать; к нему приезжали ученики и помощники, и его именем стали называть больницы.

Но жить по справедливости среди людей было еще не все для А. Швейцера. Он видел вокруг себя огромный мир животных, которому не было места в этических системах человека. С ранних лет А. Швейцер испытывал сострадание ко всем живым и страдающим существам. Он рассказывал, что две встречи в детстве определили его дальнейшую жизнь, его мироощущение. Первая встреча — со стариком-евреем, над которым издевались на улицах; вторая встреча — сцена истязания ослика. Он запомнил эти картины, эти две жертвы стали для него символом страдания, несправедливости в мире, и на всю жизнь он сохранил отвращение к шовинизму и к жестокому обращению с животными.

Альберт Швейцер был необыкновенным ребенком. Он пишет: "Насколько я могу себя помнить, я всегда мучился из-за тех страданий, которые я наблюдал в окружающем мире... Особенно я мучился из-за бедных животных, на долю которых приходится столько боли и лишений". "Мне было совершенно непонятно, ... почему я должен был в своих вечерних молитвах молиться только за людей. Поэтому... я безмолвно добавлял свою молитву, которую я придумал, за всех живых существ".

Она звучала так: Боже милостивый, защити и благослови всех живых существ. Сохрани их от зла и дай им спать в покое".

"Дважды в компании с другими мальчиками я ходил удить рыбу удочкой. Но мой ужас — когда я увидел жестокое обращение с червем и разорванные рты рыб, когда их поймали, — не позволил мне продолжать".

А. Швейцер рассказывает, как его в детстве позвал товарищ стрелять из рогаток птиц: он не хотел идти, но боялся насмешек. Однако в тот момент, когда он прицелился в птицу, раздался звон церковного колокола. Мальчик воспринял это как глас с небес. Он бросил рогатку и убежал. Вспоминая описанный случай позднее, Швейцер стал считать это событие поворотным в своей жизни.

Животные вызывали у А. Швейцера глубокую любовь и восхищение. "Чтобы понять, есть ли у животных душа, надо самому иметь душу", — говорил он полу в шутку, полу всерьез. На его столе обычно стояла чашка со сладкой водой, к которой приходили лакомиться муравьи.

Однажды, когда Швейцер медленно плыл по реке на закате и наблюдал величественную картину купания гиппопотамов в реке, ему представилась стройная система этики, где животные имели свое место, как и люди. Он отразил эти мысли в главе своего труда "Культура и этика", называвшейся "Благоговение перед жизнью". В этой главе он утверждал, что этика, которая не рассматривает взаимоотношения человека и других живых существ, неполноценна: "Он (человек) станет этичным только тогда, когда жизнь как таковая, жизнь животных и растений будет для него так же священна, как жизнь человека, и тогда он посвятит себя жизни, находящейся в бедствии. Только универсальная этика переживаний, ответственность которой перед всем живым неограничена, дает возможность обосновывать себя в мышлении."

В его книге "Культура и этика" А. Швейцер критикует мироощущение западного человека. Он считает, что философия начинает заниматься все больше и больше обсуждением проблем чисто академического характера, т. е. вопросов

второстепенного значения. Она потеряла связь с такими простыми, основными вопросами, которые касаются жизни и мира и которые человек призван ставить и решать. По мнению Швейцера, следует развивать этическое мышление, которое утверждает жизнь как проявление духовной, внутренней связи с миром. Человек должен почувствовать, как считает Швейцер, свою близость с любой формой жизни, с которой он входит в соприкосновение. "Как мне подсказывает опыт, — говорит Швейцер, — этика является внутренним побуждением проявлять ко всему живому такое же уважение, которое я испытываю по отношению к самому себе. Добро заключается в том, чтобы поддерживать жизнь, сохранять ее, и зло в том, чтобы разрушать жизнь и препятствовать ей".

Говоря о современных ему философских течениях, которые игнорировали отношение к животным, Швейцер приводил такое сравнение: "Как домохозяйка, которая выскребла полы и следит, чтобы дверь была закрыта и не вошла собака с грязными лапами, и не испортила всю ее работу, так же религиозные мыслители философы старались, чтобы в их этической системе не появилось никаких животных, присутствие которых могло бы опрокинуть ее".

А. Швейцер, имея медицинское образование, знал, что такое жестокое обращение с животными во время экспериментов; он говорил:

"Те люди, которые проводят эксперименты над животными связанные с разработкой новых операций или с применением новых медикаментов, те, которые прививают животным болезни чтобы использовать затем полученные результаты для лечения людей, никогда не должны вообще успокаивать себя тем, что их жестокие действия преследуют благородные цели. В каждом отдельном случае они должны взвесить, существует ли в действительности необходимость приносить это животное в жертву человечеству. Они должны быть постоянно обеспокоены тем чтобы ослабить боль, насколько это возможно. Как часто ещё кощунствуют в научно-исследовательских институтах, не применяя наркоза, чтобы избавить себя от лишних хлопот и сэкономить время! Как много делаем мы еще зла, когда подвергаем животных ужасным мукам, чтобы продемонстрировать студентам и без того хорошо известные явления!"

Принцип уважения к жизни, разработанный Швейцером, характеризуется тремя моментами: во-первых, этот принцип всеобъемлющ. Швейцер не считает благоговение перед жизнью одним из принципов, пусть даже одним из наиболее важных. Он считает, что это единственный принцип, лежащий в основе нравственности. Швейцер считает, что даже любовь и сострадание, хотя это чрезвычайно важные понятия, — лишь составная часть понятия благоговения перед жизнью. Сострадание, которое представляет собой интерес к страданиям живого существа, — слишком узкое понятие для того, чтобы представлять всю суть этики. Этика благоговения перед жизнью рассматривает также и чувства живых существ, условия их существования, радости живого существа, его стремление жить и стремление к самосовершенствованию.

Во-вторых, этот принцип является универсальным. Швейцер считает, что принцип благоговения перед жизнью относится ко всем формам жизни: к людям, к зверям, к насекомым, к растениям. Этичный человек не спрашивает, в какой степени то или иное существо заслуживает сочувствия или является ценным, или в какой степени оно способно чувствовать. "Жизнь как таковая священна для него", — утверждает Швейцер. Этичный человек не отрывает листка с дерева, не срывает цветка и стремится не наступать на насекомых. Летом, работая при свете, он предпочитает держать окна закрытыми и дышать душным воздухом, но не смотреть, как одно насекомое за другим падает с опаленными крылышками ему на стол. Если он гуляет по дороге после сильного дождя и видит, как вылезают из недр дождевые черви, то он испытывает беспокойство, что они слишком сильно высохнут на солнце и погибнут, прежде чем успеют снова зарыться в землю. И он поднимает их и кладет на траву. Если он видит насекомое, попавшее в лужу, то он останавливается и достает его листком или травинкой для того, чтобы спасти его. И он не боится, что над ним будут смеяться из-за того, что он сентиментален. Швейцер говорит: "Это судьба любой истины — быть предметом насмешек до тех пор, пока эта истина не будет общепризнанной."

Третий принцип — безграничность. Швейцер не вступает ни в какие дискуссии относительно того, как широко распространяется этика, на кого она распространяется. Он говорит: "Этика — это безграничная ответственность перед всем, что живет".

Русские космисты

Русским космизмом называют философское и научное наследие группы русских ученых, живших на рубеже XIX и XX веков. Наиболее известные имена этих мыслителей включают К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского, Н. Ф. Федорова, П. А. Флоренского, Н. А. Умова. Свое название это философское учение получило потому, что его создатели в той или иной форме развивали идею о том, что жизнь на земле не есть обособленный процесс на одной планете, но связана с космосом, земля является частью космоса и все процессы на ней также зависят от того, что происходит в космосе. В 1924 г. А. Л. Чижевский писал, что "жизнь Земли, всей Земли, взятой в целом, с ее атмо-, гидро- и литосферою, а также со всеми растениями, животными, и со всем населяющим землю человечеством, мы должны рассматривать как жизнь одного общего организма", судьба которого зависит от судеб Вселенной. Эта мысль была позднее развита В. И. Вернадским (1863-1944 гг.) в его теории биосферы, т. е. области, совокупности живого на земле. Изучая функции живого на нашей планете, Вернадский отказался от традиционного биологического подхода к исследованию, когда выделялся и изучался один живой организм; он рассматривал жизнь как совокупность живого вещества. Вернадский также показал участие живого и неживого вещества в круговороте элементов на планете и доказал, что живое, жизнь — также вечная составляющая бытия, как материя и энергия. Он подчеркивал, что живое вещество — космическое явление, присущее вселенной. Это новое биогеохимическое мировоззрение В. И.

Вернадский развил далее; он рассмотрел роль человека в общем космическом процессе. Так же, как появление живой материи представило великий скачок планетарного и космического развития, так же и "очеловечивание" — гоминизация — жизни является принципиально новым этапом космического процесса. Деятельность человека создает новую "оболочку" земли, "новую сферу", которую Вернадский назвал ноосфера.

С точки зрения развития идей биоэтики, учение космистов было важно тем, что они противопоставили традиционному восприятию человека, как венца вселенной, концепцию непрерывного развития живых форм и человека также; они видели необходимость дальнейшего развития человеческого разума, считая его настоящее состояние далеким от совершенства. Как писал Вернадский: "Homo sapiens не есть завершение создания, он не является обладателем совершенного мыслительного аппарата. Он служит промежуточным звеном в длинной цепи существ, которые имеют прошлое и, несомненно, будут иметь будущее". Для достижения человеком планетарного сознания философы-космисты считали необходимым "господство в самом человеке сил разума над низшими инстинктами". Сферу деятельности современного человека Вернадский называл антропосферой — новой искусственной оболочкой биосферы — и полагал, что она будет заменена ноосферой. Ноосферу Вернадский видел, как идеальную природу, преображенную и одухотворенную.

Биоэтичной также является концепция о планете Земля как части космоса и зависимости земных процессов от космических; таким образом русские космисты воспринимали землю не как центр вселенной, а как его крошечную часть, подчиненную общим закономерностям развития.

Космисты отрицательно относились к разрушительной деятельности человека по отношению к природе, осуждали потребительскую направленность деятельности человека и видели выход в совершенствовании духовной стороны человеческой природы, в богоискательстве.

Интересна мысль В. И. Вернадского о будущем автотрофном человеке. По выражению немецкого философа Гердера, человек является "наивеличайшим убийцей на земле", поскольку он питается живыми существами или продуктами их жизнедеятельности. Таким образом, человек по типу питания является гетеротрофным существом, в противоположность растениям, которые являются автотрофами, т. е. строят свой организм, не питаясь другими существами, а за счет мертвого вещества планеты с помощью солнечного света. Вернадский считал, что питание живыми существами не представляет собой "неизменный и необходимый для жизни" процесс. Человек, полагал он, должен изменять свою природу так, как диктует его нравственное чувство. Вернадский писал о возможности овладения новыми источниками энергии, которые сделают возможным новый способ обмена веществ с окружающей средой.

Русских космистов объединяло не только то, что они жили в одну эпоху, но стремление взглянуть более широко на жизнь и на человека на земле, создать оптимистическую, устремленную в будущее философию, а также вера в преобразующую роль разума. Сферы деятельности космистов были не всегда

близки; известнейший ученый, мечтатель К. Э. Циолковский, энтузиаст покорения космоса; основатель гелио- и космобиологии, историк, социолог, медик и поэт А. Л. Чижевский, который встретился в Калуге с Циолковским; академик В. И. Вернадский, основатель биохимии, биогеохимии, радиогелиологии и создатель учения о биосфере и ноосфере; преподаватель Московского университета Н. А. Умов — эти ученые создали естественнонаучное, натурфилософское направление русского космизма. Вторая группа русских космистов образовывала религиозно-философскую ветвь этого движения: Н. Ф. Федоров, В. С. Соловьев, П. А. Флоренский, Н. А. Бердяев. Космисты разделяли идею восхождения к новой высшей природе человека, и через него преображения мира, они считали, что активная эволюция должна совершаться через сотрудничество Божественных и человеческих энергий.

Литературный источник

Павлова Т.Н. Биоэтика в высшей школе. – М.: МГАВМиБ им. К.И. Скрябина, 1997. – 147 с.

ВОПРОСЫ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

1. Можно ли утверждать, что этическая мысль постоянно работала над осознанием процессов взаимодействия человека с существами мира природы?
2. Были ли в истории человечества примеры, когда большинство людей принимали идеи философов, выступающих за этичное отношение к живым существам?
3. Можно ли говорить об истории развития экологоэтических идей? Развиваются ли экологоэтические идеи или они носят фрагментарный характер?
4. Можно ли утверждать, что идеи гуманного отношения к живым существам постоянно завладевают умами все большего числа людей?
5. Может ли один человек повлиять на изменние отношения общества к живым существам?
6. Какое отношение к экологической этике имеют взгляды русских философов-космистов?

ЗАНЯТИЕ 7

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА В РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ

Цель работы – выявить черты гуманного отношения к живым существам в различных религиозных воззрениях.

ПРАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА

Задание1. Используя материал для размышлений, представленный ниже, заполните таблицу

Название религии	Сущность экологоэтических идей

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

РЕЛИГИИ И ЖИВОТНЫЕ

Т. Н. Павлова

Индуизм, буддизм, джайнизм

До настоящего времени вопрос взаимоотношения с животными составляет важную часть религий мира, многие люди и теперь верят в мистическое родство между человеком и животными.

Наиболее древние религии возникли в Азии, и одна из самых ранних — индуизм. Высокое духовное развитие общества в Индии: развитые философия и принципы морали — позволило Индии стать первой страной, в которой религиозно-нравственные принципы запрещали потребление мяса и жестокое обращение с животными. Согласно религиозным воззрениям индусов, все животные: четвероногие, пернатые, покрытые чешуей — считались братьями и сестрами человека, общим отцом которых был Бог. Индийские Веды — религиозно-философские и научные труды, созданные в I-II вв. до н. э., — утверждали монотеизм и необходимость гуманного отношения с животными. Все живое на земле считалось одной семьей. Из этих представлений вытекала необходимость вегетарианства, как одно из следствий принципа непричинения вреда. Этот принцип — "ахимса" — проповедовали все святые, мудрецы и пророки Индии. Защита животных была важной частью нравственных норм индуса, исповедывавшего индуизм. Ахимса — это и неубийство, и позитивная любовь. Это отношение к миру, которое необходимо, чтобы душа совершенствовалась.

Верующий индус воспринимает свои поступки по отношению к животному как ступеньки на пути к спасению. Если это отношение в определенной степени снижает нравственную ценность добрых поступков индуса, то с другой стороны, религиозный характер предписаний быть милостивым с животными делает их доступными для каждого и обязательными; наименее развитая часть населения, которая обычно относится к животным плохо, в Индии ведет себя иначе; и, желая себе добра, люди делают добро животным.

Гуманное отношение к животным считалось более высокой формой этики поведения; в санскритских рукописях этот принцип назывался "сарва — бхута — хита", что означает "доброта ко всем существам", в противоположность

более ограниченной морали — "лока — хита", предполагавшей доброту только к своему виду, т. е. к человеку. Согласно Ведам, первый из принципов включает и второй, и поэтому последователям ведических традиций рекомендовалось следовать первому, более всеобъемлющему принципу.

Индусские семьи часто держат домашних животных, птиц. Но в отличие от жителей западных стран, они почитают своим религиозным долгом заботиться о животных, которых они считают членами своей семьи. Индус сначала утром кормит свое животное, а потом принимается за дела.

Индуизм подчеркивает родственную близость человека с природой, со всеми животными, а это делает невозможным враждебное или даже безразличное отношение к животным, с которым человек образует единство.

Идея перевоплощения — реинкарнации, — т. е. переход души человека или животного в других существ после его смерти, также укрепляла убеждение верующих в недопустимости жестокого обращения с животными, поскольку в последующих воплощениях человек мог превращаться в животного и становиться жертвой такого же насилия, какое совершал ранее он. Идея реинкарнации уравнивала человека с другими существами, потому что он не знал, кем он может стать в своем другом рождении; с другой стороны, она была для человека также грозным предупреждением о последствиях жестокости. В ведических документах прямо говорилось, что те люди, которые совершали насилие по отношению к безвинным животным, доверившимся им, будут караться после смерти. Те животные, которых они убили, пожрут их в их следующем рождении. Ведические тексты, разрешавшие жертвоприношения, напоминали тому, кто это жертвоприношение совершал, что он сам со временем будет принесен в жертву. Идея кармы, заключающаяся в том, что каждое действие рождает противодействие, также поддерживала убеждение в необходимости доброго отношения к животным, так как всякий жестокий поступок по отношению к ним, в частности поедание мяса животных, по мнению верующих, приводит к тяжелым последствиям для того, кто эти поступки совершает.

Великие основатели религий в Индии, безусловно, сделали колоссально много для защиты животных, для осознания их прав. Они опередили нравственное сознание Европы и других Континентов мира на тысячелетия; те идеи, которые с великим трудом пытаются донести до сознания западного человека ведущие гуманисты нашего века, уже несколько тысячелетий как стали достоянием народов на Востоке, ими руководятся в жизни. Особое место среди других животных в индийских религиозных традициях занимает корова — то самое существо, которое не вызывает ни сострадания, ни внимания к себе в западных странах. Люди, считающие себя весьма гуманными и большими любителями животных, спокойно потребляют мясо — и, в первую очередь, говядину. В соответствии с ведическими традициями считалось, что Праматерь — корова дала человеку драгоценные продукты, необходимые ему для жизни: творог, молоко, масло, мочу и навоз. Навоз служит не только удобрением, но выделяющийся из него газ метан используется как источник тепла для обогревания дома и приготовления пищи, кроме того, навоз считается

очищающим средством. Таким образом, корова играет важную роль в экономике и сельском хозяйстве индусов и занимает центральное место в идеале "простой жизни и возвышенного мышления", предлагаемого Ведами.

Вегетарианство в Индии опирается не только на ведическое отношение к корове, весьма влиятельным является также культ бога Кришны, в котором проповедуется строгое вегетарианство и благоговейное отношение к священной корове. Бог Кришна, имеющий другое имя — Бог Говинда, — изображается в виде пастушка, окруженного животными. В настоящее время культ Кришны стал распространяться далеко за пределы Индии; в частности в нашей стране создано общество "Сознания Кришны", члены которого проповедуют ненасилие по отношению к животным и вегетарианство.

Менее известной из восточных религий, также проповедующих вегетарианство, был зороастризм. Основатель этой религии Заратустра (по-гречески Зороастер) жил в Персии примерно 600 лет до н. э., был известным защитником животных. Последователи его религии, спасаясь от преследований исламских владык, бежали в Индию, где религия была гораздо ближе к их собственной. Их современные потомки в Индии называются парсами; всего зороастрианцев сейчас 200000 человек.

Современный Далай Лама (14-й) Тензин Джайтсо, которого следует считать одним из важнейших религиозных деятелей Востока, пишет: "Неважно, принадлежат ли они (живые существа) к более высоким формам, таким, как человек, или более низким, таким, как животные, все существа, в первую очередь, ищут мира, покоя и безопасности. Жизнь так же дорога безгласному созданию, как и человеку. Даже самое ничтожное насекомое стремится защитить себя от угрожающей ему опасности. Так же, как каждый из нас хочет счастья и боится боли, так же, как каждый из нас хочет жить и не хочет умирать, так хотят этого и другие существа" ("Анимальс Адженда", окт. 90 г. с. 25).

Современный индуизм, который стал менее жестко предписывать вегетарианство, тем не менее, продолжает проповедовать принцип ахимсы, доброты ко всем существам. Несмотря на отход некоторой части индуистов от вегетарианства, число вегетарианцев, исповедующих индуизм, составляет сейчас более 700.000.000 человек, т. е. 83% населения Индии.

Другой величайшей религией мира, возникшей в Индии, был буддизм. Буддизм возник как религиозное движение, которое отличалось от индуизма непризнанием ведических текстов и жертвоприношений животных. Основатель этого движения Будда жил с 563 по 483 г. до н. э. и считается современником основателя джайнизма Махавиры. Как и джайнизм, буддизм не считает мир сотворенным богом. Смена жизней, согласно буддизму, существовала всегда. Высшим достижением человека является нирвана — освобождение от всех привязанностей, которую можно достичь с помощью медитации. Буддизм исповедует веру в перевоплощение: каждое существо может родиться в виде животного, голодного духа, адского существа, демона, человека или бога. Поскольку животные постоянно страдают, рождение животным является наказанием за прошлые грехи. Эта вера заставляет человека постоянно помнить о том, что он может тоже оказаться на месте животного. В поучительных

историях, рассказанных Буддой, он рисует себя в прошлых рождениях кроликом, лебедем, рыбой, птицей, обезьяной, слоном, оленем.

Буддизм последовательно придерживается принципа ахимсы, ненасилия по отношению к другим существам. Однако буддизм распространился широко за пределы Индии: в Яйонию, Китай, Бирму, Тибет, Камбоджию, Вьетнам, Таиланд, и в этих странах он претерпел некоторые изменения. Буддизм, как его исповедуют сейчас вне Индии, допускает отступление от принципа ахимсы и от вегетарианства, таким образом, буддизм утратил в этих странах роль религии, защищающих животных от жестокости. Например, в Японии, хотя и потребляется мало мяса, широко используется в пищу рыба. Только в монастырях, исповедующих дзен-буддизм, строго соблюдается вегетарианство и другие принципы исконного буддизма.

Третьей ведущей религией Индии является джайнизм. Эта религия довела до полного логического развития идеи ахимсы и наиболее бескомпромиссно защищает все формы живых существ. Джайнизм был основан святым Махавирой (VI век до н. э.), получил значительное распространение в Индии и в настоящее время насчитывает более 4 миллионов последователей. Джайнисты не только строгие вегетарианцы, но они также не считают возможным убивать любое живое существо, вплоть до насекомого. Центральной в этом учении является доктрина, что все сущее разделяется на живое и неживое. Живые существа классифицируются в иерархическом порядке в соответствии с количеством ощущений (чувств), которыми они обладают. Черви обладают чувством осязания и вкуса, жуки, муравьи имеют чувство осязания, вкуса и обоняния. Моль, пчелы и мухи, кроме того, имеют чувство зрения. Змеи, помимо этих чувств, имеют чувство слуха, а звери, рыбы и человек имеют шесть чувств: зрения, вкуса, слуха, обоняния, осязания и мышления. Таким образом, человек попадает в одну категорию с рыбами и зверями. Чтобы предотвратить свою карму — неизбежность судьбы, — джайнист должен очищать себя от скверны; он принимает зароки, важнейшим из которых является клятва непричинения зла другому — принцип ахимсы. Все джайнисты не потребляют алкоголь, мед и некоторые виды фиг, потому что в них содержится много жизненных форм. Ахимса предписывает обуздывать ум, язык, быть осторожным на дорогах, а также есть при свете (чтобы в пищу не попали насекомые). Ограничения для монахов-джайнистов особенно строги; они должны скудно питаться, воздерживаться от половой жизни и отказаться от всего имущества, они не должны копать землю, зажигать или тушить огонь, не принимать ванну.

Последователи джайнистской религии известны тем, что организуют по стране больницы для животных. Хотя адепты буддизма сделали колоссально много для защиты животных, джайнисты оказались наиболее последовательными в своих верованиях и поступках.

Иудаизм

Отношение евреев к животным, как можно судить по Ветхому Завету, было вполне гуманным. В книге Исайи, например, который проповедовал

примерно в 730 г. до н.э., мы находим возражения против жертвоприношения животных, когда Бог говорит: "Для меня нет радости в крови волов, или ягнят, или козлов..." Это не единственные примеры милосердного отношения к животным в Ветхом Завете.

В Библии многочисленны упоминания о животных, по отношению к которым Бог выступает как хранитель; в псалмах Давида и пророчествах Бог упоминается как пекущийся о всякой твари, милосердный ко всем (псалмы: 36, 7, 145; 15-16, 147:9, Иов 38:41). Поскольку высшим нравственным принципом иудейской религии является подражание Богу, то нравственным долгом верующих должно было стать сострадание к животным. В Библии прямо указывается, что человек должен приходить на помощь животному (Исход 23:5): если кто-либо увидит осла, упавшего под грузом, то он не должен проходить мимо, но должен освободить его. Священное Писание также указывает, что человек, наравне с животными, должен делить плоды земные, а также предписывает давать отдых домашним животным: быку, ослу, другому скоту — в день субботний, когда отдыхает человек, например: "Но на седьмой день ты должен отдохнуть, и твой бык, и твой осел могут отдохнуть" (Исход 23:12). В Экклезиасте утверждалось: "Человек не возвышается над зверем, это все тщеславная гордыня". Однако, в толковании Библии Талмудом эти обязанности перед животными нравственного порядка понимались уже иначе — как забота о благосостоянии человека, для которого скот являлся источником материального благополучия.

Другой причиной, обязывающей человека совершать акты милосердия по отношению к животным, была мысль о том, что жестокость по отношению к животным развивает безжалостность в человеке и, наоборот, добрые дела способствуют развитию в человеке сострадания, гуманности.

И все же, иудаизм неоднозначно высказывался против жестокости к животным, ссылаясь на промысел Бога.

Библия разрешала человеку использование животных в пищу. Тем не менее, иудаизм проявлял заботу о том, как будет убито животное, стремление к тому, чтобы животное меньше страдало. Согласно религиозным источникам (Маймониды, Риган, с. 89), смерть животного должна быть возможно легкой, и нож для этого должен быть острым. Поэтому религиозный закон разрешает иудеям есть мясо, только если животное убито ритуальным способом, отвечающим описанным требованиям. К сожалению, в условиях механизации на бойнях, введения конвейерной системы ритуальный убой, предусматривающий обескровливание животного, протекает совсем не так, как это происходило ранее, когда животных убивали по отдельности, вскрывая сосуд на ноге (что действительно является сравнительно легкой смертью). На современных бойнях скот, который должен забиваться, так сказать ритуальным способом, не оглушается сразу, а подвешивается — как и другие животные — за ногу и в этом состоянии у него перерезается глотка. У подвешенной коровы может оказаться сломана от ее тяжести нога, в любом случае она испытывает мучения от того, что цепь врезается ей в ногу, ей перерезают глотку, а не вскрывают сосуд; поэтому ритуальный убой на современных бойнях становится

формальностью; сам принцип, цель ритуального убоя — облегчить страдания животного — не соблюдается; наоборот, мучения во много раз увеличиваются.

Еврейский закон разрешает причинять животным боль, если это служит целям блага человека; в Маймонидах ("Руководство") (Риган, 74) запрещается бесцельно причинять боль другому, и, напротив, предлагается проявлять сострадание и жалость ко всем живым существам; люди не должны убивать ни для того, чтобы дать выход своей жестокости, ни ради спорта.

В соответствии с иудаистским религиозным учением, Бог выделил человека из остального мира, сделал его по своему образу и дал ему власть и право использовать в своих интересах любое живое существо в Райском саду, однако, эта власть человека над животными исключала убийство животных, так как человек не использовал их в пищу. После Грехопадения, когда человек был изгнан из Рая, как повествует Библия, он стал питаться мясом животных, одеваться в шкуры зверей, заниматься скотоводством. После всемирного потопа, Бог снова подтвердил право человека владеть всеми животными на земле и рыбами в воде и обещал ему, что все живое будет испытывать перед ним ужас. Правда, Библия приводит пророчества пророка Исайи, который осуждал жертвоприношения; Исайя предсказывал блаженные времена, когда волк будет лежать рядом с теленком, а лев питаться соломой как вол, когда животные не будут убивать друг друга на святой горе.

И все же иудаизм пошел дальше в своем стремлении сделать взаимоотношения человека и животных более нравственными; иудаизм предусматривает возможность того, что нравственный человек не будет обязательно придерживаться образцов поведения, предписываемых нравственным законом: он может идти дальше по пути нравственного совершенствования и отказываться от жестоких поступков по отношению к животным, даже если эти действия служат благу человека.

Ислам

Древнейшей и широко распространенной религией Востока является Ислам. Эта религия уделяет достаточно большое внимание вопросу отношения к животным и рассматривает его как нравственную проблему.

Мусульмане верят, что Бог создал и людей, и животных, хотя люди были созданы особенным путем, когда Бог вдохнул душу в Адама. Мусульман учат, что Бог дал человеку власть над животными, однако, плохо обращаться с животными означает не подчиняться воле Бога.

Возвышение человека над остальными созданиями проистекает, согласно исламическому мировоззрению, не из физического превосходства человека — он может даже уступать в чем-то животным; в качестве критерия превосходства берется более высокая степень сознания, которой обладает человек, благодаря своей духовной силе. Но более высокая свобода мышления у человека налагает на него более высокие обязательства — человеку даны такие качества, как любовь, милосердие, сострадание, великодушие, и он должен нести в мир справедливость и милосердие; и этот мир, в котором человек призван творить добро, включает все творения Бога, и людей, и животных.

Рассказывают, что Магомет оставил на земле свою верхнюю одежду, чтобы не потревожить свою кошку Муэзза, спавшую на ней; и он рассердился на своих учеников за то, что они ловили молодых птиц, в том числе и потому, что это доставляло горе их птице-матери.

Отношение мусульман к животным как религиозно-нравственная проблема основывается на двух главных религиозных источниках: первый — Коран, священное писание, открытое пророку Магомету в период продолжительностью 22 года (с 610 по 632 гг.). Вторым источником является Хадит ("традиция"), который рассматривается как толкование Корана и основа исламского закона. В случае неясности толкования в конкретном случае муфтии — духовные руководители ислама — обращаются к прецеденту, к традиции.

И Коран, и Хадит учат, что "нет животного на земле и птицы, летающей на крыльях", которые не были бы такими же созданиями, как и человек, иными словами, животные имеют ценность сами по себе, а не в плане их отношения к человеку. Все животные имеют жизнь, индивидуальную и социальную, как это имеет человек. Бог сотворил все создания, в том числе и человека; показательно то, что человек не выделяется в особое творение в этих словах, перечисляется с другими видами животных. В Хадите описывается случай, когда муравей укусил пророка Магомета, и он, рассердившись, приказал сжечь весь муравейник. За это Бог упрекнул пророка, сказав ему, что за вред, причиненный одним муравьем, он сжег все их множество, которое прославляло Бога.

Значительным контрастом к христианской религии является положение Корана, что животные имеют душу, хотя оговаривается, что их душа более низкого порядка, чем человеческая. Коран при этом предполагает, что сознание животного стоит ступенью выше, чем простой инстинкт или интуиция. Коран утверждает, что животные могут познать своего Создателя и поклоняются ему:

Разве ты не видишь, что Богу возносятся хвалы
Всеми существами на небе и на земле
И птицами, простершими крылья?
Каждый из них знает свою молитву и песнопение,
И Аллах внимает тому, что они делают.

(Коран, гл. 24, т. 41)

Коран учит, что Бог общается с живыми существами, как это следует из следующих строф:

И ваш Бог открылся пчеле, говоря,
Делай ульи в горах,
И на деревьях
И в жилище людей.

(Коран, гл. 16, т. 68)

Ислам верит в предопределение, в судьбу, которую изменить нельзя, так же как в индуизме считается неотвратимой карма; однако, ислам считает, что в пределах предначертанной судьбы можно изменить условия в лучшую сторону:

путем усилий со стороны человека страдания — в том числе и страдания животных — можно предотвратить или уменьшить.

Забота о благополучии животных, которая читается в исламских религиозных документах, выходит за рамки просто предотвращения жестокого обращения с ними. Ислам побуждает людей взять на себя ответственность за благополучие животных: законы Ислама запрещают причинять животным боль, убивать их, кроме как в случае получения пищи. При этом, как и в иудаизме, закон поучает убивать животное быстро и с наименьшими страданиями. Закон запрещает убивать животных ради развлечения, ради получения предметов роскоши, лишать свободы диких животных и держать их в клетках; выращивать домашних животных в тесных клетках и грязи; пользоваться капканами, силками и другими снастями, приводящими к долгой и мучительной смерти животного. И, наконец, запрещается использовать животных в болезненных экспериментах, а также в исследованиях, приводящих к калечению животного или его смерти.

В Исламе отводится большое место вопросу защиты живого. Во всех священных писаниях, в первую очередь, в Коране, подчеркивается необходимость изучения природы для лучшего понимания жизни как единого органического целого. В Коране есть множество стихов, побуждающих человека изучать небесные тела, элементы земного мира, флору и фауну земли. Согласно философии Ислама, животные — так же равноправные жители земли, как и человек; Бог предусмотрел, что благами земли будут пользоваться одинаково все: и человек, и звери, и птицы. Ислам не считает, что земля принадлежит человеку: она принадлежит Богу. Коран приводит слова Моисея:

Конечно, земля принадлежит Аллаху;
Он дарует ее, кому пожелает
Из своих слуг
(гл. 7, т. 28)
И земля!
Он даровал ее (всем) живущим существам.
(гл. 55, т. 10)

Многозначительна с точки зрения защиты животных рассказанная в Коране история племени Самуд, которое погибало от наводнения, и людям было не до животных. Люди племени Самуд просили пророка Салех помочь им, и ему было открыто, что он должен выбрать верблюдицу как символ и потребовать от людей, чтобы они ей дали ее справедливую долю пищи и воды. Люди племени обещали это сделать, но позднее убили верблюдицу. В отмщение племя было уничтожено.

Замечательным современным толкователем религии Ислама в плане его отношения к животным являлся Аль-Хафиз Б. А. Мазри, живший в Великобритании. (Аль-Хафиз означает: "тот, кто выучил наизусть весь священный Коран"). Мазри — автор книг и статей на английском и арабском языках по теме животные в Исламе (1986, 1987, 1989). Его работы помогают оценить вклад этой древней религии в проблему гуманного отношения к животным.

Христианство

Христианская мораль формировалась на фоне нравов Римской империи. Крайняя жестокость зрелищ — массовое умерщвление животных на арене — не означала, что у римлян отсутствовало чувство справедливости, даже гуманности по отношению друг к другу. Однако, требования нравственности у римлян распространялись только на себе подобных. Не только животные, но и люди другой веры: христиане-пленники, преступники, рабы — не вызывали у них сострадания. Христианство противопоставило этой избирательной идее нравственного долга идею драгоценности любого человека. Но дальше оно не пошло. Если некоторые восточные религии утверждали, что любая жизнь драгоценна, то христианство выделило человека, как обладающего бессмертной душой, и противопоставило его всему остальному миру живого, сделало его центром мироздания, заимствовав эту идею у иудаизма. Христианство сурово осуждало бои гладиаторов, рассматривая их как убийство, и под его влиянием бои гладиаторов прекратились в IV веке. В то же время христианская религия никак не высказывалась относительно безнравственности жестокого обращения с животными, умерщвления их или пыток. Даже в Римской империи такие писатели и мыслители как Овидий, Сенека и особенно Плутарх, высказывались за необходимость сострадания к любому живому существу, которое способно чувствовать. Христианство могло бы развить эти этические идеи на основе принципа Любви, но оно не сделало этого, а лишь увеличило пропасть между человеческим и нечеловеческим. Христианское понимание взаимоотношений человека и животных опиралось на те места из Библии, где говорится, что человеку дано право господствовать над животными. При этом слово господствовать исконно понималось не в смысле "опекать", "покровительствовать", т. е. в том смысле, как понимается слово "господство" в отношении Бога к человечеству — заботиться как родитель о ребенке, а в смысле "властвовать". Животные не стали объектом христианского милосердия, и прошло 16 веков, прежде чем в христианской Европе раздались голоса в защиту всего живого, призывы к универсальной этике.

Автор книги "Революция животных" Д-р Р. Райдер пишет: "В Новом Завете практически не упоминаются отношения между человеком и животными. Но это молчание, возможно, объяснялось тем, что Новый Завет был создан в большой степени как "кризисный документ", написанный в спешке, с целью подготовить людей ко второму пришествию Христа, которое, как считали, должно было очень скоро произойти. Одна из возможных причин, почему раннее христианство не распространило на животных христианской любви, этого основного принципа, это то, что раннее христианство должно было преодолевать языческие религии, которые включали поклонение животным".

"По словам Леки, ни один из христианских писателей не выразил ничего равного призыву Плутарха — быть милосердным к животным — в течение последующих тысячи семисот лет после смерти последнего".

Вместе с тем, гуманизм Моисеева Закона, основанного, возможно, на наиболее человечных элементах в древних египетской и вавилонской культурах, совершенно очевиден. Закон Моисея предусматривал интересы животных, легализовал права животных и в определенной степени рассматривал животных как объекты, на которые распространяются нравственные законы. По закону Моисея в субботний день должны были отдыхать не только люди, но и их домашние животные. К сожалению, мало известно изречение Священного писания: "Добродетельный человек чтит жизнь животного". Неправильное толкование послания апостола Павла, где он говорит о воле молотящем (которому не следует завязывать рот, чтобы он мог поесть зерна) в том смысле, что вол не имеет значения для Бога, также поддерживало антропоцентрическую точку зрения на значимость человека и подчиненность животных его воле. Однако эти взгляды преломлялись различным образом в учениях различных видных религиозных деятелей, и либо выступал на первое место антропоцентризм, как это имело место в рассуждениях Фомы Аквинского, или антропоцентризм отступал под наплывом чисто гуманных чувств — любви и сострадания ко всему живому, как у Франциска Ассизского.

Известнейший богослов Средневековья Фома Аквинский жил во Франции в XVIII веке. Он в молодом возрасте вступил в Орден Доминиканцев. Фома Аквинский занимает характерную антропоцентрическую позицию по отношению к животным; он нигде не говорит, что жестокость к животным грех; он признает грех против Бога, против себя и своего ближнего, животные же исключены из этой схемы. В своей работе "Сумма Теологика" Фома Аквинский утверждает: "Цель Бога, когда он предлагает относиться к животным с добротой, заключается в том, чтобы предрасполагать людей к состраданию и доброте друг к другу". Фома Аквинский находился под влиянием идей Аристотеля, и на него произвело сильное впечатление высказывание последнего, что менее разумные существа, такие, как рыбы и животные, существуют, чтобы служить интересам более разумных существ.

Св. Франциск Ассизский родился на 40 лет раньше Фомы Аквинского; его идеи были в некоторой степени развиты Францисканским Орденом. Франциск видел всю природу как отражение своего создателя и называл не только живых существ, но такие элементы природы, как солнце, луна, ветер и вода, своими "братьями" и "сестрами".

Сборник средневековых рассказов содержит историю о том, как Св. Франциск проповедовал своим "младшим сестрам" птицам, и как он спас нескольких диких голубей, которых несли на базар, и сделал им гнезда. В другом случае он укротил свирепого волка Агобио, который поедал людей из города.

Рассказывают, что Св. Франциск восклицал: "Если бы я только мог предстать перед императором, я бы умолял его, ради любви к Богу и ко мне, издать указ, запрещающий ловить и лишать свободы моих сестер — жаворонков". Св. Франциск экстатически любил всю природу, и живую, и неживую; но это неразличение живых и неживых форм мешало ему видеть истинные страдания там, где они были; поэтому Франциск Ассизский не стал

вегетарианцем. И, как подчеркивает Питер Сингер, он все-таки принимал ортодоксальную антропоцентрическую точку зрения, что все созданное существует для блага человека. Столь великим и продолжительным оставалось влияние идей христианского средневековья на католиков, что даже в середине девятнадцатого века Папа Пий IX не дал разрешения на создание в Риме общества по предотвращению жестокости к животным на том основании, что это может заставить думать, что люди имеют перед животными долг. Современные христианские богословы стремятся развить милосердную идею христианства и сделать на основе главных гуманистических доктрин этой религии выводы относительно этики отношения к животным.

Д-р Эндру Линзи, выпускник Оксфорда, доктор богословских наук, участник движения за Права животных, приводит слова из доклада Епископу Кэнтерберийскому по вопросу связи христианских доктрин с проблемами человека и окружающей природы:

"Оно (создание) существует во славу Божию, то есть, оно имеет смысл и ценность, помимо оценки его полезности для человека. Именно в этом смысле мы можем сказать, что оно имеет самостоятельную ценность. Вообразить, что Бог создал всю вселенную только для пользы и удовольствия человека было бы признаком глупости".

В своей работе "Место животных в создании мира: христианская точка зрения" Э. Линзи рассматривает вопрос этики отношения к животным и христианской морали; он приводит высказывания современных богословов по этому вопросу. Все существующее имеет своим происхождением Бога, не может существовать без его воли и одобрения, поэтому все существвует со смыслом, имеет цель, на все исходит благоволение Божие. Некоторые теологи (Поль Тиллич) считают, что искупление всех грехов, которое дал своей крестной смертью Христос, распространяется на весь мир живого. Животные вовлечены в грех человечеством, поэтому их грехи искуплены смертью Христа тоже. Ортодоксальный теолог Кейт Уард полагает, что физическая смерть не может быть концом существования, иначе это не оправдывало бы существования мира. Он полагает, что все чувствующие существа имеют бесконечную жизнь, бессмертие, наравне с человеком.

Приведя различные точки зрения на взаимоотношение христианской религии и проблемы животных, Э. Линзи делает выводы этического порядка, проистекающие из приведенных рассуждений. Если создание имеет ценность для Бога, то оно должно цениться и человеком. Богословское понимание смысла всего сущего должно отличаться от человеческого понимания; если все существа имеют свою ценность, то из этого следует, что человек не может претендовать на свою абсолютную ценность среди прочих созданий. Этими выводами Линзи лишает религиозной основы антропоцентризм, который много веков имел поддержку в лице христианской церкви, противопоставляя человека, имеющего душу, животным, которые ее не имеют. Линзи приводит высказывания других богословов, касающиеся вопроса уникальной ценности человека. Согласно христианской доктрине,

человек не может постичь промысла Божьего, поэтому, утверждает теолог Карл Барт "Мы не знаем, как именно может относиться Бог к ним (животным) и какой поэтому может быть их решающая роль в космосе... Мы можем и мы должны принять их как своих собратьев из уважения к тайне, которой Бог покрыл их". Декан Вестминстерского Аббатства писал в 1977 году: "При теистическом понимании создания, каковым является христианское учение, будет ошибкой считать, что все животные существуют только для того, чтобы служить человеку; или что мир создан исключительно для блага человека. Оценка человеком своего собственного благополучия не должна быть единственным руководством при определении его взаимоотношения с другими видами. С теистических позиций человек — это хранитель вселенной, в которой он живет, но по отношению к которой он не имеет абсолютных прав".

С этой точки зрения Линзи считает также неоправданным использование животных в научных экспериментах; такое использование их означает полное пренебрежение к проблеме самостоятельной ценности животных; это произвольное выдвижение на первое место интересов одного вида — человека, т. е. это подход к вопросу не нравственный, не христианский, а прагматический. Животные не должны приноситься в жертву человеку, а экспериментирование на животных можно рассматривать как массовое жертвоприношение ради интересов человека. Религия признает жертвоприношение, но Богу, а не человеку, и ненасильственное, а добровольное. Линзи считает экспериментирование на животных действиями неправомерными и аморальными.

Православное христианство

Православное христианство основывает свои нравственные принципы на учении Христа, изложенном в Новом Завете Библии — Евангелии. Исходные положения христианского учения — о доброте, ненасилии, самосовершенствовании — развивались в соответствии с общим нравственным уровнем человечества и в последующие эпохи получали все новое преломление, которое отвечало более высокому культурному уровню общества. Идеи доброго, милостивого отношения к животным получили развитие и в русском христианстве. Один из известнейших, особо чтимых русских святых Сергий Радонежский приручал диких животных, приходивших к монастырю из лесов.

Один из любимейших святых позднейшего времени (XIX век) Серафим Саровский изображается с медведем, которому он дает кусок хлеба. Появление животного на иконе многозначительно. Это изображение не символично, но автобиографично, и иконописец желает подчеркнуть, что святой был столь милостивым, что это чувствовали даже дикие звери и подходили к нему, не боясь и не нападая. В этой сцене изображается не только слияние святого с миром живого, его приятие всех тварей, но и доброту, выходящую за рамки долга перед человеком, доброту к животным, которую они чувствовали, которая была так велика, что заставляла животных забыть свой вековечный ужас перед человеком. Эти святые были вегетарианцами, Серафим Саровский, например, питался крайне скудно — "снытью" (вид травы).

Хотя русская православная церковь немного говорила об этике отношения к животным, тем не менее, в начале этого века в ее поучениях содержалась и тема доброго отношения к животным. В 1912 г. Московское общество любителей духовного просвещения выпустило небольшую брошюру "О кротком и жалостливом обращении с животными". Автор книги называет грубое и жестокое обращение с животными пороком, который "тем более заслуживает порицания и осуждения, что ничем не может быть извиняем". Автор продолжает, что только "неудержимое раздражение и жестокость сердца" заставляют людей бить животных, плохо ухаживать за ними, и называет тех людей, которые вступаются за животное, "добрыми образованными христианами". Автор рекомендует с раннего детства учить детей кроткому обращению с животными; как аргументы при воспитании детей предлагаются беседы о красоте всех творений, о пользе животных для человека, а также рекомендуется возбудить интерес к миру живого рассказами о жизни животных, их повадках. Автор брошюры ссылается на тексты Псалмов, говорящих о том, что Господь в своем промысле не забывает животных, и это должно направлять людей на путь доброго отношения к ним также. Жалостливость, сострадание и любовь автор называет дарами любви Божьей и призывает беречь в себе эти чувства.

В 1915 году в Троицко-Сергиевской Лавре была опубликована небольшая проповедь "Блажен иже и скоты милует", заголовком которой было выбрано известное изречение. Эта проповедь явно предназначена для крестьян, державших скот, написана простым языком. В ней содержатся призывы "не бранить, и не клясть свой скот", "не бить, не изнурять его непомерными работами, голодом и холодом, но миловать его, оберегать его от всего недоброго". Более того, людей призывают молиться за скот, как это делает Церковь. Автор проповеди ссылается на священное писание и называет прямой заповедью Божией наказ быть милостивым к животным; он приводит слова Писания: "не презри вола работающего", а также: "блажен, иже и скоты милует". Автор призывает не только быть добрым к своему животному, но вступаться за чужую скотину и отговаривать хозяина не бить ее.

Раздел о религиях мира хочется закончить таким размышлением известного борца за Права животных Тома Ригана:

"После всего, что сказано и сделано, невольно возникает вопрос, почему в нашем так называемом цивилизованном обществе сегодня жестокость человека к животным все возрастает. Почему так трудно изменить отношение человека к животным? Организованные религиозные институты могли бы сыграть важную роль в воспитании людей. Почти 90% населения мира исповедуют одну из главных религий. Каждая из этих религий имеет нравственную платформу, с помощью которой можно было бы влиять на массы, воспитывать их. Но никто никогда не слышал с амвонов проповедей, доносящих до людей слово Божие, о животных. Завет "Возлюби своего ближнего" включает всех ближних и животных тоже".

Литературный источник
Павлова Т.Н. Биоэтика в высшей школе. – М.: МГАВМиБ им. К.И. Скрябина, 1997. – 147 с.

ЯЗЫЧЕСТВО
(отрывок)

Н. А. Содоноков

Алтайцы очень тесно связаны с природой и природу почитают как живого человека. Повседневная жизнь человека была непосредственно связана с древними анималистическими религиозными верованиями, одухотворяющими предметы и явления, наделяющие их сверхъестественной силой, а также свойствами, присущими человеку. У алтайцев в древности не было целенаправленного экологического воспитания, писаных законов и правил о поведении и взаимоотношениях людей и природы, тем не менее, жизнь алтайца-скотовода, охотника, кочевника была подчинена общепринятым нормам морали, регламентирующим отношение человека и природы. Существовал целый кодекс морально-этических указаний, поучений, как любить родную землю и жить в согласии с окружающей природой, соблюдать вековые традиции бережного и уважительного отношения к природному миру. Поэтому алтайцы свято соблюдали обычаи, где многое связывалось соблюдением множества запретов, магических средств, касающихся экологии.

По мнению алтайцев, вся живая природа, как и человек, растет, живет и умирает. Потому они считали, что к природе нужно относиться очень бережно и никогда без надобности не позволяли ломать веток, срывать цветы и т.д. Алтайцы говорили, что деревья подобны людям, когда их ударяют топором или пилят, то они плачут и стонут. Особенно запрещалось срубать молодые деревья, т.к. они подобны маленьким детям, и губить их было грешно. Каждый алтайский род имеет свое священное дерево, почитает его и никогда не должен его рубить. При рубке дерева алтайцы всегда поклоняются Алтаю, угощают хозяина Алтая, повязывают священную ленту и произносят слова-благопожелания.

С повышением уровня экологических знаний школьников и под влиянием разъяснений учителя отрицательные эмоции перерастают в чувства возмущения, негодования по поводу экологически безграмотного и безответственного поведения, формируется потребность в активной, действенной защите природы.

Экологическое воспитание есть своеобразный синтез нравственного и интеллектуального, трудового и эстетического воспитания личности, проявляющийся в ее отношении окружающей природной среде. По словам М. Г. Тайчинова, «экологическая культура и экологическое воспитание были самой сутью народной педагогики» [4, 18].

Ведя разговор с учащимися по поводу безразличия, жестокости по отношению к живой природе, можно привести в пример этнопедагогические запреты (табу), например, нельзя разрушать муравейник. Человек, разрушивший муравейник будет лишен потомства, семейного счастья. Или, за нарушение правил охоты (отстрел беременной или с детенышем самки, где после смерти матери от голода погибает и детеныш) карается хозяином Алтая, при этом кара настигает не только самого охотника, но и детей (рождением больных, слепых, немых детей).

В общении с учащимися нужно стараться пробудить чувство жалости к живому существу, прибегать к приемам, которые способствуют выработке у ребят негативного отношения с подобным действиям.

Литературный источник

Содоноков Н.А. Этнопедагогический аспект экологического воспитания учащихся // Геоэкология Алтае-Саянской горной страны. – Горно-Алтайск. – Вып. 4. – С.335- 338.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА ИЛИ РАЗГОВОР ОБ ИСТОКАХ

В. Коротенко, И. Домашов, Е. Постнова, А. Кириленко

Меняет ли информация поведение людей? Если меняет, что это должна быть за информация? Вот, например, почему ребенок без дела срывает зеленый лист? Наверное, чтобы этого не происходило, он должен понимать значение зеленого листа для планеты. Причем уровень этого понимания не должен ограничиваться учебником 6-го класса, а должен включать представление о глобальном значении зеленых растений в жизни биоты, и, следовательно, нас с вами. А что делает мама, когда идет гулять с малышом? Она обязательно сорвет веточку. Таким образом, кроме "информации" нужно учитывать еще и трансляцию поведенческих моделей, с помощью которых мы входим в сферу отношений между людьми, а так же между людьми и природой. Это и есть компетенция этики – системы взаимоотношений между человеком и человеком.

Экологическая этика – новое философско-деятельностное направление – пытается показать, как люди относятся не только друг к другу, но и к окружающей природе, и почему такой тип отношений складывается.

При этом надо понимать, что человек живет не только в реальном мире, но и в мире мифов, метафор, образов. Для нас зачастую более реально то, что у нас в голове, чем за окном.

По словам известного американского психотерапевта Ирвина Ялома – человек всегда страдал от неопределенности во все времена и старался упорядочить свой мир, давая объяснения, прежде всего религиозные или научные. Объяснение – первый шаг контроля над ним. Ведь объяснение или описание мира – это начало выстраивания отношений с ним. Вместо слова "мир" мы можем говорить "природа" и таким образом выйти на множество ее

описаний. Получается, что за время своего развития человечество, меняя картины описания природы, породило множество "природных этик", их экологичность и структура отношений между человеком и природной средой – различны и даже полярны.

Историческая практика свидетельствует о том, что отношение человека к природе никогда не претерпевало значительных изменений, если не происходило изменение мировоззренческих компонентов нашего мышления, смены наших привязанностей и убеждений. Нам никогда не удастся вплотную связать охрану природы с человеческим существованием, сделать ее нормой человеческого поведения, если не будет сформировано экологическое мировоззрение. Поэтому разрешение экологических кризисов нуждается не столько в практических действиях, разработке новых технологий, сколько в экологическом пересмотре нашей философии и морали. И такой пересмотр мы не без основания связываем с развитием экологической этики как новой науки.

Какой должна быть культура и цивилизация для того, чтобы сохранить природную среду? Для сравнения обратимся к различным моделям цивилизационно образующих учений и культур.

Традиционно считается, что восточные этики глубоко экологичны. Для китайцев основополагающий принцип этики и бытия – естественность, что означает "мягко вписываться" в природу. Для нормальной жизни необходимо чувствовать ритмы и циклы "дыхания бытия", соответствовать ритмам Перемен. Категория Перемен управляет естественностью природных и человеческих преобразований. Мы можем, говорить, например, об учении Фэн-Шуй, в соответствии с которым считается, что чем более естественно твое жилище вписано в ландшафт, тем более естественно ты чувствуешь преобразование энергии внутри природного сообщества, тем лучше и счастливее для тебя будет жизнь.

Для Даосизма – движение, текучесть, гибкость жизнь; все, что жестко, неподвижно, косно – мертво. Естественность, природность – превыше всего! Но в этом западная цивилизация оказалась сильнее и, может быть, необходимо искать пути, как можно качнуть маятник в другом направлении.

В Индуистской культуре проблема видится по-другому. Природа – иллюзия (майа), Жизненный Путь человека направлен на приобретение определенных качеств, в том числе способности к преодолению этой иллюзии. Акцент вынесен из внешнего мира вовнутрь. Важно оттачивать кристалл собственного духа. Незачем совершенствовать майю – принцип взаимодействия. Акцент ставится на позитивном отношении к миру, чуткости к нему. Важна внутренняя концентрация силы и позитивный резонанс с миром.

Этика Буддизма. Смысл учения Будды – это высшее сострадание. Высшее сострадание есть следствие понимания всеединства мира, осознание единой экологии всех живых существ. Особенностью буддийского стиля мышления является то, что оно направлено на переживаемое человеком бытие, где оказывается устраненным обычное деление на субъект и объект. Здесь человеческая личность с ее переживаниями внешнего мира рассматривается как поток мгновенно сменяющихся комбинаций психофизических элементов. Здесь

экологическая проблема по сути дела совпадает с проблемой открытости сознания. Объектом буддийской мысли является вся полнота мира без исключения чего-либо, т.е. вся целостность бытия без деления его на мир внутренний и на мир внешний.

Но сегодня, благодаря развитию процесса глобализации, телевидения и других видов СМИ в мире доминируют определенные виды этики. В основном, это иудео-христианская этика протестантского толка, лежащая в основе Западной цивилизации, которая строила свои этические основания на тезисе потребительского отношения к природе. Может, это и хорошая задача, но плата за такую уверенность слишком высока. Не может малое царствовать над большим. Не может маленькая часть системы изменить саму систему, если она от нее зависит.

Так, корни другой этики, строящейся на принципе преобразования природы "не смиряться с ней", лежат в Мессапотамо-греческом направлении культуры. Мы сегодня продолжаем жить в векторе этого направления. Здесь четко прослеживается бинарная оппозиция субъект-объект, в которой роль объекта, конечно, отведена природе. Согласно данной этике индивид, человек отделен от мира природы.

Сформировавшаяся на этой базе этика Христианства гласит: Природа – ловушка и темница для духа, конец большей части мира и спасение меньшей. Мир – одноразовое устройство. Естественное не морально, естественное ближе к сатанинскому. Задача – понять закодированный замысел Бога, с одной стороны. С другой стороны, из-за грехопадения мы теряем рай и не совершенны в своем познании. Христианина эпохи средневековья природа не интересует, духовная жизнь более значима, чем жизнь на Земле.

Но после времен Ренессанса-Реформации в христианстве начинает строиться другая этическая модель. Так, ссылаясь на то, что в Апокалипсисе говорится про эпоху тысячелетнего царства, формулируется новая задача – строительство рая на Земле. А в понятие "рай на Земле", кроме всего прочего, входит здоровая природная среда. Таким образом, этика меняет свой концепт, природа перестает быть сатанинским началом и с ней уже не надо бороться как с естественностью, хаосом. Теперь ее нужно сохранять и трансформировать для создания "рая на Земле". Многие современные христианские священнослужители говорят о смиренном и бережном отношении к природе – творению Бога.

Но эта этика также не способствует выходу из кризиса, поскольку для строительства необходимо иметь соответствующий инструментарий, которого нет. Кроме того, эта внешняя по отношению к миру позиция. Сам человек в его мироощущении был выведен за пределы мира.

Так же следует упомянуть о рационалистической этике, господство которой в нашем мире неоспоримо. После Ф. Бэкона – "глашатая новой науки", поделившего науки на известные нам направления, Р. Декарта – "певца разума", мир стал машиной, а природа, бывшая ранее Храмом, стала "первой фабрикой". По словам немецкого философа Р. Штайнера: "В ньютоновской физике мы впервые соприкасаемся с представлениями о природе, полностью оторванными

от человека". Это предопределило специфику антропологии современного общества.

Идея познания мира, противопоставленному человеку, возникла в XVI-XVII веках. Европейская наука предложила метод, включающий рациональное теоретизирование, наблюдение и эксперимент ("допрос Природы под пыткой"). Френсис Бэкон, считая науку средством покорения природы, писал: "Два человеческих стремления – к знанию и могуществу – поистине совпадают в одном и том же". Хайдеггер более категоричен, утверждая, что эти два стремления не совпадают, жажда знания есть лишь замаскированная воля к власти.

Если говорить о религиозно-этических корнях на территории Центральной Азии, то можно выделить следующие этико-религиозные течения природного толка: тенгрианство, митраизм, шаманизм.

Тенгрианство – это, наверное, одна из самых древних религий на планете, оформившаяся как философское учение еще в 4-м тысячелетии до н.э. Оно стало "матерью" семитских и индоиранских религий и заметно повлияло на древнеегипетские культы.

Тенгрианство опирается на два начала: Тенгри (Небо) и Умай-энэ (Мать-Земля). При этом человек является равноправной частью Природы и не является эманацией божественного, он есть тот, кто должен удержаться в рамках той свободы, которым его наделило Небо, небесное божество. Таким образом, человек, становится более органичен природе, чувствителен к естественным циклам. Акцент ставится на том, что мир священен в своих природных проявлениях: воде, огне, камне, дожде, почве и т.д. Социальная жизнь и отношения не противоречат Естеству Мира.

Митраизм, культ Митры, его еще называют Сакский Митраизм – это политеистическая религия, существовавшая, по современным данным, начиная с первого тысячелетия до н.э. и вплоть до раннего средневековья, среди народов Центральной Азии. Центральное божество – Митра. Базовым являются понятия Правды и Союза. Эти категории рассматриваются не только в социальном плане. Союз имеет место не только между людьми, но и между Человеком и Природой. В этом свете Союз выступает как проявление Бытия, а не человеческой морали. Так, в Джасак – изречениях Чингисхана, (дошедшие в переложении армянских, персидских, китайских и познемонгольских источников) говорится: "Смерти повинен осквернивший воду и огонь". Вода и огонь здесь выступают как священные проявления природного естества.

В Туркестане было много пересечений различных культур, и некоторые остатки кочевых этик в своем основании имеют шаманизм. Шаман является посредником между нашим миром и миром духов. Все в природе имеет духовный, высший аналог. Базовая система этой практики вписывается в естественные природные циклы.

Экологическая этика Советской цивилизации отличается жестким отношением к природе. Природа – лишь источник экономического развития. Основы такого подхода заложены К. Марксом в "Капитале", подхвачены Лениным и транслировались дальше по цепочке "революционных вождей".

"Силы природы как таковые ничего не стоят они не являются продуктом человеческого труда, не входят в процесс образования стоимости. Но их присвоение происходит лишь при посредстве машин, которые имеют стоимость, сами являются продуктом прошлого труда… Так как эти природные агенты ничего не стоят, то они входят в процесс труда, не входя в процесс образования стоимости. Они делают труд более производительным, не повышая стоимости продукта, не увеличивая стоимости товара". О природных ресурсах говорится следующее: "Водопад, который дан природой и этим отличается от угля, который превращает воду в пар, и который сам есть продукт труда, поэтому имеет стоимость, который должен быть оплачен эквивалентом, стоит определенных издержек".

Таким образом, формировался примат "экономической этики", в соответствии с которой природная среда есть лишь объект для изъятия ресурсов, поэтому в рамках советской цивилизации других дополнительных отношений с природой, кроме господства и потребления, строить не приходилось.

Обобщая вышеизложенное, следует учитывать, что этические конструкции не являются чем-то монолитным, единообразным. Сознание человека является мозаичным и включает в себя переплетение структур различных этических традиций. Так, по замечанию итальянского философа А. Грамши: "По своему мировоззрению человек всегда принадлежит к определенной группировке, и именно к той, в которую входят все социальные элементы, разделяющие тот же, что и он, образ мысли и действий. Когда мировоззрение не критично и последовательно, а случайно и бессвязно, человек принадлежит одновременно к множеству людей-масс, его собственная индивидуальность причудливо пестра: в ней уживаются элементы, роднящие его с пещерным человеком, и принципы новейшей и передовой науки, пережитки всех ушедших в прошлое локальных исторических фаз и интуитивные зародыши будущей философии всемирно объединенного человечества. Поэтому критиковать собственное мировоззрение, – значит, придать ему единство, последовательность и поднять его до той высоты, которой достигла самая передовая мысль мира".

В этом направлении большое значение отводится методам позитивного воздействия на сознание людей, как на уровне индивидов, так и на уровне коллективов. С одной стороны, это должна быть система постоянного повторения тезисов и аргументов о необходимости новых отношений между человеком и природой, причем на разных информационных носителях. С другой стороны, это должен быть процесс формирования элитных групп, разделяющих эту новую идеологию и работающих ради интеллектуального возвышения все большего числа людей. Однако, сегодня этим мало кто занимается.

ВОПРОСЫ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

1. Как вы думаете какое отношение к миру будет более мудрым и экологичным:
   - природные субстанции (огонь, вода, земля, воздух…) являются святыми;
   - любое естественное проявление человека аморально и все природное низко и ничтожно?
2. С чем связано начало конфликта человека и природы?
3. Возможно ли наладить гармоничные отношения человека и природы?
4. Могут ли помочь религиозные воззрения разных народов в восстановлении таких отношений?

ЧАСТЬ 3. НА ПУТИ К НОВОМУ ТИПУ ОТНОШЕНИЙ «ЧЕЛОВЕК- ПРИРОДА»

ЗАНЯТИЕ 8

ФИЗИЧЕСКОЕ И ДУХОВНОЕ ЕДИНСТО МИРОЗДАНИЯ

Цель работы – осознание взаимосвязанности и единства всего, что существует в мире видимом и невидимом для того, чтобы найти прочный фундамент, на котором можно строить правильные, гармоничные отношения с окружающим миром.

ПРАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА

Задание 1. Поразмышляйте над темой занятия и попробуйте развить свою идею единства мироздания. Напишите эссе. Потом познакомьтесь с информацией представленной ниже. Сопоставьте свою идею и взгляд других авторов о единстве мироздания. Есть ли что-нибудь общее?

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

ИДЕЯ ЕДИНСТВА МИРА КАК ОСНОВА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

И. А. Ильиных

Долгое время в обществе доминировал тип мировоззрения, который назвали антропоцентризмом. Сущность такого мировоззрения заключается в том, что весь мир с одной стороны противопоставляется человеку, а с другой

стороны существует для человека, для удовлетворения его потребностей. Нет необходимости искать факты, подтверждающие не просто ошибочность такого мировоззрения, но даже ущербность и вредоносность его. Достаточно оглянуться вокруг и окажется, что в любой сфере человеческой жизни существуют проблемы и если раскрыть их причины, то окажется, что возникают они вследствие особенностей мировоззрения.

Необходимость разрешения экологических проблем вызывает к жизни новые идеи, основываясь на которых можно формировать совершенно новый тип мировоззрения, отличный от того, который и стал причиной развития экологических кризисов.

К пониманию *единства* можно прийти с двух сторон, осознавая возможность существования абсолютной, общей для каждого существа в мире *основы* (субстанции) и осознавая неразрывную *целостность* всего существующего в мире (а если пойти дальше, то можно включить в понимание и связи с тем, что еще не существует).

Лучше всего начать наше размышление о единстве мироздания, посмотрев по-новому на мир, который принято называть видимым миром и состоящего из телесных объектов, которые можно воспринимать посредством физических органов чувств (осязания, обоняния, зрения, слуха, вкуса). Благодаря научному методу познания видимого мира удалось создать приборы, обладающие способностями проникать в те слои материального мира, куда человеческие органы чувств проникнуть не могут, и давать человеку возможность познать их. Так, нам стало известно о существовании микромира (клетки, молекулы, атомы…) и макромира (планеты, галактики, Вселенная). И постепенно накапливаются знания о структуре и функциях обитателей этих миров. Но, наши знания о мире видимом отрывочны и неполны. Для науки то, что не попало в ее поле зрения – не существует. Поэтому следует учесть очень важный для осмысления факт – то, что нам известно это маленькая верхушка огромного айсберга, большая часть которого скрыта от нашего восприятия.

Человек расширил границы своих физических чувств и понял, что все тела состоят из материальных частиц: элементарных частиц, атомов, молекул, которые определенным образом структурированы и размещены в пространстве тел. В этом смысле растение и человек обладают общими материальными компонентами, но разной степенью сложности организации структуры и функций тела. Иными словами тело человека обладает большими возможностями, чем тело растения. Например, обладая способностью к передвижению, человек имеет сложно устроенный опорно-двигательный аппарат, растение же не имеет специально устроенного органа передвижения.

О единстве материального мира может свидетельствовать и феномен круговорота веществ и энергии. Материальные частицы перемещаются из одного тела в другое и благодаря различным процессам (физическим, химическим и др.) изменяется их структура, свойства, функции, поведение. Можно сказать, что частицы материи взаимообусловливают существование друг друга и нужны друг другу для жизни. Так, например, все атомы включают в себя электроны, все молекулы состоят из атомов и если не будет электронов,

то не будет атомов, не будет молекул… Следуя подобной логике можно сказать, что молекулы нуждаются в атомах, атомы нуждаются в электронах для того, чтобы жить. Каждая частичка, соединяясь с другой, превращается в новую материальную структуру (к атому присоединяется электрон – образуется новый химический элемент, к химическому элементу присоединяется другой – образуется новое соединение) и начинает играть совершенно новую роль в материальных процессах. Обратный процесс также имеет свое место и значение.

В природе не существует ничего оторванного друг от друга и не существует пустоты. И если в нашем представлении материального мира существует незаполненное ничем пространство, то это означает только одно – мы не смогли добраться до этого слоя реальности, не смогли зафиксировать формы материи, существующие здесь, не смогли придумать методы, благодаря которым нам открылось бы новое измерение мира. А то, что мы не можем почувствовать воспринимается как пустота. Для иллюстрации данного утверждения можно снова привлечь образ айсберга. Если мы будем сверху смотреть на него, то нашему зрительному восприятию будет открыта только верхушка, а погруженная в воду часть не будет видна, и если мы не знаем, что это айсберг, он будет восприниматься нами как снежный островок и все. А для того, чтобы увидеть, что у айсберга есть продолжение в воде нам нужно погрузиться в воду. Для того чтобы это сделать мы должны придумать как это сделать так, чтобы и себя обезопасить от действия неблагоприятных для человека условий водной среды (низкая температура воды, высокое давление и т.д.) и собрать побольше информации об этой части айсберга. Когда же мы все сделаем правильно и рассмотрим хорошо подводную часть айсберга, мы поймем более глубоко реальность. Айсберг находится в двух мирах одновременно и чтобы это понять мы должны были погрузиться в реальность, которая не является для нас обычной средой нашей жизни.

Конечно, существуют в мире области, в которые человек не может попасть передвигаясь физически, но придумал приборы, которые обладают способностью увеличить не ощущаемый человеком мир и помогать ему зрительно погрузиться в него. Таково новое поколение сверхмощных микроскопов – сканирующий электронный микроскоп. "Кристаллическая структура вольфрама, посредством рентгеновских лучей отчётливо вырисовалась на святящемся экране, показывая девять атомов в их точном расположении пространственной решётки, – куб с одним атомом в центре и по атому в каждом углу. Атомы кристаллической решётки вольфрама выглядят на экране как светящиеся точки. Против этого светящегося кубического кристалла молекулы воздуха, бомбардирующие его, выглядели танцующими световыми точками, подобными бликам солнечного света, мерцающим на водной ряби..." (New York Times, 1937 цит. по: Парахамса Йогананда Автобиография Йога, 2001).

Путешествуя по миру материи мы вышли на уровень света или энергетический уровень реальности. Любое материальное образование несет в себе свет (энергию). И любое материальное образование можно описать как волну или как частицу. Про электрон уже давно ученые сказали, что он может проявлять себя как волна или как

частица. От чего это зависит? Принятого всеми учеными ответа на этот вопрос не существует, но есть основания полагать, что поведение электрона зависит от условий среды, в которой он оказывается. Уплотнение энергии может сформировать отдельные частицы, обладающие разной длительностью существования в материальной форме, вероятно, большее уплотнение увеличивает срок жизни материальных образований. Вероятно, существует какие-то границы, в которых возможен процесс уплотнения, затем сформированные частицы ступают в отношения с другими частицами и посредством различных связей с другими материальными формами создаются новые более плотные образования (на этом уровне имеет значение прочность связи), наконец, постепенно превращаясь в видимое образование, доступное чувственному восприятию человека. Путь перехода из мира невидимого в мир видимый осуществляется благодаря уплотнению энергии и наращиванию массы. Поиск ответа на вопрос связи вещества и энергии открыл формулу, выводящую эту закономерность: $E{\cdot}={\cdot}m{\cdot}{\cdot}{\cdot}c^2$, автором которой является Альберт Эйнштейн.

Уровень энергии, как мы уже видели, может быть доступен познанию человека-ученого через приборы, но есть люди, которые способны и без приборов чувствовать мир более тонкий. Таких людей назвали экстрасенсами. Экстрасенсы видят вокруг любого материального объекта светящееся облако и могут различать особенности энергетического поля различных существ, в том числе и людей. Благодаря сопоставлению знаний, полученных разными путями, человечеству открылся новый слой реальности – энергетический.

Отличительной особенностью данного уровня является то, что энергия безпрепятственно переходит от одного объекта к другому, как бы перетекает из одного сосуда в другой. В мире осуществляется постоянный обмен энергией. Также как и в мире частиц или вещества, в энергетическом мире существует огромное разнообразие форм энергетических и каждая форма проявления энергии имеет свой характер. Но, если войти внутрь энергии и попробовать понять, а из чего же состоит энергия, то мы выходим на уровень информации. Говоря языком науки, этот слой называется информационным. Информация сама по себе не имеет ни массы ни энергии, приобретает энергетическую составляющую только тогда, когда начинается ее движение, но движение информации осуществляется сознанием. А сознание в свою очередь ученые называют творящей информацией.

Таким образом, мы вошли в новый слой реальности – более тонкий, чем рассмотренные ранее материальный и энергетический и называют его информационным уровнем реальности.

Если в мире материи и энергии существуют понятия расстояния и времени, то для информации таких понятий не существует и передача и получение информации происходит мгновенно в масштабах Вселенной. Например, то, что подумал человек, находясь в Горно-Алтайске сразу же распространяется во всей Вселенной.

Заглянем в словарь русского языка и найдем определение слова «информация». «Информация — сообщение, осведомляющее о положении дел, о состоянии чего-либо; сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком и специальными устройствами и являющиеся объектом хранения, переработки и передачи». А ученые используя этот термин для описания

особого слоя реальности говорят так: «… Содержательно это структурно-смысловое разнообразие мира, метрически – это мера данного разнообразия, реализуемая в проявленном, не проявленном и отображенном виде» (Тихоплав В.Ю., Тихоплав Т.С., 2003).

Опираясь на знания об информации ученые смогли описать и уровень первичного сознания – ту смысловую категорию, которая в религиозно-философских источниках называется Богом или Духом. «Дух возжелал некогда: «Да буду я множествен ради рождения людей». Поэтому он сосредоточил всего Себя в мысли, и силой своего размышления сотворил всю вселенную, поистине все сущее. Сотворив все это, Он вошел в сотворенное, войдя же стал «Этим Сущим» и «Тем возможным». Он стал тем, что определенно и тем, что неопределенно. Он стал этим основанным и тем безосновным; Он стал Знанием, и Он стал Неведением; Он стал Истиной и он стал ложью. Поистине он стал всем истинно сущим, всем, что бы ни существовало здесь. Поэтому говорят о нем Он есть Истина». «Дух, который здесь в человеке, и Дух, который там в Солнце, есть один Дух и нет другого» (Шри Ауробиндо, 1997). Сущность субстанционального единства мира раскрыта здесь при помощи ведических знаний, заботливо сохраняющихся и передающихся из поколения в поколение уже несколько тысяч лет. Аналогичные идеи о единой субстанции, пронизывающей собой все мироздание можно найти и в священных книгах Даосизма, Буддизма, Христианства.

Так, пытаясь рассмотреть устройство каждого уровня реальности мы неизбежно вышли на уровень единства всего сущего и желание понять *единство как целостность* мироздания мы поняли и *единство как общую основу* всего сущего.

Литература

1. Парамаханса Йогананда. Автобиография йога. – М.: ИДЛи, 2001. – 592 с.
2. Тихоплав В.Ю., Тихоплав Т.С. Начало начал. – СПб.: ИД «ВЕСЬ», 2003. – 288 с.
3. Шри Ауробиндо. Упанишады. Кена и другие. – СПб.: «Адити», 1997.

КАРДИНАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ

В. Ю. Тихоплав, Т. С. Тихоплав

Все сущее во все века без счета верст
Невидимый связует мост,
И не сорвать тебе цветка,
не тронув звезд.

Френсис Томпсон

*Реальность **едина**! Она представляет собой неделимую целостность, лежащую в основе всей Вселенной, в основе материи и сознания… Модель целостного Мира информирует нас о том, что мы являемся частью неделимой реальности.*

Девид Бом

Академик Г.И.Шипов утверждает: «Если рассматривать уровни Мира Высшей реальности, то самый стабильный, наиболее устойчивый из них – Абсолютное Ничто или Абсолютное Все – Верховная Сила, порождающая планы *вакуум*ов. Иначе говоря, основа основ реальности. И без каких-либо натяжек Абсолютному Ничто можно придать статус Творца или Создателя, ибо с него все начинается. Под планами я подразумеваю некие отношения, законы, если угодно, матрицы возможного, замысел, по которому будет строиться материальный план… Ничто творит не материю, а планы-замыслы. И после того, как они готовы, начинается рождение материи из вакуума» (Шипов, 1999, цит. по Тихоплав, Тихоплав, 2003, С.121). То есть Ничто творит *информацию*, которая является всеобщей основой Вселенной.

«Благодаря информации появилась Вселенная – возникли галактики, планеты, Земля и жизнь на ней – **постуляция не требует доказательств**» (Юзвишин, 2000, цит. по Тихоплав, Тихоплав, 2003, С.122).

Абсолютно все в Мироздании развивается по определенному плану Творца под руководством Сознания, являющегося высшей формой развития информации.

«Уже в первое мгновение существования Космоса и задолго до того, как атомы химических элементов реально образовались, их свойства и расположение в периодической системе уже были вполне определены. Можно думать, что и ансамбль форм живого задается одновременно. И это происходит задолго до того, как реальный процесс биологической эволюции может где-либо начаться» (Московский, 1995, цит. по Тихоплав, Тихоплав, 2003, С.123).

Если это так, то эволюция Космоса выглядит как единый, хотя и чрезвычайно неравномерный процесс реализации, заполнения вакансий возможных устойчивых форм материи – от самых первых элементарных частиц до *Homo sapiens*. Как пишет доктор технических наук, профессор

В. Н. Волченко: «…оказалось, что эволюция во Вселенной – это не просто естественный отбор в борьбе видов по Дарвину, а, скорее, заполнение Вакансий в программе-матрице развития Универсума как единого целого» (Волченко, 1997, цит. по Тихоплав, Тихоплав, 2003, С.123). И поскольку законы природы одинаковы во всей Вселенной, то можно предположить, что полная номенклатура форм живого едина для всего Космоса.

В 20-х годах прошлого столетия русский ученый Н.И.Вавилов сформулировал закон изменчивости гомологических рядов (от греч. homologos – «соответственный, подобный») – открытие экстракласса, которое можно сравнить с периодической системой элементов. Закон изменчивости гомологических рядов устанавливает параллелизм в изменчивости родственных групп организмов. При этом гомологичные (подобные) органы, возникающие из общих зачатков у организмов различных систематических групп, сходны по основному плану строения и развитию; могут выполнять одинаковые (например, луковица тюльпана и клубень картофеля) или неодинаковые (например, крыло птицы и рука человека) функции. Но этот закон не имеет никаких разумных оснований в рамках теории Дарвина, более того, он свидетельствует о научной бесперспективности дарвинизма. И поскольку авторитет теории Дарвина в то время был непререкаем, но о законе Вавилова поговорили и забыли.

И только позже С. В. Майен и Ю. В. Чайковский, продолжив развитие идеи Н. И. Вавилова, доказали, что формы живого представляют собой не просто коллекцию результатов множества случайных и независимых друг от друга процессов, как это постулируется в теории Дарвина. Напротив, оно (живое) составляет единый ансамбль, построенный по единому плану, своего рода гигантский супертекст. О чем это говорит? Каждый текст состоит из букв и слогов, но не их взаимное расположение порождает текст, а наоборот, смысл текста, его «информационное поле» расставляет все по свои местам.

Но если все живое составляет единый гигантский супертекст, значит должен существовать Некто, написавший этот текст, и должен существовать некий универсальный язык.

«В начале было слово…»

Доктор Ю. В. Цзян Канчжен из Хабаровска опытным путем установил, что ДНК – этот генетический материал – существует в двух формах: пассивной (в виде ДНК) и активной (в виде электромагнитного поля). Первая форма сохраняет генетический код и обеспечивает стабильность организма, а вторая в состоянии его изменить путем воздействия на него биоэлектрических сигналов. Вывод, сделанный доктором Канчженом, был таков: «ДНК – это просто «кассета» с записью информации, а ее материальным носителем являются биоэлектрические сигналы».

Он создал установку, в которой с помощью так называемой «био-СВЧ-связи» информация с одного живого объекта переносилась на другой живой объект. Например, воздействие биополем утки на куриные яйца привело к тому, что у вылупившихся цыплят на лапках появились перепонки и изменились

глаза. Перенося на человека информацию с молодых зеленых проростков различных пищевых растений, доктор существенно улучшал состояние здоровья пациента, в частности, состояние иммунной системы. Воздействуя собственным биополем на своего больного отца, доктор добился улучшения здоровья и омоложения отца» (Цит. по Тихоплав, Тихоплав, 2003, С.125).

Исследовательские работы в этом направлении уже шли в Москве. В группе ученых под руководством академика П.П.Гаряева удалось получить уникальные результаты экспериментальных исследований и выйти на разработку теории волнового генома. Но начнем по порядку.

Началось все с открытия о телепартации фотона. В экспериментальной установке (Дмитрук, 1999, цит. по Тихоплав, Тихоплав, 2003, С.126) луч лазера был раздвоен зеркалом так, что одна его часть, как «огненная спица» пронизывала кювету с раствором женьшеня, а другая просто проходила мимо. Эти две «огненные спицы» вели себя с точностью «до наоборот»: когда одна из них затухала, другая ярко вспыхивала. Почему? Оказывается, на фотоны лазерного луча, пронизывающего кювету с раствором, накладывалась информация женьшеня и фотоны начинали «гибнуть» в массовом количестве (дематериализовываться), и тут же возрождаться во втором луче.

В подтверждение теоремы Белла, которая утверждает, что «…между двумя частицами, когда-либо входившими в контакт, существует некоторый вид не локальной связи», экспериментаторы действительно доказали существование информационной связи между фотонами, «связанными» ранее, куда бы не забросила их судьба, хоть на противоположный конец Вселенной.

Но при этом погибающие фотоны выдавали в радиоэфир информацию о причинах своей гибели, т.е. волновые характеристики растения.

Когда фотоны в огромном количестве погибают в одном луче и тут же возникают в другом – это телепартация первого рода. Но когда гибнущие фотоны, несущие генетическую информацию, возрождаются как радиоволны – это уже телепартация второго рода.

Слабые сигналы в радиоэфире улавливались и усиливались чувствительным радиоприемником, давая возможность исследователям слушать «музыку» женьшеня. А позднее с помощью осциллографа удалось увидеть эту информацию на экране. Оказалось, что каждое вещество, которое освещал лазер, выдавало на радиоприемник и осциллограф свой спектр электромагнитных колебаний. И он был неповторим как отпечатки пальцев.

Усовершенствовав аппаратуру, ученые провели, казалось бы нелепые опыты (Дмитрук, 2001, цит. по Тихоплав, Тихоплав, 2003, С.127). Мертвые семена пшеницы и ячменя, предварительно обработанные радиацией, подверглись воздействию радиоволн, полученных следующим образом. Ученые говорили в микрофон, а прибор, моделирующий волновые шифры хромосом, переводил звуковые вибрации речи в радиоволны, которые направлялись на мертвые семена. И что же? До 30% семян после такого воздействия дали всходы. Однако никакого эффекта не наблюдалось, если в генетический аппарат семян вводились бессмысленные звуки или осмысленный текст, пусть даже правильный, но читаемый равнодушно посторонним человеком.

Последний факт особенно потряс ученых: хочешь получить эффект, читай осмысленный текст «не как пономарь, а с чувством, с толком, с расстановкой»!

«Мы проверили это экспериментально — через наш прибор по определенной программе «говорили» с семенами, поврежденными радиацией, на русском, английском и немецком языках. И всегда наблюдали животворный эффект». Так в чем же дело? Почему именно осмысленность речи независимо от языка оказалась важнейшим моментом для воскрешения семян?

Американский языковед, основоположник теории формальных языков как раздела математической логики, А. Н. Хомский в своей работе показал, что у всех языков — общий корень, а их грамматики универсальны в своей основе, именно поэтому ребенок легко учится любому языку. Суть языка универсальна для всех людей. Так, может быть, и ДНК оперирует чем-то вроде человеческой речи?

Дальнейшая работа над усовершенствованием аппарата в соответствии с теорией, разработанной физиком В. Максименко, позволила получить прибор с уникальными возможностями: свет лазера, проходя через жидкие кристаллы ДНК, «записывал» информацию, хранящуюся в молекулах жизни. А вылетевшие из зеркал прибора фотоны превращались в радиоволны широкого спектра, несущие на себе ДНК-информацию. Дело оставалось «за малым». Нужно было научиться понимать эту информацию, изучить язык ДНК, чтобы потом «разговаривать» с хромосомами.

Радиоволны, рожденные в ДНК, были проанализированы компьютером и выражены в цифрах. Здесь стоит сказать несколько слов о вибрационной структуре чисел. Всем известно, например, что наше восприятие того или иного цвета происходит под воздействием электромагнитных волн определенной частоты. Так, частота колебаний этих волн в фиолетовой части видимого спектра примерно в два раза больше частоты колебаний в красной области. То есть каждому цвету соответствует определенная частота колебаний электромагнитных волн. Оказывается, что каждому числу также соответствует своя вибрационная структура. То же самое можно сказать и о последовательности ряда чисел.

Итак, каждой цифре соответствует своя вибрационная структура, а значит, и каждой вибрационной структуре соответствует свое число. Следовательно, вибрации, создаваемые человеческой речью, можно записать в цифрах, а затем перевести их в радиоволны. Это и было сделано. Затем ученые сравнили волновые характеристики ДНК и человеческой речи. Их совпадение составило 30% (возможно, совпадение могло бы быть и больше, но приборы еще недостаточно совершенны). *Оказывается, в молекулах наследственности заложены характеристики человеческой речи.* Кем? И ученые отвечают на этот вопрос так: «Очевидно, тем, кто сотворил ДНК и человека с помощью Слова, о котором сказано в Библии. Получается: волновые характеристики Творца запечатлены и в молекулах наследственности, и в человеческой речи. И не только в них». Вначале ученые весьма опрометчиво назвали эту незнакомую огромную часть ДНК, которая вроде бы и не нужна, «мусорной частью». Но поскольку Творец никогда и ничего не делает зря, встал вопрос: зачем же Ему понадобился этот «мусор»? Ответ был найден благодаря многочисленным экспериментам в начале 90-х годов. В частности, оплодотворенную

лягушечью икру помещали в металлический футляр, заземленный и экранированный от внешней среды. И, несмотря на благоприятные условия внутри футляра, из икры лягушки вылупились уроды, которые вскоре погибли. А из икры, помещенной в неэкранированный металлический футляр, вылупились нормальные головастики. Вывод мог быть только один. И сделал его академик П. П. Гаряев: «В оплодотворенной половой клетке хранится не вся информация, необходимая для построения организма».

Позднее, работая над явлением, названным волновым геномом, исследователи открыли сложнейшие процессы, происходящие при создании организма. «Да, в хромосомах слившихся половых клеток есть некоторое количество информации. Но она отвечает только за „строительство" белков, но не объясняет, как из них построить организм в пространстве и времени. А эта информация приходит на волнах и запасается генетическим аппаратом в виде голограмм и текстовых структур», — говорит Гаряев. И именно в «мусорной части» ДНК располагаются генетические программы, реализующие нас как *Homo sapiens* .

«Некодирующие регионы ДНК — это не просто junk (мусор), а структуры, предназначенные для каких-то целей с неясным пока назначением... Некодирующие последовательности ДНК (а это 95—99% генома) являются стратегическим информационным содержанием хромосом... Эволюция биосистем создала генетические „тексты" и геном — биокомпьютер как квазиразумный „субъект", на своем уровне, читающий и понимающий эти тексты».

Да! ДНК оказалась «сундучком без дна», откуда ученые достают одно открытие за другим. А сколько их еще там?

Когда в 1962 году Уотсон, Крик и Уилкинс получили Нобелевскую премию за открытие двойной спирали ДНК, несущей наследственную информацию, биологи вздохнули с облегчением: стало ясно, как передаются наследственные признаки от поколения к поколению. Вся информация записана в генах, совокупность которых в клеточных хромосомах определяет программу развития организма, все его особенности, его поведение и даже продолжительность жизни. Оставалось лишь удивляться, как такое огромное количество информации помещается в таком крошечном кусочке хромосом, который и под микроскопом-то еле разглядишь. Однако когда ученые поглубже заглянули внутрь молекулы ДНК, то увидели, что эта молекула состоит не только из генов, отвечающих за форму лица, уха, цвет глаз и т. д., но большей частью из закодированных текстов. Опять тексты! Причем, эти тексты занимают 95—99% от содержания хромосом! И только 1—5% занято пресловутыми генами. Кстати, основная часть информации, содержащейся в хромосомах, до сих пор остается неизвестной. Можно сказать, что геном, принимая волновую информацию, сам себя читает и выдает информацию дальше в виде некоего подобия человеческой речи и голографических образов, с помощью которых клетки «видят» друг друга и «общаются», передавая необходимые для их жизни сведения.

Сегодня специалисты из Института квантовой генетики пытаются расшифровать загадочный текст в молекулах ДНК. Их открытия все больше убеждают, что сначала было Слово. По мнению ученых, ДНК — это такой же

текст, как текст книги, но его можно читать с любой буквы, потому что там нет перерыва между словами. Читая этот текст с каждой последующей буквы, получают все новые и новые тексты. Причем текст можно читать и в обратную сторону, если ряд плоский. А если цепочка текста развернута в трехмерном пространстве, как в кубике, то текст читается во всех направлениях. Этот текст нестационарен, он постоянно движется, меняется, потому что наши хромосомы дышат, колеблются, порождая огромное количество текстов.

Работа с лингвистами и математиками МГУ показала, что структура человеческой речи, книжного текста и структура последовательности ДНК математически близки, т. е. это действительно тексты на пока неизвестных нам языках. Клетки действительно разговаривают между собой, как мы с вами — генетический аппарат обладает бесконечным множеством языков. П. П. Гаряев делает вывод: «Человек есть самочитаемая текстовая структура... Программа, которая записана на ДНК, не могла возникнуть в результате дарвинской эволюции – чтобы записать такое огромное количество информации, требуется время, которое во много раз превышает время существования Вселенной».

А известный микробиолог Майкл Дентон утверждает: «С 1859 года ни одна из двух основополагающих аксиом дарвиновской теории макроэволюции... не подтверждена ни одним наблюдением или достижениями науки». И как стало известно, Ч. Дарвин на склоне лет, рассмотрев строение элементов живого организма, заявил, что его прошибает холодный пот: такие организмы не могут образоваться сами собой, у них должен быть Высший Творец.

По этому же поводу Чарльз Тэкстон пишет: «Располагаем ли мы данными, свидетельствующими о том, что жизнь своим происхождением обязана разуму? Да! Такое свидетельство — это аналогия между последовательностью нуклеотидов в цепи ДНК и последовательностью букв в книге... Существует структурная идентичность между кодом ДНК и письменностью». Аналогия между человеческими языками (которые все без исключения являются продуктами интеллекта) и ДНК может служить основанием для вывода, что ДНК также является результатом деятельности разума.

Итак, ДНК — результат действия Великого Творца! Но ведь с помощью Слова Творец создал не только человека, но и животных, и растения, да и всю неодушевленную материю. Означает ли это, что в волновых характеристиках молекул наследственности человека, животного или растения единая основа? Представляете, какую грандиозную проблему поставили перед собой исследователи, взявшись за решение этого вопроса? И решили!

Весной 2000 года в Высшем агробиологическом колледже, возникшем на базе Института биофизики, ученые прорастили клубни картофеля, которым была передана информация с куриных ДНК. Да, да, да! Именно так! Как говорится, «скрестили курицу с картошкой».

Первый же «урожай» дал потрясающие результаты. Прежде всего, кусты картофеля стелились по земле, как огурцы. Их толстый корень, шедший вертикально вниз на глубину до 70 см, очень напоминал куриный яйцевод: на нем попарно висели мохнатые клубни картофеля. Когда эти клубни посадили еще раз, то они росли значительно быстрее контрольных, необлученных, клубней.

Ну просто как бройлеры! Цыплячий пушок на клубнях да длиннущий корень, напоминающий куриный яйцевод, — вот пока проявление волнового куриного предка в новом потомстве. Работа продолжается и сегодня. И кто знает, не запищат ли когда-нибудь на картофельных стеблях цыплята?

Но уже ясно, *волновые геномы животного и растительного миров управляются одним и тем же универсальным механизмом — Речью*, фрагменты которой научились моделировать исследователи. В результате многолетних напряженных исследований *группа* П. П. Гаряева получила убедительные доказательства того, что развитие языков и человеческой речи подчиняется тем же законам, что и генетика! Тексты ДНК, письменность людей, устная речь выполняют одинаковые управленческие, регуляторные функции, но у них разные масштабы и сферы применения. Тексты ДНК генетически функционируют на клеточно-тканевом уровне, а человеческая речь используется при общении.

Однако ученые на этом не успокоились.

Их интересовал также и неодушевленный мир. Они пропустили лазерные лучи через кристаллы турмалина, записали характеристики радиоволн, рожденных этим светом, и сравнили их с характеристиками ДНК человека, животных, растений, а также с волновыми характеристиками человеческой речи. Совпадения составили 30%. «Мы пришли к выводу, что Божественная волновая речь универсальна — Творец присутствует везде. Это отражается в характеристиках всех без исключения веществ, включая вещество наследственности — ДНК».

Итак, генетическая общность людей, животных, растений, простейших состоит в том, что все живое создано Творцом по единой программе, но в различных вариантах. На уровне белков эти варианты практически не отличаются или слабо отличаются у всех организмов и кодируются генами, составляющими всего полтора процента общей длины хромосом. Но они отличаются на уровне «мусорной части» хромосом, составляющей почти всю их длину.

Литературный источник

Тихоплав В.Ю., Тихоплав Т.С. Кардинальный поворот. – СПб.: ИД «ВЕСЬ», 2003. – 288 с.

ЗАКОН ЕДИНСТВА ВСЕГО СУЩЕГО
(отрывок)

Л. В. Стрельцова

Наиболее общим и всевмещающим среди Космических законов есть закон Единства Всего Сущего. «Великое Единство в Космосе главенствует, как мощный закон. Только примкнувшие к этому закону могут, истинно, принадлежать к космическому сотрудничеству. Единство сущности во всем — направляет человечество к творчеству... Непреложен закон Единства во всем своем разнообразии».

Едина и беспредельна Вселенная, все бесчисленные миры которой построены из разновидностей Единой Материи. Самое утонченное состояние ее — Единый Элемент является источником формообразования во всех проявленных мирах Вселенной.

Объединенное Сотрудничество Вселенной осуществляется Единой Силой — психической энергией. Ее бесчисленные трансформации проявляются в каждом из трёх Миров, где развивается человек, в определенных действиях и движении от самого малого до великого — от распускающегося бутона цветка до движения небесных светил. «Существует сила такая же беспредельная, как мысль, такая же всепроницающая, как субстанция жизни, и так же невообразимо ужасная в своей разрушительной силе, что если бы она была употреблена как рычаг, она могла бы потрясти мир до самого центра, но эта сила не Бог, раз существуют люди, которые изучили тайну подчинения этой силы своей воле, когда это необходимо».

Люди, подчинившие своей воле величайшую Силу Космоса, лучшие представители наиболее развитых планет, и есть Единый Разум. Он управляет Вселенной при помощи Законов, по которым действие силы низшего порядка направляется и подчиняется действию силы высшего порядка. В этом сущность закона Иерархии. «Вездесущ Разум Космоса. Во всем пространстве проявлен закон руки его. Неисчислимы все воздействия и новые комбинации его. От химизма до функции явления жизни он управляет началом всего Бытия».

Во Вселенной все построено по Единому Космическому Плану — от Солнечных систем до атома, где электроны вращаются вокруг ядра, как планеты вокруг солнца.

Великий Закон Единства — Венец Космоса дает возможность беспредельного развития всем формам жизни — от минерала до богочеловека, возможность червю стать Архангелом. «В вечном творчестве жизни действует закон Единства. Космическое творчество устремлено, как огненный явленный указ. Указ, предназначающий объединение. Указ, предопределяющий назначение. Указ, предназначающий замену одного другим. Указ, предназначающий завершение. Указ, предназначающий бессмертие. Указ, предназначающий жизнь каждому атому. Указ, предназначающий наступление новой энергии. Указ, предназначающий Новую Эру. Творчество космическое так совершается магнитом жизни. Как же разъединить творение Космоса?.. Только Разум Космоса может дать человечеству Образ Единства».

Как же Единый Разум из Единой Материи создает то бесконечное множество форм жизни, которые поражают нас? Это достигается разностью вибраций или колебаний, присущих в разной степени различным видам материи. Так более тонкие материи производят большее число вибраций, а чем грубее материя, тем менее ощутимо в ней биение пульса Единой Жизни.

Сущность эволюции заключается в развитии способности различных форм жизни повышать свои вибрации, то есть совершенствовать сознание. Таким образом все формы жизни Вселенной, направляемые законом Единства, стремятся к развитию сознания. Человек Земли на этом беспредельном пути еще не венец творения, но «часть лучшего устремления Космоса». «Центры

Космоса равны центрам человека. Человек несет в себе все проявления Космоса». Он есть малая Вселенная — Микрокосмос. Потому ключ к познанию великой Вселенной он носит в себе. «Познай самого себя», — говорил Сократ; «Знающий других — умен, знающий себя — мудр», — говорил Лао-Цзы; «Царствие Божие внутри нас», говорил Христос. Все величайшие тайны Космоса заключены в человеке. Изучение человека даст науке будущего множество откровений о Вселенной.

Умаление человека некоторыми христианскими теологами, утверждающими, что человек ничтожество, червь, пылинка, есть следствие невежества. Они не человека умаляют, а Творца, сотворившего ничтожество. «Умаление есть инволюция, тогда как возвышение есть эволюция. Мы служим эволюции... Два типа людей особенно разнятся – один даже из малого намека сделает великое, другой даже из прекрасного видения сотворит отталкивающий облик. Каждый судит по сознанию. Один велик сердцем, другой имеет сердце, как сухой сморчок».

Каждая планета Вселенной развивается в рамках Единого закона по Космическому плану. Руководство от Единого Разума для каждой планеты осуществляется на всех этапах ее развития.

Литературный источник

Стрельцова Л.В. Путь к здоровью Души и Тела. – К.: "УкраЇнознавство", 1997. – 200 с.

ФИЛОСОФИЯ «ВСЕЕДИНСТВА» ВЛ. СОЛОВЬЕВА. УЧЕНИЕ О СОФИИ

Величайшим русским мыслителем был и остается Вл. Соловьев (1853-1900). Центральная идея его творчества – идея Богочеловечества. Она объединяет в целостную систему, систему всеединства его представления о человеке, обществе и, конечно же, Боге.

Вл. Соловьев считает, что общественный строй может иметь своим основанием или Бога (веру в Бога) или человека (веру в человека). Основание это, по определению, должно быть безусловным, иначе оно не было бы последним и значит действительным основанием. Ну что касается Бога, то это самоочевидно. Как первоначало он – сама безусловность. А вот человек – есть ли в нем эта безусловность? Соловьев предлагает различать отрицательную и положительную безусловность. Отрицательной безусловностью человеческая личность, конечно же, обладает. Выражается это в ее "способности переступать за всякое конечное, ограниченное содержание, в способности не останавливаться на нем, не удовлетворяться им, а требовать большего". Перед нами, по сути, безграничность и, в этом смысле, безусловность человеческого прогресса, свободного от всякого внутреннего предела и внешних неодолимых барьеров.

Что до положительной безусловности, то, поскольку она требует обладания "всецелою действительностью, полнотою жизни", человеческой личности ее никогда не достичь. "Всецелою полнотою бытия", по глубокому убеждению Соловьева, обладает только Бог. Без положительной же безусловности и безусловность отрицательная не имеет никакого значения. Она страдает неустранимым противоречием между бесконечным стремлением и невозможностью его удовлетворения. Иначе говоря, человек, с одной стороны, наделен как бы божественными правами, а с другой – у него нет божественных сил для их реализации. Отсюда Соловьев делает вывод, что истинным основанием общественной жизни может быть только Бог. Этот вывод, однако, автор не оставляет без дальнейших определений, он его существенно уточняет.

К Богу, как основанию, надо восходить, притом в двояком смысле: подниматься вверх, в небесную высь и возвращаться к началу, действительному источнику. Человек – существо, которому это под силу, ибо он, по мнению Соловьева, есть "связующее звено между божественным и природным миром". Данное определение человека, впрочем, может звучать и так: "Человек есть вместе и божество и ничтожество".

Восхождение к Богу, который есть величайшая полнота и цельность бытия есть устремленность человека и мира, который он представляет, к абсолютной органичности, к всеединству. Само по себе всеединство – сложный и многоступенчатый процесс. Это преодоление множественности, конечности и разобщенности, хаоса всего сущего. "Мир, – пишет Вл. Соловьев, – отпал от Божества и распался сам в себе на множество враждующих элементов; длинным рядом свободных актов все это восставшее множество должно примириться с собою и с Богом, и возвратиться в форме абсолютного организма".

Мир есть всеединство в состоянии становления. Соловьев различает пять ступеней этого становления: "царство минеральное (общенеорганическое), царство растительное, царство животное, царство человеческое и Царство Божие". Это ступени возрастания реальности или повышение бытия с точки зрения нравственного смысла. Первая ступень осваивается в терминах бытия, вторая – жизни, третья – сознательности (ощущений и свободных движений), четвертая – разумности, наконец, пятая – совершенства. Человек является "проводником всеединящего божественного начала в стихийную множественность, – устроителем и организатором вселенной". Каждое предшествующее царство служит материалом для последующего, более совершенного царства. Здесь ничто не отбрасывается и не исчезает, а переходит или объединяется с более совершенной деятельностью. Единение человека с Богом завершает и, тем самым, сосредотачивает в себе всю полноту предшествующего эволюционного процесса, имеющего своей целью утверждение царства Божия или безусловного нравственного порядка в мире.

Сказанное может подтолкнуть нас к заключению, что Соловьев придерживается естественнонаучной теории эволюции. Но это не так. Теория эволюции у него сверхнатуралистическая. Она имеет идеальное основание в

виде божественного творения, понимание интеграции как одухотворения и мирового единства как блага, добра.

Мировая история видится Соловьеву процессом постепенного одухотворения "человека через внутреннее усвоение и развитие божественного начала". Мысль эта выражается и по-другому: история человечества направляется к духовному человеку, т.е. человеку, в котором рациональное и материальное (чувственное) начала будут добровольно и свободно подчинены высшему божественному началу. Первыми субъектами и двигателями этого процесса были три великих народа древности: индусы, греки и иудеи. Индийскому духу божественное начало открылось как нирвана, грекам – как идея, идеальный космос, для иудеев же оно предстало как личность, как живой субъект, как "Я".

Свободное согласование божественного и человеческого начал представляет собой, по Соловьеву, "истинное богочеловеческое общество". Под божественным началом здесь мыслится Христова истина во всей ее чистоте и силе, а под началом человеческим – достаточно активный, свободно действующий человек, развитая человеческая самодеятельность. Историческая рассогласованность этих двух начал привела к распадению христианского мира (прежде всего в его рамках Соловьев и ищет богочеловеческое всеединство) на две половины: Восток и Запад. Восток всеми силами своего духа привязан к божественному началу. Вся энергия Запада, наоборот, уходит на развитие человеческого начала, на утверждение прав и свобод человека. Соловьев считает, что оба эти направления исторического развития необходимы друг другу. Без безусловного начала христианской истины "все западное развитие лишено было бы всякого положительного смысла, и новая история оканчивалась бы распадением и хаосом". С другой стороны, если бы история ограничилась одним восточным христианством, то "истина Христова (богочеловечество) так и осталась бы несовершенною за отсутствием самодеятельного человеческого начала, необходимого для ее свершения". Совершенство не свершилось бы. Примирение Востока с Западом Соловьев видел также как преодоление крайностей, с одной стороны, "бесчеловечного Бога", а с другой – "безбожного человека".

Свободное подчинение человеческого божественному может быть, по Соловьеву, только коллективным и универсальным, т.е. всечеловеческим процессом. Речь идет, по-другому, о всемирной или универсальной коммуникации людей, об абсолютном или совершенном единстве и солидарности человечества. Первичной реальностью для Соловьева является "собирательное целое" человечества, а не отдельное лицо. Хотя в целом он полагал, что "общество есть дополненная и расширенная личность, а личность – снятое или сосредоточенное общество". Всеобщая солидарность, согласно Соловьеву, есть истинное общественное благо, она "ощущается как любовь и осуществляется как справедливость". Через нее в мире утверждается совершенный нравственный порядок.

Идеал Вл. Соловьева "свободная теократия", т.е. общество, в котором нравственная власть принадлежит церкви и ее первосвященнику, а сила –

государству и царю. Свободной эта теократия (власть духовенства, церкви) называется потому, что строится она на добровольном подчинении государственной власти церкви, человека – Богу и шире: члена – единству, части – целому. Теократия, по мысли русского философа, обеспечивает не только личную святость, но и общественную справедливость. Государство в теократическом обществе "отвечает" за право, которое "есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или только порядка, который не допускает известных крайних проявлений зла". Идеал же максимального, или совершенного, добра открывает в таком обществе христианство, требующее преобразования "всей нашей личной и общественной среды в духе Христовом". Государство и право представляют "минимум нравственности", церковь и проповедуемая ею любовь к Богу и ближнему своему – саму ее полноту. При теократическом правлении личность подчинена обществу лишь в той степени, в какой само общество подчинено нравственному добру.

Завершая разбор историософских построений В. Соловьева, можно сказать, что они представляют собой попытку создать цельное мировоззрение в виде органического синтеза науки, философии и религии. Благодаря Соловьеву этот синтез стал определяющим мотивом всей русской религиозной и философской мысли.

Интернет-источник
http://www.ckct.org.ru/study/phil/phil33.shtml

ВОКРУГ ТРЕПЕЩЕТ ПУЛЬС ВСЕЛЕННОЙ: А.Л.ЧИЖЕВСКИЙ (конспект)

К. А. Томилин

…

Возвратясь в Калугу, Чижевский возобновляет эксперименты по изучению влияния аэроионов на животных. Но главным для него в 1920-21 гг. становится осмысление и теоретико-физическое обоснование единства природы. Этому посвящена работа А. Л. Чижевского "Основное начало мироздания. Principium Universale Circulationis" [10], написанная в 1920-21 гг. Вот как он формулирует волнующие его вопросы: "Перед нами высится ряд вопросов величайшей важности: удастся ли нам когда-нибудь познать природу как она есть, а не какой нам кажется; хаос или гармония управляют всем происходящим; однородно или многоразлично вещество, создающее видимый мир и что оно представляет из себя; смертна или бессмертна органическая жизнь; случайна или вездесуща она; смертен или бессмертен мир; конечно или бесконечно пространство". Работа состоит из введения, четырех глав – "Трагедия физического закона", "Гармония во времени. Ритм как явление космического порядка", "Гармония в пространстве. Мир органический", "Гармония в пространстве. Мир неорганический" и заключения. Чижевский

отмечает, что "данное исследование отнюдь не дает исчерпывающего решения поставленных проблем, а лишь намечает некоторые принципы, объединенные одною общею идеей". Главное внимание направлено на "разработку общего фона той стройной "картины мира", которая должна будет некогда развернуться перед взорами человечества" [10, с.11].

Единство природы Чижевский видит в едином природном субстрате – электронном, и в едином правящем миром принципе, который должен обобщить многочисленные частные законы.

Единство мироздания должно основываться на едином природном субстрате, единой "стихии" — таково воззрение древнегреческих философов ионийской школы. У Фалеса таким субстратом выступает вода, у Анаксимена — воздух, у Гераклита — огонь, у Анаксимандра — гипотетический апейрон. Чижевский видит субстрат-первооснову в открытой в конце XIX в. структурной субатомной единице вещества — электроне. "Материальный мир есть арена последовательных, а потому и закономерных комбинаций единого субстрата — электрона!" — пишет Чижевский. "Если мы всмотримся в окружающий нас мир животных и растений, какое безграничное разнообразие увидим мы. Но во всем этом внешнем разнообразии мы находим единую для всех организмов основу – живую клетку и всеобщность коллоидного состояния. Последнее мало того, что учит нас великому единству природы, оно учит нас верить в вечное ее существование, целесообразность и гармонию. <...> Мы имеем единство живого вещества. <...> Нисходя в глубину всего живого, и далее — в глубину материи, мы познаем единое начало, единую основу всего сущего — единство материи — электрон" [10, с.102].

Как известно, открытый в конце XIX века электрон долгое время, вплоть до начала 30-х гг. был единственной известной элементарной частицей. Казалось, что первичный кирпичик в фундаменте мира найден. На основе электромагнетизма синтезируется ряд различных областей физики. В начале XX века происходит абсолютизация этой тенденции, глобальный синтез всей физики на основе электромагнетизма представляется реальным. Механистическая картина мира уступает место электромагнитной. Таково было научное миропонимание у многих ученых в первой четверти XX века, таково оно было и у А. Л. Чижевского. "Электронная теория объединяет все электрические, магнитные, оптические и химические явления в одну стройную механику электронов и объясняет самые запутанные вопросы, разгадать которые стремилось человечество с давних времен. Химия теряет свою отграничивающую самостоятельность, вливается в единое учение об электронах. Такие темные стороны химии, как ее основные законы, явления сродства, сцепления, валентности и др. уже начинают получать новое обоснование: все они являются последствиями взаимодействия электронных систем, т.е. все силы, которые приписывались особому свойству материи, суть не что иное, как силы электрические или электромагнитные, что заставляет в основу всех естественных наук положить начала учения об электромагнетизме". "Все химические, а также физические явления ныне объясняются исключительно свойствами электронов: свет, теплота, различные

состояния материи: газообразное, жидкое, твердое, даже электричество и магнетизм — все они суть проявления одной и той же космической энергии — электромагнетизма и его элементарной частички — электрона. И движущиеся вокруг светила планеты, и свет, поглощаемый зелеными растениями, и бурная реакция химических реактивов, и все до единого явления — все это продукты работы этого маленького электрона". "Нет сомнения, что и молекулярные силы и силы всемирного тяготения одного единственного электромагнитного происхождения, — одного единственного, так как и сама материя организованная или неорганизованная есть проявление этих и только этих единых, всеобщих, космических электромагнитных сил" [7, с.174].

Будущие пути научного познания не были ведомы и не могли быть ведомы в начале 20-х гг. Несмотря на усилия таких ученых, как А. Эйнштейн, Г. Вейль и др., синтез электромагнетизма и гравитации не был достигнут; более того были открыты новые элементарные частицы и новые взаимодействия. Лишь с 70-х гг. тенденция синтеза в физическом описании природы вновь возобладала. Электрон, тем не менее, удержался как одна из первооснов материи — наряду с двумя другими лептонами, соответствующими им нейтрино и кварками. Воззрения Чижевского на единый природный субстрат, во многом провидческие, но и во многом ограниченные рамками физического знания того времени, — между тем помогли ему достичь успехов в исследовании биофизических, биохимических и других процессов, в которых существенную роль играют электромагнитные явления.

Единство мироздания должно основываться, как считает Чижевский, не только на едином природном субстрате, но и на едином мировом принципе. "Наука идет двойственным путем,— пишет мыслитель,— с одной стороны, она проникла в заповедные глуби материи и разложила ее на одну-единственную реальность – электрон; с другой стороны, она создала массу новых законов, которыми якобы управляется Космос. Разве тут мы не видим явно противоречивых достижений? Как совместить чрезвычайную простоту и единство создающей материальный мир первоосновы с запутанностью и множеством порожденных от этой простоты законов! И волей-неволей в уме назревает мысль о том, нельзя ли слить воедино все известные нам физические законы и, несмотря на их разнородное происхождение, создать из них один-единственный мировой закон, которому и только которому были бы подчинены и капля росы, отражающая солнце во всем его великолепии, и само Солнце!" "Простота и закономерность суть истинные божества природы! — продолжает Чижевский.— И человечество все более и более убеждается, что миры природы находятся в такой взаимной гармонии, что мы непосредственно черпаем из них представления об абсолютных вневременных и внепространственных законах. Еще в глубокой древности, одновременно с возникновением представления единого мирового субстрата у ионийских мыслителей, независимо от них в нижнеитальянских колониях греков выступают мыслители, проникнутые идеею мирового единства в смысле единого правящего миром принципа, единой закономерности, царствующей в вещах и проявляющейся в правильности их движений и распределения в пространстве. Механика природы должна

покоиться на едином, всеобъемлющем принципе. Появление в науке мелкой и простой индивидуальности, на которую разлагается весь видимый материальный мир, — электрона, — предвещает близость нового грандиозного синтеза, о котором только могла думать наука. Мы верим в силу человеческого разума. Ему в грядущем предстоит совершить еще ряд великих дел! Единый физический закон — эта формула мира, которая будет некогда им постигнута, в наши дни проявляется в виде постижения тех простейших первичных начал, из которых строится великое здание Космоса" [10, с.105].

Таким принципом Чижевский считает принцип всеобщего кругообращения — principium universale circulationis, которому подчинено все сущее. Таким образом пифагорейскую идею кругооборота Чижевский возвышает до уровня всеобщего мирового принципа. "Наблюдения, сделанные нами на земле, вечная мысль о своей собственной смерти — переносят и на весь Космос наши малодушные чувствования! Но широкий взгляд философа, по данным точных наук с величайшей убедительностью разуверяет нас в этом! Время, как некая самостоятельная сущность мало-помалу начинает утрачивать свое значение, становясь в прямую зависимость от пространства, вернее от движения в пространстве, создавая пространственное понимание времени. Начинает оправдываться прозрение Апокалипсиса (Апокал., X, 6) о том, что времени "уже не будет". Вечный Круговорот вещей, Вечное Вневременное Возвращение – великая идея Палингенезиса некогда станут объективным достоянием Науки. А пока человечество еще будет спорить, доказывая, или энтропию всего мира или неповторяемость событий или еще что-нибудь новое. Но уже и теперь самые крупные умы склонны к признанию вечного кругооборота материи или вещества и вечного повторения общих стадий эволюции. Конечно, это не должно значить, что я со всеми присущими мне индивидуальными свойствами или стол, за котором я сижу в данный момент, должны будут повторяться в точных копиях через колоссальные промежутки времени, как повторялись и прежде, – нет, идею Палингенезиса следует понимать шире! И хотя все возможные комбинации атомов или клеток и повторялись неоднократно за бесконечное течение вещей, называемое временем, – индивидуальность не повторяется. В этом и заключается величие природы, что ей не приходится повторяться!" Чижевский далее указывает на возможную передачу "наследственной" информации между отдельными циклами кругооборота: "Очевидно, что вселенная или ее отдельные части — звездные миры — подвержены тому же космическому принципу, который мы наблюдаем в царстве органической и неорганической материи. Человек, животное и растение рождаются, живут и умирают; металлы, минералы и прочие неорганические вещества созидаются, живут и разрушаются или диссоциируют. То же самое совершается и со звездными системами: они созидаются, живут и погибают, чтобы вновь, переходя из газообразного состояния в твердое, создать новую систему или новый мир. И они, следовательно, подвержены тем же основным фазам, характеризующим всякое проявление материи. Каждая индивидуальность, будь то микроорганизм или планета, должна погибнуть, чтобы уступить место новой, и эта последняя опять

повторяет весь цикл развития предыдущей, чтобы впоследствии дать место новой и т.д. до бесконечности. Но бессмертие материи (не все ли равно возвращается она в эфир или нет, а если и возвращается она вновь из него и возникает), а также бессмертие протоплазмы неминуемо вносит в последующие циклы развития вселенной некоторые свои наследственные особенности. И, возможно, что именно это наследство – и есть та космическая эволюция, которая смутно угадывается нами. Однако вопрос этот настолько гипотетичен, что лучше на нем не останавливаться. Нам важно лишь установить факт той общности всех явлений в природе, каковая и приведет нас в конце концов к признанию вечного круговорота вещей — этого бессмертия Космоса, как Великого Целого" [10, с.101].

Одну из глав Чижевский посвящает природным ритмам "от микрокосмоса до макрокосмоса". Он дает определение времени как внутреннего чувства, измеряемого в нашем сознании количеством образов; характеризует ритм как гармонию во времени. Далее Чижевский описывает влияние природных ритмов на органическую жизнь, приводит примеры различных ритмов.

В главах "Гармония в пространстве" Чижевский рассматривает материальные тела; характеризует симметрию как гармонию в пространстве. Чижевский указывает на сходные черты растительного и животного мира – клетки, деление ядра, половой процесс. Подчеркивает, что различия между этими мирами – движение, чувствительность, питание, дыхание – условны. Возможно у них существовал общий предок, полагает Чижевский. Единство органического мира – во взаимодополнительности его частей: "Вся фауна и флора любого участка земной поверхности составляет одно биологическое целое". Затем Чижевский приводит различные примеры симметрии в растительном и животном мире.

"Идея неоплатоников о едином мировом субстрате и идея пифагорейцев о едином правящем миром принципе, постепенно отрываются из недр времени и подготавливаются к более интенсивной жизни в грядущем,— пишет Чижевский.— И если мы попытаемся всю непосредственно воспринимаемую природу разложить на ее составные элементы, то с полной убедительностью, не допускающей сомнения, мы замечаем в ней два самых общих взаимноприсущих друг другу свойства: во-первых, материю, а во-вторых, движение. <...> На всем протяжении существования материи – от самых сложных ее агрегатов, до самых простейших элементарных ее единиц – всегда присутствуют общие черты <...> Они суть – симметрия в пространстве, которая характеризует в той или иной степени всякую материальную единицу, и ритм, т.е. симметрия во времени, который так или иначе характеризует всякое движение" [10, с.24].

Но если природа основана на едином субстрате, если в мире властвует один принцип, проявляющийся в ритмах и симметриях, то почему мы наблюдаем бесконечное разнообразие материальных тел? Разбору формообразования материальных тел, основываясь на идее единого субстрата,

Чижевский посвящает новый фундаментальный научный труд — “Морфогенезис и эволюция с точки зрения теории электронов”.

…

Во введении "Многообразие единства форм" Чижевский говорит о многообразии форм материи, проявляющемся даже в том, что тела, имеющие кажущееся внешнее сходство, например, песчинки или близнецы, при детальном исследовании оказываются все-таки различными и по внешней форме и по внутреннему строению. "Нет двух тел абсолютно тождественных или равных друг другу", — пишет он. Однако существует и определенная внешняя аналогичность форм, позволяющая выделять различные системы, виды, классы и т.д. "Наше познание природы сводится к нахождению в бесконечном количестве разнообразных тел общих или подобных черт сходства. Научная работа заключается в отыскании в различных предметах подобного и только отсюда выводят как общие понятия, так и общие законы". Изучение разнообразных форм материальных тел и их классификация – путь к пониманию эволюции материи: "Классифицируя предметы внешнего мира, естествоиспытатель тем самым создает законы, наглядно показывающие тот путь, по которому эволюционирует природа".

Обычна классификация материи на классы органической и неорганической материи, различия между которыми очевидны. Чижевский классифицирует материальные тела в два иных класса – тела естественные: минералы, растения, животные и тела искусственные: механические смеси, геологические образования, предметы творчества мира живых существ.

Естественные тела (как их называет Чижевский — "три царства природы — мир минералов, растений и животных") "возникают естественным путем, получают свою форму непосредственно от природы". Они обладают своей вполне определенной формой, которую при их "рождении" можно предсказать. "Подобно тому, как чистое NaCl может кристаллизоваться только в правильной или кубической системе, homo sapiens — может принять только ему свойственную форму".

Тела искусственные (дом, соты, гнездо, горы...) образуются в результате некоего творческого акта тел естественных — "живых существ или механических сил природы". Их форма многоразлична и определяется этим творческим актом, ее нельзя предсказать заранее. Таким образом, творческим началом Чижевский наделяет и неодушевленную природу. Формы искусственные мы можем менять, сообразуясь с нашими желаниями: "увеличить или уменьшить, воздвигнуть или срыть". "Этого нельзя сказать о формах индивидуальных. Нам не дано произвольно менять форму листьев дуба или наделить человека шестым пальцем, если такового не дано ему от природы. И если мы и можем увеличивать или уменьшать рост растений или кристалла, то, однако, мы бессильны кристалл, кристаллизующийся в определенной системе вырастить в какой-либо иной. Следовательно, система, присущая тому или иному кристаллическому телу, так же свойственна ему как человеку свойственны два глаза и один нос".

Рассматривая "круговорот жизни", Чижевский вслед за Геккелем указывает, что зародыши в своем развитии как бы повторяют внешне основные этапы эволюции живой материи. Это основной биогенетический закон — онтогенез повторяет филогенез: "Каждый организм при своем развитии — онтогенезисе повторяет те ступени, которые проходили предки данного животного во время их эволюции — филогенезисе". После рождения индивида начинается вторая фаза. "В первые годы детства человек проходит то развитие, каковое в отдаленные времена проходило все человечество и только мало-помалу, приобщаясь к культуре и знанию, добытыми совокупно всем человечеством на протяжении многих тысячелетий, человек может стать человеком нашей эпохи со всем многосложным интеллектуальным и духовным развитием, который характеризует человека, как тип высшей расы, так и высшей породы, генеалогическое древо которого насчитывает ряд уже культурных и умственно-развитых предков". <...> Следовательно развитие есть сложное сочетание явлений, обусловленных проявлением особенностей предков (палингенезисом), а также и явлений вторичных, вызванных приспособлением личиночных, а равно и зародышевых форм к условиям существования и сокращением времени развития" [11, с.161].

Однако соответствие форм эмбрионов высших существ и более примитивных организмов, стоящих ниже на эволюционной лестнице, не является абсолютным, существенные различия есть на каждой стадии развития эмбриона. Чижевский подчеркивает, что внешняя аналогичность форм свидетельствует как раз о том, что информация о конечной цели развития эмбриона уже заложена в первичной клетке. "Видимое сходство исходных форм доказывает, что различие при дальнейшем развитии зависит исключительно от стереохимического различия в самих исходных формах. Таким образом пространственное и притом симметрическое расположение молекул, атомов — электронных систем и других комбинаций электромагнитного характера уже заранее определяет то, а не иное развитие, ту, а не иную внешнюю форму, а тем самым и вид животного".

Анализируя морфогенезис кристаллических и органических тел, Чижевский приходит к необходимости расширения понятия жизни на неорганические естественные тела: "Кристаллический и животный индивид сходны во всех тех отношениях, которые определяют самое слово жизнь. Помимо того, что для возникновения их требуется определенная чисто химическая реакция, но и рост их, и ассимиляция вещества и прочие жизненные признаки являются тождественными". "Это органическое строительство, как мы видели, имеет настолько важные сходства с строительством неорганического мира, что невольно рождается вопрос о преемственности между вторым и первым мирами. Главною основою этой преемственности должна служить единая электронная основа этих двух миров" [11, с.162].

"Мы видим,— заключает Чижевский,— что основным фактором многообразия всех мировых явлений, начиная от явления формы и кончая явлением мысли следует несомненно признать физико-химические свойства

единого материала, созидающего мир, – материи, состоящей из агрегатов электронных систем" [11, с.175].

В заключении своего исследования Чижевский пишет о значении мировоззрения – монизма, которого он придерживался. По его убеждению, "вскоре должны будут отпасть все метафизические школы и ненаучный дуализм должен будет уступить место научному монизму".

…
Магия незримых переходов
Мглы туманной над землей весенней,
Огненное золото заходов,
Музыка тончайших светотеней...

Тьма, нависшая над страной, проникает и в его стихи. Если в ранних стихах он поет гимн Солнцу, дающему свет и жизнь, пишет о "бегстве тьмы", то в годы заключения рождаются "Стихия тьмы" и "Нашествие ночи". Все чаще и чаще свет уступает тьме – вокруг "сгущается мрак глубокий", "все гуще чернота, все непроглядней мрак и мира зримого быстрей уничтоженье", "нет конца всеобщей тьме", никто не в силах "ни тьмы не превозмочь, ни скрыться от нея".

...Там Солнце черное на черных небесах
Свой испускает свет невидимый и черный
И в черной пустоте на черных же лучах
Летит в пространство весть о мощи необорной...

Обычно сравнение подсолнечника и Солнца, Чижевский сравнивает подсолнечник и Солнце во время затмения:

Лик Солнца у тебя, подсолнечник простой:
Посередине диск, вокруг – протуберанцы.
Так видятся они во времена затмений...

Наряду с этим в стихах Чижевского продолжают звучать голоса птиц, распускаться цветы, на небе загораться "тихих звезд сверкающие взоры". По-прежнему Чижевского влекут яркие личности – Сократ, Бетховен, Микеланджело, Лобачевский... Им он посвящает отдельные стихотворения.

Появляется и тема противостояния личности и тирана ("Сцевола"), народа и тирании ("Хаммураби"). Одно из стихотворений он заканчивает так:

...Но произвол всех жмет, как спрут:
Рабы, приведенные к власти,
Неудержимо развернут
Свои кровавые пристрастья.

И нет конца всеобщей тьме,
И не ищи средь бела света,
Кто скажет казням и тюрьме
Свое божественное вето!

Литература

7. Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. – Калуга, 1924. – 72 с.
10. Чижевский А.Л. Основное начало мироздания // Архив РАН, ф.1703, оп.1, д.1.
11. Чижевский А.Л. Электронная теория и генезис форм // Архив РАН, ф.1703, оп.1, д.2.

Литературный источник

Томилин К.А. Вокруг трепещет пульс Вселенной: А.Л.Чижевский // Философия русского космизма. – М.: Фонд "Новое тысячелетие", 1996. – С.164-180.

Интерент-источник

http://www2.ihst.ru/personal/tomilin/papers/chijevsky.htm

ВОПРОСЫ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

1. Как вы понимаете утверждение, что мироздание едино физически и духовно?
2. Почему не каждому человеку открыта эта истина?
3. Как поможет знание о единстве мироздания установлению гармоничных отношений человека с другими существами?
4. Какое основание имеет единство природы у А.Л. Чижевского?
5. В чем заключается суть идеи о всеединстве мира Вл. Соловьева?
6. Попробуйте осознать свое место на Земле и во Вселенной? Думали ли Вы когда-нибудь об этом?
7. Вписываетесь ли Вы в Закон Единства?
8. В чем смысл Вашего личного развития? (Постарайтесь не затрагивать материальные вещи).
9. Какой вклад Вы делаете в развитие общечеловеческого сознания?
10. Как своей жизнью Вы развиваете идею единства мироздания?
11. Как Ваши мысли помогают людям объединяться?
12. Какая сила помогает объединяться людям друг с другом, с природой и всей Вселенной?
13. Что вносит разделение?

ЗАНЯТИЕ 9

УСТРОЙСТВО И СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, ЕГО НЕРАЗРЫВНОЕ ЕДИНСТВО С МИРОЗДАНИЕМ

Цель работы – осознать единство человека и взаимосвязь не только его физического, но и духовного строения и функций со всем миром.

ПРАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА

Задание 1. Попробуйте самостоятельно раскрыть смысл темы занятия. Напишите эссе. Каких знаний вам не хватает? Познакомьтесь с информацией для размышления. Сопоставьте свои мысли и взгляды других авторов. Согласуются их мысли с Вашими?

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

ДУША

ДУША (др.-евр. ruah, греч. psyche, лат. anima) — духовная сущность человека, особое начало, противопоставленное телесному и определяющее жизнь, способности и личность человека. Душа символизирует бессмертие, т. е. вечное существование в потустороннем мире или, как в индуизме, бесконечное переселение в другие тела. Прежде чем воплотиться, душа долго выбирает себе сосуд физического тела. В земную жизнь она попадает с целью совершенствования, чтобы победить свою чувственность и очиститься посредством воплощения или переселения. Душа, с одной стороны, является энергетическим центром, символом проявления скрытой в человеке реальности, а с другой — своеобразной энергией, которая способна преодолевать трудности на пути к наивысшему миру. Учение о душе лежит в основе всей системы религиозной морали, так как все нравственные нормы соотносятся со спасением души от греха.

Вера в душу восходит к первобытным анимистическим толкованиям таких естественных явлений, как дыхание, сновидение, тень, смерть и т. д. Например, индейцы племени наскапи в Канаде представляли душу в виде небольшого пламени, вырывающегося изо рта. Древнеегипетская "Книга мертвых" в числе компонентов человеческого существа выделяет Ка — принцип духовного бессмертия, основу посмертной жизни, эфемерного двойника, сохранность которого была призвана обеспечивать практика бальзамирования целостной "телесной оболочки" усопшего.

Постепенно миф о душе эволюционирует от представлений о ней как уменьшенной или утонченной копии или тени человека к более абстрактному представлению о ней, как о чем-то нематериальном, бесплотном и автономном.

Например, у Гомера душа — "психея", — улетая в Аид, отделяется от физического тела, т. е. мыслится как душа умершего человека. Жизнь тела и души происходит как бы в разных мирах. Так, в "Илиаде" во сне к Ахиллу является душа Патрокла и умоляет совершить погребальный обряд сжигания трупа, чтобы его душа нашла успокоение.

В позднейших религиях представление о душе связывается уже с учением о даровании души Богом при рождении и отторжении ее от тела после смерти. Хотя в иудейской каббалистической традиции душа не сотворена: она выступает эманацией дерева Сефирот и имеет три начала. Первое — душа разумная, второе — чувствующая душа, третья — животная. По учению каббалистов все души эмалировали в один момент.

В отличие от каббалистов, в иудаистской традиции душа может переселяться не вся, а только ее часть. Если после трех раз воплощения душа не совершенствуется, то в следующем круге воплощения она попадает в более низкие ипостаси. У древних иудеев существовал обряд ибум — обряд замужества вдовы с холостым братом умершего мужа, что давало возможность воплотиться душе покойного супруга.

По христианскому же мировоззрению душа человека живет один раз. "Отдал Богу душу", — соединился с Богом. Это символ положительной смерти. Противоположность такого исхода — тема мытарей, когда душа потерялась и не может соединиться с Богом. Мотив потерянной души зависит от типа смерти: например, души задушенных матерями младенцев являются потом в виде снов, а души утонувших детей появляются в образе морских уток.

При этом структура души в различных религиозных системах понималась по-разному. Апостол Павел различал в человеке душу, оживляющую тело, и бессмертный дух, открытый воздействию Святого Духа, нисходящего через душу на еще живого или уже воскресшего человека. Душа, в отличие от духа, всегда находит новое отношение к пространству и времени. Схоластическая философия различает три уровня человеческой души: душа растительная, управляющая элементарными функциями — питание, воспроизводство; чувственная душа, оперирующая органами чувств; разумная душа, ответственная за интеллект и эмоции.

Китайцы разделяли два вида души: 1) по, которой наделяется человек, и 2) хюн, детерминирующая личность. А в старинных суфийских трактатах выделяется четыре вида души: очищенная, всего лишенная, все осуждающая, вдохновенная и возвышенная. Каждый тип души имеет 10 атрибутов. Например, душа всего лишенная означает невежество, гнев, ненависть, злобу, гордыню, мстительность, зависть, скупость, лицемерие и способность говорить дурное об отсутствующем человеке. Тогда как атрибуты возвышенной души — знание, совершенное терпение, преданность Аллаху, покорность его велениям, справедливость, добрые дела, милосердие, всепрощение, довольство малым.

Если языческая мудрость признавала наличие души не у всех женщин, а только у тех, кто был посвящен в мистерии, то в мире трубадуров анима имеет отношение только к тонкой чистой любви, которая персонифицируется в образе дамы. В растительном мире аналог воплощения анимы — тамариск, растение

из семейства гребешковых. Гребешок из перьев носили на своих шлемах римские легионеры; гребешок стал и атрибутом рыцаря.

Символика души — дыхания жизни, принципа невидимого бытия — близка символике воздуха, дыхания. Здесь соединяются мужской принцип, или анимус, — средоточие желаний и влечений — и женский, или анима, — принцип вдоха или выдоха воздуха. С точки зрения психологии Карла Густава Юнга, душа связана с подсознанием и с миром бессознательного и имеет четыре уровня: Мария Богоматерь; Беатриче — романтическое представление; София — мудрость, вечная женственность, близость к бессмертию и техническое умение; Ева — мать, женское естество. Это варьирование говорит о принципах либидо и его превращениях, которые происходят в мужчине во время сновидений и в реальных отношениях с женщинами. Проблема анимы как раз и состоит в том, чтобы удерживать в равновесии мужское и женское вещество души, что нашло отражение в символе андрогина.

Литература

1. Атеистический словарь. – М., 1986.
2. Жюльен Н. Словарь символов. –Челябинск, 1999.
3. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – М., 1999.

Интерент-источник

http://slovari.yandex.ru/dict/encsym/article

ОСНОВЫ МИРОСОЗЕРЦАНИЯ ИНДИЙСКИХ ЙОГОВ

Рамачарака

По мысли Рамачараки, человек не только имеет тело и душу, но он есть еще и дух, обладающий душой, которая проявляет себя в нескольких формах — "проводниках сознания". Эти проводники состоят из материи разной плотности. Физическое наше тело — низшая форма проявления человека, низший проводник. Разные проводники служат для проявления сознания на различных плоскостях: на "физической плоскости", в "астральной плоскости" и т.д. Действительное Я есть чистый дух, искра божественного огня. Дух этот заключен как бы в несколько оболочек, которые препятствуют его полному и свободному выражению. По мере того, как человек повышается в своем развитии, его сознание переходит из низших плоскостей в высшие, и он все более и более сознает свою высокую природу. Дух заключает в себе все возможности, и по мере того, как человек развивается, в нем возникают новые силы, проявляются новые качества.

Человек может проявляться в семи плоскостях. Первые пять плоскостей, согласно Рамачараке, пройдены многими, шестая — немногими, седьмая же не достигнута практически никем из принадлежащих к человеческой расе. Семь

же основных начал человека, как они определяются философией йогов, следующие: 1. Физическое тело. 2. Астральное тело. 3. Прана, или Жизненная Сила. 4. Инстинктивный ум. 5. Интеллект (разум, рассудок). 6. Духовный ум (духовность, способность прозрения, интуитивный ум). 7. Дух.

Физическое тело. Оно стоит ниже всех в ряду и является самой грубой частью существа человека, это необходимое начало для роста человека в настоящей стадии его развития. Долг каждого развитого человека — доводить свое тело до самой высокой степени совершенства для того, чтобы оно могло ему служить с наибольшей пользой. Забота о теле под разумным контролем мысли есть важная отрасль философии йогов, известная под именем "хатха-йога". Философия йогов учит, что физическое тело состоит из клеточек, из которых каждая заключает в себе "маленькую жизнь", контролирующую действия клеточки. Эти "маленькие жизни" суть в действительности частицы умственной стихии известного напряжения, делающие клеточки способными к их работе. Эти частицы разумной мысли подчинены, конечно, контролю центрального разума человека и послушно выполняют приказы, посылаемые им высшими центрами. Залечивание ран, передвижения клеточек в теле туда, где они больше всего нужны, — все это для ученика йогов составляет проявления внутриатомной "жизни". Когда наступает смерть для физического тела, клеточки отделяются друг от друга, их общая деятельность прекращается, — наступает то, что называется разложением. Сила, скреплявшая в одно целое все эти клеточки, освобождается и образует новые комбинации. Одни клеточки, в свою очередь распадаясь на свои составные элементы, уходят по соседству в тела растений и могут снова оказаться в теле животного, другие остаются в глубине почвы, но жизнь атома — постоянное и беспрестанное изменение.

Астральное тело. Согласно Рамачараке, таковое было известно людям во все времена и являлось источником многих суеверий вследствие недостаточных сведений об его природе. Оно называлось "эфирным" телом, "флюидным телом", "двойником" и т.п. Оно состоит из материи несравнимо более тонкой, чем та, из которой состоит наше физическое тело, но тем не менее все-таки — из материи. Астральное тело есть оригинал, по которому строится физическое тело и при известных обстоятельствах может быть от него отделено. Намеренное разделение их представляет обыкновенно значительную трудность, но у людей, по мысли Рамачараки, владеющих своей психикой, астральное тело может как бы отделяться от физического тела и сознания, может действовать и получать впечатления без посредства физического тела и его органов. После смерти человека его астральное тело продолжает существовать. В этих случаях "душа", т.е. группа высших начал человека, живет в астральном теле. Но потом душа уходит и из астрального тела. Астральная оболочка, оставленная ушедшей душой, в таких случаях есть не что иное, как бездушный труп, только из вещества более тонкого, чем тело физическое. В нем нет ни жизни, ни разума. Это оболочка и больше ничего. Такое астральное тело иногда может быть вызвано силой горячего желания близких, и тогда оно проявляется перед родными и знакомыми, связанными с умирающим тесной симпатией. Привычный и развитой оккультист способен сознательно выделить свое

астральное тело и сделать его видимым по своему желанию, но такая сила редка и приобретается лишь долгим упражнением. Ясновидящие "видят", как отделяется астральное тело человека от физического, когда приближается час смерти. Им кажется тогда, что оно реет над физическим телом, как его двойник, соединенный с ним тонкой нитью.

Прана, или Жизненная Сила. Эта жизненная сила, согласно Рамачараке, присутствует во всех формах жизни: от амебы до человека — от самой первичной формы растения до самой высшей формы животного царства. Прана проникает повсюду. Она находится во всем, что "живет", а так как оккультная философия учит, что жизнь присутствует во всех вещах — в каждом атоме, — и что кажущееся отсутствие жизни есть лишь слабое проявление ее, то прана есть везде и во всем. Прана не есть Я человека, она есть лишь та мировая энергия, часть которой употреблена нашим Я для своего вещественного проявления. Когда Я уходит из физического тела при его смерти, прана, освобождаясь из-под действия Я, повинуется лишь приказам отдельных атомов или их групп, составлявших раньше физическое тело, а так как физическое тело разлагается на свои составные части, то каждый атом удерживает в себе лишь столько праны, сколько ему надо, чтобы быть способным войти в новые комбинации. Остаток праны возвращается к ее общему мировому источнику. Прана, хотя и находится во всех формах материи, однако же она не материя, а лишь энергия или сила, которая оживляет материю. Она есть сила, которая действует в лечении магнетическом, психическом, лечении на расстоянии и т.п. Потоком праны можно воспользоваться к избавлению себя самого или других от страданий, направляя в пораженные части увеличенное количество ее, взятое из воздуха. Передача праны на расстояние воздействием воли составляет основу в механизме передачи мысли на расстоянии, телепатии и прочее.

Душевные (психические) начала, или начала разума. По мысли Рамачараки, читатель, изучавший психологию по работам западных ученых, находит в первом умственном начале, т.е. в инстинктивном уме, некоторые признаки того, что западные психологи назвали подсознательным умом. Но западные психологи отнесли к деятельности подсознательного ума некоторые проявления духовного или интуитивного ума, смешав таким образом высшие и низшие способности ума и отнеся их к одному разряду. При этом интеллект, в действительности являющийся средним началом, назван сознательным умом и признан высшим по отношению к подсознательному уму. Философия йогов выделяет из подсознательного ума интуитивные, или духовные, способности и ставит их выше интеллекта. Таким образом философия йогов признает три умственных начала: 1) инстинктивный ум (который достигает очень высокой степени развития у высших животных: собак, обезьян, слонов), 2) интеллект, т.е. "сознательный ум", по терминологии западных психологов, и 3) духовный, или интуитивный ум. Эти три начала, согласно философии йоги, вместе составляют душу.

Итак, по мысли Рамачараки, три низших начала, составляющих человека: физическое тело, "астральное тело" и жизненная сила, или "прана". Низшие три начала наиболее материальны; атомы, их составляющие, неразрушимы и после

разрушения формы продолжают существовать в новых формах и комбинациях. Эти три начала соединяют Я человека с земной жизнью и имеют значение совершенно такое же, как одежда, теплота, электричество и т.п. В высшей природе человека они не играют никакой роли.

Четыре высших начала составляют мыслящую, разумную часть человека. *Инстинктивный ум.* Это первая форма психической жизни, достигаемая на пути эволюции сознания. В низших фазах этого ума сознательность едва заметна, и отсюда, от этих низших сфер, она поднимается путем постепенного развития, достигая в высших животных очень высокой степени сознательности в сравнении с первыми своими проявлениями. Первый проблеск инстинктивного ума можно наблюдать уже в царстве минералов, особенно в кристаллических и т.п. Затем в растительном царстве он уже делается совсем заметным, а в некоторых из высших типов растений показывает как бы зачаточные формы сознательности. В мире животных наблюдаются более сильные проявления инстинктивного ума, у людей мы видим, как инстинкты постепенно слабеют по мере развития пятого разумного начала интеллекта. И, наконец, в современном человеке мы наблюдаем это пятое начало, интеллект, уже контролирующим и подчиняющим себе целесообразно или нецелесообразно четвертое основное начало, т. е. инстинкт. Хотя даже человек высшего развития обладает еще очень сильно развитой деятельностью инстинктов и в различной степени подчиняет ее себе или подчиняется ей сам. Как физическое существо человек не мог бы существовать без инстинктов. Пятое начало, интеллект, уже значительно развит у наиболее передовых из наших современников, но у большинства людей развитие его еще только началось.

По мысли Рамачараки, многие люди только немного выше животных, и ум их работает почти исключительно на инстинктивной плоскости. Непрерывное восстановление тканей, переработка их, пищеварение, усвоение, выведение ненужных частиц и т.п., — все это делается "инстинктивно". Но это заведование растительной жизнью организма — только одна сторона деятельности инстинктивного ума. В то время, когда животное идет вперед по пути развития, для него возникает необходимость защищать себя, добывать себе пищу, защищать своих детей и прочее. Эта же деятельность инстинктивного разума продолжает существовать и в людях, иногда с удивительной силой проявляясь в нашей душевной жизни. Когда мы учимся делать что-либо "на память", это значит, что мы сначала овладеваем работой на интеллектуальной плоскости, а затем передаем ее инстинктам, которые исполняют ее не хуже, а даже лучше. Инстинктивный ум есть также "ум привычек". В нем много полученного путем наследственности, много такого, что развивалось в нем самом, и много того, что он получил от интеллекта, включая сюда и внушения, идущие от других людей, а также и волны мысли, проходящие по человечеству, из одного ума в другой. "Самосознание" появляется у человека лишь вместе с развитием интеллекта. "Космическое сознание", или сознание Вселенной, согласно Рамачараке, приходит с развитием "способности прозрения", или "интуитивного ума". Инстинктивный

ум есть вместилище потребностей, страстей, желаний, инстинктов, ощущений, чувств и эмоций. Все ощущения, относящиеся к эмоциям и страстям, принадлежат к этой сфере. Все потребности тела, как голод и жажда, половое влечение физического характера, все страсти, как, например, физическая любовь, ненависть, зависть, злоба, ревность, мщение входят в нее, "похоть тела, вожделение взгляда, гордость жизни" относятся к ней же. Это основное начало, самое материальное из трех душевных начал и наиболее привязывающее людей к земле и к земному.

Интеллект (рассудок, разум). Это пятое начало принадлежит уже только человеку. Пока не проявится ясно пятое, основное начало, существо, обладающее хорошо развитыми четырьмя началами, может проявлять страсти, но не разум; эмоции, но не интеллект; желания, но не разумную волю. Первым признаком истинного развития интеллекта является пробуждение самосознания. При помощи самосознания у человека начинает создаваться понятие о его Я. Он начинает сравнивать себя с другими, размышлять об этом. Он пересматривает свой наличный умственный запас и начинает выводить заключения из того, что находит в своем уме. Он начинает думать, анализировать, классифицировать, разделять, делать выводы и т.д. Он начинает полагаться на свой собственный ум и не хочет больше принимать слепо того, что идет из умов других. Всякое существо без самосознания может знать, но только при помощи самосознания оно может знать, что оно *знает*. Тем не менее, согласно философии йоги, интеллект далеко не высшее начало в человеке. Согласно оккультной доктрине, в существе появляется действительно бодрствующая жизнь души с того момента, когда в нем пробуждается сознание себя, своего Я, т.е. с момента пробуждения самосознания. Очень важно то, что пробуждение интеллекта не необходимо делает данное существо лучшим в смысле "добра". И хотя совершенно верно, что развивающееся новое начало или способность заставляют человека стремиться вперед, но тем не менее некоторые люди бывают до такой степени плотно окутаны животными оболочками, — так связаны с материальной стороной вещей, — что пробуждающийся интеллект дает им только большую силу для удовлетворения их низших желаний и наклонностей. Человек, если захочет, может превзойти животных своим зверством и животностью. Он может опуститься до таких низин, какие совершенно недоступны животным. Животное управляется исключительно инстинктами, и все его действия совершенно естественны. Человек же, в котором интеллект уже достиг достаточного развития, знает, что спускаться до уровня животных и даже ниже противоречит его высшей природе. Опускаясь, он прибавляет к животным желаниям приобретенные им способности — хитрость и разумность, и сознательно унижает свои высшие начала, заставляя их служить преувеличенным животным наклонностям. Чем выше человек развит, тем глубже он может упасть. Естественно, согласно оккультизму, такой ход вещей приводит к определенным последствиям, и душе придется потратить много тяжелых лет, чтобы снова пройти ту дорогу, по которой она добровольно шла назад.

По мысли Рамачараки, человек дошел в развитии четвертого начала до его крайней точки, и теперь его сознание переходит к проявлению в пятом начале — интеллекте. Стремление к оккультизму — голод души в поисках света — является указателем того, что шестое начало, *духовный ум*, начинает делаться орудием нашего сознания.

Что касается седьмого начала — *Духа*, то оно находится за пределами понимания кого бы то ни было из людей, за исключением немногих, высокоразвитых и просветленных душ, находящихся в телесной оболочке или вне ее, которые настолько стоят выше обыкновенных людей, насколько человек, достигший уже "способности прозрения", стоит выше существа, не дошедшего еще даже до интеллектуальной плоскости и живущего инстинктами.

Как утверждает Рамачарака, описание строения человека будет неполно, если не упомянуть то, что оккультисты называют *человеческой аурой*. Аура доступна видению только людей с высокоразвитыми психическими способностями. Некоторые из более грубых форм ауры доступны видению тех, кто обладает сравнительно мало развитой психической силой, между тем как ее высшие формы становятся видимыми только тем людям, психические способности которых достигли высокого развития. В настоящее время сравнительно очень мало людей во плоти, которые видели ауру, истекающую из шестого начала "духовности". А аура седьмого начала, Духа, доступна видению только существ, стоящих гораздо выше человека. Аура, исходящая из пяти низших начал, доступна видению многих из нас, обладающих достаточно развитыми психическими способностями, — причем ясность нашего видения и широта его охвата определяются особым состоянием достигнутого нами развития. Грубейшая форма человеческой ауры, конечно, есть аура, истекающая из физического тела человека. О ней иногда говорится как об ауре "здоровья", так как вид этой ауры ясно показывает состояние физического здоровья того человека, из тела которого она излучается. Подобно другим формам ауры, она распространяется на расстоянии двух или трех футов от тела /60—90 см. — *Ред.*/. В психическом видении она представляется "исполосованною" многочисленными тонкими линиями, идущими в виде прямых щетин от тела наружу. При нормальном здоровье и жизнеспособности эти волоски стоят прямо, между тем как в случае понижения жизнеспособности и плохого здоровья они опускаются кончиками вниз, как мягкая шерсть животного, и в некоторых случаях имеют вид взлохмаченной шкуры, так как различные волоски торчат в разных направлениях, сбиты в кучу, смешаны и скручены. Это явление называется током праны, приносящим усиленную энергию в тело, причем здоровое тело получает достаточное количество праны, между тем как больное или слабое тело страдает от недостаточного притока праны. Аура, истекающая из второго начала, или астрального тела, подобна самому началу, имеет газообразный вид и цвет и сходна с паром, готовым рассеяться. Аура третьего, основного начала, или "праны", похожа на нечто вроде парообразного облака цвета и вида электрической искры.

Как подчеркивает Рамачарака, "найдутся люди, которые будут относиться с сомнением к приводимым положениям, но мы должны сказать им, что они имеют в своем распоряжении средства развить свои психические силы и видеть описываемые явления такими, какими до них они представлялись тысяче других людей. Ничто из оккультных учений не должно оставаться скрытым для того, кто сомневается. Всякий может войти в оккультный мир сам по себе при условии, что заплатит за вход: причем за вход платится не золотом и серебром, но отрешением от своего низшего Я, посвящением себя тому, что всего выше в человеке. Некоторые люди прорываются в психический мир, не подготовив и не очистив себя правильными способами. Но для них приобретение оккультных способностей является, скорей, проклятием, чем благословением, так как им приходится снова с большими страданиями возвращаться назад, пока им не удается войти через должную дверь, ключ от которой легко находится теми, кто ищет его в соответствующем настроении, без личных целей".

В разделе "Динамика мысли" отмечается следующее. Ум постоянно излучает из себя эманации, которые могут быть видимы так же, как аура, распространяясь на несколько футов /метр-полтора. — *Ред.*/ от данного лица и делаясь все тоньше и незаметнее по мере удаления от него. Мы постоянно излучаем волны мыслей, и эти волны после того, как израсходована начальная сила проекции, носятся подобно облакам, смешиваясь с другими мысленными волнами одного с ними характера и простираясь часто до самых отдаленных частей земли. Некоторые эманации мысли остаются вокруг того места, где они появились. И если их не потревожат сильные мысли противоположных свойств, они могут оставаться почти неизменными в течение многих лет. Другие мысли — с определенной целью или под влиянием сильного желания, эмоции или страсти — будут с необыкновенной быстротой переноситься к тому предмету, к которому они были направлены. Мысль после того, как она излучилась, имеет для ясновидящего вид облака, окрашенного свойственным ей цветом. Она подобна легкому пару (степень плотности изменяется) и совершенно так же реальна, как окружающий нас воздух. Когда мысль выделяется с силой, то обыкновенно заключает в себе некоторое количество праны, которая придает ей добавочную силу. Прана как бы "оживляет" мысль и делает ее почти живым существом. Мысленная атмосфера общества представляет собой смешение мыслей людей, составляющих это общество.

Как подчеркивает Рамачарака, местности, подобно лицам, имеют свои психические особенности, свои характерные внутренние черты, свои сильные и слабые пункты, свою господствующую атмосферу. Люди часто говорят о таких свойствах городов, как об их "атмосфере". Таким же образом "дух" нации является смесью "духа" ее различных частей. Некоторые места заведомо "злополучны", и хотя человек с сильной волей может побороть их зловредное влияние, средние люди поддаются ему. Каждой своей мыслью человек раскрывает себя тому или другому влиянию. Он делает себя центром мыслей того рода, какие для него наиболее часты. И если он будет сохранять их до тех пор, пока они не станут для него привычными, то он начнет притягивать к себе

обстоятельства и условия, которые дадут ему возможность проявить эти мысли в действии. Если ум человека поглощен животными страстями, вся природа его вступает в заговор, чтобы вести его туда, где эти страсти могут быть удовлетворены. Человек же сильной позитивной воли даже бессознательно посылает сильные положительные мысли и передает вместе с ними запас праны, пропорциональный силе, с которой эта мысль была выброшена. Сильный мыслитель, мысль которого обильно насыщена праной, часто создает то, что известно под именем "мыслеформ", т.е. мыслей, обладающих такой жизненностью, что они становятся почти живыми существами.

Согласно Рамачараке, хотя дурные мыслеформы часто бессознательно выбрасываются людьми эгоистических желаний и стремлений, заражая многих, тем не менее не надо бояться их влияния, потому что никто не может быть задет, если только он будет поддерживать вокруг себя атмосферу любви и доверия. Самый слабый человек, если только его душа преисполнена всеобщей любовью и доверием к Единой Силе, гораздо сильнее человека, обладающего величайшим могуществом, если только он пользуется им для эгоистических целей. /Выделено мною. — *Ред.*/ Высшие силы могут принадлежать только людям высокого духовного развития, которые давно отрешились от низших стремлений и честолюбивых замыслов неразвитого человека. Такие люди постоянно посылают волны мысли, полные силы и несущие помощь, направляя их на тех, кто в них нуждается. Если бы человечество находилось под влиянием людей эгоистической мысли, оно давно бы погибло, но, к счастью для нас, существует другой порядок вещей. В мире мыслеформ следует опасаться только таких форм мыслей, которые соответствуют низким помыслам, сохраняющимся в нас самих. Люди несут наказания от создаваемых ими явлений. Самое главное — никогда и ни при каких обстоятельствах не следует посылать сильных мыслеформ-желаний, могущих нанести вред другому человеку, потому что от такого действия может быть только один результат — обратное действие и горький урок. Если человек работает над каким-нибудь вопросом и решение ускользает от него, то ему следует только стать в пассивное положение для мыслей по этому вопросу, и, весьма вероятно, что, когда он сам перестанет думать, разрешение его вопроса внезапно сверкнет перед ним. Астральный мир полон превосходных невыраженных мыслей, ожидающих человека, который выразит и использует их. Это указание, по мнению Рамачараки, на великую истину: пусть воспользуются ею те, кто готов для нее.

Рассуждая о "психометрии", Рамачарака отмечает, что подобно тому, как мы иногда вспоминаем, по-видимому, забытую вещь, увидев то, что с этой вещью связано в нашей памяти, так точно мы иногда, коснувшись вещей, соединенных с каким-нибудь местом или событием, можем приоткрыть астральное отражение акашических (см. Акаша) "записей" прошлого события и увидеть картины давно прошедшего. Металлическая вещь, камень, ткань или прядь волос могут открыть нам психическое видение явлений, соединенных с ними в прошлом; точно так же при помощи кусочка одежды, письма или пряди волос живого человека мы можем поставить себя в психический контакт с ним,

и установленные таким образом отношения помогут нам провести "астральную трубу".

Интерент-источник
http://slovari.yandex.ru/dict/esoterism/article

ПРАВОСЛАВНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ
(отрывок)

А. Лоргус

Часть ii. Природа человека
Глава 6. Душа и тело
6.1. Связь души с телом

Тайна связи между телом и душой волновала многие умы – и богословов, и философов. Есть ли в природе принцип, более таинственный, нежели связь души и тела, принцип, благодаря которому предполагаемая духовная субстанция приобретает над материальной такую власть, что самая утонченная мысль может действовать на самую грубую материю. Так восклицает философия, ощущая в этой тайне средоточие проблемы духа и материи.

"Таинственно и связал (Бог) персть с умом и ум с духом" [1], – говорит святитель Григорий Богослов, подразумевая под перстью тело и плоть, а под умом – умную, духовную природу души.

Несмотря на различение тела и плоти, о котором мы уже говорили (см. главу четвертую "Тело и плоть человека"), здесь мы будем то и другое называть телом, т.е. понятием более емким, кроме случаев, где это особо оговаривается. Точно так же и у святых отцов вместо "тело" могут встречаться "плоть", "персть", а вместо "душа" – "дух", "ум". Ясно, что здесь рассматривается связь сущностей, которые противоположны друг другу по природе, по происхождению, как это мы видели в разделе 3.3 "Состав природы человека".

6.1.1. Происхождение души и тела

Душа и тело происходят из одного начала, одновременно. Но это не абсолютный принцип, а лишь утверждение, что ни душа сама по себе, ни тело само по себе не предваряют друг друга в происхождении и не существуют друг без друга.

Святитель Григорий Нисский говорит:

"Ни душа прежде тела, ни тело без души... но единое начало у обоих" [2].

"Не предшествуют души телам, как учат манихеи..." [3] –

полемизирует Псевдо-Афанасий. Так же и преподобный Иоанн Дамаскин:

"...Вместе тело и душа созданы, а не сперва одно, потом – другое, как пустословит Ориген" [4].

Ориген, как мы уже видели, считал, что души сотворены были прежде мира, и в каждом человеке

"...душа предшествует телу, а тело – это кожаные одежды" [5].

Так же учили Феодорит Киррский:

"Душа создана вместе с телом..." [6],

и святитель Григорий Палама:

"Душа, содержа тело, с которым вместе создана..." [7],

и преподобный Исаак Сирин:

"Невозможно, чтобы душа получила бытие и была рождена без совершенного образования тела с его членами" [8].

Таким образом общее православное учение утверждает *одновременность* рождения души и тела. Здесь мы видим противоречие идее предсуществования душ, что очень значительно для православной антропологии. Но отсюда можно сделать еще один очень важный и далеко идущий вывод. Если душа образуется Господом вместе с образованием тела, то, следовательно, зародыш человека есть человек. Значит, нет никакой стадии эмбрионального развития, на которой зародыш мог бы рассматриваться не как человек. Зачатое есть человек, и на него, на эмбрион должны распространяться все нравственные отношения между людьми. Этот вывод является одним из оснований православной биоэтической концепции, которая оформляется сейчас в Русской Православной Церкви.

6.1.2. Соединение души и тела

О том, что душа и тело соединены в человеке, мы уже говорили. Более того, человек есть единство души и тела, причем такое, что и границу провести между явлениями одного и другого невозможно.

"Бог посеял и смешал душу с плотию, и столь тесно соединил их, что трудно наверное сказать, плоть ли служит носителем души или душа носителем плоти, душа ли принадлежит плоти или плоть душе?" [9],

– так говорит Тертуллиан, выражая таинственность соотношения. Невозможно видеть соединенность души и тела, невидимо они сосуществуют в человеке.

Святитель Василий Великий утверждал это единство так:

"Вот что человек: ум, тесно сопряженный с приспособленною к нему и приличною плотию..." [10]

"Человеком в самом истинном смысле относительно природы называется не душа без тела и не тело без души, но то, что составилось в один прекрасный образ из соединения души и тела: человек создан бессмертным и непричастным никакому тлению и болезням" [11] (Священномученик Мефодий Патарский)

Итак, человек – это и душа, и тело, таинственное единство духа и материи, а вернее – духовно-телесная природа. Но почему мы так упорно говорим о двух – или трехчастном составе человека, почему учим о душе

отдельно от тела, почему с самого начала мы не строим наше учение как учение о единой природе? На это есть несколько причин.

1. Священное Писание указывает, и не только в Книге Бытия, что человек имеет два естества в себе. Причем эти два естества противоположны друг другу, а в греховном состоянии часто встают во враждебные отношения друг с другом.

2. Все святоотеческое богословие видит человека состоящим из двух естеств.

3. Смерть человека разделяет два естества, и их дальнейшая судьба различна.

4. Как показывает весь духовно-аскетический опыт, общечеловеческий опыт, психологические наблюдения, наука, все многообразие человеческой жизни не может быть целиком сведено к одному только естеству – духу или материи, к одному только миру – видимому или невидимому.

"...Человек есть сложное создание; составленный из души и тела, он, сообразно существу этих составляющих, не един по природе... Вот что такое человек: разумная душа, нуждающаяся в теле, которое соединено с нею как вспомогательное орудие" [12] (Памфил Иерусалимский).

Таким образом, мы утверждаем, что человек един, хотя и состоит из естества духовного и естества телесного, из души и тела. И потому, рассматривая соединение их, нам труднее представить себе их разъединенными, чем говорить об их соединении.

6.1.3. Пространство соединения

Но где и как соединены душа и тело? Здесь возникает несколько вопросов. Очень важно понять, есть ли члены тела неодушевленные или все тело одушевлено?

"Душа соединена с телом: целая с целым, а не часть с частью, и не им объемлется, но его объемлет, как огонь железо" [13], –

так говорит преподобный Иоанн Дамаскин. Так же учат и другие отцы:

"Душа рассеивается по всем членам тела..." [14]

"Душа же... проникает своим светом все тело..." [15] (Немезий Емесский)

"Душа, содержа тело, с которым она вместе создана, находится в теле повсюду, а не в одном только определенном месте тела, и тоже не как превосходимая, но как содержащая и превосходящая тело, и все это по образу Божию" [16] (Святитель Григорий Палама).

Итак, тело все пронизано душой, и нет такой части тела, где бы душа не оживотворяла его.

Но возможно ли говорить об обратном? Может ли душа превосходить тело? Отчасти мы это уже видели в только что приведенном отрывке из Паламы. Нечто подобное есть и у Немезия. Но вот что показывает психологический опыт.

Как известно, у человека есть чувства контактные – тактильное и обонятельное, а есть дистальные – зрение и слух. Нас сейчас будут интересовать последние. Итак, дистальные способности, а они принадлежат душе, разумеется, развиваются таким образом, что человек способен зрением и слухом перенести сознание свое бесконечно далеко за границы своего тела. Способности эти, конечно, весьма различны. У ребенка они развиты слабо, у взрослых могут достигать удивительных значений. Неодинаково реализуются эти дистантные способности в разных частях пространства по отношению к телу человека. Многое зависит от ориентации человека. Изучая зрительные ориентации, психологи сумели измерить и изучить способности человека в разных уголках пространства вокруг его тела. На основе этих исследований была создана объемная "карта зрения". Ее оптимум лежит прямо перед лицом человека и сильно удлинен вперед; сзади находится "мертвое" пространство, где человек не может видеть. Образовавшиеся в исследовании формы зрительных объемов нельзя, конечно, идентифицировать с чувствами души. Но дело в том, что энергии души распространяются за ее пределы. Это же может быть относимо к слуху, к движению рук, ног и т.д.

Все пространство вокруг человека пронизано тем или иным действием его естества, его деятельностью. Вся эта деятельность есть проявление сил души. Разве эти силы души не превосходят тело? Разве не переносят душу вне тела?

Но вернемся к нашей теме. О превосходстве читаем и у Немезия Емесского:

"Душа ведь не управляется телом, но сама управляет им, она не заключена в теле... но тело в ней" [17].

Здесь нет утверждения, а есть лишь намек на то, что душа превосходит тело, но ведь и нам важно только указать, что тело без души не существует, душа же – существует.

Есть и еще свидетельства тому, что душа в теле повсюду. Так, преподобный Макарий Египетский говорит:

"Душа есть во всех членах; она действует и вверху в мозгу, и она же приводит в движение ноги внизу" [18].

"Душа, когда сочеталась с телом естественным образом, чрез соединение, а не по [свободному] произволению, доставляет [телу] жизненную силу; невероятно было бы душе не оживотворять тело, с которым она пребывает" [19] (Псевдо-Василий).

Однако таинственность этой связи приводила наших отцов в замешательство:

"К чему говорю, что за существо душа? Даже и того нельзя сказать, каким образом пребывает она в нашем теле. Что сказать об этом? Что она простирается по всей величине тела? Но это бессмысленно, ибо такое свойственно телам. А что это не относится к душе, ясно вот откуда. Нередко, когда и руки и ноги [тела] отрублены, остается она невредимой... Стало быть, душа [есть] не во всем теле, но собрана в некоей части его? Но тогда

необходимо прочим членам [тела] быть мертвыми: ведь бездушное всегда мертво. Однако и того нельзя сказать, но [только это]: что душа в нашем теле есть, мы знаем, а каким образом она есть, не знаем..." [20] (Святитель Иоанн Златоуст).

Нечто подобное высказывал и А. Позов, христианский антрополог XX века:

"Душа связана с телом в определенных пунктах, но проникает собою все тело..." [21].

Пытаясь отвечать на вопрос, где душа находится в теле, как тело "облекает" душу, мы все время хотим связать в одно несоединимые понятия. Душа не может иметь материальных координат. Как же можно указать ее "место"? Не лучше ли отказаться от такой мысли?

На наш взгляд, лучший выход из этой ситуации нашел епископ Немезий Емесский:

"Когда говорится, что душа находится в теле, то понимается это не в том смысле, что она находится в теле как в месте, но в смысле связи, взаимоотношения" [22].

Действительно, душа ли в теле, тело ли в душе – важно то, что они связаны и связаны не дистантно, но взаимопроникновенно. Можно сказать словами Филопона Иоанна:

"Душа – видообразующий принцип для тела" [23].

6.2. Взаимодействие и соответствие

6.2.1. Соответствие

Душа не только оживотворяет тело, она проникает в каждый член тела, и в каждом действует соответственно замыслу Творца. Можно сказать, что каждый член тела действует по мановению души.

Между способностями души и свойствами членов тела есть глубинное соответствие.

"Каждая сила души его (человека) находится в гармоническом соотношении с чувствами тела и соответственными органами" [24] (Преподобный Максим Исповедник).

"Душа... обложилась и облеклась членами сего тела, облеклась оком ... всеми членами тела и срастворилась с ними" [25] (Преподобный Макарий Египетский).

"Будучи органом души, тело разделяется соответственно душевным силам, потому что оно устроено сообразным и приспособленным к ним... каждой психической способности (силе) – назначены особые части тела..." [26] (Немезий Емесский).

Взаимодействие, таким образом, продиктовано изначальным соответствием. Тело устроено приспособленным к способностям души, душа приспособлена к органам тела. В этом и реализуется принцип соответствия.

Но возникает другой вопрос: что первично в генезисе человека? Тело развивается по соответствию с душой или душа приспосабливается к телу, к его органам? По приведенным выше цитатам можно предположить, что в православной антропологии принято именно мнение о том, что развитие тела следует за душой, что именно душа – воспитатель.

6.2.2. Душа – управитель и воспитатель тела

Святитель Григорий Нисский предполагал, что в душе если не развитие можно наблюдать, то хотя бы постоянное раскрытие ее функций:

"По мере развития человека сила души раскрывается сообразно величине тела. Сперва, благодаря питательному началу и растительному началам, возникает она у тех, кто образуется внутри [материнской утробы] внутри сотворяемых [тел]. После того прилагает она происшедшим на свет дар чувствования, обнаруживая затем уже, словно некий плод, разумную [в них] способность..." [27].

Напротив, святитель Василий Великий полагал, что душа сразу может преподать телу всю свою мудрость, но тело должно еще вырасти, чтобы принять в себя эту мудрость:

"Дивись Мастеру, как Он души твоей силу с телом соединил, чтобы она, крайних пределов его достигая, главнейшие разобщенные члены к единому согласию... приводила. Рассмотри, какое тяготение исходит от души! Как приемлет тело жизнь от души, а душа – скорби от тела" [28].

"Чем Бог для души, тем и душа является для тела, воспитывая собою служебную материю и предрасполагая ее к Богу как сотоварища по рабству" [29] (Святитель Григорий Богослов).

Так же и другой святитель – Иоанн Златоуст:

"Как возничий для колесницы, как корабельник для судна, как музыкант для инструмента, так и душа учреждена Ваятелем для сего бренного сосуда. Она и поводья держит, и кормило движет, и струны перебирает" [30].

Для святоотеческой мысли очень характерно сравнение души с возничим или наместником, а тела – с колесницей. В этом поэтическом образе проступает глубокая убежденность в превосходстве души над телом. Иначе и быть не может, ведь вся аскетика стоит на этом. Если душа не может управлять телом, то весь аскетический труд не достигает цели. С другой стороны, пленное тело приносит страдания душе, что может быть как источником пользы, т.е. аскезы, так и источником горьких страданий.

Так свидетельствует Священное Писание:

2Мак.6:30: ...принимаю бичуемым телом жестокие страдания, а душою охотно терплю их...

"Телесные делания... действуя неразлучно с душевными, суть самые сильные, помогающие тем душевным средствам (вниманию, бодренности, трезвению)..." [31] –

говорит святитель Феофан Затворник. И это так потому, что душа столь тесно сопряжена с телом, что боль одного передается другой.

"Душа соболезнует телу по общению с ним, как и тело соболезнует душе; душа веселится при веселии тела, приемлет в себя и скорби его" [32] (Преподобный Исаак Сирин)

Это, однако, не значит, что в душе нет своих скорбей и страстей. Тот же святой отец пишет:

"...В душе и без телесного естества, естественно, есть похоть и раздражительность, это суть страсти души" [33].

6.2.3. Душа – пленница тела

Есть и еще один вариант соотношения души и тела. Мы уже встречали его у Василия Великого: душа и тело – "сотоварищи по рабству". Более определенно это высказал святитель Григорий Богослов, назвав тело трупом и тюрьмой:

"Душа есть Божие дыхание ... это свет, заключенный в пещере, однакоже божественный и неугасимый. И ты, душа моя ... кто сделал тебя ТРУПОНОСИЦЕЮ? (выделение мое. - *А.Л.*)" [34].

У такой точки зрения есть несколько обоснований: во-первых это неумеренный аскетизм, во-вторых, влияние эллинской философии, особенно Платона, в-третьих влияние Оригена, который считал, что Бог:

"...душу соединил с телом для наказания" [35].

Такое же мнение встречалось у еретиков, например, как передает писатель IV в. Егемоний, у манихеев:

"Материя... создала человека по роду того первого человека и связала душу в нем" [36].

На это возражал священномученик Мефодий Патарский:

"...Тело не есть узы, но... как в добре, так и в зле, оно содействует душе..." [37].

Итак, в православии все же преобладает оптимистическое отношение к связи души и тела. Это обусловлено двумя положениями, которые мы уже рассматривали: не тело виновник греха души, во-первых, и образ Божий раскрывается и в теле тоже, во-вторых.

"Человеческое тело, как и душа, суть художественные изделия Его человеколюбивого и благодетельного Промышления" [38] (Святитель Фотий Константинопольский).

И все-таки реальное состояние падшего человека таково, что тело весьма ограничивает душу.

6.2.4. Душа ограничена телом

Ограничения эти могут быть связаны с ростом тела, как мы уже отмечали, но могут быть и связаны с нравственными и онтологическими причинами.

"Душа... постольку стеснена в своей скорости, поскольку в движении ее участвует тело; но не теряет своего знания... душа, сопутствуемая своим телом, [хотя и] до некоторой степени задерживается смешением ее быстроты с медлительностью тела" [39], –

так писал святитель Ириней Лионский. Примерно так же считали Евсевий Кесарийский:

"Существо души, будучи естеством умным и словесным, в младенствующем по естеству теле приобщилось, вопреки [своему] естеству, состоянию бессловесного существа" [40],

и автор сочинения, приписанного святителю Василию Великому:

"Но по необходимости изделие последует форме, то есть телу – душа, ибо надлежит им вместе быть чем-то сложным. Сперва, однако, – положение тела; душа же, по мере следования [ему], ограничена местом [которое занимает] в силу отношения [*вар.*: связи с] к телу, или смешения [с ним]" [41].

Протоиерей В.В. Зеньковский так охарактеризовал связь души и тела:

"...сфера тела и сфера душевно-духовная не "склеены" вместе, а образуют в нем живое единство. ...человек всегда и во всем духовен... Если человек... есть живое единство... то он всегда и во всем и телесен, и духовен" [42].

Такая прозорливая точка зрения и нам внушает относиться к душе и телу не как к двум частям одного существа, а как к одному существу с двух разных сторон. Кроме этого, видим здесь важнейший методологический принцип: все в человеке: и греховный поступок, и духовный подвиг – все духовно. Человек никогда не плоть по сути, не низмен, но все совершает по духовному (хотя и весьма искаженному) смыслу.

6.3. Христологический принцип соединения

Одним из принципов православной антропологии является христология. Христос есть истинный Образ Божий. Он есть истинный Человек и потому есть типический образ устроения человека.

Именно человечность Христа Иисуса раскрывает нам нашу человечность. От Него мы научаемся, какою наша природа должна быть, но не стала из-за греха. Познаём свою немощь и свое (возможное) величие.

Святой апостол Павел проводил параллель между телесностью человеческой и телесностью Иисуса Христа через понятие ветхого и нового человека:

Рим.6:6: ...зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху;

Ориген указывал на эти параллели:

"...Бессмертный Бог-Слово, Который воспринял смертное тело и человеческую душу... Слово, Которое по существу Своему остается Словом, не претерпевает страдания, как претерпевает его тело или душа" [43].

И еще:

"Сын Божий... воспринял не только тело человеческое ... но и душу, и притом естеством сходную с нашей..." [44]

Из древних лучше всего это выразил епископ Немезий Емесский:

"Соединение (души с телом) лучше и точнее всего могло бы подойти к соединению Бога Слова с человеком, после которого Соединившийся, (т.е. Бог Слово) остался неслитным и неограниченным, хотя и не совсем по образу души <...>"

"Душа соединена с телом, но соединена неслитно" [45].

Это почти те же термины, что использованы были Халкидонским собором в христологическом догмате.

"Плоть Его, облегающая душу, представляет собой лучшую параллель миру, облекающему собой Логоса, как одеждой. Его душа является образом Самого божественного Логоса, Проявившегося в мире своими энергиями" [46], –

так это, но в более позднее время (после Халкидонского собора), выразил преподобный Максим Исповедник. Подобно ему говорит и Псевдо Анастасий:

"По примеру богомужного Христа в человеке душевно-мужественным образом действуют оба начала – душа и тело. ...душа, существующая по образу и подобию невидимого Бога Слова, действует душевно-мужественно, т.е. телесно-душевным образом" [47].

А также:

"И, должно быть, душа [наша] проста по образу простого Божественного естества, а сложное наше [составление] из души и тела – по подобию воплощения Слова" [48].

Идея параллели двух природ во Христе и двух естеств в человеке, так отчетливо намеченная святыми отцами, помогает нам только понять, какова тайна соединения души и тела. Но применить догмат о Христе к человеку мы не можем, ибо и душа и тело есть тварные сущности. Это скорее метод аналогий. Здесь мы близко подходим к теме образа Божия, но о ней в своем месте.

"Надлежит нам усильно взирать на Него, веруя и любя Его, все отринув и Ему внимая, дабы Он, написав небесный Свой образ, ниспослал [его] в души наши" [49] (Преподобный Макарий Египетский).

…

Итак, влияние души на тело состоит: во-первых, в активном и неестественном ("с точки зрения" тела) действовании; во-вторых, в научающем и направляющем действовании, ибо без души тело не имеет нужных навыков жизни, все навыки и все умения – от души; в-третьих, душа действует в теле и вопреки телу; в-четвертых, душа, проникая в телесные органы, в том числе и органы чувств, делает их "умными", формирует чувственность, которая есть мир познаваемый. Душа формирует всю человеческую чувственность.

Примечания

1. Цит. по: Киприан (Керн), архимандрит. Антропология святителя Григория Паламы. С.150.
2. hom.opif. (Об устроении человека) 29.3 (M. 44.236B).

3. qu.Ant. (Вопросы к Антиоху) 16 (M. 28.608A).
4. f.o. (Точное изложение православной веры) 2.12 (M. 94.921A) (L 1362).
5. Schol. in Leont. et Jo. sacr. (Схолии к "Подбору священных параллелей") 2 (M. 86.2306).
6. Цит. по: Киприан (Керн), архимандрит. Указ. соч. С.191.
7. Там же. С.324.
8. Исаак Сирин, преподобный. Слова подвижнические. С.14.
9. Цит. по: Немезий Емеский, епископ. О природе человека. С.66.
10. Цит. по: Киприан (Керн), архимандрит. Указ. соч. С.146.
11. Мефодий Патарский, священномученик. Творения. С.210. (1325).
12. panopl. (Учительное всеоружие) 6.1.
13. f.o. (Точное изложение православной веры) 1.13 (M. 94.853A).
14. ep. Diogn. (Послание к Диогнету) 6.2.3.
15. Немезий Емесский, епископ. Указ.соч. С.71.
16. Цит. по: Киприан (Керн), архимандрит. Указ. соч. С.324.
17. Немезий Емесский, епископ. Указ.соч. С.71.
18. hom. (Духовные беседы) 40.3 (M.34.764 C).
19. const. (Подвижнические уставы) 2.2 (Gaume 2.54A; M. 31.134.A).
20. incomprehens. (Беседы о непостижимой природе Божьей, или Против аномеев) 5.4 (M. 48.740-741).
21. Позов А. Основы древне-церковной антропологии. Сын человеческий. С.26.
22. Немезий Емесский, епископ. Указ. соч. С.67.
23. Цит. по: Немезий Емесский. Указ. соч. С.67.
24. Цит. по: Епифанович С.Л. Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. С.71
25. Макарий Египетский, преподобный. Духовные беседы, Сл.5,6.
26. Немезий Емесский, Указ. соч. С.84.
27. anim. et res. (О душе и воскресении) (M. 46.128A).
28. hom. (Беседы) 3.7 M. 31.216A, B).
29. or.2 (Слово 2-е) 17 (M. 35.428A).
30. hom. in Mt. Беседа на Мф.7:14 (M. 51.41).
31. Феофан Затворник, епископ. Путь ко спасению. С.206.
32. Исаак Сирин, преподобный. Слова подвижнические. С.19.
33. Там же. С.20.
34. Григорий Богослов, святитель. Творения, Т.2, С.43.
35. princ. (О началах) 1.8.1 (GCS vol. 22, 1913).
36. Arch. (Прение Архелая, епископа Месопотамского, с ересиархом Манесом) M. 10.1440A.
37. Мефодий Патарский, священномученик. Творения. С.181,183.
38. Цит. по: Киприан (Керн), архимандрит. Указ. соч. С.249.
39. haer. (Пять книг против ересей) 2.33.4 (M. 7.833A).
40. p.e. (Приуготовление к Евангелию) 6.6 (M. 21.720D).
41. parad. (Беседы о рае) 7 (M. 30.68B).

42. Русская религиозная антропология. Т.2. С.435-439.
43. Cels. (Против Кельса) 4.15 (GCS vol.2, 1899 p.285.15,18; M. 11.1048A).
44. princ. (О началах)4.4.4 (GCS vol.22, 1913 p.353.11; M. 11.405B).
45. Немезий Емесский, епископ. Указ. соч. С.69.
46. Епифанович С.Л. Указ. соч. С.72.
47. Цит. по: Киприан (Керн), архимандрит. Указ. соч. С.185.
48. serm. imag. (Слово о человеке, сотворенном по образу Божию) 1 (M. 89.1144D-1145A).
49. hom. (Духовные беседы) 30.4 (M. 34.724C).

Литературный источник

Лоргус А. Православная антропология. Курс лекций. Вып. 1. – М.: Граф-Пресс, 2003. – С.136-148.

АРТ-ТЕРАПИЯ: ЙОГА ВНУТРЕННЕГО ХУДОЖНИКА (отрывок)

А. Будза

То, что находится внизу, аналогично тому, что находится вверху. И то, что вверху, аналогично тому, что находится внизу, чтобы осуществлять чудеса единой вещи. И аналогично тому, как все вещи произошли от Единого через посредство Единого, так все вещи родились от единой Сущности через приспособление…

Гермес Трисмегист

Сущность человека – Монада, являясь проявлением Абсолюта в индивидуальном странствует из Вечности прошлого в Вечность будущего сквозь таинство Бытия настоящего, через тернии в бесконечности звездных миров. В божественном океане мироздания Монада посещает вселенные, сквозь которые течет река Жизни – Дао, и становится одной из бесчисленных капелек жизни, образующих эту реку.

«Течение Дао подобно великой реке,
имеющей множество рукавов, которые простираются повсюду.
Дао служит опорой всей тьме вещей,
благодаря ему они появляются на свет,
но о Нем невозможно поведать.
Оно успешно действует всюду,

Но не имеет славы.
Одевает и вскармливает всю тьму вещей,
Но не считает себя их хозяином»

Каждый такой остров – вселенная – состоит из взаимопроникающих и взаимозависимых уровней – «рукавов», в которых через разные ипостаси – тела Монады – проявляет себя творческая активность Абсолюта, рождающаяся из Небытия – сокровищницы его бесконечного потенциала Творца.

«…То, что порождает друг друга, – это
Бытие и Небытие».

«Вся тьма вещей рождается жить в Бытии
и сохраняет существование в Небытии».

«Познав извечное вместилище всего,
поймешь, что оно и есть «всеобщая казна».
Что эта казна и есть верховный правитель.
Что этот правитель и есть Небо,
Что Небо и есть Дао,
Что Дао и есть незыблемое, вечное.
Оно утратило свое тело, свое «я»,
и потому его жизненные силы
неисчерпаемы».

На материальном уровне проводником активности Монады является его физическое тело – «храм души». Внешний облик этого храма, его устойчивость и защищенность от различных разрушающих факторов-болезней обеспечиваются эфирным телом, которое пропитывает физическое тело, выходя за его пределы подобно светящемуся серебристому туману. Это тело соткано из тончайших нитей – энергетических каналов, по которым протекает жизненная энергия, поступающая в эфирное тело вместе с дыханием, пищей и сублимированной половой энергии, энергетического потенциала, унаследованного от родителей при рождении. Важный вклад вносят энергии, полученные высшими телами человека и трансформированные в форму, приемлемую для питания эфирного тела. Природа и принципы функционирования эфирного тела хорошо изучены и описаны в китайской традиционной медицине.

Следующее за эфирным астральное тело обеспечивает эмоциональную сферу человека. Каждая испытываемая эмоция, чувство, желание являются следствием активности астрального тела, которое служит источником-излучателем и приемником вышеприведенных состояний-вибраций (энергоинформационных) потоков от других объектов, а также преобразователем внешних и внутренних вибраций в потоки, питающие

эфирное тело и оказывающие влияние на более тонкие тела (ментальное и духовное).

Ментальное тело обеспечивает умственную деятельность человека и является последней из временных оболочек «бессмертной» Монады, имеющей триединую структуру из духовного, космического и эволюционного уровня.

Подобно астральному телу, ментальное тело тоже генерирует, воспринимает и трансформирует энергоинформационные потоки, которыми в данном случае являются: мыслеобразы, понятия, представления, суждения. Ментальное тело также «подпитывает» менее тонкие тела и влияет на духовное тело. Первые четыре тела составляют личность человека.

Пятое, духовное, тело является стержнем человеческой индивидуальности и часто осознается человеком как голос совести. Духовное «тело-уровень» есть хранитель всего опыта Монады. Оно выполняет функцию руководства жизненной активностью человека, максимально приближая линию его поведения (с учетом свободы воли человека) к программе глобального предназначения (Пути) Монады в данном воплощении. Такая способность тела объясняется его природой как эманации третьей ипостаси Абсолюта (Дао), называемой в христианстве Святым Духом. Духовное тело подобно зеркалу, в которое человек смотрится со стороны своей низшей природы, говоря: «Я – это тело, эмоция в нем и его мысль», останавливаясь в своем познании в лучшем случае на уроне отождествления своей Сущности с интеллектом. «Мыслю – значит, существую!» Но задавшись вопросом: «Кто наблюдает мое мышление?» – и понимая, что наблюдателем может быть только высокий принцип, он преодолевает зеркало иллюзии – отождествление своего «Я» со своей личностью.

Шестое «тело-уровень» – космическое – не имеет границ. Оно подобно волнам океана, проходящим через предыдущие пять тел. Это волны космического сознания – любви, мудрости. Если духовное тело является навигатором человека в житейском море, помогает личности решить задачи самогармонизации и преодоления неведения, раскрывает ее высшую природу – Монаду, то шестое, космическое, тело осуществляет выбор той глобальной задачи, которую в результате своей полной реализации – просветления – должна решить Монада в череде воплощений.

Седьмое – божественное – «тело-уровень» воплощает божественную волю к существованию как самой Монады, так и ее низших оболочек – тел человека.

Литературный источник

Будза А. Арт-терапия: йога внутреннего художника. – М.: Феникс, Север-Запад, 2006. – 317 с.

ЧЕЛОВЕК

Шри Ауробиндо

Он [Человек] по своей природе есть заключенное в ментальную оболочку ментальное существо, участвующее в разнообразной жизненной деятельности.

Человек — есть нечто большее, чем просто думающее и чувствующее существо, производное от механического проявления физических и витальных сил.

Человек — это существо переходного периода и не является биологическим видом, уже закончившим свою эволюцию.

Человек представляет собой символ высшего Бытия, снизошедшего на уровень материального мира, где низшая природа способна к самопреобразованию и к превращению в природу высшего порядка, а все высшее, в свою очередь, — к самопроявлению в формах низших уровней сознания.

Человек есть развивающийся ДУХ в своем стремлении к самовыражению на уровне разума, жизни и тела.

Человек, хотя и является по сути своей природы существом ментальным, с первых своих шагов проявляет себя скорее как мыслящее животное, озабоченное прежде всего своим телесным существованием. Человек использует свой разум не в качестве самостоятельного орудия, способного контролировать и управлять всей нашей жизнью и деятельностью, но как вспомогательный инструмент, служащий целям, интересам и желаниям жизни и тела.

Человек — это сам БОГ, скрывающий себя от Природы, чтобы овладеть ею силой, в борьбе и неожиданно для нее самой. Бог есть универсальный и трансцендентный человек, прячущийся от своей собственной индивидуальности в человеческом облике.

Животное есть Человек, спрятанный в звериной шкуре и ходящий на четырех ногах; червь — это человек, ползущий и извивающийся на земле в стремлении к развитию своих человеческих качеств. И даже примитивные формы Материи — все это Человек в своем неразвитом и неоформившемся теле. Все сущее есть Человек, Пуруша.

Что же такое Человек? Нерожденная и неистребимая душа, вместившая себя в физическое тело, наделенное разумом.

Литературный источник

Шри Ауробиндо Шри Ауробиндо. Биография. Глоссарий. – СПб.: Изд-во «Адити», 1998. – С. 460 – 461.

ВОПРОСЫ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

1. Что такое человек, по Вашему мнению?
2. Как Вы думаете, есть в человеке что-нибудь еще кроме его физического тела?
3. Где, по Вашему мнению, располагается душа человека?
4. Структура души понимается по-разному. Какое понимание ближе Вам?
5. Что такое, по Вашему мнению, дух и как он проявляется в человеке?
6. Какая из тонких (духовных) составляющих человека отвечает за проявление индивидуальности?
7. Как, по Вашему мнению, связаны тонкие структуры человека с мирозданием?
8. Можно ли, основываясь на знаниях о тонких (духовных) составляющих человека, вывести экологоэтические правила о гармоничном взаимодействии с миром?

ЗАНЯТИЕ 10

СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ДРУГИХ СУЩЕСТВ

Цель работы – понять, что у всех существ есть сознание, но у всех по-разному проявляется.

ПРАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА

Задание 1. Начните осознавать любое слово, любую вещь, любой образ, человека, растение…

Пример осознания. Что это значит сознавать?

Погружаться все глубже и глубже внутрь этого очерченного формой существа и в какой-то момент происходит слияние с этим предметом, стираются границы, растворяется осознание себя. Есть только осознание этого предмета как самого себя, я внутри этого предмета я знаю все о нем и я есть любовь, которая живет в нем. Любовь, которая раскрывается как награда победителю, дошедшему до сердца этого предмета. Это приз. Это дар. Это причащение тайне. Это радость соединения. Это уже не я, та, что была до откровения это предмета. Это я обогащенная любовью и знанием этого предмета. Мы переплелись, мы соединились.

Задание 2. Напишите эссе на тему занятия. Познакомьтесь с информацией, представленной ниже. Помогла ли она Вам более глубоко осмыслить вопрос о сознании человека и сознании других существ?

Задание 3. Выберите из множества определений понятия «сознание» такое, которое бы могло бы включать и сознание других существ, т.е. универсальное с точки зрения экологической этики определение.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

СМЫСЛОВОЕ НАПОЛНЕНИЕ СЛОВА СОЗНАНИЕ

Смысловое наполнение слова сознание. Приставка «со-» означает сопричастность с чем-либо: со-страдание, со-звучие, со-участие, со-знание, т.е. принадлежность определенных знаний человека (его тезауруса) к некоему Знанию или сверхзнанию.

Сознание – это осмысленное (наполненное смыслами) представление о событиях и объектах окружающего мира формирующееся в человеке по мере его развития, расширения и углубления его жизненного опыта.

Осознание – осо-знание (ось знания) погружение внутрь в сердцевину Знания. Осознание – это процесс с помощью которого происходит приобщение к Знанию (Чувин, Дорогина, 2001). И когда мы погрузились в Знание с помощью осознания нас встречает там Любовь.

Сознание – это осмысленное (наполненное смыслами) представление о событиях и объектах окружающего мира формирующееся в человеке по мере его развития, расширения и углубления его жизненного опыта.

А любовь – это энергия соединения. Это исполнение закона. Это Бог. Куда еще идти? Из любой точки можно прийти к Богу если быть искренним с самим собой и до конца идти в осмыслении. Так происходит распаковывание смыслов. Так происходит раскрытие тайн.

ПОНЯТИЕ СОЗНАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

В психологии существует много определений этого понятия. По мнению Уильяма Джеймса (1842 – 1910) сознание – это поток непрерывно сменяющих друг друга душевных состояний (Энциклопедия для детей, 2003).

В психологии еще живет определение сознания как высшей формы психического *отражения* окружающей действительности (Гомезо, Домашенко, 2004), таким образом, сознанию отводится пассивная роль в жизни.

«Сознание – это инструмент и узел соединения внешнего с внутренним» (Ленский, 1992)

СОЗНАНИЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФИЗИКИ

С физической точки зрения, сознание есть особая форма полевой (торсионной) материи.

Сознание – *творящая* информация (Тихоплав, Тихоплав, 2003).

Литературные источники

1. Гомезо М.В., Домашенко И.А. Атлас по психологии. – М.: Педагогическое общество России, 2004. – 276 с.
2. Ленский В. Осмысление тайного. – Каунас, 1992. Ч. 1. Цикла Система Талгар. – 150 с.
3. Тихоплав В.Ю., Тихоплав Т.С. Начало начал. – СПб.: ИД «ВЕСЬ», 2003. – 288 с.
4. Чувин Б.Т., Дорогина Н.П. Мышление и сознание человека (философский, психологический и этический аспекты) // Сознание и физическая реальность. – Т. 6, № 2. – 2001. – С.2-11.
5. Энциклопедия для детей. Т.18. Человек. Ч. 2 Архитектура души. Психология личности. Мир взаимоотношений. Психотерапия. – М.: Аванта$^{+}$, 2003. – С.27.

СОЗНАНИЕ

Сознание выступает термином, трудным для определения, поскольку данное слово используется и понимается в широком спектре направлений. Сознание может включать мысли, ощущения, восприятия, настроения, воображение и самосознание. В разное время оно может выступать как тип ментального состояния, как способ восприятия, как способ взаимоотношений с другими. Оно может быть описано как точка зрения, как Я, или как то, что Томас Нагель называл существованием «чего-то что есть подобие» бытия этого что-то. Многие философы рассматривают сознание как самую важную вещь в мире. С другой стороны, многие ученые склонны рассматривать это слово как слишком расплывчатое по значению для того, чтобы его использовать.

Проблема того, чем же является сознание и каковы его рамки, и в чём же смысл существования данного термина выступает предметом исследования философии сознания, психологии, нейробиологии, дисциплин, изучающих проблемы искусственного интеллекта. Проблемы практического рассмотрения включают в себя следующие вопросы: как можно определить наличие сознания у сильно больных или находящихся в коме людей; может ли существовать не-человеческое сознание и как его можно измерить; в какой момент зарождается сознание людей; могут ли компьютеры достичь сознательных состояний и пр.

В общем смысле сознание временами также означает состояние бодрствования и ответную реакцию на окружающий мир в противоположность состояниям сна или комы.

Другие попытки определить сознание

- Сознание — это сам человек, то, что скрыто телесной оболочкой: характер, чувства, мышление. Не будет тела — останется сознание.
- Сознание — понимание. Осознать — понять. Без сознания — без понимания. Самосознание — понимание себя.
- Сознание — способность идеального воспроизведения действительности.
- Сознание — с т.з. материального мира — мера проявления Я в мире.
- Сознание — высшая, свойственная только человеку форма отражения действительности, представляющая собой совокупность психических процессов, позволяющих ему ориентироваться в окружающем мире, времени, собственной личности, обеспечивающих преемственность опыта, единство и многообразие поведения.
- Сознание — состояние человека в здравом уме.
- Сознание — способность адекватно отражать явления действительности.
- Сознание — свойственный человеку способ отношения к объективной действительности, опосредованный всеобщими формами общественно-исторической деятельности людей.
- Сознание — способность к рефлексии.
- Сознание — центр обработки информации и принятия решений (психософия).
- Сознание — субъективное соответствие активной, находящейся в фокусе внимания доминирующей зоны возбуждения мозга, выделенной системами внимания.
- Сознание — мысли и идеи человека, в их восприятии и ощущении, которые он способен изложить на языке.
- Сознание — высшая функция мозга, заключающаяся в обобщённом и целенаправленном отражении действительности.
- Сознание — элемент памяти, имеющий «ссылку» на себя.
- Сознание — состояние, при котором знаешь.
- Сознание — способность «видеть» себя со стороны, способность не быть собой.
- Сознание — поиск конечной истины любыми доступными для индивида способами, либо понимание отсутствия смысла в этом поиске.
- Сознание — устойчивое, объемное, целостное, внутренне непротиворечивое построение модели пронизывающего тебя целостного мира.
- Сознание — противостояние рефлексу.
- Сознание — результат работы человеческого мозга, величина не материальная, а духовная.
- Состояние человека, позволяюшее иметь собственное «Я» и относить себя к окружающему миру.
- Сознание = форма. Осознание = чистое внимание к форме.
- Сознание — это особая материя человеческого мозга для воспроизведения реальных образов.
- Сознание — развертывание непроявленного бытия.

- Сознание — способность человека целенаправленно и обобщенно отражать и воспроизводить действительность в идеальной форме.
- Сознание — рядовой механизм психики. Задача механизмов сознания довести воспринимаемую новизну значимость до автоматизмов.

Интерент-источник
http://ru.wikipedia.org/wiki .

СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА – СОЗНАНИЕ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА: ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЗАИМООБУСЛОВЛЕННОСТЬ

И. А. Ильиных

Сознание и материя являются различными аспектами одной и той же реальности.

К.Вейцзеккер

Одно во всём, всё в одном;
Одно в одном, всё во всем.

Из традиций Хуаянь

Мысли, которые мы выбираем, подобны краскам, которыми мы пишем на холсте своей жизни.

Луиза Хей

Понятие "сознание" – одно из наиболее многозначных общепсихологических понятий. Очень часто его смешивают с понятием "психическое", "разумное". У некоторых авторов сознание обозначает "внутренний опыт", "рефлексию". Иногда термин "сознание" считается эквивалентным терминам "отражение", "мышление", "бодрствование" и т.п. (Рубинштейн С. Л., 1957; Платонов К. К., 1982; Джемс У., 1991). Такая многозначность объясняется тем, что разные авторы в этот термин вкладывают разный смысл, т. е. указанная многозначность является свидетельством того, что в семантическом поле понятия "сознание" можно выделить несколько смыслов. Все зависит от того на каком уровне или в каком слое психики находится сам автор и какой слой он рассматривает.

Психическое целое имеет многослойный характер, причем каждый слой представляет собой сферу, вложенную в сферу с большим радиусом, аналогично строению земного шара. Число слоев достаточно велико, но можно говорить, по крайней мере, о трех основных сферах психического, каждая из которых, в свою очередь, также состоит из множества слоев. Эти сферы

целесообразно назвать экзопсихикой, эндопсихикой и мезопсихикой (Лазурский А. Ф., 1982).

Экзопсихика. Это внешний слой психического акта. Он управляет взаимодействием с окружающей средой. Основу экзопсихики составляют сенсорные системы. Обрабатываемая здесь информация "специфична", объективна, связана с анализом среды по признакам. Экзопсихику составляют ощущения, восприятие, представление, воображение, словообразование. Высшим продуктом данного психического слоя является миросознание – понимание мира.

Эндопсихика. Это ядро любого психического акта взаимодействия субъекта с объектом. Основу составляет генетическая память, в которой хранятся врожденные поведенческие программы. В долговременной памяти хранятся приобретенные при жизни навыки, привычки и т. п. Основная функция этой сферы – самозащита. Здесь формируются эмоции, состояния, чувства и мотивы. Эндопсихика проявляет себя в виде эмоционального фона, который сопровождает любое психическое явление, причем, чем больше затрагиваются биологические интересы организма, тем сильнее эмоциональный фон. Высшим продуктом эндопсихики является "чувство Я".

Мезопсихика. Ее основная функция – совмещение возможностей организма с требованиями окружающей среды. Здесь происходит наложение "фигуры", сформированной экзопсихикой, на эмоциональный фон, который создается эндопсихикой. Любые психические явления в привычном для нас виде ("фигура" + "фон") формируются здесь. Мезопсихика отражает ситуацию наиболее адекватно с точки зрения интересов организма. Она как бы наносит масштабную сетку на фигуру, рисуемую экзопсихикой. Главный способ действия мезопсихики – совмещение, что позволяет получать новую информацию, для приобретения которой нет соответствующих рецепторных образований.

В психофизиологии также не существует единого общепринятого определения сознания (Марютина, Ермолаев, 2000). В большинстве случаев сознание определяют через функции, которые оно выполняет. Например, нейрофизиолог Х. Дельгадо (1971) приводит определение сознания как организованной группы процессов в нервной ткани, возникающих немедленно на предшествующие интрапсихические (вызванные внутренними причинами) или экстрапсихические (вызванные внешними причинами) события. Эта группа нервных процессов, т.е. сознание, воспринимает, классифицирует, трансформирует и координирует вызвавшие его события с целью начать действие на основе предвидения его последствий и в зависимости от наличной информации. В других определениях подчеркивается системность сознания, комплексность выполняемых им функций, связь с памятью (прошлым и будущим человека) привязанность к мозговому субстрату. П.В. Симонов (1987), особо выделяет коммуникативный аспект сознания, определял его как оперирование знанием, способность к направленной передаче информации от одного лица к другому.

А если поразмышлять над смыслом, вложенным в само слово «сознание», то откроется самый глубокий сокровенный смысл этого понятия. В слове «сознание» заключен смысл, сам себя раскрывающий и помогающий определить это понятие. Приставка «со-» означает сопричастность с чем-либо, например, со-страдание, со-звучие, со-участие, т.е. присоединение к какому-либо действию, переживанию, состоянию. Со-знание можно рассматривать в таком же контексте понимания – причастность к некоему знанию. В соответствии с этим можно быть сопричастным с любым знанием начиная от знаний бытового уровня до Сверхзнания. Значит уровней сознания как и уровней знания существует очень много. В связи с этим появляется масса вопросов. Первый из них, чисто философский, – является ли сознание самостоятельной функционально-структурной единицей психики или оно целиком и полностью зависит от некоего знания с которым должно быть связано и привязанность к которому обеспечивает процессы сознательной жизни человека, если знания нет или связи с ним нет, то и сознания тоже нет, потому что сознание вторично по отношению к знанию? Думаю, что в самом вопросе уже содержится ответ – сознание вторично по отношению к знанию, об этом же и говорит само слово со-знание.

Многие психологи определяют сознание как высшую форму психического *отражения* окружающей действительности (Гомезо, Домашенко, 2004; Саблин, Слаква, 2004). Такое понимание сознания является продуктом материалистического мировоззрения, ограниченного только объектами, постигаемыми посредством органов чувств, поэтому сознанию отводится пассивная роль. Но физики и математики, вторгшиеся в сферу психологии, не согласились с таким пониманием роли сознания и предложили свою версию, согласно которой сознание играет самую главную роль в творении: сознание – *творящая* информация (Тихоплав, Тихоплав, 2003). С такой точки зрения сознание является высшей формой *развития* информации. Анализируя эти два определения, мы замечаем два абсолютно разных подхода к пониманию сознания: в первом случае – сознание направлено на *восприятие* только окружающего мира, а во втором – на *создание* окружающего мира. Интересно то, что психология остается в контексте понимания первого определения, т.е. для психологической науки свойственно понимание сознания, только как *продукта* взаимодействия человека с видимым окружающим миром. Нельзя сказать, что какое-то одно понятие сознания верно, а другое ложно – они оба верны, но рассматривают сознание с разных сторон, но в одном они едины – сознание является *высшей формой* проявления определенных процессов.

Физики же и помогли психологам совместить два разных типа сознания, открыв новый уровень сознания – уровень первичного сознания – уровень сознания Бога. Здесь ученые подошли к сознанию с духовной стороны и стали рассматривать сознание как начало всего и основу всего. Они разработали модель реальности мира, состоящего из семи уровней, причем каждый уровень реальности входит в другой уровень, таким образом, мир представляет собой как бы многослойный «пирог», но при этом каждый уровень связан со всеми другими и неотделим от них, конечно образ «пирога» неадекватно описывает

картину, но вероятно человеку даже трудно представить как на самом деле устроен мир. Первый уровень мира – Абсолютное «Ничто», где существует только «первичное Сознание или Сверхсознание» и выступает в роли активного начала – Бога (Шипов, 1995). Второй уровень – Поле Сознания Вселенной. Из абсолютного «Ничто» рождаются первичные торсионные поля, которые объясняются кручение пространства. Такое первичное торсионное поле представляет собой элементарные пространственно-временные вихри левого и правого вращений, не переносящие энергии, но переносящие информацию. Третий уровень – физический вакуум – уровень чистой энергии. Первичные торсионные поля порождают физический вакуум, а физический вакуум есть носитель всех остальных полей – электромагнитных, гравитационных и вторичных торсионных, которые порождаются веществом. Дальнейший переход материи из виртуального состояния в реальное происходит в результате спонтанной флуктуации или под воздействием уже рожденной из вакуума материи. Рождение реальной материи из вакуума означает переход на четвертый уровень реальности – уровень плазмы, пятый уровень – газа, шестой уровень – жидкости, седьмой уровень – твердого тела. Первые три уровня реальности являются нематериальными в привычном понимании материи, а последующие уровни уже являются материальными. Таким образом, ученым удалось соединить сознание с материей и показать возможность превращения сознания в материальное образование. Такая логика вполне способна научно обосновать религиозные представления о сотворении мира и подтвердить слова апостола: «Вначале было слово и слово было у Бога и слово было Бог. Оно было вначале у Бога. Всё через Него начало быть и без него ничего не начало быть, что начало быть. В нём была жизнь, и Жизнь была свет человеков; и свет во тьме светит и тьма не объяла его» (От Иоанна 1:1-5).

На востоке существует представление о том, что в основе всего лежит первичное сознание и оно проявляется в разных формах в вещах существующих и не существующих уже или еще. Уровней сознания много и самый тонкий из них вечен. Человек, как и любое существо этого мира, многослоен и включает в себя все уровни сознания мира. Но, какие-то уровни сознания активны в данное время жизни человека, какие-то находятся в неактивном состоянии, и зависит от человека захочет ли он разбудить их. Центры сознания, связаны не только с телесными структурами, но с волевыми, эмоциональными и интеллектуальными проявлениями человека. Выделяют семь главных центров сознания и энергии (Рамта, 2006): 1 – ассоциируется с органами размножения, сексуальностью, выживанием, подсознанием и кольцом частоты радиоволн; 2 – ассоциируется с болью и страданием, является энергетическим центром общественного сознания; кольцо инфракрасной частоты; расположена в нижней части живота; 3 – ассоциируется с контролем, тиранией, силой и властью; является энергетическим центром осознанности; кольцо частоты зримого света; расположено в солнечном сплетении; 4 – этот уровень ассоциируется с безусловной любовью, переходным сознанием, ультрафиолетовой частотой, с вилочковой железой и ее гормоном вечной молодости; 5 – этот уровень ассоциируется с щитовидной железой,

сверхсознанием, рентгеновской частотой и однозначным следованием правде, когда слово подтверждается делом; 6 – ассоциируется с шишковидной железой, гиперсознанием, кольцом частоты гамма-лучей. Когда человек выходит на данный уровень сознания, то растворяется сетчатое образование, которое фильтрует и скрывает внутреннее знание подсознательного разума; 7 – этот уровень ассоциируется с теменем, гипофизом, ультрасознанием, частотой Бесконечного Непознанного и достижением просветления, т.е. полным осознанием своей божественности.

Человек может пройти все стадии развития сознания при этом одновременно происходит и развитие – преображение – человеческого тела. Одновременно с развитием сознания человека развивается и окружающий мир, сознание мира и происходит развитие мира как телесного образования. Обратимся снова к процитированному источнику (Рамта, 2006). Любой уровень сознания неизбежно связан с физическими параметрами среды, это можно представить как проявление разных ипостасей одной и той же реальности: подсознание в волновой форме проявляется в виде радиоволн, общественное сознание имеет инфракрасное излучение, уровень осознанности проявляется в форме зримого света, переходное сознание – это ультрафиолетовые лучи, сверхсознание – рентгеновские лучи, гиперсознание – гамма-лучи, ультрасознание – Бесконечное Непознанное.

Не являясь отдельной изолированной частицей окружающего мира, человек устроен также как и Вселенная в целом и в каждом человеке есть все семь уровней реальности мира, которые мы рассматривали выше. Эволюция человеческого сознания состоит в том, повторюсь еще раз, чтобы пробудить наиболее близкий к божественному уровню сознания уровень и жить на этом уровне и строить свою жизнь, опираясь на знания, доступные на этом уровне сознания. А потом оставить этот уровень и пойти дальше, глубже, выше. Чем выше уровень сознания человека, тем большими возможностями он обладает, больше понимает и обладает большей ответственностью. При этом человек не уходит от мира он живет в нём более сознательно, его жизнь становится глубоко осмысленной, правдивой, потому что сознание наполнено истинной информацией из первоисточника Знания.

Сознание, являясь первоосновой всего существующего, находится во всем, содержится во всем, оно же является и управляющей структурой – творящей информацией – и сознание же является продуктом активности различных психических структур, квинтэссенцией опыта человека. Таким образом, есть сознание первичное и есть сознание вторичное. Есть сознание творящее и есть сознание отражающее. Они неразрывно связаны друг с другом. Вторичное сознание создано первичным сознанием и стремится познать своего творца и все творения. Таким образом, с сознания всё начинается и сознанием всё заканчивается. Вероятно весь этот мир – это постоянное превращение сознания из одной формы в другую, постоянный рост, развитие, расширение, преобразование… сознания. Разные уровни сознания строят свои миры согласно Знанию, содержащемуся в данном сознании. Сознание бесконечно и разнообразно.

Литература
1. Библия. Новый завет. От Иоанна святое благовествование. 1 : 1-5.
2. Гомезо М.В., Домашенко И.А. Атлас по психологии. – М.: Педагогическое общество России, 2004. – 276 с.
3. Дельгадо Х. Мозг и сознание. – М.: Мир, 1971. – 264 с.
4. Джеймс У. Психология. – М., 1991.
5. Лазурский А.Ф. Классификация личностей // Психология индивидуальных различий. Тексты / Под ред. Ю.Б, Гиппенрейтер, В.Я. Романовой. – М., 1982.
6. Марютина Т.М., Ермолаев О.Ю. Введение в психофизиологию. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2001. – 400 с.
7. Платонов К.К. Система психологии и теория отражения. – М., 1982.
8. Рамта Белая книга / Пререв. с анг. О.Громилиной. – М.: ООО Издательский Дом «София», 2006. – 352 с.
9. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957.
10. Саблин В.С., Слаква С.П. Психология человека. – М.: Экзамен, 2004. – 352 с.
11. Симонов П.В. Мотивированный мозг : Высш. нерв деят-ть. и естеств. научн. основы общ. психологии / Отв. ред. В.С. Русинов. – М.: АН СССР Наука, секция хим.-технол. и биол наук, 1987. – 1987 с.
12. Тихоплав В.Ю., Тихоплав Т.С. Начало начал. – СПб.: ИД «ВЕСЬ», 2003. – 288 с.
13. Шипов Г.И. Явления психофизики и теория физического вакуума // Сознание и физический мир. – Вып.1. – М.: Агентство «Яхтсмен», 1995. – С. 86-103.

Литературный источник
Ильиных И.А. Сознание человека – сознание окружающего мира: взаимосвязь и взаимообусловленность // Современные проблемы геоэкологии горных территорий: Материалы III международной научно-практической конференции, Горно-Алтайск 2-4 октября 2008. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2008. – С. 232 – 237.

СИЛА ПОЮЩЕГО СЕРДЦА. СОКРОВЕННЫЕ ИСТОРИИ (отрывок)

В. Лермонтов

[…] Утро рождалось звонкими трелями птиц, хрустальной росой на траве и цветах, свежестью, обильно разлитой в воздухе. Макарий вспомнил вчерашнее общение с Богом и погрузил сознание в свое сердце, стараясь представить, что оно как бы раскрывается и распахивается навстречу миру. Ему нужно было понять куда идти, что делать дальше. И после того, как он почувствовал, что

его сердце открылось, распахнуло свои крылья, он стал внимательно осматриваться вокруг. Как прекрасно и волшебно было все, что его окружало! Однако в этой панораме нужно было найти то, что собрало, сконцентрировало эту красоту, необычную энергию, особенную гармонию. Вдруг взгляд странника упал на каменную глыбу, едва приметную в гуще зелени леса. Он отправился к ней. Это была огромная удивительная глыба известняка, увитая плющем и покрытая изумрудным мхом. Да именно здесь Макарий почувствовал приток сил и особой энергии, которая начала вливаться в его существо, как животворящая влага в сосуд. Он будто начал входить вовнутрь этой глыбы, и вместе с этим его сознание погружалось в особое состояние, в котором его глаза начинали видеть, а уши слышать то, что прежде для него было сокрыто. Что это такое? Трудно словами точно описать это фантастическое переживание. Скорее можно сказать, что природа вдруг стала восприниматься странником изнутри, словно он теперь видел, не только ее внешние формы, но и внутреннее содержание, то есть энергия, которая излучалась из каждой детали бытия. Вот эта глыба была источником мощной фиолетовой энергии, а вот этот мох излучал мерцающий розовый свет, и так все вокруг имело свою энергию определенного цвета, со своей интенсивностью и пульсацией. И Макарию в конце концов показалось, что это вовсе не глыба, а мудрец пустынник, заросший волосами, с лицом, изборожденным морщинами, лучистыми глазами и широким лбом. Старец владел бесконечно глубокими знаниями, накопленными за миллионы лет, но, главное, в нем присутствовали безграничная любовь и покой. Это был океан покоя и красоты, любви и нежности. Он как бы наставлял Макария, изъясняясь на языке тишины и безмолвия, что не нужно торопиться в жизни, нет надобности суетиться и волноваться, а следует на все, что происходит вокруг тебя, на то, что тебя окружает, глядеть взором вечности, то есть как бы изнутри, чтобы созерцать красоту и гармонию, чтобы видеть во всем подлинное, непреходящее, божественное. И тогда ты всегда будешь знать, куда идти и что делать в данный момент.

Макарий не ведал сколько времени он провел у этой каменной глыбы-старца, так как он вошел в то состояние, где нет времени, нет пространства, а есть лишь бесконечность переливов и переживаний, которые, подобно течению спокойной, величественной реки, несли его к соединению с океаном, когда его сердце и душа наконец наполняются до краев покоем, любовью, мудростью.

После этого чудесного общения с глыбой Макарий чувствовал себя совсем по другому, он теперь знал, куда ему идти, потому как он стал видеть мир, природу изнутри, в нем открылось особое зрение, внутренние глаза, которые до настоящего времени были закрыты. Теперь он шел по горам Кавказа так, словно это был его родной дом, где он знал всякую мелочь, каждую деталь и все вокруг внимало и отвечало ему. Это было живое, всегда говорящее, постоянно излучающее энергию окружение. Однако, если он вдруг терял живую нить общения с природой, он тут же останавливался и вновь погружался в свое сердце, стараясь распахнуть его, чтобы в окружающем мире увидеть очередную веху – место особой силы и энергии. И тогда все повторялось, он

подходил к очередному удивительному месту силы, насыщался энергиями, знаниями, вновь обретал видение мира изнутри и продолжал путешествие. Много дорог прошел таким образом Макарий, и у него не было никакого намерения, кроме того, чтобы открывать свое сердце, укреплять новое видение мира. Возможно, природа-учитель порой водила его по кругу, чтобы показать ему самые красивые и волшебные свои места – источники особой живительной энергии, которых было немало. И то, что Макарий шел как бы в никуда, было неважно, потому что цель его пути была не снаружи, а внутри. Он учился у природы, и она была рада подарить ему все, что он хотел. Она помогала ему раскрывать себя, отворять свое сердце, очищать свою душу, уметь видеть мир в своей первозданной, божественной сути (С. 129 – 131).

(*Детей Пашу и Ксюшу украли чеченские террористы для того, чтобы получить выкуп за них. Макарий почувствовал, что именно он должен их спасти и оказался с ними в месте их заключения*) […] Отныне каждую ночь Макарий силился вступить в мысленный контакт с Бурым. Ум странника понимал всю невероятность такого предприятия, а душа, напротив, стремилась вперед, к осуществлению задуманного плана спасения, ведь для нее и для поющего сердца чудеса были естественны и очевидны. Все нападки ума, который пытался доказать, что вызвать бурого зверя бред, Макарий отметал. Он уже научился усмирять свой разум, но иногда ум уж очень сильно противодействовал, возбуждался и мешал действовать душе. И вот однажды ночью Макарий почувствовал Бурого, он увидел его в своей берлоге, под большим дубом. В тот же момент дубравный зверь, восприняв своим медвежьим чутьем мысли своего друга Макария, встрепенулся и поднялся. Покачав мордой, отряхнулся и подняв морду к небу, громко зарычал на весь лес.

– Буренький, пора в путь, ты поможешь забрать отсюда детей. Я буду вести тебя, чтобы ты нашел нас. Мы ждем тебя, вперед, друг мой любезный, – так мысленно наставлял Макакрий мохнатого зверя.

И Бурый пошел, побежал по оврагам и кустарникам, ущельям и горам, по тропам и бездорожью. Он не задерживался нигде, лишь только останавливался перевести дух, попить воды – и снова вперед.

Ощущение того, что у Макария получилось связаться с Бурым и тот, вне сомнений, уже спешит к нам на помощь, наполнило странника импульсом радости, что предалось детям. В подвале воцарилась атмосфера ожидания праздника, ожидания чуда. Ксюша после невероятного восстановления ее пальчика [Макарий силой своего духа прирастил ее отрубленный пальчик] стала совсем по-другому относиться ко всему, что говорил, вещал Макарий. Лед ее души начал таять, и она готова была поверить, что за ними придет настоящий медведь, но все же это казалось слишком невероятным. Как бы то ни было, но девочка значительно повеселела и приободрилась, ведь как знать, может, и правда случится такое, что происходит только в сказках и былинах.

[…] Макарий мысленно постоянно вел Бурого, как это получалось, он не знал. Только из Макария исходила энергия мысли, которая уносилась куда-то

вдаль, находила медведя, а тот в свою очередь по ней, как по лучу, двигался навстречу с невольниками.

– Ну вот, детки мои, сегодня ночью пожалует наш буренький, и мы сбежим отсюда, – произнес Макарий. – Давайте-ка готовиться к путешествию.

[…] А бурый тем временем стоял на горе. Медведь оглядывал поселение, где его с волнением и нетерпением ждали трое узников.

– Пойдешь ночью незаметно, старайся никого не разбудить. Будь тих, как мышка, – давал последние мысленные наставления Макарий медведю.

И тот улегся и задремал в ожидании команды к наступлению.

Ночь была ветреной, и это было на руку беглецам. Все шумело, стучало, собаки лаяли, на крышах что-то ухало. Под «музыку», производимую зимним ветром, Бурому было легче всего проникнуть в селение незамеченным. К полуночи повалил еще больший снег, что стало прекрасной природной маскировкой в случае погони. В общем, сама природа покровительствовала побегу, будто она хотела прикрыть беглецом своим естественным покрывалом, защищая от злых людей.

Макарий вдруг почувствовал поступь Бурого, он ощущал, что медведь совсем близко. Никаких посторонних шумов в селении не было, значит, Бурого не заметили. Вот послышался за дверью шорох, движение, скрипнули петли, вздрогнула дверь и слетела с петель. Дети забились в угол, испытывая чувство страха. И вдруг в подвал ввалился пушистый заснеженный бурый, который радостно зарычал и поднявшись на задних лапах, принялся обниматься с Макарием, всячески стараясь его облизать.

– Молодец, Буренький, пришел! Все сделал как надо. Ну полно полно целоваться пора уходить. Познакомься с нашими друзьями, это Паша, это Ксюша.

Дети смотрели на происходящее широко открытыми глазами и не верили, что у них в гостях действительно настоящий медведь! От него пахло шерстью и морозом, и этот запах запомнится им на всю жизнь, ибо это – запах чуда, аромат победы, радости, праздника, освобождения.

– Ну подойдите, ласточки мои, не бойтесь. Потрогайте Бурого, вам надо поскорее познакомиться, и пора в путь.

Дети, прижимаясь друг к другу, нерешительно приблизились к медведю, а тот по очереди лизнул Пашку и Ксюшу.

– Ой, – вскрикнула Ксюша от неожиданного соприкосновения с шершавым языком зверя.

– Все, пора! – скомандовал негромко Макарий. – Идти тихо, не шуметь, не кричать. Быть осторожными и внимательными, чтобы не произвести лишнего шума.

Троица с медведем выбрались во двор, на них пахнуло зимней ночью, ветер застилал лица, глаза снегом. Они зашли за околицу, затем достигли края селения, и вот они уже начали подниматься в гору. Через две минуты дети стали задыхаться и падать.

– Ну вот, а теперь полезайте на мохнатого, он вас повезет, как королей. Не робеть! А ты, Буренький, ступай помягче, чтоб дети не падали.

Пашка залез первым, Ксюша за ним.

– Ну, а теперь держитесь покрепче, что есть силы за шерсть. Вперед, Бурый!

Медведь, оседланный детьми, двинулся вперед, за ним едва поспевал Макарий. Каждый шаг беглецам приносил ощущение победы и свободы, и не важно, что впереди была колючая, снежная темнота, она лишь казалась страшной, а на самом деле она была доброй, она принимала с радостью и любовью путников в свое лоно. Мир людей оставался позади, там свирепствовала эпидемия – страсть к деньгам, которые достигались любой ценой, даже ценой детских жизней. Но весь этот ужас, который сотворили взрослые с закрытыми сердцами и помраченными умами, отдалялся, все дальше исчезал за спиной путников.

Дети прижимались к теплой шкуре спасителя, под которой ходили сильные мышцы дубравного зверя. Только Бурый в такой темноте мог знать дорогу, ведь это его страна и он в ней хозяин.

Эта чудная процессия спешно шествовала в гору по первому снегу, а ветер заметал их следы. И казалось, что в самом ветре звучит музыка триумфа, торжества сердец, которые пройдя все испытания и скорби, запели от радости и счастья. А когда они поют, то отступает темнота, уходят невзгоды, преодолеваются любые трудности, и во всем мире воцаряется праздник любви и света, который никогда не кончится и уже ничем не омрачится (С.201-205).

Литературный источник

Некрасов В. Сила поющего сердца. Сокровенные истории. – М.: Издательский дом «София», 2003.

СОЗНАНИЕ В ЖИВОЙ ПРИРОДЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА (отрывок)

Г. С. Белимов

Так, доктор геолого-минералогических наук А. Г. Бакиров считает, что хорошо известная целительная или даже оберегающая сила некоторых полудрагоценных камней, минералов, кристаллов также может объясняться наличием сильных энергоинформационных связей человека с минеральной жизнью, наделенной некоей формой сознания, способствующей оздоровлению и защите организма человека на клеточном уровне.

Исследования российского ученого П. П. Горяева раскрыли волновую природу генома и показали, что ДНК имеет способность к созданию акустических сигналов, посредством которых она общается с Творцом; при попытках ее уничтожения кричит об опасности, как известные нам живые существа. Интересно то, что нецензурные высказывания отрицательно влияют

на молекулу ДНК и негативно сказываются на наследственности. Образно говоря у ДНК есть «уши» и она «слышит» все, что мы говорим.

Широко известны опыты академика В. П. Казначеева и его коллег, установивших неизвестные каналы связи между колониями бактерий, запечатанных в разных стеклянных сосудах. Сигналы гибнущей популяции бактерий каким-то образом улавливались здоровыми организмами в другом сосуде, и через некоторое время они тоже погибали. Ясно, что не сам разрушительный, опасный для жизни ингредиент передавался, а лишь информация о нем, однако и она играла фатальную роль.

Растения чувствуют настроение человека, приближающегося к ним. Известный американский ботаник Лотер Бурбанк, когда хотел создать новый сорт, просто подолгу беседовал с растением. Например, чтобы создать сорт неколючего кактуса, он много раз повторял побегам: «Колючки вам не нужны, Бояться вам нечего. Я защищу вас».

Растения могут читать мысли людей. Однажды Фогель попросил психолога спроецировать сильную эмоцию на филодендрон на расстоянии 4.5 метра. Растение впало в «омертвелое состояние», психолог просто сравнил филодендрон со своим домашним и признал его намного лучше. И тот «обиделся» практически дулся в течение двух недель, не реагируя ни на что!

Замечено, что у хозяев, которые работая на грядках, что-то говорят, нашептывают растениям, урожай становится отменным.

Растениям ведомы чувства любви, горечь утраты близких. В литературе описан случай, когда после смерти хозяйки комнатные цветы за одну ночь завяли, словно сварились. Так они отреагировали на смерть женщины, которая их очень любила и ухаживала за цветами многие годы.

Легко растения запоминают, а затем узнают своих обидчиков, нанесших им вред. Такие опыты делались известным английским биологом Л.Уотсоном. Однажды растение опознало «обидчика-убийцу», не присутствуя при «злодействе». Во время одного из опытов во Флориде – рассказывал Уотсон, – растение цикломен «обвинил» сразу двух из шести подозреваемых. Я вызвал их и узнал, что один был действительно виновен, а другой часом раньше стриг газон перед собственным домом. Он пришел, не чувствуя за собой никакой вины, но растению стало ясно, что у него руки «в крови».

Литературный источник

Белимов Г.С. Сознание в живой природе и экологическая этика // Материалы Второй междисциплинарной научной конференции «Этика и наука будущего. На пути к духовно-экологической цивилизации». – Москва, 15-16 февраля 2002. – С. 203-206.

ФРАНЦИЗСК АССИЗСКИЙ И ВОЛК

М. Ришар

[...] В окрестных лесах и полях города Губбио свирепствовал матерый волк. Люди не осмеливались выходить за пределы города – хищник нападал на людей и животных.

Мужественный Святой Франциск решил встретиться со страшным зверем один на один. Он вышел из города вместе с жителями, следовавшими за ним в отдалении. Когда святой подошел ближе к лесу, волк неожиданно выскочил из чащи и набросился на него с широко открытой пастью. Но Франциск спокойно сделал жест рукой, и волк смиренно улегся у его ног.

– Брат волк, – обратился к нему Франциск, – ты причинил много вреда этой земле и заслуживаешь смерти как убийца. Все люди тебя ненавидят. Но я хочу помирить тебя с моими друзьями, жителями Губбио.

Волк наклонил голову и завилял хвостом.

– Брат волк, – продолжал Франциск, – я обещаю тебе, что, если ты будешь жить в мире с этими людьми, то они будут хорошо относиться к тебе и ежедневно приносить пищу. Так ты обещаешь отныне больше не причинять зла?

Волк низко наклонил голову и положил правую лапу на руку святого. Таким образом, они заключили договор доброй воли.

Затем Франциск повел волка на базарную площадь города и повторил перед собравшимися жителями то, что он только что говорил волку. И волк еще раз положил лапу на руку святого в знак того, что он обещает вести себя хорошо.

Два года волк жил в городе, не причиняя вреда жителям. Ежедневно они приносили ему еду, и все оплакивали его, когда он умер.

Каким бы волк ни казался плохим, было в нем нечто такое, что мог разглядеть только святой, назвавший его своим братом. В этой легенде волк, несомненно, воплощает в себе образ преступника, которого люди обычно сильно ненавидят. Но и в преступнике можно обнаружить искру Божию. В легенде о Святом Франциске говорится о том, что даже в безнадежно порочных людях все же остаются семена добра, которые могут прорасти под действием тепла любви...

Литературный источник

Ришар М. Журчащий родник. – М.: Беловодье, 2000. – 288 с.

ПРОЯВЛЕНИЕ СОЗНАНИЯ В РАСТЕНИЯХ

Эволюция – проявление латентных возможностей. В каждом предмете (вещи) содержатся все вещи. В семени содержится дерево в дереве – лес. Поэтому правомерно считать, что разум содержится в многочисленных мирах

природы, а не только в том мире, центром которого является человек. Та же мысль может быть выражена другими словами, а именно утверждением, что сознание присуще всем формам жизни. Оно является самой основой акта сотворения, представляет собой силу эволюции. Жизнь, сотворение и эволюция представляют собой стадии развития сознания. В мире нет ничего, что было бы лишено чувств, ничего, что было бы запятнанным или лишенным духовного начала, ничего, что бы не представляло исключительной ценности в космосе. Жизнь построена на взаимных связях, для нее характерны взаимные зависимости, взаимосвязи, система взаимного вскармливания и заботы, причем не только в физическом плане, но также и психологически и духовно.

Поэтому сознание не исчерпывается мыслью, тем более не исчерпывается оно и интеллектом или разумом. Это – ощущение жизни и связи со всем сущим. Сознание, как чистое ощущение, существует уже на уровне растения, оно таится в минералах, даже в самом атоме. Элементарное притяжение и отталкивание, подобны любви и ненависти, сходству и различию. Именно по этой причине древние пророки Индии утверждали, что существует только Я, что единство является основой всего сущего – что единство жизни является единством сознания.

Под этим мы понимали, что любая форма жизни обладает способностью к ощущениям, что все является, с точки зрения сознания, очеловеченным. Подлинный гуманизм, что представляет собой гуманное сопереживание со всеми формами жизни, является первоосновой жизни. Иногда со стороны растений и животных мы видим большую способность к сопереживанию, чем со стороны некоторых людей, которые зачерствели в своем чувстве исключительной принадлежности к человечеству. Ведь только когда мы поднимаемся до того, чтобы смотреть на все вещи как на "очеловеченные", мы оказываемся способными вести подлинно человеческую жизнь. Такой урок преподносят нам растения и травы, существование которых основано на единстве природы и, благодаря ему, мы можем вернуться к лучшему пониманию нас самих.

Человек, являясь микрокосмом, содержит в себе все прочие миры – элементарный, минеральный, растительный и животный. Растение же несет в себе потенциал человеческого бытия. Напротив, в человеке содержится первичная энергетическая структура растения. Можно сказать, что наша нервная система является деревом, растительная сущность которого человечна. По этой причине растения могут непосредственно общаться с той чуственной основой, которая делает нас подлинно человеческим существом.

Назначение растительного царства состоит в том, чтобы дать проявиться чувственному началу. На уровне растений чувства существуют в чистой и пассивной форме. Животный мир и мир человека проявляет чувственную сферу более активно и более обособленно, но зачастую – с меньшей красотой. Сознание в растениях находится на первичном уровне единства; поэтому оно более психично и телепатично.

Формы жизни – это станции, призванные принимать и передавать те силы, посредством которых питается все сущее. Все существует для для того,

чтобы питать все другое и, в свою очередь, чтобы питаться самому. В этом смысле каждое царство служит цели принимать и передавать жизнь. Эта жизнь заложена в феномене света и в передаче звездных или астральных сил.

Земля, как гигантский рецептор или радиостанция, поглощает или испускает звездные и космические силы, подлиная сущность которых растет и проявляется в виде жизни. Не все из этих сил являются материальными. Они представлены также "изощренными" энергиями оккультного или духовного характера. Растения передают витально-эмоциональные импульсы, жизненную силу, которая скрыта в свете. В этом состоит особый дар, особая благодать и сила растений.

Растения приносят нам любовь, питающую силу солнца, которая совершенно идентична энергии всех звезд, всего света. Эти космические виды энергии, излучаемые растениями, таким образом питают, поддерживают и побуждают к росту наше собственное астральное тело.

В этом плане жизнь растений представляет собой великолепное подношение и громадную жертву. Они предлагают нам не только ту, присущую им питательную ценность, но и в подлинном смысле слова свет и любовь звезд из космоса, чьими посланниками они являются. Они несут нам свет мироздания с тем, чтобы мы могли слиться с жизнью мироздания. Таким образом, они существуют как для целей психологического, так и физического питания. Отсюда следует, что наши чувства являются нашими "внутренними" растениями, нашими "внутренними" цветами. Они произрастают в соответствии с нашим пониманием природы всей жизни.

Созидание – это свет. В Ведах, древних летописях Индии, великий бог Агни, перпопричина огня, Божественный прорицатель – Воля создает миры и допускает мироздание в цикл самопревращений.

Назначение растений – превращать свет – в жизнь. Назначение же людей – превращать жизнь – в сознание, в любовь. Эти три элемента – свет, жизнь и любовь являются чем то единым, одно из них – выражение другого, три измерения одного и того же существования. Растения превращают свет в жизнь путем фотосинтеза. Человек же превращает жизнь в сознание через восприятие, через акт непосредственного восприятия пророк созерцающий становится предметом созерцания, наблюдатель – предметом наблюдения. Санскритское название растения osadhi – буквально означает "сосуд" или "сознание", dhi, в котором происходит горящая трансформация, osa. В Ведах это может означать не только растения, но и все элементы сущего.

Человек – это растение, несущее сознание. Растение, которое осуществляет сходный процесс на "более низком уровне" эволюции, питает наше сознание и нервную систему, таким образом облегчая этот процесс. На высших уровнях – также, как на низших" все мироздание – это метаморфозы света.

Во внешнем мире находящееся в центре солнце является источником света и жизни. Во внутреннем мире также находящееся в центре солнце – источник жизни. Это внутреннее солнце – наше подлинное Я, то, что древние называли Пуруша или Атман. Растения обеспечивают наше приобщение к

энергии внешнего солнца, тогда как наше внутреннее растение, наша нервная система реализует наше приобщение к внутреннму солнцу. Создание должной связи между внешним растением и внутренним растением завершает, таким образом, кругооборот света и жизни, и устанавливает свободное течение сознания, в котором сознание оказывается освобожденным, то есть соединяет одно солнце с другим, воссоединяет внешнее с внутренним, превращает нашу жизнь в подлинный праздник восторга.

Когда растения или трава используются надлежащим образом, а при этом высвобождается их подлинная сила – это означает общение с ними. Когда мы, общаясь с растением, как бы сливаемся с ним, то оно витализирует нашу нервную сиистему и придает силы нашему восприятию. Это означает, что мы видим в растении ценность, сродни священной, видим в нем средство общения со всей природой. Таким образом, подобно мантрам, каждое растение помогает актуализировать потенциал космической жизни, представителем которой оно является.

По этой причине многие древние народы глубоко почитали растительное царство. Соответствующее чувство вовсе не было проникнутым предрассудками, трепетом, либо простым восприятием красоты.

Оно определялось восприятием силы, которую растения нам придают. При этом соответствующая сила не исчерпывается той ее толикой, которая связана с поеданием растения, но обусловлено всем нашим общением с ним.

Пророки древней Индии подходили к лечению и травам с позиций именно такого сознания. Их наука не была наукой, основанной на эксперименте, а носила форму прямой причастности. Экспериментирование означает определенное ударение, дистанцию между наблюдателем и предметом наблюдения субъектом и объектом. В результате экспериментирование предусматривает опосредование, измерение, перевод на другой "язык". При анатомическом обследовании трупа исключается проникновение в душу. Непосредственное восприятие, или медитация, является предметом науки йога. Йога позволяет проявиться сущности, имманентному элементу. Когда это свершается, то полностью обнаруживает себя материальный и духовный потенциал.

Соответствующие пророки, благодаря йоге восприятия, могли слышать то, что говорят растения. И растения открывали свои секреты, многие из которых намного более изощренны, чем возможности химических анализов. И если мы будем подходить к растениям сегодня с тех же позиций – не как к средству для нашего эгоцентризма, а как к интегральному компоненту нашего подлинного единства, то тогда истинная ценность растения будет служить нам как благодарному пользователю.

Таким образом, чтобы стать подлинным гербалистом, следует сделаться "пророком". Это означает – чувствовать природу растения. Общаться, будучи проникнутым, готовым к восприятию, к приятию сознанием излучаемого растениями света мироздания. Это означает также – научиться слушать, когда растение говорит, говорить с растением, как с другим человеком и видеть в нем своего учителя.

Интернет-источник
http://www.narmed.ru/articles/aurveda/aurveda02

НЕМЕЦКИЕ УЧЁНЫЕ ИССЛЕДУЮТ ПАМЯТЬ И СОЗНАНИЕ РАСТЕНИЙ

Наступает весна. Многие садоводники устремились на свои участки, чтобы посеять семена будущего урожая. В тёплых европейских широтах уже появились первые ростки. При этом многие люди относятся к своим питомцам как к разумным существам – они разговаривают с ними, одаривают их любовными взглядами, и даже ласкают их осторожными прикосновениями. Те люди, кто имеет домашние растения, имеют такое отношение к своим зелёным питомцам не только весной, но круглый год. Домашние растения становятся настоящими членами семьи, за которыми взрослые ухаживают подчас лучше и прилежнее, чем за собственными детьми. Некоторые люди (чаще всего бездуховные материалисты) высмеивают такое отношение к растениям как к разумным существам, т.к. в современном обществе царит обывательское мнение, что растения являются бездушными существами. Такая точка зрения понятна, т.к. простым людям кажется, что растения неподвижны и очень слабо реагируют на внешние раздражители. Но современные профессионалы-учёные, которые исследуют жизнь растений, придерживаются иной точки зрения - путём опытов они находят доказательства наличия памяти и разума у наших зелёных братьев.

Биолог Дитер Фолькман [Dieter Volkmann], долгие годы изучающий жизнь растений в стенах Боннского университета, говорит следующее: "*Реакции растений связанны, в основном, с процессами роста. Эти реакции имеют замедленное протекание по сравнению с животным царством. Поэтому они менее заметны простым взглядом. Такие процессы можно ясно увидеть только с помощью ускоренной съёмки. Но в конечном итоге, реакции растений имеют те же характеристики, что и реакции низших животных*"[1]. По данным учёных, растения воспринимают около 20 различных видов внешних раздражителей – гораздо больше, чем люди. К примеру, растения способны реагировать на электромагнитное поле. Если поместить некое растение в электромагнитное поле, то его корешки будут всегда расти в сторону отрицательного полюса. Данный феномен много раз проверен, но объяснения ему до сих пор не найдено. На фотографии рядом показано развитие ростков кукурузы под воздействием электромагнитного поля.

Самым прославленным растением, отличающимся повышенной чувствительностью и быстрой реакцией на внешние раздражители, является мимоза Мимоза Стыдливая (Mimosa pudica). Его маленькие, продолговато-овальные, перистые листья реагируют на простое прикосновения путём складывания к стеблю ветки, которая в свою очередь опускается в сторону

основного стебля. При этой защитной реакции в сложенных листьях происходит даже остановка фотосинтеза. Самое интересное, что реагируют не только те части мимозы, которые непосредственно испытали действие раздражителя, но и её соседние части, находящиеся в 10-15 сантиметрах от очага. Учёный из технического университета Мюнхена, Ёрг Фромм [Jörg Fromm], проводивший эти эксперименты, описывает реакцию мимозы следующим образом: "*Реакцию мимозы на огонь спички можно с уверенностью назвать шоковой реакцией. Данный шок настолько силён, что процессы фотосинтеза временно приостанавливаются даже на соседних ветках, т.е. не только в очаге раздражения, но на удалении около 10 сантиметров*"[1]. Таким образом родилось предположение, что мимоза имеет некую систему, по которой передаются электрические импульсы от одной части растения к другой.

Ёрг Фромм со своей командой решили установить точное место нахождение каналов, по которым передаются электрические импульсы. Изначально было выдвинуто предположение, что электрические импульсы проходят по ситовидным трубкам ксилемы, по которым происходит обычная транспортировка питательных веществ. Чтобы проверить эту гипотезу, мюнхенские учёные прибегли к хитрой уловке. Известно что растительные блохи присасываются к стеблям молодых побегов растений, и пьют из них растительный сок. Делают они это путём проникновения своих хоботков в ситовидные каналы ксилемы. Если с помощью лазерного луча осторожно убить блоху после того, как она присосалась к стеблю мимозы, и удалить убитое тело блохи, оставив её хоботок в стебле, то можно к хоботку присоединить измерительный электрод, с помощью которого можно измерять электрические импульсы, проходящие по ситовидной трубке, в которую воткнут хоботок блохи. К примеру, если накапать на стебель "препарированной" мимозы ледяной воды, то по её ситовидным каналам пройдут электрические импульсы, которые можно записать самописцем электроприбора, получающего сигналы от электрода мимозы.

Проведя измерения электрических сигналов, проходящих по ситовидным трубкам мимозы в различных состояниях – от спокойного состояния до реакции на различные внешние раздражители – Ёрг Фромм пришёл к поразительным выводам, которые он выражает следующим образом: "*Принимая во внимание высоту и продолжительность электрических сигналов мимозы, реагирующей на ледяную воду, можно говорить о целом блоке информации, которая передаётся по ситовидным каналам ксилемы. К примеру, если по ситовидным каналам мимозы передать искусственно созданный (с помощью генератора) электрический сигнал такой же формы, который регистрируется при реакции на ледяную воду, то будет наблюдаться одинаковая реакция*"[1]. Другими словами, можно говорить о нервной системе растений, которая работает на тех же электрических импульсах, что и в животном мире. И какая разница, по каким каналам идёт передача нервных импульсов – по аксонам нейронов или по ситовидным трубкам ксилемы?

А если есть нервная система, то должен быть и разум! А где разум, там и память! Боннский учёный Дитер Фолькман провёл эксперимент, который доказывает наличие памяти у растений. Эксперимент строился следующим образом. Берётся небольшой росток гороха в маленьком горшочке, и ложится на пять минут набок. В этом положении низ горшочка (т.е. положение земля-небо) маркируется, к примеру, с помощью кусочка деревяшки. Затем росток переворачивается в нормальное положение, и ставится на 14 дней в холодильник, в котором при 4 градусах никакой рост не возможен. После двух недель холода, росток гороха переносится в тёплое помещение, поливается тёплой водой, и помещается в специальный аппарат, который создаёт для ростка искусственное состояние невесомости. Данный эффект достигается переворачиванием горшка растения на бок, и постоянным вращением в таком положении вокруг своей оси. Таким образом, росток не может определить, где небо, а где земля. И теперь спрашивается, вспомнит ли росток своё положение, в котором он находился в течение последних пяти минут до своего замораживания? Результаты данных экспериментов с невесомостью показывают, что стебель гороха развивается в направление от маркированной стороны горшочка (которая обозначена в данном случае куском деревяшки). То есть можно с уверенностью говорить, что растение ВСПОМНИЛО (!) своё последнее "земное" состояние.

Если у растения есть память, то где она находится? "*Различные части корня растения, - по мнению Дитера Фолькмана, – имеют информацию о том, что происходит внизу, вверху, сбоку от него. Поэтому о корне растения можно говорить как о децентрализованном, но всё же едином координационном центре*"[1]. Действительно ли мозг растения – это его корни? Это пока лишь рабочая гипотеза. Но ясно одно, что с устаревшим представлением о бездушных растениях нужно окончательно распрощаться.

Современная наука прокладывает новые пути, которые философия Живой Этики показала ещё в прошлом веке. Рано или поздно, но учёные докажут всему человечеству, что растения могут чувствовать, любить, вспоминать, и даже думать. И когда это произойдёт, то человечество взойдёт на новую ступень взаимоотношений со своими зелёными братьями. В результате такого сознательного сотрудничества с растительным миром вся наша планета превратится в единый цветущий сад, красота которого затмит легендарные сады Семирамиды! Нужно только человечеству пожелать возвыситься духом – и перед ним откроются невиданные чудеса, и в том числе неписаная красота природы растительного мира!

---

1. Цитата по телепередачи "Nano" от 21.04.06. Короткий Интернет-репортаж о данной передаче можно посмотреть в статье "Pflanzen haben eine Erinnerung und eine Art Intelligenz " ("Растения имеют память и своего рода сознание") по следующему адресу http://www.3sat.de/nano/cstuecke/90417/ (на немецком языке).

Интерент-источник
http://lebendige-ethik.net/4-Nemezkie_u4onye.html

ЦВЕТОК, ОТЗОВИСЬ!

В. Н. Пушкин

Начать мне, пожалуй, лучше всего, с одной детективной истории. Ее поведал миру американский криминалист Бакстер. Был убийца и была жертва. Был факт смерти. И даже свидетели преступления были. К счастью, в убийстве этом в качестве жертвы не фигурировал человек. Убийца лишал жизни... креветку. Рассказанная Бакстером история содержала описание модели преступления, а не само преступление. Но от этого она не стала менее интересной.

Бакстер по роду своих прямых профессиональных занятий проводил опыты с так называемым детектором лжи. Читатели, вероятно, много слышали об этом психологическом способе раскрытия преступлений. Подробно описывать его нецелесообразно. Это система тонких электронных приборов, с помощью которых можно регистрировать эмоциональные процессы, происходящие с человеком. Если подозреваемый в преступлении, когда ему показывают какой-нибудь предмет, имеющий отношение к преступлению, обнаруживает волнение, вероятность его вины повышается.

Однажды Бакстеру пришла в голову в высшей степени необычная мысль: поставить датчики на лист комнатного растения. Ему захотелось выяснить, не возникнет ли в растении электрическая реакция в момент, когда рядом будет умирать живое существо.

Эксперимент был организован так. Живую креветку клали на дощечку, закрепленную над сосудом с кипящей водой. Дощечка эта перевёртывалась в минуту, не известную даже самому экспериментатору. Для этого применили датчик случайных чисел. Автомат срабатывал – креветка падала в кипящую воду и погибала. На ленте детектора лжи появлялась отметка. На этой ленте записывал электрическое состояние листа растения. Опыты зарегистрировали: лист цветка в момент смерти креветки изменил ход электрических процессов.

...Нас, людей бурного событиями XX века, не мало чем удивишь: слишком много нового неожиданного приходит к нам со страниц газет и журналов. И все-таки мало кто совсем уж равнодушно отнесется к результатам Бакстера. Растения – свидетели преступления! Это воспринимается как какая-то грандиозная сенсация. В виде именно такой сенсации (в которую трудно поверить, но о которой очень интересно читать) факт этот обошел газеты журналы многих стран. И в этом шуме большой сенсации лишь узкий круг специалистов припомнил, что подобные опыты уже были проведены и, что именно те, давние эксперименты, имеют фундаментальное значение для целого комплекса современных наук.

...Исследования великого индийского ученого Дж. Ч. Босса*, работы советских исследователей профессора И. И. Гунара и В. Г. Карманова установили: растения имеют свои органы чувств, они способны воспринимать, перерабатывать и хранить информацию о внешнем мире. Огромное значение этих замечательных исследований для различных отраслей знай в полной мере мы оценим только в будущем. "Психика" (в совершенно особом, еще точно не обозначенном смысле этого слова), оказывается, есть в живых клетках, лишённых нервной системы. Можно ли в это поверить?

...Многие века исследователи считали, что растениям психика не нужна: у них же нет тех органов движения, которые есть у животных даже на ранней ступени их развития. А раз нет органов движения, значит нет и поведения: ведь именно для управления им и нужны психические процессы. Именно в клетках этой нервной системы, в нейронах, происходят такие процессы, как восприятие, память и все то, что принято называть идущими из глубокой древности терминами "психика", "психическая деятельность". Правда, давно были известны ответы растений на воздействия внешнего мира. Росянка, например, откликается на прикосновение насекомых, она ловит их с помощью специальных двигательных приспособлений. Некоторые растения открывают свои цветы под лучами света. Все это очень похоже на простые рефлексы животных в ответ на внешнее раздражение. Похоже... но...

И вдруг оказывается: растения способны различать довольно сложные предметы внешнего мира. И не только различать, но и реагировать на них изменением электрических потенциалов. Причем по форме и характеру эти электрические явления близки процессам, происходящим в коже человека, когда он переживает психологическое событие.

С точки зрения этих поистине ошеломляющих научных данных, становятся вполне понятными результаты американского криминалиста Бакстера. Если судить по публикациям, его попытка была достаточно удачной. Можно предположить, что цветы и деревья запечатлевают на своем языке преступника, фиксируют его, запоминают страдания жертвы.

Цветок сочувствует

Но как бы ни был интересен этот факт в плане острых человеческих отношений, исследования информационных процессов в растениях интересуют ученых совсем с другой точки зрения. Тут возникает вопрос огромной теоретической важности – какое значение могут иметь эти результаты для науки о внутреннем мире человека?

Но прежде всего мне хотелось бы рассказать о тех исследованиях по психологии растений, участником которых был я сам. Начал эти поисковые эксперименты сотрудник нашей лаборатории В. М. Фетисов. Это он познакомил меня с публикациями об эффекте Бакстера. Он же принес из дому цветок, обыкновенную герань, и начал с ней опыты. На взгляд коллег из соседних лабораторий, опыты наши представлялись более чем странными. Действительно, для экспериментов с цветами был использован энцефалограф. Он применяется обычно для изучения электрических явлений в клетках

человеческого мозга. С помощью этого же прибора можно записывать электрическую реакцию кожи, она получила название "кожно-гальванический рефлекс" (КГР). Она возникает у человека в момент волнения, при решении мыслительных задач, психологическом напряжении.

Для того чтобы с помощью энцефалографа записать КГР человека, достаточно, например, поставить два электрода: один на ладонь, другой – на тыльную сторону кисти. В энцефалограф вмонтирован чернильнопишущий прибор, перо его пишет на ленте прямую линию. Когда в момент психологического события возникает разность электрических потенциалов между электродами, перо прибора начинает двигаться вверх и вниз. Прямая линия на ленте сменяется волнами. Это и есть кожно-гальванический рефлекс человека.

В экспериментах с растениями электроды прибора мы установили так же, как и в опытах с человеком. Только вместо кисти человеческой руки использовали поверхности листа. Кто знает, какова была бы судьба психолого-ботанических экспериментов, если бы в нашей лаборатории не появился аспирант из Болгарии Георгий Ангушев. Он учился в аспирантуре Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина. Сейчас, когда Г. Ангущев блестяще защитил кандидатскую диссертацию по психологии, и уехал на родину, все сотрудники лаборатории вспоминают о нем, как о талантливом исследователе и хорошем, обаятельном человеке.

Георгий Ангушев обладал массой достоинств. Но было у него одно, особенно для нас важное, – он был хорошим гипнотизером. Нам казалось, что загипнотизированный человек окажется способным более прямо и непосредственно воздействовать на растение. Из всего круга людей, которых гипнотизировал Георгий Ангушев, мы выбрали тех, кто лучше всего поддавался гипнозу. Но и с этим более чем ограниченным кругом испытуемых пришлось поработать довольно долго, прежде чем были получены первые обнадеживающие результаты.

Но прежде всего – почему было целесообразно использовать гипноз? Если растение вообще способно откликаться на психологические состояния человека, то вернее всего оно отзовется на сильное эмоциональное переживание. А страх, радость, печаль? Как получить их по заказу? Под гипнозом наши трудности можно было бы устранить. Хороший гипнотизер способен пробудить в усыпленном им человеке самые различные и притом довольно сильные переживания. Гипнотизер способен как бы включать эмоциональную сферу человека. Именно это и требовалось для наших экспериментов.

Итак, действующее лицо опытов – студентка Таня. Ее сажали в удобном кресле сантиметрах в восьмидесяти от цветка. На цветок этот ставились электроды. В. М. Фетисов "писал" на энцефалографе. Наша испытуемая отличалась необычайно живым темпераментом и непосредственной эмоциональностью. Быть может, именно эта открытая эмоциональность, способность к быстро возникающим и достаточно сильным чувствам и обеспечила успех экспериментов.

Итак, первая серия опытов. Испытуемой внушалось, что она очень красива. На лице Тани появляется радостная улыбка. Всем своим существом показывает она, что внимание окружающих действительно ее радует. В самый разгар этих приятных переживаний была зарегистрирована первая реакция цветка: перо начертило на ленте волнистую линию.

Сразу же за этим экспериментом гипнотизер сказал, что внезапно налетел сильный холодный ветер, что вокруг стало вдруг очень холодно и неуютно. Мимика Тани резко изменилась. Лицо стало грустным-грустным. Она начала дрожать, как человек, вдруг оказавшийся на морозе в легкой летней одежде. Цветок не замедлил отреагировать изменением линии и на это тоже.

После этих двух успешных опытов был сделан перерыв, лента прибора продолжала двигаться, а перо продолжало записывать прямую линию цветка. На протяжении всего пятнадцатиминутного перерыва, пока испытуемая была спокойна и весела, цветок не обнаруживал никакого "беспокойства". Линия оставалась прямой.

После перерыва гипнотизер начал снова с холодного ветра. К холодному ветру он прибавил еще какого-то злого человека... он приближается к нашей испытуемой. Внушение подействовало быстро – наша Татьяна забеспокоилась. Цветок сразу же отреагировал: вместо прямой линии из-под пера прибора появилась характерная для кожно-гальванической реакции волна. И тут же Георгий Ангушев сразу перешел на чувства приятные. Он стал внушать, что холодный ветер прекратился, что вышло солнце, что вокруг тепло и приятно. А вместо злого человека к Татьяне приближается веселый маленький мальчик. Мимика испытуемой снопа изменилась. Цветок снова дал свою волну КГР.

...А дальше? Дальше мы получали электрическую реакцию цветка столько раз, сколько хотели. По нашему сигналу в совершенно случайном и произвольном порядке Ангушев внушал своей испытуемой то положительные, то отрицательные чувства. Другой испытуемый цветок неизменно выдавал "нужную" нам реакцию.

Критическое предположение о том, что эта связь между чувствами человека и реакцией цветка на самом деле не существует, что реакция растений вызвана случайными воздействиями, было отклонено специальной проверкой. В перерывах между экспериментами мы в разное время включали на цветке энцефалограф с электродами. Энцефалограф работал часами и не обнаруживал реакции, зарегистрированной в опытах. Кроме того, электроды других каналов энцефалографа развешивались здесь же, в лаборатории. Ведь где-то поблизости могли быть электрические помехи, и волны на ленте нашего прибора могли быть результатом этого чисто электрического воздействия.

Мы повторили наши эксперименты многократно и все с теми же результатами. Был сделан опыт и с детекцией лжи, широко применяемой в зарубежной криминалистике. Опыт этот был организован так. Татьяне предлагалось задумать какое-нибудь число от одного до десяти. Гипнотизер договаривался с ней о том, что она будет тщательно скрывать задуманное число. После этого ей стали перечислять числа от одного до десяти. Название каждого числа она встречала решительным "Нет!". Угадать, какое число она

задумала, было трудно... Цветок дал реакцию на число "5" – то самое, которое задумала Таня.

"...Полная отрешенность от шаблонов"

Итак, цветок и человек. Быть может, это звучит парадоксально, но реакции клеток цветка должны помочь пониманию работы клеток человеческого мозга. Закономерности процессов мозга, лежащие в основе психики человека, еще далеки от полного своего раскрытия. Вот и приходится искать новые методы исследования. Необычность "цветочных" методов не должна ни смущать, ни останавливать исследователя; а вдруг с помощью таких методов удастся сделать хотя бы маленький шаг в раскрытии тайн мозга.

Здесь вспоминается одно, к сожалению, мало известное широкому кругу читателей письмо Ивана Петровича Павлова. Письмо это было написано еще в марте 1914 года по случаю открытия Московского института психологии. Адресовано оно основателю института, известному русскому психологу, профессору Московского университета Г. И. Челпанову. Вот этот замечательный документ.

"После славных побед науки над мертвым миром пришел черед разработки и живого мира, а в нем и венца земной природы – деятельности мозга. Задача на этом последнем пункте так невыразимо велика и сложна, что требуются все ресурсы мысли: абсолютная свобода, полная отрешенность от шаблонов, какое только возможно разнообразие точек зрения и способов действия и т.д., чтобы обеспечить успех. Все работники мысли, с какой бы стороны они ни подходили к предмету, все увидят нечто на свою долю, а доли всех рано или поздно сложатся в разрешение величайшей задачи человеческой мысли..."

И дальше следуют знаменательные слова, обращенные к психологу слова, показывающие подлинное отношение великого физиолога к психологической науке: "Вот почему я, исключающий в своей лабораторной работе над мозгом малейшее упоминание о субъективных состояниях, от души приветствую Ваш Психологический институт и Вас, как его творца и создателя, и горячо желаю Вам полного успеха".

Нетрудно увидеть, насколько современно звучит это письмо, написанное более полстолетия назад. Призыв великого ученого к поискам новых методов путей в раскрытии тайн мозга, в решении "величайшей задачи человеческой мысли" особенно актуален именно сейчас, когда осуществляется комплексный подход представителей разных отраслей науки к работе мозга, этого, по выражению И. П. Павлова, венца земной природы. Опыт развития естествознания, в особенности физики, показал, что не следует бояться новых открытий, какими бы парадоксальными ни казались открытия эти на первый взгляд.

О чем рассказали цветы...

А теперь выводы. Вывод первый: живая растительная клетка (клетка цветка) реагирует на процессы, происходящие и нервной системе

(эмоциональное состояние человека). Значит, существует некая общность процессов, которые происходят в клетках растительных и в клетках нервных.

Здесь целесообразно вспомнить, что в каждой живой клетке, в том числе клетках цветка, осуществляются сложнейшие информационные процессы. Например, рибонуклеиновая кислота (РНК) считывает информацию со специальной генетической записи и передает эту информацию для синтеза белковых молекул. Современные исследования по цитологии и генетике свидетельствуют о том, что каждая живая клетка обладает весьма сложной информационной службой.

Что может означать реакция цветка на эмоциональное состояние человека? Может быть, между двумя информационными службами – растительной клетки и нервной системы – существует определенная связь? Язык растительной клетки родствен языку клетки нервной. И в экспериментах с гипнозом эти совершенно различные группы клеток общались между собой на этом одном языке. Они, эти разные живые клетки, оказались способными как бы "понимать" друг друга.

Но ведь животные, как это принято сейчас считать, возникли позднее растений, и нервные клетки – более поздние образования, чем растительные? Отсюда можно сделать вывод о том, что информационная служба поведения животных возникла из информационной службы растительной клетки.

Можно представить себе, что в растительной клетке, в клетке нашего цветка, в недифференцированном, сжатом виде происходят процессы, родственные психическим. Именно об этом свидетельствуют результаты Дж. Ч. Босса, И. И. Гунара и других. Когда в процессе развития живого появились существа, обладающие органами движения, способные самостоятельно добывать себе пищу, понадобилась другая информационная служба. У нее была иная задача – строить более сложные модели предметов внешнего мира.

Таким образом, оказывается, что психика человека, какой бы сложной она ни была, наше восприятие, мышление, память – все это лишь специализация той информационной службы, которая имеет место уже па уровне растительной клетки. Этот вывод очень важен. Он позволяет подойти к анализу проблемы происхождения нервной системы.

И еще одно размышление. Любая информация имеет материальную форму существования. Так, роман или поэма, со всеми героями и их переживаниями, не могут быть восприняты читателями, если не будет листов бумаги с типографскими значками. Какова же информационная материя психических процессов, например, человеческой мысли?

На разных стадиях развития науки разные ученые дают различные ответы на этот вопрос. Одни исследователи в качестве основы психики рассматривают работу нервной клетки как элемента вычислительной кибернетической машины. Такой элемент может быть или включен, или выключен. С помощью этого двоичного языка включенных и выключенных элементов-клеток мозг, по мнению некоторых ученых, способен осуществлять кодирование внешнего мира.

Анализ работы мозга показывает, однако, что с помощью теории двоичного кода нельзя объяснить всю сложность процессов, разыгрывающихся в коре больших полушарий. Известно, что одни клетки коры отражают свет, другие – звук и прочее. Поэтому клетка мозговой коры способна не только возбуждаться или тормозиться, но и копировать разные свойства предметов окружающего мира. Ну а химические молекулы нервной клетки? Молекулы эти могут находиться как в живом существе, так и в существе умершем. Что же касается психических явлений, то они – свойство только живых нервных клеток.

Все это приводит к идее тонких биофизических процессов, которые осуществляются во внутриклеточных молекулах. Видимо, именно с их помощью происходит психологическое кодирование. Разумеется, положение об информационной биофизике пока можно рассматривать как гипотезу, к тому же гипотезу, которую не так-то легко будет доказать. Заметим, однако, что психолого-ботанические эксперименты ей не противоречат.

Действительно, раздражителем для цветка в описанных экспериментах может быть некая биофизическая структура. Выброс ее за пределы человеческого организма происходит в тот момент, когда человек испытывает острое эмоциональное состояние. Эта биофизическая структура несет информацию о человеке. Ну а дальше... рисунок электрических явлений в цветке похож на рисунок электрических явлений в коже человека.

Еще и еще раз подчеркиваю: все это – пока лишь область гипотез. Одно несомненно: исследования контакта растений с человеком могут пролить свет на некоторые принципиальные проблемы современной психологии. Цветы, деревья, листья, к которым мы так привыкли, будут способствовать решению той величайшей задачи человеческой мысли, о которой писал И. П. Павлов.

Литературный источник
Пушкин В.Н. // Знание-сила. – N.11. – 1972.

Интернет-источник
http://lebendige-ethik.net/4-Pushkin-1972.html

РОЗА МИРА
(отрывок)

Д. Андреев

Светлые стихиали

Немецкие сказки об эльфах – совсем не сказки: слой обитания добродушных, очаровательных маленьких существ, похожих на эльфов, действительно есть. Можно так и называть его: *Страна Эльфов.*

Верхний тоненький слоек земной коры, где таятся корни и семена растений, имеет в трансфизических мирах свое соответствие – чудесную страну

Царапину, область благих духов, пестующих корни и семена. Ее ландшафт может показаться волшебным: семена и корни тихо светятся нежнейшими оттенками голубоватого, серебристого, зеленоватого цвета; вокруг каждого зерна мягко мерцает живая аура. Обитатели Дараинны – крошечные существа, похожие на белые колпачки; сверху у каждого еще один колпачок, поменьше, вроде головки; имеется пара нежных и ловких конечностей – среднее между руками и крыльями. Они тихо переплывают по воздуху, шелестя складками своих колпачков – это их речь, их форма общения между собою – и ворожат над семенами и корнями, как над колыбелями. Им ведомы те загадочные процессы, благодаря которым из крошечного семени вырастает большое дерево со всей сложностью своих форм. Если бы не их помощь, темные силы получили бы доступ к этим колыбелям и давно уже превратили бы земную поверхность в непроходимые заросли кошмарных форм – вампирически хищных и безобразных эквивалентов растительности.

Если углубляться в почву Дараинны, в конце концов достигнешь Рона или Каттарама.

Нижнему ярусу лесов – мхам, травам, кустам, всему, что мы называем подлеском, – соответствует слой по имени *Мурохамма*, а обиталище стихиалей деревьев именуется *Арашамф*.

Нет, это не дриады. Может быть, и были существа, подобные тем, кого так называли древние греки, но я их не знаю. Стихиали Мурохаммы и Арашамфа нисколько не походят на людей, да и ни на одно существо нашего слоя. Души отдельных деревьев существуют в затомисах, они там разумны, высокопрекрасны и мудры. Братья Синклитов общаются с ними в полной мере: это взаимный обмен идеями, чувствами, жизненным опытом. Но в Арашамфе они облекаются эфирными телами и погружаются в полудремоту. Деревья Энрофа – их физические тела. Каждая стихиаль Арашамфа прошла через множество воплощений; общую сумму лет существования в Энрофе можно исчислять для многих из них громадными цифрами, приближающимися к миллиону. Ландшафт же Арашамфа напоминает зеленоватые, тихо покачивающиеся языки благовонного негорячего пламени. Некоторые из них благи, подобно праведникам, и благосклонны к нам. Они терпеливы, спокойны и смиренномудры. Иногда между ними совершается нечто торжественное: они склоняются Друг к другу, все в одну сторону. Весь эфирный лес превращается в тихо сгибающиеся и выпрямляющиеся, друг в друга переливающиеся пламена; они возносят хором нечто вроде славословия. В этом принимает участие иногда и слой Мурохаммы: он являет собой то же зеленоватое пространство, но еще гуще, темнее, теплее и еще ласковее.

Всякий легко припомнит, как на летней заре или весенним полднем проносятся тихие ветры, целующие землю. Они целуют землю с ее травами, нивами и дорогами, деревья, поверхность рек и озер, людей и животных. Это стихиали слоя, называемого *Вайита,* радуются жизни. Они радуются нам и растениям, водам и Солнцу, радуются прохладной, горячей, мягкой, твердой, освещенной или полутемной земле, гладят ее и ласкают. Если же нам удалось бы увидеть Вайиту собственными очами, нам показалось бы, что мы погружены

в зеленоватые, благоухающие, играющие волны, совершенно прозрачные, прохладно-теплые, а главное – живые, разумные и радующиеся нам.

Когда жарким днем окунаешь лицо в траву цветущего луга и от медовых запахов, от дыхания нагретой земли и листьев кружится голова, а еле слышные дуновения света и тепла проносятся над лугами, – это стихиали Вайиты играют и празднуют вместе с детьми *Фалътдры* – области стихиалей лугов и полей. В нас не остается ни единого мутного помысла – может показаться, что это и есть утраченный рай, пыль «житейского попечения» сдувается с души чистыми дыханиями и, кроме всепоглощающей любви к Природе, мы не в состоянии испытывать ничего.

Сквозь бегущие воды мирных рек просвечивает мир воистину невыразимой прелести. Есть особая иерархия – я издавна привык называть ее душами рек, хотя теперь понимаю, что это выражение не точно. Каждая река обладает такой «душой», единственной и неповторимой. Внешний слой ее вечнотекущей плоти мы видим, как струи реки; ее подлинная душа – в Небесной России или в другой небесной стране, если она течет по землям другой культуры Энрофа. Но внутренний слой ее плоти, эфирный, который она пронизывает несравненно живей и где она проявляется почти с полной сознательностью – он находится в мире, смежном с нами и называемом *Лиурною*. Блаженство ее жизни заключается в том, что она непрерывно отдает оба потока своей струящейся плоти большей реке, а та – морю, но плоть не скудеет, все струясь и струясь от истока к устью. Невозможно найти слова, чтобы выразить очарование этих существ, таких радостных, смеющихся, милых, чистых и мирных, что никакая человеческая нежность не сравнима с их нежностью, кроме разве нежности самых светлых и любящих дочерей человеческих. И если нам посчастливилось воспринять Лиурну душой и телом, погружая тело в струи реки, эфирное тело – в струи Лиурны, а душу – в ее душу, сияющую в затомисе, – на берег выйдешь с таким чистым, просветлевшим и радостным сердцем, каким мог бы обладать человек до грехопадения.

Воздействием на человеческую душу с Лиурною отчасти схож *Вланмим* – область стихиалей верхних слоев моря. Ландшафт этого мира – ярко-синий, ритмически волнующийся океан, – такой нежно-яркой, упоительной синевы в Энрофе не существует, – а волны его зацветают не пеной, но молочно-белыми ажурными сферами, похожими на большие цветы: цветы распускаются и тают на глазах, распускаются и снова тают. Стихиали Лиурны – женственной природы, Вланмима – мужской, но это не имеет никакого отношения к размножению, хотя соединение реки с морем есть выражение любви стихиалей этих двух миров между собою. Вланмим тоже способен делать нас более мудрыми и чистыми, но он открыт снизу воздействиям мрачных стихиалей морских глубин – Нугурта, – а потому он суровее. Воздействие его заметно на душевном складе и даже физическом облике людей, повседневно соприкасающихся с ним, хотя бы и за порогом своего сознания: на рыбаках и, отчасти, моряках. На последних, впрочем, слишком заметна печать еще других, не светлых стихиалей: хозяев Нугурта – с одной стороны, нибрусков и Дуггура — стихиалей больших портовых городов – с другой. Рыбаки же получили от излучений Вланмима черту, отличающую их от

остального народа: сочетание чистоты, мужества и грубоватой, немного жестокой силы с детскою цельностью души.

Повсюду над землей и морями простерт *Зунгуф* – область стихиалей воздушной влаги, творящих облака, дождь, росу и туман. Зунгуф не отделен определенной границей от *Ирудраны* – области стихиалей, чья деятельность проявляется в Энрофе грозами, отчасти ураганами; оба эти слоя переливаются друг в друга, как и их существа. Приоткрывается тот самый трансмиф, что брезжил в древних мифологемах народов, вызывая в их творческом воображении титанические образы громовников: Индра, Перун, Тор. О, если бы древние, привнося в эти образы, как и во все, человеческие черты, могли знать, как бесконечно далеки эти существа от малейшего сходства с человеком! И когда струи ливня обрушиваются на землю и бурные, веселые дети Зунгуфа ликуют, то припадая к земле и поверхности вод, то отпрядывая вверх, в бурлящий водяной стихией воздух – выше, в Ирудране, бушуют рати существ, не похожих на Тора и Индру ничем, кроме веселой воинственности: для них гроза есть творчество, а ураган – полнота их жизни.

Если при легком морозце тихо падает мягкий снежок или если деревья и здания стоят, убеленные инеем, бодрая, резвая, почти восторженная радость, которую испытываем мы, свидетельствует о близости дивных стихиалей *Нивенны*. Белые просторы, безгрешные особою, невыразимой чистотой, – вот что такое Нивенна, страна стихиалей инея, падающего снега, свежего снежного покрова. Резвящиеся в нездешнем веселии, похожем на веселость эльфов, они укрывают возлюбленную землю своей фатой. Почему такая радость жизни пронизывает нас, когда мириады бесшумных белых звезд тихо опускаются вокруг? И почему, когда мы видим леса или городские парки, убеленные инеем, мы испытываем чувство, соединяющее в себе торжественность и легкость, прилив жизненных сил и восхищение, благоговение и детский восторг? А тех из нас, кто сохранил в душе вечнодетское начало, стихиали Нивенны любят особенно нежно, они приветствуют его и пробуют с ним играть: даже возбуждение, мальчишеский азарт, быстрый бег крови в жилах у ребят во время игры в снежки или катания на салазках с гор для них приятны.

С Нивенной соседствует суровый и хмурый *Ахаш* – связанный с полярными областями нашей планеты слой арктических и антарктических стихиалей. Ахаш обладает космической протяженностью, из него виден Млечный Путь. В соответствующие времена года границы обеих полярных зон придвигаются к тропикам.

Необузданная душа этих существ, с ее склонностью к переходам от кристально-ясного созерцания к неистовству, с ее порывами строить целые миры из трансфизических льдов, с ее любовью взирать, глаза в глаза, в бездонные провалы метагалактики – наложила разительную печать на воспринимаемую всеми нами природу полярных бассейнов. Когда обращение Земли вокруг Солнца вызывает в северном полушарии наступление зимы и делает доступными для стихиалей Ахаша обитаемые людьми области материков, они вторгаются туда, увлекая за собой физические массы арктического воздуха, воинствуют метелями и буранами по полям и тайге, ликуют в вышине антициклонами. Они не видят

Энрофа так, как видим его мы. Они не воспринимают зрением также и человека. Но есть среди них более хищные и душевно холодные, как андерсеновская Снежная Королева – они опасны для человека, – есть и другие, улавливающие атмосферу души тех из нас, кто родствен им мужеством, удалью и бесстрашием. Таких они могут любить странною, несоизмеримою с нами любовью. Они баюкают его на своих снежных коленях, открывают ему пути в глубину своих стран, показывают ему жуткое великолепие физических покровов своего царства и, не соразмерив своей грандиозности с нашей телесной малостью, готовы укутать его белым саваном под песни вьюг.

И подобно тому, как обладает космической протяженностью пространство Ахаша, обладают ею и два последних слоя стихиалей: *Дирамн,* связанный со стратосферным воздушным океаном пояса низких температур, и *Сианна* – мир, просвечивающий внутреннему зрению сквозь те высокотемпературные зоны, которые объемлют нашу планету на большой высоте. Однако обитающие там стихиали столь огромны и столь чужды нашему душевному складу, что понять их сущность чрезвычайно трудно. Они светлы, но опаляющим, грозным светом. Только уже взошедшему на исключительную высоту человеческому духу возможен доступ в их царство.

Такова сакуала Малых Стихиалей. Малых, конечно, не в сравнении с людьми – многие из них гораздо могущественнее отдельного человека, – но в сравнении с сакуалою других, с восходящей лестницей Стихиалей Верховных, с рядом подлинных планетарных божеств. Это властелины. Малые стихиали радостно трепещут от их дыхания. Большинство из них – прекрасные, высокоблагие существа невыразимого величия. Но о ландшафтах этих слоев говорить почти невозможно, как и о форме этих великих существ: каждый из них присутствует одновременно во множестве точек своего слоя.

«Царь Благословляющих Крыльев», *Ваюмн,* воплощенный дух воздушного океана, распространяет свое владычество от крайних пределов атмосферы до самых глубоких пропастей. Его брата, «Царя Оживляющих Вод» *Эа* (кажется, его другое имя *Вларол),* почитали еще греки под именем Посейдона, римляне под именем Нептуна, но глубже всего поняли благость и космичность его существа вавилоняне, почитавшие хранителя и хозяина мировых вод великолепным культом. Оба духа несут вечную стражу у истоков жизни на всей земле – не только в Энрофе, но и во многих других сакуалах. Оба древни, как вода и воздух, и безгрешны, как они.

Еще древнее третий из братьев – *Повурн,* «Царь Пылающего Тела», ибо под верованиями в Плутона и Яму древних таится глубочайшая реальность. Этот устрашающий властелин подземных магм не есть слуга Гагтунгра; однако его преображение предстоит, кажется, позже всех, в конце второго зона.

Есть и четвертый великий брат, младший: *Заранда,* воплощенный в своем иноматериальном слое «Царь Всех Животных Царств». Трагическая история животного царства в Энрофе наложила отпечаток глубокой, воистину мировой скорби на его лик. И как ни объясняли бы историки символику египетского сфинкса, метаистория всегда будет видеть в нем эмблему того, кто совмещает в себе природу Великого Зверя с мудростью выше человеческой.

Верховных стихиалей – семь. Две божественные сестры делят между собой остальные сферы могущества: *Эстйра*, «Царица Вечного Сада» – госпожа растительных царств Шаданакара, и *Лилит* – «Всенародная Афродита» всех человечеств.

Значение Лилит в нашем существовании необозримо велико. Как и у всех Верховных стихиалей, мир ее обитания несоизмерим ни с какими нашими формами и неописуем, а ее собственный облик необозрим. Ее иноматериальное тело единоприсутствует во множестве мест ее слоя, и лишь в отдельных случаях она принимает образ, который может быть воспринят духовным зрением человека. Хотя я не знаю механизма этого процесса, но знаю, что без участия Лилит невозможно формирование ни одного тела в мирах плотной материальности: исключение составляют животные, виды которых формируются Зарандой. Во всех же остальных царствах эта деятельность выполняется Лилит: она формирует цепь рода как в человечестве Энрофа, так и у даймонов, и в мирах демонических – у раруггов и игв, и у обитателей Дуггура. Каждое плотноматериальное тело, создаваемое при ее участии в мирах темных, есть каррох. Вот почему она заслуживает вполне наименование ваятельницы нашей – и не только нашей – плоти. Потому же с ее бытием и воздействием неразрывно связана у человека сфера половых чувств. Она ли сама или ее кароссы, но это начало всегда надстоит над всяким актом человеческого соития, и пока плод вынашивается во чреве, она всегда здесь.

Некогда, в глубочайшей древности, эта стихиаль стала супругою Первоангела того величайшего Духа, что сделался Логосом Шаданакара. Это было во времена творения ангельских слоев, и Лилит стала праматерью этого первого человечества. Но Гагтунгр сумел проникнуть в мир Лилит, и ее тончайшее материальное тело восприняло в себе некий демонический элемент. Это была катастрофа. С тех пор все цепи рода, формируемые ею, будь то в мирах титанов, даймонов или людей, воспринимают в себе нечто от этого элемента. Еврейская мистика знает термин «эйцехоре» – семя дьявола в человеке. Попробуем пользоваться им для обозначения этого проклятого семени и в человеке, и в самой Лилит, несущей его в себе по сей день, и в ее кароссах.

Монадой и всей полнотой сознания обладает только Лилит: ее локальные проявления, кароссы, в том числе и Дингра России, при всей своей мощи и вековой устойчивости, имеют лишь эквивалент сознательности и лишены монад. Этим ваятельницам физической плоти народов мы обязаны, между прочим, теми, подчас явными, иногда почти неуловимыми чертами сходства, видимого физического родства, которыми отмечена масса индивидуальных обликов какого-либо народа. Известно, что в античной древности, на Кипре, культ богини любви распался в свое время на две противоположности: возвышенный культ Афродиты Урании, духовной, творческой, поэтизируемой и поэтизирующей любви, и культ Афродиты …, что можно приблизительно перевести выражением «Афродита Всенародная». Он широко разлился в народных низах, проявляясь в оргиастических празднествах и благословляя разврат как священную дань богине. Аналогичный процесс раздвоения и поляризации когда-то слитных начал знают и некоторые другие культуры. Еще больше таких культур, где взору историка

отчетливо предстает уже более поздний этап: культ разврата и хаотическое смешение демонического и стихиального элементов под лживой личиной божественного. Ритуальная проституция в Ханаане, Вавилонии, Индии и других странах — явления этого порядка. Над подобными институтами, над радениями оргиастических сект, над массовыми совокуплениями и доныне надстоят кароссы наций или сверхнародов. Ясно также, что такие явления не могут обойтись без вмешательства лунной демоницы и темных сил Дуггура. Но когда в борьбе с теми, кто грозит уничтожением физического существования народа, его демиург изыскивает пути к созданию могучего и воинственного защитника, он принужден сходить к кароссе и сочетаться с ней. Проклятое эйцехоре неминуемо входит в их общее порождение, и отравленная плоть кароссы создает двойственное чудовище. Таково происхождение всех первых членов в каждом роде уицраоров. Освобождение кароссы и самой Лилит от эйцехоре будет возможно, по-видимому, лишь во втором зоне.

Первая и последняя из Верховных стихиалей – мать всем остальным, и не только им, но и всему существующему в Шаданакаре: всякой стихиали, всякому зверю, человеку, даймону, ангелу, демону и даже великим иерархиям. Неоскудевающее лоно, она есть то, что творит эфирные тела всех существ, а в творении их астральных тел участвует наряду с их личными монадами. Ей свойственна неистощимая теплая любовь ко всем, даже к демонам: она тоскует и скорбит о них, но прощает. «Мати» называют ее все, даже ангелы мрака и чудовища Гашшарвы. Она любит всех, но благоговеет лишь перед наивысшими иерархиями Шаданакара, в особенности перед Христом. Оплодотворяет же ее Солнце: и в Энрофе, и в собственном неописуемом мире ее оплодотворяет этот великий, ослепительный дух. Людей, их душевное состояние, их внутренний образ она воспринимает, она слышит, она отзывается на призыв нашего сердца, отвечает через природу и любовь. Да благословится ее имя! Ей можно и должно молиться с великим смирением.

Да благословится дочь Земли и Солнца, прекрасная Луна, и трижды благословится Солнце. Все мы когда-то пребывали – и будущим нашим телом, и будущей нашей душой – вместе со всем Шаданакаром, в его пречистых недрах. О великий бог-светоносец! Тебя славили в храмах Египта и Эллады, на берегах Ганга и на зиккуратах Ура, в Стране Восходящего Солнца и на далеком Западе, на плоскогорьях Анд. Мы любим тебя все, и злые, и добрые, мудрые и темные, верующие по-разному и неверующие – те, кто чувствует твое сердце, неизмеримое в своей благости, и те, кто просто радуется свету твоему и теплу. Твоя ослепительная Элита уже сотворила в Шаданакаре лестницу лучезарных слоев и по ней изливает ниже и ниже, в миры ангелов, в миры стихиалей, в миры человечества каскады духовных благ. Прекрасный дух, зачинатель и отец всякой плоти, зримый образ и подобие Солнца Мира, живая икона Единого, позволь и мне влить никому, кроме тебя, неслышный голос во всеобщую тебе хвалу. Люби нас, сияющий!

Литературный источник

Андреев Д. Роза мира. – М.: ЭКСМО, 2008. – 672 с.

ВОПРОСЫ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

1. Описанный Д.Андреевым духовный мир Земли может служить идеей-основанием для расширения сознания человека в сторону единения с природой и создания связей, основанных на доверительных и дружеских отношениях с существами природы?
2. Являются ли, на Ваш взгляд, опыты с изучением сознания у растений доказательной базой для экологической этики?
3. Можно ли говорить о том, что растения обладают сознанием? А природные «объекты» – горы, реки, луга…– обладают ли они сознанием?
4. Что мы вкладываем в смысл понятия «сознание»? Может быть по-разному употребляя это понятие мы не можем найти общего языка друг с другом?
5. Можем ли мы найти общий язык с растениями и другими существами мира природы? Нужно ли при этом измениться самому человеку? Или достаточно изобрести прибор, как это делают ученые?
6. Если мы сможем понимать существ природы, то, вероятно, изменится ход мировой истории?
7. Осознание тесной связи с миром – это первый шаг на пути установления гармоничных отношений с миром?

ЗАНЯТИЕ 11

ОЩУЩЕНИЯ И ЧУВСТВА

Цель работы – проанализиров типы чувств и пороги ощущений человека осознать границы чувственного взаимодействия с миром; проникнув во внутреннее пространство звука, живого цветка, попытаться почувствовать их внутреннюю жизнь.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

ПСИХОЛОГИЯ ОЩУЩЕНИЙ

Б. М. Теплов

Общее понятие об ощущениях

Ощущением называется тот простейший психический процесс, который возникает в результате воздействия на органы чувств предметов или явлений материального мира и заключается в отражении отдельных свойств этих предметов или явлений.

При помощи ощущений мы узнаём свойства окружающих нас вещей: их твёрдость или мягкость, шероховатость или гладкость, их тяжесть, температуру, запах и вкус, цвета этих вещей, звуки, которые они издают. Кроме того, ощущения дают нам сведения об изменениях в нашем собственном теле: мы ощущаем движение и положение отдельных частей нашего тела, нарушения в работе внутренних органов и т. д.

Ощущения, будучи отражением свойств внешнего мира, дают материал для других, более сложных познавательных процессов: восприятий, представлений, воспоминаний, процессов мышления. «Иначе, как через ощущения, – писал Ленин, – мы ни о каких формах вещества и ни о каких формах движения ничего узнать не можем».

Материальные вещи и процессы, которые оказывают воздействие на органы чувств, называются раздражителями, а сам процесс этого воздействия — раздражением. Тот процесс, который в результате раздражения возникает в нервной ткани, называется возбуждением. Когда возбуждение по центростремительным нервам приходит в кору больших полушарий, возникает ощущение.

Весь анатомо-физиологический аппарат, необходимый для получения ощущения, И. П. Павлов предложил называть анализатором. Всякий анализатор состоит из трёх частей: органа чувств (рецептора), центростремительных нервов и соответственных участков мозга. Если разрушается любая из частей анализатора, возникновение соответствующих ощущений становится невозможным. Так, например, зрительные ощущения прекращаются и при повреждении глаз, и при перерезке зрительных нервов, и при разрушении соответствующих участков коры.

Необходимо обратить внимание на то, что термин «органы чувств» имеет условное значение. Он получил распространение в те времена, когда в науке ещё не было проведено ясного различия между ощущениями и чувствами. Теперь, как мы знаем, словом «чувство» обозначается особый психический процесс, существенно отличный от ощущений. Правильнее было бы поэтому называть рецепторы не органами чувств, а органами ощущений. В таком же условном смысле слово «чувство» употребляется в выражениях: «чувство зрения», «чувство вкуса», «вибрационное чувство» и т. п., обозначающих способность иметь ощущения зрительные, вкусовые, вибрационные и т. д. Встречаясь с такими обозначениями, нужно помнить, что они относятся не к «чувствам» в настоящем смысле этого слова, а к ощущениям.

В больших полушариях представлены центральные концы анализаторов, осуществляющих различение внешних воздействий и внутренних состояний организма. «В высшем этаже центральной нервной системы, – отмечает И. П. Павлов, – мы имеем концы тончайших и бесконечно разнообразных анализаторов». Мозговой конец зрительного анализатора расположен главным образом в затылочной доле коры, слухового анализатора — главным образом в височной доле.

Виды ощущений

Все ощущения можно разделить на две группы:

1) Ощущения, отражающие свойства вещей или явлений, находящихся вне нас. Органы этих ощущений расположены на поверхности тела или близко к ней.

2) Ощущения, отражающие движения отдельных частей нашего тела и состояние наших внутренних органов. Органы этих ощущений расположены в глубине тканей (например, мышц) или на поверхности внутренних органов (например, в стенках желудка, дыхательных путей). К первой группе относятся ощущения зрительные, ховые, обонятельные, вкусовые и кожные.

1. Зрительные ощущения.

Раздражителем для органа зрения является свет, т. е. электромагнитные волны, имеющие длину от 390 до 800 миллимикронов (миллимикрон – миллионная часть миллиметра).

Всё, что мы видим, имеет какой-либо цвет. Бесцветным может быть только предмет совершенно прозрачный и, значит, невидимый. Поэтому мы можем сказать, что зрительные ощущения – это ощущения цветов.

Все цвета делятся на две большие группы: цвета ахроматические и цвета хроматические. К ахроматическим цветам относятся белый, чёрный и все серые, к хроматическим – все остальные, т. е. красные, жёлтые, зелёные, синие со всевозможными оттенками.

2. Слуховые ощущения.

Раздражителем для органа слуха являются звуковые волны, т. е. продольные колебания частиц воздуха, распространяющиеся во все стороны от источника звука. В звуковых волнах различают: частоту колебаний, амплитуду, или размах, колебаний и форму колебаний. Соответственно этому слуховые ощущения имеют следующие три стороны: высоту звука, которая является отражением частоты колебаний, громкость – отражение амплитуды колебаний, и тембр – отражение формы колебаний. Наш орган слуха чувствителен к колебаниям в пределах от 16 колебаний в секунду до 20 000 колебаний в секунду. Колебания с частотой больше 20 000 колебаний в секунду, недоступные для нашего слуха, называются ультразвуком.

Звуки по характеру вызываемых ими ощущений разделяются на музыкальные звуки (звуки пения, музыкальных инструментов, камертонов) и шумы (всевозможные скрипы, шорохи, стуки, треск, грохот и т. п.). Речь состоит как из музыкальных звуков (главным образом в гласных), так и из шумов (главным образом в согласных).

3.Обонятельные ощущения.

Органами обоняния являются обонятельные клетки, расположенные в верхней части носовой полости. Раздражителем для органа обоняния служат частицы пахучих веществ, проникающие в нос вместе с воздухом.

4. Вкусовые ощущения.

Раздражителями для органа вкуса – вкусовых почек – служат растворённые (в воде или слюне) вкусовые вещества. Вкусовые ощущения имеют четыре различных качества: сладкое, кислое,

солёное и горькое. Разнообразие вкусов различных кушаний в значительной мере зависит от присоединения к вкусовым ощущениям обонятельных. Если совершенно исключить обоняние, вкус чая, кофе и хинина в соответствующих растворах становится одинаковым.

5. Кожные ощущения.

Кожа, а также слизистая оболочка рта и носа могут давать ощущения четырёх видов: а) ощущения прикосновения, или тактильные ощущения, б) ощущения холода, в) ощущения тепла и г) ощущения боли. Одни точки кожи дают только тактильные ощущения (точки прикосновения), другие – только ощущения холода (точки холода), третьи – только ощущения тепла (точки тепла), четвёртые – только ощущения боли (точки боли). Легко простым опытом убедиться в существовании точек холода. Для этого нужно кончиком карандаша, слегка прикасаясь к коже, медленно провести по закрытым векам; время от времени будет получаться мгновенное ощущение холода.

Чувствительность разных участков кожи к каждому из этих четырёх видов ощущений различна. Чувствительность к прикосновению больше всего на кончике языка и на кончиках пальцев, т. е. на самых подвижных органах; спина же например, очень мало чувствительна к прикосновению. Совсем иначе распределяется болевая чувствительность: наиболее чувствительна к боли кожа спины, щёк, а наименее чувствительна кожа на кончиках пальцев и на ладони. Таким образом, те участки кожи, которыми мы больше всего пользуемся для ощупывания, наименее болезненны; они сильнее всего «закалены» против боли. Что касается ощущений тепла и холода, то наиболее чувствительны к ним те части кожи, которые обычно прикрыты одеждой: кожа поясницы, живота, груди.

Ко второй группе относятся двигательные ощущения, ощущения равновесия и органические ощущения.

1.Двигательные ощущения.

Рецепторы их находятся в мышцах, сухожилиях и на суставных поверхностях. Двигательные ощущения доставляют сигналы о степени сокращения мышц и о положении наших членов, о том, например, насколько согнута рука в плечевом, локтевом или луче-запястном суставе. Сочетание кожных и двигательных ощущений, получающихся при ощупывании предметов, т. е. при прикосновении к ним движущейся руки, называется осязанием. Органом осязания является рука со всеми её кожными, мышечными и суставными рецепторами. Рука как орган осязания впервые появляется у обезьян, но полного развития достигает лишь у человека, став у него орудием труда.

Кожные ощущения сами по себе сигнализируют только о факте прикосновения предмета к телу и о месте этого прикосновения. Когда муха садится нам на лоб, мы легко замечаем это, но так же легко можем быть введены в заблуждение и принять за муху прикосновение соломинкой, кисточкой, травинкой или бумажкой. Чтобы точнее определить свойства прикасающегося к коже предмета, его твёрдость, мягкость, шероховатость, гладкость, форму, очертания и т. д., нужно его ощупать. Например, ощущения

твёрдости и мягкости зависят главным образом от того, какое сопротивление оказывает тело при давлении на него; поэтому нельзя определить степень твёрдости или мягкости предметов без участия двигательных ощущений.

2.Ощущения равновесия.

Рецепторы их находятся во внутреннем ухе и дают сигналы о движении и положении головы. Эти ощущения играют чрезвычайно большую роль в лётном деле; поэтому при определении пригодности к работе лётчика всегда испытывается деятельность этих органов.

3.Органические ощущения.

Рецепторы их находятся в стенках большинства внутренних органов: пищевода, желудка, кишечника, кровеносных сосудов, лёгких и т. д. К числу органических относятся ощущения, которые мы имеем при голоде, жажде, насыщении, тошноте, внутренних болях и т. п. Пока мы вполне здоровы, сыты, вообще когда работа внутренних органов происходит нормально, мы не замечаем почти никаких органических ощущений; они главным образом дают сигналы о нарушениях в работе внутренних органов. Исследования павловской школы, прежде всего работы К. М. Быкова, показали, что импульсы, направленные в кору от внутренних органов, не осознаваясь отчётливо, лежат в основе общего «самочувствия» человека. Внутренние анализаторы контролируют, проверяют химический состав и давление крови, состояние органов и их работу; при этом они могут вступать во временную связь с анализаторами, приносящими сведения о внешних предметах.

Чувствительность и пороги

Чувствительностью, как мы знаем, называется способность иметь ощущения. Следует различать: абсолютную чувствительность и чувствительность к различению. Под абсолютной чувствительностью разумеется способность ощущать слабые раздражения, а под чувствительностью к различению – способность ощущать слабые различия между раздражениями.

Не всякое раздражение вызывает ощущение. Мы не ощущаем прикосновения падающих на нашу кожу пылинок, не слышим с другого конца комнаты тиканья карманных или ручных часов. Для того чтобы возникло ощущение, нужно, чтобы сила раздражения достигла некоторой определённой величины. Эта минимальная величина раздражения, дающая едва заметное ощущение, называется абсолютным порогом ощущения. Раздражения, величина которых лежит ниже порога, не дают ощущения.

Чем меньше величина порога ощущения, тем больше абсолютная чувствительность к данным раздражителям. Если один человек впервые ощущает прикосновение при давлении 3 г на 1 мм^2 поверхности кожи, а другому необходимо для этого 6 г на 1 мм^2, то это значит, что порог тактильных ощущений у второго вдвое больше, а абсолютная чувствительность вдвое меньше, чем у первого.

Абсолютная чувствительность наших органов чувств чрезвычайно велика. По отношению к зрению, например, С. И. Вавилов экспериментально

показал, что при наиболее благоприятных условиях глаз способен ощущать лучистую энергию, равную всего нескольким квантам. Если предположить полную прозрачность атмосферы, то мы могли бы увидеть с расстояния в 1 километр источник света, равный тысячным долям свечи. Ни один физический прибор не имеет такой чувствительности к свету. Необычайно высока и чувствительность нашего обоняния, обнаруживающего присутствие в воздухе таких количеств вещества, которые не могут быть открыты никакими методами химического анализа. Достаточно, например, наличия одной стомиллионной доли миллиграмма искусственного мускуса в литре воздуха, чтобы мы могли ошутить запах.

Что касается чувствительности к различению, то для характеристики её пользуются величиной порога различения.

Если мы положим на руку груз в 100 г и затем прибавим к нему ещё 1 г, то этой прибавки ни один человек ощутить не может. Чтобы заметить увеличение ощущения, нужно к грузу в 100 г прибавить не менее 3–4 г. То минимальное различие между раздражениями, которое даёт едва заметное различие ощущений, называется порогом различения.

Порог различения силы света равен приблизительно 1/100. Это значит, что при силе света в 100 свечей увеличение освещённости может быть замечено при добавлении 1 свечи.

Порог различения силы звука равен в среднем 1/10. Значит, к хору в 100 человек надо прибавить не менее 10 певцов, чтобы получить едва заметное усиление звука.

Пороги различения хорошо объясняются данными, установленными И. П. Павловым, относительно нервных процессов, протекающих в корковой части анализатора. В силу иррадиации возбуждения по коре действие какого-нибудь определённого раздражителя вначале не отличается от действия других, сходных с ним раздражителей. Постепенно возрастающая способность к различению ощущений (дифференцировка, по Павлову) объясняется концентрацией процесса возбуждения в корковой части анализатора; в основании дифференцировки лежит тормозной процесс – «заглушение сначала широко возбуждённого мозгового конца анализатора, исключая его мельчайшую часть, отвечающую данному условному раздражителю». Такое торможение, содействующее различению сходных раздражителей, было названо И. П. Павловым дифференцировочным торможением. Таким образом, повышение чувствительности к различению есть не что иное, как ограничение процесса иррадиации развивающимся в соседних участках процессом торможения.

Как абсолютная чувствительность, так и чувствительность к различению не являются величиной постоянной. Они меняются в зависимости от разных условий. Наиболее важны следующие три причины изменения чувствительности. Во-первых, чувствительность изменяется под влиянием действующих на органы чувств раздражителей. Во-вторых, она может изменяться под влиянием других одновременных ощущений. В-третьих, наконец, она меняется в зависимости от условий жизни и в первую очередь от

требований, предъявляемых той деятельностью, которой человек занимается. Теперь мы подробнее рассмотрим действие каждой из этих причин.

Интернет-источник
http://www.medobozrenie.ru/teplov12.html

ЧУВСТВО – ЧУВСТВА – ОБЩЕЕ ЧУВСТВО

Чувство – в психологии непосредственное переживание сущности сменяющихся состояний Я (радость, печаль, взволнованность, отвращение) в нас самих и в других.

Чувства являются особым видом гештальткачеств и относятся к группе свойств сущности (сущностных свойств).

Гештальткачества сознания в целом, т.е. всего непосредственно переживаемого в данный момент, включая и внешний мир (названные Феликсом Крюгером «комплексными качествами» («качествами комплекса»), т.е. свойствами нерасчлененного целого), обозначаются настроением.

Чувства и чувственные явления могут быть подчинены различным сферам сознания: сознанию в целом, сфере Я или частичным сферам созерцаемого мира.

Последняя из этих трех сфер (изолируемых друг от друга только в целях исследования, методически) важна с эволюционно-исторической точки зрения, ибо для первобытного мышления вещи также были живыми, потому что они сами «чувствовали», потому что, следовательно, было возможно вчувствование в вещи, сущность которых нужно было открыть (отсюда также воздействие на вещи посредством заклинания и т.п.; см. Магия, Первобытные формы религии). Поэтому для первобытного мышления и для детей чувство является преобладающим элементом душевной жизни и естественным способом познания.

Сильные и быстро протекающие чувства называются аффектами.

Слово «чувство» или «чувствование» только с 18 в. стало специально философским термином; до этого проблема чувства разрабатывалась в философии и психологии в разделе о «страстях души» (лат. passiones animal).

Чувства – устойчивые эмоциональные отношения человека к явлениям действительности, отражающие значение этих явлений в связи с его потребностями и мотивами.

Чувства так или иначе субъективны, поскольку одни и те же явления для разных людей могут иметь различное значение.

***

Юнг подчеркивал рационально-оценочную сторону чувства, как одной из основных функций сознания, которая в отличие от эмоции “не имеет зримых физических или физиологических проявлений, но может перерасти в сильную

эмоцию, когда чувство достигнет той интенсивности, которая вызывает физиологическое возбуждение”.

***

“В отличие от эмоций и аффектов, связанных с конкретными ситуациями, чувства выделяют в воспринимаемой и представляемой действительности явления, имеющие для человека стабильную потребностно-мотивационную значимость.

Одно и то же чувство может реализоваться в различных эмоциях. Это обусловлено сложностью явлений, многогранностью и множественностью их связей друг с другом. Например, чувство любви нередко включает эмоции радости, гнева, печали. В одном и том же чувстве нередко сливаются, объединяются, переходят друг в друга разные по знаку (положительные и отрицательные) эмоции. Этим объясняется такое свойство чувств, как амбивалентность.

В онтогенезе чувства формируются по мере развития индивидуального сознания как результат обобщения отдельных эмоций.

Наиболее распространенная классификация чувств выделяет отдельные их подвиды в соответствии с конкретными областями деятельности и сферами социальных явлений, становящихся объектами чувств: моральные, эстетические, интеллектуальные, практические, родительские и другие. Чувства по степени обобщенности предметного содержания чувства подразделяются на конкретные (например, к ребенку, произведению искусства), обобщенные (к детям, к музыке) и абстрактные (чувство справедливости, трагического и т.п.). Отсутствие исчерпывающей классификации чувств объясняется большим их разнообразием, а также их исторической изменчивостью.”

***

“Благодаря тональности чувства мы узнаем о ценности вещи. Например, чувство может показать, нравится ли вам данная вещь или нет. Иначе говоря, оно показывает, чего эта вещь для вас стоит.

Оценочная функция существует, и поэтому мы должны ее как-то назвать. Обычно ценностный аспект передается словом “чувство”. Однако я совершенно не намерен цепляться за слова. Просто, употребляя тот или иной термин, я всегда сначала даю определение того, что в данном случае имею в виду” (К. Юнг).

Общее чувство (жизненное, соматическое чувство) – ощущение, являющееся следствием общего телесно-душевного состояния человека: голода и жажды, усталости, удовольствия, подавленности и т.п. По В. Вундту, общее чувство – это «тотальное чувство, в котором выражается общее состояние нашего чувственного здоровья или нездоровья».

Общее чувство близко понятию настроения.

Интернет-источник
http://www.galactic.org.ua/clovo/p-hu-1.htm

ОЩУЩЕНИЯ И ЧУВСТВА

И. А. Ильиных

Физические ощущения и чувства

В рамках рефлекторной концепции И. М. Сеченова и И. П. Павлова были проведены исследования, показавшие, что по своим физиологическим механизмам ощущение является целостным рефлексом, объединяющим прямыми и обратными связями периферические и центральные отделы анализатора. Классификация ощущений может осуществляться по разным основаниям. Широко распространено разделение ощущений по модальности, в связи с чем выделяют ощущения зрительные, слуховые, осязательные и др. Внутри отдельных модальностей возможна более дробная классификация (напр., пространственные и цветовые зрительные ощущения). Известные трудности для подобной классификации представляет существование интермодальных ощущений или синестезий.

Английский физиолог Ч. Шерррингтон выделил три основных класса ощущений: 1) эстероцептивные, возникающие при воздействии внешних раздражителей на рецепторы, расположенные на поверхности тела; 2) проприорецептивные (кинестические), отражающие движение и относительное положение частей тела благодаря работе рецепторов, расположенных в мышцах, сухожилиях, суставных сумках; 3) интероцептивные (органические), сигнализирующие с помощью специализированных рецепторов о протекании обменных процессов во внутренней среде организма. В свою очередь, экстероцептивные делятся на два подкласса дистантные (зрительные, слуховые) и контактные (осязательные, вкусовые). Обанятельные ощущения занимают промежуточное положение между этими подклассами.

Эмоциональные чувства

Если пойти вслед за физическим восприятием посредством органов чувств, то можно заметить, что очень часто физические ощущения связаны с осознанием каких-то эмоций (радость, грусть, нежность и т.п.). Так, например, зрительный образ бегущей воды возбуждает в нас радость или грусть в зависимости от индивидуальных особенностей чувствующего данный объект человека и от связанных с ним ассоциаций, или определенных переживаний. В данном случае, в процесс восприятия окружающего мира включается более тонкая, чем физическое тело, субстанция человеческого существа. Его называют ***эмоциональным*** или ***астральным телом***.

В науке пока нет общепризнанной позиции по этому вопросу. Более того, большинство ученых кроме физического тела и психики в человеке больше ничего не признают. Понятия о более тонких, чем физическое тело, оболочках

человека сформированы в духовных источниках – это опыт людей, способных видеть и чувствовать больше и тоньше, чем средний человек.

Из психологии нам известно, что эмоции (от лат. emoveo – потрясаю, волную) – психическое отражение в форме непосредственного пристрастного переживания жизненного смысла явлений и ситуаций, обусловленного отношением их субъективных свойств к потребностям субъекта. Ученые полагают, что в процессе эволюции эмоции возникли как средство, позволяющее живым существам определять биологическую значимость состояний организма и внешних воздействий. Простейшая форма эмоций – так называемый эмоциональный тон ощущений – непосредственные переживания, сопровождающие отдельные жизненно важные воздействия (например, вкусовые, температурные) и побуждающие субъекта к их сохранению или устранению. Высшей формой развития эмоций являются устойчивые чувства к предметам, отвечающим его высшим потребностям.

Как устроено эмоциональное тело психологии неизвестно. Но известно людям, обладающим паранормальными способностями. Эмоциональное тело вместе с эфирным телом обладает объемом, гораздо большим, чем физическое тело, граница эмоционального тела находится за пределами физического тела. Экстрасенсами или приборами, обладающими особой чувствительностью, эмоциональное тело воспринимается как разноцветная аура, окружающая человека. В зависимости от характера, испытываемых в данное время эмоций аура окрашивается в разные цвета. Например, если человек находится в ярости, то цвет ауры становится ядовито красным с преобладанием темно-красного тяжелого цвета. Если же человек чувствует тоску или ревность, или находится в подавленном состоянии, то в окраске ауры преобладает темно-коричневый или даже черный цвет. Но если человек наполнен радостью от благих мыслей, то окраска ауры становится светлой, сверкающей, в которой преобладают светло-зеленые, голубые, желтые, розовые тона.

В настоящее время существуют приборы, работающие по типу газоразрядной визуализации, благодаря этому эффекту эмоциональное тало становится видимым. И можно четко увидеть нарушения в структуре ауры и сделать определенные выводы о характере, испытываемых эмоций и предсказать последствия для физического тела и даже для судьбы человека определенных эмоций.

Эмоциональное тело связано с тонким миром, который называется астральным. Астральный мир ближе всего по уроню вибраций подходит к грубо материальному миру. Этот мир наполнен энергиями и существами различного рода и делится на низший астрал и высший астрал. Соответственно человек, в зависимости от уровня развития, взаимодействует с разными уровнями астрального мира. Возьмем чувства и эмоции человека, связанные с любовью. Как по-разному они будут выражаться у людей разных уровней развития и связанными с разными астральными слоями. Например, человек, получающий удовлетворение от прослушивания тюремного фольклора и человек, испытывающий удовольствие от прослушивания светской классической музыки будут взаимодействовать с энергиями и информацией

различных астральных уровней. Или, например, танцы, наполненные грубым эротическим содержанием близким к порнографии и балет – танец более высокого эстетического содержания. Совершенно очевидно, что эти два вида танца связаны с разными эмоциональными слоями и выражают разные оттенки человеческих чувств. Более того, в наше время есть люди, способные по уровню энергетики, уровню вибраций различить источники информации и смысла.

Самым высоким чувством астрального плана Земли является любовь. Каждый человек испытывает потребность в том, чтобы его любили, любили безусловно, не предъявляя никаких претензий относительно несовершенства его человеческой природы. Мы пришли на Землю, чтобы испытать все формы любви начиная от любви к собственной семье и завершая любовью ко всему существующему не только на Земле, но и на других планетах и к Богу. Конечно, любовь в зависимости от уровня развития человека, чувствующего ее, преломляется под разным углом: для кого-то она просто сексуальное влечение к противоположному полу, а для кого-то любовь к душе другого человека. Форм любви бесконечное множество, столько же, сколько и людей на планете Земля. Но все должно развиваться – возвышаться, приобретать более высокий смысл, чем имеет в данное время. Так, любовь начинаясь с эгоистичной и ограниченной постепенно расширяется, развивается и приобретает иные более возвышенные и одухотворенные формы.

Интеллектуальные чувства

Развивая наше размышление о чувствах можно предположить, что ум, интеллект, тоже может чувствовать, но чувствует он мысли.

Определим основные понятия этой сферы. Интеллект (от лат. *intellectus* – разумение, понимание, постижение) – относительно устойчивая структура умственных способностей человека. Ум – познавательные возможности человека, способности мышления и понимания. Мышление – процесс познавательной деятельности человека, характеризующийся обобщенным и опосредованным отражением действительности. Ментал (от англ. Mental – умственный, мысленный, психический). Разум – философская категория, обозначающая способность к абстрактному познанию посредством общих понятий, необходимо нуждается в языке и создает возможность для него. Посредством разума человек способен образовывать идеи. Идея – форма постижения в мысли сущности предметов и явлений окружающего мира. Мысль – нет определения (Психологический словарь, 1985).

Восточная философия утверждает, что мысли живут в окружающем пространстве, в своем пространстве – пространстве мысли и приходят к нам, а мы принимаем их и проживаем их, используем в своей жизни или не принимаем и они проходят мимо и никакого влияния на нас не оказывают. Можно здесь утверждать, что к одним мыслям мы оказываемся чувствительными, а к другим нет. Одни мысли мы чувствуем, ощущаем, а другие не чувствуем и не ощущаем. На уровне одинакового чувствования мыслей можно говорить о единомышленниках, людях оказывающихся

настроенными на одинаковые мысли и чувствующих их внутреннюю суть. Такие люди, вероятно, способны понять друг друга и, напротив, не поймут друг друга люди по-разному чувствующие или не чувствующие вообще определенные мысли. Так, человек берет мысль из ее мира, насыщает ее своей энергией, возможно преображает или извращает, каким-то образом меняет и отправляет в пространство.

В той же восточной традиции познания человеком себя и мира было открыто, что у человека есть тело, работающее с мыслью, такое тело назвали ***ментальным*** или ***интеллектуальным*** телом. Оно располагается внутри человеческого мозга, но обладает нематериальной природой. Мозг же является его материальным носителем, т.е. посредником между ментальным телом и физическим. Ментальное тело в свете интровертных знаний (Пучко, с.69) представляет собой маленький шарик неправильной формы с двумя «глазами», которыми мы осматриваем наши мысли. Это наше ментальное зрение. Оно имеет три уровня: нижний – подсознание, средний – сознание и верхний – сверхсознание. Подсознание в свою очередь имеет несколько ступеней. В самом низу – инстинктивный ум, ведающий пищеварением, газообменом, обменом веществ и другими функциями физического тела. Самый верхний уровень подразделяется на такие подуровни, как предмыслие (неясно выраженные мысли) и космическое сознание (просветление, озарение, появление гениальных мыслей).

Ментальные оболочки различных людей, живущих на Земле, пересекаются, образуя ментальное пространство, или, по терминологии В. И. Вернадского, ноосферу. Сгустки мысленной энергии различных отдельных групп людей образуют эгрегоры. Есть религиозные эгрегоры, социальные, профессиональные, семейные и т.д.

Человек постоянно взаимодействует со сферой мысли. Большая часть человечества неосознанно вступает в контакт с определенными мыслями. Но есть люди на Земле, которые стараются совершенствовать свою природу и неизбежно выходят на уровень осознанного взаимодействия с мыслями. Они способны различать не только внутреннее смысловое содержание и энергетическую наполненность мыслей, но и понимают, видят, чувствуют их характер, способны предвидеть последствия от участия в их жизни различных мыслей.

Вершиной интеллектуальных чувств является любовь к Истине, которая вырастает из интереса к знаниям и любви к познанию.

Высшие и низшие чувства

В психологическом словаре читаем: «Высшие чувства заключают в себе все богатство эмоциональных отношений человека к социальной действительности: нравственные чувства (отношение к социальным учреждениям, к государству, к определенному классу, партии, к другим людям, самому себе); познавательные или интеллектуальные чувства их предметом является как сам процесс приобретения знаний, так и его результат; практические чувства, связанные с деятельностью (труд, учение, спорт и др.);

эстетические чувства, предполагающие осознанную или неосознанную способность при восприятии явлений окружающего мира руководствоваться понятиями прекрасного. Интеллектуальные, практические, эстетические чувства возникают в единстве с нравственными чувствами и обогащаются в связи с ними. По степени обобщенности предметного содержания чувства подразделяются на конкретные, например, любовь к ребенку, произведению искусства, обобщенные (чувства к детям вообще, к музыке) и абстрактные (чувства справедливости, трагического)».

К высшим чувствам относят переживания человека, наполненные каким-то особым возвышенным смыслом. Переживания высшего смысла в отношении к событию или явлению, которые выводит человека за рамки удовлетворения материальных потребностей собственной эгоистической природы. Переживание высших чувств скоре всего не будет иметь никакого материального предмета. Например, переживание несправедливого, подлого поступка одного человека по отношению к другому. Это чувство можно назвать состраданием, сопереживанием. Принятие внутреннего душевного участия в судьбе другого человека это и есть выход за грань своей личности. Испытывание острой боли от несчастного случая произошедшего с другим человеком. Мука от невозможности изменить окружающий мир, наполненный страданием. Все это есть нравственные чувства и они являются высшими чувствами.

Но кто же внутри нас чувствует, переживает эти чувства? Наше «я». На вопрос о том, что же такое «я» есть много ответов. Вот одна из версий: у человека есть высшая и низшая природа; высшая природа – высшее «Я» пытается преобразовывать низшую природу и в этом есть смысл развития человека, его эволюционное развитие; низшая природа сопротивляется, потому что меняться очень трудно. Если человек идет на поводу низших чувств гнева, ревности, зависти и т.д. то он не развивается, а наоборот деградирует. Если же человек пытается в жизни руководствоваться высшими ценностями, например, пытается всех любить, слушает свою совесть, пытается делать добро, помогать людям и т.п., то он развивается и эволюционирует.

Несомненно, нравственные чувства являются основой жизни любого человека. Невозможно развиваться в рамках какой-либо одной сферы высших чувств, а другими пренебрегать или проявлять абсолютно регрессионные качества своей личности. В итоге окажется, что и в этой одной сфере, которую принимает и развивает человек, он окажется не дееспособным. Так, например, талантливый художник, тонко чувствующий красоту, но при этом ненавидящий людей. В конце концов, ненависть, рожденная в его душе, вероятнее всего, съест весь его талант.

В настоящее время учеными уже доказано, что даже на физическом уровне – биологическом теле человека проявляется модальность чувств. Чувства радости, доброжелательного отношения к окружающему миру очищает кровь. А чувства ненависти, раздражения, гнева рождает патологические физические и биологические образования различного рода.

Духовные чувства

Взаимодействие человека с Высшими мирами и с Богом происходит посредством духа человека, самой тонко устроенной субстанцией человеческого существа. В зависимости от качества настроенности человека на свой дух и осуществляется чувствование жизни духа и степень реализации, раскрытия, развития духа на земле.

Существует мнение, что дух человека – это основа человеческого существа. Он является продолжением Бога в человеческом существе, аналогично, как дети являются продолжением родителей на Земле. Божественность человеческого духа с этой точки зрения является логически правильной. И утверждение о том, что дух человека может все и знает все не кажется абсурдной. Таким образом человек в духе своем является совершенством и стремление человека к совершенству это только желание вспомнить свое совершенство, пробудить память своего духа и раскрыть все, что есть в духе. Земные же условия, различные события в которых оказывается человек необходимы для пробуждения всего духовного багажа.

ОРГАНЫ ЧУВСТВ В РАСТИТЕЛЬНОМ ЦАРСТВЕ

А. Меркулов

Жизнь, живое таит в себе еще немало загадок, нераскрытых тайн, возможностей. Церковь, защитники религий самых разных направлений всегда стремились использовать это для утверждения идеи бога, сверхъестественного начала в проявлениях жизни. Однако развитие науки оставляет для этого все меньше возможностей. Вот еще один пример того, как современная наука, ведет наступление на секреты природы.

Более 150 лет назад итальянский ученый Луиджи Гальвани установил, что живая ткань реагирует на электрическое воздействие. Это важное открытие дало основание предположить, что живая ткань может на только проводить электрический ток, но и сама вырабатывать электричество. Позднейшие исследования подтвердили это предположение. Сравнительно недавно было установлено, что электрические токи, вырабатываемые живой тканью, возникают в нервных клетках, обслуживающих органы чувств человека и животных, в ответ на раздражения, вызываемые светом, звуком, запахом и т.д.

Новая область науки – электрофизиология, изучающая электрические процессы, протекающие в живых организмах, приоткрывает сегодня занавес над многими скрытыми ранее процессами. Современные приборы не только дали возможность ученым измерять электрическое поле некоторых важных органов человека и животных (скажем, сердца и головного мозга), но и помогли открыть так называемый "электрический ландшафт" – силовые поля, рождаемые живой и неживой природой. Высокочувствительный

прибор – зондирующий усилитель, например, позволил услышать "электрические голоса" деревьев и кустарников.

Этот прибор имеет сегодня, по мнению ученых, особое значение. Ведь до сих пор наука не имела точного представления о том, как растения реагируют на электромагнитные поля. А теперь появилась возможность наблюдать их специфическую реакцию на изменяющиеся электрические условия среды и электромагнитные возмущения.

Оказывается, наши зеленые друзья могут не только "говорить", но и в буквальном смысле слова "кричать". В этом нетрудно убедиться, побывав в лаборатории заведующего кафедрой физиологии растений Московской сельскохозяйственной академии имени Тимирязева профессора И. И. Гунара. Ячменный побег "возопил", когда лаборантка опустила его корень в горячую воду. Правда, при этом никаких звуков не было слышно – "голос" растения уловил чуткий электронный прибор, который подробно рассказал о "невидимых миру слезах" на широкой бумажной ленте: перо прибора, судорожно дрожа, резкими рывками металось по белой дорожке. В то же время, внимательно наблюдая за растением, мы не заметили никаких внешних признаков того, что оно "страдает". У ячменного побега, как принято выражаться, был бодрый вид, листочки его не сникли и были по-прежнему зелены.

Интересные эксперименты проделал молодой ученый Виталий Горчаков. Из стебля тыквы он выделял токопроводящие пучки и присоединял к ним микроэлектроды. Затем разными способами раздражал корень растения, например слегка надрезая его. На расстоянии 30-40 сантиметров от места раздражения в считанные секунды появлялся электрический импульс: на экране осциллографа возникал всплеск.

Как известно, у растений нет такой нервной системы, органов чувств, как у животных. Тем не менее они реагируют на внешнюю среду. Какие же у них физические раздражители, как они действуют? Чтобы выяснить это, американские ученые поставили такой эксперимент: автоматический механизм в момент, выбранный датчиком случайных чисел, опрокидывал чашку с крошечной живой креветкой в кастрюлю с кипятком. Рядом с кастрюлей стоял филодендрон, на листья которого были наклеены электроды. Самописец при этом вел непрерывную запись. Оказалось, что в тот момент, когда выброшенная в кипяток креветка погибла, у цветка была зарегистрирована "эмоциональная" реакция. В то же время было замечено, что растение может постепенно "привыкать" к трагическим событиям, например перестает обращать внимание на часто повторяющиеся угрозы.

Интересный факт обнаружили ученые Казахского государственного университета. Они установили, что растения изменяют свои электрические параметры в зависимости от психического состояния человека. Домашние растения, как отмечено во время многократных опытов, чутко реагируют на болезнь хозяина, даже на изменение его настроения.

Сотни опытов, проделанных в научных лабораториях, подтверждают, что в растениях существуют электрические импульсы, похожие на нервные

импульсы человека. Эксперименты эти свидетельствуют и о том, что координация внутренних процессов, уравновешивание их с внешней средой осуществляется у растений при помощи сложной раздражимой системы, под контролем которой находится вся их жизнедеятельность.

Изучая электрические явления в растениях, ученые также установили некоторые особенности их поведения в зависимости от внешней среды. Было известно, например, что если чрезмерно продлить световой день, то растение устаёт, начинает нуждаться в ночном отдыхе. Это, кстати, подтверждает давнюю мысль о том, что у растений, как и у человека и животных, есть свои ритмы жизни. Современные электронные исследования подтвердили это. Они показали также, что корень растения напоминает сердечную мышцу: он сокращается, и у него имеются фазы возбуждения и торможения. Растения хорошо чувствуют свет и при помощи специальной системы могут быть своеобразным живым реле – включать и выключать электричество в теплице.

Установлено также, что в растении заложены и элементы "памяти". Так, когда корень фасоли после нулевой температуры погрузили в воду с комнатной температурой, предыдущие колебания на ленте самопишущего прибора затухли не сразу – растение еще помнило холод и вело себя настороженно.

Американский криминалист К.Бакстер проделал интересный опыт, наглядно продемонстрировавший наличие памяти у растений, – смоделировал "преступление". В комнату, куда поместили два цветка, по очереди входили шесть человек. Один из них уничтожил растение. Кто стал "убийцей"? Бакстер подсоединил электроды к оставшемуся в живых филодендрону, а затем шесть подозреваемых опять входили в комнату один за другим. Когда появился "убийца", "свидетель-цветок" дал "эмоциональную" реакцию, демонстрируя отличную память.

Следует напомнить, что о памяти растений ученым было известно задолго до этих опытов. Так, уже давно было отмечено, что она проявляется тогда, когда затрагиваются важные для жизни растения механизмы. Но подтверждение этого при помощи электрических сигналов, подаваемых самим цветком, получено лишь недавно. К тому же в данном случае речь идет о "долговременной памяти" растений.

Ученые успешно исследовали и их "кратковременную память". Оказалось, что огурцы, фасоль, картофель, пшеница, лютик прекрасно запоминают частоту вспышек ксено-водородной лампы. После своеобразного "обучения" (серии световых импульсов) растения воспроизводили заданный ритм с исключительной точностью. В процессе эксперимента было выявлено, что время запоминания у разных растений различно: например, лютик "помнил" световой ритм в течение 18 часов.

Выяснив все это, ученые попытались выработать у растений "условные рефлексы". Около филодендрона помещали какой-нибудь минерал и "наказывали" цветок ударом электрического тока. Затем камень убирали и растению давали некоторое время жить спокойно. Потом все повторяли вновь. Вскоре филодендрон начинал "эмоционально переживать", когда

минерал оказывался рядом, хотя удара электрического тока при этом и не было. Таким путем сделана весьма успешная попытка "научить" растения отличать руду от пустой породы.

Заглядывая в будущее этой области науки, ученые уже сегодня видят некоторые ее реальные контуры. Если удастся, например, до конца разгадать механизм деятельности "нервной системы" растений, то можно будет решить заманчивую проблему управления их ростом. Эти смелые выводы созвучны мыслям выдающегося советского физика академика А. Ф. Иоффе, который говорил, что, применив в агрофизиологии тончайшие методы физики, химии и математики, человек овладеет внутренними процессами живого организма и станет хозяином взаимодействия растений с внешней средой. Присоединенные к растениям специальные микроэлектроды через тонкий электронный прибор точно покажут нам, чего в данный момент не хватает фруктовому саду, винограднику, хлебному полю...

В Красноярском институте физики уже теперь автоматически регулируют рост хлореллы – одноклеточной водоросли. Опыты продолжаются, идут от простого к сложному. И нет сомнения, что в недалеком будущем ученые смогут управлять ростом не только простейших, но и высших растений.

Заманчива также перспектива дистанционного управления полеводством. Научившись "понимать" растения, человек, может быть, создаст автоматические установки, которые сами будут следить за полями, с тем, чтобы в любой нужный момент обеспечить их всем необходимым. Недалек и тот день, когда ученые создадут стройную теорию приспособления и устойчивости растений к неблагоприятным условиям внешней среды, теорию общих закономерностей их ответных реакций на различные раздражители, а также на стимуляторы и гербициды. Как видим, наука сегодня находит новые пути исследования нашего зеленого друга. Некоторые его загадки уже решены. Это дает нам основание столь уверенно говорить о том, что наверняка наступит такое время, когда с помощью высокочувствительных приборов человек будет "беседовать" с растениями и они "расскажут" ему о всех своих нуждах и желаниях.

Литературный источник

Меркулов А. // Наука и религия. –N.7. – 1972. – С. 36-37.

Интеренет-источник

http://lebendige-ethik.net/4-Merkulov.html

ПРАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА

«Моя душа и душа цветов»

1. Попробуйте почувствовать Вашу душу. Какая она? Какого она цвета? Как пахнет? Какова ее структура? Где она располагается?
2. Работа в парах. Попробуйте посмотреть на своего напарника как бы изнутри своей души прямо в его душу. Что почувствовала Ваша душа?
3. Смотрите на живой цветок в течение 10 минут. Попробуйте почувствовать его внутреннюю жизнь, его дыхание, его энергию.
4. Поговорите мысленно с цветком. Попросите открыть вам тайну его жизни.
5. А теперь вслушивайтесь в его душу.

Установлены ли доброжелательные взаимоотношения с цветком? Как вы это поняли? Что почувствовали?

«Внутреннее пространство звука»

В качестве источника звука можно взять колокольчик или камертон.

1. Представьте, что ваша душа слушает звук, пытаясь почувствовать внутреннюю суть, ощутить внутреннее пространство звука.
2. Каким представляется вам внутренне пространство звука?
3. Попробуйте проследить путь звука. Откуда он возникает и куда исчезает?

ВОПРОСЫ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

1. Каким образом человеку нужно измениться, чтобы чувствовать и вопринимать то, что сейчас находится за порогом чувствительности его органов чувств (ощущений)?
2. Как Вы понимаете смысл процесса утончения чувств? Что значит само слово «утончение»?
3. Как утончение чувств поможет целям экологической этики?
4. Как утончение чувств согласуется с духовным развитием человека?
5. Каким образом чувственное взаимодействие с миром связано с сознанием и мировоззрением?

ЗАНАЯТИЕ 12

ВЫСШИЕ ЧУВСТВА И СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ

Цель работы – осознать занчение высших чувств в установлении гармоничных онтошений с другими существами.

ЛЮБОВЬ

ЛЮБОВЬ – это божественное проявление в сфере сердца [1].

“[…] Велика магнитная сила чувства любви, но, к сожалению, наука не оценивает значения такого магнита. Любящий человек отвечает космическому закону притяжения, так он получает в той или иной мере особенности, присущие этому закону.

Невозможно без любви посвятить себя тонкому познанию. Невозможно только чтением достичь приближения, нужно напряжение воли, но такая воля может проявляться только вследствие любви. Необходимо полюбить мечту о Высшем Мире” [2].

“[…] Озарение радости и любви сильнее, чем озарение, даваемое страданием, но постоянно указывают, что страдание очищает человека.

Как же может получиться, что человек не умеет использовать сильнейшего озарения? Ответ прост – страдание посеяно человеком в плотном мире, и оно частично проникает в Тонкий Мир. Но чистая радость и любовь живут в Мире Огненном и редко бывают поняты человеком. При следующей эволюции люди осознают, где находится их сокровище и обратятся к светлой панацее” [2].

“Долголетними трудами достигается ритм высшей энергии. Не следует думать, что озарение может утвердить такой ритм. Сначала требуются словесные обращения, потом они претворяются в безмолвные утверждения, и, наконец, они сливаются в ритм, который звучит в сердце постоянно и среди бдения, и среди сна. И явление одного основного качества усиливает вибрацию, назовем это качество – экстатическая любовь, в ней и высшая преданность, и негасимое доверие, и неустанная мощь. Такая степень восхождения очень велика, но во всем нет завершения” [2].

“Речь есть Рик, Дыхание есть Саман, Нетленный есть Ом Ургитхи. Вот божественные возлюбленные: Речь и дыхание, Рик и Саман. Как пара возлюбленных они сливаются вместе в Ом, в вечном слоге; и вот когда встретятся возлюбленная и ее любимый, воистину каждый исполняет желание другого. […] Вот этот Ом есть слог согласия” [3].

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я медь звенящая или кимвол звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. Если я раздам все имение мое и отдам тело на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестанет, хотя и пророчества прекратятся и языки умолкнут, и знание упразднится. Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти

прекратится. […] А теперь пребывают они три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» [4].

[…]
Превосходит йогин аскетов,
йогин выше, чем тот, кто знает,
йогин выше, чем делатель жертвы;
устремляйся же к йоге, Арджуна!

Но и йогинов тот превосходит,
кто на Мне всей своею душою
утвердившись, исполненный веры,
почитает меня с любовью».
[…]
У того кто Мне благоговейно
лист, цветок иль воду приносит
у того, кто Мне, Партха, предан,
я вкушаю любви приношенье» [5].
[…]
Те ж, кто чтят Меня благоговейно,
Пребывают во Мне, и Я – в них» [5].

«Любовь – это высшая сила, эманация Предвечного Сознания, которая была Им послана в этот мир косности и мрака, с тем, чтобы вернуть весь этот мир и его обитателей в Божественное лоно. Материальный мир, лежавший во мраке и неведении забыл о Божественном. И тогда любовь снизошла в его тьму; она пробудила все спавшее там; и отверзнув их глухие уши, прошептала им: «На свете есть то, ради чего стоит проснуться и жить – это любовь!» И пробудившись к любви, мир тем самым получил возможность вернуться к Богу. Через любовь все сотворенное стремится ввысь, к Божественному и, в ответном движении, навстречу этому стремлению снизу, Божественная любовь и Милость склоняются над своим творением.

[…] Источник любви – это Первоисток Вселенной.

[…] В основе своей любовь – есть радость единства; свое наивысшее выражение она находит в слиянии с Божественным. Между двумя этими градациями лежит все многообразие проявлений любви во Вселенной…

[…] Любовь – это, прежде всего, радость единения. Понятно, что для того, чтобы осознать эту радость, сначала должно быть осознано единство, потом приходит радость, а это и есть любовь, которая не может не проявиться в том или ином виде, так или иначе она выражает себя в этом мире. Наивысшего же своего предела она достигает тогда, когда пройдя через все возможные виды и формы в проявленном мире, она возвращается к своему Первоистоку, где обретает блаженство совершенного единства. Дело в том, что единство может быть познано только в том случае, если существовало разъединение, обособленность. Причастное вселенской любви индивидуальное человеческое сознание в своем восхождении к Ее первоистоку проходит через все возможные

уровни Ее проявления, и на каждом из них дает себя знать эта отъединенность от Первоистока, по возвращении к которому она уступает место высшей радости единения, слияния с Ним, другими словами, две ипостаси сознания после временного разделения объединяются вновь. Мы можем сказать, что любовь пройдя через возможные виды и формы во всей иерархии миров, возвращается к своему первоистоку, где она осознается как блаженство единения с Ним.

[…] При последнем рождении нашего проявленного мира любовь в своем чистом исходном состоянии представляла собой целое, образованное двумя началами, двумя дополняющими друг друга полюсами, с заложенным в нем тяготением, влечением к полному взаимному слиянию. С одной стороны, была высшая сила, влекущая к себе все и вся, с другой стороны неудержимое стремление к полной самоотдаче. Невозможно представить себе наилучшего средства, чтобы перебросить мост через ту пропасть, которая образовалась в индивидуальном существе в результате отделения его сознания от своего источника и погружения в бессознательное.

Когда Божественное сознание создало вселенную, проявленный мир, в результате инволюции снизойдя на уровень бессознательного и представив себя самого в виде бесконечного пространственно-временного многообразия элементов и форм, оно должно было в ходе другого процесса – эволюции – вернуться к самому себе, не уничтожая своего создания. Тогда мир и был озарен любовью – всепобеждающей силой единения.

Низойдя со своей высоты, превосходящей всякую тьму и неведение, любовь погрузилась в недра бездонного мрака, полностью пронизав его собой. И тогда настал миг пробуждения и начала восхождения мира от полностью бессознательного состояния к Высшему Свету, началось медленное формирование материи и ее бесконечное развитие к высшим уровням.

Лучше вообще не спрашивать себя любимы вы или нет, это вам должно быть абсолютно все равно, тогда ваша любовь будет приближаться к истинной любви: вы любите просто потому что любите, а не потому что получаете что-то за свою любовь, например, любимого вами человека. Если ваша любовь предполагает какие-то условия – это уже не любовь. Как только вы приобщаетесь истинной любви, вы обретаете всю полноту счастья и вам просто ничего не нужно в ответ на это. Вы сами и есть любовь, вот и все. Торгашество начинается тогда, когда возникает желание, чтобы предмет любви знал, что он любим» [6].

«Человек находит себя как обособленную частицу всемирного целого, и это свое частичное бытие он утверждает в эгоизме как цели для себя, хочет быть всем в отдельности от всего – вне истины. Одно теоретическое познание истины не может упразднить эгоизм, пока живая сила эгоизма не встретится в человеке с другой живою силою, ей противоположною, сознание истины есть только внешнее освещение, отблеск чужого света.

Истина, как живая сила, овладевающая внутренним существом человека и действительно выводящая его из ложного самоутверждения называется любовью.

[…] Смысл человеческой любви вообще есть оправдание и спасение индивидуальности через жертву эгоизма.

[…] Есть только одна сила, которая может изнутри, в корне подорвать эгоизм, и действительно его подрывает, именно любовь, и главным образом, любовь половая.

[…] Познавая в любви истину другого не отвлеченно, а существенно, перенося на деле центр своей жизни за пределы своей эмпирической особности, мы тем самым проявляем свою собственную истину, свое безусловное значение, которое именно и состоит в способности переходить границы своего феноменального бытия, способности жить не только в себе, но и в другом. Всякая любовь есть проявление этой способности, но не всякая осуществляет ее в одинаковой степени, не всякая радикально подрывает эгоизм.

Любовь как действенное упразднение эгоизма, есть действенное оправдание и спасение индивидуальности. Любовь больше, чем разумное сознание, но без него она не могла бы действовать как внутренняя спасительная сила, возвышающая, а не упраздняющая индивидуальность» [7].

«Что такое любовь? Откуда она появилась? Если от Бога, то для каких целей? И почему одни могут любить, а другие нет? Вопросов бесконечное множество. Но чтобы ответить на них, лучше начать с истоков, с момента создания человека.

Что нового можно сказать по такому старому вопросу, о котором написаны миллионы томов? И все-таки мы постараемся открыть новое и осветить данный вопрос с несколько необычных позиций, именно – с позиций Космоса и с позиций Божественного замысла. Хотя последнее тоже звучит старо, ибо все мы помним слова из Библии: «Возлюби ближнего своего как самого себя», но и о них тоже можно сказать то, что неизвестно человеку.

[…] Любовь, как основа семейных отношений появилась не сразу. […] Где-то в третьей цивилизации и была выражена в слабой форме.

[…] Что такое любовь? С технической точки зрения – это механизм переработки определенного типа космической энергии в определенное качество. […] Без любви человек – это сухое, холодное, равнодушное существо, напоминающее робота. И только любовь обогащает его душу многообразием чувств, их оттенков, и в итоге она превращается в самое большое богатство души. То есть чувство любви должно стать механизмом обогащения души новыми качествами, как, например, любовь к дому, к родителям, к детям, к искусству, музыке и т.д. Это уже множество разновидностей любви, которые и создают всевозможные оттенки качеств души. Любовь делает индивида человечным, а значит, более мягким, нежным, ласковым. Любовь толкает человека на благородные поступки, она возвышает его, делает добрым, отзывчивым. Множество лучших человеческих качеств развивается только при наличии любви.

Если человек добивается успехов в работе, то чаще всего потому, что любит свою работу, любит то, что делает. И даже много денег начинает зарабатывать, когда начинает их любить. Здесь можно сделать разделение, что любовь на Земле в зависимости от того, что любят, приводят человека к разным

результатам: любовь к развлечениям, грубости, жестокости, разврату может привести в отрицательную, дьявольскую Систему; а любовь к детям, людям, творчеству, познанию приводит индивида в положительную Систему, т.е. к Богу.

В любом чувстве есть тонкая, еле уловимая грань переход за которую уводит человека в противоположную сторону. Так, например, любовь к своей работе поднимает человека и позволяет ему нарабатывать положительные качества, а любовь к деньгам направляет человека в сторону, противоположную Богу, и нарабатывает в его душе отрицательные качества. А чтобы не нарабатывать таковых, надо стараться быть духовно независимым от денег, не держать их постоянно в мыслях. Но надо знать, что это – всего лишь эквивалент энергии, и не более. Не давать им полностью завладеть вашими мыслями и чувствами.

Как мы видим, любовь бывает самой разной, а последствия ее могут быть как положительными так и отрицательными.

Но чувство любви распространялось на различные виды деятельности постепенно: сначала это любовь к своему партнеру, детям, затем любовь к искусству, творчеству, профессии. Потом любовь к родной земле, природе, животным. Далее идет более утонченная любовь к книжным героям, любимым артистам, к небу, звездам, цветам. Человек научился любить море и деревья в своем саду, восход и закат, он научился с прошествием тысячелетий любить то, о чем совершенно не мог подозревать сам в своих первых воплощениях.

Если бы, например, три тысячи лет назад человеку сказали, что помимо собственной жены он научится любить деревья, книги, облака, он ни за что бы в это не поверил и решил, что такого не может быть никогда.

Так же современный человек не может себе представить, как это можно любить врага своего или все человечество, или всю Землю как планету. Но до всего надо доразвиться. Любое совершенствование проходит многоступенчато через стадии развития. И любовь тоже начинаясь со стадии любви к противоположному полу, идет через множество промежуточных этапов к всеобъемлющей любви всего человечества и всего живого.

И если человек научился любить уже помимо женщины, детей и природу, животных, птиц, небо и звезды, то этим он уже приближается к всеобъемлющей любви.

Можно задаться вопросом: разве человек раньше, в первой, во второй цивилизации не любил тот же окружающий мир, животных? Нет, первоначально не любил, а просто существовал в определенном окружении и использовал его для своей жизни. Все разрабатывалось постепенно. И первое, с чего все-таки начали развивать чувство любви – это были отношения между мужчиной и женщиной. Разделение существ на противоположности дало наиболее эффективное прогрессирование в развитии чувств человека и наработке душой новых качеств.

[…] Человек обычно считает, что для того, чтобы прийти к всеобъемлющей любви, достаточно полюбить человечество в его общей массе. Но оказывается, что этого не достаточно, ибо всеобъемлющая любовь включает

в себя все типы любви: любовь к любым животным, птицам, рыбам, растениям, Земле, окружающему миру. И самое главное любить он должен не массу, а каждую частную единицу в этой массе. Все в совокупности и дает ее полное качество. Это связующий тип энергии, который помогает держаться в общем объеме единому организму.

Уча человека любить, его учат объединять все живое, поддерживать единство мира. Поэтому такое маленькое качество, как любовь, в ходе эволюционирования вырастает в великие силы созидания, единения и одухотворения. А это все – особые качества души. И таким образом, развитие в душе такого качества, как любовь, в итоге приводит к управлению глобальными процессами в Мироздании. Поэтому так важно развивать это качество в каждой положительной личности.

Если же говорить об отсутствии этого качества у отдельных индивидов, неспособности и нежелании их любить других, то в итоге это приводит их в отрицательную Систему, где души занимаются ведением процессов не ассимиляции, а диссимиляции. Они становятся носителями процессов разрушения. Поэтому, выбирая – идти ли по пути любви или ее отсутствия, человек выбирает, в какой системе ему развиваться: в положительной или отрицательной. А если мы боремся за каждую душу, то должны понимать – насколько правильно сориентировать ее в выборе направления развития.

[…] Развитие способности любить приближает человека к Высшим мирам и к Богу. И чем быстрее индивид совершенствуется в любви, т.е. быстрее набирает самые лучшие ее качества, тем быстрее продвигается в наращивании лучших своих качеств, тем быстрее приближается к Богу. Поэтому человек должен понять самую главную свою задачу – важнее, чтобы не тебя любили, а чтобы ты любил.

Когда тебя любят, это мало что дает душе, кроме разве только чувства удовлетворения, но когда ты сам любишь другого человека или что-то другое, любовь озаряет душу богатством чувств и наполняет матрицу (души) высокими качествами. Такая любовь способствует совершенствованию души в положительном направлении.

Наличие любви в душе изменяет отношение к миру, делает его прекрасным, влияет на настроение, помогает преодолевать трудности.

[…] Каждый из нас видит и понимает, что тем людям которым присуще качество любви, свойственна особая душевность в отношениях к другим, особая манера поведения. Они обладают обаянием и внутренней притягательной силой, и другие в их присутствии испытывают особый комфорт и успокоение. Им просто хорошо при соприкосновении с людьми, излучающими любовь и доброту. Их благодатная аура действует успокаивающе и благотворно.

Но это все впечатления о таких людях, основанные на одних ощущениях. Если же теперь перейти к рассмотрению тонкого построения человека, тут обнаруживается, что личности, накопившие в себе энергии любви, обладают мощной астральной оболочкой, насыщенной этими энергиями, и именно

оболочка при контакте с ней других людей и помогает им ощущать положительные качества данных энергий.

Если же говорить для каких целей нужны энергии любви в матрице (души), то надо сказать, что они дают ей особое построение и особые качества, на которых в дальнейшем строятся не только взаимоотношения в мирах Бога, но развиваются творческие процессы. На энергиях любви строятся в дальнейшем процессы созидания.

[…] Механизм наработки любви в соединении чувства с действием.

Любовь может развиваться – только через вовлечение в работу чувств, через совершение определенных поступков.

Если человек совершает действие с чувством любви или просто делает то, что ему нравится, то работа чувств в соединении с действием уже будет способствовать производству астральной оболочки именно энергии любви. Если же человек делает что-то с отвращением или автоматически, то он нарабатывает энергии другого качества.

[…] Только лишь определенные чувства способны наработать в нем качество любви, способность любить. Любовь человек должен развивать в себе как любой талант, она не возникает спонтанно на пустом месте.

Какие чувства способствуют наработке любви? Это забота о другом, нежность, ласковые отношения, доброта, жертвенность, желание помочь другому, что-то сделать для него хорошее.

[…] Человек должен научиться любить ближнего, рядом живущего, потому что любовь – это энергия соединения.

[…] Некоторые способы, посредством которых можно научить человека любить:

1.Учить любить человека можно через высокие примеры.

У человека очень развито свойство подражать. И в зависимости от того, как оно используется, мы формируем агрессивных, равнодушных или любящих.

2. Через искусство, как пример подражания. Искусство должно учить любить красиво, возвышенно, преданно.

3. Любить можно учить через творчество как форму участия в процессах созидания.

Чтобы человек полюбил свой дом, свою работу, он должен заботиться о его прочности и красоте, об уюте. Постоянно проявляя заботу об интерьере помещения, о дизайне комнат, об их чистоте, человек тем самым учится любить свой дом.

Создавая что-то, творя, человек через творчество учится также любить что-то отдельно существующее в мире. Каждый индивид может заметить, что, когда он что-то серьезно создает, то находится в состоянии духовного подъема. Точно также, когда человек влюблен в противоположный пол, он тоже находится в состоянии аналогичного душевного подъема, т.е. эти энергии идентичны и строят человека определенным образом.

Поэтому творчество учит его любить то, что создается его руками, а следовательно и все то, что существует в мире, так как любовь, расширяясь постепенно с единичного и частного переходит на общее. Например, тот, кто

любит свою собаку, будет любить по особому относиться ко всем прочим собакам. Кто любит своих голубей, будет концентрировать внимание на чужих голубях и т.п. Любовь обязательно расширяется от единичного к общему уже даже в пределах одной жизни.

4.Учить любить через совершение добрых поступков.

5.Учить любить можно через заботу о других (начиная с заботы о животных, растениях, птицах).

[…] Ни одно прочее чувство не обладает такой всемогущей созидающей и облагораживающей силой, как любовь, потому, что Бог вложил в эти энергии особые созидающие свойства. Любовь всегда подталкивает человека к созиданию, к сотворению чего-то прекрасного и высокого.

Цель любви – очеловечить бывшее животное, обогатить его матрицу более высоким спектром энергий и подготовить его к освоению следующих процессов, таких, например, как творчество, которое несвойственно животным формам существования, точнее, у отдельных видов находится в зачаточном состоянии. Творчество связано с особым состоянием души и базируется на энергиях любви. Поэтому человек, который не накопил в себе энергий любви, не способен к творчеству.

[…] Человек даже представить себе не может, насколько бы он был груб и непривлекателен, если бы через его этапы становления не проходила любовь с многообразием своих типов энергий. Но если учесть, что материальная оболочка меняется от воплощения к воплощению, то возникает вопрос – для чего развивать чувства, если они связаны с физическим телом?

Однако физическое тело только на несведующий взгляд кажется у всех людей одинаковым. Но разные уровни развития человека имеют и разную физическую основу. Тело, в которое вселена низкая душа по химическому составу и тонким конструкциям будет отличаться от тех же показателей у среднеразвитого человека, и тем более, у высокоразвитого.

Уже сейчас ученые начали находить в материальном составе агрессивного человека химические элементы, которые отсутствуют у доброго индивида. Хотя этих отличий гораздо больше, но люди их пока не обнаружили.

[…] Высокие и низкие души обладают разными потенциалами, разной мощью, и это уже должно много прояснить в человеческом сознании. Если электролампу, рассчитанную на напряжение в шестьдесят вольт, подключить к сети в четыреста вольт, то она перегорит. Так не выдержат и оболочки человека, если они не будут подстраиваться под потенциал души, поэтому различия имеются в тонком строении.

[…] Развитие чувств влияет и на тело, и, тем более, на ощущения самой души, повышая ее восприимчивость ко всему. Поэтому любое развитие и, в частности, развитие через любовь влияет на человека всесторонне, в итоге затрагивая и материальную форму.

Сделаем теперь основные выводы по поводу того, что дает любовь человеку.

- Любовь обогащает душу многообразием разных качеств.

- Наличие любви в душе изменяет отношение человека к миру – мир становится прекрасным, а человек в нем превращается в единицу, необходимую другим. Умеющий любить никогда не будет ощущать себя лишним и ненужным, потому, что он будет стремится служить другим, тем, кого любит. А в жизни очень важно чувствовать, что ты кому-то нужен.
- В отношениях между людьми всегда важнее, чтобы они были основаны не на необходимости совместного существования, а на любви и уважении друг к другу. Любовь позволяет нарабатывать душой энергии, на которых развиваются творческие процессы, а последние в свою очередь приводят к освоению процессов одухотворения.
- Любовь помогает осваивать некоторые процессы.

Например, человек, любящий свою работу, быстрее приходит к профессионализму, чем тот, который освоил ее по необходимости.

- Любовь помогает защищать все, что любят, т.е. обладает охранными функциями [8].

[…] Подобно тому как пламя свечи становится невидимым в свете солнца, твое эго растворяется во всепоглощающей силе любви. Подобно тому как горечь становится нечувствительной, если ее разбавить водой целого озера, вся горечь твоей жизни становится сладкой, как самая чистая вода, когда она соединяется с любовью. И, подобно схваченной орлом жертве, твое чувство собственной важности становится слабым проблеском в глазах поглотившей тебя любви.

[…] Сила любви – это сила чистоты. … Любовь – это то, что растворяет все примеси, оставляя только реальное и настоящее.

– До тех пор пока ты будешь испытывать страх, ты не сможешь по-настоящему полюбить, – предостерегает Мерлин. – До тех пор пока ты не избавишься от гнева, ты не узнаешь истинной любви. До тех пор пока у тебя есть себялюбивое эго, ты не узнаешь истинной любви.

– Значит, я вообще никогда не смогу полюбить? – спросил Артур, зная что страх, гнев и самолюбие – вещи, которые ему приходится испытывать довольно часто.

– О, это тайна, – ответил Мерлин. – Как бы ты ни был загрязнен, любовь все равно тебя найдет и будет работать над тобой до тех пор, пока ты не сможешь полюбить.

Любовь ищет тех, кто утратил чистоту, для того, что бы заставить его возродиться вновь. Не существует людей, неспособных любить, – есть только те, кто не может почувствовать силу любви. Будучи невидимой и вездесущей, любовь – это гораздо больше, чем эмоция и чувство, больше, чем просто удовольствие или даже экстаз. С точки зрения волшебника, любовь – это воздух, которым мы дышим, проникающий в каждую клеточку нашего тела. Исходя из универсального источника, любовь охватывает все. Это самая мощная сила, потому что она покоряет все, не применяя никаких усилий. Даже

когда вы страдаете, сила любви продолжает свою работу, не обращая внимания на эго и ум. На фоне этой силы блекнут все остальные.

[…] У любви много секретов, которые ускользают от человеческого внимания. Для того, чтобы получить любовь, вы должны сначала ее дать. Чтобы быть уверенным в безоговорочной любви к вам другого человека вы сами не должны ставить ему никаких условий. Для того, чтобы научиться любить другого вы должны прежде всего полюбить себя. Многие из этих условий кажутся вполне очевидными. Так почему же мы их не выполняем?

Волшебник вам на это ответит, что любовь должна быть открытой, с нее необходимо сбросить наслоения гнева, страха и эгоизма, которые закрывают ее непроницаемым слоем. Чтобы достичь жизни, полной любви, очищайте свою жизнь от всего, что ее загрязняет. Для достижения любви не существует правильного или ложного пути. «Человек безнадежно ищущий любви, – говорит Мерлин – напоминает мне рыбу в реке, безнадежно ищущую воду». Жизнь может казаться лишенной любви, но на самом деле это взгляд воспринимающего, а не мир «снаружи» лишает его любви.

В качестве первого шага на пути к тому, чтобы любовь стала неотъемлемой частью вашей жизни, вы должны заново определить, что вы называете любовью в данный момент. Большинство из нас понимает любовь как влечение к другому человеку, как живительную силу, которая позволит нам почувствовать чью-то заботу, как удовольствие и наслаждение или же как мощное чувство или эмоцию. Хотя к любви применимы все определения, волшебник сказал бы, что они в лучшем случае неполные. «Любовь, которая соответствует любому из данных вами, смертными определений, – говорит Мерлин – быстро блекнет и исчезает. Ваша так называемая любовь приходит и уходит. Она переходит с одного желаемого объекта на следующий. Если вы встречаете сопротивление, ваша любовь быстро превращается в ненависть. Настоящая любовь не может измениться, она ничего не требует от объекта и она не может превратиться в другую эмоцию, потому что начинается не с эмоции».

Отбросьте все фальшивые или поверхностные виды любви, и что останется? Ответ придет, как только вы научитесь принимать себя. Так как любовь – внутренняя сила, вы впервые видите ее изнутри, направленную на себя самого.

– Смертные без устали беспокоятся о любви, – сказал Мерлин. – Они считают, что если рядом не будет возлюбленной, они умрут. Но настоящая любовь не может лишить вас покоя, потому что она никогда не стремится выйти наружу. Самая желанная возлюбленная – это просто продолжение вас самих. Ваше представление о любви как о чем-то, что вы должны получить от другого, накладывает ограничение на ваше собственное осознание. Для волшебника все силы любви исходят от собственного «я».

– Но это звучит невероятно эгоистично, – возразил Артур.

– Ты путаешь «я» с эго, тогда как на самом деле «я» это дух, – ответил Мерлин. – Эгоизм исходит из эго, которое всегда стремится обладать, контролировать и господствовать. Когда эго говорит: «Я люблю тебя, потому,

что ты принадлежишь мне», этим оно заявляет о господстве или обладании, а не о любви. Чтобы действительно научиться любить нужно прежде всего избавится от эгоизма. Тогда начинаются совсем другие переживания.

– И на что это похоже? – спросил Артур. – Я смогу это когда-нибудь узнать?

–Однажды, после того как ты избавишься от этого беспокойства, ты увидишь маленький огонек в своем сердце. Сначала он будет не больше искры, потом похожим на пламя свечи и наконец превратится в пылающий костер. Тогда ты проснешься, и бушующее у тебя в груди пламя поглотит Солнце, Луну и звезды. И не останется ничего, кроме космической любви, хотя все это по-прежнему будет происходить внутри твоего сердца [9].

Не бойтесь потерять свое собственное «я». До тех пор, пока вы способны любить еще хоть кого-то кроме самого себя, потеря индивидуальности вам не грозит. Поскольку любить нечто *другое* – значит утверждать собственную индивидуальность.

Любить только своё обособленное «я» – значит утрачивать свою индивидуальность. Ибо проявляться она может только по отношению к другим самостоятельным личностям. Оставшись в одиночестве во вселенной, вы можете быть либо *ничем*, либо ВСЕМ, но вы не может стать ВСЕМ иначе, чем через единство со всеми, а единение и есть ЛЮБОВЬ [10].

***

Притча «Тогда спросила Альмира: Скажи нам о любви». Он поднял голову, посмотрел на народ, и воцарилось молчание, тогда он сказал громким голосом: « Если любовь путеводит вас, следуйте за ней, хотя дороги ее трудны и тернисты; если она осенит вас своими крылами, не противьтесь, даже если ранит вас меч, скрытый в ее оперении, даже если ее голос рушит ваши мечты, подобно тому, как северный ветер опустошает сад, ибо любовь венчает вас, но она же и подрезает, она поднимает к вашей вершине и обнимает ваши нежные ветви, трепещущие в солнечных лучах, и она опускается к вашим корням, вросшим в землю и сотрясает их. Как сноп пшеницы, она собирает вас вокруг себя, она обмолачивает вас, чтобы обнажить, она просеивает вас, чтобы освободить вас от шелухи, она размалывает до белизны, она месит вас, пока вы не станете мягкими, а потом вверяет вас своему святому огню, чтобы вы стали святым хлебом для святого Божьего причастия. Все это творит с вами любовь, дабы вы познали тайны своего сердца и через это познание стали частью сердца жизни. И если, убоявшись, вы будете искать в любви лишь покой и усладу, то лучше вам прикрыть наготу и покинуть гумно любви, уйти в мир, не знающий времени года, где вы будете смеяться, но не от души, плакать, но не в сласть. Любовь дает лишь себя и берет лишь от себя, любовь ничем не владеет и не хочет, чтобы кто-нибудь владел ею, ибо любовь довольствуется любовью. Если ты любишь, не говори: «Бог в моем сердце», а скажи лучше: «Я в сердце Божьем». И не думай, что ты можешь править путями любви, ибо если любовь сочтет тебя достойным, она будет направлять твой путь. Единственное желание любви — обрести саму себя. Но если ты любишь и не можешь отказаться от

желаний, пусть твои желания будут таять и походить на текущий ручей, что напевает ночи свою песню. Познавать боль от бесконечной нежности, ранить себя собственным постижением любви, истекать кровью охотно и радостно, подниматься на заре с окрыленным сердцем, возносить благодарность за еще один день любви, отдыхать в полдень и предаваться размышлениям о любовном экстазе, возвращаться вечером домой с благодарностью и засыпать с молитвой за возлюбленного в сердце своем и песней хвалы на устах...» [11].

Литература
1. Шри Ауробиндо. Биография. Глоссарий. – СПб.: Изд-во «Адити», 1998.
2. Живая этика. Надземное. П.212.
3. Упанишады. Чхандогья Упанишада. – СПб.: «Адити», 1997. – Гл.1, разд.1. 5,6,8.
4. Библия. Новый Завет. Первое послание к Коринфянам Святого апостола Павла. – М.: Гл. 13.
5. Бхагавадгита / пер. с санскрита В.С. Семенцова / – М.: Изд. фирма «Восточная культура» РАН, 1999. – Гл.6:46, 47; Гл.9:26, 29.
6. Мать (Мирра Алфасса Ришар). Вопросы и ответы. 1953. – С-Пб, Адити, –1999.
7. Соловьев В.С. Смысл любви / Соловьев В.С. Сочинения в 2-х т. Т.2 – М.: Мысль, 1990.
8. Секлитова Л.А., Стрельникова Л.Л. Человек эпохи водолея. – М.: Амрита-Русь, 2003.
9. Чопра Д. Путь волшебника. – К.: «София», 2003.
10. Баркер Э. Письма живого усопшего. – Мн.: УП «Лотаць», 2001.
11. Джебран Халиль Джебрал. Пророк / http://www.razum.kz/index.php?option=com_content&task=view&id=2&Itemid=3

ЧЕТЫРЕ ПРИЗНАКА ЧИСТОЙ ЛЮБВИ

Кэрролл Ли

Дорогие мои, чистая Любовь Духа тиха. Любовь не кричит с вершины холма: «Эй, вот она я, — смотрите на меня!» Любовь Бога и Любовь Высшего «Я» тиха, сострадательна, сильна и щедра. Разве вы ее не чувствуете? Мы [существа духовного мира] излучаем на вас эту любовь прямо в этот миг. Это — истинная сущность дома. Это чувствуют многие из вас, когда «влюблены» в Бога. Это — воспоминание о доме, и оно есть у вас от рождения!...

У любви нет никакой цели. Она существует ради себя самой и дает силу только духу Любви. Ей чуждо проповедничество. Она не стремится обнять никого, кроме тебя. Это — истинная любовь. Она не требует: «Сделай для меня то, а я взамен сделаю для тебя это!» Она удовлетворяется тем, что просто существует. Будьте внимательны: Любовь Божья не ставит перед собой никаких целей.

Третий признак таков: любовь никогда не кичится. Она никогда не бьет себя кулаком в грудь. Ей это, видите ли, не нужно, поскольку она происходит из источника творения. Ее и так увидят все, и для этого не нужно произносить ни единого слова. Вам не придется поднимать руку и говорить: «Посмотрите на меня». Подобно источнику света во тьме вы будете привлекать к себе людей, и они спросят: «Что это ты несешь с собой?» … Ваше посвящение в человеколюбие словно значок на груди. Его видят все. Когда старая энергия Земли прояснится, его смогут заметить многие!

И наконец, Любовь обладает мудростью, необходимой, чтобы использовать три предыдущие качества. Ее мудрость тиха, у нее нет цели и чувства собственной важности. Она знает, что следует говорить, а чего не следует. Это — отличительная черта мудрых действий.

Чистая Любовь никогда не создает страшных сценариев в вашей жизни, а эго создает. Это — главное различие, мои дорогие. В посланиях Бога нет места страху. Страх — это механизм, используемый в условиях кармы и человеческого урока.

Литературный источник

Кэрролл Ли. Крайон. Книга IV. Пратнерство с Богом. Практическая информация для нового тысячелетия. – М.: ООО Издательский Дом «София», 2006. – С. 29.

УСЛОВИЯ АБСОЛЮТНОГО ДОБРА
(отрывок)

Н. О. Лосский

Сущность любви

По отношению к бытию, имеющему характер положительной ценности, обыкновенно возникают у нас положительные чувства удовлетворения, восхищения, наслаждения и т. п.; в связи с ними может возникнуть еще и чувство любви, представляющее собой эмоциональную слагаемую сложного явления любви. Кроме чувства в состав любви входит волевое отношение к положительной ценности — стремление осуществить ее или усвоить ее, например, стремление исполнить любимую красивую арию или, по крайней мере, воспринимать ее в чужом исполнении. Но этого всего мало; существеннейшая сторона любви состоит в том, что любимое включается мною в состав моей сущности, становится онтологически спаянным с моим «я» и моей жизнью.

Таким образом, любовь есть онтологическая связь любимого бытия с любящим существом, сопутствуемая особыми эмоционально-волевыми переживаниями; возникновение любви есть онтологическая перестройка, а не только субъективно-психическое переживание. Любовь не удивляет, когда она направлена на бытие, принадлежащее к составу «я» как особи, т. е. когда человек любит, например, свое остроумие, свою физическую ловкость или такие свои

деятельности, как восприятие пищи, спорт и т. п. Она становится загадочной, с точки зрения неорганического миропонимания, когда предметом ее служит бытие, находящееся вне особи, – красота природы или произведения искусства, наука, другие люди, например друг, невеста и т. п., или существа высшего порядка — народ, человечество, Бог. Понять эти виды бескорыстной любви можно не иначе как на основе органического миропонимания, устанавливающего, что личность не самозамкнута: благодаря отвлеченному единосущию она способна восходить к различным видам и ступеням конкретного единосущия, принимая участие в чужом бытии, как своем собственном, превращая его как бы в часть своего «я». В. Штерн называет такое включение чужих целей в состав собственных интересов «я» интроцепцией; благодаря этому процессу, говорит он, происходит синтез аутотелии и гетеротелии, т. е. собственных и чужих целей; при этом возникает расширение «я», превращение личности в микрокосм (Штерн В. Человеческая личность).

Предельное расширение личности осуществляется в Царстве Божием, члены которого питают совершенную любовь к Богу, ко всем тварям и ко всем абсолютным ценностям; поэтому они достигают абсолютной полноты бытия и безграничной мощи творчества. В нашем психоматериальном царстве бытия совершается постепенное движение к этой цели в случае нормальной эволюции. Расширение интересов деятеля, т. е. круг любимых им предметов, необходимо ведет к тому, что он вступает в союз со все большим числом других деятелей. В некоторых случаях союз есть только *средство* общими силами осуществлять любимые жизнедеятельности. В других случаях союз гораздо более тесен: он служит целью *сам по себе,* так как вступающие в союз деятели любят друг друга и стремятся к возможно большему единству совместной жизни. Как бы то ни было, и в первом и во втором случае установление союза между деятелями есть следствие расширения любви. Напомним о некоторых из упомянутых уже раньше союзов, приводя их в порядке возрастания сложности: союз электронов, протонов и т. п., ведущий к образованию атома; далее молекула, организм растения или животного; союз, основанный на половой любви и ведущий к образованию семьи; народ, нация, государство, т. е., точнее говоря, органически единый сектор — Земля, знакомый и особенно близкий нам, людям, в той его части, которая слагается из человеческого общества, далее планета или небесное тело вообще; Солнечная система; наконец, единство всего мира с Богом во главе его.

Многие из этих видов расширения жизни, особенно низшие, обусловлены любовью, имеющей характер лишь бессознательного влечения. Приняв это во внимание, можно понять, что и химическая реакция соединения, и питание растения или животного, и половое общение, и общественное служение, и религиозный культ суть виды любви. Они крайне разнообразны. Чтобы понять особенности какого-либо вида, нужно обратиться не к другому *виду* любви, а к *родовому* учению о любви, опираясь на общее учение о ценностях, о незамкнутости личности и т. п. и принимая в расчет *специфические* особенности той ценности, проявление любви к которой нужно объяснить. Отсюда ясна

ошибка школы Фрейда. Она превратила половую любовь в общее начало, из которого генетически выводит остальные виды человеческой любви. В действительности всякий вид человеческой любви – любовь к невесте и жене, любовь к своим детям, любовь к родителям, братьям и сестрам, любовь к главе государства, любовь к Богу – имеет каждая свой самостоятельный источник, будучи направлена на свою особую ценность, иную, чем ценности, влекущие к себе в половой любви.

Конечно, все виды любви сходны друг с другом, поскольку родовые черты любви вообще присущи каждому из них. Поэтому в некоторых исключительных случаях возможны ошибки и извращения, состоящие в том, что специфические признаки одного из видов любви переносятся на другой, например некоторые черты половой любви могут войти в отношения детей к родителям, в состав религиозных переживаний и т. п. Все это явления вторичные, производные, – ненормальные надстройки над первичными своеобразными свойствами любви сына к матери, дочери к отцу, религиозного человека к Богу. Великие открытия Фрейда, открытие значения душевных травм для возникновения психоневрозов, открытие различных комплексов, например Эдипова комплекса, комплекса малоценности и т. п., очень поднялись бы в цене, если бы не были связаны с преувеличением значения половой любви и с попыткой объяснить все виды любви человека к человеку как явления, генетически связанные с половым влечением.

Истина, содержащаяся в учениях Фрейда, будет очищена от заблуждений тогда, когда система его подвергнется преобразованию в связи с мировоззрением, признающим, что любовь есть действительно основной фактор мировой жизни, однако гораздо более первичный, чем половая страсть, и вовсе несводимый только к физиологическому влечению. На путь такого преобразования вступал психиатр Н. Е. Осипов, сочетавший психологические учения Фрейда с развиваемой мною персоналистической метафизикой. «Эмпирическое значение исследований Фрейда, – говорит Осипов, – не изменится, если в центре поставить не физиологическое влечение, а Любовь в эйдическом смысле, как абсолютную ценность. В нашем временно-пространственном мире Любовь воплощается в различных степенях, начиная с самой низшей: *идентификация* (я люблю яблоко и в силу этой любви ем его, т. е. уничтожаю). Затем Любовь выражается в *чувственности* – экстрагенитальной и генитальной – и *нежности*. Наконец, Любовь выражается в *особых состояниях близости людей* – высшая форма проявления Любви среди людей. Любовь в эйдическом смысле изначально дана человеку в форме себялюбия, нарциссизма, но нарциссическая любовь должна давать из себя излучения других форм любви. Отсутствие этих излучений, их недостаточность или обратные втягивания лучей есть зло» (Осипов Н. Е. Революция и сон // Научные труды Русского Народного Университета. Прага. Т. 4. 1931.С. 202).

Любовь к личности

Вся жизнь движется любовью к ценностям. Виды любви чрезвычайно различны, как и виды ценного бытия. Основное различие типов любви есть

любовь к неличным ценностям и любовь к индивидуальной личности. Займемся рассмотрением существенных свойств личной любви.

О добром нравственном поведении можно говорить лишь там, где есть бескорыстная любовь к объективным ценностям. Царство личностей есть область высших абсолютных ценностей: в самом деле, только личность, именно Лица Св. Троицы и члены Царства Божия, может быть творцом и носителем абсолютной полноты бытия или, по крайней мере, личность является носителем индивидуальной нормативной идеи, осуществление которой может возвести к абсолютной полноте бытия. Личности суть всеобъемлющие абсолютные самоценности. Все остальные абсолютные ценности, нравственное добро, красота, истина, свобода, суть лишь *частичные* ценности: они имеют смысл только как аспекты жизни личных существ. Отсюда ясно, что высший вид любви есть любовь к индивидуальной личности. Иисус Христос выразил всю сущность совершенной жизни в двух заповедях: «Люби Бога больше себя и ближнего своего, как себя». Обе эти заповеди говорят о личной любви, потому что любовь к неличным, к частичным ценностям стоит на втором плане: она может быть совершенною только в соотношении с любовью к личностям.

Любовь одного лица к другому лицу есть приятие всей его индивидуальности чувством и волей в такой мере, что жизнь любящего сливается с жизнью любимого в одно целое. Если любовь взаимна, то единосущие двух лиц становится уже не отвлеченным: все чувства и стремления одного лица подхватываются другим лицом и осуществляются ими совместно в соборном творчестве. «Предел любви – да двое едино будут» – этот тезис и пояснение его символическою картинкою поставлен о. П. Флоренским в основу его труда «Столп и утверждение истины». Само собой разумеется, здесь речь идет о единстве полного единодушия двух лиц, которые остаются двумя, а не в смысле тождества, ведущего к утрате индивидуального личного своеобразия.

Любовь, как совершенное конкретное единосущие двух или более лиц, достигается, конечно, только в Царстве Божием, в Царстве абсолютного совершенства. В нашем психоматериальном царстве личная любовь есть только большее или меньшее приближение к этому идеалу, осуществляемое лишь временами лишь в некоторых положениях.

Совершенное конкретное единосущие в Царстве Божием есть не только совокупность субъективно-психических переживаний, т. е. чувств и стремлений нескольких лиц друг к другу, но и глубокое *онтологическое преображение* их. В самом деле, лица, любящие друг друга совершенной любовью, становятся носителями не только своей индивидуальной нормативной идеи, но также и идеи любимого; отсюда получается такое снятие обособленности лиц друг от друга, такое сочетание их творческих сил, которое превращает их как бы в новое существо, глубоко отличное от каждого лица, взятого в отдельности, способное к творческим актам, столь высоким, что они представляются чудесными по сравнению с деятельностью обособленной личности.

Для пояснения онтологического преображения любящих друг друга лиц Флоренский приводит слова Иисуса Христа: «Если двое из вас согласятся на

земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного. Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18, 19 – 20).

Действительно, безусловное согласие двух лиц во всем, достигающее полного единодушия их, возможно лишь при полном освобождении от эгоистической самости и следования обоих любящих друг друга лиц единой воле Божией. Такая совершенная любовь, говорит Флоренский, есть «восхождение людей в таинственную духовную атмосферу около Христа, приобщение Его благодатной силе», она «претворяет их в новую духовную сущность, делает из двух частицу Тела Христова, живое воплощение Церкви» (С. 421). Отсюда ясно, что любовь к индивидуальной личности есть высшее проявление жизни вообще и нравственной жизни в частности. «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так это могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто. Если я раздам все имение свое и отдам тело свое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится. Не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине. Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится» (Ап. Павел, I Кор. 13, 1 – 10).

В нашем психоматериальном царстве любовь никогда не бывает вполне совершенной, никогда не достигает полноты конкретного единосущия; но более или менее высокие ступени ее, сопутствуемые хотя бы частичным преображением нашего существа, доступны и нам; все свойства любви Царства Божия, хотя бы в ослабленном виде, осуществляются и в земном бытии. Даже неразделенная любовь высоко поднимает любящего, так как он становится носителем не только своей, но и чужой жизни; поэтому и неразделенная любовь способна мощно влиять на жизнь любимого.

Индивидуальность личности невыразима ни в каком ограниченном определенном «что», ни в каком качестве. Поэтому в случае подлинной любви к личности нельзя сказать, «за что» мы любим. Нередко мы говорим, что любим одного человека за его добродушие, другого за его глубокий ум или за нравственную чуткость. В этих случаях или любви к личности нет, а есть любовь к ценностям, осуществленным в перечисленных качествах, или же любовь к личности есть, но, желая указать ценность любимого, мы ссылаемся на какое-либо сложное качество его, пронизанное всей его индивидуальной природой. В таком случае попытка выразить в отвлеченных понятиях основания своей любви неточна. Любить за осуществленные добрые качества нетрудно, но такая любовь не есть вершина личной жизни и способность к ней не есть особенно большая заслуга. Неличный и поверхностный характер такой любви ясно обнаруживается тогда, когда любовь к лицу охладевает, как только

оно проявит какое-либо дурное качество. «Полюбите нас черненькими, беленькими всякий полюбит», – говорит пословица. В самом деле, индивидуальная личная любовь объемлет всего любимого человека вместе с его недостатками, и даже чем ярче обнаруживаются недостатки, тем более обостряется и становится жертвенной такая любовь; особенно часто она встречается в отношениях родителей к ребенку, больному телесно или душевно («хоть дитя и криво, да отцу, матери мило»), или в тех случаях, когда девушка любит лицо с преступными задатками и вступает в брак с ним для спасения и возрождения его.

Неудивительно, что личная любовь простирается на всего человека в целом. Личность, осуществляющая в Царстве Божием свою индивидуальную нормативную идею, есть индивидуальная абсолютная ценность, неповторимая и незаменимая. Когда личность находится в состоянии падения вне Царства Божия, она осуществляет жизнь, полную недостатков, реализуя свою идею искаженно. Однако и в самом своем падении она остается своеобразной; сквозь самые недостатки ее просвечивает ее незаменимая и ценная единственность; в какой-нибудь улыбке больного ребенка, в каком-либо движении преступного мота или бретера вроде Долохова (в «Войне и мире») нравственно и эстетически зоркому глазу, художественно улавливающему конкретную целость личности, может открыться индивидуальность ее, и тогда она навеки станет предметом любви, сочетающей свою жизнь с чужою так, как если бы они были единое целое.

Такой же характер направленности на индивидуальное целое, несмотря на его недостатки, имеет и любовь к личностям высшего порядка – к отечеству, нации, государству. Кто говорит, что любит свою родину, поскольку в ней «хорошие законы», у того нет подлинной любви к ней.

Принять в душу свою любимое лицо со всеми его недостатками – это не значит вступить на путь потворства его дурным качествам, страстям. Подлинная любовь, зорко проникая в идеальную сущность любимого существа, открывает наилучшие способы воспитания его и дисциплинирования; в особенности она дает способность заразить другого человека своим примером, своей любовью к той или другой великой ценности и деятельностью, в которой она реализуется или усваивается.

Где есть потворство порокам любимого существа или даже содействие их развитию, там, наверное, к бескорыстной личной любви присоединяется еще эгоистическая любовь и в связи с нею желание *угождать* любимому, чтобы привязать его к себе покрепче. В случае подлинной любви стремление к совершенству любимого сильнее, чем страх потерять его расположение, причиняя ему страдание дисциплиной, воспитанием или иногда и наказанием. В семье, где родители действительно любят своих детей, их возмущение дурным поступком ребенка нисколько не направлено на самое личность ребенка, а только на дурное эмпирическое качество его; поэтому такой гнев не оскорбляет любимого и не унижает его.

Любовь к личности включает в себя сострадание, но лишь как подчиненный момент: основное стремление, вытекающее из любви, есть

забота о полноте жизни и раскрытии активности любимого существа. Это *положительное* содержание любви необходимо связано и с *отрицательным* моментом освобождения любимого от страдания путем установления причин его или путем возвышения над ним. Такое положительное понятие любви тесно связано с христианским мировоззрением, согласно которому индивидуальная личная жизнь есть абсолютная ценность. Согласно философии буддизма, наоборот, личная жизнь и вообще всякое мировое бытие есть зло и источник страдания; уничтожение мира и особенно личного бытия есть цель, ставимая буддизмом. В связи с таким миропониманием любовь, по крайней мере в теории, низводится на степень лишь сострадания.

При полном осуществлении единосущия в Царстве Божием взаимопроникновение всех членов его достигает такой глубины, что все чужое становится также и моим. Благодаря этой высшей ступени интроцепции или конкретного единосущия преодолевается разделение на «я» и «не-я» без утраты свободы и самостоятельности личности. Как уже сказано, способность творчества при этом бесконечно возрастает вследствие сочетания сил многих личностей. Замечательно, что даже и в нашем царстве бытия любовь приводит, хотя и в более слабой степени, к возрастанию творческих способностей человека, она обладает метафизически преображающей силой: любящий своим видением идеи любимого, говорит Н. Гартман, делает его таким, каков он в идее (Этика. 488).

Прелестное изображение этой силы любви дано в повести Бернет «Маленький лорд Фаунтлерой», где рассказано, как ребенок, любящий своего деда, побеждает его аристократическую гордыню, отчуждающую его от людей, и пробуждает в нем доброжелательное отношение к людям.

В Царстве Божием любовь создает между членами его такие связи, которые делают невозможной телесную смерть.

И наша земная любовь, хотя и не освобождает от разрушения тела, все же способна, благодаря своей направленности на само наше вечное «я», пробуждать в нас сознание бессмертия: «Будь Карл у моей постели, – говорит старик Моор в «Разбойниках» Шиллера, – я бы жил в самой смерти; никогда бы не умер».

Где любовь и согласие, там возрастание богатства жизни; наоборот, где вражда и особенно ненависть, там умаление жизни, оскудение ее. В обществе в присутствии своего врага человек не решится продекламировать стихотворение, вкладывая в него глубокое чувство, и предпочтет прочитать его как пономарь, передавая голый смысл без попытки выразить его красоты. Он боится, что неприятель будет зорко подмечать всякое нарушение чувства меры, всякую цыганщину и оплошность, и эта мысль заставляет его съеживаться при нем. Люди с обостренным инстинктом самосохранения недоверчиво относятся ко всему внешнему миру, не выносят сколько-нибудь резких звуков, громкого разговора даже на улице, в вагоне трамвая или поезда. Шопенгауэр говорит о том, как раздражают его шумы и всякие резкие звуки. Бурные проявления нелюбимого нами лица, резкий голос, порывистые движения могут вызвать в нас крайнее раздражение: безотчетно мы противодействуем каждому

вторжению этих впечатлений и мнимым опасностям, бесплодно растрачивая свою энергию и утомляясь оттого. Если нам удается освободиться от чувства неприязни и увидеть привлекательные стороны человека, положение тотчас меняется: бурные звуки, резкие движения вступают в наш организм и усваиваются как полезный запас сил; вместо утомления может получиться даже освежение. Такое усвоение чужой энергии не есть вампиризм: в этих случаях мы ничего не отнимаем у человека, а только используем уже истраченную им энергию. Быть может, в силу такой разницы отношений к внешнему миру одни люди на берегу океана, слыша его неумолчный шум, приходят в состояние нервного расстройства и лишаются сна, а другие, наоборот, наслаждаются мощной жизнью его и сами от него получают прилив сил.

Воспитание любви

Иисус Христос выразил основы доброй жизни в двух заповедях: люби Бога больше себя и ближнего твоего, как себя самого. Кант говорит в своей этике, что любовь не может быть предметом повеления, так как она не зависит от нашей воли. Любовь действительно не есть поступок вроде подачи милостыни, который может быть поставлен волею и тотчас же исполнен. Отсюда можно попытаться сделать следующий вывод. Нравственная жизнь человека состоит из поступков, за которые он ответствен. Делать ответственным человека можно только за то, что зависит от его воли. Так как любовь не зависит от воли человека, то она и не может быть основным нравственным проявлением его.

Рассуждение это, кажущееся на первый взгляд правильным, в действительности неверно. Есть много ценностей человеческого характера, которые простым решением воли не могут быть приобретены, но все же при искреннем желании развить их в себе можно бывает найти те средства и те условия, при которых достигается воспитание их. Старец Оптиной пустыни Амвросий советует следующий путь: «Любовь выше всего. Если ты находишь, что в тебе нет любви, а желаешь ее иметь, – делай дела любви, хотя сначала без любви. Господь увидит твое желание и старание и вложит в сердце твое любовь». Не надо смущаться словами поэта: «Суждены нам благие порывы, но свершить ничего не дано». Они относятся лишь к тем случаям, когда порывы неустойчивы и добро иллюзорно, вследствие чего и не пользуется благословением Божиим. Наоборот, всюду, где есть твердая решимость вступить на путь подлинного добра, к силе человека присоединяется сила Божия и все становится достижимым.

Кроме этой сверхъестественной помощи возрастания любви путь, указываемый старцем, содержит в себе также весьма простое естественное условие совершенствования. Выполняя дела любви, хотя бы и без любви, человек приобретает опыт новых ценностей, содействующих развитию любви. Кроме того, при этом возникает освобождение от внутренних торможений, изобилующих в поведении себялюбивого обособленного человека. Здесь происходит нечто вроде того изумительного преобразования всей установки поведения, какое наблюдается у застенчивых людей. Находясь в обществе,

человек в припадке застенчивости чувствует себя как бы связанным: он не может поднять глаз на своих собеседников, не может повернуть головы, как будто какая-то железная непреодолимая сила держит его в своей власти. Стоит ему преодолеть это торможение в одной точке тела, например поднять глаза, посмотреть на окружающее общество, и тотчас все поведение преображается, устанавливается нормальная сложная связь со средой. Точно так же и дела любви, исполняемые сначала хотя бы без любви, устраняют множество преград, которые казались раньше непреодолимыми.

Наиболее благоприятна для воспитания способности к личной любви семья. В особенности материнство есть интимная связь двух существ, начинающаяся с того, что одно из них живет в другом как часть его тела. Также и связь отца с детьми, жениха и невесты, мужа и жены, дедушки и бабушки с внуками есть высокая степень единства душ и даже в некоторой степени единства тела. В самом деле, члены семьи нередко служат друг другу так же непосредственно, как органы единого тела: телепатическая связь, например, столь глубока, что один член семьи думает о каком-либо предмете, а другой высказывает громко ту же мысль или отвечает на невысказанный вопрос и т. п. Лев Толстой, чуткий к таким связям между людьми, рассказывает о первой ссоре Левина с Кити: «Он понял, что она не только близка ему, но что он теперь не знает, где кончается она и начинается он. Он понял это по тому мучительному чувству раздвоения, которое он испытывал в эту минуту. Он оскорбился в первую минуту, но ту же секунду он почувствовал, что он не может быть оскорблен ею, что она была он сам» (Анна Каренина. V. Гл. 14).

Семейная связь может стать столь интимной, что и по смерти она не разорвется и умерший член семьи может невидимо продолжать свою жизнь в ней.

Д-р Бездек в своей книге «Загадка болезни и смерти» сообщает о своеобразном опыте одного лица, которое после смерти своей жены однажды почувствовало, что жена его с ним и говорит ему: «Я не только не умерла, но живу в тебе самом. Я составляю теперь часть твоего духа; могу соединяться с душою и других людей, когда они вспоминают обо мне... но твоя и моя душа образуют теперь неразлучное единство».

Разрушение семьи наносит глубокие раны не только членам ее, но и всем лицам, втянутым в орбиту ее жизни. Тайное свидание Анны Карениной с сыном представляет собой ряд содроганий раненого организма, каждое движение которого мучительно для всех членов его (V. Гл. 29 и 30).

Новая семья рождается на основе половой любви двух лиц друг к другу. В земной жизни этот вид любви, если она сочетается с духовной личной любовью, есть самая высокая ступень единства души и тела. «Мы приютились друг к дружке, – читаем мы у Тургенева, – мы прислонились друг к дружке головами, и оба читаем хорошую книжку; я чувствую, как бьется тонкая жилка в твоем нежном виске, я слышу, как ты живешь, ты слышишь, как я живу, твоя улыбка рождается у меня на лице прежде, чем у тебя, ты отвечаешь безмолвно на мой безмолвный вопрос, твои мысли – мои мысли – как оба крыла одной и той же в лазури потонувшей птицы... – последние

преграды пали – и так успокоилась, так углубилась наша любовь, так бесследно исчезло всякое разъединение, что нам даже не хочется меняться словом, взглядом... Только дышать, дышать вместе хочется нам, жить вместе, быть вместе... и даже не сознавать того, что мы вместе...» (Довольно. X). Такая связь между людьми есть как бы взаимовоплощение их. В «Божественной комедии» Данте высшая ступень такой связи доступная лишь членам Царства Божия, выражена словами «intuassi» и «immii» (Рай. IX).

Всякое единодушное сочетание сил двух или нескольких существ ведет к повышению их творческой мощи. Эта творческая сила особенно присуща тому единству, которое выражается в половой любви. В самом деле, семья есть более чем сочетание двух человек; она есть сверхчеловеческое живое существо, органически цельное, способное давать жизнь новым людям, детям, которые вырастают в составе семьи как новые члены ее. Поэтому глубочайшие основы половой любви остаются в области подсознания, как все, что имеет характер органического единства и содержит в себе творческую активность. Возможно, что эта любовь всегда осуществляется не только взаимоотношением двух лиц, но еще и при участии более высоко стоящего во главе семьи деятеля, а также при участии тех существ, которые стремятся воплотиться и связаны отношениями духовного сродства с возможными отцом и матерью. Польский поэт-философ Словацкий полагает, что если стремление к идеалу более велико у матери, то рождается ребенок мужского пола, соответствующий ее идеалу, наоборот, дочерью рождается существо, соответствующее идеалу отца.

Не следует, однако, думать, будто цель половой любви сводится лишь к тому, чтобы произвести на свет ребенка. Более прямой и непосредственный смысл ее состоит в том, что два лица, мужского и женского пола, обладая в значительной мере противоположными свойствами, особенно удачно дополняют друг друга. «Свободное единство мужского и женского начала, сохраняющих свою формальную обособленность, но преодолевших свою существенную рознь и распадение, это и есть собственная ближайшая задача любви», – говорит Вл. Соловьев (Смысл любви — Т. VI. С. 384).

Абсолютная гармония двух лиц возможна не в земном осуществлении их, а в соотношении их образа Божия. Подлинная любовь именно и начинается там, где есть видение идеальной основы личности, не субъективная «идеализация» ее, а подлинное постижение образа Божия в ней. Такая идеальная любовь представителей двух полов есть высокий плод культуры, осознавшей абсолютную ценность личности. Она представляет собой наиболее всестороннее преодоление эгоистической обособленности и сопутствуется не только духовно-душевным единосущием, но и дополняется наиболее телесным взаимопроникновением, возможным и естественным только в отношениях двух противоположных полов друг другу.

Вл. Соловьев в своей замечательной статье «Смысл любви» показал, что в индивидуализированной, проникнутой духовностью половой любви на первый план выдвигается не задача размножения, а глубокое единство двух лиц. Достигая полной конкретности, оно естественно завершается также и

единением тел. Отсюда можно решиться сделать вывод, что половое общение сохраняет свою высокую ценность даже и тогда, когда не ведет за собой произведение на свет ребенка. Только тогда, когда духовно-душевная сторона этого общения отсутствует и оно низводится на степень наслаждения чувственными переживаниями, оно приобретает характер разврата, разлагающего душу и тело. Дмитрий Карамазов сначала любил в Грушеньке главным образом какой-то изгиб ее тела, и все отрицательные черты его характера ярко обнаруживались на каждом шагу; он возродился, когда полюбил ее по-настоящему: «Прежде меня только изгибы инфернальные томили, а теперь я всю ее душу в свою душу принял и через нее сам человеком стал!».

Половая любовь, как интимное всестороннее единство двух лиц, в идеальном осуществлении своем неразрушима; она дает право на брак только в том случае, если оба вступающие в него лица искренне верят в нерасторжимость своей связи, т. е. подлинность своей любви. Однако центробежные силы земной жизни всегда угрожают прочности семьи. Вряд ли бывают семьи, в которых супруги не подвергались бы соблазнам вступить в новую связь; избежать тяжелых потрясений, нарушений верности и даже полного разрыва могут лишь те семьи, в которых оба супруга настолько чутки, что подавляют в себе в самом зародыше малейший намек на отклонение от чистоты и прочности семейной жизни. Как ни высока связь половой любви, все же психофизиологическая сексуальная сторона ее содержит в себе момент несовершенства. Биологическое размножение есть средство воплощения, выработанное существами, подверженными телесной смерти, которая, как и все другие бедствия, есть следствие нравственного несовершенства, создающего распад, нарушения гармонии. Психофизиологические акты полового общения, будучи следствием несовершенства животной природы, необходимо имеют характер исключительной связи двух лиц. Поэтому и отношение наше к этим актам амбивалентное: с одной стороны, они вызывают чувство стыда, как проявление несовершенной телесной природы чашей, а с другой стороны, они высоко ценятся, как дающие значительное содержание нашей личной жизни и обеспечивающие жизнь рода. Члены Царства Божия имеют тела, не содержащие в себе никаких животных органов, и, обладая даже и телесным бессмертием, не нуждаются в размножении. Поэтому в Царстве Божием нет ни женщин, ни мужчин. Это вовсе не означает, будто каждый член Царства Божия содержит в себе вместе как женское, так и мужское половое начало и представляет собой нечто вроде гермафродита. Такое строение было бы отвратительным увековечением сексуальности. Как нечто низшее и несовершенное, сексуальность просто вовсе отпадает в Царстве Божием и внесение понятий мужского или женского начала в Царство Божие или даже в само Божественное бытие есть тяжкое заблуждение.

Семейная жизнь, особенно связь родителей с детьми, есть наиболее естественный путь развития способности к личной любви, ведущий и дальше за пределы семьи. Даже гордыня, отчуждающая от людей, может быть незаметно и постепенно преодолена. В повести Бернет «Маленький лорд Фаунтлерой»

показано, как происходит это чудесное освобождение от сухой аристократической гордости в душе английского лорда под влиянием любви к внуку, а в романе Мельникова-Печерского «В лесах и на горах» рассказано, как купеческая спесь Патапа Максимыча Чапурина смягчается и отпадает под влиянием страданий и смерти любимой дочери.

Бывают случаи семейной связи, имеющей характер семейного эгоизма. Такой групповой эгоизм еще более непривлекателен, чем индивидуальный. Он свидетельствует о том, что и настоящей взаимной личной любви у членов такой группы нет, а есть только совместная любовь к тем или иным жизненным благам. В случае столкновения интересов, например при дележе наследства, в таких семьях вспыхивает ненависть, гораздо более жгучая, чем между людьми, не связанными родством, и совершаются страшные преступления, остающиеся часто нераскрытыми.

Вся жизнь всех деятелей во всех проявлениях их имеет не только духовно-душевную, но и телесную сторону. Духовно-душевное взаимопроникновение, присущее всякой любви, сопутствуется также и телесным взаимопроникновением. В случае дружбы, связей родства и т. п. видов любви телесная связь глубоко отличается и должна отличаться от полового общения, однако она никоим образом не отсутствует. Во время беседы каждое слово, обращенное к человеку и пропитанное телесным воплощением разнообразных эмоций, направленных на него, вступает не только в его ухо, но и окутывает, пронизывает собой все его тело; точно так же всякое прикосновение, рукопожатие, всякий поцелуй, виды которых бесконечно разнообразны, пронизывают все тело человека.

Два тела, даже неорганические, с разной температурой или различным электромагнитным состоянием глубоко влияют друг на друга. Насколько более значительным и разносторонним должно быть взаимное влияние человеческих тел, приближающихся или даже прикасающихся друг к другу! Многие люди любят прикасаться к детям, тормошить их, тискать и т. п. Ребенку это бывает обыкновенно неприятно. И неудивительно: такие прикосновения внушены не любовью к ребенку, а эгоистическими мотивами чувственного удовольствия, забавы и т. п. Они отнимают у ребенка энергию и нарушают нормальное течение его жизни; иное дело прикосновение любящей матери, имеющее характер самоотдачи. Прикосновения человека к человеку бывают иногда вынужденными, брезгливыми; они не соединяют, а разделяют. У некоторых людей прикосновение бывает брезгливым ко всем предметам, к ручкам дверей, к столу, к окну и т. п. Лица, у которых это состояние приобретает характер психоневроза, прикасаются к вещам и людям не иначе как в перчатках или же десятки раз в день моют руки. Такое нарушение гармонической телесной связи с миром ведет к обеднению жизни. Под влиянием подсознательного отчуждения от людей, столь распространяющегося в современной культуре, некоторые люди проповедуют запрещение рукопожатий и поцелуев. В действительности, за исключением, конечно, случаев возникновения опасной эпидемии, для человечества лучше подвергаться иногда риску заразы, чем вводить нравы, усиливающие обособление людей друг от друга. Чрезмерные

заботы о здоровье, ведущие к этому обособлению, принадлежат к числу печальных «плодов просвещения», остроумно осмеянных Л. Толстым в его известной комедии. Расширение сферы любви, воспитываемое семьею и выходящее за ее пределы, есть шаг к развитию в душе человека вселенской любви. Много нужно сделать шагов на этом пути, чтобы достигнуть завершения его, но бывают случаи глубоких потрясений, когда всеобъемлющая любовь внезапно наполняет сердце человека. Л. Толстой рассказывает об этом перевороте в душе тяжело раненного князя Андрея Болконского. В госпитале, когда князь Андрей очнулся после операции, он услышал рыдания раненого, которому только что отняли ногу. Это был красавец Анатоль Курагин, который незадолго перед тем чуть не соблазнил Наташу Ростову, невесту Андрея. Он разрушил его любовь к ней и надежды на семейное счастье. Князь Андрей не сразу вспомнил, какая связь соединяет его с плачущим Курагиным, но вдруг в его уме вспыхнуло живое воспоминание о первой встрече с Наташей, «и любовь и нежность к ней, еще живее и сильнее, чем когда-либо, проснулась в его душе. Он вспомнил теперь ту связь, которая существовала между ним и этим человеком, сквозь слезы, наполнявшие распухшие глаза, мутно смотревшим на него. Князь Андрей вспомнил все, и восторженная жалость и любовь к этому человеку наполнили его счастливое сердце.

Князь Андрей не мог удерживаться более и заплакал нежными, любовными слезами над людьми, над собой и над их и своими заблуждениями».

«Сострадание, любовь к братьям, к любящим, любовь к ненавидящим нас, любовь к врагам – да, та любовь, которую проповедовал Бог на земле, которой меня учила княжна Марья и которой я не понимал; вот отчего мне жалко было жизни, вот оно то, что еще оставалось мне, ежели бы я был жив. Но теперь уже поздно. Я знаю это!» (Война и мир. Т. III. Ч. II. Гл. 37).

Через семь дней, проведенных почти в беспамятстве, возвращаясь от бреда к сознанию, князь Андрей думал: «Да, любовь... но не та любовь, которая любит за что-нибудь для чего-нибудь или почему-нибудь, не та любовь, которую я испытал в первый раз, когда, умирая, я увидал своего врага и все-таки полюбил его. Я испытал то чувство любви, которая есть самая сущность души и для которой не нужно предмета. Я и теперь испытываю это блаженное чувство. Любить ближних, любить врагов своих. Всё любить — любить Бога во всех проявлениях. Любить человека дорогого можно человеческой любовью; но только врага можно любить любовью божеской. И от этого-то я испытал такую радость, когда я почувствовал, что люблю того человека. Что с ним? Жив ли он... Любя человеческой любовью, можно от любви перейти к ненависти; но божеская любовь не может измениться. Ничто, ни смерть, ничто не может разрушить ее. Она есть сущность души. А сколь многих людей я ненавидел в своей жизни. И из всех людей никого больше не любил я и не ненавидел, как ее». И он живо представил себе Наташу не так, как он представлял себе ее прежде, с одною ее прелестью, радостной для себя; но в первый раз представил себе ее душу. И он понял ее чувство, ее страданья,

стыд, раскаянье. Он теперь в первый раз понял всю жестокость своего отказа, видел жестокость своего разрыва с нею. «Ежели бы мне было возможно только еще один раз увидать ее. Один раз, глядя в эти глаза, сказать...» Как раз в это время вошла в комнату Наташа и стала на колени у постели» (Т. III. Ч. III. Гл. 32).

Всеобъемлющая любовь придает характер благостности всему тону жизни некоторых святых, например Франциска Ассизского, Сергия Радонежского. Св. Серафим Саровский всякого приходящего к нему приветствовал словами: «Радость моя!» Всем своим поведением он распространял вокруг себя бодрое, веселое настроение. «Веселость, – говорит он одной послушнице, – не грех, матушка, она отгоняет усталость, а от усталости ведь уныние бывает, и хуже его нет. Вот и я, как поступил в монастырь-то, матушка, на клиросе тоже был, и такой веселый-то был, радость моя. Все соберутся, а я и веселю их, они и усталости не чувствуют, ведь дурное что говорить ли, делать ли – нехорошо, и в храме Божием не подобает, а сказать слово ласковое, приветливое да веселое, чтобы у всех перед лицом Господа дух всегда был весел, а не уныл, – вовсе не грешно, матушка...» (Ильин В. Преподобный Серафим Саровский. С.210).

«Для созерцания святого, – говорит Флоренский, – обнажается от своего растления первозданная тварь». Поэтому он видит повсюду вокруг себя красоту и добро (Столп и утверждение истины. Гл. XI. София. С. 321).

Согласно св. Исааку Сирианину, «когда всех людей видит кто хорошими и никто не представляется ему нечистым и осквернённым, тогда подлинно чист он сердцем».

Поразительна прозорливость многих святых, непосредственно видящих все содержание душевной жизни других людей. «Совершенно очистившийся от страстей, – говорит св. Иоанн Лествичник, – видит душу ближнего, – не самое существо ее, но ее устроение, чувства и расположения; преуспевающий же еще судит о душе по телесным ее действиям» (Добротолюбие. Т. II. Подвижнические наставления св. Исаака Сирианина, § 32; св. Иоанна Лествичника «О добродетелях и страстях», § 64).

Не только людей, всю природу видит святой подвижник в ее первозданной красоте, и отсюда рождается у него радостное приятие всего мира, изображенное А. Толстым в поэме «Иоанн Дамаскин»:

Благословляю вас, леса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубые небеса!
И посох мой благословляю,
И эту бедную суму,
И степь от краю и до краю,
И солнца свет, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей, нищий, я иду,
И в поле каждую былинку,

И в небе каждую звезду!
О, если бы мог всю жизнь смешать я,
Всю душу вместе с вами слить,
О, если б мог в свои объятья
Я вас, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить!

Прекрасно выражено также это настроение в превосходной книжечке «Откровенные рассказы странника своему духовному отцу».

Литературный источник

Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики. Характер русского народа. – М.: Политиздат, 1991.

ПУТЬ ВОЛШЕБНИКА
(отрывок)

Д. Чопра

Что такое волшебник? Это не просто тот, кто совершает чудеса, это тот, кто может вызвать превращение.

Волшебник может превратить страх в радость, разочарование в удовлетворение.

Волшебник может превратить то, что ограничено во времени, в бесконечное.

Волшебник может унести вас за пределы всех ограничений, туда, где не существует границ.

Во времена моего детства, которое я провел в Индии, я знал, что все это правда. Иногда в наш дом заходили старики в белых одеждах и сандалиях, и даже наивный мальчик понимал, что это далеко необычные люди. От них веяло спокойствием, они излучали радость и любовь. Дикие взлеты и падения повседневной жизни, казалось, вообще их не касались. Мы называли их *гуру*, или духовными учителями. Но прошло время, прежде чем я понял, что гуру и волшебники – это одно и тоже...

Путешествие в мир чудесного начинается *здесь*. И самое лучшее время для начала – *сейчас*. Путь волшебника существует вне времени – он существует повсюду и нигде. Он принадлежит каждому и никому…

Для чего нужен путь волшебника? Он нужен нам для того, чтобы подняться над всем обычным и повседневным к чему-то значительному, к тому, что мы привыкли относить к вымыслу, но на самом деле оно у нас под рукой, здесь и сейчас…

Волшебник живет в каждом из нас. Этот волшебник все видит и все знает.

Волшебник стоит за пределами противоположностей света и тьмы, добра и зла, наслаждения и боли.

Все, что видит волшебник, имеет свои корни в невидимом мире.
Природа отражает настроения волшебника.
Тело и ум могут спать, но волшебник бодрствует всегда.
Волшебник владеет секретом бессмертия.

Урок 1

— Вот, – сказал Мерлин, протягивая чашку супа мальчику Артуру, – попробуй.

Поколебавшись минуту, Артур попробовал предложенный ему суп. Это было вкусное густое варево из оленины и корней диких растений, непостижимым образом приготовленное Мерлином в тот момент, когда Артур повернулся к нему спиной. Суп, без сомнения, был очень хорош, и Артур поспешил зачерпнуть следующую ложку, но с удивлением обнаружил, что Мерлин выхватил чашку из его рук.

— Подожди, хватит, – пробормотал он с набитым ртом и покачал головой. – Весь пир заключается в первой ложке, – наставительно сказал он.

Сначала Артур почувствовал обиду и разочарование, но вслед за этим вдруг пришло чувство удовлетворения, как будто он успел съесть всю порцию. Позже, когда Артур дремал под деревом, Мерлин тихонько подошел к нему и поставил рядом большую чашку супа. Отходя прочь, волшебник пробормотал:

— А теперь подумай, какую пользу принесли бы тебе все эти годы, проведенные в школе у волшебника, если бы я не мог показать тебе все в первый же урок?

Как следует понимать урок

Чтобы научиться тому, чему учит волшебник, потребуется вся жизнь, но все то, для раскрытия чего нужны годы и десятилетия, содержится в первом уроке Мерлина. Здесь волшебник знакомит нас с собой. Он описывает свой подход к жизни, который позволяет решать самые глубинные загадки смерти и бессмертия. И все это волшебным путем. Потому что Мерлин в действительности не облечен в физическую форму. Никакие формы не применимы к Мерлину. Он видит мир приходящим и уходящим, он пережил смены эпох, и его реакция на все вокруг всегда одна и та же: он *видит*.

Волшебники – это *видящие*. Что значит для них «видеть»? Это значит видеть реальность в целом, а не во множестве отдельных ее частей.

— Ты всегда был волшебником? – спросил мальчик Артур.

— Как я мог им быть всегда? – ответил Мерлин. – Когда-то я бродил, подобно тебе, и все, что я видел, глядя на человека, это была форма из плоти и костей. Но со временем я начал замечать, что человек живет в доме, который служит продолжением его тела, – несчастные люди с беспорядочными эмоциями живут в грязных домах, счастливые и довольные живут в опрятных домах. Это было просто наблюдением, но после того, как я немного подумал над этим, я, глядя на дом, уже многое знал о живущем в нем человеке.

Потом моя способность *видеть расширилась*. Когда я смотрел на человека, я не мог не *видеть* его семьи и друзей. Они тоже служат продолжением человека,

и оно многое говорит мне о том, кто этот человек на самом деле. Потом я стал *видеть* еще больше. Я начал видеть то, что находится под маской физического внешнего вида. Я *видел* эмоции, желания, страхи и мечты. Конечно, все они тоже являются частью человека, если у вас есть глаза, чтобы их увидеть.

Я начал наблюдать энергию, излучаемую каждым человеком. В это время физический внешний вид тела из плоти и костей почти утратил для меня значение, и вскоре в каждом, кого я встречал, я стал видеть мир внутри мира. Потом я понял, что каждое живое существо — это целая Вселенная, только спрятанная всякий раз под другой маской.

— И это правда возможно? — спросил Артур.

— Придет день, когда ты поймешь, что всю Вселенную ты можешь найти внутри себя, и тогда ты станешь волшебником. Став волшебником, ты уже не будешь жить в мире – мир будет жить в тебе.

Столетие за столетием люди пытались обнаружить, где живут волшебники – в дремучих лесах или глубоких пещерах, в замках или храмах. Кроме того, волшебники путешествовали под самыми разными именами – философов, магов, пророков, шаманов, гуру. «Расскажите нам, почему мы страдаем? Расскажите нам, почему мы становимся старыми и умираем? Расскажите нам, почему мы слишком слабы для того, чтобы сделать свою жизнь прекрасной?» Только к волшебнику могут обратиться смертные с подобными вопросами, чтобы облегчить свою душу.

Но если ты будешь слушать внимательно, то заметишь, что волшебники, учителя и гуру – все говорят одно и то же: «Я могу избавить вас от всего этого невежества и боли, если вы поймете одну вещь: я – внутри вас. Этот отдельный человек, который, как вам кажется, говорит с вами, вовсе не отдельный. Мы – одно целое, и на том уровне, где мы одно целое, никаких ваших проблем не существует».

Когда однажды Артур стал жаловаться на то, что Мерлин забрал его в лес, позволив бросить лишь беглый взгляд на мир, Мерлин только фыркнул.

— Мир? Как, по-твоему, живут эти люди, те, которых ты видел в деревне? Они переживают из-за удовольствий и боли, ищут одно и безнадежно теряют другое. Будучи живыми, они переводят свою жизнь, беспокоясь о смерти. Они постоянно заняты только одним – будут они богатыми или бедными, и отсюда все их извечные страхи.

К счастью, живущий внутри нас волшебник не испытывает ничего подобного. Он видит истину и поэтому не замечает того, что ею не является, поскольку игра противоположностей – удовольствие и боль, богатство и бедность, добро и зло – только кажется реальностью, пока ваша способность видеть не расширится до более широких пределов – тех, в которых *видит* волшебник. Хотя все это и не отрицает того, что эта драма повседневной жизни очень реальна для простых смертных. Внешний вид жизни – это и *есть* жизнь, если все, во что вы верите, – это ваши ощущения, то, что вы видите и чувствуете.

Смертные обращаются к волшебникам, чтобы избавиться от этой одержимости внешней стороной жизни, горя желанием найти ее смысл. Должно существовать что-то еще, чем просто быть живым, думают смертные, хотя и не

знают точно, что же это такое может быть. «Проводи время в размышлениях не о том, *что* ты видишь, — поучает Мерлин Артура, — а о том, *почему* ты это видишь».

Итак, вывод из первого урока: посмотрите за пределы своего ограниченного я, чтобы увидеть свое неограниченное Я. Постарайтесь проникнуть за маску смертности – и вы найдете волшебника. Он находится внутри вас, и только там. Как только вы его обнаружите, вы тоже станете *видящим*. Но то, что вы сможете увидеть, будет появляться в свое время, постепенно. Прежде чем вы сможете *видеть*, появится ощущение, что в жизни есть что-то еще, – что-то помимо того, что вы называли жизнью. Это похоже на тихий голос, который шепчет: «Найди меня». Голос, лишенный эмоций, спокойный, доносящийся изнутри – и неуловимый. Это голос волшебника, но это также и ваш собственный голос.

Как воспользоваться уроком в своей жизни

Высказывания Мерлина действуют едва уловимо, подобно воде, просачивающейся вглубь земли. Вода, которая появляется из грунта сегодня, – это дождь, который упал на его поверхность тысячи и даже миллионы лет назад. Нам не слишком много известно о поведении этой скрытой воды, о том, откуда она приходит, что происходит с нею среди подземных камней. Но в один прекрасный день, освобожденная под действием гравитационных сил она поднимается из тьмы, и из земли начинает бить удивительно чистый и свежий источник.

Так же и с Мерлином. Если вы несколько минут посидите молча и прислушаетесь к его словам, они начнут проникать в вас. Дайте этому произойти, а потом мудрость сделает свою работу. Не стоит ожидать или предвидеть определенные результаты, но внимательно следите за всем, что бы ни произошло. Все, что ни случится, хорошо.

Этот первый урок о том, как найти волшебника и оценить его точку зрения, которая очень сильно отличается от точки зрения и вашего ума, и ваших эмоций. Эмоции ощущают и реагируют. Они непосредственны, подобно сокращениям щупалец актинии, которые мгновенно реагируют на любое ощущение. Боль вызывает эмоциональное сжатие, удовольствие приводит к расширению и чувству освобождения.

Ум же работает не столь непосредственно. Он содержит большой объем памяти и постоянно роется в ней. Сравнивая новое со старым, он принимает решение: это хорошо, это плохо, это стоит повторить, этого лучше не повторять. Таким образом, эмоции дают немедленную, необдуманную реакцию на любую создавшуюся ситуацию, подобно ребенку, который непроизвольно плачет или смеется. Ум советуется со своим банком памяти и дает замедленную реакцию.

У волшебника нет ни одной из этих реакций, ни непосредственной, ни замедленной, – Мерлин прост. Он *видит* мир и позволяет ему быть таким, как он есть. Но это не пассивность. Основой всего в мире волшебника служит его способность проникновения в сущность, его понимание: «Все это – я сам». Поэтому, принимая мир таким, как он есть, волшебник все видит в свете самопризнания, который является светом любви.

Может показаться странным, что определение любви, данное волшебником, прячется в безмолвии. Если говорить об эмоциях, то любовь – это огромная волна чувств, очень активное влечение к какому-то стимулу, против которого вы не можете устоять. Ум идет своими собственными путями, но эти пути не так уж сильно отличаются: ум любит то, что дает повторение всего, доставившего приятное переживание в прошлом. «Я люблю это» означает, в основном, «Я люблю повторять то, что было так приятно чувствовать в прошлом». Так что как ум, так и чувства избирательны. Выбирать и отбирать не так уж и плохо, но это требует усилий. Хотя все мы считаем, что прилагать усилия – это хорошо, что ничто не дается без труда, на самом деле это не так: до сути нельзя добраться с помощью усилий; любви нельзя достичь с помощью усилий.

На более тонком уровне выбор и отбор включают также и отказ. Ум какое-то время концентрируется на чем-то одном. Прежде чем вы сможете сказать: «Мне это нравится», вы вынуждены отказаться от всех остальных возможностей. Ни ум, ни эмоции не относятся нейтрально к боли и страданиям: они боятся и отвергают их. Эта привычка всегда производить выбор и отбор забирает много энергии, потому что ваш ум постоянно должен быть начеку, постоянно следить за тем, чтобы больше не повторилась эта боль, разочарование, одиночество и множество других болезненных переживаний. Где же взять место молчанию?

Без молчания нет места волшебнику. Без молчания невозможно по-настоящему понять жизнь, внутренняя структура которой едва уловима, подобно еще не распустившемуся бутону розы. Если смертный обратился за советом к волшебнику, значит, он заметил, что волшебник не живет в вечном страхе, как он сам. Волшебник принимает и даже использует все, что бы ни случилось.

— Как вам удается добиться такого спокойствия ума? – спрашивает смертный. И волшебник отвечает:

— Загляни в себя, там ты найдешь только спокойствие.

Так что первый шаг в мир Мерлина – просто осознать, что этот мир существует, и этого достаточно. Когда вы будете сидеть над этим уроком, ваш ум может воспротивиться, заявляя «Нет!» на любое утверждение о том, что существует другая приемлемая точка зрения, путь, который отличается от его собственного пути. К этой волне сомнений, беспокойства, скуки, скептицизма, презрения – любая реакция возможна – могут присоединиться и ваши эмоции. Не сопротивляйтесь этим чувствам. Это просто старый, привычный путь поиска и выбора. Путем отрицания ваш ум напоминает о собственной значимости, потому что годами он верой и правдой служил вам, не подпуская неприятные вещи. Вопрос в том, действительно ли срабатывала его тактика? Ум может преуспеть в том, чтобы сделать вас разумным, хорошо соображающим человеком, но он плохо приспособлен для того, чтобы принести вам счастье, удовлетворение, душевный покой.

Мерлин не спорит с умом. Все споры порождаются мыслями, а волшебник не думает. Он *видит* и в этом ключ к сверхъестественному, потому что все, что бы вы ни увидели в своем внутреннем мире, вы можете перенести в мир внешний. Живите с этим первым уроком, позволив мудрости постепенно просачиваться в тайные ходы вашего существа, и наблюдайте. Волшебник внутри вас, и он хочет только одного: появиться на свет.

Литературный источник
Чопра Дипак. Путь волшебника. – К.: «София», 2003.

СИНЬ-СИНЬ-МИН: КНИГА НИ О ЧЕМ
(отрывок)

Ошо

[…] Провозглашать пустотность вещей – тоже философская позиция. Она лишь чуть-чуть лучше утверждений о нереальности мира, дескать, мир – небытийный, он существует лишь в твоем уме, он – проекция ума, мысль, сон.

Вторая философия, та, что чуть получше, утверждает, что вещи существуют, но они пусты. В них нет сущности, они – нематериальны. Они – мертвы, пустотны. Они – всего лишь комбинация каких-то элементов и лишены сущности. Вот перед тобой дерево, но оно – лишь комбинация своих частей. В дереве нет сущности, нет *атмана*. Если ты разъединишь дерево на части, от него ничего не останется. Это как если бы ты разбирал механизм – разъединив механические части, ничего за ними не находишь.

Но это неверно, ибо дерево существует не только как комбинация частей, но и как сущность. Даже камень имеет свою сущность; когда ты станешь достаточно чувствительным и осознающим, ты поймешь, что даже у камня есть различные состояния души. Иногда он счастлив, и ты чувствуешь, как он счастлив; иногда он несчастлив, и ты чувствуешь, как он несчастлив; иногда он поет, и ты слышишь его песню. Но для этого *тебе* нужно уметь чувствовать. Если сейчас ты не можешь услышать песни будды, как же ты услышишь песню камня? Ты глух и слеп, бесчувствен и туп.

Ты – несознателен. Твое сознание – крохотный островок. Его хватает лишь на день. Его хватает лишь для того, чтобы приехать на работу и вернуться домой, не попадая ни в какую передрягу. Но ты не можешь почувствовать камень, ты не можешь почувствовать дерево. Ученые открыли, что дерево обладает невероятной чувствительностью. Деревья приветствуют тех, кто расположен к ним дружески, и закрываются, если чувствуют, что человек испытывает к ним неприязнь. Если к дереву подходит садовник, чтобы подрезать ветви, дерево закрывается. Еще до того как садовник появился – он только-только входит в сад, но все деревья уже закрыты, они чувствуют, что приближается враг.

Один ученый, проведя углубленные исследования, обнаружил, что деревья знают не только о наших действиях – им известны и наши мысли. Он провел эксперимент: к растению присоединили электроды и датчики, чтобы узнать, что с ним происходит. Вдруг ученый подумал: «А что, если я перережу это растение пополам? Что будет?» И тут же стрелка на датчике стала дрожать очень быстро – растение восприняло мысль.

Затем ученый стал проводить различные эксперименты: он не причинял растению вреда, не калечил его – он только думал об этом. И как только у него возникала подобная мысль, стрелка датчика показывала, что растение обеспокоено. Но и это еще не все: если ты обрежешь ветвь на одном растении, все остальные растения также проявят беспокойство. Уже есть такие приборы, которые могут показать, что творится с растением. Вскоре появятся приборы, которые смогут показывать, что творится с камнем. Жизнь есть во всем – ничто не пусто. Все обладает сознанием – но сознанием различного типа. Вот почему мы не можем проникнуть в иное сознание. Это трудно – для разных типов сознания характерны различные языки. У дерева – свой язык, у камня – свой. Поэтому с ними так тяжело общаться – языки отличаются. Но если ты станешь более чувствительным, более осознающим, если твой ум не будет наполнен мыслями, ты сможешь поговорить даже с камнем. Пустоты нет, все обладает сущностью.

Индуисты всегда знали, что Бог есть во всем. Вот почему они могут поклоняться дереву, могут поклоняться реке, могут поклоняться камню. Они говорят: «Бог дерева», «Бог реки», «Бог камня»... все на свете наполнено Богом, нет ничего, что было бы пусто.

Когда ты говоришь, что вещь пуста, ты упускаешь ее реальность. Почему же тогда философы утверждают, что вещей нет или что вещи пусты? Философы стремятся доказать это, ибо с их точки зрения, если вещи пусты, ты – наполнен; чем более пусты вещи, тем более наполнен ты. Философам кажется, что, когда тебя окружает пустота, ты становишься наполненным.

Но это ложный путь. Сам *стань* наполненным! Если ты наполнишься любовью, осознанием, медитацией, окружающий тебя мир не будет пустым. Все кажется пустым, лишь когда пуст *ты* сам. Ты опустошаешь мир, когда глядишь на него пустыми глазами.

Если в тебе нет любви, ты не увидишь ее нигде. Если же каждый удар твоего сердца исполнен любви, то все вокруг тебя будет пульсировать любовью. Ты ощутишь пульс любви в ветре, колеблющем ветви деревьев, в реке, текущей к океану. Ты ощутишь любовь во всем. Ты *сможешь* ощущать ее повсюду. Мы чувствуем и видим лишь то, что есть у нас внутри.

…Чем больше ты размышляешь о чем-либо, тем больше отдаляешься от предмета своих размышлений. Как только ты начинаешь о чем-то думать, ты тут же удаляешься от этого. Я здесь, ты – рядом со мной, но как только ты начнешь думать обо мне, ты отправишься в путь и будешь отдаляться от меня все дальше и дальше. Чем больше ты думаешь, тем дальше уходишь. Размышление – способ ухода от реальности; оно дает тебе внутреннее направление, прокладывает путь в твоем мозгу, и ты идешь и идешь по этому пути.

Мыслителя никогда нет в *здесь и сейчас*, он всегда не здесь и всегда не сейчас, он – всегда где-то там. Вот почему мысли – главная преграда для медитации. Ты должен не размышлять, а осознавать. И чем больше ты осознаешь, тем меньше полагаешься на размышления.

Я протягиваю тебе розу, и ты тут же начинаешь думать. Твой ум тут же высказывается: «Красивая роза! Я никогда не видел такого прекрасного

цветка!» Или: «Нечасто увидишь цветок такой красоты». И ты продолжаешь думать дальше в том же духе. Тебе на ум может прийти: «Что такое красота?» Но этого никто не знает. Никто так и не пришел к определенному выводу. Один из крупнейших философов нашего века, британец Дж. Е. Мур, в своем труде *Principia Ethica* попытался определить, что такое «добро». В конце концов он признался, что добро не поддается определению... и это после двухсот или трехсот страниц обсуждения!

Один из лучших умов человечества предпринимает одну попытку за другой, стучит то в одну дверь, то в другую – и все напрасно; он приходит к выводу, что «добро» не поддается определению. Почему? Мур говорит, что добро – это такое же простое качество, как, скажем, желтый цвет. Как ты определишь желтый цвет? Что ты скажешь, если кто-то спросит: «Что такое «желтое»?» Ты ответишь: «Желтое есть желтое». Или как ты дашь определение розе? Роза есть роза – и все тут. Если ты скажешь: «Роза красива», тебе придется объяснять, что такое красота. Дал ли кто-нибудь определение красоты? Нет, красота не поддается определению. Если ты сравнишь эту розу с другими розами... знаешь ли ты, что каждая вещь по-своему несравнима ни с чем? *Эта* роза – просто эта роза. Нет никакой другой розы. Зачем притягивать сюда еще какие-то розы?

Притянув другие розы, ты засоряешь свой ум; у тебя в уме появляется множество вещей, и они становятся преградой – *этой* розе уже не пробиться к тебе. А ведь было что-то настоящее, оно могло проникнуть в тебя, аромат розы мог проникнуть в тебя. Роза готова была постучать в твое сердце, но ты стал думать о ней. И когда ты наконец вернулся, розы не стало – она увяла. Она несла весть, она заключала в себе неведомое. Но неведомое деликатно, оно не может ждать тебя вечно.

В розе было нечто запредельное – каждая роза несет в себе что-то оттуда. Каждое утро нечто приходит к тебе, стучит в твою дверь... но ты великий мыслитель. Нечто из неведомого, из божественного, нечто из вневременного проникает сюда вместе с розой. Но если ты будешь думать, ты все упустишь, ибо, думая, ты удаляешься, уходишь в сторону.

Философ думает о розе. Поэт чувствует розу. И если тебе придется выбирать, всегда делай выбор в пользу поэта. Он больше соприкасается с действительностью, чем философ. Ну а мистик – он ни думает и ни чувствует, он *пребывает* в присутствии розы. Ибо чувства тоже уводят в сторону – не так далеко как мысли, но тоже уводят в сторону. Чувства – неявная деятельность.

Мистик просто пребывает в присутствии розы – никакого делания, никаких мыслей, никаких чувств. Он – и роза... Индуисты называют это *сатсангом*. Роза ли это или человек – будда, учитель, – ты не думаешь, не чувствуешь... ты просто пребываешь с ним. *Сатсанг* означает «быть вместе с истиной». Слово *сатсанг* означает «быть вместе с истиной».

Перед тобой роза? Будь с ней. Не занимайся деятельностью – ни явной, ни неявной. Мышление – явная деятельность, переживание – деятельность неявная, но переживание может перейти в мышление, и в свою очередь мышление может перейти в переживание. Мышление и переживание взаимообратимы, они близки

друг к другу. Переживание – это мышление в зародыше; переживание – это побег, мышление – это дерево. Но и то и другое вместе – один и тот же процесс. Сердце и голова не так уж и далеко друг от друга. Все начинается с сердца и, прежде чем ты успеваешь осознать, достигает головы.

Просто будь вместе... и тогда все откроется, все двери распахнутся. Больше нет ни вопросов, ни ответов – ты стал единым целым с бытием. Подумал – и ты отделен; почувствовал – и единство нарушено, ты начал отделяться.

Ни думать, ни чувствовать, просто быть вместе, и вдруг... нет ни тебя, ни мира. Есть лишь Единство, есть лишь *Брахман*. Ты и есть мир, вы стали едины. Единство, бесконечность, мир без форм, все это – здесь. Это и есть истина.

Истина не философское умозаключение. Истина – опыт бытия. Истина – это ни мысль и ни чувство. Истина — это твое естество, слившееся с бытием. Так капля воды падает в океан – она падает безоглядно, полностью. Сердце, голова, плохое, хорошее, всякое... грешный, святой, любой – капля падает!

… Ты приходишь к водопаду, ты стоишь рядом с водопадом, но неужели ты пытаешься истолковать то, что говорит водопад? Он ничего не говорит… и все же он говорит. Он говорит многое – больше, чем можно сказать.

Что ты делаешь рядом с водопадом? Ты слушаешь. Ты становишься безмолвным и спокойным, ты внимаешь. Ты позволяешь водопаду проникать в тебя все глубже и глубже. И тогда все внутри тебя становится безмолвным и спокойным. Ты превращаешься в храм – неведомое входит в тебя вместе с водопадом.

Что ты делаешь, слушая пение птиц или шум ветра в ветвях деревьев или прислушиваясь к шороху сухих листьев? Что делаешь *ты*? Просто слушаешь

…Божественное не доступно ни для святого, ни для грешника. Святой не может познать божественное, ибо он слишком хорош и его добродетель стала преградой. Грешник не может познать божественное, ибо он полагает, что ему мешают грехи. Лишь тот, кто ни свят, ни грешен, тот, кто не сделал выбора, тот, кто ни на что не претендует, не говорит: «я – такой-то и такой-то», тот, кто просто присутствует в этом мире, – лишь тот может познать божественное.

Тебе незачем отправляться в Гималаи, ибо ты можешь просто пребывать рядом с камнем; тебе не нужно отправляться в храм, ибо ты можешь просто пребывать рядом с Деревом. Тебе даже не нужно идти к дереву: ты можешь пребывать наедине с самим собой и это произойдет – ибо *это* везде. Каждый атом вибрирует *этим,* каждый атом празднует *это*. Все вокруг и есть *это*.

Чем больше ты говоришь и думаешь об этом, тем больше ты удаляешься от истины.

Прекрати говорить и думать, и в мире не останется ничего, чего бы ты не смог познать.

Не-мыслие – дверь. *Не-слово* – ворота. *Не-ум* – путь. Как достичь этого? Просто слушать об этом? Ничего не выйдет! Ибо ум слишком коварен. Он тут же начнет мыслить. Вот что говорит Сосан: ум тут же начнет сочинять теории. Ум скажет: «Да, кажется, так оно и есть». И затем: «Да, так оно и есть»... и ты

собьешься с пути. Ум скажет: «Это кажется слишком трудным, невыполнимым. Что значит перестать думать?» И вновь ты собьешься с пути.

Послушайся ума, и ты никогда не приблизишься к истине, послушайся ума, и твоей дороге не будет конца.

Дитературный источник
Ошо Синь-синь-мин: книга ни о чем. – М.: ООО ИД «София», 2004.

БЕЛАЯ КНИГА
(отрывок)

Рамта

[…] Вот тогда я начал размышлять о Неопознанном Боге. Единственное, чего я желал всем сердцем, – это понять то, что казалось таким грозным, таким таинственным и таким далёким. И что такое человек? Кто он был? Почему в нём было меньше величия, чем в солнце? Почему та старая женщина не могла жить? Почему человек, будучи таким многочисленным на этом плане и обладающий созидающей и объединяющей силой, был самым уязвимым из всего сотворённого? Если человек был настолько важен, как мне говорили, так почему же, когда он умирал, он становился таким незначительным, что солнце не останавливало свой ход почтить его память, и не багровела луна, и утка не приостанавливала свой полёт? Казалось, что человек не имел никакого значения, потому что, несмотря на его гибель, всё продолжалось, как раньше.

Всё, чего я хотел, – это знать.

У меня не было учителя, чтобы научить меня понимать Неопознанного Бога: я не доверял человеку. Я столько видел и столько потерял из-за человеческого зла и искажённого мышления людей. Я видел, как один презирал другого, считая его бездушным. Я видел, как потрошили невинных, как их от страха сжигали. Я видел на рабовладельческом рынке детей, обнажённых для осмотра, которых разглядывали извращённые души. Я видел, как они вырывали у подростков волос на лобке, для того чтобы они выглядели маленькими детьми, когда их насиловали. Я видел, как священники и пророки, исходя ненавистью к человечеству, придумывали страшных и грозных существ для того, чтобы при помощи религии править людьми и держать их в повиновении.

Не было на земле человека, кто мог бы стать моим учителем: мышление каждого живущего было искажённым; всё, что было чистым и невинным, было искажено его собственным ограниченным пониманием. Поэтому я не желал иметь ничего общего с Богом, созданным человеческим пониманием; если человек создал Бога, то этот Бог был подвержен ошибкам.

Это были элементы жизни, подлинные учителя всего, кто научил меня понимать Неопознанного Бога. Я учился у дней. Я учился у ночей. Я учился у нежной, незначительной жизни, изобильной, даже несмотря на разрушение и войну.

Я наблюдал солнце в его приближении к своему ликующему моменту на горизонте. Я прослеживал его путь через всё небо, как оно заканчивало его на западной стороне и отходило ко сну. Я понял, что солнце, хотя и негласно, очень умно контролировало жизнь, потому что все удалые и храбрые, воюющие друг с другом с заходом солнца прекращали свои военные действия.

Я наблюдал красоту луны в её бледном свете, когда она исполняла свой танец на небесах, освещая темноту так загадочно и так красиво. Я смотрел на огни нашего палаточного городка и как они отражались в вечернем небе. Я слушал, как дикая утка опускалась на воду, как шуршали в гнёздах птицы; я слушал смех детей. Я наблюдал падающие звёзды, соловьев, изморозь на камышах, скованные льдом волны озера, создающие иллюзию иного мира. Я видел, как при дуновении ветра изумрудные листья оливковых деревьев превращались в серебро.

Я наблюдал женщин, стоящих в реке, пока они набирали воду в свои сосуды; их юбки, завязаные узлом, обнажали их алебастровые колени. Я слушал шум женских пересудов и поддразнивание в их смехе. Я улавливал запах далёкого костра и запах чеснока и вина в дыхании моих воинов.

Не раньше чем после внимательного наблюдения и глубоких размышлений о жизни и её неиссякаемости, открыл я для себя, кто был на самом деле Неопознанный Бог. Я пришёл к заключению, что Неопознанный Бог не был теми Богами, которых создало искажённое мышление человека. Я понял, что Боги в умах людей – это всего лишь олицетворение того, чего люди больше всего боятся и уважают; и что истинный Бог – это неиссякаемая сущность, позволяющая человеку творить и воплощать свои иллюзии по своему собственному выбору; и что он, Бог, всегда здесь в ожидании возвращения человека следующей весной, в следующей жизни. Я осознал, что Неопознанный Бог есть не что иное, как мощь и неиссякаемость жизненной силы.

Кто же был Неопознанный Бог? Это был я... и птицы в ночных гнёздах, изморозь на камышах, утренний рассвет и вечернее небо. Это были солнце и луна, дети и их смех, алебастровые колени и журчащая вода, и запах чеснока, кожи и латуни. Заняло много времени понять это, хотя всё это было всегда передо мною. Неопознанный Бог был ни за луной и ни за солнцем. Он был вокруг меня. И с момента рождения этого нового понимания я начал любить жизнь, ценить её и находить в ней смысл. И кровь, и смерть, и смрад войны – это было ещё не всё. Была жизнь, и такая большая, какою мы никогда её не видели.

Позднее, благодаря этому осознанию, я пришёл к пониманию, что человек есть самое великое из всего сотворённого и что причина того, что солнце продолжало свой ход, когда человек умирал, заключалась в том, что солнце даже и не предполагает, что оно может умереть. Всё, что оно знает, – это быть.

Когда путём созерцательной мысли я осознал, кто и что был Неопознанный Бог, я не захотел иссохнуть и умереть, как та старая женщина. Должен быть способ, подумал я, как стать вечным, подобно солнцу.

Когда я окончательно поправился от того серьёзного ранения, у меня не было других дел, кроме как сидеть на плато и смотреть, как моя армия жиреет от безделья. Однажды, когда я смотрел на горизонт, улавливая смутные очертания призрачных гор и едва виднеющиеся долины, я спросил себя, а как это – быть

Неопознанным Богом, жизненным элементом, и как могу я стать частью этой вечной сущности?

И вот именно тогда ветер сыграл надо мной шутку и оскорбил меня самым невероятным образом. Он поднял мою длинную царственную мантию и задул её прямо мне на голову, что поставило меня в неловкое положение. Не очень благородная поза для завоевателя. Затем ветер поднял впечатляющий столб шафрановой пыли в форме колонны, упирающейся в самые небеса. А когда я утратил к ней интерес, ветер утих, и вся пыль упала на меня.

После этого ветер со свистом полетел вниз по ущелью, вниз к реке и дальше к прекрасным оливковым рощам, играя с листьями и превращая изумруд в серебро. Он высоко вздул юбку молодой красавицы, вызвал по этому поводу смешки и помчался дальше. По дороге он сдул шляпку с головы маленького ребёнка, и ребёнок побежал за ней, радостно смеясь.

Я потребовал, чтобы ветер вернулся ко мне, но он только рассмеялся жёсткими порывами в ущелье. И только тогда, когда я, почти посиневший от выкрикивания команд, опустился на землю, он вернулся и мягко подул мне в лицо. Вот это – свобода.

В то время, как не было ни одного человека, кто мог бы стать моим идеалом, ветер вёл себя именно так, что он вполне мог бы им стать. Вы не можете видеть ветер, и всё же, когда он в ярости налетает на вас, вы – жертва налёта. И каким бы сильным и могущественным вы *ни* были, вы не можете объявить войну ветру, А что вы можете сделать? Разрубить его палашом? Зарубить его топором? Плюнуть в него? Так он же принесёт вам всё это обратно в лицо.

Кем ещё может стать человек, подумал я, чтобы он смог обрести такую свободу движения, такую силу, которая не поддастся ограниченной природе человека, силу, которая позволит ему быть в любом месте и в любое время, силу, которая, в отличие от человека, никогда не умирает?

Для меня ветер был сущностью наивысшего порядка, ибо он был неиссякаемым, свободно перемещающимся и всепоглощающим. Он не знал ни границ, ни форм. Он был само волшебство, он был постоянно ищущим и смелым, и именно этим он больше, чем что-либо, был похож на божественную сущность жизни. И ветер никогда не осуждает человека. Ветер никогда не отрекается от человека. Ветер, если вы его позовёте, придёт к вам через любовь. Идеалы должны быть такими.

Итак, я пожелал стать ветром. Многие годы я созерцал его. Он стал моим идеалом. Он был тем, чем я хотел стать. На это и были направлены все мои мысли. Я созерцал ветер и мысленно растворялся в его неуловимости, лёгкости, в его неопредели мых контурах. И по мере того, как я его созерцал, в своём порыве стать им, я им стал.

Первое происшествие случилось шесть лет спустя после моего ранения. Каждый вечер я уходил на моё одинокое плато и сидел там: я смотрел на бледную луну, изливающую мягкий свет, и созерцал ветер. И пришел час, когда, к моему удивлению, я очутился высоко в небесах; я не знал, кто был я, когда повернулся посмотреть вниз.

В одно мгновение я понял, что я находился очень далеко от тела, видневшегося маленьким пятнышком на раскинувшемся внизу плато. Я почувствовал страх –впервые, с тех пор как меня ранили. Этот страх вернул меня обратно в тело.

Я открыл глаза и в холодно-горячем поту осознал, что я был **где-то и вне** плена моего телесного воплощения. Я чувствовал себя как в раю: я был уверен, что я стал ветром. Я бросился на землю и восхвалил Бога: Источник, Могущество, Причину, Ветер. Никогда мне не забыть того изумительного момента, когда я стал красотою, грацией и богатой жизнью ветра. Я понял, что это моя непоколебимая решимость и всегда ясный мысленный образ того, чем я хотел стать, помогли мне стать ветром.

Вечером следующего дня я поспешил к месту моего уединения; с ликующей радостью погрузился в созерцание ветра... и ничем не стал. Я попытался ещё один раз, ещё и ещё. Я знал: то, что я уже испытал, было не просто моим воображением. Я увидел всё в другом свете. Я был в воздухе, как голубь или как ястреб, и я видел своё жалкое «я» под собою.

Ничего я не хотел, ничего я не желал, ничего, кроме одной мысли – стать той свободой. Но как я ни старался, сколько пота ни проливал и сколько бы проклятий ни следовало за этим, ничего у меня не получалось. Я оставался там, где был, – и с телом ещё более тяжёлым, чем раньше, – ибо я осознал (возьмите себе на заметку), каким тяжёлым оно было. Но я не утратил свой идеал и не забыл своего ощущения в тот момент, когда впервые взглянул сверху на своё жалкое тело.

Много времени прошло, прежде чем я опять стал ветром, – два года, по вашему отсчёту, два года со времени первого события. На этот раз всё случилось не во время созерцания ветра, а во время погружения в глубокий сон. Я вознёс благодарность Источнику, солнцу, жизни, шафрановой пыли, луне, звёздам, сладкому аромату жасмина. Я поблагодарил их всех. И прежде, чем мои веки опустились, я уже был на небесах, подобный ветру.

Когда я усовершенствовал умение покидать своё тело, я долго учился, как перемещаться в пространстве. Затем случилось так, что один из моих воинов оказался в опасной ситуации. Он упал с лошади, и его нога застряла в стремени. В тот самый момент, как только я подумал о нём, я был рядом с ним и высвободил его ногу. Я стоял над ним и желал ему добра, но он подумал, что это был сон.

В течение многих лет я мысленно путешествовал в разные пространства и встречался с разными созданиями. Я посещал будущие цивилизации в самом начале их зарождении, я видел зачатки пока ещё невидимых жизней. Я научился перемещаться в одно мгновение, ибо я обнаружил: куда следует мысль, туда перемещается и сознание. И как же в дальнейшем я завоёвывал? Я был очень грозный враг, потому что я знал мысли моих врагов; поэтому я их всех побеждал хитростью. Я уже не осаждал царства; я делал так, что они сами себя осаждали.

Поскольку моя решимость стать моим идеалом превратилась в жизненную силу клеток моего телесного воплощения, моя душа постепенно – на протяжении многих лет – меняла программирование каждой клеточной структуры, повышая частоту их вибраций; вот таким сильным было моё желание. Чем спокойнее я становился в жизни, тем сильнее это чувство влияло на мою физическую

перестройку, и я становился всё светлее и светлее. Люди смотрели на меня и вздыхали: «Мастер-то наш уж светиться стал». И я действительно светился, потому что скорость вибрации моего тела возросла от скорости материи до скорости света. Именно это излучало свет во мне.

Со временем, под влиянием лунного света, моё тело стало утончаться. И однажды ночью я оказался в лунном пространстве. Я уже перемещался не только мысленно. Я повысил частоту вибраций моего тела до световой и уносил моё телесное воплощении с собой; и был несказанно счастлив, потому что совершал что-то неслыханное. Тем не менее я возвращался – для того, чтобы убедиться, что могу сделать это ещё раз. И я это проделал много-много раз – шестьдесят три раза до моего окончательного вознесения. Это стало таким же естественным, как для вас дыхание.

Когда я стал ветром, я понял каким ограниченным на самом деле был я и как свободны были элементы жизни. Когда я стал ветром, я стал невидимой силой, не имеющей формы; я стал пульсирующим светом, я стал неделимым. И так я мог свободно перемещаться в пространстве: пересекать горы и долины, земную толщу и океаны, и никто не мог меня видеть. И, подобно ветру, я обладал силой превращать изумрудные листья в серебро, раскачивать деревья-исполины, заходить в лёгкие младенца, проникать в уста любовника и возвращаться к облакам, чтобы опять разогнать их по всему небу. Когда я стал ветром, я стал пиком движущей силы, силы, не поддающейся укрощению, силы дикой и свободной: свободной от веса, свободной от измерений, свободной от времени.

Когда я стал ветром, я осознал, как мал и беспомощен человек, когда он не знает самого себя, и каким могучим становится он, когда обретает знание. Я познал: на чём человек достаточно долго сосредоточивает свои мысли, движимый одним только желанием, он им становится. Если человек всё время говорит, что он несчастный, бездушный, беспомощный, то он убедит себя в этом и станет таким. Если он называет себя повелителем ветра, он станет повелителем ветра, как стал им я. И если он называет себя Богом, он станет Богом.

После того как я познал всё это, я начал учить моих любимых братьев пониманию Неопознанного Бога, Источника всей жизни. И пришло время, когда я уже был в преклонном возрасте и вся работа над собою, какую я наметил, была выполнена. Я переправился через Индус-реку и там, на склоне горы Индус, в течение ста двадцати дней я передавал свои знания моему народу. Я призвал людей познать, что эти понимания истинны и что источник их божественного руководства находится нево мне, не в ком другом, а в Боге, который сотворил всех нас. И для укрепления их веры – и к их удивлению – я очень плавно воспарил над ними. Женщины от страха закричали. Воины от изумления выронили палаши. Я отдал им честь в знак прощания и призвал научиться тому, чему научился я, и стать тем, чем они желают, как это сделал я.

Только через изучение и понимание элементов жизни, которые, как я обнаружил, сильнее человека и умнее его и которые мирно сосуществуют рядом с ним и несмотря на него, открыл я для себя Неопознанного Бога.

Если вы будете спрашивать у человека: «Как мне следует одеваться? Во что мне следует верить? Как мне следует жить?» – если вы будете спрашивать у него, вы

умрёте. Это истина. Идите к ветру и просите: «Дай мне знание, ветер. Раскрой меня и дай мне познать». И он превратит вас из изумруда в серебро, и унесёт вас в глубины ущелья, и рассмеётся вместе с вами в безудержной свободе.

Мне посчастливилось учиться у элементов жизни. Солнце никогда не проклинало меня, и луна никогда не говорила, что я должен вести себя иначе. И элементы никогда не объявляли меня неудачником. Мороз, роса, запах травы, копошащиеся насекомые, крик ночного ястреба – все они пребывают неизменно и все они просты по своей сути. И самое замечательное в них, в их простоте и жизнестойкости – это то, что они ничего от меня не хотели. Солнце не поглядело вниз и не сказало: «Рамта, ты должен меня боготворить, если хочешь познать меня». Луна не поглядела вниз и не сказала: «Рамта, проснись. Пора обратить внимание на мою красоту». Они всегда были там, когда бы я ни обращал к ним свой взор.

Я учился у того, что есть нечто постоянное, что никогда не осуждает и легко усваивается, если только человек пытается вникнуть в его суть. И поэтому я не стал жертвой искажённого мышления человека с его лицемерием, догмами, предрассудками и многогранным Богом, которому нужно угождать. Вот почему мне было так легко за одну жизнь на этом плане научиться всему тому, что ещё предстоит понять большинству людей, ибо они ищут Бога, созданного интерпретацией другого человека. Они ищут Бога в государственном правлении, в правлении церкви, в истории, которую ещё неизвестно кто и почему написал. Человек основал свою веру, своё понимание, свои мыслительные процессы и все свои жизни на том, что жизнь за жизнью доказывало свою несостоятельность. И всё равно, спотыкаясь о своё собственное искажённое мышление, находясь в плену у своего собственного высокомерия, человек продолжает непоколебимо лицемерить; и это ведёт его только к смерти.

После того как я вознёсся, я познал всё, что хотел познать, потому что я перешел из плотности бренного тела в текучесть мысли; и, совершив это, я уже не был стеснён ничем. Вот тогда я познал, что человек по своей сути есть Бог. До того как я вознёсся, я не знал, что душа существует как таковая, и не понимал динамику вознесения телесного воплощения. Единственное, что я знал, — это то, что я помирился со своим прошлым и помирился с жизнью. Я уже не был невежественным варваром, рвущимся на поле битвы. Я уже не был взвинченным и переутомлённым. Я полюбил жизнь и всё прекрасное, что видел на небесах день за днём и ночь за ночью. Такова была моя жизнь.

Я научился любить себя, когда сравнивал себя с чем-то грандиозным и величественным. Я стал жить полной жизнью, когда собрал воедино всё своё понимание и направил его на самого себя. Вот тогда пришло спокойствие. Вот тогда я стал больше познавать. Вот тогда Неопознанный Бог и я стали единым целым.

Не ветром я стал, а идеалом, который ветер представлял для меня. Теперь я им повелеваю, ибо я стал невидимым принципом – свободным, вездесущим и единым с жизнью. Только тогда, когда я стал этим принципом, я понял Неопознанного Бога и всё, что он есть, и всё, что он не есть, ибо это было то, что я хотел понять. Внутри себя нашёл я ответы, которые позволили мне расширить моё понимание.

Литературный источник
Рамта Белая книга. – М.: ООО Издательский Дом «София», 2006.

САМОПОЗНАНИЕ
(отрывок)

Н. Бердяев

Мир творчества.
«Смысл творчества» и переживание творческого экстаза

Творчество для меня не столько оформление в конечном, в творческом продукте, сколько раскрытие бесконечного, полет в бесконечность, не объективизация, а трансцендирование. Творческий акт есть всегда экс-тасис, есть прорыв в бесконечность. Отсюда возникла у нее трагедия творчества в продуктах культуры и общества, несоответствие между творческим замыслом и осуществлением (С.196). […] под творчеством я все время понимаю не создание культурных продуктов, а потрясение и подъем всего человеческого существа, направленного к иной, высшей жизни, к новому бытию. В творческом опыте раскрывается, что “я”, субъект, первичнее и выше, чем “не-я”, объект. И вместе с тем творчество противоположно эгоцентризму, есть забвение о себе, устремленность к тому, что выше меня. Творческий опыт не есть рефлексия над собственным несовершенством, это есть – обращенность к преображению мира, к новому небу и новой земле, которые должен уготовлять человек. Творец одинок и творчество носит не коллективно-общий, а индивидуально-личный характер. Но творческий акт направлен к тому, что имеет мировой, общечеловеческий, космический и социальный характер. Творчество есть менее всего поглощенность собой, оно всегда есть выход из себя. Поглощенность собой подавляет, выход из себя освобождает (с.197).

Литературный источник
Бердяев Н. Самопознание. – М. Междунар. отношения, 1990.

КАК ЖИТЬ БОЛЬШОЙ ЖИЗНЬЮ НА МАЛЕНЬКОЙ ПЛАНЕТЕ: ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО НЕЗРИМОМУ
(отрывок)

Салара

В чем разница между деревом и диким гусем?

На самом деле разница невелика. В качестве пояснения я хочу рассказать вам одну историю. Несколько лет назад я посетила птичий заповедник в Нью-

Мексико. Время шло к вечеру, и мы остановились на берегу озера, чтобы полюбоваться закатом. Глядя на озеро, я поначалу видела самые обычные вещи: вот деревья отражаются в воде, вот вокруг летают гуси, вот облака в небе. Затем произошло нечто волшебное и совершенно неожиданное: фильтры дуальности начали исчезать. Картина, которую я наблюдала, полностью изменилась. Казалось, я вижу все это впервые в жизни. Ощущение чуда переполняло меня; я радостно засмеялась от того, что наконец-то обрела истинную ясность видения. Все как будто перевернулось с ног на голову.

Мы запрограммированы на то, что всему в этом мире можно дать отдельное определение: дерево – это дерево, облако – это облако. Но сейчас я увидела, что отражение в озере было более правдивым, чем взгляд на каждый предмет по отдельности. Вода озера как бы представляла собой Единое Сердце. На ее гладкой поверхности я видела деревья-в-Едином, птиц-и-облака-в-Едином. Каждый объект был частью этого Великого Единства.

Все на свете переплетено в Едином Сердце. Каждое живое существо испускает из себя мощные, сверкающие нити Любви, пронизывающие окружающее пространство, и вот мы встречаем на своем пути поток другой жизни. Нити нашей любви сплетаются воедино с любовью так называемого «другого», образуя лучезарную мандалу Света. И этот узор – лишь малая часть Голограммы Целостности. Все эти узоры вибрируют, приходя в гармонический резонанс с вибрациями Новой Матрицы. В действительности Новая Матрица совсем не нова, она существовала всегда. Однако мы не в состоянии ее постичь, покуда смотрим сквозь фильтры дуальности.

Литературный источник

Салара Как жить большой жизнью на маленькой планете: путеводитель по Незримому – М.: ООО Издательство «София», 2007.

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭТИКИ

И. А. Ильиных

Я вглядываюсь в ясные черты –
И втянут в пламя вечной красоты.
……..
Покой? О нет! Блаженства вечный сад…
Ибн Аль-Фарид в переводе З. Миркиной

«Красота спасёт мир» – сказал Ф. М. Достоевский. Н. К. Рерих, продолжив мысль, вывел свою формулу спасения: «Сознание красоты спасёт мир». Каким же образом красота может изменить мир до такой степени, что он окажется спасенным? Может ли красота накормить голодных, обогреть замерзающих..., или, может быть, красота действует на другом уровне, вызывая

изменения в психических структурах человека, и он начинает чувствовать мир по-другому или, может быть, изменения затрагивают нравственную сторону человеческого существа? Вопросов возникает множество, но попробуем остановиться на пересечении эстетических и нравственных категорий.

Что же общего может быть между этикой и эстетикой? В эстетической науке центральным является понятие *прекрасного*, в этике – понятие *добра*. Насколько добро может быть прекрасным и добрым прекрасное. Могут ли влиять на проявление и существование друг друга эти два основополагающих принципа жизни.

Конечно, деление на эстетическую и этическую плоскости существования человека весьма условны и, по большей части, являются плодом умственных стремлений человека всё разделять и раскладывать по полочкам. Но в мире всё существует одновременно и переплетено тесно, зачастую до такой степени, что человеку просто не под силу увидеть характер и многообразие этих связей. Всё равно мы обречены на интеллектуальные изыскания. Может быть, в этом смысл познания на данном уровне развития человечества, поэтому последуем своим путем и будем в меру своих умственных возможностей пытаться увидеть нашу проблему – эстетического в этическом – и раскрыть смысл такого взаимопроникновения разных сфер знания и чувствования.

Этика – наука о нравственных основаниях человеческого бытия. Главный вопрос, на который этика пытается искать ответ, такой: как должно быть? Поэтому, отвечая на него, мы рано или поздно приходим к осознанию понятия *идеал* – представлению высшего совершенства в каком-либо отношении. И основанием для воплощения идеала может быть только *абсолютное добро* – добро свободное от каких-либо корыстных мотивов или житейской выгоды. Если этика останавливается на проблемах отношений человека с человеком, то экологическая этика включает в свой круг проблемы отношения к миру вообще со всеми его составными частями: атомами, молекулами, растениями, бактериями, животными… даже к предметам, не относящимся к миру «живых» существ.

Само понятие «эстетика» восходит к греческому слову «aistheticos», которое понимается как «чувственный, относящийся к чувственному восприятию», несмотря на то, что человек как чувствующий субъект откликается на большое разнообразие объектов, вызывающих ответ в органах чувств (на биологическом уровне) и эмоциях, все же к сфере эстетики относятся не все чувства, а только те, которые связаны с переживаниями *прекрасного*, *возвышенного*.

Человек всегда ищет возвышенного, потому что только от соприкосновения с прекрасным он испытывает запредельное состояние наслаждения и блаженства. Встречая прекрасное человек успокаивается и отдыхает от постоянных поисков и метаний – уходит из мира постоянной неудовлетворенности. При этом изменения происходят не только психологически, но и биологически: в кровь выбрасывается гормон наслаждения дофамин.

Что же такое красота? Это *идея воплощенная* (Соловьев, 1990). Идеей в древней философии обозначается умопостигаемая и вечная сущность предмета в противоположность его чувственному и преходящему явлению, которая достойна быть (Философский словарь.., 2000). Таким образом, красота это проявление в материальном мире некой высшей сущности. Постичь эту сущность невозможно, оставаясь только на уровне материальных чувств.

Греческий философ Платон выделяет несколько уровней восприятия прекрасного. *Чувственная тяга, волнующее побуждение* – вот начальный импульс эстетического любования, который вызывает вид физического совершенства. Но данная ступень не является самодостаточной, так как прекрасные тела преходящи в своей привлекательности, время безжалостно к ним, а потому и саму идею красоты нельзя обнаружить на чувственном уровне. Следующий шаг уровень *духовной красоты* человека. Здесь фактически речь идёт об этически-эстетическом. Но, анализируя эту ступень, Платон приходит к выводу, что и прекрасные души непостоянны, бывают неустойчивы и капризны, поэтому идею прекрасного нельзя постигнуть, оставаясь на втором уровне. Третья ступень – *науки и искусства*, но и здесь можно ошибиться, т.к. человеческий опыт слишком разнообразен. И, наконец, четвертый уровень – это высшая сфера *мудрости, благо*. Таким образом, Платон приходит к пределу, где в единой точке *всеобщего блага* соединяются линии всех совершенств реального мира. Платон разворачивает иерархию красоты (Платон, 1968).

В основе сильной тяги к чувственной красоте, по мнению Платона, лежат любовные отношения. Причем он трактует любовное переживание широко – как идущее из Космоса, понимает под ним напряженное бесконечное стремление, заданное силой высших идей. Любовное стремление – это некое всемирное тяготение. Всякая вещь стремится к своему пределу, а в человеке таким стремлением он считает силу Эрота – любви. Здесь любовное стремление выступает в качестве вечного, напряженного и бесконечного стремления человека. В силу этого любовное переживание лежит в основе эстетического чувства удовольствия. Все побуждения и поступки людей – результат трансформации импульсов сильной любовной тяги, которая живет внутри каждого (Кривцун, 1998).

Индийский мудрец Шри Ауробиндо, живший в 20 в. говорит, что красота – это воплощение божественного мира в материальном и созерцание красоты неизбежно вырывает человека из мира обыденности и относительности и выводит на уровень божественный, откуда проистекает все существующее в мире. Таким образом, красота способна привести человека прямо к Богу и высшему благу, абсолютному благу. Бог есть красота и блаженство, скрытые под разнообразием внешних обличий и форм (Шри Ауробиндо, 1998).

Плотин, греческий философ, последователь идей Платона об иерархическом мире, полагает, что любые прекрасные вещи и явления оказываются возможными благодаря тому, что происходит истечение (нисхождение) тех высших смыслов, которые составляют природу красоты (Плотин, 1995).

В эстетике существует красота относительная (когда можно сравнивать степень превосходства одной формы красоты над другой) и красота абсолютная (самая превосходная степень прекрасного – верх совершенства, к которому ничего нельзя добавить и сравнить не с чем). Так же и в этических категориях доброты возможно относительное и абсолютное.

В своей статье «Красота в природе» русский философ Вл.С.Соловьев говорит, что в красоте, как в одной из определенных фаз триединой идеи, необходимо различать общую идеальную сущность и специальную эстетическую форму. Только эта последняя отличает красоту от добра и истины, тогда как идеальная сущность у них одна и та же – достойное бытие или положительное всеединство, простор частного бытия в единстве общего. Этого мы желаем как высшего блага, это мыслим как истину и это же ощущаем как красоту; но для того, чтобы мы могли ощущать идею, нужно чтобы она была воплощена в материальной действительности. Законченностью этого воплощения и определяется красота как таковая в своем специфическом признаке.

Всемирная идея в самой общности своей представляется необходимо с трех сторон. В ней различаются: 1) свобода или автономия бытия, 2) полнота содержания или смысла и 3) совершенство выражения или формы. Без этих двух условий нет идеального бытия.

Критерий идеального бытия вообще есть *наибольшая самостоятельность частей при наибольшем единстве целого*. Критерий эстетического достоинства есть *наиболее законченное и многостороннее воплощение этого идеального момента* в данном материале (Соловьев, 1990).

Для этики важно отношение к другому человеку для экологической этики отношение к другому существу окружающего мира, с кем приходит в соприкосновение человек. Если добрый поступок приобретает еще и категорию красоты, то он становится еще более сильно действующим на других существ. Здесь важно развитое эстетическое чувство – чувство прекрасного. Чувство прекрасного может быть ведущим в нравственной структуре человека. Человек способный чувствовать прекрасное будет стремиться и к прекрасным поступкам. Но, чтобы прекрасное было таковым не только по форме, но и по сути – т.е. наполненным добротой – в этом процессе должна участвовать *душа человека* – божественная по природе сущность. Душа человека становится наполнителем смысла поступков и если они будут исходить из абсолютного добра и направлены на абсолютное добро, то они будут прекрасны и будут красивы неизбежно. Главное найти ту точку опоры в душе, исходя из которой любое действие человека будет иметь и этическое и эстетическое направление и содержание – совмещенное этико-эстетическое. Тогда действительно красота спасет мир, потому что мир будет и красивым и добрым одновременно.

Литература

1. Кривцун О.А. Эстетика. – М.: Аспект Пресс, 1998. – С. 25.
2. Платон Гиппий Больший. Ион. Федр. Пир // Платон. Соч.: В 3 т. – М., 1968. – Т. 1, 2.

3. Плотин Эннеады. – Киев, 1995. – С. 16-25; 191-210.
4. Соловьев Вл. С. Красота в природе // Соловьев Вл. С. Сочинения 2 т. – М.: Мысль, 1990. –Т. 2. – С. 360-363.
5. Философский словарь Владимира Соловьева. – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 2000. – С. 142.
6. Шри Ауробиндо. Биография. Глоссарий. – СПб.: Изд-во «Адити», 1998. – С. 469-470.

САД ИСТИН

Омар Хаям

Притча о красивом лице

Красивое лицо – это большое счастье для того, кому оно ниспослано, и для того, кому выпала радость им любоваться. Созерцание красивых лицом улучшает настроение людей и радует их так же, как и счастливое сочетание небесных светил.

Красивое лицо благоухает само по себе, а его обладатель не нуждается ни в каких благовониях. Красивое лицо как солнце, отраженное в чистой воде. Оно светит и в отсутствие солнца, поскольку красота лица, как и сияние солнца и светил, есть проявление воли Всевышнего.

Все народы земли воспевают красоту лица. Многое из того, что создано Творцом, приятно взору человеческому, но красота всех этих творений никогда не сможет заменить красоту лица, ибо радость от созерцания никогда не сравниться с радостью, охватывающей людей при виде красавицы или красавца. Если же этот высокий дар красоты пришел в человеке с добрым нравом, то человек этот дорог Господу и мил людям.

Известны четыре качества, присущие красивому лицу:

- красивое лицо делает благополучным того, кто его созерцает;
- созерцание красивого лица доставляет человеку истинное наслаждение;
- вид красивого лица пробуждает в человеке великодушие и доблесть;
- красивое лицо помогает достичь богатства и высокого положения и тому, кто им обладает, и тому, кто им любуется.

Если человеку выпало счастье утром полюбоваться красивым лицом, то весь день будет для него счастливым.

Красивое лицо вызывает уважение к себе. Оно молодит старика, юношу превращает в малого ребенка, а ребенок с красивым лицом становится ангелом. Даже только находясь поблизости от красивого лица, человек ощущает прилив уверенности в себе, отступают его невзгоды, и у него начинают лучше идти дела.

Говорят, что пророк, да благословит его Аллах и приветствует, однажды сказал:

«Все, что нужно, требуйте и получайте у тех, кто получил в дар от Аллаха красивое лицо».

Люди по-разному называют красивые лица: одни считают их ареной любви, другие называют их светом очей и усладой глаз, третьи считают их украшением жизни и подтверждением существования рая. А те, кому приоткрыто высшее знание, считают, что красивое лицо доказывает существование Аллаха и представляет собой видимый след Его милости и милосердия, отражая красоту и гармонию мира, созданного Творцом.

Некоторые полагают, что красивое лицо дается Создателем в награду за заслуги в прежней жизни, другие считают этот дар случайным дождем милости Господа и полагают, что получивший этот дар обретает способность совершать чудеса и легко находить кратчайший путь к истине.

Султан Махмуд и его любимец

Рассказывают, что будущий султан Махмуд, еще будучи принцем, как-то возвращался с охоты. У городских ворот он вдруг заметил мальчишку лет двенадцати в нищенской одежде. Но даже грязные лохмотья не могли скрыть от внимательного взгляда его стройный стан. Еще более поразила Махмуда совершенная красота его лица, и он потребовал, чтобы этого мальчика доставили к нему во дворец.

Выйдя к нему, Махмуд спросил: «О мальчик, кто твой отец?»

«У меня нет отца, и я живу с матерью», – ответил мальчик.

«А чему ты учишься?» – продолжал спрашивать Махмуд.

«Я учу наизусть Коран», – последовал ответ мальчика.

Махмуд приказал выполнить мальчику несколько поручений и был удивлен его умом и сноровкой.

После этого Махмуд приказал привести к нему мать этого мальчика, и, когда она предстала перед ним, он обратился к ней, сказав:

«Я ввел твоего сына во дворец, и теперь я буду его воспитывать, чтобы он вырос достойным человеком. Не волнуйся и не переживай — с ним будет все в порядке».

Он щедро одарил ее, а самого мальчика велел одеть в шелка и поручить учителям научить его читать, писать, ездить верхом и пользоваться оружием.

Каждое утро мальчик приходил к дверям опочивальни Махмуда, и первым, что тот видел, выходя из нее, было прекрасное лицо мальчика. Он постоянно ощущал благотворное влияние этого несравненного зрелища на свою жизнь и на свои дела. И он, стараясь сделать красоту мальчика предельно совершенной, заботился о красоте его одежды и всего, что было на нем.

Махмуда радовало в мальчике растущее чувство собственного достоинства, не имеющего ничего общего с хвастовством или заносчивостью, и он смело расточал ему милости и богатство, не боясь испортить его благородный нрав.

Со временем Махмуд стал так нуждаться в обществе мальчика, что обычно даже часа не проводил без него. Проходящие годы только

совершенствовали облик мальчика, и, когда ему исполнилось восемнадцать лет, во всем мире не было равного ему по красоте лица.

Ежедневное общение с совершенной красотой приносило Махмуду, уже ставшему султаном, успех и удачу во всех его делах, и он сумел завоевать не только города Хорасана, но и несколько областей Индии.

Но как-то этот мальчик опоздал к Махмуду, и, когда он появился, султан уже был сильно раздражен и в гневе сказал ему:

«Как ты смеешь! Ты забыл, кем ты был и кем я тебя сделал! Моя милость и богатство, которым я наделил тебя, изменили твою жизнь, так как же ты мог не быть со мной, зная, что я тебя жду?»

Выслушав эти упреки, мальчик ответил:

«Теперь, султан, выслушай меня. Ты прав во всем. Ты поднял меня из грязи к вершинам бытия. Сейчас я богат. У меня сотни тысяч динаров, имения, слуги, бесчисленные стада. Ты уравнял меня с самыми высокопоставленными людьми этой страны. Но твои щедрые дары и милости не должны служить мне попреком. Если ты пожалел о своей щедрости, то пусть это будет попреком твоему сердцу, ведь именно сердцем ты воспринимаешь меня, как прекрасное зрелище, и я есть тот цветник, в котором отдыхает твое сердце. И ты своими дарами и милостями украшаешь зрелище и цветник своего сердца, а не меня, хотя я и возношу молитву благодарности тебе за свою счастливую судьбу».

Эмир Хорасана и прекрасная невольница

Рассказывают, что эмир Хорасана Абдаллах ибн-Тахир рассердился на одного из своих военачальников и посадил его в тюрьму. Многие обращались с просьбами простить и выпустить заключенного, но гнев эмира был сильнее этих ходатайств, и просившие потеряли надежду помочь несчастному.

Но у находившегося в тюрьме военачальника была весьма находчивая служанка. Просьбу пощадить своего хозяина она изложила в письме, и, когда настал день суда, она, закрыв по обычаю лицо, пришла к ибн-Тахиру и, вручая ему письмо, сказала: «О эмир, помнишь ли ты арабскую пословицу: «нашедший дает, а могучий прощает»?»

«Но грех твоего хозяина превыше надежды на его помилование!» – ответил ибн-Тахир.

«О эмир, я пришла не одна и надеюсь, что мне поможет мой заступник, с которым трудно спорить!» – ответила бойкая служанка.

«Что-то я не вижу твоего заступника, которому, как ты говоришь, я не смогу даже возразить!» – воскликнул эмир.

«Ты сейчас увидишь его!» – сказала служанка и открыла свое лицо одному только эмиру.

В жизни своей эмир еще не видел такой красоты, и, когда его растерянность прошла, он улыбнулся и сказал:

«Как велик твой заступник, и как мала по сравнению с ним твоя просьба!».

И он приказал тут же освободить военачальника, одарил его халатом и другими подарками. Так велико могущество красивого лица.

Литературный источник
Омар Хаям. Сад Истин. Рубаи. – М.: ЭКСМО, 2003.

ПРАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА

«Мир Высших чувств»

Задание 1. Поразмышляйте над словами, определяющими Высшие чувства:

Любовь	*Сострадание*
Сочувствие	*Сопереживание*
Сотрудничество	*Благородство*
Верность	*Доброжелательность*
Мудрость	*Терпение*

Задание 2. Какие из вышеприведенных чувств являются качествами Вашей личности, т.е. вы способны их чувствовать, и они являются частью Вашей природы? Какие чувства вы пока не испытывали, но хотели бы испытывать?

ВОПРОСЫ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

1. Лювовь – высшее чувство. Согласны ли вы с этим утверждением?
2. Что значит понятие «высшие чувства»?
3. Почему современный человек, в большинстве своем, не умеет любить?
4. Иисух Христос сказал: «Мое иго легко»? Как Вы понимаете эту фразу?
5. Любовь как высшее чувство, а не как эмоция симпатии, содержит в себе все положительные (высшие) чувства и все они находят свое развитие в любви, они завершаются в любви, любовь их содержит уже по определению. Поэтому, любящий человек – человек совершенный, человек идеальный, с точки зрения этики. Что Вы думаете по этому поводу?
6. Что значит понятие «высшие состояния сознания»? Был ли у Вас опыт переживания такого состояния?

ЗАНЯТИЕ 13

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Цель работы – понять сущность экологического сознания отдельного человека и общества, выявить его типы и стадии развития.

СУЩНОСТЬ И ТИПЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

И. А. Ильиных

Экологическое сознание – сформированная в виде понятийного аппарата система отношений человека к его связям с внешним миром, к возможностям и последствиям изменения этих связей в интересах человека или человечества, а также распространение существующих концепций и представлений, имеющих социальную природу, на явления природы и их взаимные связи с человеком (Медведев, Алдашева, 2001). Это определение было бы полным если бы мы добавили в него создающую и отражающую функцию сознания. Сознание в целом имеет двоякую функцию: создания окружающего мира, т.е. формирования его из нематериальных субстанций в материальные вещи, можно назвать такую функцию сознания *творящей,* и отражающую, т.е. обрабатывающую информацию исходящую от уже существующих материальных и ментальных объектов, создавая таким образом картину мира видимого и пред(пост)видимого мира. Создавая, а потом, осознавая занаво это созданное, к тому же еще и управлять двумя этими процессами в прямом и обратном направлении – в этом и состоит фундаментальная роль сознания вообще и экологического, в частности.

Теперь стоит внести ясность в различение понятий «сознание» и «экологическое сознание». Какие особые качества имеет экологическое сознание? Если вспомнить определение понятия «экология», то станет ясно, что для нее основным предметом внимания является сфера *взаимодействия* «живых» существ друг с другом и средой «живой» и «неживой». Где провести границу в понятиях «живой» и «неживой» это сфера отдельного размышления. И если вспомнить, что само слово «экология», составлено из двух греческих слов, одно из которых означает «дом, обитель, родина и др.», то и здесь трудно провести границу, чтобы определить объект внимательного рассмотрения данной науки. Поэтому на каком-то уровне экология может включать в себя практически все науки, которые как-то помогают раскрыть внутреннюю или внешнюю суть *взаимодействия*. Тогда понятие «экологическое сознание» может слиться с понятием «сознание», в той части, где есть *взаимодействие* сознания с миром или взаимодействие частей сознания между собой.

Среди многочисленных видов и форм взаимодействия со средой выделяются два аспекта: влияние среды на человека и влияние человека на среду и отражение этого влияния в сознании. Одни влияния проходя мимо сознания оказывают воздействие на физиологические процессы организма, другие отражаются в сознании и, преобразуясь в новую ментальную форму, воздействуют на тело самого человека и окружающую его среду. Некоторые современные ученые начинают открывать заново роль сознания в процессах взаимодействия человека с окружающим миром и природой в том числе.

Для понимания «экологического сознания» необходимо выделить уровни его проявления. Науке сегодняшнего дня известны два уровня сознания: общественный и индивидуальный (или отдельного человека или отдельной личности). Уровень общественного сознания может очень сильно отличаться от индивидуального сознания человека, т.к. он не является простой суммой индивидуальных сознаний. За общественное сознание принимается оформленные в виде слов мнения, утверждения, словесная оценка или описание взглядов и т.д. Все это запечатлевается в средствах массовой информации, научных изданиях и др. формах материальных носителей информации, сохраняется и предается устно от человек к человеку. Вся эта информация существует обособленно, независимо от того, кто ее создал. В целом общественное сознание это очень консервативная и трудно меняющаяся структура. Потому, что она имеет большие размеры и более структурирована. Она тоже способна вступать во взаимодействие с индивидуальным сознанием и оказывать влияние на него и отдельное сознание также способно видоизменять общественное сознание как в форме высказанных вслух мыслей, так и мыслей не высказанных и даже не оформленных, нечетких, но имеющих определенную смысловую и эмоциональную нагрузку. Структуру сознания определяют в основном с помощью опроса граждан.

Взаимоотношения с природой занимают особое очень важное место в структуре сознания современного человека. Основываясь на определении ценности природы выделяют три основных типа современного общественного сознания жителей России: техноцентрический, экоцентрический и натуроцентрический и два второстепенных: традиционалистский и неприсоединившиеся. Техноцентрический тип является господствующим (до 40% населения) и характеризуется познавательно-потребительским отношением к природе, безразличным отношением к состоянию окружающей среды, восприятием ее как «пользы» и «сырья» для человеческой деятельности. Установка на эксплуатацию окружающей среды сочетается с игнорированием перспективы выживания природы, а значит, и человечества. Для экоцентрического типа (до 10%) характерно познавательно-ценностное восприятие природы, стремление строить взаимоотношения с окружающим миром на взаимовыгодной основе, рассматривая природу как самую большую ценность, предоставляющую возможность жизни. Выход из экологического кризиса его сторонники видят через осознание нравственного долга перед природой и гармоничное с ней развитие. Натуралистический тип (11%) характеризуется эмоциональным восприятием самостоятельной ценности окружающего мира, отношением к человеку, как к одной из органических элементов природы. В основе взаимосвязи с окружающим миром лежит патриархальное отношение к природе как матери всего живого. Для решения экологических проблем приверженцы предлагают вернуться «назад к природе». В обстановке повышения риска возникновения чрезвычайных ситуаций выделен «традиционный» тип современного экологического сознания (до 10%), который проявляется в ходе протестных выступлений населения при каком-либо локальном конфликте. Характеризуется ориентацией на запретительство,

неверием в возможность применения экологически чистых технологий, повышенной требовательностью к властям. Оставшиеся 29% опрошенных относятся к «неприсоединившимся», которых отличает экологическая пассивность. Мнение именно этой экологически пассивной и многочисленной части населения, к сожалению, имеет право решающего голоса при принятии общественно значимых решений, поэтому необходимо стремиться воздействовать на нее с целью привлечения на сторону принятия экосообразных решений (www.ecoinform.ru).

Таким образом, доминирующим сознанием сегодняшнего дня пока является сознание, рассматривающее не только природу (отношение к природе частный случай отношения к миру), но мир вообще как ресурс для человека, как источник удовлетворения потребностей, как совокупность объектов, которые нужно приобрести, захватить, заиметь. Деятельность человека отражает уровень его сознания. Но, чтобы не останавливаться на пессимистической ноте, хочется подчеркнуть мысль о *взаимодействии* всего и вся в этом мире. Всё взаимодействует со всем и всё оказывает влияние на всё. Отдельное индивидуальное сознание наполненное любовью к миру, в целом, и к природе, в частности, воздействует на другое сознание и напитывает его соответствующей информацией о любви, единстве, целостности, об истинных ценностях мира и рано или поздно потребительское, технократическое сознание и мышление преобразуются в новое натуроцентрическое или экоцентрическое, потому что эти типы отношений с миром более прогрессивные с точки зрения духовно-нравственного компонента и стоят на боле высокой ступени эволюционного развития человека, общества и природы.

Литература

1. Медведев В.И., Алдашева А.А. Экологическое сознание. – М.: Логос, 2001. – 384 с.
2. www.ecoinform.ru

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ, ОПРАВДЫВАЮЩЕГО ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ПРИРОДЕ

Т. Н. Павлова

Доминирующим мировоззрением человечества на протяжении многих веков был антропоцентризм (если в центре внимания находится человек и его потребности, признается, что только человек имеет ценность и, следовательно, человек имеет нравственный долг перед людьми, то такая философская концепция называется *антропоцентризм*). Человек противопоставлялся всем живым остальным существам на Земле и считалось само собой разумеющимся, что только интересы и потребности человека имеют важность, все остальные существа не имеют самостоятельной ценности. Это мировоззрение передает

крылатое выражение: «Все для человека». Философия, религия Запада поддерживали убеждение в уникальности человека и его места в центре Вселенной, в его правах на жизнь всех остальных живых существ и саму планету.

Возникновение антропоцентризма как мировоззренческой концепции относится к античной эпохе. В Древней Греции существовало несколько философских школ, одна из которых, основанная Аристотелем, признавала правомерность неравенства между людьми, в частности, рабства, и усматривала пропасть между людьми и животными; считалось, что животные созданы для блага человека. Это учение Аристотеля было изложено в более примитивном виде исследователем Аристотеля Ксенофонтом. Антропоцентризм Ксенофонта был удобной философией, освобождавшей человека от угрызений совести по поводу судьбы других существ, и приобрел большую популярность. Значительную поддержку это учение получило в лице католического религиозного философа XIII века Фомы Аквинского.

В своей работе «Сумма теологика» Фома Аквинский утверждает, что растения и животные существуют не ради самих себя, а ради человека; бессловесные животные и растения лишены разума и поэтому естественно, что они используются человеком для его пользы.

Доктрина Фомы Аквинского стала одной из важнейших религиозных концепций в Западной Европе в отношении животных. Его идеи стали ставиться всерьез под сомнение лишь в XVIII и XIX веках.

В настоящее время антропоцентризм начинает рассматриваться как негативная форма мировоззрения. По словам М.В.Гусева (Московский университет, биофак) антропоцентризм продолжает представлять одну из разновидностей дискриминационных воззрений людей, не отвечающих требованиям истинной этики. Если наиболее низкому нравственному и духовному уровню человечества отвечала такая позиция, как эгоцентризм, близко к которой стоят расизм, национализм, то антропоцентризм недалеко отстоит от этих воззрений – считая правомерным удовлетворять только интересы человека и делать это за счет других биологических видов. Антропоцентризм показал себя несостоятельным и как философия, и как научный подход к определению статуса человека в природной среде, и как практическое руководство к действию, оправдывающее любые поступки человека по отношению к другим живым формам. Антропоцентризм ориентировал общество на максимальное потребительство; человек рассматривал природную среду, животных и растения как свою кладовую, как неисчерпаемый источник материальных благ.

Развитие технологии, расхищение природных богатств, уничтожение животных и растений, загрязнение окружающей среды привело к истощению природных ресурсов и поставило человечество перед глобальным экологическим кризисом. Для человечества стало очевидно, что необходимы новые мировоззренческие ориентиры, которые бы не противопоставляли человека природе.

Альтернативные эколого-этические концепции

Наиболее значимым событием в области создания альтернативных этических концепций был выход книги Альберта Швейцера «Культура и этика» в 1924 году, где он обосновывал новую этику – универсальную, «этику благоговения перед жизнью». Основным положением этой этической теории стало требование нравственного отношения ко всему живому, моральная ответственность человека за все, что живет.

Возникла новая область знания – экологическая этика, которая основывалась на нравственном отношении ко всему живому.

Успехи развития этической мысли в области взаимоотношений человека и других живых существ на земле позволили укрепиться новой мировоззренческой концепции – *биоцентризм*у. Если признается, что человек имеет нравственный долг перед всеми живыми существами на Земле, призван оберегать все живое, животных и растения, то такого рода мировоззрение имеет название биоцентризма, т.е. в центре внимания находится «биос» – жизнь, живое. Философской основой биоцентризма являются стратегия ненасилия, принцип непричинения зла всему живому – ахимса.

Профессор М. В. Гусев утверждает, что биоцентризм является наиболее этичной философской концепцией; биоцентризм предполагает, что не один вид или несколько видов, а все живое имеет право на существование, что именно биос, а не просто человек должен встать в центре внимания. Права биоса должны быть защищены в законодательных документах. Биоцентрический подход к пониманию роли и места человека в природе поможет правильно решать и вопросы экологического характера.

Одной из форм претворения в жизнь принципов биоцентризма должно стать изменение отношения к потреблению, поскольку концепция «все для человека» утрачивает силу. Иными словами, человек как потребитель обязан учитывать интересы и других видов, в частности: для животных – сохранение мест обитания, условий для их выживания; становится недопустимой жестокая эксплуатация земли, уничтожение лесов, связанные с удовлетворением потребностей человека, например, в продукции животноводства.

Недостатком биоэтической концепции является то, что в сферу ее проблем входит только взаимодействие человека и животных. Этичное отношение человека к растениям и другим формам жизни еще не разработано.

Космоцентризм – мировоззрение, в основе которого лежит осознание человеком самого себя и любого «живого» или «неживого» существа, т.е. каждой частички, равноправной частью Вселенной имеющей свое назначение и свое место в ней. «Все связано со всем» – одни из тезисов такого мировоззрения. В основе всего сущего лежит единая субстанция, которая пронизывает собой все мироздание. Каждая частичка Вселенной имеет такое же право на существование, как и человек и в этом смысле человек равен любой молекуле или даже атому. Отношение к миру человека с таким мировоззрением любовное, бережное, уважительное отношение ко всему, что есть во Вселенной.

Литературный источник

Павлова Т.Н. Биоэтика в высшей школе. – М.: МГАВМиБ им. К.И. Скрябина, 1997.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

С. Д. Дерябо

Экологическое сознание в эпоху античности

Античная культура, сформировавшаяся в X–XI вв. до н. э. и завершившая свое существование в IV–V вв. н. э., явилась первым этапом в формировании современного типа общественного экологического сознания.

Античность представляет собой завершающий этап в развитии мифологии, бывшей ведущим типом сознания практически до V в. до н. э., когда стало складываться присущее современному человеку научно-логическое мышление. В эпоху античности окончательно закрепилась подготовленная всем ходом развития общественного экологического сознания возникшая на последних этапах архаики психологическая противопоставленность, явившаяся, как уже говорилось, результатом возникновения представлений о богах как творцах природы и, соответственно, “равенства в отчужденности” между людьми и природой. Особенно показательно появление в греческой мифологии таких богов как Прометей, Гефест, которые создают для людей различные предметы культуры, добывают огонь, вводят металлы и т.д.: в них нашло свое осмысление подчинение людьми природы, ее освоение и “укрощение”.

По сравнению с архаической эпохой в экологическом сознании произошло первое в процессе его эволюции фундаментальное не количественное, а именно *качественное* изменение: психологическая включенность человека в мир природы сменилась психологической противопоставленностью.

Таким образом, *первая характерная черта античного экологического сознания – психологическая противопоставленность человека и природы*.

Дополнительным фактором, увеличивающим противопоставленность человека и мира природы, стало то, что в эпоху античности началось научное осмысление природы, причем не только для конкретных нужд практики, как это было, в основном, до этого.

Природа стала *объектом изучения*, а гносеологическая парадигма “подпитывает” объектность восприятия. И хотя она при этом не лишалась “души” (например, Аристотель даже звезды считал одушевленными), но душа у нее менее “качественная”, чем человеческая. Разделение Платоном “разумной” (человеческой) души и “чувственной” (животной) ярко демонстрирует противопоставленность человека и природы, его принципиальное превосходство над ней с точки зрения античного сознания. Характерно в этом плане высказывание римского историка Саллюстия: “Всем людям, стремящимся отличаться от остальных, следует всячески стараться не прожить

жизнь безвестно, подобно скотине, которую природа создала склоненной к земле и покорной чреву. Вся наша сила ведь – в духе и теле; дух большей частью повелитель, тело – раб; первый у нас – общий с богами, второе – с животными".

В эпоху античности произошло разделение того, что имеет "душу", и того, что является субъектом. Поэтому наличие у природных объектов "души" вовсе не означало для античного человека, что они являются субъектами, относятся к сфере "человеческого", равны в своей самоценности человеку и уж тем более не означало, что они способны осуществлять специфически субъектные функции. Как считал Аристотель: "Ни дружбы, ни права не может быть по отношению к неодушевленным предметам. Невозможна дружба и с конем или быком или рабом в качестве раба... потому что раб – одушевленное орудие, а орудие – неодушевленный раб".

И тем не менее, *вторая характерная черта античного экологического сознания заключается в том, что оно ближе к субъектному, чем к объектному восприятию природы*. Это противоречие связано с противоречивостью, двойственностью самого античного сознания: с одной стороны, для античности свойственно уже научно-логическое мышление, приводящее к объектному восприятию природы, но с другой – миф, мифологическое мышление не исчезают полностью, а становятся как бы "подтекстом" научно-логического, особенно в период заката античности, обеспечивая действие механизмов атрибуции субъектности, присущих архаической эпохе.

Поскольку античный мир – это мир космоса, гармонии, порядка, мир, пронизанный божественным началом, природа как часть этого мира выступает в качестве образца, идеала гармонии, которой человек должен учиться у нее, подражать ей в своей повседневной жизни. Красота, совершенство природы становятся одной из популярных тем античной литературы, искусства в целом.

В связи с этим в эпоху античности существовало понимание ценности непрагматического взаимодействия с миром природы: для античного человека природа – это не только материальная, но еще и духовная ценность.

Поэтому *третья характерная черта античного, экологического сознания заключается в том, что взаимодействию с миром природы свойствен не только прагматический, но и непрагматический характер.*

Таким образом, античная эпоха, закрепив психологическую отчужденность человека и мира природы, и, в определенном смысле, подготовив их абсолютную противопоставленность в последующие века, стала первым качественным этапом в формировании современного экологического сознания.

Экологическое сознание в Средние века

Начало следующего этапа в формировании современного экологического сознания связано с появлением монотеистических религий, в частности, христианства. Для средневекового сознания, господствовавшего в Европе почти тысячу лет с V вплоть до XV вв., идеологическим стержнем которого

было христианство, характерна жестко иерархизированная картина мира, вся поставленная под знак Бога.

Система представлений в христианстве строится на основе иерархии “Бог – человек – природа”. Как писал Аврелий Августин в трактате “О Граде Божием”: “В ряду того, что каким-то образом существует, но не есть Бог, его сотворивший, живое помещается выше неживого, способное рождать и испытывать желания – выше того, что не способно к этому. А среди живых существ чувствующие стоят выше нечувствующих, как, например, животные стоят выше растений. Среди же чувствующих разумные стоят выше неразумных, как люди – выше животных. А среди разумных бессмертные стоят выше смертных, как ангелы – выше людей. Все это помещается одно выше другого в силу порядка природы”. Иными словами, противопоставленность человека и мира природы определена и освящена волей Бога.

Таким образом, для средневекового экологического сознания характерна абсолютная психологическая противопоставленность человека и природы.

Продолжение процесса субъектогенеза приводит к тому, что в христианской культуре еще больше возрастает степень субъектности человека. В античной картине мира люди действуют не сами по себе, все свершается по воле богов, они участники человеческой драмы, на Земле вершится божья воля. Но и над самими богами властвует судьба, перед которой они бессильны (незавершенность субъектогенеза приводит к тому, что даже боги не являются до конца субъектами).

В христианстве же Бог поднимается на абсолютную высоту: все есть Бог, ничто не может быть вне Бога и не по воле Бога. А коль скоро человек богоподобен, то поднимается в мировой иерархии и он: христианство провозгласило право личности на выбор – выбор своего поведения, своей позиции в противостоянии Бога и дьявола, причем выбор самостоятельный, добровольный и ответственный. В результате христианская средневековая культура открывает неведомую для античности категорию совести.

Но поставив человека на вершину пирамиды земного мира, христианство кардинально меняет характер восприятия природных объектов. Главное отличие человека, созданного “по образу и подобию” божьему, от всего природного – наличие у него нематериальной божественной души.

Если античность, сделав природу объектом научного изучения, оставляла всему природному “право” на душу, то христианство их этого полностью лишило. Вместе с ней природные объекты лишаются и своей самоценности: они представляют интерес только в той мере, в какой могут служить человеку и быть полезными ему. Характерно, что в сцене изгнания бесов Христос вселяет их в свиней, которые гибнут в пропасти: ни жалости к этим животным, ни намеков на размышления о том, зачем всемогущему Христу для изгнания бесов понадобилась смерть ни в чем не повинных животных. Все эти вопросы немыслимы для христианского сознания, поскольку невозможно сопереживание тому, что воспринимается как объект.

Таким образом, для средневекового экологического сознания характерно абсолютно объектное восприятие природы.

Закрепив абсолютно объектное восприятие природы, Средневековье явилось вторым качественным этапом в формировании современного экологического сознания.

Христианство также кардинально изменило и характер взаимодействия с миром природы, переведя его в плоскость прагматизма. Оно освободило человека от обязанности боготворить природу, дало ему неограниченную свободу в обращении с ней, превращенной в “сырье”, лишенное какого бы то ни было священного смысла. Христианство утвердило представление о санкционированном самим Богом потребительском, прагматическом использовании природы. Красноречив в этом отношении текст Библии: “И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле” (Бытие, 1:26).

Таким образом, для средневекового экологического сознания характерен прагматический характер взаимодействия природой.

Итак, христианство, сформировав представление о жестко иерархической картине мира, поставленной под знак Бога, в которой человеку отведено высшее из всего земного положение, об отсутствии какой-либо самоценности природного, санкционированном Богом прагматическом использовании природы, завершило отчуждение от нее в религиозной форме.

Экологическое сознание Нового времени

Но впереди еще ждало отчуждение от природы, освященное наукой. Важнейшую роль в этом сыграло картезианство, возникшее в XVII в. и ставшее одной из философских основ современной цивилизации.

Его исходным пунктом являлось представление о человеке-субъекте и мире-объекте, которым человек манипулирует. В этом смысле картезианство венчает собой развитие, коренящееся в самой сущности человека и состоящее в том, что человек во всех отношениях радикальным образом выделяется из мира. Оно логически завершило берущую истоки в античности, но ставшую центральной именно для христианства тенденцию приближения человека к Богу и постановки его на высшую ступень в земной иерархии. Человеческая личность, воспитанная в течение полутора тысяч лет на опыте абсолютной личности, захотела теперь сама стать абсолютом.

В культуре классицизма, господствующей в XVII–XVIII вв., одной из основ которой и являлось картезианское учение, природа отодвигается на периферию мира. Более того, в классицистическом сознании доминирует представление о том, что природа прекрасна лишь тогда, когда она “облагорожена” человеком-творцом, демиургом (вспомним так называемый “английский газон”). Если христианство лишило природные объекты души, то классицизм лишил ее права даже оставаться самой собой, в своем естественном состоянии. Таким образом, благодаря картезианству, в экологическом сознании Нового времени психологическая противопоставленность человека и природы достигла максимальной степени. Картезианство утверждало абсолютную

ценность человеческого разума, субъективности в целом, а поскольку внечеловеческая природа ими не обладает (животные и растения по Декарту – машины, лишенные внутреннего мира), то, соответственно, ее ценность несоизмеримо ниже. А раз так, то препарирование животного ничем не отличается от разборки часов – гордиев узел этических сомнений о допустимости таких действий разрублен окончательно.

В результате, в экологическом сознании Нового времени объектность восприятия природы также достигла максимальной степени.

Характерно, что конечную цель знания картезианство видело в господстве человека над силами природы, в открытии и изобретении технических средств, которые позволяли бы это господство обрести – "человек – царь природы". Природа не должна существовать и развиваться "просто так", она должна служить человеку. Если христианство разрешило прагматическое использование природы, как санкционированное Богом, то картезианство призывало к нему.

Как следствие, в экологическом сознании Нового времени взаимодействие с природой носит абсолютно прагматический характер.

Абсолютизировав прагматический характер взаимодействия с природой, Новое время стало третьим качественным этапом в формировании современного экологического сознания.

Как это ни парадоксально звучит, но картезианская наука просто впитала в себя по наследству религиозное представление о богоизбранности человека, в ходе своего развития избавившись от идеи самого бога за ненадобностью. Последний шаг в формировании полной отчужденности от природы был сделан: она признана лишенным всякой самостоятельной ценности объектом манипуляций во имя научного знания и прогресса. Авторитет Библии оказался подкреплен авторитетом науки. При всем их антагонизме здесь они оказались едины.

Следует отметить, что тенденции развития экологического сознания в Новое время не являются прямолинейными, как может показаться на первый взгляд. Достаточно вспомнить относящуюся к этому же периоду культуру Ренессанса, которая "реабилитировала" материю и материальное, а соответственно, и природу, поскольку в ней "взгляд по вертикали" (на Бога) сменился "взглядом по горизонтали" (на земной мир); культуру сентиментализма, противопоставившего природу и социум, с его абсолютно позитивной оценкой первого и негативной – второго; природу в культуре романтизма, в которой была радикально преодолены дихотомии "дух – материя", "божественное – профанное" и т. д.

И далеко не все мыслители Нового времени стояли на тех же позициях, что и Декарт: например, Лейбниц приписывал душевную жизнь всему сущему, у Шеллинга и Гегеля природа, будучи неодушевленной в своих неорганических формах, понимается как нечто, чьей целью является субъектность, даже если она и достигается лишь после долгого процесса развития и т. д.

Но "железная поступь" картезианства, ведущего человечество в экологический тупик, оказалась сильнее.

Таковы культурно-исторические истоки доминирующего сейчас антропоцентрического экологического сознания.

Современное антропоцентрическое экологическое сознание

Логика исторического развития “западной” цивилизации, развития ее отношений с окружающим миром оказалась такова, что в общественном сознании прочно утвердилась так называемая “парадигма человеческой исключительности” (Human Exceptionalism Paradigm) которая определяет самые различные аспекты мировоззрения. Для нее характерны антропоцентризм (греч. anthropos – человек + Kentron – центр), антиэкологизм и социальный оптимизм, которые выражаются в следующих постулатах.

1) Поскольку, кроме генетической наследственности, люди обладают также и культурным наследованием, человек принципиально отличается от всех остальных живых существ на Земле, над которыми он доминирует.

2) Именно социальные и культурные, а не биофизические факторы окружающей среды являются главными факторами, обусловливающими деятельность человека: человек живет в социальном, а не в природном контексте.

3) Технологический и социальный прогресс может продолжаться бесконечно, и все социальные проблемы так или иначе принципиально разрешимы.

В сфере экологического сознания “парадигма человеческой исключительности” предстает как “парадигма человеческой освобожденности” (Human Exemptionalism Paradigm), освобожденности от подчинения объективным экологическим закономерностям. Базирующееся на ней “западное” экологическое сознание в целом может быть названо антропоцентрическим, поскольку для него характерны следующие особенности.

1) Высшую ценность представляет человек. Лишь он самоценен, все остальное в природе ценно лишь постольку, поскольку оно может быть полезно человеку, приносящее ему вред – антиценно. Природа объявляется собственностью человечества, причем, как само собой разумеющееся, считается, что оно имеет на это право.

2) Иерархическая картина мира. На вершине пирамиды стоит человек, несколько ниже – вещи, созданные человеком и для человека, еще ниже располагаются различные объекты природы, место которых в иерархии определяется полезностью для человека. Мир людей противопоставлен миру природы.

3) Целью взаимодействия с природой является удовлетворение тех или иных прагматических потребностей: производственных, научных и т. д., – получение определенного “полезного продукта”. Сущность его выражается словом “использование”.

4) Характер взаимодействия с природой определяется своего рода “прагматическим императивом”: правильно и разрешено то, что полезно человеку и человечеству.

5) Природа воспринимается только как объект человеческих манипуляций, как обезличенная “окружающая среда”.

6) Этические нормы и правила действуют только в мире людей и не распространяются на взаимодействие с миром природы.

7) Дальнейшее развитие природы мыслится как процесс, который должен быть подчинен процессу развития человека.

8) Деятельность по охране природы продиктована дальним прагматизмом, необходимостью сохранить природную среду, чтобы ею могли пользоваться будущие поколения.

Таким образом, современный антропоцентрический тип экологического сознания – это система представлений о мире, для которой характерны: 1) противопоставленность человека как высшей ценности и природы как его собственности, 2) восприятие природы как объекта одностороннего воздействия человека, 3) прагматический характер мотивов и целей взаимодействия с ней.

Антропоцентрическое экологическое сознание пронизывает все сферы деятельности человека: хозяйственную, политическую, образовательную и т. д.

В экономических расчетах при планировании нового производства учитывается его прибыльность, рыночная конъюнктура, возможность удовлетворения спроса и т. п., иными словами, в центр внимания поставлен фактор полезности для человека, благополучие же мира природы вообще выносится за рамки анализа. Даже если и проводится экологическая экспертиза, то, как правило, она осуществляется с точки зрения того, насколько изменится среда обитания человека, насколько это производство будет для него безопасным, т. е., в конечном счете, опять же с точки зрения человека, а не самой природы как таковой.

Экологическая информация в прессе построена на клише “в пределах допустимых норм”. Допустимых для человека, но ведь для отдельных видов животных и растений эти “нормы” могут оказаться запредельными. Учебные программы по биологии, географии, экологии, призванные, в общем-то, воспитывать “ответственное отношение к природе”, пронизаны идеей полезности ее для человека: “вредные и полезные жуки”, “значение леса в народном хозяйстве”, “полезные ископаемые” и т. п.

Антропоцентрический тип экологического сознания очень устойчив, люди не хотят от него отказываться. По данным одного из исследований, порядка 90 % читателей газет просто избегают статей об экологических проблемах, поскольку они разрушают сложившийся “благополучный” образ мира: как говорится, катастрофа должна произойти, чтобы доказать, что она вообще возможна.

Но для преодоления экологического кризиса необходимо новое видение мира, новый тип экологического сознания.

Новое экологическое сознание

Социальные истоки возникновения так называемого “нового экологического сознания” хорошо иллюстрирует история развития США. На

начальном этапе – это история освоения новых земель на Западе. Наличие открытой границы сформировало представление о возможности неограниченного экстенсивного роста.

Экстенсивный путь был естественным и самым простым способом снятия социального напряжения – недовольные своей жизнью могли уйти на Запад и установить там свои собственные порядки. Американская демократия того этапа и природное изобилие были взаимосвязанными явлениями.

Но к середине XIX века запас свободных земель исчерпался и государственная граница приобрела значение границы экстенсивного роста. Это был первый в истории США экологический кризис, который вызвал переход к технологическому, урбанистическому направлению развития американской цивилизации.

В результате осмысления этого кризиса во второй половине XIX – начале XX вв. складывается общетеоретическая и мировоззренческая ориентация, получившая название *американского инвайронментализма*. В центре ее внимания оказывается взаимодействие общества со средой своего обитания. Эта ориентация проявилась в социологии, философии, политэкономии, правоведении, этике, эстетике, а также в социальных движениях за качество среды обитания.

Инвайронментальный консервационизм

Появление консервационистского крыла инвайронментального движения (Пауэлл, Пиншо, Фернау и др.) можно считать первым этапом новой, экоцентрической тенденции развития общественного экологического сознания. Консервационисты провозгласили лозунг: “Максимум природных благ для большего числа людей на более длительный период”. Они призывали к необходимости реорганизации социальных институтов, чтобы можно было обеспечить рациональное природопользование и справедливое распределение природных ресурсов.

Тем не менее экологическое сознание, базирующееся на идеях консервационизма, не претерпевает каких-либо качественных изменений по сравнению с экологическим сознанием, сформировавшимся в Новое время: человек по-прежнему противопоставлен природе, воспринимает ее как объект, во взаимодействии с природой продолжает доминировать прагматизм. Но консервационизм принципиально изменил вектор развития экологического сознания: прагматизм сменяется “дальним прагматизмом”, утверждается необходимость консервации природных ресурсов для будущих поколений.

Универсальная этика, биоцентризм

Большую роль в формировании нового типа экологического сознания, в преодолении взгляда на природу как на простой объект человеческих манипуляций сыграла так называемая *“универсальная этика”* (Торо, Ганди, Швейцер и др.). Она не проводит в ценностном отношении разграничения между человеком и другими живыми существами: жизнь насекомого столь же

ценна, как и жизнь человека, иными словами, представители природы такие же полноправные субъекты, как и человек, равны ему в своей самоценности.

Идеи “универсальной этики” стали идеологической базой такого направления американского инвайронментализма, как *биоцентризм*. Биоцентризм основывается на предположении естественного порядка, в котором все движется в соответствии с естественным законом; порядка, в котором поддерживается самый тонкий и совершенный баланс до тех пор, пока в нем не появляется человек со всем его “невежеством и самонадеянностью”. Биоцентристы рассматривают Природу как наиболее совершенное и наделенное духовными качествами сущее, воплощающее в себе основополагающие принципы жизнедеятельности всего живого и разумного. Биоцентристы (Эмерсон, Кэтлин, Лоу, Олмстед, Элист и др.) выдвинули три основные идеи.

1. *Синкретичность мира* (от греч. *synkrutismos* – соединение, объединение). Если для экологистов свойственно рассмотрение человека как отдельной фигуры, возвышающейся на фоне окружающей его среды, то биоцентристы отвергают не только выделение человека, но и вообще представление о мире как состоящем из отдельных самостоятельных объектов. Мир – это единое целое, и поэтому не существует разделения субъекта и объекта, “человеческого” и “не-человечеекого” и т. д.

2. *Биосферный эгалитаризм* (от франц. *égalité* – равенство). В соответствии с этой идеей, биоцентристы провозглашают равное право всех живых существ жить и процветать, равную *внутренне присущую* им ценность. Причем это не ценность, определяемая с точки зрения человека, связанная с перспективами того или иного их использования, а именно самоценность. Поэтому для биоцентристов рациональное природопользование и охрана природы лишь поверхностное проявление, вторичное следствие более глубоких связей с Природой.

3. *Принцип экологического самообеспечения*. Биоцентристы выступают против дальнейшего развития ради повышения жизненных стандартов. Человек может использовать природные ресурсы только в тех пределах, которые необходимы для самообеспечения существования человеческого вида. Материальные стандарты должны быть резко снижены, но вот качество жизни как удовлетворение духовных потребностей должно быть существенно улучшено.

Следует отметить, что биоцентризм является своего рода “радикальным” крылом инвайронментализма, биоцентристским идеям присущ несколько мистифицированный, метафизический характер. Поэтому эти идеи имеют много оппонентов, критикующих их с самых разных позиций.

Таким образом, экологическое сознание, базирующееся на идеях универсальной этики, биоцентризма, характеризуется *высокой степенью психологической включенности человека в мир природы, высоко субъектным ее восприятием, доминированием непрагматического над прагматическим характера взаимодействия с ней*.

Новое экоцентрическое экологическое сознание

70-ые годы XX века принято считать своеобразным рубежом в развитии западного общественного экологического сознания, который связан с постепенным осознанием того, что на смену “веку изобилия” постепенно начинает приходить “век постизобилия”.

Почти четыре столетия экстенсивного развития западной цивилизации создали иллюзию того, что такое развитие может продолжаться бесконечно. Она была обусловлена двумя факторами: 1) колонизацией второго полушария и 2) созданием новых технологий добычи топлива и энергоресурсов.

До этого времени экологические ограничения человеческой деятельности практически не давали о себе знать. Но к 70-м годам стало наблюдаться существенное замедление прогресса во всех областях общественной жизни. Это было связано, в первую очередь, с ростом цен на энергоносители во время “нефтяного кризиса”, что для современной индустриальной, энергоемкой цивилизации являлось сигналом приближающейся катастрофы.

Возникшая в конце 20-х – начале 30-х годов в США под впечатлением “великой депрессии” идея *пределов роста* стала находить все больше и больше сторонников. В соответствии с ней центральной для дальнейшего развития цивилизации станет проблема “экологического дефицита”.

Специалисты по экологической социологии предсказывают, что картина ожидаемого человечеством будущего разойдется с реальностью, которая наступит. “Экологический дефицит”, ограничив доступ людей к базе жизнеобеспечения, причем в глобальных масштабах, вызовет ситуацию паники, заставит людей действовать по принципу “каждый сам за себя” или “спасайся кто может”. Неизбежное обострение конкуренции за жизненные ресурсы приведет к разрыву групповых связей, девальвации нравственных ценностей. Нарастание контраста между “ожидаемым будущим” и реальностью и вероятность насильственного решения проблемы перераспределения природных ресурсов может привести к революциям и мировым войнам (постоянная напряженная ситуация и военные конфликты на Ближнем Востоке в борьбе за контроль над нефтедобычей – подтверждение правильности таких прогнозов).

Все это с неизбежностью ставило вопрос о необходимости новой системы взаимоотношений человечества с природой. Понимание того, что антропоцентрическое экологическое сознание заводит в тупик, является психологической базой экологического кризиса, привело к возникновению так называемой “новой инвайронментальной парадигмы” (New environmental Paradigm), для которой характеры следующие постулаты.

1) Хотя человек и обладает исключительными характеристиками (культура, технология и т. п.), он остается одним из множества видов на Земле, взаимозависимых и включенных в единую глобальную экологическую систему.

2) Человеческая деятельность обусловлена не только социальными и культурными факторами, но и сложными биофизическими, экологическими связями, в которые он включен и которые налагают на его деятельность

определенные физические и биологические ограничения. Человек живет не только в социальном, но и природном контексте.

3) Хотя человеческий интеллект позволяет существенно расширить возможности его существования в социальной и природной средах, тем не менее экологические законы не утрачивают для него своей обязательности.

Базирующееся на “новой инвайронментальной парадигме” экологическое сознание в целом может быть названо ***экоцентрическим,*** поскольку для него характерны следующие особенности:

1) *Высшую ценность представляет гармоничное развитие человека и природы*. Природное признается изначально самоценным, имеющим право на существование “просто так”, вне зависимости от полезности или бесполезности и даже вредности для человека. Человек не собственник природы, а один из членов природного сообщества.

2) *Отказ от иерархической картины мира*. Человек не признается обладающим какими-то особыми привилегиями на том основании, что он имеет разум, наоборот, его разумность налагает на него дополнительные обязанности по отношению к окружающей его природе. Мир людей не противопоставлен миру природы, они оба являются элементами единой системы.

3) *Целью взаимодействия с природой является максимальное удовлетворение как потребностей человека, так и потребностей всего природного сообщества. Воздействие на природу сменяется взаимодействием.*

4) *Характер взаимодействия с природой определяется своего рода “экологическим императивом”* – правильно и разрешено только то, что не нарушает существующее в природе экологическое равновесие.

5) *Природа и все природное воспринимается как полноправный субъект по взаимодействию с человеком.*

6) *Этические нормы и правила равным образом распространяются как на взаимодействие между людьми, так и на взаимодействие с миром природы.*

7) *Развитие природы и человека мыслится как процесс коэволюции, взаимовыгодного единства.*

8) *Деятельность по охране природы продиктована необходимостью сохранить природу ради нее самой.*

Таким образом, экоцентрический тип экологического сознания – это система представлений о мире, для которой характерны: 1) ориентированность на экологическую целесообразность, отсутствие противопоставленности человека и природы, 2) восприятие природных объектов как полноправных субъектов, партнеров по взаимодействию с человеком, 3) баланс прагматического и непрагматического взаимодействия с природой.

Экоцентрический тип сознания представляет собой кардинальную смену образа мира, которую можно, пожалуй, сравнить с тем переворотом в сознании, который был произведен Коперником сменой геоцентрической (от греч. *gu* – земля) модели солнечной системы на гелиоцентрическую (от греч. *hulios* – солнце). Как тогда Земля потеряла статус центра вселенной и его заняло Солнце, так и теперь человек должен отказаться от представления о себе как

“центре” природы, мира, а это место должен занять принцип экологической целесообразности, “экологический императив”.

Литературный источник

Дерябо С.Д. Экологическая психология: диагностика экологического сознания – М.: МПСИ, 1999. – С 130-151.

СУЩНОСТЬ И ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЭКОФЕМИНИЗМА

Е. И. Карпенко

1. Постановка проблемы: история и методология экофеминизма

Экофеминизм как идеологическое движение и теоретическое направление возник в начале 1970-х годов сначала во Франции и США, а затем во многих других странах. Он основывается на утверждении, что потребительское отношение к природе и притеснение женщин тесно взаимосвязаны. Согласно экофеминизму, сексизм и деградация природы предопределены тем, что западная мысль склонна во всем замечать принадлежность **либо** к разуму и духу, абстрактному мышлению, научному методу, технологии, контролю, **либо** к природе, телу, флоре, фауне, репродуктивности, интуиции. С делением на эти иерархические оппозиции связывается вся динамика западного патриархата как главного источника экологических разрушений.

Экофеминизм возражает против того, что культура и общество отделены от природного мира, а наука и экспертные знания вытесняют традиционное народное знание. Обладающий ценностью общественный мир вырван из всего комплекса человеческого существования, большая часть которого остается в частном, домашнем мире. Более того, маскулинное/мужское противопоставляется в культуре феминному/женскому как более высокая ценность.

История экофеминизма отражена в текстах, ему посвященных, в широком вовлечении женщин в рассмотрение вопросов, касающихся окружающей среды, в развернувшемся во всем мире grassroots активизме. Размеры и влияние экофеминизма зависят от того, как широко его толковать. **Узкое** определение охватывает тех женщин (и мужчин), которые открыто идентифицируют себя как экофеминисты. Многие из них являются учеными, стремящимися утвердить его и как вид научной деятельности и как движение. **Широкое** определение экофеминизма включает всех женщин, которые проводят кампании по вопросам окружающей среды, даже если феминистские или экофеминистские убеждения ими специально не подчеркиваются.

В 1974 г. французская исследовательница Дюбон (именно с ее именем связывается появление самого слова “экофеминизм”) призвала женщин к экологической революции во имя спасения жизни на земле. Она попыталась доказать, что мужской контроль над производством и женской сексуальностью

приводит к двойному кризису. Во-первых, к разрушению окружающей среды посредством сверхприбыльного производства. И, во-вторых, к демографическому кризису посредством искусственного манипулирования процессом рождаемости. Очевиден факт влияния Дюбон на все последующее развитие экофеминизма. Она коснулась ряда вопросов, которые стали центральными для экофеминистского движения: кризис современности как экологический счет, предъявленный прогрессу; критика (западной) патриархатной системы как причины этого кризиса; призыв к женщинам и мужчинам, разделяющим идеи экофеминизма, добиваться социальных и экологических изменений.

Хотя экофеминизм появился в разных странах приблизительно в одно и то же время, однако Соединенные Штаты доминировали на ранних этапах развития экофеминистского мышления. Бывший католический теолог Мэри Дэли познакомила бостонских студентов с работой Дюбон в 1974 году. В том же году была проведена конференция “Женщина и окружающая среда” в Калифорнийском университете, Бэркли. Теолог Розмари Рэдфорд Руттер прочитала лекции по теме “Женщина и экология” в Каламазо Колледже, заявка на подобный курс лекций была сделана в сельскохозяйственный департамент Калифорнийского университета, Бэркли, поэтессой Сюзан Гриффин.

Экофеминизм соединил воедино элементы феминистского движения и движения зеленых, вдохнув новые силы в каждое из них. Он взял от зеленых заботу о последствиях человеческих действий в природном мире, а от феминизма – критику гендерной асимметрии в обществе. Если философию феминизма характеризуют как ориентированную на практику, то в еще большей степени это касается экофеминизма.

Экофеминизм начинает с базисного принципа экологии: все живые организмы должны рассматриваться в отношении к их природному окружению. Экосистема, окружающая любой живой организм, накладывает ограничения на условия его существования. Неспособность человечества уважать свои экологические пределы приводит к современному экологическому кризису. Представители движения зеленых, в свою очередь, делятся на тех, кто признает, что общество, используя свою технологическую и техническую изобретательность, способно преодолеть экологические проблемы или адаптироваться к ним (light ecology), и тех, кто считает, что человечеству необходимо фундаментально переосмыслить свое отношение к природному миру (deep ecology).

Экофеминизм склоняется к точке зрения глубинной экологии (deep ecology). Природный мир и человечество рассматривается в его рамках как взаимосвязанное и взаимозависимое целое. Преодоление сложившейся тенденции развития этой целостности связано с пересмотром оснований и принципов взаимодействия ее частей. Несмотря на то, что экофеминизм разделяет с зелеными тревогу по поводу экологического ущерба, причиненного современными социально-экономическими и милитаристскими системами, он, в свою очередь, показывает неспособность экологического движения и его теоретиков адекватно соотнести причины экологических проблем с

последствиями мужского доминирования и женского подчинения в культуре. Эта неспособность обусловлена, главным образом, мужским доминированием в самом движении зеленых. Хотя не стоит отрицать того, что теоретики “зеленых” и активисты экологического движения уделяют феминизму больше внимания, чем большинству других политических перспектив.

2. Основные концепции экофеминизма

Либеральный, спиритуалистический (культурный) и социалистический (социальный) феминизм озабочены ухудшением взаимоотношений между обществом и природой, но каждый по-своему оценивает методологические основания и практические перспективы экофеминизма.

Либеральный феминизм считает опасным утверждение о том, что биологическое разделение по половому признаку и социальное разделение людей по гендерному признаку связано с природными, биологическими особенностями мужчин и женщин. Поднимать вопрос об ассоциации женщин с природой, а равно и позитивно утверждать это, с точки зрения представительниц либерального экофеминизма, является регрессивным побуждением. Такой подход подрывает результаты борьбы, которую женщины вели против их идентификации с природой, служившей оправданием женской подчиненности. Женщины оказались несправедливо отстраненными от выполнения равной с мужчинами роли в общественной жизни. Либеральные экофеминистки связывают реформирование отношений к природе с утверждением новых законов и их регулированием.

Другие экофеминистки убеждены, что глубокие духовные преобразования должны предшествовать радикальным политическим преобразованиям. Именно сила феминности может направлять женщин в сторону осознания полярных противоположностей мужского и женского и одновременно заботиться об их взаимосвязи в большей мере, чем об их конфликте и разделении.

Представительницы **спиритуалистического экофеминизма (**именно он доминирует в культурном экофеминизме) заявляют, что они могут обнаружить специфическую женскую духовность путем провозглашения ценности старых форм мудрости. Это обеспечит основу для усиления женщин вне патриархатного контроля, который стремился стереть эти формы знания и опыта из памяти. Главным фокусом их критики является иудейско-христианские доктрина – то есть западная религия как символ западной патриархальной культуры. Во вступлении к антологии “Возрастание женской духовности”, которая была опубликована в 1979 г., Кэрол Крист и Джудит Пласкоу утверждали, что феминистская духовность затрагивает четыре важных вопроса. Во-первых, это проблема образа и языка бога, которые являются исключительно мужскими. Во-вторых, это проблема души и тела, являющаяся центральной идеей христианства, в котором плоть – это грех пребывания на Земле, это только тяжкий труд на пути к Царству небесному. В-третьих, это утверждение женского духовного опыта и истории. И, в-четвертых, это разработка новой теологии и новых ритуалов. Феминистская духовность

ориентируется на земные ценности, а не устремлена к небесам. Она обеспечивает создание образов духовности в форме женских божеств и знаменует духовную природу физического мира. Спиритуалистический экофеминизм соединяет сконцентрированные вокруг женщин ценности (материнство, воспитание, забота) и прославление женских тел. Женская телесность привносится в космологию, которая стремится идентифицировать и соотнести мужские и женские силы. Трансцендентному богу противостоит имманентная богиня.

Многие экофеминистки стремятся воссоздать потерянный мистический мир старых, ориентирующихся на землю религий, связанных с язычеством, колдовством, магией и почитанием богинь: “В древние времена мир был един. Биение барабанов было биением сердца земли – во всем ее загадка, очарование, изумление, страх и ужас. Наши ноги танцевали в священных пещерах, чествуя духов природы. Все, что позже было разделено на молитву и музыку, ритуал и танец, игру и работу, первоначально было единым”.

Спиритуалистический экофеминизм черпает вдохновение из предыстории человечества и из сохранившихся племенных религий, в особенности, из религиозных верований коренных народов Америки, Австралии и Новой Зеландии.

Спиритуалистические феминистки отличаются друг от друга в зависимости от того, рассуждают они о реальном существовании богини или же о ее существовании в качестве символа. Стархок, первый национальный президент церкви “Завет богини”, утверждает: “Это зависит от того, что я чувствую. Когда я чувствую свою слабость, она представляет то, что может помочь мне и защитить меня. Если я чувствую себя сильной, она символ моей силы. Иногда я чувствую ее как природную энергию в моем теле и в мире”.

Кэрол Крист заявляет, что религия поддерживает глубинную человеческую потребность в символах и ритуалах, которые дают возможность людям справиться с предельными ситуациями в человеческой жизни (смерть, зло, страдание), а также помогает пройти важные жизненные этапы (рождение, сексуальность, смерть). Она понимает духовность как важный источник доверия к женщинам. Подобно многим феминистским теологам, Крист анализирует нападки на женщин, предпринятые в подготовленном двумя доминиканскими монахами и изданном в 1486 году “Молоте ведьм”. Этот трактат утверждал, что все способности ведьм происходят от похотей их плоти.

Утверждение женской телесности и сексуальности очень важно для спиритуалистических феминисток. Ритуалы, включающие менструальную кровь и другие аспекты женских тел, которые в мужских религиях рассматриваются в качестве табу или объявляются нечистыми, здесь, наоборот, возвеличиваются. Таковы, например, убеждения сторонницы языческой религии Мириам Соморс.

В то время, как спиритуалистический экофеминизм начинается с ассоциации между женщинами и природой, **социалистический экофеминизм,** который наиболее заметен среди разновидностей социального экофеминизма, основывается на признании экономического неравенства и вытекающей из него

системы доминирования в обществе. Представительницы этого направления утверждают, что просто переделав мифы из мужских на женские, из “плохих” на “хорошие”, мы не изменим нашей социальной реальности. Доминирование над природой и женщиной возникает в обществе и, следовательно, также в обществе должно разрешаться.

Кэролин Мерчант, одна из первых защитниц положения о совместимости социализма и экофеминизма, приходит к выводу: “хотя культурный феминизм внедрился глубоко во взаимодействие женщин и природы, социальный и социалистический экофеминизм содержит потенциал для более содержательной критики доминирования и высвобождения и утверждения социальной справедливости”. Ее наиболее известная книга “Смерть природы” представляла собой феминистскую критику идеи природы в период научной революции. В ней она коротко упомянула о социализме в контексте социально-феминистской цели революционизирования экономических структур. Достижение этой цели позволило бы уравнять возможности мужского и женского труда и реформировало бы капиталистическую систему, создающую прибыль путем перерасхода природных и человеческих сил. В последующих работах Мерчант расширила сферу взаимоотношений между экофеминизмом и другими феминистскими перспективами. В своей книге “Радикальная экология” она рассматривает социалистический экофеминизм как часть радикального экологического движения.

Главный источник проблемы, по мнению Мерчант, в разделении труда по половому признаку, потому что общество старается отделить себя от природы, выделиться из нее посредством системы производства. Мужчины преобладают в сфере производства средств производства, в то время как сфера домашней жизни обслуживается женским неоплачиваемым трудом. В результате женщины и мужчины становятся отчужденными друг от друга и от результатов их труда. По ее мнению, необходим многоуровневый структурный анализ, который рассматривает диалектическое отношение между производством и воспроизводством в контексте взаимоотношений как между обществом и природой, так и между мужчинами и женщинами.

Социалистический экофеминизм, утверждает Мерчант, избегает крайностей как эссециализма, так и социального конструктивизма. Точно также он избегает крайностей в оценке патриархата и капитализма как систем эксплуатации. Кэролин Мерчант выступает против деления экофеминистского движения на противоречивые направления, считая, что интересы этих направлений переплетаются. Главная их задача поддержать жизнь на земле, обеспечить ее воспроизводство. Это движение, по ее мнению, не установило пока нового социалистического порядка, но оно предлагает новое видение мира, в котором расовые, классовые, половые и возрастные барьеры будут элиминированы и основные человеческие потребности будут удовлетворены.

3. Перспективы экофеминизма

Политическому влиянию экофеминизма мешает тот факт, что нередко его, по-прежнему, идентифицируют только с культурно-спиритуалистическими

феминистическими основаниями, а, следовательно, в его адрес направляют упреки в эссенциализме, романтизме и политической наивности.

Экофеминизм порой рассматривается как постулирование биологически детерминированного единства между женщинами и природным миром, которое противопоставляется миру мужчин. Критики утверждают, что такая перспектива является реакционной. Она представляет ложно обобщенный образ “женщины”, который игнорирует различия и неравенство между женщинами. Хотя все женщины имеют общие черты, свидетельствующие об их подчиненном положении в обществе (зависимость, подчиненность, домашний труд, сексуальная эксплуатация), они также разделены между собой, потому что одновременно интегрированы в различные структуры угнетенных и угнетателей. Большая часть этой критики была адресована экофеминизму Соединенных Штатов.

Некоторые аспекты спиритуалистического экофеминизма, конечно, заслуживают критики за романтизацию женской телесности, женского опыта, женской истории. Однако не стоит отрицать его стремления объяснить проблемы женской идентичности, которое в большей мере разрушало старые гендерные стереотипы, чем либеральный феминизм. Спиритуалистический экофеминизм, вырастая из радикального культурного феминизма, по-своему создавал возможности для налаживания связей между западными и не западными, цветными и белыми женщинами. Барабара Эпштейн подчеркивает, что развитие духовности в рамках экофеминизма является позитивной тенденцией, и оно будет способствовать созданию тесных контактов между белыми и цветными женщинами. Однако слабость последнего состояла в том, что он сделал акцент на персональной духовной трансформации.

Частью огромного проекта, пробивающего брешь в оппозиции “природа-культура”, “мужчина-женщина” и широко обсуждаемого в рамках современного экофеминизма, является также миф о киборге, развиваемый Донной Харревей. Трансгрессия, осуществляемая киборгом и размывающая границы между человеком и машиной, человеком и животными, человеком и природой, мужчиной и женщиной, с одной стороны, обескураживает поклоняющихся технологии, а с другой стороны, объединяет всех людей, способствуя возрастанию ответственности за машины, ими создаваемые.

Итак, не существует единого экофеминизма. Тенденции, просматривающиеся на пересечении эссенциалистского и социально-конструктивистского подходов к определению характера связей между женщинами и экологическими условиями, позволила Карен Варрен (1996) применить к экофеминизму метафору “квилтинга” (изделие из лоскутков). Квилтинг-экофеминизм предполагает как самоидентификацию культур в определенных природных условиях, так и диалог между ними, что способствует укоренению в современном обществе эпистемологической и практической ответственности за характер отношений между природой и обществом, мужчинами и женщинами.

Литературный источник

Карпенко Е.И. Сущность современного экофеминизма // Гуманитарный экологический журнал. – Т. 4, Вып. 1. – 2002. – С. 67-73.

ВОПРОСЫ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

1. В чем заключается смысл понятия «экологическое сознание» и как он соотносится с понятием «сознание»?
2. Есть ли различия в наполнении экологического сознания отдельного человека и общества? Различаются ли они? Если различаются, то чем?
3. Можно ли изменяя экологическое сознание отдельного человека, менять и общественное сознание и наоборот?
4. Почему человечество в какой-то момент своей истории пошло по пути развития антропоцентрического сознания?
5. Можно ли говорить, что экологическое сознание эволюционирует? Как Вы понимаете слово «эволюция»?
6. Каким должно быть экологическое сознание, чтобы быть высоконравственным?
7. Как Вы думаете каким будет следующий этап развития экологического сознания общества?

ЗАНЯТИЕ 14

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ ПРИРОДЫ. ПРИРОДООХРАННАЯ ЭТИКА

Цель работы – найти и осознать основания для того, чтобы относиться к природе как обладающей собственной ценностью, возможно, независимой от человека.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

ОСНОВАНИЯ АБСОЛЮТНОЙ ЦЕННОСТИ ПРИРОДЫ

И.А. Ильиных

Пусть все существа повсюду
Пребывают в благополучии и мире;
…
Пусть все эти существа
Будут ограждены твоими мыслями, –
Твоей всеохватывающей любовью
Ко вселенной – …

«Сутта-нипата» (собрание текстов буддийского канона).

Абсолютное – это безусловное начало, мыслимое в единстве и всеобщности. Абсолютное – это нечто непреходящее, вечное, устойчивое в своей истинности, правильное для всех и каждого, возвышенное, идеальное… Поиск абсолютной истины, абсолютного добра, абсолютной любви, абсолютных ценностей и тому подобных категорий для некоторых людей становится смыслом жизни и деятельности. Когда человек выходит на этот уровень осознания себя и окружающего мира, он неизбежно рано или поздно включит в сферу своих поисков абсолютного и окружающую его природу.

Человек является плотью и кровью природы. Он проявляется в плотном мире в качестве одной из многочисленных ипостасей природы. Но погружен он в иллюзию отделенности и страдает от этого сам и причиняет страдание другим живым существам. Даже если человек хотел бы обрести только *свое личное* счастье, то уже можно было бы говорить о необходимости приобретения особого взгляда на природу (в данном контексте слово «природа» будет употребляться в смысле, включающем в себя мир растений, животных и других живых существ, жизнь которых изучает биология), отличающегося от взгляда ученого. А такой взгляд открывается изнутри – из сердца. Из сердца, через сердце и посредством сердца происходит прямое взаимодействие человека с другими людьми и с миром других живых существ.

Если сердце человека закрыто для того, чтобы принять и полюбить мир природы и строить отношения с ним так, как мы бы это делали с другом или братом, то тогда можно поискать основания для этого в источниках религиозной мудрости. Например, очень важное место отношениям человека друг с другом и природой уделяет буддизм.

Буддизм является удивительным мировоззрением, которое воспринимает мир с точки зрения абсолютного и согласно которому все существа равны между собой уже по одному только факту своего появления в этом материальном мире – на Земле, во Вселенной.

В традиции Махаяны (буквально «Великий путь», одно из главных направлений буддизма) принято медитировать (размышлять), помимо всего прочего, над темой всеобщего единства, ибо в бесконечном цикле перерождений не могло случиться так, чтобы лишь какое-то одно живое существо было нашей матерью, отцом, мужем или другим родственником. А это ломает наши представления о родовых различиях между людьми и другими живыми существами. Иными словами, феномен реинкарнации не позволяет нам думать о других существах как о низших формах жизни, отделенных от нас. Следовательно, любая жизнь оказывается священной и неприкосновенной [1].

«Буддийская декларация природы» [2] даже в способности чувствовать уравнивает человека и живые существа: «Если животные не в состоянии передать, что они страдают, то это не означает, что они нечувствительны или безразличны к боли и страданию. В этом смысле их положение мало чем отличается от положения человека, у которого расстроена речь… Мы видим поразительное сходство между истреблением диких животных ради забавы и уничтожением невинного человеческого существа по прихоти более могущественного человека… Право на жизнь мы рассматриваем как свое неоспоримое право. Но будучи нашими соседями по этой планете, другие виды тоже имеют право на жизнь».

Таким образом, в системе подобных воззрений человек не отделен от природы, а коренным образом неразрывно связан с каждым существом невидимой нитью жизни. Главным аргументом в пользу абсолютной ценности природы является сам факт жизни любого существа, т.е. сама жизнь обладает абсолютной ценностью. Может быть, одной из важнейших задач, стоящих перед человечеством сейчас является задача – научиться чувствовать и осознавать самоценность природы.

Литература

1. Эррикер К. Буддизм – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. – С.200.
2. Buddhist Declaration of Nature. Assisi, 29 September 1986. Цитируется по Эррикер К. Буддизм – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. – С.194.
3. Тихоплав В.Ю., Тихоплав Т.С. Начало начал. – СПб.: ИД «ВЕСЬ», 2003. – 288 с.

Литературный источник

Ильиных И.А. Основания абсолютной ценности природы // Сборник трудов научно-практической конференции «Актуальные проблемы географии», март 2005. – Горно-Алтайск, 2005. –С.88-89.

ВНУТРЕННЯЯ И ИДЕАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ ДИКОЙ ПРИРОДЫ

В. Е. Борейко

Природоохранные мотивации

Стремительность пантеры еще остается познать и терпение паука еще остается постичь.

Изречение индейцев США

Если обычная этика имеет дело с давно установившимися ценностями, то экологическая этика – с устанавливающимися, от которых в конечном счете зависит реформа окружающей среды. Кроме чисто этической ценности, экологическая этика в той или иной степени связана с эстетической, религиозной ценностями, ценностью "дикости" природы, ценностью наследия, ценностью жизни и некоторыми другими идеальными (неэкономическими, неутилитарными) ценностями. Они заставляют человека строить свои отношения с природой этически правильными, а не экономически выгодными. Ценность в природе существует до того момента, когда она избегает модификации человеческой техникой и технологией. Идеальные ценности отвлечены от дня сегодняшнего. Чем более острым и изощренным становится наше восприятие культуры, тем больше идеальных ценностей находим мы в дикой природе. Различные культуры и, соответственно, этические подходы могут "увидеть" свои особые ценности дикой природы, так как идеальное находится в рамках конкретной культуры. Ценность – это законсервированное достижение (64).

Следует подчеркнуть, что принятая в человеческом мире теория ценностей, основанная на полезностях для человека, неприменима к дикой природе. Здесь существует нечто иное, пока нами практически непознанное. "Дикая природа – это странное место, где наши условные ценности идут в разрез с действительностью", – пишет Холмс Ролстон III (64). "Ценность в себе" переходит в "ценность во всеобщности", то есть ценность отдельного животного становится ценностью биоценоза.

Термин "ценность" происходит от латинского "valere", что означает быть стоящим, быть сильным. Определение природы ценности – это задание метафизики, философского изучения реальности. Понимание природы ценности имеет важные последствия не только для этики, но и для любой области оценивания и принятия решений. Важным понятием в экологической этике является ценность "подлинная". Это ценность объекта, независимая от интереса или присутствия оценивающего. Сторонники экоцентризма и биоцентризма считают, что все виды живой природы, экосистемы и природные объекты имеют, как и человек, подлинную (присущую, врожденную, внутреннюю) ценность. То есть они являются целью, а не средством для достижения цели (в данном случае человека), и не должны служить для удовлетворения его

нежизненных потребностей. Отсюда обращаться с ними просто как с вещью, ресурсом – неправильно.

Природные виды и объекты с внутренней ценностью созданы отнюдь не для человеческого манипулирования. Они, возможно, существуют ради целей, которые мы не понимаем. Наличие внутренней ценности говорит о том, что существование природы важнее, чем ее значимость. В конечном итоге современный экологический кризис – это кризис ценностей.

Есть несколько подходов по оценке значимости тех или иных ценностей. Один из них основывается на идее высшего и низшего блага. Согласно этой концепции даже наиболее утилитаристски настроенные философы 19 века всегда признавали, что есть вещи столь большой идеальной ценности по своей сути, что они исключаются из любых расчетов, основанных на утилитарных ценностях, связанных с экономической выгодой. Отсюда практический вывод: многие природные объекты должны быть сохранены не по причине их экономической пользы, а из-за их внутренней ценности.

Ценности дикой природы вызывают соответствующие природоохранные мотивации: этическую, эстетическую, религиозную. Другими словами, желание охранять природу напрямую связано с пониманием ее ценностей. А чтобы такое желание возникло, необходимо людям всячески разъяснять природные ценности. Необходимо также иметь в виду, что некоторые природоохранные мотивации могут быть иррациональными, не поддающимися логическому анализу.

Историко-культурная ценность

Дикая природа сохраняет дух истории и культуры. Это не только архитектурные памятники, но и объекты топонимики. Дикая природа сама по себе имеет историческую ценность благодаря особому типу преемственности с прошлым. Эта лежащая в основе история обеспечивает подлинность дикой природы.

Религиозная ценность

Взгляд на свободную природу поднимает нас к религиозным мыслям, которые служат связью между ею и бесконечным и крепче привязывают к ее чудесам и красотам. Тем самым дикие природные территории становятся чем-то наподобие священных текстов, они представляют словно бы церковную обстановку. Религиозная ценность – это ощущение дикости природы как святого пространства, где проявляется святая сила.

Эстетическая ценность

Красота дикой природы – ее высший и самый прекрасный дар. При открытии эстетической ценности участки дикой природы очень важно отделить ее от полезности. Ибо по Канту самым красивым бывает только то, что бесполезно.

Ценность "дикости" природы

"Дикость" – это особое свойство, способность первозданной природы оставаться в диком состоянии. Чем больше в участке дикой природы свободы и буйной дикости, тем он ценней.

Ценность наследия

Участки дикой природы являются родовым наследием не только человека, но и всей дикой жизни.

Ценность жизни

В дикой природе сосредоточено наибольшее разнообразие различных форм жизни. Любая ее форма являются уникальной и имеет внутреннюю ценность. Дикая жизнь является бесценным состоянием участков дикой природы.

Этическая ценность

Дикая природа, как и отдельные ее части – виды, индивидуумы, скалы, реки, имеет врожденное право на жизнь и существование, вне зависимости от пользы для человека. Эта ценность – внутренння, только уже одной этой ценности достаточно для ее охраны. Кроме всего прочего, дикая природа является важнейшим источником добра в мире.

Антитоталитарная ценность

Первобытная природа рассматривается как необходимое условие свободы, личностного поведения и выбора. Она спасает человеческое общество от тоталитарного преследования. Изгоняя и отчуждая себя от дикой природы, человек тем самым порабощает и приручает самого себя.

Символическая ценность

Дикая природа, отдельные виды дикой природы являются символами у разных времен, государств и народов.

Духовная ценность

Дикая природа ценна как место, позволяющее восстановить контакт с творческой силой природы, врожденными ценностями Земли, обрести экологическую мудрость, спокойствие и духовность. К сожалению, европейские языки, в отличие от языков аборигенов, менее способны объяснить смысл духовной ценности дикой природы.

Неосознанные, неизвестные и неразработанные идеальные ценности

Естественно, дикая природа имеет не все вышеперечисленные идеальные ценности. Многое в ней находится вне человеческого ума и опыта, многие еще предстоит оценить и понять.

Неожиданные результаты были получены нами во время анкетирования в 1999 г. 400 жителей Киева, Львова, Киевской и Львовской областей. Среди десятка предложенных мотиваций по защите дикой природы они предпочли этическую (дикую природу нужно охранять потому, что она ценна сама по себе или является источником добра), религиозную (дикую природу нужно охранять потому, что она священна) и эстетическую (дикую природу нужно охранять потому, что она красива). Однако, как свидетельствуют исследования, проведенные О. Листопадом, именно эти ценности дикой природы практически или вообще не объяснялись и не популяризовались в украинской научно-популярной литературе по заповедному делу за последние 30 лет (55).

В итоге опора только на научную, рекреационную, культурную и хозяйственную ценности дикой заповедной природы не могли создать широкую общественную и государственную поддержку заповедному делу и охране дикой природы. И этого не будет достигнуто до тех пор, пока этическая, религиозная и

эстетическая ценности дикой природы, хорошо понятные в народе, не будут взяты на вооружение специалистами в области природоохраны.

Литературный источник

Борейко В.Е. Прорыв в экологическую этику. – Киев, Киевский эколого-культурный центр, 2001. – 126 с.

ДИКАЯ ПРИРОДА: ЛЮБИТЕ ИЛИ НЕ ПРИБЛИЖАЙТЕСЬ

В. Е. Борейко

Охрана природы как культурное делание и религиозный опыт

Все прекрасно, когда выходит из рук творца, все искажается в руках человека.
Ж. -Ж. Руссо

Я бы хотел сказать несколько слов в защиту свободной природы, этой дикой, удивительной, совершенно иной цивилизации, с каждым днем все стремительней исчезающей с планеты Земля. Я бы хотел поднять вопрос о ее праве на существование, свободу и достоинство.

Человек наконец-то понял, что все люди имеют одинаковое право на жизнь и свободу, независимо от их цвета кожи, расы, национальности. Теперь человеку пора понять, что дикая природа и ее виды также имеют равную с человеком ценность и собственные права. Как и у человека, у всякого животного или растения только одна жизнь, а Земля – единственный дом. К сожалению, дикая природа не может ждать. И если экологическая этика будет распространяться так же медленно, как демократия, может просто настать день, когда дикой природы на Земле больше не останется...

Отношение к дикой природе как к пустырю, неудобью, бесполезному и этически неценному месту, которое обязательно нужно использовать, покорить, улучшить, возделать, украсить, являлось доминирующим в СССР.

Несмотря на все потуги экологического образования, и по сей день для большинства наших соотечественников дикая природа, к сожалению, то самое «иное», которое нужно покорить и изменить. Даже в природоохранной деятельности до настоящего времени господствует антропоцентрический подход, суть которого хорошо передает известный лозунг: «Все для блага человека, все во имя человека». А значит, нельзя быть спокойным за будущее дикой природы.

Ее спасение не только в новых заповедниках и питомниках редких видов, а прежде всего в перемене нашего отношения к ней, которое может быть выражено в новом лозунге: «Не все для блага человека, не все во имя человека».

О различных подходах и ценностях такого нового отношения к дикой природе я хочу порассуждать в этом эссе.

Что такое дикая природа?

Дикое выше правил и искусства.
Д. Мильтон

Конечно, совсем дикой природы (первозданной), полностью независимой от влияния человеческой цивилизации, в настоящее время не существует. Однако посредством идеализации понятие «участок дикой, свободной природы» можно распространить на довольно значительное число природных территорий, существенно не измененных человеком. Ведь могут же математики оперировать таким идеальным понятием, как «точка» и «окружность», физики – «идеальный газ» и «несжимаемая жидкость».

Под определение «дикая природа» могут подпасть горы, пустыни, тундра, арктические области, подводные участки, пещеры. С некоторой натяжкой – старовозрастные леса, заросшие дельты крупных рек, большие болота, речные каньоны, участки целинных степей.

К сожалению, в отечественной терминологии нет точного определения, что подразумевается под термином «дикая природа». Попробуем сослаться на зарубежную интерпретацию.

В 1964 году Конгрессом США был утвержден закон «О дикой природе». Территория дикой природы определена в этом законе как неразвитая федеральная земля, сохраняющая первоначальный характер, без влияния, без изменений и поселений человека, которая управляется так, чтобы сохранить естественное состояние, и которая:

1. Находится под воздействием сил природы, а не человека.

2. Имеет особые возможности для создания человеку среды одиночества и естественного оздоровления.

3. Имеет площадь не менее 5000 акров необработанных, неизмененных земель.

4. Имеет также экологическую, геологическую или иную научную, образовательную или историческую ценность[1].

Итак, дикая природа — это земля с собственной волей, место, наделенное силой воли и духом; антипод человеческой цивилизации; местность, где человек не препятствует природным силам.

Священные рощи как пример благоговейного отношения к дикой природе

Там на брегу, где дремлет лес священный,
Твое я имя повторял.

А. Пушкин

Пример бережного отношения к участкам дикой природы, почитания и боготворения их показывают нам язычники, имевшие свои священные рощи (а также священные ключи, горы, реки, озера, острова, камни и отдельные деревья). По мнению английского знатока лесного фольклора Александра Портеуса, первые священные рощи находились на холмах (ближе к небу), чем объяснялось их почитание2. Порой сам дух, идол назывался священной рощей. Полагалось, что такие рощи нельзя посещать без благоволения божества. Иногда рай считался священной рощей, где нужно было вести себя дисциплинированно, созерцать загадочные и святые деревья, которые запрещалось трогать.

Будда достиг просветления в одной из священных рощ Индии, свои комментарии к древним книгам Китая Конфуций завершил в уединении священной рощи абрикосовых деревьев.

Язычнику божественное уединение рощи казалось местом почитания, выделенным самой природой, и эти рощи являлись единственными и самыми первыми храмами. Здесь человек, «от мира удаленный», общался с духами и бессмертными.

Священные рощи чаще всего были круглыми, реже – продолговатыми, окруженными канавой или рвами. В такой роще нередко бил священный источник. В центре рощи имелось округлое место, огороженное большими камнями, установленными перпендикулярно земле, – здесь приносились жертвы. Когда храмы стали сооружаться из камня, то несколько раз в год с них снимались крыши – как символ открытости небу священной рощи.

В германские священные рощи нельзя было входить, не будучи скованным цепью, в признание своей низшей природы перед лицом божества рощи. Если человек здесь случайно падал, ему не разрешалось вставать, и он должен был выкатываться из рощи по земле. Считалось, что на деревьях этих рощ восседали на своих тронах боги. В священных рощах германцы сберегали боевые знамена. С началом войны их выносили и несли перед армией. Кстати, «священная роща» в переводе с кельтского звучит как «чистое место в лесу».

Особо почитались священные рощи в Древней Греции и Риме. Недаром Ксеркс, войдя в Грецию, запретил воинам причинять вред священным рощам. Римские пастухи, заботясь о благе своих стад, молились о прощении на тот случай, если их овцы съедят листья со священного дерева.

В священных рощах древних греков вешались бронзовые гонги. Когда дул ветер, гонги гремели подобно грому. Даже собаки не осмеливались преследовать добычу в священных рощах, а стояли снаружи и лаяли. Рассказывают, что некий грек Эрисихтон осмелился возложить топор на деревья в священной роще Деметры, за что та превратила его в вечно голодного нищего. Согласно неписаному правилу, если кто-то из осужденных в Греции прятался в священной лавро-кипарисовой роще Дафны, то становился недосягаемым.

В Польше священные рощи именовались роком, или урочиском, и, когда в страну вторгались захватчики, по селам рассылались ветви из этих рощ, что сплачивало поляков, подобно горящему костру, угли из которого развозились

по Шотландии. В Бенгалии племя мунда также имеет священные рощи, которые заботливо охраняются в течение веков, дабы здешние лесные боги, обеспокоенные сплошной вырубкой соседних лесов, совсем не покинули эту местность. Даже если в священной роще дерево повалится случайно, бог гневается, задерживая сезонные дожди. У каждой деревни племени мунда своя священная роща – участок первобытного леса, оставленного нетронутым для местных богов.

В районе Кавказского заповедника, на реке Белой, располагалась священная роща черкесов. Существовала такая заповедь: «Если хочешь сорвать цветок, не рви его там, где рождаются воды Белой реки. Не добывай там ни зверя, ни птицы и не строй своего жилища поблизости. Пусть рука человека не коснется ничего, что живет и находится в этом лесу, – это место священно на все времена». И в наши времена осетины, проезжая на автобусе мимо священной рощи Хетага, встают, снимают головной убор и кланяются в ее сторону, добавляя: «Да будет святой Хетаг твоим другом и покровителем».

Священные рощи на территории России, Украины, других стран СНГ существуют и по сей день. Исследователем марийских священных рощ Н. В. Морохиным в Нижегородской области выявлено около 50 таких культовых, оберегаемых местным населением рощ. «Само по себе сложившееся в народе отношение к священным рощам, – пишет Морохин, – оказывается и в наши дни мощным эколого-воспитательным фактором. Уважение, любовь к роще воспитывается наряду с любовью к традициям, культуре, памяти предков. В роще не позволяется сорить, ругаться, ссориться, туда приходят в дни праздников в чистой одежде, помывшись в бане, как в место общения с высшими силами природы. Велико ее эстетическое значение, ощущается оно каждым. Это эффектная деталь ландшафта, не тронутый цивилизацией „чистый" лес, который воплотил непреходящую гармонию природы, ее самовозрождение, необузданность, величие. Любовь и преклонение перед рощей как перед возвышенным определяет подчиненное положение к миру живого и неживого в целом, стремление к гармоничным отношениям с ним»3.

Стоит особо отметить, что языческие народные воззрения по отношению к священным рощам могут быть с успехом использованы в разработке новой, основанной на биоцентризме и экоцентризме экологической философии и идеологии XXI века. Не могу не процитировать по этому поводу одного из лучших исследователей священных рощ марийцев и удмуртов профессора-этнографа В. П. Налимова:

«Рощи связаны с культом творческих сил природы, сознанием органической, генетической связи человека с природой, единства своей группы. Кратко воззрения можно сформулировать так: Бог – творительная сила, отражающаяся в природе: в живой текучей воде, придавая ей прозрачность, текучесть, неиссякаемость; в растениях, в животных и в человеке. Эта творческая сила едина, но она разветвляется, и каждая отдельная сила, органически связанная с единой силой (как притоки реки связаны с главной рекой), имеет свою индивидуальность. Отсюда – Бог территории. Люди, живущие в ней, органически связаны между собой и Богом, составляя каждый

только часть единого целого. Влияя на одну часть, можно влиять на целое. Загрязняя, например, воду, приносишь вред растениям, животным, человеку, Богу, то есть производительной силе. Недостойное поведение отдельного человека оскверняет не только его физическую природу, но и вредит всей производительной силе природы. Отсюда общий интерес группы людей, растений, животных, воды, Бога, то есть творческой силы...

В известное время года творческая сила, когда ее мощь достигает максимума, как, например, весной, во время цветения ржи, приняв образ бабочки, вылетает и распространяет свою благодать (то есть силу). Вокруг таких заповедных рощ объединяются целые роды, люди, живущие иногда за десятки, за сотни верст. Через каждые три года происходят моления с общей трапезой: совместная еда является символом заключения союза, дружбы»4.

Такое же эколого-философское звучание имеет и синтоистская заповедь охраны священных рощ: «Никогда не рубите ничего; никогда не возводите ничего, никогда не утверждайте и не выясняйте ничего в святых природных местах, добираясь до научной истины; не разбирайте, не изменяйте ничего с той же причиной. Не охотьтесь, не ловите рыбу, не причиняйте беспокойства, не поджигайте и не тушите горящее»5.

Идея дикой природы в культурной и научной традиции России

Нет правды без любви к природе, Любви к природе нет без чувства красоты.
Я. Полонский

В конце XIX – начале XX века в России появилось движение за охрану памятников дикой природы. Возглавили его известнейшие российские ученые-естественники, имевшие превосходное гуманитарное образование: академики И. П. Бородин, Д. Н. Анучин, профессора А. П. Семенов-Тян-Шанский, Г. А. Кожевников, В. И. Талиев, Д. Н. Кайгородов. Ими был разработан так называемый этико-эстетический подход в охране природы и заповедном деле. Центральной его идеей являлось утверждение этической ценности мира природы, права дикой природы и ее видов на существование, необходимости формирования гуманного отношения людей к дикой природе и всем живым существам независимо от того, приносят ли они практическую пользу. Классик российского заповедного дела, профессор Московского университета Григорий Александрович Кожевников в 1908 году на Всероссийском юбилейном акклиматизационном съезде впервые в России поднял вопрос «о праве первобытной природы на существование», что являлось само по себе огромным прорывом в развитии природоохранной мысли (до этого мотивы защиты природы пояснялись только с точки зрения полезности для человека)6.

Другой идеолог отечественной природоохраны, петербургский профессор Андрей Петрович Семенов-Тян-Шанский, заявил на Первом Всероссийском съезде любителей мироведения в 1921 году, что придет день, когда для человека «станет священным право на жизнь как всех подобных, так и всего

того, чему предуказано жить и цвести на земле наряду с человечеством, не стесненном в своем творчестве природой»7. В опубликованной в 1919 году в журнале «Природа» статье «Свободная природа, как великий живой музей, требует неотложных мер ограждения» он говорил об этической стороне защиты «очагов свободной природы», призывал дать «право жить всему живому»8.

Таким образом, Г. А. Кожевников и А. П. Семенов-Тян-Шанский предвосхитили взгляды всемирно известных основателей экологической этики А. Швейцера и О. Леопольда: идею охраны дикой природы ради нее самой.

К сожалению, сейчас совершенно забыты труды современника Г. А. Кожевникова и А. П. Семенова-Тян-Шанского – русского философа Петра Демьяновича Успенского. В своей книге «Tertium organum», опубликованной в 1911 году, он заявил, что вся дикая природа – «гора, дерево, рыбка, капля воды, дождь, планета, огонь, – каждое в отдельности должно обладать своим сознанием»9. По его мнению, и любое дерево, и лес в целом – живое существо. Эта работа оказала большое влияние на отца экологической этики американского эколога и экофилософа Олдо Леопольда. Взгляды П. Д. Успенского натолкнули Леопольда на популярный нынче призыв: «Думай как гора». О том, что дикая природа – живое существо, говорил и легендарный верхнеуссурийский гольд Дерсу Узала, герой популярных книг русского исследователя уссурийской тайги В. К. Арсеньева. В 1902 – 1907 годах Арсеньев путешествовал по дикой природе Сихотэ-Алиня, а в 1921 – 1922 годах издал свои ставшие известными книги «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала». Эти работы внесли заметный вклад в популяризацию культа дикой природы в России. В сердца многих читателей запала знаменитая фраза Дерсу Узала, что земля, сопки, лес – «все равно люди».

Следует упомянуть также и о «природной этике» известного русского философа и анархиста П. А. Кропоткина, который в своем учении пришел к важнейшему выводу, что истоки нравственного, безусловно, лежат в природном мире.

Русские пейзажисты не могли не воспеть красоту дикой природы своей родины. Первенство в этом принадлежит А. Е. Мартынову, создавшему в начале XIX века великолепные полотна «Сибирский вид на реке Селенге» и «Байкал». Среди многих известных русских пейзажистов следует упомянуть также сибирского художника Г. И. Чорос-Гуркина. Написанные им на рубеже XX столетия картины «Корона Катуни», «Кедры на перевале», «Прибой на Телецком озере», «Горные вершины» и особенно «Озеро горных духов» могли бы вдохновить особую российскую пейзажную школу на манер американской школы Скалистых гор или школы реки Гудзон (подтолкнувших американцев к созданию национальных парков). К сожалению, талантливый художник был репрессирован и расстрелян в 1937 году, а его картины долгое время находились под запретом.

Николай Щербина, малоизвестный поэт середины XIX века, первым в отечественной поэзии и за восемьдесят лет до А. Швейцера провозгласил в своих стихах принцип благоговения перед жизнью:

Боюсь раздавить я ногою

Червя, что ползет под травою
Сияньем тепла наслаждаться;
Исполнен вниманьем
Для всякой летающей крошки,
И, груди сдержав колыханье,
В себя не втяну я дыханьем
В лучах затерявшейся мошки10.

Как и святой Франциск Ассизский, поэт видит в каждом живом существе и природном объекте «или друга, или брата», чует «повсюду живущего Бога» и обнимает «чувством широким» «сродную жизнь и стремленье всех сущих».

К сожалению, благоговейное отношение к дикой природе по известным политическим причинам не возобладало в культурных и научных традициях России и Советского Союза. Победил пафос «переделывания» и «покорения» природы. Лишь сейчас мы постепенно начинаем ощущать горечь потери и возвращаться к культурным истокам. Не поздно ли?

Охрана дикой природы с позиций мировых религий

Я попросил дерево: Скажи мне о Боге.
И оно зацвело.
Р. Тагор

Религиозные мифы, символы и образы для многих людей являются главным средством определения добра и зла, решения личных и общественных проблем, участвуют в мотивировании тех или иных поступков. Религия позволяет осознать, что контроль человека над живым и неживым миром отнюдь не безграничен, не всеобъемлющ. Если мы желаем защитить природу, мы не можем обойтись без религии.

Так как между различными религиями существуют значительные метафизические, этические, антропологические и социальные различия, то основой новой и действенной экологической идеологии и философии может стать синтез ключевых концепций и положений, касающихся сохранения природы, взятых из всех религий. Причем здесь важны не только базовые тексты Библии, Корана, Талмуда и т. п., но и другие религиозные источники: апокрифы, писания различных святых, размышления современных теологов, народные религиозные верования. Важное значение имеет также экофилософская интерпретация этих источников.

Лидеры некоторых церквей уже понимают необходимость «позеленения» религии и делают в этом плане серьезные шаги. В начале 80-х годов группа саудовских ученых проштудировала Коран на предмет отрывков, связанных с окружающей средой, и создала особый свод «Исламских принципов охраны природы». Не остались в стороне и джайнисты. Они разработали «Джайнистскую декларацию о природе».

В сентябре 1986 года по предложению Всемирного фонда охраны дикой природы (WWF) представители мировых религий встретились в Ассизи

(Италия) – месте рождения Франциска Ассизского, святого покровителя экологов, – дабы впервые вместе обсудить вопросы экологии и сотрудничества разных религий в этом вопросе.

В 1985 году таиландским экологом Нэнси Нэшем начат проект «Буддийское восприятие природы». Целью проекта является улучшение экологического понимания буддизма, активизация действий буддистов в защиту природы.

Определенные сдвиги в плане экологии наблюдаются и в деятельности Русской Православной Церкви. Недавно ею был разработан и принят основополагающий документ – «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», где специальный раздел посвящен экологическим проблемам. В частности, в нем содержится очень важное заявление, что «природа есть не вместилище ресурсов, предназначенных для эгоистического и безответственного потребления, но дом, где человек домоправитель, и храм, где он священник, служащий единому Творцу».

Многие экофилософы и деятели природоохраны сходятся во мнении, что буддизм является наиболее «экологической» религией. Забота о благе природного мира всегда считалась важным элементом в буддизме. Буддизм утверждает, что Вселенная и все существа в ней внутренне находятся в состоянии совершенной мудрости, любви и сострадания, действуя в естественной реакции и взаимозависимости. Многие этики видят в буддийских верованиях мягкую, глубокую и могучую модель взаимодействия между природой и человеком.

Буддизм отстаивает уважение, сострадание и альтруизм в отношении всех живых существ. Буддизм придерживается принципа «ахимсы», ненасилия по отношению к другим существам. Это означает отказ не только от всех дел, но и от всех мыслей, несущих насилие живым существам.

Очень близок по своим экологическим взглядам к буддизму джайнизм. Джайнизм учит, что каждое живое существо наделено материальной душой, не менее чистой и бессмертной, чем человеческая. Джайнизм довел до полного логического развития принцип «ахимсы» и наиболее бескомпромиссно защищает все формы жизни. Джайнисты известны тем, что организовывают по всей Индии лечебницы для животных, выкупают на базарах овец и коз, предназначенных на убой. Они являются строгими вегетарианцами, отказываются есть другую пищу, кроме объедков того, что было приготовлено для других; тщательно процеживают воду, чтобы не проглотить каких-либо водных организмов, и не едят при свете, дабы в пищу и огонь не попали насекомые.

Индуизм верит в особую ценность всякой жизни и учит ненасильственному отношению к природе. Святость жизни – один из основополагающих принципов этой религии. Только Бог имеет абсолютную власть над всеми созданиями, поэтому люди не могут распоряжаться ни собственной жизнью, ни жизнью других существ. Поэтому люди не должны действовать как наместники Бога на земле.

Святость Божьего творения означает, что мы не имеем права наносить

вред другим видам. Все жизни равноценны и имеют одинаковое право на существование. Земля принадлежит всем существам, а не только людям.

«Бхагаватгита», одна из основных книг индуизма, содержит изречение: «Спаси природу или умри». Эти слова взяты из диалога Кришны со слугой Арджуна.

Наиболее важным аспектом индуистской теологии является вера в то, что Высшее Существо само воплощается в другие существа. Поэтому всем видам животных должно оказываться почтение. Согласно индуизму, деревья одушевлены, они чувствуют радость и печаль. У каждого дерева есть свой дух, которому молятся и делают приношения в виде воды и сладостей. Индусы полагают посадку дерева религиозной обязанностью.

Согласно индуистской традиции, существует три базовых категории леса: 1) шриван – лес, приносящий благосостояние; 2) танован – лес, где мудрецы пребывают в поиске истины, священный лес; 3) махаван – большой природный лес, где все существа находят укрытие.

Лес «танован» оберегается в качестве места, где практикуются религиозные обряды. Здесь живут святые отшельники. Именно в таких лесах возникали новые ведические учения. Присутствие мудрецов гарантировало защиту леса. Ни одно животное или дерево не могло пострадать вблизи них. За нарушение этих религиозных запретов несли наказание даже цари.

Даосизм провозглашает культ Дао, Пути природы. Все, что делается против Дао, против природного пути, например уничтожение участков дикой природы, гибель видов, – неправильно и ведет к беде. Даосизм смеется над любой попыткой человека контролировать дикую природу, он настаивает на праве дикой природы развиваться самой по своим законам.

Ислам содержит очень много правил, притч и поучений в защиту живой природы. Так, Мухаммед заявлял, что посадка деревьев может служить заменой милостыни. Он учил, что, если придет Судный день и у тебя в ладони окажется росток пальмы, ты должен посадить его. Даже если будет потеряна всякая надежда, посадка должна продолжаться, так как посадка дерева – хорошее дело само по себе. Посадка пальмового ростка продолжает процесс развития и способствует продолжению жизни, даже если не предвидится никакой от нее выгоды.

Один из фундаментальных принципов ислама – «мизан» (принцип среднего пути) – означает, что все в природе, в том числе и человек, должно подчиняться определенным божественным (экологическим) законам. Поэтому мы должны признавать порядок, который существует вокруг нас, для самих себя и для остальных творений. Другой принцип ислама – «халифа» – означает, что люди больше, чем друзья земли, они ее стражи. И их священный долг – отвечать за землю. Согласно исламу, в мире (природе) есть нечто, скрытое Богом от людей и запретное. С этим миром нельзя соперничать, он сам по себе, как сам по себе Бог, самостоятелен по отношению к человеку.

Иудаизм утверждает, что мир представляет собой единую сущность и что жизнь является ценностью, которая должна сохраняться во всех живых существах так же, как и в человеке. Библейская традиция содержит очень

экологическую историю о Ное, первом защитнике биоразнообразия, который спас все виды вне зависимости от их полезности для человека. Согласно одной раввинской притче, Ной и его семья были спасены только из-за сострадания к диким животным, за которых они отвечали. Часто, гласит притча, они отказывали себе во сне по ночам, чтобы покормить своих подопечных. Согласно иудаизму, любое творение хорошо, ибо отражает славу своего Творца.

Анализируя экологические идеи в христианстве, первым делом нужно упомянуть святого Франциска Ассизского (1182 — 1226), основателя францисканского ордена монахов римско-католической церкви. Франциск подчеркивал присутствие Бога в разнообразии существ и желание Богом того, чтобы люди радовались этому разнообразию и восхваляли Бога за него. Он считал, что восхваление должно выражаться действиями, согласующимися с уважением к созданному биоразнообразию, а не просто соблюдением строгого правила воздержания от причинения вреда живым существам. Франциск выступал в защиту зверей в неволе, заботился о них или освобождал. Он уважал и неживую природу: старался не наступать на воду и почитал скалы. Он заставил людей кормить волка, взяв с него клятву не красть овец. Он просил садовников оставлять в садах место для диких трав, дабы «красота цветов могла возвещать о возможностях Отца всех существ», создав своего рода прообразы заказников дикой природы. Франциск полагал, что не существа должны служить человеку, а человек существам. В этом, как полагает известный американский экотеолог Д. Хьюджес, он стал радикальнее джайнистов.

Религия природоохраны

Дикое место! Такое же святое и
очарованное...
С. Колридж

Деятели охраны природы часто относятся к природе как к божеству. Для пионера американского заповедного дела Джона Мюира защита дикой природы являлась почти актом поклонения, уважение к дикой природе он понимал как религиозный опыт. Когда долину Хетч-Хетчи в Йосемитском национальном парке собирались залить водой, он объявил это место священным. Чтобы ободрить защитников заповедной долины, Мюир уверял, что им в этом деле помогает Бог, а сама Хетч-Хетчи имеет божественное начало.

Известный российский специалист в области охраны дикой природы, Ф. Р. Штильмарк как-то признался: «Утром я, как правило, предпочитаю пойти в ближний лес, а не стоять со свечой в храме, дыша чужим потом и ладаном. Вид старого дерева, живописной скалы или бурного моря восхищает меня более, чем икона»13.

Американский философ и эколог Линда Грэбер пишет: «Когда истинный природоохранник впервые встречается со своим личным идеальным пейзажем,

он, кажется, переживает момент трансцендентальное. Такая встреча волнует его так глубоко, что его восприятие пейзажа меняется навсегда, для него он становится святым. Идеальный пейзаж восхищает и привлекает его до такой степени, что он может оставить свою семью и переехать к этому святому месту. Если же это невозможно, то он будет его посещать при каждой удобной возможности. Он может не пожалеть усилий, защищая свой идеальный пейзаж от вреда, и при изучении его с целью более глубокого оценивания он будет пытаться передать его загадочность в искусстве или просто поведать о своем восторге семье и близким»14.

Жизнь давно подтвердила правдивость этих слов. Так, известный российский и украинский природоохранник профессор И. И. Пузанов еще в детстве «заболел» Крымом, испытав там «момент трансцендентальности», а затем всю свою жизнь посвятил защите его дикой природы. Председатель Байкальской комиссии Всероссийского общества охраны природы О. К. Гусев в молодости, попав на Байкал, был поражен дикой красотой, а затем стал одним из его ярых защитников.

Однако не обязательно испытывать благоговение перед каким-то одним участком дикой природы. Я знаю немало людей, ощущающих сакральность пространства в любом месте, где еще сохранилась свободная, неосквернённая человеком природа. Мне, например, такие ощущения памятны с раннего детства. Линда Грэбер полагает, что этих одухотворенных людей, решившихся бороться за свободу дикой природы, можно назвать особым религиозным сообществом. Это есть «братство посвященных, объединенных общей верой и социально отличных от непосвященного большинства»15. По-видимому, мы имеем в отношении к дикой природе своего рода особую религию, во многом близкую к языческой или буддийской. Я бы назвал такую религию религией природоохраны.

Религия природоохраны, в отличие от многих других религий, проповедует альтруизм, не запятнанный никакими меркантильными надеждами. Одно из главных чаяний многих религий – спасение. Религия природоохраны основана на спасении дикой природы, что отличает ее от других религий, цель которых – спасение человека. В религии природоохраны очень много от пантеизма. Но, в отличие от последнего, религия природоохраны обращает свое внимание не на всю природу, а только на природу дикую, а также не предполагает присутствия в ней божества, а только почитает ее как священную. Почитание дикой природы как священного пространства является базовым моментом в этой религии. Использование же священной дикой природы как ресурса считается формой греха.

Как традиционные религии прославляют разнообразные моменты человеческого жизненного цикла – рождение, вступление в брак, – последователи религии природоохраны могут прославлять циклы в дикой природе. Например, гидрологический цикл. Если в других религиях бог дождя прославлялся за то, что дождь выпадал на нужное для землепашца место, последователи религии природоохраны могут поклоняться просто чудесному переходу воды через небо и землю – круговороту, от которого мы зависим и

который нам надо уважать. Что же касается кислотных дождей, то они должны рассматриваться не как неудобство, а как богохульство.

Чем станет дикая природа, зависит от нас. Обращайтесь с ней с заботой и любовью – и она станет местом любви и заботы. Обращайтесь с ней как со святыней – и она станет священным местом. Как не согласиться с утверждением, что именно десакрализация природы во многом стала причиной современного экологического кризиса? Кстати, недаром в 1980 году тридцать два выдающихся ученых современности поставили свои подписи под документом, призывающим «усилия по охране природы наполнить видением священного»16.

Если дикую природу представлять как святилище, то наша роль – это роль защитника, пастыря, священника, который заботится об этом святилище. Возникновение религии природоохраны – результат длительной духовной и религиозной эволюции.

Все религиозные сообщества имеют свои культурные очаги, места, где они организовались и которые помогли сформировать их мировоззрение. Для российских защитников дикой природы одним из таких культурных очагов является зоомузей МГУ и Московское общество испытателей природы, где со времени Г. А. Кожевникова сформировалось не одно поколение природоохранников.

Как правило, приверженцы религии природоохраны прекрасно гуманитарно образованны, живут в крупных городах, любят бывать на лоне природы и преданны своим природоохранным организациям. Условно их можно разделить на три основные категории.

В первую, имеющую небольшую численность, входят наиболее ярые сторонники религии природоохраны, считающие дикую природу священной. Они не могут жить без дикой природы, поэтому работают в заповедниках, национальных парках, лично и непосредственно защищают дикую природу. Эта деятельность является для них смыслом жизни, они верят, что делают божеское дело.

Во вторую, более обширную, категорию входят также активные сторонники религии природоохраны, но живущие в городах (чаще всего в крупных культурных и научных центрах) и работающие (профессионально или на общественных началах) в природоохранных организациях. Дикую природу и они интуитивно почитают как сакральное пространство, хотя чаще об этом не задумываются.

В третью входят лица, которые не состоят членами общественных экологических организаций, не работают профессионально в природоохранных органах. Они практически не принимают участия в природоохранных акциях, но, бывая на дикой природе, относятся к ней с почтением и благоговением.

Еще в 1930 году американский природоохранник Роберт Маршалл писал: «Существует лишь одна надежда остановить тираническую амбицию цивилизации покорять каждую пядь на всей земле. Эта надежда состоит в организации духовных людей для свободы дикой природы»17.

Поскольку, как считают некоторые, идеологической причиной гибели

дикой природы стало христианство и некоторые другие религии, то и спасением для дикой природы, возможно, должна стать тоже религия – религия природоохраны.

Как дальше будет развиваться эта религия? Станет ли она «народной религией» или появится харизматическая личность, которая впоследствии будет считаться ее основателем? Необходимо ли внедрять ее через специальный религиозный институт или приобщение к ней будет происходить спонтанно? Пока ясно одно: религия природоохраны (признаем мы ее или нет) становится серьезным источником природоохранных мотиваций.

Права дикой природы

> *– Я, подтвердил польщенный кот и добавил: – Приятно слышать, что вы так вежливо обращаетесь с котом. Котам обычно почему-то говорят «ты», хотя ни один кот никогда ни с кем не пил брудершафта.*
>
> *М. Булгаков, «Мастер и Маргарита»*

Не так давно с Камчатки от руководителя общественной экологической организации «Камчатская лига независимых экспертов» Ольги Чернягиной мне пришло письмо: «Недавно на заседании Госкамчатэкологии было предложено изменить статус части территории Кроноцкого заповедника, так как „все граждане страны имеют право видеть уникальные уголки и заповедник не имеет права скрывать их от людей". Нам сейчас нечего противопоставить подобным доводам».

Антропоцентристской философии руководителей Госкамчатэкологии и Кроноцкого заповедника я противопоставил экоэтические взгляды, основанные на теории естественных прав Дж. Локка. Как я позже узнал, мой ответ вызвал бурную дискуссию среди камчатских экологов.

Я писал:

«Дикая природа, виды фауны и флоры так же, как и люди, обладают естественными (моральными) правами. Правом на свободу, на жизнь (существование), на защиту от гибели. Такие права дикой природе наиболее полно могут быть предоставлены только в заповеднике. За счет ущемления в свою очередь прав людей. Именно в этом заключается этический императив нашего морального взаимоотношения с дикой природой.

И еще. Право видеть красоту уникальных заповедных природных объектов не является для людей жизненно необходимым. Право дикой заповедной природы на существование и сохранение своей красоты и самобытности является для дикой природы жизненно необходимым. Поэтому право дикой природы в данном случае становится важнее прав людей. И заповедник должен быть закрыт для туристов на замок».

О естественных правах людей нынче говорят много и часто. Они

декларированы Европейской конвенцией по правам человека, Всеобщей декларацией прав человека, Международным пактом о гражданских и политических правах. Однако права животных, растений, участков дикой природы (экосистем) пока никакими международными документами не подтверждаются. Что является серьезным упущением как философской и правовой мысли, так и природоохранной практики.

Однако, прежде чем дальше обсуждать вопрос о естественных правах природы, следует оговорить следующее. В самой природе не имеется моральных отношений. Хищник, например, всегда поедает жертву, и с этой позиции нельзя говорить о соблюдении моральных прав животных. Однако экологическая этика рассматривает отношения не между природными объектами, а между человеком и природой через призму человеческой культуры. Именно в этой связи человек сам наделяет природные объекты естественными правами. Поэтому права зайцев, сосен и скал существуют только в понимании людей, когда последние берут на себя обязанность заботиться о зайцах, соснах и скалах.

«Признание прав животных (и растений, и участков дикой природы. — В. Б.), – пишет известный в России лидер движения за освобождение животных Т. Н. Павлова, – ставит вопрос о правильных и неправильных действиях без учета их последствий, т. к. права не зависят от пользы. Морально правильные действия не могут оцениваться с позиции пользы. Неправильное действие всегда аморально, даже если оно может принести кому-то пользу. Например, пытки подсудимых или пленников всегда были аморальны»18.

Вопрос предоставления прав природе на самом деле вовсе не нов. В разные времена в различных странах люди в той или иной степени касались прав живых существ. Так, иудаизм чуть ли не впервые в истории человечества дал право домашним животным на отдых от работы на седьмой день недели: «Но на седьмой день ты должен отдохнуть, и твой бык, и твой осел могут отдохнуть» (Исход, 23: 12). В Древнем Египте культурные традиции позволяли животным «выступать» с жалобами против человека. В средние века в Европе проводились специальные уголовные и гражданские процессы против животных, в которых они (например, петухи) участвовали в качестве подсудимых. Свое право на часть добычи имели охотничьи соколы и орлы в Аравии и Персии во время светских охот.

Поборниками прав животных всегда являлись американские индейцы. В Европе одним из первых о защите естественных прав дикой природы заговорил выдающийся английский поэт Вильям Вордсворт. Поднимая в 1830-х годах вопрос о защите красоты озерного региона в Англии, он писал о необходимости признания древнего права этого горного уголка на сохранение от уничтожения. В США первым защитником прав природы считается основатель американского заповедного дела Джон Мюир. Однажды в горах его спутник попытался убить скорпиона. Мюир остановил его, заметив, что все живые существа, как и человек, имеют право на жизнь.

В России одним из первых (1899) проблему прав животного поставил петербургский юрист С. Фишер. В своем фундаментальном труде «Человек и

животные. Этико-юридический очерк» он сделал далеко идущие выводы: «Результаты нашего исследования можно, поскольку они относятся к области практического права, выразить тремя следующими положениями: 1) Государство должно охранять интересы животных; 2) эта охрана должна выразиться в правовых нормах; 3) лучшим средством для этого является признание правовой личности животных, то есть наделение животных долей правоспособности»19.

И как в этой связи не вспомнить поэта Велимира Хлебникова, который видел «конские свободы и равноправие коров».

В общих чертах естественные права животных и растений можно определить как права на определенные блага и жизненные условия, без которых они не могут существовать как самостоятельные живые существа. Права живых существ (как и экосистем) принадлежат им от рождения, поэтому являются естественными, неотъемлемыми и неотчуждаемыми. Американский историк экологической этики Родерик Нэш пишет: «На уровне традиционного американского либерализма этика всегда стремилась защитить индивидуальную жизнь от таких совокупностей, как государство или страна. Философы „порешили", что сперва некоторые люди, затем все люди, затем животные и, по мере расширения круга, растения, насекомые... обладают ценностью и, как посчитали некоторые мыслители, естественным правом на жизнь, свободу и свое собственное счастье... С одной стороны, экологическая этика расширила традиционную либеральную философию за ее обычные концептуальные пределы. Сфера морального внимания стала настолько большой, что поставила под сомнение моральную ценность ее прежних индивидуальных компонентов. Но с другой точки зрения, экологическая этика создала совершенно новые определения того, что свобода и справедливость означала на практике. Она признала нераздельность индивидуального блага (или свободы) с экологической средой, в которой должен существовать отдельный организм»20.

Признание естественных прав подразумевает сложный оценочный процесс. Со временем из-за сильного социального консенсуса или укоренившейся веры определенные права могут объявляться естественными и быть узаконены в гражданских или религиозных кодексах.

Степень, до которой признаются права за конкретным существом, соответствует оценке, которая дается этому существу тем, кто признает за ним права. В этом случае наиболее ценимое существо получает наибольшее количество прав.

Считается, что люди имеют около 200 естественных (моральных) прав, животные (не говоря уже о растениях или участках дикой природы) – гораздо меньше. Итак, какие же естественные права с позиции экологической этики мы можем предоставить диким животным?

1. Право на жизнь.

Образует первооснову всех других естественных прав. Оно представляет собой абсолютную ценность, ибо все остальные права утрачивают смысл в случае гибели животного.

2. Право на свободу от человеческого вмешательства.

Под свободой диких животных понимается прежде всего их самостоятельная воля, свобода выбора, свобода от человеческого вмешательства, права медведя или белки самостоятельно определять свои поступки, располагать собой, своим временем.

3. Право на защиту от ненужного страдания.

Это право особо значимо для организмов, имеющих высокий филогенетический статус (птицы, млекопитающие), то есть испытывающих сильную боль при страдании.

4. Право на продолжение жизни.

Можно предположить, что цель любого существа – воспроизводить себе подобных. В противном случае вид, к которому относится животное, может исчезнуть или значительно уменьшить свою численность. Поэтому естественное право на продолжение жизни можно считать одним из основных.

5. Право на здоровую среду обитания.

Любое животное, попав в нездоровую для себя среду обитания, будет испытывать неблагоприятное воздействие, что может негативно повлиять на его способность к воспроизводству, продолжительность жизни, а то и повлечь заболевание и смерть.

6. Право на стремление к счастью.

В чем может состоять счастье для диких животных? Наверное, в том, чтобы оставаться такими, какие они есть: дикими, свободными и необыкновенно красивыми.

7. Право на реализацию эволюционного потенциала.

В каждом существе природой заложен эволюционный потенциал, ведущий к появлению новых форм жизни.

8. Право на защиту закона.

Все животные имеют право на защиту закона. В связи с тем, что само дикое животное не может подать в суд иск, в качестве истцов могут выступать организации и лица, занимающиеся защитой дикой фауны и выступающие как опекуны.

9. Право на достоинство.

Достоинство — это признание человеком уникальности, внутренней и внешней ценности животного, его значимости вне зависимости от пользы для человека и экосистемы.

Что же касается сельскохозяйственных животных, то в Конвенции Совета Европы о защите животных предложены специальные «пять свобод»: свобода от жажды, голода, недоедания; свобода от дискомфорта; свобода от боли, ран и болезней; свобода от страха и стресса; свобода нормально жить (право на нормальную жизнь).

Если о предоставлении естественных прав животным (как диким, так и домашним) дебаты ведутся уже более века, то о правах растений заговорили лишь совсем недавно.

Растениям могут быть предоставлены: право на жизнь; право на свободу от человеческого вмешательства; право на реализацию эволюционного

потенциала; право на возобновление; право на обеспечение жизнедеятельности; право на процветание; право на защиту закона; право на достоинство.

Современная общественная забота о природе, дальнейшее развитие экологической этики может привести к тому, что участкам дикой природы (экосистемам) может быть предоставлено право на существование; право на свободу от человеческого вмешательства; право на процветание; право на осуществление своей эволюционной судьбы; право на защиту закона; право на достоинство, а объектам неживой природы (скалам, дюнам, горам и т. д.) право на собственное сохранение и право на защиту закона.

Придание прав природе не означает, что ее запрещается в определенных случаях использовать в интересах человека, как, например, обладание людьми естественного права на свободу не мешает в известной ситуации сажать их в тюрьму. Так, права животных могут быть ограничены при угрозе свободе, жизни, здоровью, правам и интересам людей, а также существованию редких видов животных и растений.

Придание прав природе означает определенные изменения в природоохранном законодательстве, в результате которых еще более будут ограничены возможности добычи диких животных, генной инженерии, других способов использования живых существ.

Американский юрист К. Стоун пошел еще дальше, предложив предоставить природе и ее видам не только естественные, но и юридические права: «Бесправие природной окружающей среды может и должно измениться. Природные объекты не имеют прав не потому, что они не могут говорить. Корпорации, государства, владения, младенцы, муниципалитеты, университеты тоже не могут говорить. За них говорят юристы так же, как юристы говорят за обычных граждан, имеющих юридические проблемы. Я думаю, что с юридическими проблемами природных объектов следует обращаться так же, как обращаются с проблемами юридически некомпетентных человеческих существ. Если человеческое существо становится дряхлым и имеет дела, с которыми оно некомпетентно справиться, суд назначает человека, которому предоставляются полномочия управлять делами некомпетентного. „Хранитель", „попечитель" или „опекун" (терминология варьируется) представляет некомпетентного в его юридических делах... По аналогии нам следует иметь систему, в которой человек, озабоченный судьбой природного объекта, может обратиться в суд об учреждении попечительства... Поступая так, мы, по сути, делаем природный объект при помощи его попечителя юридической сущностью, компетентной собрать иски об ущербе и представить их перед судом даже там, где по юридическим или практическим причинам их не собираются представлять традиционно действующие истцы... Попечитель убедил бы суд в ущербе, в настоящее время непризнаваемом, — смерти орлов и несъедобных крабов, страдании морских львов, исчезновении с лица земли не имеющих коммерческой ценности птиц, гибели областей дикой природы...»21

Защита прав природы — область ответственности каждого человека и всех обществ, географические, культурные и идеологические границы здесь не должны иметь значения. Конечно, права природы нельзя приравнивать к

правам человека, но их нельзя полностью игнорировать.

Природоохранная эстетика

Красота в природе не есть выражение всякого содержания, а лишь содержания идеального...

В. Соловьев

Человек не сразу увидел и оценил красоту в природе. Так, специалисты проанализировали поэмы Гомера, обратив внимание на эстетическую оценку людей и богов, природного пейзажа, а также животных и растений. Каждая из этих трех групп имела индекс, показывающий количество соответствующих оценок. Люди и боги эстетически оценивались у Гомера 800 раз, пейзажи — 70 раз, флора и фауна только 24 раза22. Сафо обращала внимание на красоту людей и почти не замечала природных красот своего родного Лесбоса. Аристотель написал первый философский трактат по эстетике и посвятил его исключительно поэзии.

Отрицательному отношению к природной красоте в средние века способствовало и мнение христианской церкви, что эстетическое восхищение природой не следует поощрять, ибо любовь к природе отвращает, отвлекает от любви к Богу. Недаром в Библии практически нет восхваления красот природы. Немногим позже в христианстве стал бытовать иной взгляд – что красота природы создана только для восхваления Господа. Так, Микеланджело полагал, что земная красота является злом, если отвлекает душу от ее устремления ввысь.

Иной пример дает восточная культура, в частности японская. Уже в VIII — IX веках были культурно выделены особые пейзажи – горное Ёсино, бухта Сиогама на о. Хонсю, побережье Нанива в Осаке, славившиеся необыкновенной природной красотой, ставшие местом паломничества музыкантов, поэтов, буддийских монахов, японской знати.

Интересны традиционные японские понятия красоты: «саби» – красота старого природного объекта (векового дерева, замшелого пня); «юген» – красота и прелесть незавершенности, неудовлетворенности; «югэн» – красота невидимого, сокрытого, таинственного; «фуга» – красота покоя; «мудзе-ноби» – красота непостоянства, рождающаяся сама по себе в соответствующий момент, когда на человека сходит дар божества красоты.

В Европе эстетическое отношение к природе эволюционировало из искусства. Американский экофилософ Ю. Харгроув полагает, что высокая оценка красоты природы впервые появилась здесь в поэзии и ландшафтном садоводстве между 1725 и 1730 годами и около тридцати лет спустя – в ландшафтной живописи, художественной литературе и литературе о путешествиях23.

Естественно, следует отметить также влияние науки, в частности естествознания, а позже туризма, кинематографа и ландшафтной фотографии.

Считается, что Петрарка первым в европейской культуре поднялся на гору исключительно для того, чтобы насладиться красотой окрестностей, что стало важным культурным почином24.

В современной традиции красота природы рассматривается как средство для удовлетворения эстетических потребностей человека. Но получается, что только количество нашего удовольствия (или неудовольствия) обусловливает нашу эстетическую оценку ландшафта – и соответственно наше отношение к природе. В таком утилитарном подходе есть элементы торгашества.

Английский экофилософ Эмили Брэди полагает, что кантовская концепция «незаинтересованности» может стать основой для новой системы эстетических ценностей в отношении дикой природы, когда природный объект ценится ради своих собственных эстетических качеств, а не как средство для достижения каких-либо целей25.

Незаинтересованность можно отождествлять с моральностью. Ибо моральный поступок мотивируется чувством расположения или любви к чему-то ради него самого и является противоположным желанию иметь этот объект в качестве орудия для достижения своей цели или получения удовольствия. Незаинтересованность как основа эстетических оценок способствует формированию позиции, на которой эгоистический интерес и мысли об использовании природы отступают на задний план, на первое же место ставятся эстетические качества, ценные сами по себе, независимо от любых целей. Незаинтересованность (беспристрастность, отчуждение, объективность) не означает равнодушия, а лишь указывает на то, что природный объект оценивается независимо от потенциальной выгоды и того или иного потребительского интереса.

Для примера можно привести работу присяжных в суде, которые обязаны к подсудимому относиться незаинтересованно, объективно, вне зависимости от того, какую пользу или вред им может принести подсудимый.

Русский философ Н. О. Лосский писал: «Красота не есть только служебная ценность, то есть ценность лишь средства для достижения какой-либо цели, она есть самоценность так же, как нравственное добро, истина... и т. п.»26.

Отсюда следуют два важных практических вывода. Во-первых, мы должны защищать не только природную красоту, которую видим, но и ту, которую не видим, но знаем, что она существует. Так, многие из нас никогда не видели и не увидят творений Микеланджело, но знают, что они существуют, и готовы многим пожертвовать, чтобы их защитить. Точно так же недоступная для посещения туристами красота природы заповедников должна охраняться именно по этой причине: мы знаем, что она существует.

Во-вторых, мы должны защищать не только ту красоту, которую видим или знаем, что она есть, но и ту, которую мы разглядеть не можем, не знаем, существует ли она, но предполагаем, надеемся или верим, что она есть. Этот второй вывод позволяет взять под защиту ту природную красоту, которую человек еще не в состоянии оценить.

Непрагматические мотивы и принципы охраны дикой природы

Охранять дикую природу по причине того, что она научно или хозяйственно полезна, — не что иное, как скотство.
С.Забелин, лидер Международного социально-экологического союза

Представим, что на Земле появились внеземные существа с разумом настолько превосходящим наш, насколько наш превосходит разум белки. Представим, что их знания и технологии дают им возможность завладеть и управлять Землей, подчинить все виды живого, в том числе и человека, своим интересам. Будем ли мы считать лишение нас нашей свободы, порабощение или истребление такими существами морально оправданным? Навряд ли мы согласимся только с прагматической оценкой ценности человека как вида, игнорируя защиту своих прав и свобод, защиту себя с моральной точки зрения. Почему же тогда другие существа, дикую природу в целом мы рассматриваем только как ресурс для человека? И даже охраняем ради человеческой выгоды? А не потому, что они ценны, хороши сами по себе, сами для себя?

Следует иметь в виду, что в экологической этике природные объекты нашей заботы не способны ответить нам добром на добро. Мы защищаем китов, но киты не могут ответить нам тем же. Более того, без многих видов дикой природы люди в общем-то способны обойтись. Только у нас, людей, забота о других видах или объектах дикой природы может выходить за рамки наших биологических видовых интересов. Пришло время ценить и уважать дикую природу, ее виды не по прагматическим мотивам, а прежде всего по морально-религиозным, применяя этические понятия добра, долга, стыда, жалости и сострадания.

1. Охрана дикой природы – действие хорошее само по себе.

Люди могут в своих интересах лгать, обманывать, воровать. Но они приучены моралью и культурой не совершать подобных поступков, потому что воровать – плохо само по себе. Также и в случае с уничтожением участков дикой природы: необходимо осознать, что губить дикую природу нельзя не потому, что это выгодно или невыгодно для человека, а потому, что такой поступок плох сам по себе. Как воровство, как разбой, как предательство. И наоборот, действие в защиту дикой природы всегда является хорошим по своей сути.

2. Дикая природа обладает внутренней ценностью и не нуждается в оправдании со стороны.

Считается, что нечто обладает внутренней ценностью, если оно существует и ценно само по себе, для себя, для своей собственной пользы, независимо от его пользы для других, как цель сама по себе и является основанием определенных законов. Внутренняя ценность природы независима от признания или непризнания ее сознательным существом.

Понятие внутренней ценности разработал великий немецкий философ

Иммануил Кант27.

Можно предположить, что интерес или цель диких существ, видов и экосистем, имеющих внутреннюю ценность, заключается в сохранении жизни, в свободе, в продлении существования, в стремлении к счастью.

Внутренняя ценность целинной степи, древнего леса – абсолютная, безусловная, несравнимая ценность, измеряется она не в долларах, а в уважении. Наличие только одной внутренней ценности – уже достаточное основание для защиты дикой природы.

3. Не только люди, но и дикая природа подлежит спасению.

Согласно многим религиям, например христианству или иудаизму, человек подлежит спасению. Однако можно предположить, что не только люди, но и природа должна подлежать спасению, что является новым весомым религиозным аргументом в защиту биоразнообразия и дикой природы. Все думающие христиане и иудеи должны включать природу в сферу своего морального внимания исходя из того убеждения, что Бог также желает видеть ее искупленной в небесном царстве. Кто знает, может, Христос умер в не меньшей мере за дикую природу, чем за людей. Творец дикой природы является также и ее спасителем, а люди – сотрудниками Бога по спасению дикой природы.

4. Охрана дикой природы является делом божеским.

Любое благое дело, например постройка или защита храмов, у всех времен и народов считалось делом божеским. Защита дикой природы как творения Бога, являющейся храмом или священной территорией, также есть божье дело, важное и почетное.

5. Дикая природа есть Совершенно Иное.

Концепцию «Совершенно Иного», предложенную известным немецким историком и психоаналитиком религии Отто Рудольфом28, ввела в обиход экологической этики Линда Грэбер29. Дикую природу можно рассматривать как совершенно иную, чуждую нам цивилизацию необычного вида и необычной сущности. Она часто недоступна пониманию и непостижима.

Издавна западный человек с подозрением, а то и с враждебностью относился к любому Совершенно Иному. Буддизм, напротив, призывает к терпимости ко всем непохожим на нас существам и явлениям. Однако в эпоху экологического кризиса мы должны пойти дальше буддистов, научившись не только терпимо относиться к дикой природе как Совершенно Иному, но и ценить и защищать ее именно потому, что она – Совершенно Иное.

6. Дикая природа создана Богом.

Согласно мировым религиям, дикая природа, как и человек, суть божеское творение. То есть дикая природа совершенна, так как создана совершенным существом. Вся она до отдельных животных и растений обладает божественным порядком и заслуживает уважения и защиты как творение Бога. Когда человек губит это творение, он разрушает божественный порядок и оскорбляет творца, то есть Бога, что является грехом.

Развивая эти аргументы, можно утверждать: так как мир и вся дикая природа созданы Богом и принадлежат Богу, то человек не имеет права

производить в ней изменения и менять божественный порядок. Наоборот, он обязан ценить и беречь дикую природу, так как она ценится Богом. Таким образом, защита дикой природы является религиозным долгом.

7. Недостойно извлекать выгоду из страданий других существ.

8. Защита дикой природы является добровольным ограничением человеком экспансии собственного вида.

Как справедливо полагает украинский эколог В. Н. Гришенко, добровольное ограничение экспансии собственного вида (своего рода видовой альтруизм) – нечто принципиально новое в жизни на Земле. У многих видов есть поведенческие механизмы, предотвращающие убийство сородичей в конфликтах, но ни один вид, кроме человека, не способен пойти на ущемление собственных прав и интересов ради прав и интересов других видов, ради сохранения других форм жизни.

«Почему под „ближним", – спрашивает В. Н. Грищенко, – которого следует любить, мы должны подразумевать только человека, а жертвенность и отречение ограничивать лишь средой быта – соблюдения норм поведения, обрядов, постов и т. п. Отречение от безраздельного господства над природой, пожертвование частью своих благ и удобств ради сохранения божьего творения в целостности и красоте – это ли не величайший духовный подвиг, на который способно живое существо?»30

Современная идея дикой природы

Каков бы был мир, однажды лишенный сырой земли и дикой природы? Позвольте ему быть сохраненным. О, позвольте остаться дикой природе и сырой земле. Пусть здравствуют сорняки и дикая местность.

Д. Хопкинс

Без новых идей и концепций мы обречены вновь и вновь повторять старые ошибки. Созрела необходимость в интеллектуальных движениях, отстаивающих дикую природу как таковую, – так некогда разработанная философия человеческой свободы послужила основой для создания системы гражданских прав.

Дикая природа – постоянная и важная часть земли. Но она не ресурс. Дикая природа – это самоценность, начало, первопричина всего, первосоздание, начальная точка эволюции. Дикая природа является центром, источником абсолютной реальности, энергии, бытийной жизни. Дикая природа – это высшая природа. Она пропитана необузданной силой и духом, она своевольна и не поддается контролю. Дикая природа – сердце духовного мира, главное пространство жизни.

Определяемая этими постулатами современная идея дикой природы – это великая панкультурная идея, к которой рано или поздно придут все народы.

Может быть, самая радикальная идея в нынешнем мире – более радикальная, чем идеи Маркса или Мао.

Современная идея дикой природы состоит в том, что свободная природа является чем-то большим, чем просто ресурс или важный компонент экологических систем. Дикая природа – это особое священное пространство. Совершенно Иное, независимое государство, иная цивилизация, существующая вне человеческого контроля, ущемляемое человеком меньшинство.

Дикая природа имеет свою внутреннюю ценность, свои интересы, свое достоинство, свою цель и моральные права на существование и свободу. Существование дикой природы хорошо само по себе, а уничтожение или контроль над ней являются неправильным по своей сути.

Современная идея дикой природы объединяет взгляды либеральной демократии, экологии, религии и морали. Согласно современной идее дикой природы, мы должны любить, ценить, уважать и защищать дикую природу ради нее самой и ее экологической ценности, а не ради потребностей человека. Современная идея дикой природы восстанавливает древнее понятие священности участков дикой природы, расширяет рамки демократии до защиты моральных прав, свобод, автономии и независимости дикой природы и ее видов. Современная идея дикой природы – это идея спасения всей оставшейся дикой природы на Земле. Она помогает нам любить, уважать и защищать дикую природу – все то, что еще остается свободным, грубым, диким, красивым, непознанным и нетронутым. Дикая природа – для дикой природы.

Современная идея дикой природы учит, что люди не являются господствующим видом на Земле, Земля создана не только для человека, человеческая жизнь – всего лишь одна из форм жизни на планете, и человек не имеет никакого права брать Землю в исключительное владение.

Современная идея дикой природы учит, что недостаточно защищать немногие оставшиеся участки свободной природы. Необходимо отвести ей огромные области, сейчас используемые человеком. Нужно убрать оттуда людей и машины, рекультивировать дороги и распаханные земли, освободить скованные плотинами реки. Пусть вновь туда вернутся корабельные сосны, орлы, волки и медведи.

Чтобы в третьем тысячелетии сохранить биосферу, нам необходимы новые мифы. Современная идея дикой природы пробуждает индивидуальное восприятие и преобразует его в духовный опыт, в метафизическое понимание мира. Она учит состраданию, покорности и сочувствию. За ней – великое будущее.

Литература

1. Борейко В. Е. Закон США о дикой природе / / Современная идея дикой природы. – Киев, Киевский эколого-культурный центр, 2001. – С. 78.
2. Porteous A. Forest folklore, mythology, and romance. London, «George Allon, Unwin Ltd», 1928, p. 290.
3. «Нижегородские марийцы» / Сост. Н. В. Морохин. – Йошкар-Ола, Министерство культуры Республики Марий Эл, 1994. – С. 207 — 208.

4. Налимов В. П. Священные рощи удмуртов и мари / Этико-эстетический подход в охране дикой природы и заповедном деле. / Изд. второе, дополненное. – Киев КЭКЦ, 1999. С. 99-100.
5. Snyder G. Good, wild, sacred. Madley, «Five Seasons Press», 1984, p. 14 — 15.
6. Кожевников Г. А. О необходимости устройства заповедных участков. — Указ, сб. – С. 75.
7. Семенов-Тян-Шанский А. П. Задачи момента в деле охраны природы в России. — Указ. сб. –С.196.
8. Семенов-Тян-Шанский А. П. Свободная природа, как великий живой музей, требует неотложных мер ограждения. — Указ. сб. – С. 64.
9. Успенский П. Д. Сознание в природе. — Указ. сб. –С. 198.
10. Щербина Н. Ф. Избранные произведения. – Л., «Советский писатель», 1970. – С. 154.
11. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Церковь и проблемы экологии // Гуманитарный экологический журнал. – Т. 3, вып. 2. – 2001. – С. 51.
12. H u g h e s D. Francis of Assisi and the diversity of creation. — «Environmental ethics», 1996, p. 311 - 320.
13. Штильмарк Ф. Р. Таинство заповедания // Гуманитарный экологический журнал. – Т. 1, вып. 1. – 1999. – С. 38.
14. Грэбер Л. Дикая природа как священное пространство. – С. 41.
15. Там же. – С. 29.
16. Борейко В. Е. Постижение экологической теологии. – С. 60.
17. Бор с и ко В. Е. Постижение экологической теологии. – С. 62.
18. Павлова Т. Н. Биоэтика в высшей школе. – Киев, КЭКЦ, 1998. – С. 60.
19. Фишер С. Этика и право по отношению к животным. – Указ, сб. – С. 208.
20. Нэш Р. Права природы. История экологической этики. – Киев, КЭКЦ, 2001. – С. 127.
21. Стоун К. Должны ли деревья иметь права? // Гуманитарный экологический журнал. – Т. 3, вып. 1. – 2001. – С. 58.
22. Hargrove E. Foundations of environmental ethics. New Jersey, «Prentice Hall», 1988, p. 229.
23. Там же.
24. Там же.
25. Brad i E. Don't eat the daisies: disinterestedness and the situated aesthetic. — «Environmental values», v.7, № 1, 1998, p. 97 – 114.
26. Лосский Н. О. Мир как осуществление красоты. Основы эстетики. – М., «Прогресс-Традиция», 1998. – С. 239 – 240.
27. Кант И. Основы метафизики нравственности / Сочинения. В шести томах. – Т. 4, ч. 1. – М., «Мысль», 1965. – С. 219 – 310.
28. Rudolf Otto. The idea of the holy. Oxford and New Jork, «Oxford University Press», 1950, p. 215.
29. Грэбер Л. Дикая природа как священное пространство. – С. 56.

30. Грищенко В. Н. Экологическая этика и заповедное дело. – «Заповщна справа в Украш!». – Т. 7, вып. 1. – 2001. – С. 3.

Итернет-источник
http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2002/7/bor.html

ПРИРОДООХРАННЫЕ ЦЕННОСТИ И ЭТИКА

Б. Кэлликотт

Для меня непостижимо, что этические отношения с землей могут существовать без любви, уважения и восхищения землей, и высокого уважения к ее ценности. Под ценностью, конечно, я имею в виду что-то гораздо более широкое, чем простая экономическая ценность; я имею в виду ценность в философском смысле.

Олдо Леопольд, 1949 г

Ценность биоразнообразия

Биологи охраны природы часто рассматривают ценность биоразнообразия как данную. Для многих неспециалистов, однако, ценность биоразнообразия может не быть такой очевидной. Потому что усилия по охране природы требуют широкой общественной поддержки, биолог охраны природы должен быть способен полностью провозгласить ценность биоразнообразия. Почему мы должны заботиться – то есть ценить – биоразнообразие?

Философы окружающей среды по обычаю делят ценность на два основных типа, выраженных альтернативными парами терминов: инструментальное или утилитарное в противоположность внутреннему или присущему. Инструментальная или утилитарная ценность – это ценность, которой нечто обладает как средство достижения целей другого. Внутренняя или присущая ценность – это ценность, которой что-то обладает как самоцелью. Внутренняя ценность человеческих существ редко оспаривается. Внутренняя ценность негуманоидных природных сущностей и природы как целого были предметом больших противоречий. Вероятно поскольку предложение о том, что негуманоидные природные сущности и природа могут также иметь внутреннюю ценность, является таким новым и противоречивым, некоторые выдающиеся защитники окружающей среды (напр., Myers 1983) предпочитали давать чисто утилитарное рациональное обоснование для сохранения биоразнообразия. Точка зрения о том, что биоразнообразие обладает ценностью только как средство достижения человеческих целей, называется антропоцентрической (сконцентрированной на человеке). С другой стороны, точка зрения о том, что биоразнообразие является ценным просто потому, что

оно существует независимо от его использования человеческими существами, называется биоцентрической.

Инструментальная ценность

Антропоцентрическая инструментальная (или утилитарная) ценность биоразнообразия может быть разделена на три базовые категории – вещи, услуги и информация. Психологически-духовная ценность биоразнообразия является, возможно, четвертым видом антропоцентрической утилитарной ценности (табл. 1).

Таблица 1. Четыре категории инструментальной ценности биоразнообразия

Категория	Примеры
Вещи	Пища, топливо, ткань, лекарство
Услуги	Опыление, восстановление, фиксация азота, гомеостатическое регулирование
Информация	Генная инженерия, прикладная биология, чистая наука, научные знания
Психологически-духовная	Эстетическая красота, религиозное благоговение, ценность

Во-первых, вещи. Человеческие существа едят, отапливаются, строят и по-другому употребляют многие другие существа. Но только небольшая доля всех форм жизни исследовалась на предмет их полезности как пища, топливо, ткань и другие товарные ценности. Многие потенциальные пищевые растения и животные могут ждать своего открытия. И многие из них могут выращиваться в садоводческом или сельскохозяйственном масштабе, а также промышляться в дикой природе, по крайней мере добавляя разнообразия к человеческой диете и возможно даже спасая вас от голодания, если обычные культуры пропадут в результате неизлечимой болезни растений или неконтролируемых паразитов (Vietmeyer, 1986a, b). Быстро растущие деревья – полезные для топлива или изготовления угля, древесной массы или древесины – могут по-прежнему быть неоткрытыми в тропических лесах. Новые органические пестициды могут быть изготовлены из растений, которые должны быть проверены или открыты (Plotkin, 1988). Медицинский потенциал до сих пор неоткрытых и/или непроверенных растений и животных кажется наиболее популярным и убедительным рациональным обоснованием сохранения биоразнообразия такого типа. Винкристин, извлеченный из мадагаскарского барвинка, представляет собой популярное лекарство для лечения детской лейкемии (Farnsworth, 1988). Открытый в конце 1950-х годов, он чаще всего приводится как пример нового и эффективного лекарства против рака, изготовленного из вида, встречающегося в месте, где туземная флора и фауна сейчас находится под

угрозой полного уничтожения. Несомненно, многие до сих пор непроверенные, вероятно, даже неоткрытые виды могли бы оказаться столь же важными для медицинского использования – если мы сможем спасти их.

Степень, в которой сторонники охраны природы полагаются на аргумент о том, что потенциальные лекарства могут быть утеряны, если мы позволим продолжаться истреблению видов, является красноречивой. Она отражает почтение и уважение, с которыми к лекарствам относятся в современной западной культуре – культуре, которая могла бы показаться страдающей ипохондрией. Не жалейте расходов или неудобств, чтобы спасти их, если неисследованные экосистемы могут давать убежище для неоткрытых лекарств против наших болезней! По словам Мидоуз (Meadows, 1990) “некоторые экологи настолько устали от этого направления рассуждений, что они нехотя ссылаются на “аргумент мадагаскарского барвинка”... [Эти] экологи так ненавидят этот аргумент, потому что он является одновременно невежественным и высокомерным. Он предполагает, что миллионы видов Земли находятся здесь, чтобы служить экономическим целям всего одного вида. И даже если вы принимаете эту идею, она упускает из виду более крупные и более ценные способы, которыми природа служит нам”.

Что приводит нас ко второй позиции, услугам. Часто упускаются из виду людьми, которые идентифицируют себя в первую очередь и прежде всего как “потребители”, услуги, оказываемые другими видами, прилежно работающими в сложно оркестрованной экономике природы (Meadows, 1990). Зеленые растения пополняют кислородом атмосферу и устраняют двуокись углерода. Определенные виды насекомых, птиц и летучих мышей опыляют цветковые растения, включая многие сельскохозяйственные виды, и утрачиваются пугающими темпами (Buchmann, Nabhan, 1996). Грибковые и микробные формы жизни в почве разлагают мертвый органический материал и играют ключевую роль в восстановлении питательных веществ из растений. Ризобиальные бактерии превращают азот атмосферы в пригодное к использованию азотное удобрение для растений. Если гипотеза Гайа (Lovelock, 1988) является правильной, температура Земли и соленость ее океанов регулируются органически. Человеческая экономика представляет собой не более, чем маленькую подсистему экономики природы, и она потерпела бы быстрый крах, если бы крупные сектора услуг окружающей среды в более широкой экономике природы были бы разрушены.

В-третьих, информация. Бездумное разрушение видов “не испытывающих заботы и неоткрытых” – по словам современника Дарвина и его сооткрывателя эволюции путем естественного отбора Альфреда Уоллеса (Wallace, 1863) – сравнимо с поджиганием отделов огромной библиотеки и сжиганием книг, которые никто не читал. Каждый является хранилищем информации. Желательные характеристики, закодированные в обосабливаемых генах и передаваемых посредством соединения генов генетическим или медицинским ресурсам, могут быть “сожжены” вместе с “книгой”, в которой они могли быть когда-то найдены. Генетическая информация, другими словами, представляет собой потенциальное экономическое благо. Такая

информация также приносит еще одну пользу, которую труднее выразить. Мидоуз (1990), однако, прекрасно это передает: “Биоразнообразие содержит накопленный разум природы и ключ к ее будущему. Если вы когда-нибудь захотели бы разрушить общество, вы бы сожгли его библиотеки и убили его интеллигенцию. Вы бы разрушили его знания. Знания природы содержатся в ДНК внутри живых клеток. Разнообразие генетической информации представляет собой движущий механизм эволюции, иммунную систему для жизни, источник приспосабливаемости”.

Около 1,5 миллионов видов были формально наименованы и описаны. Основываясь на наиболее консервативных недавних оценках общего количества видов на планете – между пятью и десятью миллионами – это означает, что только максимум 15-30% известны науке (Gaston, 1991). Основываясь на более либеральных недавних оценках общего – 30 миллионов или более – количество известное науке могло бы представлять менее чем 5% (Erwin, 1988). Представим себе утрату для науки, если, как предсказывает Рейвен (Raven, 1988), 25% форм жизни в мире в результате разрушения большей части их влажной тропической среды обитания, будут истреблены в наступающей четверти столетия, прежде чем они смогут быть названы и описаны наукой.

Подавляющее большинство этих находящихся под угрозой видов не является сосудистыми растениями или позвоночными животными; это насекомые (Wilson, 1985b). Причина, по которой Эрвин (1988) подозревает, что может существовать так много видов беспозвоночных, состоит в том, что многие могут быть эндемичными или специфичными. Большая часть этих неизвестных насекомых, подвергающихся риску истребления, вероятно оказались бы бесполезными для человеческого питания или лекарств – либо как целые организмы, либо как источники химических экстрактов, либо как источники генетических фрагментов – вероятно немногие также играют жизненно важную роль в функционировании региональных экосистем (Ehrenfeld, 1988). Хотя может быть трудно так бессердечно рассматривать такую трагедию, мы тем не менее можем описать их утрату в чисто утилитарных терминах – как значительную утрату потенциального нематериального человеческого блага, а именно чисто человеческих знаний о флоре и фауне.

В четвертых, психологически-духовные ресурсы. Олдо Леопольд (Leopold, 1953) надеялся, что при помощи науки люди приобрели бы “рафинированный вкус к природным объектам”. Жук, каким бы он ни был крохотным и ординарным, какими бывают жуки, является таким же потенциально красивым, как любое произведение изящного искусства. И природное разнообразие – богатая и разнообразная флора и фауна – это нечто, что как думает Суле (Soulé, 1985), почти каждый предпочитает монотонности. Уилсон (Wilson, 1984) находит особое чудо, благоговение и тайну в природе – которые он называет “биофилией”, и которые для него кажутся почти лежащими в основах религии естественной истории. Быть тронутым красотой организмов и целых здоровых экосистем, испытывать чувство изумления и

благоговения перед лицом неистощимых чудес природы значит стать лучшим человеком, по словам Нортона (Norton, 1987).

Если с точки зрения ценности информации – генетической и другой – бездумное разрушение биоразнообразия подобно сжиганию книг, тогда с точки зрения природной эстетики и религии оно является подобным вандализму в картинной галерее и осквернению церкви. Выражалось мало сомнений в том, что ценность чистого научного знания является антропоцентрической, а эстетическая и духовная ценность часто понимается как напыщенный вид утилитарной ценности. Эренфельд (Ehrenfeld, 1976) думает, что эстетические и духовные рациональные обоснования для сохранения биоразнообразия являются "все же укорененными в гомоцентрическом, гуманистическом мировоззрении, которое ответственно за то, что природный мир, включая нас, оказался в своем современном состоянии". Тем не менее, красота и святость природы иногда описывались как внутренняя, а не как инструментальная ценность. По словам Сагоффа (Sagoff, 1980), например, "мы наслаждаемся объектом, потому что он является ценным; мы не ценим его, просто потому что мы наслаждаемся им... Эстетический опыт – это восприятие, так сказать, определенного вида ценности".

Внутренняя ценность

В отличие от инструментальной ценности, внутренняя ценность не является делимой на категории. Обсуждение внутренней ценности сфокусировалось на двух других вопросах: видах вещей, которые могут обладать внутренней ценностью, и тем, существует ли внутренняя ценность объективно или она присваивается субъективно.

В ответ на растущую озабоченность разрушением людьми негуманоидной жизни, некоторые современные философы порвали с западными религиями и философской традицией и приписывали внутреннюю ценность под любым именем следующему: животным с ясным сознанием (Regan, 1983); способным чувствовать животным (Warnock, 1971); всем живым существам (Taylor, 1986); видам (Callicott, 1986; Rolston, 1988; Johnson, 1991) и эволюционным процессам (Rolston, 1988). Леопольд (1949, 1953) приписывал "ценность в философском смысле" – под которой он мог иметь ввиду только то, что философы называют "внутренней ценностью" – "земле", определенной как "все из вещей на, над или в земле" (Callicott, 1987a). Суле (1985) категорически утверждает, что "биотическое разнообразие обладает внутренней ценностью", а Эренфельд (1988) категорически утверждает, что "ценность является внутренней частью разнообразия".

Философы окружающей среды, которые утверждают, что внутренняя ценность существует объективно у человеческих существ и других организмов, рассуждают следующим образом. В противоположность машине, такой как автомобиль или пылесос, организм является "автопоэтическим" – самоорганизуемым и самоуправляемым (Fox, 1990). Автомобиль изготавливается; другими словами он не растет, оркеструемый своим собственным ДНК. И задачи автомобиля – транспортировать людей или

придавать статус его владельцу – навязываются ему из источника вне его. Машины не имеют своих собственных целей или задач, как организмы, – ни сознательно выбранных целей, ни генетически определенных целей. Каковы самостоятельно установленные цели организма? Они могут быть многочисленными и сложными. Для нас, человеческих существ, они могут включать что угодно от выигрыша олимпийской золотой медали до того, чтобы смотреть теливизор как можно больше. Все организмы, однако, стремятся (обычно несознательно и в эволюционном смысле) достичь базовых заранее определенных целей – расти, достичь зрелости, производить потомство (Taylor, 1986).

Таким образом, интересы могут быть постижимо приписаны организмам, но не машинам. Иметь обильный солнечный свет, воду и богатую почву в интересах дерева дуба, хотя дуб может не быть активно заинтересован в этих вещах, точно так же, как поедание свежих овощей может быть в интересах ребенка, хотя ребенок может быть активно заинтересован в биологически бесполезной пище. Можно возразить, что по аналогии регулярные смены масла в интересах автомобиля, но поскольку цели или задачи автомобиля не его собственные, хороший уход не в его собственных интересах, но в интересах его пользователя, чьим задачам он исключительно служит. Еще один способ сказать, что постоянно борющиеся и часто процветающие организмы обладают интересами, это сказать, что они имеют свое собственное благо. Но благо – это всего лишь более старое, более простое слово, означающее во многом то же самое, что и ценность. Следовательно, признать, что организмы обладают интересами – имеют свое собственное благо – означает признать, что они обладают тем, что философы называют внутренней ценностью.

Внутренняя и инструментальная ценности не являются взаимоисключающими; многие вещи могут цениться одновременно за их полезность и ради самих себя. Работодатели, например, могут ценить своих служащих обоими способами. Подобным образом, внутренняя ценность биоразнообразия не исключает оценки различных отношений, в которых она является инструментально ценной.

Нортон (Norton, 1991) пишет, что некоторые философы окружающей среды и биологи охраны природы, утверждая, что биоразнообразие обладает внутренней ценностью (или является внутренне ценным) действительно принесли больше вреда, чем пользы для дела охраны природы. Почему? Потому, что вопрос внутренней ценности разделяет сторонников охраны природы на две подозрительные друг к другу фракции – антропоцентристов и биоцентристов. Последние отвергают первых как “поверхностных ресурсистов”, а первые думают, что вторые ушли слишком глубоко (Norton, 1991). Если биоразнообразие является ценным, потому что оно обеспечивает продолжение экологических услуг, представляет собой резервуар потенциальных ресурсов, удовлетворяет нас эстетически, вдохновляет нас религиозно и делает из нас лучших людей, практический результат является точно таким же, как если мы приписываем ему внутреннюю ценность: нам следует сохранить его. Инструментальная оценка биоразнообразия и ее

внутренняя оценка “сливаются” в идентичных природоохранных политиках, на взгляд Нортона; таким образом нам в действительности нет необходимости апеллировать к внутренней ценности биоразнообразия, чтобы обосновать природоохранную политику. Отсюда следует, утверждает Нортон, что противоречивое и разделяющее предположение о том, что биоразнообразие обладает внутренней ценностью, должно быть отброшено. Широкий и длительный антропоцентризм, думает он, представляет собой адекватный набор ценности для природоохранной биологии.

Приписывание внутренней ценности биоразнообразию, однако, имеет практическое отличие в одном важном отношении, которое Нортон, по-видимому, не принял во внимание. Если бы внутренняя ценность биоразнообразия была так же широко признана, как и внутренняя ценность человеческих существ, существовало ли бы большое отличие? Все формы эксплуатации природных ресурсов, которые могли бы подвергнуть его риску, не были бы абсолютно запрещены, поскольку внутренняя ценность легко может быть проигнорирована. В конце концов признание внутренней ценности человеческих существ не запрещает абсолютно подвергать риску людей, когда преимущества для общего блага (или “совокупной пользы”) такого действия являются достаточно большими. Например, в 1990 году солдаты из Соединенных Штатов и других индустриальных стран были отправлены в бой, и некоторые были убиты или ранены, не для того, чтобы защитить себя и своих сограждан от неминуемого уничтожения, но для того, чтобы обезопасить поставки средневосточной нефти и достичь геополитических целей.

Скорее, если бы внутренняя ценность биоразнообразия была широко признана, тогда нужно было бы предложить достаточное обоснование, чтобы подвергнуть его риску – точно так же, как мы требуем достаточного обоснование для того, чтобы подвергнуть солдат риску, послав их на войну. Практическое отличие, которое связано с приписыванием внутренней ценности биоразнообразию, состоит в переносе бремени доказательства со сторонников охраны природы, которые пытаются защитить его, на тех, чьи действия могли бы подвергнуть их опасности. Фокс (Fox, 1993) излагает это ясно и сильно:

Признание внутренней ценности негуманоидного мира оказывает драматическое воздействие на структуру споров об окружающей среде и принятие решений. Если негуманоидный мир считается только инструментально ценным, тогда людям разрешается использовать и по-другому вмешиваться в любой аспект его по любой причине, по какой они пожелают. Если кто-либо возражает против такого вмешательства, тогда в рамках этой референтной структуры, несомненно на человеке, который возражает, лежит бремя обоснования того, почему для людей полезнее оставить в покое этот аспект мира. Если, однако, негуманоидный мир считается внутренне ценным, тогда на человека, который хочет вмешаться в него, переносится обоснование того, почему следует позволить это сделать.

Денежное выражение ценности биоразнообразия

Денежное выражение ценности биоразнообразия является технической задачей для экономистов. Здесь мы обсуждаем только основные способы придания биоразнообразию долларовой стоимости и философские вопросы, которые позволяют сделать это. Могло бы показаться, что только инструментальная ценность биоразнообразия подвержена выражению в денежных терминах. Некоторые экономисты окружающей среды, соответственно, открыто поддерживают строгий антропоцентризм (Randall, 1986). Однако, как мы увидим, даже внутренняя ценность биоразнообразия может быть принята во внимание в экономических оценках природоохранных целей.

Некоторые находящиеся под угрозой виды имеют рыночную ценность: среди них известны слоны за их бивни, носороги за их рога, киты за их мясо, кость и жир, и бенгальские тигры за их шкуру. В некоторых случаях – голубой кит и кашалот, например, – их денежная ценность представляет собой единственную причину, по которой видам угрожает истребление. В других случаях – бенгальский тигр и горная горилла, например, – разрушение среды обитания также является фактором в том, что они оказались под угрозой. Майерс (Myers, 1981), однако, показывает, что преимущества их денежной стоимости могут быть ключом к сохранению многих видов. Альтернативную.

Согласно современной экономической теории, то, что необходимо для трансформации рыночной цены вида из природоохранных пассивов в природоохранные активы, это вывести его из состояния, которое экономисты называют “общим” и “оградить” его. “Ограждение” здесь не означает буквального построения ограждения вокруг популяции вида; это означает скорее присвоение права прореживать его. Дикий вид, который обладает рыночной ценностью, подвержен чрезмерному промыслу, когда права собственности на него не могут быть закономерно утверждены и поддержаны. Это приводит к трагедии общественных земель (Hardin, 1968). Если ресурсом можно владеть (либо частным, либо общественным образом) и права собственности на него могут поддерживаться, тогда вид будет сохранен, как гласит теория, потому что владелец не будет испытывать искушения “зарезать курицу, которая несет золотые яйца”.

Будет ли он, она или оно? Другие факторы, такие как темпы воспроизводства видов и темпы роста в отношении к процентным ставкам, дисконтным ставкам и так далее осложняют простую картину. Как указывает Ханеман (Haneman, 1988): “уровень процентной ставки, природа функции чистой прибыли и ее движения с течением времени и динамика процесса природного роста ресурсов сочетаются, определяя оптимальный межвременной путь эксплуатации... При прочих равных обстоятельствах, чем выше процентная ставка, при которой будущие проценты можно не принимать во внимание, тем более оптимально истощать ресурс сейчас”.

Синий кит является уместным примером. Международная комиссия по китобойному промыслу эффективно ограждает популяции китов, несмотря на периодическое браконьерство, выделяя квоты на промысел вида китобойным

странам (Forcan, 1979). Кларк (Clark, 1973), однако, делает заключение, что было бы более прибыльным охотиться на синего кита до полного истребления и инвестировать вырученные средства в какую-нибудь другую область, чем ждать восстановления популяции вида и бесконечно промышлять синего кита на поддерживаемом уровне. Кларк не рекомендует этого направления действий. Напротив, его мысль заключается в том, что одна рыночная сила не может всегда быть направлена на пользу природоохранным целям.

Идея сохранения пригодных для экономической эксплуатации видов, находящихся под угрозой, путем их ограждения и переносимого промысла может работать довольно хорошо в сохранении видов с относительно высокими темпами воспроизводства и роста (как у копытных), но может вообще не действовать при сохранении видов, которые имеют относительно низкие темпы роста и воспроизводства (как у китов). Следовательно, вступление на рынок в деле охраны природы должно выполняться очень старательно, с рассмотрением каждого случая в отдельности.

Потенциальные блага – новая пища, топливо, лекарства и т. п. – не имеют рыночной цены очевидно потому, что они остаются неизвестными или неразвитыми. Разрушать виды волей-неволей до того как они могут быть открыты и исследованы на предмет их потенциала как ресурса означает уничтожать шанс того, что желаемый товар станет доступным в будущем. Отсюда следует, что биоразнообразию может быть приписана “цена возможности”, определенная как “количество людей, которые были бы согласны заплатить заранее, чтобы гарантировать возможность будущего использования” (Raven et al., 1992). Цена возможности любого данного неоткрытого или неописанного вида может быть очень небольшой, потому что вероятность того, что данный вид окажется полезным, также очень невысока (Ehrenfeld, 1988). Но сложенные вместе цены возможности миллиона или более видов, которым в настоящее время угрожает полное истребление, могут быть достаточно громадными.

Рынок присваивает долларовую стоимость биоразнообразию другими способами, чем цена реальных или потенциальных благ, которые обеспечивает природа. Люди платят за посещение национальных парков, например, и за походы по областям дикой природы. Такая плата, не меньшая, чем стоимость стейков из диких животных, – выражает стоимость единицы биоразнообразия в деньгах. Но часто, поскольку оплата за пользование обычно низка, подлинная денежная стоимость психологически-духовного “ресурса” недостаточно выражается только этими оплатами. Субсидии, предоставляемые местными, уровня штата и федеральными налоговыми бюджетами, также должны учитываться при оценке денежной стоимости психологически-духовного ресурса. Деньги, которые люди тратят – на такие вещи как бензин, пища, жилье и лагерное оборудование – чтобы добраться до конкретного места и посетить его, могут быть приписаны ресурсу с использованием “метода дорожных расходов” (Peterson, Randall, 1984). “Условная оценка”, в которой людей опрашивают и спрашивают, сколько бы они согласились заплатить за возможность наслаждаться определенным опытом – скажем слышать вой волков в Йеллоустонском национальном парке в Соединенных Штатах – также

используются, чтобы рассчитать долларовую стоимость психологически-духовных ресурсов (Peterson, Randall, 1984).

Даже экономисты сейчас признают – и конечно пытаются выразить в денежном отношении – “стоимость существования” биоразнообразия (Randall, 1988). Некоторые люди получают небольшое количество удовлетворения, просто зная, что биоразнообразие защищается, даже если они не имеют намерения потреблять экзотические блюда или лично наслаждаться опытом дикой природы. Стоимость существования имеет свою цену; одним из способов приписать ее было бы подсчитать количество денег, которые люди, ведущие сидячий образ жизни, в действительности вкладывают в природоохранные организации, такие как The Nature Conservancy или Rainforest Action Network, экономисты сейчас также признают “стоимость наследия” – сумму, которую согласны заплатить люди, чтобы обеспечить то, что будущие поколения *Homo sapiens* унаследуют биологически разнообразный мир (Raven et al., 1992).

Чаще предпринимаются попытки денежного измерения стоимости часто бесплатной или недооцениваемой рекреационной, эстетической, интеллектуальной и духовной полезности природы, чем попытки денежного измерения стоимости услуг, которые экономика природы обеспечивает для человеческой экономики. Отчасти это может просто отражать уровень экологической грамотности среди экономистов, которые могут быть растущими знатоками “теневого ценообразования” (как иногда называется условная оценка) психологически-духовных ресурсов. Как периодические экотуристы и потребители рекреации на открытом воздухе они могут легко понять эти ресурсы, но нюансы загрязнения, цикла питательных веществ и т. п. могут оставаться тайной для них. Их пренебрежение количественным измерением сектора услуг экономики природы может также отражать тот факт, что до сих пор наиболее жизненно важные услуги, оказывавшиеся нам другими видами бесплатно, не являются недостаточными, а экономисты рассчитывают цены только на те вещи, которые таковыми являются (но см. Buchmann, Nabhan, 1996).

Мидоуз (1990) намекает на один из способов денежного измерения природных услуг: “Как бы вам понравилась работа, – спрашивает он, – опыления триллионов цветков яблони в один солнечный полдень в мае? Может быть, можно себе представить, что вы можете изобрести машину, чтобы делать это, но нельзя себе представить, чтобы машина могла работать так элегантно и дешево, как медоносная пчела, тем более попутно создавать мед”. Стоимость экономики услуг природы могла бы быть денежно измерена путем подсчета стоимости замены природных услуг искусственными. Но с точки зрения недостаточности и возможностей, какой была бы цена использования человеческого труда или машин для опыления растений, если – в результате современных экономических практик, таких как избыточное использование инсектицидов – в будущем опыляющие организмы были бы исчезающе недостаточными?

Эренфельд (1988) отмечает, однако, что точно так же как многие виды имеют незначительную потенциальную ценность как товары, многие виды,

вероятно, имеют незначительную важность в секторе услуг экономики природы: “Виды, представители которых являются самыми немногочисленными по количеству, самыми редкими, наиболее узко распространенными – короче говоря те, которые вероятнее всего могут быть истреблены, – очевидно являются видами, которых наименее вероятно будет не хватать биосфере. Многие из этих видов никогда не были обычными или экологически влиятельными; никаким усилием воображения мы не можем представить их себе жизненно важными зубцами в экологической машине”.

Некоторые философы и биологи охраны природы энергично возражают против склонности экономистов сводить всю ценность к денежным терминам (Ehrenfeld, 1988; Sagoff, 1988). Некоторые вещи имеют цену, другие имеют достоинство. И как само собой разумеющееся мы попытались исключить определенные вещи, которые, как мы верим, обладают достоинством – другими словами, вещи, которым мы приписываем внутреннюю ценность. В самом деле, один из возможных мотивов для утверждения о том, что биоразнообразие имеет внутреннюю цену (или является внутренне ценным) состоит в том, чтобы исключить его из экономической оценки и таким образом вывести за пределы капризов рынка. Мы, например, попытались убрать с рынка человеческие существа, поставив вне закона рабовладение, и попытались убрать секс с рынка, поставив вне закона проституцию. Почему бы не убрать с рынка внутренне ценное биоразнообразие, поставив вне закона человеческие виды деятельности, разрушительные для окружающей среды?

Сагофф (1988) утверждает, что у нас есть две параллельные и внутренне несоизмеримые системы определения ценности вещей: рынок и его суррогаты с одной стороны, и урна для голосования с другой. Как частные индивидуумы, большинство из нас отказалось бы продать своих родителей, супругов или детей – за любую цену. И как граждане, объединенные в государственные устройства, мы можем отказаться продать биоразнообразие за любое “благо”, прогнозируемое в анализе прибылей и расходов. В самом деле, Акт Соединенных Штатов о видах, находящихся в опасности, представляет собой великолепный пример политического решения убрать биоразнообразие с рынка.

Экономисты возражают, что мы должны часто делать трудный выбор между такими вещами, как необходимость сделать производительной пахотную землю и защитой среды обитания видов, находящихся в опасности (Randall, 1986). В то время как мы можем захотеть поверить благочестиво и невинно в то, что внутренне ценные люди являются буквально бесценными, ценность человеческой жизни нередко измеряется деньгами. Долларовая стоимость человеческой жизни, например, может быть отражена в сумме, которую автомобильная страховая компания платит получателю, когда клиент убивает другого человека в катастрофе, или максимальной суммой, которую предприятие согласно заплатить (или закон от него требует заплатить), чтобы защитить здоровье и безопасность своих служащих. Подобным образом признание внутренней ценности биоразнообразия не подразумевает, что нельзя определить ее цену. Единственный способ, которым мы можем сделать

информированный выбор состоит в том чтобы выразить весь спектр природных ценностей от “товаров” и “услуг” до “существования” в сравнимых терминах: долларах.

В 1978 году были приняты поправки к Акту о видах, находящихся в опасности, чтобы создать межведомственный комитет высокого уровня, так называемая “Команда Бога”, которая бы могла разрешить развивать проект, ставящий под угрозу истребления перечисленные виды, если его экономические преимущества считались достаточно высокими. Этот законодательный документ утверждает, что мы действительно имеем две несоизмеримые системы определения ценности – одну экономическую, а другую политическую. Он также утверждает первоначальное политическое решение исключить биоразнообразие из обычного денежного измерения и продажи за более крупные экономические преимущества. Но он признает, что политически и экономически определенные ценности часто сталкиваются в реальном мире. И он предусматривает, что когда стоимость возможности сохранения биоразнообразия превышает неопределенный порог, “Команда Бога” может разрешить экономическим соображениям обойти общую волю граждан Соединенных Штатов, демократически выраженную через их представителей в Конгрессе, о том, что сохранившиеся туземные виды страны должны быть сохранены.

Бишоп (Bishop, 1978) формализирует рассуждения, стоящие за поправкой “Команды Бога” к Акту США о видах, находящихся в опасности. Он защищает подход стандарта безопасного минимума (СБМ), альтернативу практике сложения всего от рыночнй цены до теневой цены биоразнообразия, вставляя ее в анализ прибылей и расходов (АПР) и выбора экономически наиболее эффективного хода действий. Вместо этого СБМ допускает, что биоразнообразие обладает неисчислимой ценностью и должно быть сохранено, если стоимость этого не является непозволительно высокой. Как объясняет Рэндалл (1988),

В то время как ... подход АПР начинает каждое дело с чистого листа и старательно строит от самого основания объем доказательств о преимуществах и затратах заповедания, подход СБМ начинает с преположения о том, что поддержание СБМ для каждого вида является позитивным благом. Эмпирический экономический вопрос является следующим: “Можем ли мы себе это позволить?” Или более технически: “Насколько высока стоимость возможности удовлетворения СБМ?” Правило решения по СБМ состоит в том, чтобы поддерживать СБМ, если стоимость возможности делать это не является непереносимо высокой. Другими словами, подход СБМ задает вопрос, как много мы потеряем в других сферах человеческой заботы, достигая безопасного минимального стандарта биоразнообразия? Бремя доказательства переносится на доводы против поддержания СБМ.

Как отмечено ранее, практический эффект признания внутренней ценности чего-либо состоит не в том, чтобы сделать его неприкосновенным, но чтобы перенести бремя доказательства, тяжесть обоснования, на тех, чьи действия могли бы враждебно повлиять на него. Поскольку подход стандарта

безопасного минимума к денежному измерению ценности биоразнообразия переносит бремя доказательства со сторонников охраны природы на разработчиков, он скрыто признает и включает в экономическую оценку внутреннюю ценность биоразнообразия.

Этика охраны природы

По словам Леопольда (1949), этика, понятая биологически, представляет собой “ограничение свободы действий”. Этика, другими словами, ограничивает эгоистичное поведение уважением к какому-то другому благу.

Антропоцентризм

В западных религиях и философской традиции только человеческие существа достойны этического принятия во внимание. Все другие вещи считаются просто средствами достижения человеческих целей. В самом деле, антропоцентризм кажется сформулированным в недвусмысленных выражениях в начале Библии. Только человек создан по образу Бога, ему дано господство над всей землей и над всеми другими существами и наконец заповедано подчинять все другие существа. Уайт (White, 1967) утверждал, что поскольку евреи и христиане верили на протяжении многих столетий, что это не только их Богом данное право, но и их позитивный религиозный долг господствовать над всеми другими формами жизни, наука и в конечном счете агрессивная, разрушающая окружающую среду технология развилась исключительно в западной цивилизации.

Как показал Нортон (1991), эффективная этика охраны природы может быть сконструирована на основе традиционного западного антропоцентризма. Экология раскрыла мир, который гораздо более систематически интегрирован, чем могли себе представить библейские авторы, и покорение природы имеет неблагоприятные экологические последствия. Антропоцентрическая этика охраны природы потребовала бы от индивидуумов, корпораций и других заинтересованных групп справедливо принимать во внимание то, как их действия, которые оказывают непосредственное влияние на природную окружающую среду, опосредственно воздействуют на другие человеческие существа. Вырубание тропических лесов, например, может сделать прекрасную лиственную древесину доступной для богатых потребителей, дав щедрую прибыль лесозаготовительным компаниям, трудоустройство рабочим и обеспечить международную торговлю для стран, имеющих долг. Но это может также лишить туземные народы их домов и традиционных средств существования, а людей повсюду неоткрытых ресурсов, ценных услуг экосистемы, эстетического опыта и научных знаний. И без ограничений лесозаготовка может оставить будущим поколениям человеческих существ обнищавший мир (несправедливость среди поколений). Таким образом, вырубка леса и другие разрушительные для окружающей среды типы разработки ресурсов могут считаться неэтичными без какого-либо фундаментального изменения в структуре традиционного западного морального мышления.

Природоохранная этика иудейско-христианского служения

Уязвленные утверждением о том, что иудейско-христианское мировоззрение было в конечном счете ответственным за наступление современного кризиса окружающей среды, некоторые озабоченные окружающей средой христиане и иудеи бросили вызов интерпретации Уайтом (1967) библейского отношения к окружающей среде и ценностей (Barr, 1972). В конце концов, Бог провозгласил все, что Он создал в течение пяти дней перед созданием Им человека “хорошим”. Таким образом, выходит, что Бог придал внутреннюю ценность каждому виду существ, не только человечеству. В самом деле, текст показывает, что Бог задумывал свое творение наполненным и изобилующим жизнью:

И Бог сказал: Пусть воды в изобилии носят живые существа, которые имеют жизнь, и пусть птицы летают над землей в открытой тверди небес. И Бог создал больших китов и каждое живое существо, которое движется, которое в изобилии носят воды согласно их роду и каждую крылатую птицу согласно ее роду: и Бог увидел, что это хорошо. И Бог благословил их, сказав: Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях и пусть птицы размножаются на земле.

(Кн. Бытия 1: 20-22).

Далее, “господство” представляет собой неоднозначное понятие. Что именно означает для “человека” господствовать над природой? Уайт (1967) утверждает, что по крайней мере в прошлом иудеи и христиане воспринимали это как означающее, что людям следует осуществлять деспотическое правление над природой. Позже в Книге Бытия, однако, Бог поместил Адама (который может представлять все человеческие существа) в Эдемский сад (который может представлять всю природу) “чтобы ухаживать за ним и хранить его” (Кн. Бытия 2: 15). Это показывает, что наше “господство” должно быть господством заботливого попечителя – *служителя* – скорее, чем тирана. Но как насчет того, что только один “человек” создан по образу Бога? Это может быть воспринято как придающее уникальную ответственность, а не уникальные привелегии человеческим существам. Как Бог заботится о человечестве, так и мы, которые созданы по образу Бога, должны заботиться о земле.

Иудейско-христианская этика окружающей среды является элегантной и мощной. Она также изысканно вписывается в этические требования биологии охраны природы (Baker, 1996). Иудейско-христианская этика окружающей среды придает объективную внутреннюю ценность природе самым ясным и недвусмысленным из способов – по Божьему указу. Но внутренняя ценность распространяется на виды, а не на индивидуальные особи. Потому что ясно, что во время своих нескольких актов творения Бог создает виды, “роды”, а не индивидуальные животные и растения – китов, другими словами, а не конкретно того кита, который проглотил Иону, или того, которого звали Моби Дик. Таким образом именно виды, а не индивидуальные особи Бог провозглашает хорошими. Следовательно, человеческие существа могут свободно использовать другие живые существа постольку, поскольку мы не

подвергаем опасности их вид – другими словами, постольку, поскольку мы не ухудшаем разнообразия творения. Как указывает Эренфельд (1988), иудейско-христианская этика окружающей среды делает человеческие существа непосредственно ответственными перед Богом за сохранение биоразнообразия: “Разнообразие является собственностью Бога, и мы, связанные с ним как чужаки и временные постояльцы, не имеем права разрушать его”.

Традиционная незападная этика окружающей среды

Христианство является мировой религией, но такими же есть ислам и буддизм. Другие крупные религиозные традиции, такие как индуизм и конфуцианство, хотя и являются более регионально ограниченными, тем не менее насчитывают миллионы приверженцев. Простые люди мощно мотивированы делать вещи, которые могут быть оправданы с позиций их религиозных верований. Поэтому для глобальной охраны природы крайне важно выделить этику окружающей среды из живых мировых религий. Хорошо задокументированные усилия иудейских и христианских сторонников охраны природы сформулировать иудейско-христианскую этику окружающей среды с библейских позиций показывают важное новое направление исследований: как может быть эффективная природоохранная этика сформулирована с позиций других священных текстов? Кэлликотт (1994) предлагает всеохватывающее обозрение. Здесь было бы невозможно дать даже конспективный обзор этого исследования; однако несколько отрывков традиционной незападной этики окружающей среды могут являться показательными.

Мусульмане верят, что ислам был основан в VII столетии н. э. Аллахом (Богом), который общался с человечеством через арабского пророка Мухаммеда, рассматривавшего себя как часть той же пророческой традиции, что и Моисей и Иисус. Поэтому, поскольку иудейская Библия и Новый Завет представляют собой более явные божественные откровения, явно лежащие в основе мусульманских верований, базовое исламское мировоззрение имеет много общего с базовым иудейско-христианским мировоззрением. В частности, ислам учит, что человеческие существа занимают привилегированное место в природе, и заходя в этом отношении дальше, чем иудаизм и христианство, тому, что все другие природные существа были созданы, чтобы служить человечеству. Следовательно, среди мусульман существовала сильная тенденция принимать чисто утилитарный подход к отношениям человек-природа. Что касается сохранения биоразнообразия, то арабская антилопа-бейза была доведена до почти полного истребления в результате охоты нефтяных шейхов, вооруженных военными штурмовыми ружьями в колыбели ислама. Но черствое равнодушие ко всему остальному творению более не санкционируется религиозно в исламском мире.

Ислам не проводит различий между религиозным и светским законами. Следовательно, новые природоохранные правила в исламских государствах должны быть основаны на Коране – книге божественных откровений Мухаммеда. В начале 1980-х годов группа саудовских ученых проштудировала Коран на предмет отрывков, связанных с окружающей средой, и создала проект

“Исламских принципов охраны природной окружающей среды”. В то время как этот примечательный документ заново утверждал “отношения использования, развития и подчинения на благо человека и ради осуществления его интересов”, он также ясно провозглашает исламскую версию служения: “он [человек] является только распорядителем на земле, а не собственником, пользователем, а не распределителем или руководителем” (Kadr et al., 1983). Саудовские ученые также подчеркивают справедливое распределение “природных ресурсов” не только среди членов настоящих поколений, но и среди членов будущих поколений. И, как утверждал Нортон (1991), целям охраны природы хорошо служит то, что будущим человеческим существам присваивается моральный статус, равный статусу тех, кто живет в настоящее время. Саудовские ученые нашли отрывки в Коране, которые являются смутно экологическими; например, Бог “породил все виды существ в надлежащем равновесии” (Kadr et al., 1983).

Ральф Уолдо Эмерсон и Генри Давид Торо, мыслители, стоявшие у истоков североамериканской природоохранной философии, испытали влияние тонких философских доктрин индуизма, крупной религии в Индии. Индуистская мысль также вдохновляла современную природоохранную философию “Глубинной экологии” Андре Нэсса (Naess, 1989). Индусы верят в то, что в сердце всех явлений существует только одна реальность или бытие. Бог, другими словами, представляет собой не высшее Существо среди других, более низких и подчиненных существ, как в иудейско-христианской традиции. Скорее все существа являются проявлением одного главного Существа, которое называется *Брахман*. И вся множественность, все различия являются иллюзорными или в лучшем случае только видимыми.

Такая точка зрения могла бы не показаться многообещающей отправной точкой для сохранения биологического разнообразия, поскольку кажется, что отрицается реальное существование разнообразия, биологического или другого. Однако в индуистской концепции Брахмана Нэсс (1989) находит аналогию тому, каким способом экологические отношения объединяют организмы в системное целое. Как бы там ни было, индуизм недвусмысленно приглашает человеческие существа идентифицировать себя с другими формами жизни, потому что все формы жизни разделяют одну и ту же сущность. Вера в то, что свое собственное внутреннее “я”, *атман*, является как проявление *Брахмана* идентичным “я” других существ, ведет к состраданию к ним. Страдания одной формы жизни – это страдания всех других; причинять вред другим существам означает причинять вред самому себе. Само собой разумеется, этот образ мышления вдохновил и помог мотивировать одно из наиболее последовательных и успешных религиозных природоохранных движений в мире, движение Чипко, которому удалось спасти многие из гималайских лесов от коммерческой эксплуатации (Guha, 1989; Shiva, 1989).

Джайнизм представляет собой религию с относительно небольшим количеством приверженцев, но религию очень влиятельную в Индии. Джайны верят, что каждое живое существо населено нематериальной душой, не менее чистой и бессмертной, чем человеческая душа. Плохие поступки в прошлых

жизнях, однако, покрыли эти души материей-*кармой*. *Ахимса* (непричинение вреда всем живымм существам) и аскетизм (избегание всех форм физического удовольствия) – это параллельные пути, которые в конце концов освободят души от будущего возрождения в материальном мире. Следовательно, джайнисты очень заботятся о том, чтобы избежать причинения вреда другим формам жизни и устоять против мимолетного удовольствия материального потребления. Крайние практикующие джайнизм отказываются есть любую пищу, кроме объедков того, что было приготовлено для других и тщательно процеживают свою воду, чтобы избежать проглатывания каких-либо водных организмов – не ради своего собственного здоровья, но для того чтобы избежать неумышленного убийства других живых существ. Менее крайние практкующие являются строгими вегетарианцами и владеют незначительной материальной собственностью. Джайнисты претендуют на глобальное мировое лидерство в этике окружающей среды. Их низкоуровневая пищевая цепочка и стиль жизни с низким уровнем потребления приводятся как экологически правильное получение средств к пропитанию (Chappel, 1990). И автор "Джайнистской декларации о природе" утверждает, что центральный моральный объект *ахимзы* джайнов "это ни что иное как защита окружающей среды" (Сингхви).

Хотя он сейчас буквально исчез на своей родине в Индии, буддизм многие сотни лет процветал в других местах в Азии, его основатель Сиддхарта Гаутама первый пошел по пути медитации, чтобы испытать единство *атман-Брахман*, а затем по пути крайнего аскетизма, чтобы освободить свою душу от тела – и с малым результатом. Затем он понял, что его неудача, включая духовную неудачу, была результатом желания. Не получением того, что желаешь – что ведет только к тому, что желаешь чего-то большего, но успокоением самого желания можно достичь просветления и освобождения. Более того, желание искажает перспективу, преувеличивая важность одних вещей и преуменьшая важность других. Когда преодолевается желание, можно оценить каждую вещь такой, какая она есть.

Когда Будда понял все это, он наполнился чувством радости и он излучал любовь-доброту на мир вокруг себя. Он поделился своим просветлением с другими и сформулировал кодекс морального поведения для своих последователей. Многие буддисты верят, что все живые существа находятся в одном и том же затруднительном положении: желание ведет нас к жизни постоянного разочарования, и все мы можем быть освобождены, если сможем достичь просветления. Таким образом буддисты могут рассматривать другие живые существа как спутников на пути к буддистскому царству и к *нирване*.

Буддисты не в меньшей степени, чем джайнисты и христиане, принимают лидирующую роль в глобальном природоохранном движении. Вероятно, заметнее всего тибетский Далай-Лама является самым видным охранником природы среди мировых религиозных лидеров. В 1985 году было начато "Буддистское восприятие проекта природы", чтобы извлечь и объединить многочисленные, связанные с окружающей средой отрывки из буддистских писаний и вторичной литературы. Таким образом могла бы быть

продемонстрирована связанность буддизма с современными природоохранными заботами, и мог бы быть поднят уровень природоохранной сознательности и совести в буддистских монастырях, школах, колледжах и других институтах (Davies, 1987). Бодхи дает сжатое резюме буддистской этики окружающей среды: “Со своим философским интуитивным пониманием взаимосвязанности и сквозной взаимозависимости всех обусловленных вещей, со своим тезисом о том, что счастье может быть найдено посредством сдерживания желания, со своей целью просветления посредством самоотречения и созерцания и своей этикой непричинения вреда и безграничной любви-доброты ко всем существам буддизм обеспечивает все существенные элементы для отношений с природным миром, характеризующимся уважением, заботой и состраданием”.

Одна четвертая населения мира – это китайцы. К счастью, традиционная китайская мысль обеспечивает отличные концептуальные ресурсы для природоохранной этики. Китайское слово “*дао*” означает *путь* или *дорога*. Даоисты верят, что существует Дао, Путь природы. То есть, природные процессы происходят не только в упорядоченной, но и в гармоничной манере. Человеческие существа могут различить Дао, природный, хорошо оркестрованный поток вещей. И человеческие виды деятельности могут быть либо хорошо приспособленными к Дао, или они могут отталкивать его. В первом случае человеческие цели достигаются с легкостью и изяществом и без нарушений природной окружающей среды; но в последнем случае они достигаются, если вообще достигаются с трудностью и ценой значительного нарушения соседних общественных и природных систем. Интенсивная с точки зрения капитала западная технология – такая как ядерные электростанции и индустриальное сельское хозяйство – является очень “недаоистской” по духу и лейтмотиву.

Современные охранники природы находят в даоизме древнюю аналогию современного контрдвижения в направлении подходящей технологии и переносимого развития. Великое наводнение долины Миссисипи 1993 года является подходящим примером. Речная система не управлялась в соответствии с Дао. Таким образом, дамбы и противопаводковые стены только усилили великое наводнение, когда оно наконец пришло. Лучше располагать города и поселки за пределами поймы и позволить могучей реке Миссисипи иногда выходить из берегов. Богатые аллювиальные почвы в поймах реки могли бы использоваться для фермерства в более сухие годы, но здесь не должны располагаться какие-то постоянные строения. Таким образом, паводковые воды могли бы периодически разливаться на землю, обогащая почву и пополняя влажные земли для диких животных, а человеческие строения на более высоком грунте могли бы оставаться надежными и в безопасности. Вероятно, служащие корпуса инженеров США должны изучать даоизм. Мы можем только надеяться, что их коллеги в Китае отбросят новомодный маоизм ради старомодного даоизма перед тем, как попытаться сдержать реку Янцзы, а не сотрудничать с ней.

Другим древним китайским религиозным мировоззрением является конфуцианство. Для большинства народов, как азиатских, так и западных, конфуцианство имеет сопутствующее значение консервационизма, приверженности традиции и общественным формам, сыновнюю почтительность и покорность феодальному неравенству. Следовательно, кажется, что оно является малоперспективным как интеллектуальная почва, в которой можно культивировать природоохранную этику. Эймс (Ames, 1992), однако, противоречит общепринятой точке зрения: “Есть общее основание, разделяемое учениями классического конфуцианства и даоизма...И то и другое выражает “относящуюся к этому миру” заботу о конкретных деталях непосредственного опыта, а не о ... великих абстракциях и идеалах. И то и другое признает уникальность, важность и первичность конкретных личностей и их вклада в мир, выражая в то же самое время экологическую взаимосвязанность и взаимозависимость этой личности с ее контекстом”.

С конфуцианской точки зрения личность не является отдельной бессмертной душой, временно проживающей в физическом теле; личность скорее представляет собой уникальный центр сети отношений. Поскольку его или ее сущность образована этими отношениями, разрушение собственного социального или экологического контекста эквивалентно саморазрушению. Другими словами, биоцид равноценен суициду.

На Западе, поскольку индивидуумы обычно не воспринимаются как прочно связанные со своим контекстом и зависимые от него, не только в своем существовании, но в самой своей сущности, можно представить себе, что они могут остаться сами собой и жить “получше” за счет как социального, так и природного окружений. Но с конфуцианской точки зрения невозможно абстрагировать личности от их контекстов. Таким образом, конфуцианство предлагает очень твердое основание, на котором можно построить современную китайскую природоохранную этику.

Биоцентризм

До зарождения этики окружающей среды философы морали в западной традиции присваивали моральный статус человеческим существам и только человеческим существам, не апеллируя к мистическому свойству, такому как образ Бога, но апеллируя к таким наблюдаемым чертам, как рациональность или лингвистическая способность. Поскольку только люди, утверждали они, могут рассуждать или разговаривать, только люди достойны этического обращения. В XVIII столетии Иммануил Кант (Kant, 1959), например, утверждал, что человеческие существа являются внутренне ценной целью, потому что мы рациональны, в то время как животные (и другие формы жизни) есть только инструментально ценными средствами, потому что они таковыми не являются. Современные философы окружающей среды пытались сконструировать неантропоцентрическую этику окружающей среды, не апеллируя к мистическим религиозным концепциям, таким как Бог или Дао, или универсальная Будда-природа. Некоторые сделали это, утверждая, что разум и лингвистическая способность являются неподходящими чертами для

морального статуса, и что другие наблюдаемые черты являются более подходящими.

Сингер (Singer, 1975) и Риган (Regan, 1983) анализировали классическую западную антропоцентрическую этику с помощью следующей дилеммы: если квалификационные требования для этического статуса – или “критерий для морального принятия во внимание”, как это называется более технически – будут установлены достаточно высоко, чтобы исключить негуманоидные существа, тогда это также исключит те человеческие существа, которые не могут им соответствовать. Человеческие младенцы, сильно умственно отсталые и глубоко дряхлые люди не являются рациональными. Если, следуя Канту, мы сделаем рациональность критерием морального принятия во внимание, тогда с этими человеческими “маргинальными случаями” можно обращаться так же, как мы обращаемся с негуманоидными существами, которые не могут удовлетворить его. Они могут стать, например, невольными объектами болезненных медицинских испытаний и экспериментов; на них могут охотиться ради спорта; или они могут быть превращены в пищу для собак. Никто не хотел бы, чтобы это произошло. Чтобы избежать этого, Сингер (1975) и Риган (1983) утверждают, что мы должны понизить критерий морального принятия во внимание. Но если он будет установлен достаточно низко, чтобы включать маргинальные человеческие случаи, тогда он также будет включать ряд негуманоидных животных. Сингер (1975) следует современнику Канта по XVIII столетию Джеремии Бентаму и утверждает, что способность чувствовать, способность испытывать удовольствие или боль должна быть критерием морального статуса.

Гудпастер (Goodpaster, 1978) первым сделал шаг от освобождения животных к биоцентрической (буквально “сконцентрированной на жизни”) этике окружающей среды. С биологической точки зрения способность чувствовать, утверждал он, развилась не как самостоятельная цель, но как средство для выживания животных. Следовательно, если в способности чувствовать есть что-то, имеющее отношение к морали, то насколько большее отношение к морали имеет то, чему призвана служить способность чувствовать, а именно – жизнь. Более того, все живые существа, как объяснялось ранее, имеют свое собственное благо, и, следовательно, имеют интересы. Этот факт также, по словам Гудпастера (1978) должен давать право всем живым существам на этический статус.

Определяя более крайнюю точку зрения, Тейлор (Taylor, 1986) утверждает, что все живые существа обладают равной “внутренней ценностью”. Помимо этически проблематичной и практически невозможной задачи присвоения равного морального принятия во внимание всем и каждому живому существу, чистый и крайний биоцентризм имеет малое отношение к природоохранной биологии – которая, опять же, не занимается судьбой экземпляров, но судьбой видов, экосистем и эволюционных процессов.

В том виде, как он модифицирован Ролстоном (1988), однако, биоцентризм может обращаться к заботам природоохранных биологов и следовательно может представлять жизнеспособную природоохранную этику.

Ролстон соглашается с Тейлором в том, что все живые существа имеют внутреннюю ценность (или внутреннее достоинство) и таким образом должны пользоваться моральным статусом. Но он не соглашается с тем, что живые существа являются равными. К базовой внутренней ценности, которой обладают организмы посредством обладания интересами или своим собственным благом, Ролстон добавляет ценностный "бонус", как мы могли бы его назвать, за способность чувствовать, и он добавляет дополнительный ценностный бонус за рациональность и самосознание. Следовательно, способные чувствовать животные обладают большей внутренней ценностью, чем неспособные чувствовать растения, а человеческие существа обладают большей внутренней ценностью чем способные чувствовать животные. Таким образом, биоцентризм Ролстона лучше согласуется с нашим интуитивным чувством ценностной иерархии, чем биоцентризм Тейлора, потому что в версии Ролстона жизнь человеческого существа является более ценной, чем жизнь белохвостого оленя, а жизнь оленя более ценной, чем жизнь сосны. И как отмечалось ранее, Ролстон также обеспечивает внутреннюю ценность или что-то похожее на нее – ценностный "дивиденд", как мы могли бы его назвать – для видов, экосистем и их эволюционных процессов. Поэтому он утверждает, что у нас есть моральный долг сохранять также их.

Биоцентризм Тейлора, в котором все индивидуальные организмы обладают равной внутренней ценностью, и биоцентризм Ролстона, в котором базовая внутренняя ценность на уровне индивидуальных организмов увеличивается способностью чувствовать и самосознанием; то есть организмы получают растущую внутреннюю ценность за способность чувствовать и самосознание. Ролстон также обеспечивает схему параллельной оценки для "целых" видов и экосистем.

Экоцентризм

По серьезным философским, а также темпераментным причинам те природоохранные биологи, которые испытывали неантропоцентрические симпатии, тяготели к "Этике земли" Олдо Леопольда в своем поиске подходящей природоохранной этики. Сам Леопольд был природоохранным биологом; в самом деле, он был, вероятно, прототипом этой породы (Meine, 1992). Далее, "Этика земли" Леопольда не основана на религиозных верованиях, она также не является расширением этической парадигмы классической западной моральной философии. Она скорее основана на эволюционной и экологической биологии. Следовательно, большинство неантропоцентрических природоохранных биологов вне зависимости от их религиозной или культурной подготовки находили "Этику земли" Леопольда интеллектуально близкой по духу.

В "Происхождении человека" Дарвин занимался проблемой эволюционного происхождения и развития этики. Как могли "ограничения свободы действий" возникнуть посредством естественного отбора, учитывая универсальную "борьбу за существование" (Leopold, 1949)? В двух словах Дарвин (Darwin, 1904) ответил следующим образом: социальная организация

усиливает эффективность выживания и воспроизводства многих видов организмов. Среди млекопитающих родительская и сыновняя привязанность, распространившись на других близких родичей, объединила индивидуумов в небольшие общественные единицы, такие как стаи, стада, группы. Когда одно млекопитающее – *Homo sapiens* – приобрело способность к размышлению и речи, поведение, которое способствовало общественной целостности и стабильности, было окрещено "хорошим", а то, которое было антиобщественным, было окрещено "плохим". Или как писал Дарвин (1904): "Ни одно племя не могло держаться вместе, если убийство, грабеж, предательство и т. д. были бы обычными; следовательно такие преступления в пределах одного племени "клеймились вечным позором". Однажды зародившись, этика быстро развивалась вместе с ростом и развитием общества. По словам Дарвина (1904):

По мере того, как человек продвигается в цивилизации и маленькие племена объединяютсся в более широкие сообщества, самое простое рассуждение сказало бы каждому индивидууму, что ему следует расширить свои социальные инстинкты и симпатии на всех членов своей нации, хотя и лично неизвестных ему. Если эта точка один раз достигается, то остается только искусственный барьер чтобы помешать его симпатиям распространиться на людей всех наций и рас.

Сейчас, в конце XX столетия мы, наконец, достигли точки, которую Дарвин мог только представлять себе в середине XIX: универсальной этики человеческих прав. Но также на протяжении XX столетия экология открыла (на самом деле заново открыла, потому что многие племенные народы, кажется, представляют свою природную окружающую среду в аналогичных терминах), что человеческие существа являются не только членами разнообразных человеческих сообществ – от семейного клана до семейства человек – но также и членами "биотического сообщества".

От Дарвина мы узнали, что "Вся этика, которая развивалась до сих пор, опирается на единственную посылку: что индивидуум является членом сообщества взаимозависимых частей" (Leopold, 1949); а от Леопольда, что экология сейчас "просто расширяет границы сообщества до включения почв, вод, растений и животных или коллективно земли". Если всегда, когда в прошлом новое сообщество оказывалось признанным, "самое простое рассуждение говорило каждому индивидууму, что ему следует расширить свои социальные инстинкты и симпатии", утверждает Леопольд, тогда то же самое "самое простое рассуждение" должно снова вступить в действие сейчас, когда экология информирует нас, что мы являемся членами биотического сообщества.

Хотя это было почти забыто за прошедшие 200 лет, человеческая этика всегда имела сильный холистический аспект. То есть человеческие существа чувствовали, что у них есть долг и обязательства перед их сообществами как таковыми, так же как и перед индивидуальными членами этих сообществ. В этом отношении Дарвин (1904) подчеркивал: "действия рассматривались дикарями и вероятно также рассматривались первобытными людьми как

хорошие или плохие исключительно как они очевидно влияли на племя, а не на вид и не на индивидуального члена племени. Это хорошо согласуется с верой в то, что так называемое моральное чувство выводится аборигенами из социальных инстинктов, потому что и то и другое вначале исключительно связано с сообществом".

Под влиянием Дарвина Леопольд также придал своей этике земли решительный холистический оттенок: "Коротко говоря, этика земли, – пишет он, – изменяет роль *Homo sapiens* с покорителя сообщества земли на его простого члена и гражданина. Она подразумевает уважение к своим собратьям-членам, а также уважение к сообществу как таковому" (Leopold, 1949). В самом деле, к тому времени как Леопольд пришел к написанию своей итоговой моральной максимы или "золотого правила" этики земли, он казалось вообще забыл о "собратьях-членах" и упоминает только "сообщество как таковое": "*Вещь является правильной, когда она склонна сохранять целостность, стабильность и красоту биотического сообщества. Она является неправильной, когда она имеет противоположную тенденцию*".

Верные апологеты сурового индивидуализма, характерного для западной моральной философии на протяжении двух прошедших столетий, обвиняли, что этика земли ведет к "экологическому фашизму" – подчинению прав индивидуумов, включая человеческих индивидуумов, благу целого (Regan, 1983; Aiken, 1984). Они были в чем-то правы там, где речь идет о негуманоидных животных. Этика земли допустила бы – нет, даже потребовала бы – убийства животных, таких как дикие козы или кролики, которые представляют собой угрозу для популяций находящихся в опасности растительных видов или для общего здоровья и целостности биотических сообществ. Но Леопольд, следуя Дарвину, представляет этику земли как этическое "приращение", то есть добавление, а не замену нашей давно сформированной внутричеловеческой этике.

То, что человеческие существа недавно стали членами национальных и интернациональных сообществ, не означает, что мы больше не являемся членами более древних и более узко очерченых общественных групп, таких как расширенные семьи, или что мы освобождены от всех моральных обязанностей и ответственности, которые сопутствуют нашему действующему членству в семье, клане или обществе. Подобным образом то, что мы сейчас понимаем, что мы также являемся членами биотического сообщества, не значит, что мы освобождены от всех моральных обязанностей и ответственности, которые сопутствуют нашему членству в полном спектре человеческих сообществ.

Эта защита этики земли Леопольда против обвинения в том, что она способствует экологическому фашизму, приводит к обвинению в том, что она является "бумажным тигром", экоцентрической этикой окружающей среды без "зубов". Потому что если мы должны полностью признать все наши древние и современные человеческие обязанности и обязательства, так же как и наши недавно открытые обязанности и обязательства, то как мы можем как-то обосновать пожертвование человеческими интересами для сохранения негуманоидных видов и экосистем?

К счастью, не все конфликты между людьми и окружающей средой являются вопросами жизни и смерти. Мы редко сталкиваемся с выбором между убийством человеческих существ и сохранением биоразнообразия. Скорее в большинстве случаев выбор делается между человеческим образом жизни и биоразнообразием. Например, японцев и других потребителей китового мяса не просят положить свои жизни на то, чтобы спасти китов, а только изменить свои пищевые предпочтения. Чтобы спасти леса, мы не должны совершать самоубийства; мы можем спасти их просто используя меньше древесины и бумаги, и повторно используя всю древесину, которую мы должны извлекать. Все человеческие интересы не являются равными. Мы должны быть готовы отвергать менее важные человеческие интересы ради жизненных интересов других форм жизни, и ради экологического здоровья и целостности.

Леопольд написал свою этику земли в середине столетия. Экологическая наука тогда представляла природу как стремящуюся к статическому равновесию и изображала нарушения и пертурбации – особенно те, которые были вызваны *Homo sapiens* – как ненормальные и разрушительные (Odum, 1953). В свете недавних сомнений относительно самого существования “биотических сообществ”, которые сохранились как таковые на протяжении времени (Brubaker, 1988) ввиду сдвига в современной экологии к более динамической парадигме (Botkin, 1990) и признавая включение природных нарушений в теории экологической динамики в масштабе части или целого ландшафта (Pickett, White, 1985), мы могли бы задуматься, не стала ли этика земли Леопольда устаревшей. Не сделал ли сдвиг парадигмы от “равновесия природы” к “потоку природы” недействительной этику земли? Нет, но недавние разработки в экологии могут потребовать пересмотра этики земли.

Леопольд осознавал природные изменения и был чувствителен к ним. Он знал, что охрана природы должна нацеливаться на движущуюся мишень. Как мы можем сохранять биоту, которая является динамичной, постоянно изменяющейся, когда сами слова *сохранять* и *заповедать* – особенно когда они связаны с *целостностью* и *стабильностью* – имеют сопутствующее значение статичности? Ключом к разрешению этой головоломки является концепция временной и пространственной **шкалы**. Просмотр “Этики земли” Леопольда показывает, что у него был ключ, хотя он мог не понимать, насколько многомасштабными в действительности являются изменения в природе.

В “Этике земли” Леопольд (1949) пишет: “Эволюционные изменения ... являются обычно медленными и локальными. Изобретение человеком инструментов дало ему возможность сделать изменения беспрецедентной жестокости, быстроты и масштаба”. Как отмечалось, Леопольд ясно осознавал, что природа находится в динамике, но под влиянием экологии равновесия середины столетия он думал о природных изменениях в первую очередь с эволюционных, а не с экологических позиций. Тем не менее, шкала равным образом уместна тогда, когда принятие во внимание экологических изменений прибавляется к принятию во внимание эволюционных изменений; то есть тогда, когда обычные климатические колебания и динамика участков прибавляются к нормальным темпам вымирания, гибридизации и формирования видов.

Homo sapiens является частью природы, “обычным членом и гражданином” “земли-сообщества”, как это формулирует Леопольд (1949). Следовательно, антропогенные изменения, навязанные природе, являются не менее природными, чем любые другие. Но поскольку *Homo sapiens* является моральным видом, способным на этическое осмысление и сознательный выбор, и поскольку наше эволюционное родство и членство в биотическом сообществе прибавляют этику земли к нашей знакомой социальной этике, антропогенные изменения могут быть оценены с точки зрения этики земли. Но по какой норме? По норме соответствующего масштаба.

Временной и пространственный масштаб в комбинации представляют собой ключ к оценке непосредственного человеческого экологического воздействия. Задолго до того как эволюционировал *Homo sapiens*, жестокие потрясения регулярно происходили в природе (Pickett, White, 1985), и они по прежнему происходят достаточно независимо от человеческих действий. Вулканы хоронят биоту целых гор под лавой и пеплом. Торнадо проносятся через леса, сравнивая деревья с землей. Ураганы разъедают берега. Стихийные пожары проносятся над лесами и саваннами. Реки затапливают поймы. Засухи высушивают озера и ручьи. Почему в таком случае аналогичные антропогенные потрясения – сплошная вырубка, застройка побережья, гидроэлектрические запруды и т. п. – являются неэтичными по отношению к окружающей среде? Как таковые они такими не являются; это вопрос масштаба. В целом, частые, интенсивные потрясения, такие как торнадо, происходят на небольших, широко разбросанных пространственных шкалах; пространственно более широкие потрясения, такие как засухи, происходят нечасто. И большинство потрясений на любом уровне интенсивности и масштаба являются стохастическими (незакономерными) и хаотическими (непредсказуемыми). Проблема антропогенных пертурбаций – таких как промышленное лесоводство и сельское хозяйство, внегородская застройка, ловля рыбы плавными сетями и т. п. – состоит в том, что они являются гораздо более частыми, широко распространенными и регулярно происходящими, чем неантропоцентрические пертурбации; они находятся далеко вне нормального пространственного и временного спектра потрясений, которые испытывает экосистема на протяжении эволюционного времени (Holling, Meffe, 1996).

Пикетт и Остфельд (Pickett, Ostfeld, 1995) – сторонники новой парадигмы природных потрясений/динамики участков в экологии – соглашаются с тем, что подходящая шкала представляет собой действующую норму для этической оценки антропогенных экологических пертурбаций. Они отмечают, что:

поток природы является опасной метафорой. Метафора и лежащая в ее основе экологическая парадигма могут показывать бездумному и жадному, что поскольку поток представляет собой фундаментальную часть природного мира, то любой вызванный людьми поток может быть оправдан. Такое заключение является неправильным, потому что поток в природном мире имеет строгие пределы... Две характеристики вызванного людьми потока показывают, что это было бы излишним: быстрые темпы и большая пространственная протяженность.

Среди ненормально частых и широко распространенных антропогенных пертурбаций, которые сам Леопольд осуждает в “Этике земли”, находятся уничтожение в масштабе континента крупных хищников в биотических сообществах в Северной Америке, повсеместное замещение домашними видами диких, экологическая гомогенизация планеты в результате “всемирного объединения фаун и флор” и повсеместное “загрязнение вод или их заграждение дамбами”.

Итоговая моральная максима этики земли в таком случае должна быть обновлена в свете развития в экологии за прошедшие четверть столетия. Леопольд признавал существование и значимость естественных изменений окружающей среды, но, кажется, думал о них в первую очередь на очень медленной эволюционной временной шкале. Даже при этом он таким образом включает концепцию внутренних изменений окружающей среды и критическую норму шкалы в этику земли. В свете более недавних разработок в экологии мы можем добавить нормы масштаба как для климатической, так и для экологической динамики к этике земли. Хотя испытываешь колебания по поводу редактирования элегантной прозы Леопольда, мы пытаемся сформулировать современную итоговую моральную максиму для этики земли следующим образом:

Вещь является правильной, когда она имеет тенденцию потрясать природную систему только в нормальных пространственных и временных масштабах. Она является неправильной, когда она имеет противоположную тенденцию.

Литературный источник

Кэлликот Б. Природоохранные ценности и этика // Гуманитарный экологический журнал. –Т. 1, вып. 2. – 1999. – С. 40-67.

ВОПРОСЫ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

1. Какие аргументы можно привести в доказательство абсолютной ценности природы?
2. Имеет ли природа свои собственные цели, а не служит только ресурсом и условиями для жизни человека?
3. Каким образом мы смогли бы понять смысл существования природы на Земле?
4. Может ли природа сама нам подсказать направление наших размышлений по этому вопросу?
5. Могли бы мы помочь природе в осуществлении ее собственных целей?

ЗАНЯТИЕ 15

НА ПУТИ К НОВОМУ ЭКОЛОГИЧЕСКОМУ СОЗНАНИЮ, МИРОВОЗЗРЕНИЮ И МИРОУСТРОЙСТВУ

Цель работы – понять необходимость изменения сознания и мировоззрения как отдельного человека, так и общества в целом и познакомиться с наиболее привлекательным для развития экологоэтических идей типом мировоззрения.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

НА ПУТИ К НОВОМУ ЭКОЛОГИЧЕСКОМУ МИРОВОЗЗРЕНИЮ

И. А. Ильиных

Мировоззрение, рассматривающее человека как существо единственно ценное в мире и поэтому все подчинено ему и является средством для удовлетворения его потребностей, является доминирующим в сознании большинства людей. Существуя на протяжении многих веков оно создало множество проблем различного рода и, наконец, совсем изжило себя. Более того, человек, видящий мир таким образом причиняет вред себе и окружающему миру.

Но источник всех бед человечества даже не в том, что оно определило себе статус венца творения, причислило себя к высшей касте и пребывает в своеобразной гордыне. Допустим, что это действительно так и есть, но поведение человека даже отдаленно не схоже с поведением высшего существа, мудро обращающего с существами низшего уровня развития. Причина находится в самой психической организации человека – в неспособности человека видеть мир целостно. Поэтому всегда имеет место некоторая степень ограниченности сознания и в соответствии с этим возникают определенного рода последствия. Можно сказать, что человек поступает определенным образом, исходя из степени ограниченности мировоззрения.

Если принять это утверждение, то можно пойти дальше, развивая мысль в этом направлении. Так, антропоцентрическое мировоззрение – это этап развития человеческого сознания и сейчас нужно найти новый способ видения мира, новое положение сознания, благодаря которому мы будем видеть мир по-другому, по-новому, оказаться в таком положении, чтобы воспринимать мир как целое, состоящее из взаимосвязанных и взаимозависимых частиц и в соответствии с новым видением поступать. И нам откроется совершенно новое понимание и восприятие мира.

На смену антропоцентрическому мировоззрению пришло мировоззрение космоцентрическое. В основу такого взгляда на мир положено утверждение, что мир пронизывает единая субстанция, которая содержится и в элементарной частице, и в молекуле, и в растении, и в человеке, и в галактике и во

вселенной… Эта субстанция является основой всего существующего в мире и даже всего того, что еще не существует. Космоцентрическое мировоззрение первое место отводит идее равенства и единства всего, что существует во Вселенной и человек имеет такую же ценность как растение или простой камень у дороги. Все, что существует ни лучше и ни хуже человека, ни выше и ни ниже… «Если в листке, комке глины, камне, металле жизнь и ум неактивны, то не потому, что их нет, а потому что они еще не выдвинуты на передний план, еще не организованы для действия» – говорится в священной книге Упанишады (Шри Ауробиндо, 1997).

Взгляд на мир с таких позиций можно найти как в восточной, так и в западной философской мысли. Так, например, древнегреческий философ Анаксимандр полагал, что первоначалом, тем, что лежит в основе всего сущего, является апейрон – некое бесконечное, безграничное и неисчерпаемое материальное образование. Мир, согласно мировоззрению Гераклита Эфесского, характеризуется внутренним единством. Его первоначальной основой, сущностью является логос, который есть мудрое само по себе и одновременно огонь. Космос не создан ни богом, ни человеком, он «был, есть и будет вечно живым огнем, мерами загорающимся и мерами потухающим» (Материалисты Древней Греции, 1955; Лукреций, 1947). Как бы ни понимать логос с философской и естественнонаучной точек зрения, бесспорно то, что он представляет собой единую и единственную основу Вселенной, принцип, закон, объясняющий многообразие мира. Логос придает действительности соразмерность, разумный смысл, логос является одновременно критерием оценки и высшим. Но человек в своем развитии отделяется от единого и потом сам страдает от этого (Гусейнов, Иррлитц, 1987) .

На востоке древние знания о единстве и целостности мира лучше сохранились, потому что являлись основанием для личного развития человека и развития целых цивилизаций, поэтому космоцентрическое мировоззрение больше вдохновляется восточной мудростью. Традиционную индийско-буддийскую модель мира можно представить чистым кругом, нулем-шуньей: белое и есть черное, и есть сансара, сансара и есть нирвана — все недвойственно (япон. — фуни). «Это есть то» или «ты есть то» — говорится в Упанишадах. Небо в тебе и нужно лишь очнуться, очистив сознание, и достигнешь состояния Будды. Согласно буддийско-даосско-конфуцианскому взгляду на мироустройство в центре стоит закон Бытия – Дао – и развитие всего осуществляется за счет естественного движения вездесущей энергии ци, ее самоочищения, то есть взгляд обращен к энергетическому состоянию мира, где постоянно взаимодействуют светлое, динамичное ян и темное, пассивное инь. Взаимодействуют на всех уровнях, от клетки до галактики. Эта модель предусматривает движение по восходящей, смену фаз преобладающего типа энергии. Как сказано в древнем комментарии к Ицзину («Книге Перемен»), «одно инь, одно ян и есть Дао. Следуя этому, идут к Добру». Притом это не то добро, которое противостоит злу, а Добро абсолютное, всеобщее, совершенное Бытие (Григорьева).

Для формирования нового мировоззрения можно использовать опыт взаимодействия человека с миром, родившийся у язычников. Они считают, что каждая часть природы, живая или неживая, обладает сознанием и душой. Некоторые, например, отождествляют божество с природными объектами и процессами. Для людей этих убеждений природа была и является священной. Что позволяло относиться к ней с уважением, трепетом и благоговением. Люди считали природу своим другом, братом, с которым можно иметь личностные отношения.

Современная наука тоже вносит свой вклад в становление и развитие нового мировоззрения. Ученые все чаще и чаще приходят к выводу, что материальная Вселенная была целенаправленно создана разумом – через Слово – Информацию – Логос, что все естественное было создано сверхъестественным. А так как сверхъественный Бог разумен, обладает силой и действует в соответствии с планом, то такими же качествами обладает и созданная Им Вселенная. И не случайно на всех уровнях Космоса – на субатомном и на уровне атома, на органическом и неорганическом, на уровне животных и человека, на уровне Луны, Земли, Солнца, звезд и галактик – наблюдается поразительная упорядоченность и рациональность, объяснением которой может служить лишь намеренный и творческий акт, т.е. разум прежде материи, Бог прежде человека, план и замысел прежде творения. Факты упрямо говорят, что мир, неотъемлемой частью которого является и наше сознание, устроен более тонко, красиво и продуманно, чем это может показаться на первый взгляд (Тихоплав, Тихоплав, 2003).

Таким образом, даже краткий взгляд на опыт постижения мироустройства с некоторых позиций дает право нам полагать, что формирование мировоззрения основанного на приятии идеи (к тому же наука тоже накапливает факты, подтверждающие реальность ее) о единстве и целостности всего мироздания может быть совершенным фундаментом для гармоничного развития каждого отдельного человека и всего человечества в целом.

Литература

1. Григорьева Т.П. Инская фаза эволюции. www: Delphis. roerich. com. / List_alph.
2. Гусейнов А.А., Иррлитц Г. Краткая история этики. –М.: Мысль, 1987.
3. Лукреций. О природе вещей: В 2 ч. – М., 1947.
4. Материалисты Древней Греции: собр. текстов Демокрита, Гераклита, Эпикура. –М., 1955.
5. Тихоплав В.Ю., Тихоплав Т.С. Кардинальный поворот. – СПб.: ИД «Весь», 2003.
6. Шри Ауробиндо. Упанишады. Кена и другие. – СПб.: «Адити», 1997.

СОВЕТ ЖИВЫХ СУЩЕСТВ

Глубинная экология включает в себя множество тренингов-ритуалов, помогающих людям почувствовать себя частью природы. Один из таких ритуалов, разработанный экотеологами Джоном Сидом и Джоанной Мейси, называется "Совет живых существ".

Место для проведения ритуала, как правило, выбирается на природе. Сегодня группа собралась на опушке леса возле реки. Одни люди уже не раз участвовали в Совете, другие – новички. Для тех, кто на Совете впервые, инструктор объясняет, что каждый человек должен выбрать для себя образ земного существа: лису, бобра, журавля, рыбу или же озеро, лес, реку. Каждый в своём образе будет в дальнейшем участвовать в Совете. Для того, чтобы лучше войти в свой образ, участники изготавливают маски из материалов приготовленных заранее, в них они будут играть каждый свою роль.

Инструктор просит каждого продумать свою роль: "Заранее продумайте выбранную вами форму жизни. Представьте, что сейчас вы покидаете своё человеческое тело и вселяетесь в тело этой формы жизни. Попробуйте думать от её имени. Подумайте о том, как вас коснулось экологическое бедствие, и какой ущерб оно принесло вашему персонажу. Что бы вы хотели посоветовать людям, выступая от имени своей формы жизни? Всё это вам предстоит сказать на Совете. На размышления у вас есть время. Ровно в пять вечера собираемся на этом месте для начала ритуала". Участники расходятся, каждый ищет в своём сердце образ, который он хотел бы представлять. Кто-то уже делает маску, а кто-то продумывает слова, которые нужно будет сказать в процессе исполнения своей роли в ритуале.

Для того, чтобы лучше подготовиться к Совету, участники тренируются в исполнении своих ролей в группах от трёх до пяти человек. Каждый рассказывает свою роль, как он должен будет это сделать на Совете. Новички получают примерное представление о том, что нужно сказать. "Я ястреб и говорю от имени всего своего рода, – начинает свою речь один из опытных участников. – Сегодня я пришёл на Совет, чтобы сказать, как опасно стало летать моим собратьям в небе. Мой род существует на протяжении миллионов лет, и ещё никогда за всю историю небо не было наполнено таким количеством пуль, как сейчас. Эти пули часто попадают в моих собратьев, что всегда оборачивается для них гибелью. Я пришёл, чтобы попросить решить проблему моего рода, иначе все мои родственники будут обречены на гибель". Каждый следующий участник произносит подобную речь. Круг повторяется несколько раз, что является своеобразной тренировкой перед выступлением на самом Совете, где свою речь каждый должен произнести по возможности выразительней.

Неопытные участники часто приходят к инструктору за советом в подготовке к ритуалу. Для лучшего вхождения в роль инструктор предлагает небольшой психотренинг: "Сядьте, закройте глаза, успокойте своё дыхание… Расслабьтесь… Сейчас на некоторое время постарайтесь расстаться с образом человека и перевоплотиться в образ иной формы жизни, выбранный вами

заранее… Позвольте своему телу принять очертания этого животного, растения, элемента ландшафта или экосистемы планеты… Представьте, как теперь вы выглядите? Какой у вас рост, вес, очертания вашего нового тела? Посмотрите на кожу, какого она цвета, какова на ощупь?.. Представьте, как движется ваше новое тело, издаёт ли оно звуки… Если форма жизни, в которую вы перевоплотились, издаёт какие-нибудь звуки, попробуйте воспроизвести их… Подумайте о бедах, которые угрожают вашему существу в реальной жизни… Подумайте о том, что бы вы хотели сказать виновнику всех ваших проблем…"

Ровно в назначенное время раздаётся бой барабанов. Он возвещает о том, что время, отведённое на подготовку, закончилось, и всем участникам пора явиться на ритуал. На поляне, выбранной для Совета, достаточно места, чтобы участники расположились по кругу. Уже перевоплощённые в своих персонажей они собираются к месту событий в масках. Когда все участники сели на места, инструктор начинает действо: "Я призываю тебя, Мать Природа, приди сегодня на Совет всех живых существ, приди и будь судьёй каждому присутствующему здесь!" Инструктор призывает четыре части света быть свидетелями на Совете. Торжественная часть оканчивается минутой молчания и медитативного настроя.

Чтобы лучше узнать друг друга, участники по очереди представляются: "Я Берёза и говорю от имени высоких деревьев", "Я Туча и говорю от имени небесных облаков", "Я Дельфин и говорю от имени народа дельфинов", "Я Лиса и говорю от имени всех лис", "Я Тигр и говорю от имени больших кошек", "Я Дятел и говорю от имени пернатых", "Я Гора и говорю от имени вечных гор", "Я Бабочка и говорю от имени пёстрокрылых насекомых", "Я Река и говорю от имени быстрых вод". Краткое приветствие каждого позволяет узнать, кто пришёл сегодня на Совет.

Когда все представились, живые существа спонтанно начинают высказываться относительно происходящего на планете в последнее время. "Как Тигр могу сказать, что сегодня мне очень сложно прокормить свою семью. Животных в лесу осталось мало, в основном, это мелкие грызуны, а кабанов, ланей, косуль становится всё меньше, а ведь это основная еда моего рода. Сам лес уменьшается в размерах, всё меньше остаётся места для охоты". Участники Совета отвечают Тигру: "Мы слышим тебя, Тигр".

Эстафету подхватывает следующий желающий высказаться. "Я Бабочка и питаюсь пыльцой цветов. В последнее время я страдаю от того, что цветов в поле вообще не найти. Поля засеяны пшеницей, кукурузой, капустой, у которых вообще нет цветов. Небольшие участки непаханой земли выкашиваются людьми и выедаются коровами. Цветы, нектар которых я люблю, так трудно найти в поле. А в садах, где много цветов по весне, можно погибнуть от отравы, распыляемой здесь людьми. Нельзя ли попросить людей не уничтожать все цветы и не производить столько отравы?" "Мы слышим тебя, Бабочка", – отвечают остальные.

"Как Туча я хотела бы сказать Совету, что в последние десятилетия с земли поднимается в облака не только чистый пар. Потоки грязного воздуха

устремляются в высь и смешиваются с моим телом из небесного пара. Поэтому я больше не могу дарить земле чистые потоки живительной влаги. Теперь я плачу ядовитыми кислотными дождями, прошу простить меня за это. Прошу найти того, кто пачкает мои чистые пары грязными выбросами дыма. Пусть он предстанет на Совете и ответит, почему я, Туча, должна поливать всё живое отравленной водой?" – "Мы слышим тебя, Туча".

"Я Гора. Я всегда была крепкой и вечной. Но сейчас меня начали пилить железные машины. Они распиливают моё тело на куски и увозят прочь. Я думала, что жизнь моя будет продолжаться миллионы лет, но вижу, что машины съедят меня всего через несколько лет. Помогите!" – "Мы слышим тебя, Гора".

В похожем духе высказываются все желающие. Если кто не имеет желания много говорить, он может ограничится краткой речью. "Я Дельфин, и мне не нравится, что моих собратьев часто убивают существа, которые называют себя друзьями дельфинов". "Мы слышим тебя, Дельфин", – как обычно отвечают все остальные. Так, в порядке очереди получают возможность высказаться все живые существа. На Совете услышаны маленький Муравей и высокая Гора, дикий Кабан и мудрая Змея, огромный Океан и его жительница Акула.

Когда каждый высказался, инструктор переводит разговор в другую плоскость. Он спрашивает, кто же виновен во всех наших бедах? Он замечает, что причиной всех страданий являются представители всего лишь одного земного вида – люди. Инструктор говорит: "Эх, если бы люди услышали всё сказанное нами на Совете, если бы они узнали о наших проблемах. Давайте пригласим их, чтобы они узнали о наших горестях. Пригласим их, чтобы они хотя бы услышали наши голоса и мольбу о помощи… Пожалуйста, несколько человек снимите маски и пройдите в центр круга. Вы будете представлять на Совете людей". Несколько человек по просьбе инструктора снимают маски и садятся в центр круга. Спиной друг к другу люди обращены лицом к остальным участникам ритуала в масках. Они видят себя в окружении других форм жизни. Слышат их голоса, взывающие о пощаде, помощи и справедливости.

В свою очередь представители иных форм жизни видят человека и могут высказать наболевшее, обращаясь непосредственно к виновникам возникшей ситуации: "Люди, выслушайте нас и попытайтесь понять. Мы живём в общем мире. Этот мир принадлежит не только вам, но и нам тоже. Зачем вы забираете у нас пространство для жизни? Зачем отравляете мир, в котором все мы живём? Прислушайтесь к нашим словам, ведь вы разрушаете мир, в котором живёте сами, и будут жить ваши дети".

"О люди, я Берёза и всегда радовала вас влагой своих целебных соков. Но леса, в которых я живу, сильно пострадали от лесорубов. Людей желающих срубить берёзу намного больше, чем желающих посадить дерево. Прошу вас, если не можете восстановить лес, так хотя бы не разрушайте его". – "Мы слышим тебя, Берёза".

"Люди, от имени быстрых вод я, Река, хочу поговорить с вами. Всеми живыми существами я почитаюсь как Великая Святая, потому что дарю всем

им живительную влагу. Даже вы – люди, раньше преклоняли колени предо мною и окропляли свои головы моею святою водою. Жаль, что сейчас вы перестали меня уважать. Наверное, поэтому вы позволяете себе сливать в мои священные воды зловонные отходы своей жизнедеятельности. Неужели вам больше не нужны мои чистые воды? Неужели вам нравиться купаться и ловить рыбу в канализационных стоках?" – "Мы слышим тебя, Река".

"Я Дятел и хочу сказать людям, что всегда старался защитить их сады от полчищ насекомых. Но в последнее время все насекомые отравлены. Съев такое мёртвое насекомое можно самому отравиться. Так умерло много моих собратьев. Теперь некому охранять сады от насекомых и теперь единственным вашим средством защиты садов стала отрава. Не забывайте, что той же отравой вы можете умертвить своих детей или обречь их на тяжёлые болезни". – "Мы слышим тебя, Дятел".

Люди, сидящие в центре круга, через некоторое время вновь надевают маски и садятся в общий круг. Другие участники снимают маски и проходят в центр круга, чтобы выслушать реплики, адресованные на Совете людям. Так, каждый получает, с одной стороны, возможность послушать представителей других форм жизни, а с другой – возможность высказать в адрес людей упрёк от имени одной из жизненных форм планеты.

Каждый участник ведёт себя по-разному. Маленькая Лисичка немногословна, она пришла на Совет впервые. "Я Лисичка и хочу попросить людей, не натравливать на меня и мой род собак, не убивать моих близких ради одной лишь пушистой шкурки", – краткая речь, сказанная ею. Лисичка и ещё несколько персонажей не проявляли большой активности на Совете, их участие ограничивалось ролью слушателей. Но это не значит, что они пассивно относились к происходящему. Многие из них переживали в душе настоящую драму. От всего услышанного на глазах Лисички выступили слёзы. Под маской они были не видны, и ничто не говорило о том, что сейчас переживает в душе молодая девушка. Лисичка плачет, потому что её посетило прозрение о том, что, кроме людей, на планете живёт ещё множество жителей, прозрение о том, как жестоко поступают люди с иными живыми существами.

Когда все формы жизни были выслушаны, инструктор снова изменяет русло беседы: "Хочу вам сказать, что даже люди сейчас напуганы всем тем, что сотворили они на планете. Многие из них каются и говорят, что не задумывали ничего плохого. Та сила, которую они высвободили, испугала их самих. Несмотря на всю свою мощь, люди оказались не в состоянии повлиять на ситуацию. Они попали в сильную зависимость от машин и созданного ими мира. Если бы люди поняли, как разрушающе действует их искусственный мир на Мать Природу. Если бы они могли пробудиться и осознать себя частью сети жизни, возможно, им удалось бы что-то изменить. Что можем мы дать людям, чтобы помочь им понять их место в сети жизни: дадим им свои дары и свои силы".

После речи инструктора участники Совета предлагают людям свои дары: "Как Лес я предлагаю людям свою свежесть и красоту. Приходите ко мне за ягодами и цветами. Приходите ко мне послушать песни птиц и шелест листьев.

Мои целебные травы помогут вам излечиться от многих болезней. Став здоровее вы сможете измениться к лучшему". "Я Голубь предлагаю взять людям своё миролюбие. Пусть стремление к миру поможет вам избежать множества бессмысленных войн". "Как Озеро я хочу преподнести людям чистоту своих глубин. Если души людей наполнятся такой же чистотой, это поможет им меньше плодить грязи вокруг". "Я Ястреб. Хочу подарить человеческой мысли свободу полёта. Пусть в свободном парении мысли родится мечта о помощи миру". Люди, стоящие в кругу, или молча принимают дары или иногда говорят "спасибо".

После этого Совет завершается. Участники усаживаются и несколько минут сидят в тишине, переживая в душе увиденное и услышанное. Потом снимают маски и обнимаются все вместе, символизируя тем самым единство в деле спасения окружающего мира. Держа в руках маску, каждый обращается к своему существу и благодарит его за предоставленную возможность увидеть мир его глазами. Участники возносят благодарность Матери Природе, кланяются земле, дотрагиваясь до неё руками и головой.

"Теперь вы сняли маски, – возвещает инструктор в конце ритуала. - Но постарайтесь сохранить в себе ту сущность, которую вы представляли на Совете. Лицо этой сущности пусть станет вашим настоящим лицом. Оденем же теперь маску человека и войдём в мир людей, чтобы мы имели возможность повлиять на их действия, остановить разрушение мира". После этих слов инструктор объявляет о ритуальном закрытии Совета. Участники делятся друг с другом своими впечатлениями. Некоторые уходят в глубоком молчании.

"Совет живых существ" – ритуал, который практикуют последователи глубинной экологии по всему миру. Выйдя из Австралии, этот ритуал пропутешествовал по Америке, Европе, Азии. В России, Украине и других "союзных" странах он, к сожалению, не получил большого распространения. Совет помогает людям ощутить себя частичкой природы, взять часть ответственности за негативную экологическую обстановку на себя. Наряду с другими тренингами глубинной экологии Совет воздействует на глубины души человека, ведь именно там таится причина всех бед окружающего мира.

Интерент-источник
http://www.duhzemli.ru/37.html

КАЛЕНДАРЬ ПЕСЧАНОГО ГРАФСТВА
(Конспект Поющего Ветра)

О. Леопольд

Проблемы новой этики

«Мы пока не научились ценить дикую природу как фактор социального благополучия. Одни утверждали, что дикую природу надо сохранить как источник мяса, другие – как источник денег, третья, четвертые, пятые и так

далее считали, что её необходимо сохранять в интересах науки, воспитания молодёжи, сельского хозяйства, искусства, здравоохранения и даже военной готовности» (с. 194). Таким образом, мы сопоставляем не сопоставимое. Это разные вещи, все в равной мере ценные: «Значит, если мы способны жить без гусиной музыки, с тем же успехом мы можем покончить со звёздами, закатами и «Илиадами». Но суть в том, что мы были бы глупцами, если бы покончили с ними» (с.197).

Отсюда происходит ценностная деформация всяких развлечений на лоне природы. Например, охоты (охоту Леопольд всячески любит). Увлечения – это бунт, против стереотипов. А настоящий охотник основывается на спортивном кодексе и пытается общаться с животными. Довольно непривычно для современного мира.

Нужна «этика земли». «Этика – это своего рода зарождающийся общественный инстинкт» (с. 201). Он проходит свои стадии эволюции, всё более расширяя категории, к которым относится. Так, этические правила древней Греции не распространялись на рабов (человеческий скот). Затем, произошёл трудный отказ от рабства и перенесение категорий этики на отношения человека и общества. «Развитие этики можно выразить не только через философские, но и через экологические понятия. Этика в экологическом смысле – это ограничение свободы действий в борьбе за существование. Этика в философском смысле – это различие общественного и антиобщественного поведения» (с. 200).

«Все сложившиеся до сих пор этические системы опираются на одну предпосылку – индивид является членом сообщества, состоящего из взаимосвязанных частей. Инстинкт побуждает его соперничать за место в обществе, но этика одновременно побуждает его к сотрудничеству.

Этика земли попросту расширяет пределы общества, включая в него почвы, воды, растения и животных, которые все вместе объединяются словом «земля»

Этика земли меняет роль человека, превращая его из завоевателя сообщества, составляющего землю, в рядового и равноправного его члена» (с. 202).

Это расширение вполне логично. Ведь природа и общество суть взаимосвязаны. «Изменения растительного покрова воздействовали на ход истории» (с. 204). Эту фразу О. Л. иллюстрирует это высказывание событиями эпохи американских первопоселенцев, которые продвигались в глубь континента, по течению Миссисипи, следуя за тростниковыми землями.

Этика земли возлагает на человека необходимость охраны природы. «Охрана природы – это состояние гармонии между человеком и землёй» (с. 205). В качестве первого шага охраны природы предполагается «всемерно расширять экологическое просвещение» (т ж). Но «Обязательства обретают силу лишь в сочетании с *совестью* , и перед нами стоит задача сделать объектом общественной совести не только людей, но и землю» (с. 207). Совесть – это внутренний фактор, она не может опираться на соображения экономической ценности. Нечто может быть экономически не ценно, но в

следствие сложных взаимосвязей в биоте, привести к её гибели. Кроме того, до какой степени государству будет хватать денег на природоохранительные мероприятия и всякие экономические поощрения? Здесь нужна мораль, а не экономика.

«Этика, дополняющая и контролирующая экономическое отношение к земле, предполагает существование мысленного образа земли как биологического механизма» (с. 212). Классическая пирамида выгладит так: Это сложная система, взаимосвязи внутри которой представляют собой пищевые взаимоотношения элементов. Количество особей каждой ступени уменьшается от нижней к верхней. «Человек стоит на одной из промежуточных ступеней, рядом с медведями, енотами и белками, которые едят как мясную, так и растительную пищу» (с. 213). Связь между ступенями такова, что каждую последующую ступень кормят все необходимые звенья нижележащих. Далее смерть и тление возвращают вещества в землю – это такой же необходимый элемент, как и все цепи питания, потому как почва – это самая низшая ступенька, питающая все высшие. «Когда в одной части системы происходит изменения, многие другие части вынуждены приспосабливаться к нему» (с. 214). По мере эволюции все цепи удлинялись и усложнялись. Эволюционные изменения происходили медленно.

Человек со своими орудиями получил возможность влиять быстро и стразу на многие звенья цепи. Что важно понять из всего этого современному человеку: «

1) земля – это не просто почва.

2) Местные растения и животные поддерживали энергетическую систему в действии, ввезенные же, возможно, сохранят её, а возможно, разрушат.

3) Изменения, вносимые человеком отличаются от эволюционных изменении, и последствия их бывают гораздо опаснее, чем предполагалось или предвиделось» (с. 215).

Всё это приводит к «дезорганизации» жизни под воздействием человеческого фактора. Но оно не минуемо, поэтому важно помнить, что «чем менее бурны и насильственны производимые человеком изменения, тем больше вероятность успешной перестройки пирамиды» (с. 217).

«Этика земли отражает существование экологической совести, а тем самым и убеждение в индивидуальной ответственности за здоровье земли. Здоровье земли заключается в её способности к самообновлению. И охрана природы воплощает наши попытки понять и сохранить эту способность» (с. 218).

О. Л. выделяет два типа мировоззрения в рамках охраны природы. А – отношение к земле как к почве. Б – отношение к земле как к биоте. Люди типа А занимаются не спасением колодца, а усовершенствованием насоса. Они воплощают классическую науку о сельском хозяйстве, которая зародилась раньше экологии и поэтому сложнее трансформируется.

Ну и, конечно, этика земли должна основываться на любви и уважении к природе, на благоговении перед её ценностью (но не экономической, а философской ценностью).

Какие есть препятствия на пути развития этики земли?

1. Образовательная система. Редко кто получает экологическое образование, даже из тех, кто биолог. Что уж говорить о фермерах, например. А те, кто биологи и экологи – не понимают всей важности и эстетической ценности. Тут ещё и воспитание нужно.

2. Экономическая система. Бережное обращение с землёй – вообще не экономическая проблема. Надо отказаться от «экономического детерминизма».

Но развитие этики земли дело не только эмоций, но и ума. Нужно изучать биоты. «Способность видеть культурную ценность дикой природы в конечном сёте сводится к интеллектуальной скромности. Поверхностный суперсовременный человек, полностью утративший связь с землёй, считает, будто он точно знает, что важно, а что нет. Только истинный учёный понимает, что нетронутая дикая природа придает определённость и смысл человеческой деятельности» (с. 234).

«Система воздействия [этики земли] та же, что и в любой другой этике, - общественное одобрение хороших действий, общественное порицание действий дурных».

Отношения с дикой природой

«Дикая природа – это сырье, из которого человек выковал изделие, именуемое цивилизацией» (с. 222). «Выбранные для её сохранения участки неизбежно должны заметно разниться в размерах и степени дикости» (с. 223). Но иногда маленьких и разрозненных кусочков не достаточно, чтобы сохранить определённые виды.

Зачем нам дикая природа?

1. «Участки дикой природы – это и возможность сохранить искусство путешествий в его первозданном виде, особенно с помощью каноэ или вьючных лошадей» (с. 228).

2. Дикая природа нужна науке. Попытки сохранить здоровье земли редко оборачивались успехом. В общем-то проблема в том, что мы все болезни земли лечим локально. Но, чтобы понимать механизмы здоровой земли, надо иметь хоть какие-то нетронутые участки для её изучения.

3. Дикая природа нужна для диких животных. Так, национальные парки совершенно бессильны сохранить крупных хищников. А отсюда возникает ещё ряд проблем.

На самом деле, «любая программа охраны или восстановления дикой природы – это арьергардный бой в попытке свести потери при отступлении до минимума» (с. 234).

Главное – эстетика. Современного человека тянет к природе. И за возможность охотиться или даже просто видеть дикую природу человек способен заплатить огромные деньги. Почему? «А потому, что дикие создания, на которых он охотится, ускользнули от него, и он надеется с помощью некромантии законов, субсидий, региональных планов, реорганизации департаментов или иных форм массовых благих пожеланий заставить их вернуться» (с. 236).

И так, почему мы ищем соприкосновения с природой? Потому что оно доставляет нам удовольствие. Существует несколько ступеней развития этого удовольствия, как в филогенезе, так в онтогенезе, так и в социогенезе:

1. Идея трофея. Природа ценна, потому что позволяет осуществлять поиск и обретение трофеев. «С ростом массовости метоы сохранения дикой природы начинают всё больше опираться именно на искусственность и ценность трофеев снижается» (с. 239).

2. Добыча косвенных трофеев, ведь трофеи могут быть разными: от чучел, до фотографий.

3. Ощущение уединённости среди природы.

4. «Восприятие естественных процессов, благодаря которым земля и всё живое на ней обрели свои особые формы (эволюция), а также поддерживают своё существование (экология)» (с. 242). «Главное свойство восприятия заключается в том, что оно не сопряжено ни с потреблением, ни со снижением ценности каких бы то ни было ресурсов» (т ж). «Развитие восприятия – вот единственная истинно творческая сторона обеспечения отдыха на природе» (с. 243).

5. Ощущение деятельного соприкосновения с землёй.

«Примитивные формы активного отдыха на природе пожирают собственную базу, тогда как высшие формы хотя бы в некоторой степени обеспечиваются удовлетворение почти или вовсе без вреда для земли и жизни» (с. 246).

Интерент-источник
http://windchime.indeep.ru/text/shaman/oldo.htm

СВЯЗЬ СОЗНАНИЯ, МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ЧУВСТВ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ «Я - ЭТО ТЫ»

И. А. Ильиных

Психика человека устроена так, что необходимо *определить* предмет, явление или событие для того, чтобы лучше его понять и превратить в интеллектуальный фундамент для деятельности с определенной степенью осознанности. В зависимости от того, какой смысл мы вложили в понятие, такой степенью свободы мы и будем обладать в той сфере деятельности, для которой их определяем. Оперируя понятиями мы создаем новое пространство под будущую (сначала ментальную, а затем и материальную) конструкцию, а затем и реальный облик будущего мира.

Фундаментальным, основополагающим уровнем психики человека является уровень сознания и вся жизнь человека зависит от того, что он знает о своем сознании и как он его определяет. В психологии еще живет определение сознания как высшей формы психического *отражения* окружающей действительности (Гомезо, Домашенко, 2004), таким образом, сознанию

отводится пассивная роль в жизни. Но физики и математики, вторгшиеся в сферу психологии, не согласились с таким пониманием роли сознания и предложили свою версию, согласно которой сознание играет самую главную роль в творении: сознание – *творящая* информация (Тихоплав, Тихоплав, 2003).

Другая очень важная категория, лежащая в основании психики человека – это мировоззрение. Мировоззрение характеризуется посредством особенностей видения мира как внешнего, так и внутреннего. Прежде чем начать действовать или вступить в любое взаимодействие мы внутренне должны опираться на какие-то убеждения или хотя бы веру. Внутри нашего психического существа есть основания для того, чтобы видеть одно и не видеть другое. Хотя и очень трудно провести границу между мировоззрением и сознанием все-таки можно увидеть различие в этих формах психической жизни. Мировоззрение как бы модулирует сознание, т.е. изменяет характер проявления. Образно говоря, оно может открывать или закрывать путь для сознания. В зависимости от того как устроено и какого качества информацией (знанием) заполнено сознание и мировоззрение так мы и видим мир. Существует некая внутренняя предопределенность к тому, что мы увидим и как оценим это увиденное потом. Каждому предмету, явлению, событию в нашем мировоззрении уже заранее есть место, куда оно попадет при оценке мирового порядка и процессов, происходящих в нем. Мы видим то, к чему у нас есть предопределенность, предрасположенность и дорисовываем то, чего не хватает. У нас есть система знаний, убеждений, верований, созданных разными способами (внутренне и внешне), также какая-то часть наших взглядов является продуктом внутренней проработки поступивших извне установок в форме традиций, норм, правил, верований и т.д. Вобщем, так или иначе, у каждого человека есть мировоззрение – система взглядов на мир, в основании которых лежат внутренние убеждения в том как этот мир устроен.

Каждый человек развивается, т.е. изменяется, накапливает знания, распределяет их внутри своего мира, делает умозаключения, и, в конце концов, в его психике могут происходить кардинальные перестройки заменяющие старые на новые фундаментальные для мировоззрения установки. Как у каждого человека есть личные особенности мировоззрения, так и у человечества в целом есть общее мировоззрение, благодаря которому и развивается человеческое общество.

Так, довольно долго в человеческом обществе преобладало антропоцентрическое мировоззрение, согласно которому человек находится в центре всего мироздания, и весь близкий и дальний мир существует для него – для удовлетворения его многочисленных потребностей. Но сейчас многие задаются вопросом, а действительно ли так устроен мир? Может быть мы упускаем из виду что-то важное? Правильно ли мы его видим? Подобные вопросы возникают не случайно и виной тому множество проблем, существующих на Земле, они и заставляют усомниться в правильности мировоззрения, на которое опирались предыдущие поколения, развивая цивилизацию.

Сейчас идет поиск оснований для нового мировоззрения, опираясь на которое можно решить большинство проблем человечества. На мой взгляд лучшим был бы такой взгляд на мир, при котором каждая частичка существующего в мире воспринимается как часть единого целого – огромного вселенского организма – и имеет самоценность не только для целого, но и для себя, а взаимодействие с каждой частичкой в любой форме проявления может происходить не только по типу субъект-субъектного, но даже больше – взаимодействия, при котором растворяются границы, разделяющие взаимодействующие стороны и происходит переживание единства всего сущего и сопричастности ко всему, что в мире есть.

Принятие такого мировоззрения помогло бы снять множество проблем и в частности проблему отделенности, одиночества, неудовлетворенности человека. Человек ощущает себя отдельным от всего сущего и потому стремится преодолеть это в основном одним способом – стремлением восполнить недостающее, приобрести как можно больше, сделать своим. Такой мотив проявляется во всех сферах жизни человека – материальной, информационной, чувственной… Обмен человека, в большинстве своем, направлен на втягивание в свой мир внешнего, будь то материальные, эмоциональные или интеллектуальные предметы, события, явления. Наш мир построен на принципах приобретения, на делании чего-то внешнего своим. Нарушается баланс равноценного и равномерного обмена… и маятник неизбежно возвращается в противоположную сторону. Отсюда вытекают множественные проблемы человечества, затрагивающие все сферы внутреннего и внешнего мира человека. Мы постоянно гонимся за чем-нибудь (славой, деньгами, наслаждениями… продолжать ряд можно бесконечно), говорим о потребностях, пытаемся их удовлетворять и постоянно остаемся неудовлетворенными, пытаемся приобретать и постоянно остаемся нищими….

А если взглянуть на мир и на себя в этом мире под другим углом зрения. С точки зрения единства мира и того, что в каждом из нас все есть уже изначально для нашего счастья и ощущения полноты бытия. Каждый человек это целый мир и он раскрывается изнутри наружу. Оставить в стороне желание приобретать и накапливать, а пойти в другую сторону – испытывая ощущение мира как части себя и раскрываться внутри этой гармоничной целостности. Из ограниченного узкого понимания чего-то отделенного, отдаленного, удаленного «я» вырастает в «Я» – всецельность, целостность – и растворяется в огромном бытии, где все становится моим… и не моим одновременно. Сознание выходит за пределы таких категорий как мое тело, моя жизнь, моя страна, моя национальность, мое государство, моя планета…

Первым признаком проявления такого мировоззрения является Любовь, помогающая человеку выйти за границу своей отделенности, своего эго, и запускающая процесс чувствования другого как самого себя. «Есть только одна сила, которая может изнутри, в корне подорвать эгоизм, и действительно его подрывает, именно любовь, и главным образом, любовь половая… Познавая в любви истину другого не отвлеченно, а существенно, перенося на деле центр своей жизни за пределы своей эмпирической особности, мы тем самым

проявляем свою собственную истину, свое безусловное значение, которое именно и состоит в способности переходить границы своего феноменального бытия, способности жить не только в себе, но и в другом. Всякая любовь есть проявление этой способности, но не всякая осуществляет ее в одинаковой степени, не всякая радикально подрывает эгоизм» (Соловьев, 1990). Владимир Сергеевич Соловьев писал о мощной силе чувства, выводящего сущность человека за границы его «я». И часто человек неосознанно позволяет этой силе вывести себя за пределы ощущения себя как отдельного существа, а может и не позволить если другие ограничительные элементы в нем превосходят по силе любовь.

В том, чтобы любовь превратилась из неосознанного стремления к соединению, стремления к выходу за предел и соединения с другим там за границами, т.е. для того, чтобы она превратилась в совершенно другую категорию, необходимо осознать принцип ее действия – нужно провести ее через сознание и уже осознанно позволить своей сущности выйти за пределы эго и жить в совершенно новом мире, новом пространстве, новом измерении – безграничности бытия.

Итак, первым шагом на пути к новому мировоззрению является любовь к кому-либо или чему-либо. Любовь, заставляющая забыть себя в этом проявлении, раствориться в нем и пить сладостный нектар блаженства. Если человек в принципе способен чувствовать это и входить в такое состояние, то путь к единству для него уже открыт.

Любовь моя, я лишь тобою пьян,
Весь мир расплылся, спрятался в туман,

Я сам исчез, и только ты одна
Моим глазам, глядящим внутрь видна.
(Ибн Аль-Фарид
Перевод З. Миркиной)

Но, важный момент заключается в том, чтобы всегда пребывать в таком состоянии и не возвращаться больше к эгоистическому видению мира.

О, риск потери! Риск провала
В любви – там, где меня не стало,
Вот там, где есть один любимый,
Уже на части не делимый.
Не я и Он, а только Он.
И – близится пасхальный звон.
(З. Миркина)

Человек любит, он способен войти в новый мир, где все гармонично, наполнено светом, раскрашено яркими красками. Но если сознание его не понимает происходящего, то он вернется снова к состоянию отделенности и

конечно потеряет это состояние единства с предметом своей любви и мира в целом.

Когда ж, опомнясь вижу вновь черты
Земного мира, – исчезаешь ты.
(Ибн Аль-Фарид
Перевод З. Миркиной)

Как же человеку любящему не войти снова в мир эгоизма, а человеку еще не познавшему мир любви оказаться в нем? Здесь может помочь особый склад сознания, новый вид мировоззрения: мировоззрения в котором нет границ. Значит нужно оказаться в таком месте своего внутреннего мира, в такой позиции сознания, откуда открывается вид новый безграничный, где каждое существо является продолжением другого. Как же войти в такой мир?

На Земле за всю историю человечества накопилось достаточно много методов и средств, помогающих войти в такое состояние. И каждый человек использует его, но часто не осознавая механизмов действия такого метода.

Я пью тебя как горькое вино –
Нектар тоски замешанной с блаженством –
По каплям растворяясь в неизбежном
Я пью тебя как горькое вино.
(И.Ильиных)

Такой способ переживания назвали отождествлением (перемещением своего «я» в сущность предмета, на который направлено сознание или чувство). Но если сознание отделено от чувственно-эмоциональной составляющей человеческого существа, то мы получаем холодное рассудочное аналитическое описание предмета, и также, если чувство или эмоция отделены от сознания, мы получаем слепое, глупое чувство, может быть очень сильное и энергетически наполненное, но не осознающее не только себя, но и предмет чувствования. Отдельно друг от друга сознание и чувство являются не полными и, постоянно стремясь к восполнению, конкурируют друг с другом за получение ведущей роли в поведении человека, но если они соединяются, то превращаются в наилучший инструмент взаимодействия с миром. Мировоззрению тоже отведена особая роль в этом процессе – оно должно дать добро на их слияние или не позволить этому произойти в соответствии со своим видением мироустройства.

Снова мы вышли на уровень мировоззрения. С позиций мировоззрения «я – это ты» не существует границ, разделяющих взаимодействующие стороны, а другой изначально принимается как часть себя. Центр сознания человека с таким мировоззрением оказывается за пределами любых ограничений, разделений, сравнений и тому подобных категорий, созданных из понимания о разделенности всего сущего. Мир такого человека трансцендентен двойственности. Реальность его мира едина и нераздельна. Каждое существо

является продолжением другого. Понятия «моё» и «твоё» не существуют. Всё моё: грусть другого, радость другого, ощущение счастья другого, ощущение горя другого … и я не могу отделить себя от всего, что имеют другие и что переживают они и это переживание становится доминирующим и наполняющим смыслом и блаженством меня чувством сопричастности всем и всему.

В заключение моего размышления хочется еще раз подчеркнуть такую мысль. Прежде, чем выйти на уровень взаимодействия без границ с представителями внешнего мира человеку нужно собрать себя самого заново, осознать себя и прочувствовать как самодостаточную единицу мира, но в тоже время его частицу, тем самым снимая проблему внутренних конфликтов и таким новым созданием открыться другим существам для совместного переживания таинства жизни.

Литература

1. Гомезо М.В., Домашенко И.А. Атлас по психологии. – М.: Педагогическое общество России, 2004. – 276 с.
2. Миркина З. Потеря потери. – М.: Evidentis, 2001. – 380 с.
3. Соловьев В.С. Смысл любви / Соловьев В.С. Сочинения в 2-х т. Т.2 – М.: Мысль, 1990. – 822 с.

ЭТИКА НООСФЕРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Л. В. Лесков

Уяснение нравственного закона не только главное, но и единственное дело всего человечества

Л.Н.Толстой

Этическая катастрофа современности

Принято считать – и это совершенно справедливо, – что высшие моральные ценности сформулированы в нагорной проповеди. В качестве постулата при этом обычно добавляют, что нравственные принципы, провозглашенные Христом, даны на все времена. И хотя это тоже несомненно верно, этическая мысль является одной из самых динамичных категорий общественной жизни. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить нашу недавнюю историю. Всего пятнадцать лет назад нас приучали к основной аксиоме коммунистической морали: нравственно все, что соответствует интересам социализма и целям партии и Советского государства.

В годы перестройки, когда отсутствовали сколько-нибудь ясные проекты и ориентиры общественного развития, философы попытались найти выход, провозгласив, что суть концепции перестройки формулируется в ценностных понятиях, в терминах этики. Этические истины, убеждали они смущенное

население, истины справедливости и счастья поднимаются до уровня исторической перспективы высших и конечных целей. Но очень скоро более решительные сторонники реформ предложили заменить эти прекраснодушные рассуждения на жесткий постулат рыночного хозяйства: нравственность есть эффективность.

В этих условиях рассуждения об этике утратили всякий смысл. Возник феномен, которого Россия не знала даже в самые тяжелые периоды своей истории, – этический вакуум. Опыт истории учит: попрание морали неизбежно заканчивается исторической катастрофой. Поэтому новая работа этической мысли, ориентированная на реалии современности и преодоление эволюционного кризиса, является важнейшей социокультурной задачей.

В действительности положение более опасное и сложное, поскольку кризис, перед лицом которого оказалась наша страна, есть основания рассматривать как один из первых грозных предвестников наступающего общепланетного кризиса. Этот глобальный кризис носит многомерный и многоплановый характер и несомненно является более тяжелым за всю историю человечества, потому что закончиться он может схлопыванием экологической ниши, которую занимает на планете биологический вид Homo Sapiens, в наиболее тяжелом варианте гибелью биосферы.

Различные аспекты этого глобального эволюционного кризиса хорошо известны. Во-первых, это угроза экологической катастрофы, обусловленная тем, что техногенная нагрузка на биосферу уже в настоящее время превысила порог ее устойчивости. Во-вторых, это демографическая проблема: скорость роста населения Земли пропорциональна квадрату его численности, а это гиперболическая закономерность. В-третьих, продолжающееся обострение противоречий между богатыми странами «золотого миллиарда» и остальной частью человечества. В-четвертых, далеко зашедшие процессы виртуализации, охватывающие практически весь спектр общественной жизни – от финансовой сферы до самоидентификации человека. Остановимся на этом, хотя продолжить этот перечень не составляет труда.

Перспективы ноосферной трансформации

На каких путях современная научно-общественная мысль ищет стратегические подходы к преодолению этих тяжелых кризисных явлений? В настоящее время наибольшей известностью пользуются две парадигмы – концепция устойчивого развития (или точнее sustainable, т.е. самоподдерживаемого) развития и теория постиндустриального общества. Основной смысл первой из этих концепций можно представить в форме эколого-этического императива: устойчивое развитие возможно только как результат этического обновления человечества, формирование единого для всех землян этического кодекса, во главу угла, которого будут поставлены принципы сохранения биосферы (Данилов-Данильян, Лосев, 2000).

Главный недостаток этой концепции состоит в том, что в ее основу фактически положена одномерная модель эволюции человечества как единого целого. Между тем, к саморазвивающимся системам, к числу которых

относится и мировая цивилизация, и глобальная экосоциальная констелляция, эта модель неприменима. Неудивительно, что на практике программы устойчивого развития в целом выполняются неудовлетворительно.

Теория постиндустриальной трансформации отличается от концепции устойчивого развития, во-первых тем, что она носит прежде всего технолого-экономический характер, а во-вторых, в ней одновременно рассматриваются политическая и социокультурная сферы. Постиндустриальное общество есть общество образования, центральную роль в нем играет теоретическое знание, что приводит к формированию нового ведущего класса – интеллектуальной элиты, когнитата (Белл, 1999).

Слабым местом теории постиндустриальной цивилизации является тот факт, что на практике ее реализация распространяется лишь на развитые страны запада. Идущий в настоящее время широким фронтом процесс глобализации оборачивается поэтому на деле превращением Запада и в первую очередь США в новую метрополию, а остального мира – в их ресурсный придаток. Как следствие такого хода событий процесс постиндустриальной трансформации лишается гуманистического настроя. В тех теоретических вариантах глобальной постиндустриальной цивилизации, которая развивается в трудах отечественных авторов, гуманистическим и соответственно этическим аспектам этих процессов уделяется приоритетное внимание (Яковец, 1997).

Указанных недостатков теории постиндустриального общества лишена концепция ноосферы, которую наш великий соотечественник В.И.Вернадский разрабатывал на несколько десятилетий раньше (Вернадский, 1991).

Следует отметить, что этическому вопросу ноосферогенеза Вернадский придавал важнейшее значение. Этот вопрос, писал он, «становится действенной силой, и с ним придется все больше и больше считаться. Он подготовлен долгой, еще не написанной, даже неосознанной историей». Главное внимание Вернадский обращал на моральную сторону науки.

Система ноэтических критериев

В чем же должны состоять специфические принципы, которые следует внести в этический кодекс, учитывая особенности постиндустриальной трансформации и близких к ней процессов ноосферогенеза? Чтобы ответить на вопрос, воспользуемся теоретической моделью ноосферогенееза, построенную на принципах синергетической методологии (Лесков, 1998). Основу этой модель составляет каркас базовых постулатов ноосферогенеза, подтверждением которых служат эмпирические обобщения реальных социокультурных процессов, выполненные Вернадским (Вернадский, 1991). Эти постулаты, образующие онтологический базис эволюции по ноосферному сценарию, представлены в табл.1.

Табл.1. Базовые постулаты ноосферного сценария

№ п/п	Постулаты	Содержание
1.	Принцип	Основная функция ноосферы состоит в креативной

	креативности	(творческой, теоретической, инновационно-технологической) деятельности в интересах расширения границ гомеостаза и освоения новых экологических ниш.
2.	Принцип коэволюции	Интенсивность и скорость техногенной деятельности не должна превышать границ устойчивости и адаптационных возможностей биосферы в целом и региональных биоценозов в частности.
3.	Принцип компликативности	Социокультурная и информационно-управленческая инфраструктура ноосферы должна быть самосогласована с ее техносферой.
4.	Принцип гармонизации	Условия усойчивого самодвижения ноосферы не должны противоречить условиям максимальной самореализации творческого потенциала человека.

Из этих постулатов видно, что в основе концепции ноосферогенеза, как и теории постиндустриальной трансформации, лежит примат творческого поиска в условиях свободы, понимаемой не как предназначенная необходимость, а как возможность выбора эволюционной альтернативы. Тем самым создаются предпосылки для преодоления одной из главных болезней современного индустриального общества потребления – массового тиражирования усредненного человека и размывания неповторимого личностного начала, торжества посредственности.

Второе важное преимущество системы постулатов ноосферогенеза состоит в том, что она задает процессу эволюции экоантропоцентрическую ориентацию, а потому служит предпосылкой снятия современных глобальных противоречий. Однако из теории самоорганизующихся систем, или синергетики, следует, что эволюционные процессы, развивающиеся по любой из этих моделей – ноосферогенеза или постиндустриальной трансформации, неизбежно будут сопровождаться структурными кризисами, бифуркациями. Нужны алгоритмы заблаговременного прогнозирования этих кризисов и критерии, соблюдение которых будет обеспечивать минимальные потери при их преодолении и препятствовать перерастанию структурных кризисов в системные.

Определить критерии устойчивости ноосферогенеза можно, анализируя внутренние противоречия этого процесса. Зная эти критерии, можно заблаговременно встроить в систему управление эволюционными процессами соответствующие блоки отрицательной реактивности.

В таблице 2 дана сводка возможных противоречий эволюции по ноосферному сценарию и соответствующих им стабилизационных критериев. Система этих критериев, или императивов, имеет смысл **правил запрета** тупиковых эволюционных трендов, а потому отвечает требованию устойчивости ноосферного аттрактора. Будем поэтому называть эти критерии **ноэтическими**.

Табл.2. Ноэтические критерии устойчивого развития

№ п/п	Противоречия эволюционного процесса	Критерии

1.	Рудименты старого технологического уклада – предпосылки перехода к новому укладу	Императив когерентности
2.	Техносфера – окружающая среда	Экологический императив
3.	Креативная, новаторская деятельность – адаптивно-адаптирующая функция	Интерактивный императив
4.	Новый уровень развития техносферы – устаревшая структура социосферы	Императив толерантности
5.	Общечеловеческие интересы – региональные, национальные, национальные, конфессиональные, классовые	Императив глобального мышления
6.	Экстенсивная антропогенная экспансия – ограниченность природных ресурсов «космического корабля» Земля	Космический императив
7.	Свобода выбора решений – уровень компетентности	Императив синергетического мышления
8.	Техносфера – сфера духа	Императив духовности
9.	Государство – свободное самовыражение личности	Антропный императив
10.	Государство – гражданское общество	Демократический императив
11.	Позитивные и негативные последствия научных проектов	Моральный императив науки
12.	Свобода творческого поиска – инерция общественного мнения	Императив творческой свободы

Ноэтические критерии как правила запрета тупиковых сценариев

Дадим комментарии к некоторым из числа ноэтических критериев таблицы 2. Императив глобального мышления не следует понимать как призыв к подавлению каких-либо более частных интересов, речь идет о другом. Суть этого критерия хорошо выражена в афоризме: «погибнуть люди могут и поодиночке, выжить – только сообща».

Космический императив означает не только призыв к рациональному включению ресурсов внеземного пространства в эволюционный процесс человечества, но одновременно на возможность раскрытия новых, остающихся пока неизвестными свойств космоса.

Очень важен синергетический императив, который состоит в требовании усвоить принципы нелинейного мышления. Традиция следовать классическим моделям одномерного и линейного мышления в XX веке почти всегда приводила к тяжелым провалам и неудачам и в экономике, и в политике.

Противоречие между техносферой и сферой духа носит многомерный характер. Как отмечал Э.Фром, любовь к технике может выродиться в разновидность некрофилии и привести к гибели личности в человеке. Возможна и другая крайность – технические достижения способны породить иллюзию абсолютной свободы, отсутствию каких-либо ограничений творческого порыва. Кроме того, именно техносфера служит тем материальным

фундаментом, на котором расцветает идеология потребительства, выхолащивающая свободный творческий дух.

Что касается императива свободы творческого поиска, то о нем размышлял еще В.И.Вернадский. Глубочайшие проявления личности ученого, писал он, связаны с его моральной неудовлетворенностью, с основным побуждением его к научной работе. «Эти побуждения свободной человеческой, научно осознающей окружающее, личности глубже каких бы то ни было форм государственного строя» (Вернадский, 1991). Творчески-индивидуальный характер нравственных актов отмечал также один из основоположников философии экзистенциализма Н.А.Бердяев. «Этика творчества, – писал он, – утверждает ценность индивидуального и единичного… Личность, неповторимая, единичная личность, есть высшая ценность, она не есть средство для торжества общего, хотя бы этот общее было общеобязательным нравственным законом» (Бердяев).

Говоря о свободе творческого поиска, следует вспомнить моральный императив науки. Традиционный взгляд на научное творчество состоит в признании его самоценности и просвещения как главной задачи науки. В XX веке сформировалась альтернативная точка зрения, утверждавшая за наукой мессианскую роль, а за ее деятелями безусловное знание единственно верных способов решения всех мировых проблем. Очевидно, неверны обе крайности (Степин, 2000). Научное исследование нельзя рассматривать как ценностно нейтральное, оно должно включать оксиологические факторы, а поиск стратегического оптимизма требует комплексного подхода (императивы 1,3,4 и 7).

Система ноэтических критериев образует этос становления ноосферы и в равной степени постиндустриального общества. Этос науки, пишет Д.Белл, может превратиться в идеологию постиндустриального общества. Она может сыграть роль нового символа веры, провозглашающего в качестве нормы беспристрастное знание и ведущего к расхождению с бюрократическими и технологическими реалиями технологическими реалиями централизованной политической машины (Белл, 1999).

Однако харизматический аспект науки и ее служителей способен придать им нежелательный оттенок «святости», несущий в себе неискоренимый налет утопии и даже мессианства (там же). Противопоставить этой опасности можно императивы синергетического мышления и толерантности.

Ноэтические критерии следует рассматривать как инструмент снятия тупиковых эволюционных сценариев и определения разрешенного коридора действий. Система этих критериев обладает тем важным свойством , что они образуют целостный комплекс: достаточно допустить нарушение хотя бы одного из них, оставив остальные в неприкосновенности, как вероятность потери устойчивости и схода с оптимального эволюционного паттерна резко возрастает. Это свойство – следствие теоремы хрупкости хорошего, известной в теории катастроф (Арнольд, 1990). Смысл этой теоремы состоит в том, что любая система может считаться хорошей, если она удовлетворяет некоторому набору требований, но должна быть признана плохой, если не соблюдается хотя

бы одно из них. В силу этой теоремы все хорошее, – например, устойчивость процессов ноосферогенеза и постиндустриальной трансформации – более хрупко. Утратить ее легко, а восстановить потом трудно.

Ноэтические критерии останутся скорее благими пожеланиями до тех пор, пока не будут определены соответствующие им механизмы регулирования эволюционных процессов. К их числу относится достаточный уровень финансирования образования, науки, культуры, здравоохранения, системы социального обеспечения, комплекс преференций, обеспечивающий активацию фундаментальных научных исследований и поддержку инновационной технологической политики. Нужна разработка эффективной стратегии, концепции и долгосрочных программ действий по всему комплексу ноэтических ориентиров устойчивости процессов постиндустриальной трансформации.

Христианский этос в эпоху ноосферного перехода

Возникает вопрос, как соотносится система ноэтических критериев с традиционным этосом, прежде всего, с христианской этикой. Протестантская этика, состаившая идеологическую основу капиталистической формации, с завершением эпохи индустриализма в значительной мере исчерпала свой духовный потенциал. Несколько сложнее обстоит дело с этическим принципами православия.

Вот что пишет об этом С. Н. Булгаков – авторитетный философ и теолог одновременнно (Булгаков, 1991). Православие с этической стороны, по его словам, – это душевное здоровье и равновесие, когда сохраняя оптимистическое отношение к жизни, каждый должен быть монахом в сердце своем. Жизнь человека протекает в противоборстве сил мира и духовных устремлений к горнему свету. Жесткий ригоризм протестантской этики православию чужд, его духовный эстетизм иногда выражается в равнодушии к практичности. Характер православия определяется, как основными чертами, любовью и смирением.

Казалось бы, соотнесенность этих принципов с ноэтическим этосом минимальна. Однако это не так. Если главной функцией ноосферогененза по Вернадскому является творческая деятельность, а доминанта постиндустриальной трансформации состоит согласно Беллу, в кодификации теоретического знания, то в перспективе здесь может возникнуть одна опасность. Творчество по своей сути – категория индивидуальная и элитарная, оно не может носить массового характера. Сочетание свободы и творческого потенциала, т.е. условий без которых творческая деятельность невозможна, способна породить комплекс сверхчеловека, о котором писал Ницше. И здесь на помощь могут прийти высокие нормы христианской морали.

Литература

1. Арнольд В.И. Теория катастроф. – М., 1990. – 71 с.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М., 1999. – 785 с.

3. Бердяев Н.А. Творчество и объективация. –Минск. – С.162.
4. Булгаков С.Н. Православие. – М., 1991. – 416 с.
5. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. – М., 1991. – 271 с.
6. Данилов-Данильян В.С., Лосев К.С. Экологический вызов и устойчивое развитие. – М., 2000. – 415 с.
7. Лесков Л.В. Чего не делать? Футуросинергетика России. – М., 1998. – 172 с.
8. Степин В.С. Теоретическое знание. –М., 2000. – 743 с.
9. Яковец Ю.В. История цивилизаций. – М., 1997. – 315 с.

Литературный источник
Лесков Л.В. Этика ноосферной трансформации // Материалы научно-практической конференции «Живая этика и наука будущего». НИЛИПЭ – Дельфис. – Моршанск-Москва. –С. 22-31.

ЭТИКА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Р. Алтфилд

Что же христианство говорит людям об их отношении с окружением?

Многие из мифов народов мира дают описания истории творения. Греко-римская же мифология в этом плане совершенно иная. Мыслители древнего Запада отрицали, как и Аристотель, что видимый мир когда-то имел начало. Просто невозможно ввести начало в их схему циклического понимания времени. Резкий контраст этому дает Христианство, которое унаследовало от Иудаизма не только представление о времени как линейном и неповторяющемся, но и удивительную в своем роде историю творения. Всемогущий и любящий Бог шаг за шагом создавал свет и тьму, небесные тела, землю со всеми ее растениями, животными, птицами и рыбами. И в завершение Бог сотворил Адама, а после некоторых раздумий – Еву, чтобы мужчина не был одинок. Человек дал имена всем животным, установив таким способом над ними свое господство. Бог предусмотрел и спланировал все это исключительно для пользы человека и чтобы он управлял миром: всякая природная тварь не имеет никакого иного предназначения, кроме как служить целям человека. И хотя тело человека создано из праха земного, он не просто часть природы – он создан по образу Божию.

Христианство, особенно в своей западной форме, – наиболее антропоцентрическая из всех мировых религий. Уже во II веке н. э. и Тертуллиан, а св. Ириной Лионский настаивали, что, когда Бог создавал Адама, в нем уже содержалось предзнаменование образа воплощенного Христа – второго Адама. Отношение человека к Природе определяется во многом тем, что он, как и Бог, трансцендентен по отношению к миру. Полностью и непримиримо противостоя древнему язычеству и азиатским религиям, за

исключением, возможно, зороастризма, христианство не только установило дуализм человека и природы, но и настояло на том, что воля Божия именно такова, чтобы человек эксплуатировал природу ради своих целей.

Для обычного человека все это обернулось интересными последствиями. В эпоху античности каждое дерево, каждый ручей, каждый водный поток, каждый холм имели своего genius loci, своего духа-защитника. Эти духи были доступны человеку, хотя и очень не похожи на него: кентавры, фавны, сирены, наяды – все они являли собой двойственный облик. Прежде чем срубить дерево, вырыть шахту, перекрыть речку, важно было расположить в свою пользу того духа, который владел определенной ситуацией, и позаботиться о том, чтобы и впредь не лишиться его милости. Разрушив языческий анимизм. Христианство открыло психологическую возможность эксплуатировать природу в духе безразличия к самочувствию естественных объектов.

Часто говорят, что Церковь заменила анимизм культом святых. Но святой вовсе не пребывает в естественных объектах; у него может быть место почитания на земле, но его гражданство – на небесах. Более того, святой – во всем человек, и к нему можно обращаться человеческим образом. Конечно, помимо святых, в Христианстве есть еще ангелы и демоны, унаследованные им из Иудаизма и, возможно, из Зороастризма. Но все эти существа столь же мобильны, как и святые. Духи, жившие в самих естественных объектах и ранее защищавшие природу от человека, теперь исчезли. Была утверждена действенная монополия человека над духовностью в нашем мире, а старые запреты на эксплуатацию природы были разрушены.

Высказываясь в подобном уничтожающем духе, нужно сделать определенные оговорки. Христианство – это сложная вера, и ее последствия различны в разных контекстах. Сказанное мною можно успешно применить к средневековому Западу, где техника действительно добилась впечатляющих успехов. Этого нельзя сказать о греческом Востоке – высокоцивилизованном мире с весьма сильно выраженной христианской самоотдачей в вере; здесь не видно, чтобы были осуществлены какие-либо значимые технические нововведения после конца VII века, когда был изобретен греческий огонь. Чтобы понять, в чем здесь разница, нужно увидеть отличия в тональности благочестия и мышления, хорошо раскрытые исследователями, сравнившими теологии греко-византийской и западной церквей. Греки верили, что грех – это слепота разума и что спасение следует искать во внутреннем просвещении и в ортодоксии, то есть в сфере чистого мышления. Латиняне иначе решали вопрос – они понимали, что грех – это нравственное зло, поэтому спасение искали в правильном поведении. Восточная теология была интеллектуалистична, западная – волюнтаристична. Греческий святой созерцал, западный действовал. Втягивание Христианства в покорение природы должно было легче проявиться в западной атмосфере.

Христианский догмат о творении, который можно найти в начале всех символов веры, имеет особый смысл для нашего понимания современного экологического кризиса. Бог дал людям через откровение Библию, книгу Священного Писания. Но поскольку Бог сотворил природу, она тоже должна

нести в себе проявления божественной ментальности. Религиозное исследование природы в целях лучшего понимания Бога известно как натуральная теология. В ранней церкви, а особенно на греческом Востоке, природа постигалась прежде всего как символическая система, через которую Бог обращается к людям и говорит: жизнь муравья – это поучение бездельнику о трудолюбии, поднимающееся пламя – символ стремления души ввысь. По сути своей – это художественное, а не научное видение природы. Хотя в Византии сохраняли и переписывали много древнегреческих научных текстов, но наука, как мы ее знаем, едва ли могла процветать в таком окружении.

На латинском Западе с начала XIII века натуральная теология стала развивать совершенно иное: отказавшись расшифровывать смысл природных символов, данных Богом для общения с человеком, она пыталась понять премудрость Божию путем раскрытия того, как устроено и как действует его творение. Радуга перестала быть символом надежды, когда-то данной Ною после потопа, религиозное понимание переориентировалось на другие задачи, решая которые, Роберт Гроссетест, Роджер Бэкон и Теодорик из Фрейберга осуществили удивительно тонкую работу по исследованию оптических свойств радуги. С XIII века и далее любой крупный ученый, включая Ньютона и Лейбница, объяснял мотивы своей работы в религиозных терминах. Поистине, если бы Галилей не претендовал на роль эксперта в теологических вопросах, где он не мог быть иначе как любителем, его беды были бы намного меньшими: теологи-профессионалы просто отразили его вторжение в свою область. И Ньютон, как выяснилось теперь, считал себя больше теологом, чем ученым-естественником. Вплоть до конца XVIII века гипотеза о Боге для многих ученых вовсе не была ненужной.

Историку часто трудно судить, что именно – реальные мотивы или же общепринятые в данной культуре соображения – приводят люди, чтобы объяснить, почему они действуют так, а не иначе. В течение долгих веков формирования западной науки ученые настойчиво и последовательно утверждали, что дело их жизни и награда за труд – суметь “вслед за Богом мыслить Его мыслями”. Сама настойчивость подобных заявлений убеждает в том, что именно эти слова и выражают действительные мотивы труда этих ученых. Если так, то современные западные естественные науки просто являются отпечатком с матрицы христианской теологии. Иудейско-христианский догмат о творении сформировал настолько действенную религиозную веру, что она смогла дать сильный внутренний импульс развитию естественных наук.

Альтернативный христианский взгляд

Итак, получается, что мы пришли к выводам, неприятным для многих христиан. “Наука” и “техника” – это уважаемые слова в нашем словаре, поэтому некоторые могут быть удовлетворены, узнав, во-первых, что с исторической точки зрения современные естественные науки – это экстраполяция натуральной теологии и, во-вторых, что современную технику можно хотя бы отчасти объяснить как западную волюнтаристскую реализацию

христианского догмата о трансцендентности человека по отношению к природе и о его полноправном господстве над ней. Мы увидели и то, как около столетия назад наука и техника, будучи прежде совершенно независимыми видами деятельности, соединились, чтобы дать человеку силы, вышедшие теперь из-под его контроля, если судить по множеству негативных экологических последствий. Если так, то христианство несет на себе огромное бремя исторической вины.

Лично я сомневаюсь, что можно избежать ужасного экологического ответного удара, если просто применить решению наших проблем больше науки и техники. Последние выросли из христианского отношения человек; к природе, и это признают почти все – не только христиане и нехристиане, но также и те, кто неразумно считав себя постхристианами. Вопреки Копернику для нас весь космос все еще вращается вокруг нашего маленькогс земного мира. Вопреки Дарвину мы в глубине сердца вовсе не считаем себя частью природных процессов. Мы возвысились над природой, высокомерны по отношению к ней, хотим ее использовать для удовлетворения своих самых низких прихотей. Недавно избранный губернатор Калифорнии, будучи как и я церковным человеком, хотя и менее обеспокоенным всеми этими проблемами, высказался в пользу христианской традиции, когда заявил (как утверждают), что “если Вы увидели хоть одно красное дерево, то Вы увидели их все”. Для христианина дерево – это не более чем природный факт. Самое представление о священной роще чуждо христианству и всему этосу Запада. Около двух тысячелетий христианские миссионеры вырубали священные рощи, где практиковалось идолопоклонство, так как считали, что эти рощи населены демонами.

То, что мы делаем с окружением, зависит от нашего понимания взаимоотношений человека с природой. Если ввести в дело больше науки и больше техники, это не выведет нас из нынешнего экологического кризиса до тел пор, пока мы не найдем новую религию или не переосмыслим старую. Самые далеко идущие революционеры нашего времени – битники – свидетельствуют о своем глубоком духовном родстве с дзэн-буддизмом, в котором отношение человека с природой предстает почти во всем противоположным христианскому пониманию. Дзэн, однако, глубоко обусловлен историей Азии, как и Христианство – историческим опытом Запада, и я сомневаюсь, что Дзэн обретет среди нас свою вторую родину.

Скорее всего мы должны теперь по-настоящему оценить роль величайшего радикала в христианской истории после Христа – св. Франциска Ассизского. Первым его чудом является тот факт, что он не кончил костром, как это случилось со многими из его последователей левого крыла. Он был столь явным еретиком, что настоятель францисканского ордена св. Бонавентура – сам великий и вдумчивый христианин – пошел на то, чтобы начать подавлять ряд ранних установок францисканства. Чтобы понять Франциска, нужно увидеть его веру в добродетель смирения – не просто личного смирения отдельного человека, а человечества как вида. Франциск попытался свести человека с трона его монархического господства над тварью и установить

демократию в отношениях всех Божиих тварей. С приходом Франциска муравей перестал быть только поводом для проповеди лентяю, а огонь – только символом жажды души в ее стремлении соединиться с Богом. Теперь это— Брат-Муравей и Брат-Пламя, способные сами воздать хвалу Творцу вместе с Братом-Человеком, делающим то же самое по-своему.

Поздние комментаторы говорили, что Франциск проповедовал птицам и делал это в упрек людям, не захотевшим его слушать. Но в записях его времени этого не вычитаешь – он призывал малых птиц хвалить Бога, и те в духовном экстазе хлопали своими крыльями и радостно щебетали. Легенды о святых – а особенно это относится к ирландским святым – многое говорили об их отношениях с животными, но я уверен, что всегда здесь была цель – показать их человеческое господство над тварью. Франциск же совершенно иной. Район вокруг Губбио в Апеннинах разорял страшный волк. Как говорит легенда, св. Франциск поговорил с волком и разъяснил ему ошибку в его действиях. Волк покаялся, умер в ореоле святости и был похоронен в освященной земле.

Сэр Стивен Рьюисмен упоминал “францисканское учение о душе животных”, но оно было быстро искоренено. Вполне возможно, что это учение было отчасти инспирировано – сознательно или нет – верой в реинкарнацию, которой придерживались еретики катары, группировавшиеся в те времена в Италии и Южной Франции; эту веру они, как предполагается, заимствовали из Индии. Важно то, что примерно в то же время – около 1200 года – следы учения о метемпсихозе обнаруживаются также и в западном иудаизме, в провансальской Каббале. Но Франциск не учил ни трансмиграции душ, ни пантеизму. Его видение природы и человека основывалось на его своеобразном понимании панпсихизма как присущего всем вещам – и одушевленным, и неодушевленным. Все они созданы для прославления трансцендентного Творца, который в акте глубокого космического смирения и самоумаления воплотился на Земле, лег беспомощным младенцем в ясли и в конце земных дней умер повисшим на Древе.

Я не думаю, что многие современные американцы, озабоченные экологическим кризисом, смогут или захотят советоваться с волками или же увещевать птиц. Нынешний рост разрушения природы до глобальных масштабов – это результат работы динамичной техники и науки, начало которым и положило западное Средневековье, против которого и восстал св. Франциск столь оригинальным способом. Экспансию науки и техники невозможно понять исторически, если оставить без внимания специфику отношения к природе, глубоко укорененного в христианской догматике. Тот факт, что многие вовсе не считают это отношение христианским, не имеет никакого значения. В нашем обществе не была принята никакая другая система основополагающих ценностей, чтобы заменить ею прежние христианские ценности. Следовательно, мы и дальше будем идти по пути углубления экологического кризиса, пока не отвергнем христианскую догму, согласно которой у природы нет никакого другого предназначения, кроме как служить человеку.

Величайший революционер духа в западной истории св. Франциск выдвинул альтернативный христианский взгляд на природу и на место человека в ней, попытавшись заменить идею безграничного господства человека над тварью другой идеей равенства всех тварей, включая и человека. Он потерпел неудачу. Современная наука и техника столь пропитаны ортодоксальным христианским высокомерием в отношении к природе, что не следует ждать разрешения экологического кризиса только от них одних. Корни наших бед столь основательно религиозны, что и средство избавления тоже должно стать религиозным по своей сути, как бы мы его ни называли. Мы должны заново осмыслить и глубоко пережить в душе, в чем же состоит наше подлинное предназначение и какова наша природа. Первоначальное францисканство обладало глубоко религиозным, хотя и еретическим пониманием духовной самоценности всего, что есть в природе и это помогает нам найти направление к выходу. Я – за Франциска как святого покровителя для экологов.

Литетатурный источник

Глобальные и общечеловеческие ценности. – М., изд-во: “Прогресс”, 1990. –С. 196 – 202.

ПАУТИНА ЖИЗНИ
(отрывок)

Ф. Капра

Часть I. Культурный контекст

Глава 1. Глубокая экология: новая парадигма

Это книга о новом научном понимании жизни на всех ее уровнях – организмов, социальных систем и экологических систем. Оно основано на новом восприятии реальности, глубоко влияющем не только на науку и философию, но и на бизнес, политику, здравоохранение, образование и повседневную жизнь. Поэтому уместно начать нашу работу с обзора широкого социального и культурного контекста новой концепции жизни.

Кризис представлений

По мере того как XX век приближается к завершению, вопросы состояния окружающей среды приобретают первостепенное значение. Мы столкнулись с целым рядом глобальных проблем. Биосфере и самой человеческой жизни наносится такой урон, динамика которого очень скоро может стать необратимой. Мы располагаем достаточным количеством документов, подтверждающих уровень и значение этого урона.

Чем больше мы изучаем основные язвы нашего времени, тем больше убеждаемся в том, что их нельзя осмыслить по отдельности. Это системные проблемы, то есть взаимосвязанные и взаимозависимые. Например, стабилизация населения мира осуществима только в том случае, если

повсеместно будет снижен уровень бедности. Вымирание разных видов животных и растений в мировом масштабе будет продолжаться, пока Южное полушарие будет страдать под бременем многочисленных долгов. Недостаточность ресурсов и деградация среды обитания смыкаются с ростом населения, что приводит к развалу местных сообществ, к этническому и племенному насилию – главным особенностям периода, сменившего эпоху холодной войны.

В конечном счете, эти проблемы следует рассматривать как разные грани единого кризиса, который является, прежде всего, кризисом представлений. Он обусловлен тем, что большинство из нас и, в особенности, наши крупные социальные институты придерживаются концепций устаревшего мировоззрения, представлений, неадекватных сегодняшнему перенаселенному, глобально взаимосвязанному миру.

Решения основных проблем нашего времени существуют, некоторые из них даже элементарно просты. Однако они требуют радикального сдвига в наших представлениях, в мышлении, в системе наших ценностей. Мы стоим на пороге фундаментальных перемен в научном и социальном мировоззрении, смены парадигм, по своей радикальности сравнимой с революцией Коперника. Но понимание этого еще даже не забрезжило в сознании большинства политических лидеров. Необходимость признания полного изменения представлений и мышления – если мы хотим выжить – еще не доходит ни до корпоративной элиты, ни до администраторов и профессоров крупных университетов.

Наши руководители не только не в силах понять, каким образом взаимосвязаны различные проблемы; они отказываются видеть влияние своих так называемых решений на жизнь будущих поколений. С системной точки зрения, жизнеспособны только «устойчивые» [sustainable] решения. Понятие устойчивости стало ключевым в концепции экологического движения; и оно действительно кардинально. Лестер Браун из Института всемирных наблюдений (WorldWatch Institute) дал простое, ясное и красивое определение: «Устойчивое общество – это общество, которое удовлетворяет свои потребности, не ущемляя перспектив последующих поколений». Это и есть крепкий орешек, великий вызов нашего времени: создать устойчивые сообщества, т. е. социальные и культурные среды, в которых мы сможем удовлетворять свои устремления и потребности, не урезая при этом возможностей будущих поколений.

Сдвиг парадигмы

Мои основные интересы как ученого всегда устремлялись в сферу тех радикальных перемен в понятиях и идеях, которые происходили в физике в течение трех первых десятилетий XX века и поныне продолжаются в современных теориях материи. Новые концепции в физике обусловили значительный сдвиг в нашем мировоззрении: от механистического мировоззрения Декарта и Ньютона мы переходим к холистическому, экологическому взгляду.

Новый взгляд на мир отнюдь не легко было принять физикам начала века. Изучение атомного и субатомного мира привело их к контакту с необычной и неожиданной реальностью. Вникая в сущность этой новой реальности, ученые с трудом осознали, что их базовые понятия, их язык, да и сам способ мышления, оказываются неадекватными при описании атомных явлений. Их проблемы не остались чисто интеллектуальными: очень скоро они достигли уровня интенсивного и, можно сказать, экзистенциального кризиса. Этот кризис пришлось долго преодолевать, но в конце концов ученые были вознаграждены более глубоким проникновением в природу материи и в ее связь с разумом человека.

Драматические перемены, происшедшие в физике в начале этого века, почти пятьдесят лет широко обсуждались в кругу физиков и философов. Эти дискуссии привели Томаса Купа к понятию научной парадигмы определяемому им как «совокупность достижений... понятий, ценностей, технологий и т. д. ...разделяемых научным сообществом и используемых этим сообществом для определения настоящих проблем и их решений». Изменения парадигм, по Куну, происходят скачкообразно, в форме революционных взрывов, и называются сдвигами парадигм.

В наши дни, более чем четверть века спустя после появления работы Куна, мы понимаем, что сдвиг парадигмы в физике является неотъемлемой частью более широкой культурной трансформации. Интеллектуальный кризис среди исследователей квантовой физики в 20-е годы сегодня отзывается подобным, но более обширным культурным кризисом. Соответственно, то, что мы наблюдаем, является сдвигом парадигм не только в рамках науки, но также и на огромной социальной арене. Чтобы проанализировать культурную трансформацию, я обобщил определение Куна, данное им применительно к научной парадигме, распространив его на социальную парадигму, которую определяю как «совокупность понятий, ценностей, представлений и практик, разделяемая сообществом и формирующая определенное видение реальности, на основе которого сообщество организует само себя».

Парадигма, теперь постепенно сдающая свои позиции, доминировала в нашей культуре на протяжении нескольких столетий. Именно она сформировала современное западное общество и в значительной мере повлияла на остальную часть населения планеты. Эта парадигма включает в себя определенный набор глубоко укоренившихся идей и ценностей. Среди них: взгляд на Вселенную как на некую механическую систему, скомпонованную из элементарных «строительных» блоков; взгляд на человеческое тело как на машину; взгляд на жизнь в обществе как на конкурентную борьбу за выживание; убежденность в том, что неограниченный материальный прогресс достигается путем экономического и технологического развития; и, наконец, последнее, но не менее важное, – убежденность в том, что общество, в котором женщина повсеместно считается существом «второго сорта», следует естественному закону природы. Последние события роковым образом бросают вызов всем этим убеждениям, поэтому сейчас действительно происходит их радикальный пересмотр.

Глубокая экология

Новую парадигму можно назвать холистическим мировоззрением, взглядом на мир как на единое целое, а не собрание разрозненных частей. Ее также можно назвать экологическим взглядом, если термин «экологический» использовать в гораздо более широком и глубоком – смысле, чем обычно. Глубокое экологическое осознание признает взаимозависимость всех феноменов и тот факт, что, как индивиды и члены общества, мы все включены в циклические процессы природы и в конечном счете зависимы от них.

Два термина, «холистический» и «экологический», слегка различаются по своему значению. По-видимому, «холистический» меньше подходит для описания новой парадигмы. Применять холистический, подход, например, к велосипеду – значит видеть в велосипеде функционально целое и понимать взаимозависимость его частей, соответственно. Экологический взгляд включает и этот подход, однако он добавляет представление о том, каким образом велосипед соотносится с окружающей природной и социальной средой – откуда пришло сырье, из которого он изготовлен, как его производят, как его использование влияет на природную среду и на то сообщество, в котором его используют, и т. д. Это различие между «холистическим» и «экологическим» становится еще более ощутимым, когда мы говорим о живых системах, для которых связи с окружающей средой неизмеримо важнее.

Тот смысл, в котором я использую термин «экологический», связан с общественным движением, известным как глубокая экология и быстро набирающим силу. Соответствующая философская школа была основана норвежским философом Арне Наэссом в начале 70-х, когда он разделил экологию на поверхностную [shallow] и глубокую [deep]. Это различие в настоящее время широко принято как очень полезная терминология для различения основных направлений в рамках современной экологической мысли.

Поверхностная экология антропоцентрична, ориентирована на человека. Она помещает человека над природой или вне ее. Человек рассматривается как источник всех ценностей, а природе приписывается лишь инструментальная и потребительская ценность. Глубокая экология не отделяет людей – и ничто другое – от природного окружения. Она видит мир не как собрание изолированных объектов, но как сеть феноменов, которые фундаментально взаимосвязаны и взаимозависимы. Глубокая экология признает изначальную ценность всех живых существ и рассматривает людей лишь как особую паутинку в паутине жизни.

В конечном счете глубокое экологическое осознание – это осознание духовное, или религиозное. Когда понятие человеческого духа понимается как тип сознания, при котором индивид ощущает свою принадлежность к непрерывности, к всеобъемлющему космосу, становится ясно, что экологическое осознание духовно в своей глубочайшей сути. Таким образом, не удивительно, что возникающее новое видение реальности, основанное на осознании глубокой экологии, согласуется с так называемой «вечной

философией» духовных традиций, будь то христианская или буддийская мистика или философия и космология, лежащая в основе традиций американских индейцев.

Арне Наэсс отмечает и другой аспект глубокой экологии, «Суть глубокой экологии, – говорит он, – состоит в том, чтобы задавать более глубокие вопросы». В этом же заключается суть сдвига парадигмы. Нам нужно быть готовыми к тому, чтобы подвергать сомнению каждый отдельный аспект старой парадигмы. В конце концов нам не придется отбрасывать все на свете, но мы должны помнить, что под вопросом должно стоять все. Итак, глубокая экология задает серьезные вопросы по поводу самих основ нашего современного научного, индустриального, ориентированного на рост материалистического мировоззрения и образа жизни. Она опрашивает всю парадигму с экологической точки зрения: с точки зрения наших отношений друг с другом, с будущими поколениями и с паутиной жизни, частью которой мы все являемся.

Социальная экология и экофеминизм

Помимо глубокой экологии, существуют еще две важные философские школы – социальная экология и феминистская экология, или экофеминизм. В последние годы на страницах философских журналов развернулась оживленная дискуссия по поводу относительных достоинств глубокой экологии, социальной экологии и экофеминизма. Мне кажется, что каждая из этих трех школ обращается к важным аспектам экологической парадигмы, и, вместо того чтобы конкурировать друг с другом, их последователям следовало бы свести свои подходы в единое разумное экологическое видение.

Осознание глубокой экологии, очевидно, обеспечивает идеальную философскую и духовную основу как для экологического образа жизни, так и для деятельности по защите окружающей среды. К сожалению, оно почти не раскрывает те культурные особенности и структуры социальной организации, которые обусловили современный экологический кризис. На этом аспекте концентрирует свои усилия социальная экология.

Общей чертой различных школ социальной экологии является признание и понимание глубоко антиэкологической природы многих наших социальных и экономических структур и их технологий; их анти-экологичность заключена в том, что Риэн Айслер назвал доминаторной системой социальной организации. Патриархальный уклад, империализм, капитализм и расизм – вот примеры социального господства, эксплуативного и антиэкологичного по своей сути. Среди многочисленных школ социальной экологии существуют марксистские и анархистские группировки, которые используют свои концептуальные модели для анализа различных вариантов социального господства.

Экофеминизм можно рассматривать как особую школу социальной экологии, поскольку он тоже обращается к основной динамике социального доминирования в контексте патриархальности. Тем не менее его культурологический анализ многочисленных граней патриархальности и связей между феминизмом и экологией выходит далеко за рамки социальной

экологии. Экофеминисты видят в патриархальном господстве мужчины над женщиной прототип всех видов господства и эксплуатации в их различных иерархических, милитаристских, капиталистических и индустриальных проявлениях. Они отмечают, в частности, что эксплуатация природы шла нога в ногу с эксплуатацией женщины, которая издревле олицетворяла природу. Извечная связь между женщиной и природой обусловила непрерывную параллель между историей женщин и историей окружающей среды; она же послужила источником естественного родства между феминизмом и экологией. Соответственно, экофеминисты видят в эмпирическом женском знании важнейший источник экологического видения реальности.

Новые ценности

В этом кратком наброске нарождающейся экологической парадигмы я пока отметил лишь сдвиги в представлениях и мышлении. Если бы этим исчерпывались все необходимые перемены, переход к новой парадигме происходил бы гораздо легче. Движение глубокой экологии объединяет внушительную когорту ярких мыслителей, которые могли бы надежно убедить наших политических и корпоративных лидеров в преимуществах нового мышления. Но это лишь полдела. Сдвиг парадигм требует совершенствования не только наших представлений и мышления, но и самой системы ценностей.

И здесь интересно отметить поразительную связь между переменами в мышлении и изменением ценностей. Оба эти процесса можно рассматривать как сдвиг от самоутверждения к интеграции. Эти тенденции – самоутверждающая и интегративная – представляют собой два важнейших аспекта любой живой системы. Ни один из них по своей сущности не является ни хорошим, ни плохим. Хорошее, или здоровое, характеризуется динамическим равновесием, плохое, или болезненное, обусловлено нарушением равновесия – переоценкой одной тенденции и пренебрежением другой. Обращаясь теперь к нашей западной индустриальной культуре, мы видим явную переоценку самоутверждения и недооценку интегрирования. Это с очевидностью доминирует и в нашем мышлении, и в системе наших ценностей. Весьма поучительно сопоставить эти противоположные тенденции:

Мышление		**Ценности**	
Самоутверждающее	Интегративное	Самоутверждающие	Интегративные
Рациональное	Интуитивное	Экспансия	Консервация
Анализ	Синтез	Конкуренция	Кооперация
Редукционистское	Холистическое	Количество	Качество
Линейное	Нелинейное	Господство	Партнерство

Анализируя эту таблицу, мы можем заметить, что самоутверждающие ценности – конкуренция, экспансия, господство – ассоциируются, как правило, с мужчинами. Действительно, в патриархальном обществе мужчины

наделяются не только привилегиями, но также экономическими преимуществами и политической властью. И в этом кроется одна из причин того, почему сдвиг к более сбалансированной системе ценностей так труден для большинства людей, в особенности для мужчин.

Власть, в смысле господства над другими, – это экстремальная форма самоутверждения. Социальная структура, в которой ее влияние наиболее эффективно, – иерархия. Действительно, наши политические, военные и корпоративные структуры построены по иерархическому принципу, причем мужчины, как правило, занимают высшие уровни, а женщины – низшие. Большинство этих мужчин, а также несколько меньшее число женщин привыкли считать свое место в этой иерархии частью своей индивидуальности, и поэтому сдвиг в сторону другой системы ценностей порождает в них экзистенциальный страх.

Между тем существует другая форма власти, более приемлемая для новой парадигмы, – власть как способность влиять на других. Идеальной структурой для осуществления этого типа власти является не иерархия, а сеть, которая, как мы увидим далее, также служит центральной метафорой экологии. Таким образом, сдвиг парадигмы подразумевает и сдвиг в социальной организации – от иерархий к сетям.

Этика

Вопрос о системе ценностей, во всей его сложности и полноте, является основополагающей проблемой глубокой экологии: фактически он определяет ее смысл. Если старая парадигма основана на антропоцентрических (гомо-ориентированных) ценностях, то в основе глубокой экологии лежат экоцентрические (глобо-ориентированные) ценности. Это мировоззрение признает изначальную ценность всякой жизни, помимо человеческого сообщества. Все живые существа являются членами экологических сообществ, объединенных друг с другом сетью взаимозависимостей. Когда такое глубокое экологическое представление становится частью нашего повседневного сознания, возникает радикально новая система этики.

Глубокая экологическая этика насущно необходима именно сегодня, в особенности в науке, поскольку львиная доля того, чем занимаются ученые, способствует не развитию и сохранению жизни, но ее разрушению. Физики изобретают оружие, грозящее смести жизнь с нашей планеты; химики загрязняют окружающую среду в глобальном масштабе; биологи дают жизнь новым неведомым микроорганизмам, не представляя себе последствий их появления на свет; психологи и другие ученые истязают животных во имя научного прогресса – вся эта непрекращающаяся «деятельность» наводит на мысль о незамедлительном введении эколого-этических законов в современную науку.

Мало кто признает, что система ценностей – не второстепенный фактор в науке и технологии, что она составляет их основу и служит движущей силой. Научная революция XVII века отделила ценности от фактов, и с тех самых пор мы склонны верить, что научные факты не зависят от того, чем мы занимаемся,

и, следовательно, не зависят от нашей системы ценностей. В действительности же научные факты возникают из целого конгломерата человеческих представлений, ценностей и поступков – одним словом, из парадигмы, от которой они не могут быть отделены. И хотя многие частные исследования могут явным образом не зависеть от системы ценностей ученого, более широкая парадигма, в контексте которой проводятся эти исследования, никогда не будет свободна от этой системы. А это означает, что ученые несут за свои изыскания не только интеллектуальную, но и моральную ответственность.

В контексте глубокой экологии, понимание того, что система ценностей присуща всей живой природе, зарождается в глубоко экологическом, духовном опыте единства природы и «я». Такое расширение нашего «я» вплоть до отождествления с природой становится основой глубокой экологии. Это ярко выражено у Арне Назсса:

Поток забот течет естественно, если «я» расширяется и углубляется так, что начинаешь ощущать защиту свободной Природы и постигаешь, что эта защита распространяется на всех нас... Точно так же как мораль не нужна нам, чтобы дышать... вашему «я», если оно объединяется, в широком смысле, с другим существом, не требуются моральные проповеди для проявления заботы... Вы заботитесь о себе, не ощущая морального, принуждающего давления... Если реальность такова, как она ощущается экологическим «я», наше поведение естественно и изящно следует строгим правилам этики окружающей среды.

Из этого следует, что между экологическим восприятием мира и соответствующим поведением существует не логическая, но психологическая связь. Логика отнюдь не уводит нас от того факта, что мы являемся интегральной частью паутины жизни, в сторону жестких правил, определяющих, как нам следует жить. Тем не менее, если мы обладаем глубоко экологическим осознанием, или опытом, бытия как участия в паутине жизни, тогда мы будем (как противоположность) вынуждены заботиться о всей живой природе. Фактически мы и не сможем реагировать по-другому.

Связь между экологией и психологией, выражаемая понятием экологического «я», недавно была исследована несколькими авторами. Специалист по глубокой экологии Джоанна Мэйси пишет об «озеленении себя», философ Уорвик Фокс ввел в обиход термин трансперсональная экология, а историк культуры Теодор Розак использует понятие эко-психологии для обозначения глубокой связи между двумя этими сферами, которые до недавнего прошлого были совершенно раздельными.

Сдвиг от физики к наукам о жизни

Называя зарождающееся новое видение реальности экологическим, в смысле глубокой экологии, мы еще раз подчеркиваем, что жизнь как таковая находится в самом его центре. Это очень важный момент для науки, поскольку в старой парадигме физика являлась моделью и источником метафор для всех других наук. «Вся философия подобна дереву; корни – это метафизика, ствол – физика, а крона – это все другие науки», – писал Декарт.

Глубокая экология преодолела эту картезианскую метафору. И хотя сдвиг парадигмы в физике все еще представляет особый интерес, поскольку в современной науке он был первенцем, физика сегодня уже утеряла роль науки, обеспечивающей наиболее фундаментальное описание реальности. Тем не менее, это пока еще не общепризнанный факт. Ученые, и не только они одни, часто высказывают старое доброе убеждение, что «если ты хочешь узнать суждение в последней инстанции, обратись к физику», что, несомненно, служит примером картезианского заблуждения. Сегодня сдвиг парадигмы в науке, на самом глубоком уровне, предполагает сдвиг от физики к наукам о жизни.

Интеренет-источники

http://biospace.nw.ru/evoeco/lit/kap_gl1.htm
http://silvametod.com.ua/buleten02_04_rus.php

СТАВЛЮ ЗЕМЛЮ НА ПЕРВОЕ МЕСТО

Д. Формэн

Перевод В. Борейко

В июле 1987 г., семь лет спустя после памятного собрания у костра, породившего движение "Прежде Земля!", я взошел на трибуну, украшенную знаменами движения "Прежде Земля!" и американскими флагами перед аудиторией в несколько сот человек. Дело происходило среди сосен рощи Пондероза в залитой солнечными лучами Северной оконечности Гранд Каньона. Публика была очень разношерстной: хиппи в завязанных вокруг шей рубахах и шортах, "деревенщина" в ковбойских бутах и шляпах, любители прогулок на природе, принадлежащие к "буржуа", старики и дети. Энергия, исходящая от этих людей, была очень сильной. Я не мог себе даже представить, чтобы движение "Прежде Земля!" соберет столько сторонников. Мы привлекли общенациональное внимание; мы стали менять параметры дебатов по поводу эклогии; мы стали легендой в преданиях сторонников охраны природы.

Все же, спустя семь лет мне стало казаться, что мы начали терять остроту видения наших задач. Начиная "Прежде земля!" я сказал: "Пусть наши действия станут наилучшими проявлениями нашей философии". Но сейчас меня заботит то, что процесс наших действий заслоняет их причины. Для некоторых навобранцев нашего движения действия кажутся оправданными сами по себе. Я почувствовал необходимость возврата к основам охраны природы и принципам движения "Прежде Земля!", определяющие его характер. Реакция на эти принципы была настолько положительной, что позже, этой осенью, я развил их в "Earth First Journal". Вот эти принципы.

1. Во всех решениях, даже если это идет вразрез с благом людей, в первую очередь следует руководствоваться благом Земли. Наше движение называется "Прежде Земля", а не "Прежде люди". Иногда то, что является

узким, кратковременным интересом людей, будь то все люди или какая-то группа, вредно для здоровья биосферы (и в итоге для долговременного блага людей). Наше движение утверждает, что природное разнообразие должно быть сохранено за счет уменьшения материального стандарта жизни людей. Мы хотим сохранения природного разнообразия, хотим, чтобы это разнообразие, создававшееся 3,5 млрд. лет оставалось неизменным. Люди должны "подстроиться под планету"; было бы высокомерием утверждать, что все на этой планете должно подстраиваться под требования людей. Первоочередными соображениями должны быть долговременные здоровье и биологическое разнообразие Земли. Лишь после мы можем подумать о благе людей. Мы должны заботиться о других людях, но сперва мы должны позаботиться о Земле.

2. Не считать людей мерилом ценности других. Индивидуальная человеческая жизнь имеет не большую присущую ценность, чем жизнь индивидуального медведя. Человеческие страдания, вызванное засухой и голодом в Эфиопии трагичны, но уничтожение там же других существ и среды обитания еще более ужасно. Поэтому, это подводит нас к следующему пункту.

3. Энтузиастское принятие философии глубинной экологии или биоцентризма. В основе этой философии дежит утверждение о том, что все живые существа и сообщности обладают присущей ценностью и подлинным достоинством. Природные сущности живут ради самих себя, т.е., опять-таки, они имеют ценность. Растения, животные и даже неодушевленные объекты, вроде гор и рек, не должны существовать лишь ради удобства человека. Наше биоцентрическое мировоззрение не поддерживает современную концепцию "ресурсов". Доминирующие философии нашего времени (иудео-христиансткая, исламистская, капиталистическая, марксистская, научная и светского гуманизма) антропоцентричны. Люди, согласно им, – центр Вселенной, не смешиваемые с природой и наделенные уникальными ценностями. Мы – прямая оппозиция такой философии. Наша философия рассматривает Землю как сообщность, и признает что такие, казалось бы бесспорные враги как "болезни" (например, малярия) и "вредители" (например, москиты) это не проявления зла, которое нужно устранить, а жизненные компоненты сложной, кипучей биосферы.

4. Осознание того, что дикая природа это реальный мир. Охрана дикой природы – фундаментальный вопрос. Природа это не просто парки или сценичные пейзажи. Это природный мир, арена эволюции, котел, из которого появились люди, дом тех, с кем мы разделяем эту планету. Дикая природа это реальный мир; наши города, компьютеры, самолеты, вся деловая цивилизация – всего лишь искусственные и преходящие явления. Важно помнить то, что лишь незначительнач часть нашей истории проходила вне дикой природы. Сохранение природного разнообразия – наиболее важный вопрос. Вопросы, касающиеся лишь людей, не столь существенны. Экология учит нас тому, что все в этом мире взаимосвязано, и в этом отношении все проблемы должны рассматриваться с перспективы сохранения природы – например,

предотвращение ядерной войны – но наиболее важные компании должны вестись сегодня напрямую во имя природного мира.

5. Признание того, что на Земле слишком много людей. Сегодня нас слишком много – в США, в Нигерии; в городах, в деревнях; с кирками, с тракторами. Хотя налицо явное неравномерное распределение богатства и базовых средств жизни, этот факт не должен использоваться – как это делают "левые" – в утверждении о том, что чрезмерное население не является проблемой. Это большая часть проблемы; нас уже слишком много – и наше число продолжает расти астрономически. Даже если несправедливое распределение будет устранено, 6 млрд. людей, превращающие природный мир в материальные блага и пищу уничтожат природное разнообразие.

Это признание чрезмерного роста населения не означает, что мы должны игнорировать экономические и социальные причины чрезмерного роста населения, и не должны критиковать аккумулирование богатства в руках немногих и продажный характер межнародных корпораций и хунт Третьего мира, просто мы должны понять, что большие киты, ягуары, черные носороги и тропические леса не выдержат дальнейшего роста человеческого населения 1.

6. Подвергание сомнению и даже антипатии "прогресс" и "технологии". Если мы взглянем на нашу историю, то мы убедимся, что в результате роста цивилизации мы больше потеряли, чем приобрели. Жизнь охотников и собирателей в целом была более здоровой, счастливой и надежной, чем наша сегодняшняя жизнь в качестве крестьян, индустриальных рабочих или клерков. За каждое материальное достижение прогресса мы платили дюжиной потерь в тех вещах, что имели более глубокую и невыразимую ценность. Нам бы следовало гордиться именем "Неандерталец". (Это не значит, что мы должны немедленно избегать все, связанное с технологической цивилизацией. Мы ее часть, мы ее используем, но это не означает то, что мы не можем ее критиковать.)

7. Отказ от рассматривания рациональности как единственного способа мышления. Движение "Прежде Земля!" предусматривает широкую терпимость в делах духовного порядка. Терпимость к разнообразию здесь необходима как нигде больше. Все мы признаем, что линейное, рациональное, логическое мышление левым полушарием мозга – это лишь часть нашего сознания. Рациональность это отличное орудие, но всего лишь орудие, – один способ анализирования происходящего. Не менее важным является интуитивное, инстинктивное осознание. Мы можем больше узнать о проникновенных вещах и конечной правде, сидя спокойно где-то на природе, а не за учебником в библиотеке. Чтение книг, участие в логических размышлениях, собирание фактов и цифр необходимо для современного контекста, но это не единственный способ понимания мира и наших жизней. Часто в кризисных ситуациях мы более успешно действуем, когда прибегаем не к рациональному анализу, а к внутренним инстинктам. К примеру, человек истекает кровью в больничной палате, и времени на всю бюрократичную процедуру нет. Внутренний голос приказывает: "Действуй!" Также дело обстоит и в отношении действий нашего движения по спасению Земли.

8. Отсутствие желания добиваться "законности" с бандой, управляющей цивлизацией.

Человеческой природе свойственно желать быть принятой социальным окружением. Мы не хотим быть "изгоями", "чокнутыми", "террористами". Мы не сумасшедшие; мы такие же здоровые люди в здоровом обществе в здоровом природном мире. Мы не можем убедить сенатора Марка Хатфилда или председателя Мэксем, Чарльза Хэрвитца в нашей правоте, но они также не могут убедить нас в их правоте (правда, мы находимся в фокусе их внимания). Они – сумасшедшие, уничтожающие то, что чисто и прекрасно. Почему мы должны придерживаться того же мнения, что и они? Мы не разделяем их мировоззрения и ценностей. Однако, при этом важно не впасть в ошибку, часто совершаемую альтернативными группами, то есть, пытаться быть слишком агрессивными. Мы можем быть сильными и неуступающими и без чрезмерного навязывания своих идей.

Американская система очень эффективна в "усмирении" диссидентов. Она уделяет им внимание и предлагает им "вразумительно" изложить свои соображения, дабы быть принятыми всерьез. Критика помещается в вечерних теленовостях, газетах, общенациональных журналах – все это методы, применяемые для соблазна разделить узаконенное мировоззрение и вступить в переговоры с целью компромисса. Действия "Прежде Земля!" – и смелые и комические завоевали внимание публики. Но если мы хотим добиться результатов, мы должны сопротивляться предложениям о законности, вероподданости и совместном принятии решений. Мы перечим системе, а не реформируем ее. Мы не озабочены нашим влиянием в политических кругах, нас волнуют проблемы, основанные на понимании экологии. Нас должны воспринимать на биологическом уровне.

9. Попытка оторваться от устаревших догм "левых", "правых" и центристов.

Эти доктрины, обвиняющие капитализм, коммунизм или дьявола во всех мировых проблемах, всего лишь представляют внутренние раздоры между различными фракциями. Да, многонациональные корпорации совершают огромное зло (СССР – это, по существу, управляемая государством многонациональная корпорация); в мире много несправедливости; богатые становятся богаче, а бедные – беднее – но все проблемы не могут быть свалены в кучу у порога капиталистов США, Европы и Японии. "Прежде Земля!" не относится к левым и правым; она даже не в центре. Мы не имеем ничего общего с политической борьбой человеческих сект. Мы участники совершенно другой игры.

10. Нежелание какую-либо этическую, классовую или политическую группу ставить на пьедестал и освободить их от "подвергания сомнением".

11. Желание, чтобы наши действия улучшали нашу философию и признание необходимости действия.

Перед началом действий мы очень часто без конца обсуждаем детали догмы, и все сводится к всего лишь философской мастурбации, не доходя до конкретного дела. Другие же утверждают, что мы не сможем быть

сторонниками охраны среды, пока мы не начнем вести чистый образ жизни. Мы никогда не сможем выяснить все в деталях, никто из нас не сможет полностью отвергнуть прежний образ жизни, но мы можем действовать. Мы сможем действовать со смелостью, решительностью и любовью ради всего дикого и свободного. Мы не можем быть совершенными, но мы можем действовать. Потому что мы – воины. Прежде Земля! это воин общества. Нам предстоит немалая работа.

12. Признание того, что мы сможем изменить наши личные стили жизни для придания им большей гармонии с природным разнообразием.

Мы должны сторониться излишеств. Хотя в какой-то степени мы все – заложники системы и не можем вырваться из нее, мы должны осуществлять наши личные убеждения с наибольшей полнотой. Арне Нэсс, норвежский философ, автор термина "глубинная экология", указывает на то, что мы не можем достичь настоящего жизненного стиля "глубинной экологии", но, тем не менее, надо двигаться в этом направлении. Мы все должны зарабатывать себе на жизнь, и поэтому причастны к этой "системе". Активисты, чтобы водрузить знамя на здании мирового банка в Вашнгтоне, для привлечения международного внимания к судьбе тропических лесов, пользуются самолетом, применяют компьютер, чтобы напечатать книгу на бумаге, сделанной из древесины, которая побудит людей к действию; ведут автомобиль по лесной дороге, к месту продажи лесного участка, чтобы предотвратить подобные действия. Мы долны осознавать подобные "побочные" явления и стараться максимально уменьшить наше воздействие.

13. Приверженность к поддержанию чувства юмора и радости в жизни.

Большинство радикалов – это суровые люди без чувства юмора. Участники нашего движения стараются быть другими. Мы восстали против системы, потому что мы с ней мало что теряем. Мы бьемся за красоту, жизнь, радость. Когда мы находимся на природе, нас охватывает восторг, мы улыбаемся цветку и колибри. Мы смеемся. Мы смеемся над нашими оппонентами – и, что более важно, мы смеемся над собой.

14. Осознание того, что мы представители животного мира.

Люди являются приматами, млекопитающими, позвоночными. Мы признаем нашу принадлежность к животному миру; мы отвергаем идею Нового Века, утверждающую, что должны преступить нашу низменную животную природу и "оседлать эволюцию", сделавшись более высшими моральными существами. Мы полагаем, что мы должны вернуться к животному состоянию и радоваться поту, гормонам, слезам и крови. Мы боремся против того состояния, к какому подвигает нас современное общество – к состоянию бесстрастных, сухих андроидов. Мы не ведем логический, здоровый образ жизни; мы нюхаем, вкушаем, видим, слышим, чувствуем Землю; мы живем чувствами. Мы – животные.

15. Принятие гаечного ключа в качестве законного орудия для сохранения природного разнообразия.

Не все члены нашего движения связаны с гаечным ключом, возможно, даже не большинство, но мы все приянли эту идею и практику. Взгляните на

майку, которую носят участники нашего движения. Гаечный ключ на ней – это символ сопротивления, наследник "сабота" – деревянного башмака, упавшего на шестерни механизма, (откуда и происходит слово "саботаж"). Мистика и романтика "ночной работы" пронизывает наше племя, и вместе с этим, допущение того, что стратегия гаечного ключа это законное орудие в защиту природы.

16. И наконец: Прежде Земля! это воин общества.

Помимо нашей абсолютной преданности и любви к этой живой планете, нас отличает желание отстаивать обилие и разнообразие земной жизни, даже когда это потребует жертвы в виде комфорта, свободы, безопасности и, в конце концов, жизни. Воин признает, что его жизнь – не самая важная вещь в его жизни, воин признает, что вне его жизни существует намного большая реальность, которую следует защитить. Для нас, в движении Прежде Земля! такой реальностью является Земля, эволюционный процесс, миллионы других видов, с которыми мы делим эту яркую сферу в пустоте космоса.

Не все могут пожертвовать всем, чтобы заслужить звание воина. Существует много других ролей, которые могут и должны быть сыграны в защиту Земли. К тому же, нельзя долго выносить бремя звания воина; это может продолжаться лишь какое-то время в жизни. Быть воином – значит многим рисковать. Он может никогда не заслужить аплодисментов, почета и наград общества. Но для воина Земли слаще звука аплодисментов будет крик гагары на рассвете или шелест ветра среди сосен.

Позже в тот же вечер, обозревая темнеющий Гранд Каньон, я знал, что какие бы лишения мне не готовило будущее, ничего более важного и лучшего для меня не будет, чем занятие непримиримой позиции воина Земли, защитника жизни. Быть воином Земли – значит сражаться до конца.

Литературный источник

Foreman Dave, 1993, Putting the Earth first, In "Environmental ethics: divergence and convergence", ed. Camp Susan, Boston-London, pp. 422–426.

Интеренет-источник

http://www.ecolife.org.ua/education/apress/etica/pr4.php

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

Ю. Г. Марков

Специфический способ проявления жизнедеятельности людей, который обычно связывают с понятием культуры, включает в себя не только многообразные результаты творческой активности людей, но и те отношения, в которых становится возможным само это творчество. Культура может характеризовать особенности поведения, сознания и деятельности людей в

конкретных сферах общественной жизни и может быть соотнесена с отдельной личностью, социальной группой или даже обществом в целом. Отсюда видно, что культура – это такой универсум, который возможно использовать в самых различных измерениях и плоскостях.

И действительно, социологи и философы по-разному проводят периодизацию и классификацию феномена культуры. Например, можно говорить об античной, средневековой и современной культуре. Привычным стало деление на западную и восточную культуру. Допустимо выделять христианскую, мусульманскую и буддийскую культуру. В совсем еще недавние времена мы говорили о буржуазной и пролетарской культуре. И, наконец, мы можем говорить об экологической культуре, имея в виду специфические способы проявления жизнедеятельности людей в сфере их отношений с природой.

Более того, мы можем провести периодизацию культур по характеру отношения общества к природе. В частности, имеет смысл выделить этап синкретической или, как иногда говорят, мифологической культуры, когда человек еще не научился отделять себя от природы, а природа для него выступала обиталищем таинственных и могущественных сил, от которых человек полностью зависел и которым поклонялся как божествам. Этот этап занимает большую часть человеческой истории. И было бы опрометчиво трактовать его как эпоху примитивных и ограниченных знаний о природе. Эти знания были специфичны по форме выражения, но весьма основательны по глубине, поскольку заключали в себе многотысячелетний опыт наблюдений за природными явлениями, его осмысление и обобщение. На Руси этот этап более известен как этап ведической культуры, уходящей своими корнями в Древнюю Индию. Само слово "ведать" означает "знать". Мы и сегодня еще употребляем такие термины, как землеведение, природоведение, ландшафтоведение, что означает знание о земле, природе, ландшафте. Ведическая культура, несомненно, была экологична по своей сути и содержанию.

Следующий за синкретической культурой период можно было бы назвать этапом антропоцентрической культуры, в рамках которой доминировал принцип природоборчества, установка на покорение природы во имя благосостояния человека, его процветания. Этот этап, по сути, не окончился еще и сегодня, но все мы являемся живыми свидетелями начала его постепенного угасания. Хотя субъект с его запросами остается в центре внимания социальной философии, призывы покорять природу уже ни у кого не вызывают сочувствия.

Сегодня можно говорить о новом (третьем) этапе человеческой культуры. Он нарождается в условиях глобального экологического кризиса и, по-видимому, вступит в полную силу через несколько десятилетий. Этот этап характеризуется постепенным смещением акцента в общественном сознании от антропоцентризма к эксцентризму, когда в центре внимания окажутся проблемы отношения между человеком (обществом) и природой, проблемы гармонии этих отношений. Это будет этап экологической культуры. В чем-то он будет повторять первый этап, но совокупность знаний, составляющих его

основу, будет выстроена по самым строгим критериям научной рациональности. Вместо принципов анимизма и антропоморфизма на вооружение здесь будут взяты принципы экологического гуманизма, например, в духе известного тезиса Альберта Швейцера о благоговении перед жизнью. Это благоговение А. Швейцер раскрывал как "безграничную ответственность за все живое на земле". Он писал: "Для истинно нравственного человека всякая жизнь священна, даже та, которая с нашей человеческой точки зрения кажется нижестоящей"1.

Вступление в эпоху экологической культуры можно мыслить как процесс нарастающей экологизации ныне существующих культур. Стоит в этой связи отметить, что понятие культуры по самому своему исходному смыслу экологично. Как известно, слово "культура" происходит от латинского корня и означает в буквальном переводе "возделывание", "обрабатывание". Кстати, этим словом поначалу обозначали процесс возделывания земли. Именно оттуда, из древности, пришло понятие "сельскохозяйственные культуры". Возделывая, обрабатывая землю, мы вносим в природу определенные изменения, преобразуем ее. И так всегда: любой творческий акт, действие, которое мы совершаем, в конечном счете оборачивается преобразованной в чем-то природой, использованием ее ресурсов, т.е. определенными экологическими последствиями. Уже отсюда видна глубинная связь понятий культуры и экологии.

Остается далее отметить, что человек преобразует природу в соответствии с тем миром идеального, который сложился у него в голове, т.е. в соответствии со своими идеями, представлениями, состоянием духа, чувств, нравственности и т.д. Таким образом, культура в ее внешнем проявлении (в форме измененной природы) есть отражение внутреннего мира человека, который никогда не бывает и не может быть точной копией объекта, иначе преобразование природы вообще стало бы невозможным. Более того, именно это несовпадение дает нам философское и логическое основание говорить также о культуре в ее внутреннем проявлении, т.е. о духовной культуре, охватывающей сферу идеального. Человек творит в сфере идеального и затем переносит результаты этого творчества в сферу объективной реальности, в окружающую природную среду. Принятое в литературе расщепление феномена культуры на материальную и духовную компоненты оправдано, но оправдано не столько по содержанию, сколько по форме. В этом расщеплении не следует терять главного: соответствия происходящих в природе изменений состоянию нашего духа и сознания. Если происшедшие в природе изменения мы расцениваем как неблагоприятные, то это означает, что имеется нечто неблагоприятное, ущербное в нашей духовной культуре. По тому, что мы делаем с окружающей природной средой, можно диагностировать болезни и пороки нашего духовно-нравственного мира. Естественно поэтому, что отношения людей к природе и друг к другу должны в общем и целом как-то коррелироваться. Например, утилитарно-потребительское отношение к природе указывает на то, что таким же образом, скорее всего, люди будут относиться и друг к другу. И хотя в сфере социальных отношений мы стремимся как-то

замаскировать или нейтрализовать наши пороки, в частности, методами правового регулирования, отношение к людям как полезным (или вредным) вещам пропитывает всю ткань современного делового мира, да и не только делового.

Утилитарно-потребительское отношение к природе особенно характерно для западной культуры. Это хорошо коррелирует с установкой на расширенное производство и потребление внутри самого общества, с поощрением накопительства, с идеологией и психологией индивидуализма, с холодным расчетом, по возможности исключающим эмоциональные мотивы поступков. Западная культура во многих отношениях вообще прагматична и рационалистична. И не только потому, что наука как социальный институт играет в ней заметную, порой доминирующую роль как источник инновационной ренты, но и потому, что соображения пользы и выгоды, причем максимальной пользы и выгоды, являются центральным звеном, ведущим элементом в системе ценностных ориентации.

В отличие от рационалистичной западной культуры, восточную культуру можно было бы назвать сенсуалистичной. Дух утилитарно-потребительского отношения к природе здесь явно ослаблен. В значительной степени это связано с особенностями восточных религий. В буддизме, индуизме, даосизме, характерных для Японии, Индии, Китая, проходит идея о единстве всех живых существ, о целостном характере мироздания. В буддизме, например, личность не поднимается над окружающим миром, она неотделима от последнего, полностью зависит от него. Широко известен тезис, высказанный самим Буддой: "Очищая внешнюю среду, ты очищаешь сознание". Этот тезис – свидетельство высокой экологичности буддийской культуры.

В синтоизме, особенно распространенном в Японии, мы видим аналогичную картину. Здесь культ природы играет решающую роль. Загрязнение природной среды расценивается как ее осквернение. Не потому ли в современной Японии максимально полная утилизация отходов составляет важную компоненту в ее экологической стратегии? Интересно отметить, что в условиях рационального Запада такой установки нет. Здесь к утилизации отходов приступают лишь тогда, когда это сулит очевидную экономическую выгоду. Поэтому в экологической стратегии здесь превалируют программы технологической реконструкции производства, изначально нацеленной на минимизацию отходов и затрагивающей, прежде всего, те отрасли, где одновременно гарантируется прибыль.

Экологические элементы включены и во многие другие религиозные течения и секты Востока. В некоторых случаях эти элементы разрастаются до масштабов основных целевых установок. В частности, в настоящее время быстро расширяет свою деятельность религия Бахай, возникшая в Иране еще в 1884 г., долгое время ничем себя не проявлявшая и ставшая вдруг популярной в конце XX в. В 1994 г. число приверженцев религии Бахай превысило 6 млн чел. Сторонники Бахай призывают к объединению всех людей Земли во имя будущего экологически безопасного развития. Своей главной задачей они ставят поддержание на Земле условий, пригодных для жизни. Считается, что

эту задачу можно решить, лишь культивируя в себе любовь ко всему человечеству, перешагивая при этом через государственные границы и национальные интересы. Иными словами, каждый сторонник Бахай обязан стать гражданином мира, т.е. космополитом. Идея не нова, особенно если вспомнить, что этот термин придумал еще Сократ, который называл себя космополитом, имея в виду родство между Богом и людьми, органическую связь между космосом и человеком. Только теперь под космополитическую идею подводится экологическая подоплека. А.Д. Урсул был прав, когда называл религию Бахай "религиозным аналогом мондиалистского течения"2.

И все же есть основания полагать, что большие и малые религии Востока способны оказать существенное влияние на процесс формирования экологической культуры. Не следует исключать и того, что это влияние распространится на Европу в форме экологизации нравственной сферы жизни, ее мировоззренческих установок.

Экологическая культура вовсе не обязана иметь под собой рациональное основание. Чтобы обрести масштабность, стать неотъемлемой чертой целого общества, она должна прорасти своими корнями прежде всего в сердцах людей. Любое массовое явление базируется обычно на чувственном опыте, на эмоционально-психологических оценках. Именно в этом кроется сила религиозных учений. Эти учения, возможно, и сделают решающий вклад в формирование экологической культуры в наступившем XXI в., поскольку система научно-теоретических знаний об окружающей среде в ее полном и целостном выражении еще долго будет недоступна широким массам. Даже многие люди, сделавшие экологию своей профессией, как правило, скользят по поверхности явлений. Этот поразительный факт связан главным образом с традиционным, глубоко укоренившимся в исследовательской и образовательной деятельности расчленением научного знания по отраслям. Отрасли знания – это продукт исторической эпохи, знавшей лишь одну форму освоения естественной среды – ее расчленение и обращение в ресурсы производства социальной действительности. Знания здесь оказываются расчлененными сообразно поставленной цели – использованию природы.

Между тем минувший и особенно наступивший век, поставивший перед человечеством принципиально иную задачу – сохранение и воспроизводство природы, вынуждает отказываться от отраслевого подхода в науке, что грозит обернуться кризисом всей сложившейся системы исследовательской и образовательной деятельности. Упорно продолжающиеся попытки растаскивания экологических знаний по старым квартирам уже не проходят. Отраслевой принцип в экологии явно противоречит ее сущности. Об этом свидетельствует являющееся базовым для экологии понятие окружающей природной среды, которая представляет собой единый комплекс условий бытия человека, общества. Среда – объект, несомненно, системный. И лишь тогда, когда мы извлекаем из нее физические, химические или биологические ресурсы, ее системные свойства не представляют для нас особенного интереса.

Родившись в недрах биологии, экология давно уже перестала быть биологической дисциплиной. Она втянула в себя практически все отрасли

знания, разрушив привычные представления о научной специализации. Понадобилось несколько десятков лет, чтобы понять, что современному обществу необходимы специалисты в области охраны и воспроизводства окружающей природной среды. Но этих лет оказалось недостаточно, чтобы понять, как готовить таких специалистов. Современные вузовские образовательные стандарты на кафедрах экологии и природопользования по-прежнему намертво привязаны к биологии. То, что в этой сфере от человека требуется специализация не по отраслям, а по проблемам, в должной мере не осознается и не находит отражения в учебных программах. И не удивительно, что в большинстве случаев экологические курсы составляются и читаются специалистами-отраслевиками (биологами, химиками и т.д.) со своих узкопрофессиональных позиций.

Проблемная специализация, обусловленная экологическим императивом, – дело ближайшего будущего. Возрастающая во всех странах мира экологическая напряженность заставит это сделать. Можно ожидать, что экология превратится в комплекс проблемно ориентированных дисциплин. Состав этого комплекса будет зависеть от продиктованного самой жизнью классификатора экологических проблем. Это внесет коррективы и в организацию научной и образовательной деятельности. Появятся научно-исследовательские институты и вузы, каких сейчас пока нет. Например, можно представить себе НИИ (и соответственно вуз) по проблемам управления чистотой атмосферы, радиационной безопасности или утилизации отходов, иным актуальным проблемам. Их можно было бы создавать под эгидой еще одной государственной академии – экологической, которую также необходимо будет организовать.

Возникает совершенно непривычная, крайне неудобная для науки ситуация. В течение всей своей истории наука, развиваясь в русле отраслевого подхода, развернулась в систему объектноориентированных знаний и выстроила соответствующую научно-организационную структуру. Классификация объектов (иногда в этой связи говорят о классификации форм движения материи) диктовалась особенностями практической деятельности человека, нацеленной на использование этих объектов в качестве ресурсов производства. Теперь, когда потребовался переход от объектноориентированного к проблемноориентированному знанию, человек вынужден тем не менее использовать уже сложившуюся организацию науки, поскольку другой в его распоряжении просто нет. С этим обстоятельством в значительной степени связана неэффективность всей экологической деятельности, в том числе экологического образования. Последнее нам приходится погружать в формы, в чем-то копирующие организационные схемы научной деятельности. С этим, похоже, ничего не поделаешь: пока в науке доминирует отраслевой принцип, он будет доминировать и в образовательном процессе. Возможно ли это положение как-то исправить?

Вопрос этот далеко не прост. Современная наука является плодом характерной для Запада рационалистичной культуры. Это обнаруживается хотя бы в том, что наука и рационализм воспринимаются нами как родственные

понятия. Остается еще добавить, что рационалистичная культура проявляет себя как культура, использующая, потребляющая природу. Не отсюда ли вырастает общество потребления, современная потребительская цивилизация? Не отсюда ли вырастает и сам экологический кризис? И если все это так, то господство отраслевого подхода в науке имеет не только и не столько логическое, сколько культурное основание. А это уже говорит о том, что в духовном освоении действительности отраслевая специализация знаний может оказаться довольно серьезным препятствием. Она является таковым на пути формирования экологической культуры, адекватной реальной сложности стоящих перед обществом экологических проблем. Очистные сооружения и даже безотходные технологии, которыми озабочено сегодня западное общество, не смогут решить этих проблем до тех пор, пока соответствующие очистные сооружения не будут устроены в самих человеческих головах.

Экологическая культура должна быть адекватна сложности хозяйства и всей системы жизнеустройства, создаваемой обществом. Вспомним в этой связи об удивительно тонкой, вызывающей восхищение исследователей, адаптации северных этносов к сложным природным условиям. Исследователей поражало, как гармонично вписывались эти этносы со своим традиционным хозяйством в природные комплексы Севера, как умело и грамотно оберегали они хрупкую северную природу. Вне всяких сомнений: северные аборигены - это носители уникальной экологической культуры. Но самое главное состоит в том, что эта культура была адекватной типу и сложности хозяйства, она была органической частью их общей культуры. Экономические изменения, возникшие в местах расселения аборигенов в результате проводимой политики промышленного освоения Севера, привели к нарушению адаптационных механизмов и разбалансированию всей системы жизнеустройства. В итоге само существование этносов оказалось под угрозой.

Подобная разбалансировка фактически уже давно происходит в масштабах всей западной культуры, которую О. Шпенглер афористично трактует как фаустовскую, т.е. продавшей свою душу дьяволу. Он, в частности, писал: "... Фаустовская культура была в высшей мере завоевательной, она преодолела все географически-материальные границы: в конце концов, она превратила всю поверхность земли в одну колониальную область. То, к чему стремились все мыслители, начиная от Экхарта и до Канта, а именно подчинить мир "как явление" заявляющему свое притязание на власть познающему "я", это же выполняли все вожди, начиная от Отгона Великого до Наполеона".

Можно ожидать, что в условиях наступающей эпохи экологической культуры будет резко возрастать роль так называемых природных религий. Эти религии, действуя на гребне экологической волны, будут уже в ближайшей перспективе понемногу теснить библейские (или надприродные) религии типа христианства, ислама, иудаизма. Возможно возрождение некоторых языческих мотивов (неоязычество) в форме религиозно-экологического мировоззрения, базирующегося, однако, на более высокой научной и этической основе. Природные религии дадут мощный толчок развитию и укоренению принципов экологической этики. Принципы эти исключительно важны для организации

системы экологического воспитания, которое должно начинаться с самого раннего детства, в период, когда у человека начинают складываться механизмы и способы мировосприятия, поведенческие стереотипы. Экологическая этика – база экологической культуры. Никакие, даже самые утонченные знания об окружающей среде не могут быть гарантией бережного отношения к природе, если знанию не предшествовало воспитание. Экологическое образование без экологического воспитания мертво и даже бессмысленно. С этой точки зрения экологическое образование можно рассматривать как некое продолжение, развитие экологического воспитания, его переход в рациональную фазу.

Ничего подобного в других науках мы не наблюдаем. Например, давая студентам химическое или геологическое образование, мы не интересуемся их химическим или геологическим воспитанием. Даже сами эти понятия отсутствуют в нашем языке, а термины вроде химической или геологической этики и вовсе кажутся абсурдными. Уже отсюда виден особый статус экологии. Он обнаруживается в особом сплаве разума и чувства, рационального и чувственного, и в своем глобальном выражении проявляется в спасительном движении западной и восточной культуры навстречу друг другу.

Мир, представленный приходящими во взаимодействие друг с другом западной и восточной культурами, все более напоминает устройство нашего головного мозга с его левополушарным и правополушарным мышлением. Возможно, что здесь мы имеем дело не просто с аналогией, а с объяснительной схемой самого факта расщепления мировой культуры на западную и восточную. И тогда становятся более понятными источники тех трудностей, которые возникают на нашем пути в эпоху экологической культуры.

Одна из этих трудностей состоит в том, что мы поднимаемся в атаку на экологические проблемы по преимуществу с "западной стороны". Типичный представитель западной культуры, привыкший смотреть на мир через призму научной рациональности, упускает из вида целостность природных систем. И эти системы, и саму науку он членит на части, отрасли, тем самым обезоруживает себя перед лицом комплексных, междисциплинарных проблем. Сам тип мышления мешает ему воспроизвести утраченную целостность. С другой стороны, его этические принципы, сформировавшиеся в лоне христианской религии, приучили его к высокомерному отношению к природе, которую он стремится главным образом покорять и потреблять. Вся его культура приспособлена именно для этого.

В предстоящем диалоге западной и восточной культур представители последней имеют некоторое преимущество, поскольку привыкли к образному, целостному восприятию мира. Именно они могут и должны взять на себя функцию экологического воспитания, лежащего в основе экологической культуры. Реализация этой функции будет, как представляется, обеспечиваться, среди прочего, и продвижением природных религий в христианский мир, который вынужден будет с этим смириться. Более того, ему придется пожертвовать своим нынешним положением ради общего выживания человечества. Протестантизм, в котором, как справедливо утверждал М. Вебер4, выражается дух современного капитализма, скорее всего, станет

первой такой жертвой. Эпоха экологической культуры либо выстроит равновесную систему Запад–Восток по аналогии с двухполушарной системой головного мозга человека, либо вообще не состоится.

Есть все основания думать, что Россия в этом процессе сыграет не последнюю роль. Именно Россия с ее особым геополитическим положением и специфическим историческим опытом, где многие сотни лет взаимодействуют элементы западной и восточной культур, сможет обеспечить гармоничную стыковку воспитательного и образовательного процессов в области экологии. Если это произойдет, то эпоха экологической культуры начнется раньше всего здесь у нас, в России.

Базовый характер воспитательного процесса в системе экологической культуры наводит на мысль, что будущий человек и даже общество в целом будут строить свою деятельность в соответствии с принципами экологической этики, а значит, во главу угла будет ставиться нравственное начало. Везде и во всем, в том числе в хозяйственной деятельности, нравственные оценки станут играть фундаментальную роль.

Идея эта отнюдь не нова. Поразительно, что схожие соображения уже высказывались многими русскими мыслителями прошлого, в частности, С. Н. Булгаковым. Он писал: "И экономическая жизнь, и экономическая наука, эту жизнь отражающая, подлежат нравственной оценке, и лишь эта последняя может предохранить от впадения в грубый материализм"5. Из этих взглядов родилась известная булгаковская концепция христианского социализма6.

Другой русский мыслитель С. А. Подолинский пытался разработать экономическую концепцию прогресса, ставя во главу угла экологические критерии7. Эпоха экологической культуры, скорее всего, сведет воедино идеи С. Н. Булгакова и С. А. Подолинского. Возникает общественная система, которую можно было бы определить термином "экологический социализм".

Остается заметить, что термин этот уже фигурирует в итоговых документах IV съезда Петровской Академии наук и искусств (25-27 октября 2000 г.), посвященного проблемам государственного, общественно-политического и экономического устройства жизни России в XXI в. Он фигурирует в качестве общественного идеала России8.

Примечания

1. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. – М., 1992. – С. 30.
2. Урсул А.Д. Переход России к устойчивому развитию: Ноосферная стратегия. – М., 1998. – С. 434.
3. Шленглер О. Закат Европы. – М.; П., 1923. – С. 353.
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. – М.. 1990. – С. 61-272.
5. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. – М., 1990. – С. 284.
6. Булгаков С.Н. Христианский социализм. – Новосибирск, 1991.
7. Подолинский С.А. Труд человека и его отношение к распределению энергии. – М., 1991.
8. XXI век: Государственное, общественно-политическое и

экономическое устройство жизни России (IV съезд Петровской Академии наук и искусств). – СПб., 2000. – Ч. 2. – С. 41-43.

Литетартурный источник

Марков Ю.Г. Экологическая культура и образование // Гуманитарные науки в Сибири. – № 3. – 2002.

СУЩНОСТЬ НООСФЕРНОЙ (ДУХОВНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ) ЦИВИЛИЗАЦИИ

А. В. Иванов, И. В. Фотиева, М. Ю. Шишин

На конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 году был декларирован так называемый принцип «sustainable development», неудачно переведенный на русский язык как «устойчивое развитие» (УР). В Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, говорится: «Устранение сложившихся противоречий возможно только в рамках стабильного социально-экономического развития, не разрушающего своей природной основы. Улучшение качества жизни людей должно обеспечиваться в ...пределах хозяйственной емкости биосферы». В этом документе отражены, как считает, например, Н.Моисеев, распространенные иллюзии о том, что глобальный кризис современной цивилизации можно преодолеть путем относительно простых технологических и организационных мер. На самом деле проблема гораздо сложнее. Современный этап развития цивилизации можно оценить как переломный: еще В.И.Вернадский говорил, что человек превратился в геологическую силу планеты. Поэтому основную задачу можно сформулировать следующим образом: выработка стратегии переходного периода к ПРИНЦИПИАЛЬНО НОВОМУ взаимодействию человек – общество – природа. Из этого следует, что необходима перестройка всех цивилизационных принципов, в первую очередь – кардинальное изменение менталитета общества, сознания каждого человека. Нужно отказаться от разрушительной техногенно-потребительской и сознательно избрать ноосферную, или духовно-экологическую стратегию развития. Специфика переходного этапа состоит в том, что человечество должно изменить всю привычную систему ценностей. Это, очевидно, приведет к отказу от целого ряда традиционных технологий, экономических и политических концепций и т.п., к поиску принципиально новых решений. Необходимо понять, что научно-технический прогресс, производство материальных товаров и услуг, государственные, политические и финансово-экономические интересы – являются не целью, а всего лишь вспомогательным средством гармонизации отношений между обществом и природой, подспорьем для культивирования высших духовных идеалов и ценностей человеческого существования: познания и творчества, ответственности за все формы жизни на Земле, любви к своей стране и культуре, при братском отношении ко всем другим этносам и

национальным традициям.

Принятие любых (глобальных и региональных) политических и производственно-экономических решений, проведение культурно-информационной политики, функционирование государственных институтов и правовых механизмов должны базироваться на краеугольных духовных и экологических императивах. Соответственно, все решения и действия властных структур, разрушающие здоровье и психику человека, ведущие к деградации природной и культурной среды его обитания, – должны получать в обществе немедленный и действенный нравственно-правовой отпор, какими бы соображениями геополитической, демократической или финансово-экономической целесообразности они ни прикрывались.

Практическое воплощение этой стратегической задачи становления духовно-экологической цивилизации XXI века подразумевает коренной, но постепенный и ненасильственный поворот:

В сфере основных потребностей. От разрушительного культа материального потребительства, соперничества и власти – к разумному материальному самоограничению и переориентации на истинно человеческие – духовные – ценности и потребности: познание, творчество, бескорыстный объединяющий труд.

В социальной сфере. От двух крайностей – тоталитарно-государственного коллективизма и индивидуализма «гражданского общества» – к соборно-общинному единению людей на базе единых корней и целей деятельности. От крайностей роскоши и нищеты – к обеспечению достойных условий существования для всех граждан Земли и равных стартовых жизненных возможностей для ее подрастающего поколения. Введение единых стандартов минимального жизненного и культурного уровня для ВСЕГО населения земного шара, а также экологических параметров среды его обитания.

В сфере государственного управления и политических отношений. От практики политической борьбы, хаоса частных интересов и использования рычагов государственной власти для достижения эгоистических целей – к гармонизации интересов различных государств, социальных слоев и групп, общественных и личных целей. На первых порах это будет означать юридическое закрепление контроля за деятельностью государственных институтов со стороны общественных неправительственных организаций, опирающихся в своей деятельности на фундаментальные этические ценности, эффективно контролирующих и дополняющих государственные органы, а в перспективе, особенно на местном уровне управления, все более заменяющих их.

В области геополитики. От военно-стратегической и политико-культурной конфронтации Восток-Запад и Север-Юг – к становлению евразийского (в перспективе, общемирового) союза государств и этносов на основе всеедино-космического мировоззрения, общности экологических и культурных проблем, которые можно успешно решить только сообща и в интересах всех, даже самых малых, этносов Земли.

В производственно-технологической сфере. От технократических утопий

и бездумного наращивания производственного потенциала – к биоцентричному производству, внедрению технологий, максимально использующих и актуализирующих процессы естественного воспроизводства биосферных ресурсов. Резкое сокращение, а в перспективе и запрет на производство товаров потребления, разрушающих здоровье человека. Минимизация числа и оптимизация качества работы предприятий, ведущих к необратимому истощению ресурсов и загрязнению окружающей среды. Введение на первых порах научно-обоснованных и справедливых мировых квот на производство и потребление энергии и на использование ресурсов девственной природы.

В экономической сфере. От чисто рыночных механизмов регуляции экономики (конкуренция, прибыль, спрос, расширенное воспроизводство) – к развитию системы глобального и регионального эколого-экономического планирования, к введению экологических нормативов и налогов на все виды хозяйственной деятельности.

В сфере воспитательной и информационной политики. От проповеди эгоизма, наркотической индустрии бездуховных зрелищ и низменных развлечений – к утверждению в сознании, начиная с младенчества, идеалов ноосферной цивилизации – нестяжательства, ненасилия, творческого горения, коэволюции человека и природы. Отказ на основе научных экспертиз от технических изобретений и информационных технологий, наносящих ущерб психике человека или угрожающих социальным основам его существования.

Литетартурный источник

Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Сущность ноосферной (духовно-экологической) цивилизации // Гуманитарные науки в Сибири. –№ 3. – 2002.

ВОПРОСЫ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

1. В настоящее время мировоззрение отдельного человека и общества в целом находится в кризисной ситуации. Как Вы понимаете это утверждение? Каким образом должно измениться мировоззрение, чтобы выйти из кризиса?
2. Что необходимо предпринять человеку для изменения мировоззрения?
3. С какими трудностями столкнется человек, когда захочет изменить свое мировоззрение? Какие трудности возникнут перед изменением общественного мировоззрения?
4. Нужно ли предпринимать какие-то кардинальные и жесткие меры по изменению мировоззрения или процесс должен быть плавным и мягким?

Учебное пособие

Экологическая этика

Автор-составитель –
Ирина Алексеевна Ильиных